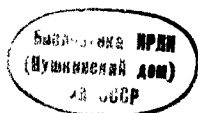

Редактор:
чл.-корр. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц

ОТ РЕДАКЦИИ

„Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики“¹ — это руководящее указание И. В. Сталина обязывает всех работников науки сделать творческие дискуссии постоянным методом обсуждения основных направлений в изучении наиболее актуальных проблем каждой научной дисциплины.

Дискуссия по вопросам языкознания, развернувшаяся на страницах ЦО „Правда“ в мае—июне 1950 г. и завершившаяся важнейшим событием для советской науки — опубликованием гениальных работ И. В. Сталина, показала всю плодотворность широкого и свободного обмена мнений. Если языковеды с полным основанием признают, что гениальные работы И. В. Сталина вывели их „из тупика на широкую дорогу подлинного научного языкознания“,² то и литературоведы получили в них прочную теоретическую основу для разрешения сложных проблем истории художественной литературы.

Есть общие для всего литературоведения ошибки и недостатки, к преодолению которых зовут труды И. В. Сталина по вопросам языкознания: таковы пережитки вульгарного социологизма, объективистской оценки литературных явлений, теории „единого потока“, тенденция переносить „выводы и формулы марксизма, полученные в результате изучения одного из периодов исторического развития“³ в объяснение явлений, выросших в иных общественно-исторических условиях, начетничество, скрывающее явно немарксистское понимание коренных философских проблем, и т. п.

Для историков древне-русской литературы первостепенное значение имеет творческая разработка И. В. Сталиным в трудах по языкознанию коренной проблемы исторического материализма о соотношении между базисом и надстройкой.

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 31.

² В. В. Виноградов. О лингвистической дискуссии и работах И. В. Сталина по вопросам языкознания. Большевик, 1950, № 15, стр. 7.

³ И. В. Сталин, ук. соч., стр. 48.

Определение базиса — „Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития“¹ — и указание, что „Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку“² — настойчиво обращают внимание литературоведов на классовый характер литературы. „Базис феодального строя имеет свою надстройку, свои политические, правовые и иные взгляды и соответствующие им учреждения“³ напоминает и нам, литературоведам, И. В. Сталин; тема взаимоотношения литературы как надстройки и феодального строя общества как ее базиса, в свете этого указания, должна занять ведущее место в исследованиях историков древне-русской литературы, которым надлежит с гораздо большей четкостью определять классовый характер отраженного в литературе мировоззрения. Только таким путем может быть выяснено самое существо историко-литературного процесса древней Руси, его движение от господствующей формы феодальной идеологии, связанной с религией и определяющей эксплуататорские классы феодального общества, к антикрепостнической идеологии трудового народа, от религиозного идеалистического направления литературы к нарастанию реалистичности в изображении действительности. Определяя движущие силы литературного процесса древней Руси, мы подойдем к решению проблемы народности литературы XI—XVII вв., к выяснению содержания этого понятия на каждом этапе истории феодального строя.

Ряд исследований величайшего памятника художественной литературы древней Руси — „Слова о полку Игореве“, вышедших в свет в 1950 г., стремились вскрыть отражение в нем идеологии, соответствовавшей народным интересам XII в. Среди публикуемых в настоящем томе „Трудов ОДРЛ“ материалов юбилейной сессии, посвященной 150-летию со времени выхода в свет первого издания „Слова“, доклад „Общественно-политические идеи «Слова»“ показывает, что автор „неразрывно соединил свои думы и надежды с думами и надеждами русского народа“ (стр. 30).

Той же проблеме отражения в литературе интересов трудового народа посвящено исследование „Послания на Угру“ — одного из ярких памятников публицистики XV в. Литературное выражение внутриклассовой борьбы среди господствующего класса вскрыто в мировоззрении „Моления Даниила Заточника“ — произведения, вокруг которого более ста лет не прекращаются споры историков и литературоведов, пытающихся прикрепить его к определенной эпохе. Анализ классового мировоззрения каждой из двух основных редакций памятника должен вывести исследователей на правильный путь.

Для выяснения борьбы в литературе феодального периода народного начала с идеологией господствующих классов весьма плодотворным может быть изучение характера связей литературы с народной

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 5.

² Там же.

³ Там же.

поэзией в разнообразных проявлениях этой связи. Статья „Историческая литература XI—нач. XV в. и народная поэзия“ подводит итоги изучения этих связей на материале исторических повестей и летописания и показывает, что историческая тема давала возможность проникновения в литературу народной оценки событий, народных „чаяний и ожиданий“, народного отношения к роли человека в жизни, и эта подлинная народность литературы являлась в древней Руси закономерной причиной сближения литературы и народной поэзии также и в художественном методе отражения действительности. Вместе с тем народность литературы определяла и направление, в каком ведущие памятники исторического повествования становились „величайшей активной силой“.

В свете учения о литературе феодального периода как о надстройке, определяемой феодальным строем общества, служащей этому строю, должен быть заново пересмотрен весь вопрос о так называемых областных литературах: переоценка значения „областных тенденций“ до сих пор наблюдается и в отдельных исследованиях, и в сводных работах по истории древне-русской литературы. Статья „Идеологическая борьба в Псковской литературе в период образования Русского централизованного государства“ ставит своей задачей показать, на примере псковской литературы XVI в., что „в каждой из областей шла напряженная политическая борьба сторонников и противников объединения Руси под державою великого князя московского. И эта борьба была одной из форм классовой борьбы; ее корни отнюдь не отвлеченно «областные»“.

Характеризуя отношение надстройки к базису, И. В. Сталин называет надстройку „величайшей активной силой“, которая „активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы“¹. Это определение надстройки как „величайшей активной силы“ настоятельно требует от литературоведов особого внимания к выяснению общественной роли художественной литературы.

В области изучения древне-русской литературы эта проблема разработана слабо. Сосредоточившись на вопросах „отражения“ литературой исторической действительности, исследователи отёснили на второй план эту важнейшую задачу — раскрытия движущей силы литературы. Само собой разумеется, что основное внимание должно быть направлено на изучение в этом плане той части литературы, которая, вместе с передовыми идеями и теориями, служит интересам передовых сил общества, тех сил, которые „развиваются, имеют будущность,

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 7.

хотя и не представляют в настоящий момент преобладающей силы“.¹ Именно такие новые передовые идеи и теории, а с ними и передовая литература, „облегчают развитие общества, его продвижение вперед, причем они приобретают тем большее значение, чем точнее они отражают потребности развития материальной жизни общества“.² В свете этих определений необходимо представить „величайшее организующее, мобилизующее и преобразующее значение“³ литературы феодального периода и, в первую очередь, исторической.

Совершенно недостаточно внимания уделяется до сих пор изучению древне-русской литературы — проблемам художественного мастерства, стиля, языка писателя. Литература — особая форма надстройки, особая форма познания действительности. И потому вопрос о ее художественной форме и, в первую очередь, о языке литературного произведения как материале, из которого создается художественный стиль, как система выражения мировоззрения, имеет первостепенное значение. В исследовании проблем этого цикла руководящим должно стать учение И. В. Сталина о закономерностях исторического развития общенародного языка, об основном словарном фонде языка и его словарном составе. Перед историками древне-русской литературы стоит также вопрос о „путях и социально-исторических причинах обогащения“ основного словарного фонда русского языка „так называемыми старославянизмами“,⁴ о проявлении этого процесса „обогащения“ в языке литературы определенных периодов, определенной классовой направленности.

Изучение классовой сущности древне-русской литературы в ее связи с историческим процессом в целом, и анализ художественного мастерства древне-русских писателей в конечном итоге приведут нас к определению национального своеобразия литературы древней Руси.

Наконец, историки древне-русской литературы не могут миновать общего для всех литературоведов вопроса о том, какие качества отдельных литературных произведений обеспечивают им право войти в золотой фонд культурного наследия, делают их и в новых исторических условиях живым вдохновляющим искусством, придают им способность воздействовать далеко за пределами не только эпохи и среды, но и страны, их родившей.

Разработка намеченных основных проблем должна определить план исследования ведущих произведений древне-русской литературы.

В связи с изучением художественного мастерства древне-русских писателей своевременно поставить в целом проблему научного и поэти-

¹ И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. 1950, стр. 22.

² Там же, стр. 40.

³ Там же, стр. 41.

⁴ В. В. Виноградов, ук. соч., стр. 23.

ческого перевода литературных памятников XI—XVII вв. на современный литературный язык. Методологические указания гениального труда И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ помогут исследователям и поэтам-переводчикам выработать принципы перевода с древне-русского языка и преодолеть серьезные ошибки в переводческой работе.

Имея в виду неудовлетворительность издание многих памятников литературы древней Руси, в настоящем томе „Трудов“ мы продолжаем публикацию текстов, издание которых не соответствует научным требованиям (Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь); публикуются и тексты повестей XV и XVII вв., не ставшие еще предметом научных исследований.

Одна из неотложных задач историков древне-русской культуры — систематические розыски памятников письменности, хранящихся еще в частных собраниях, а также научное описание рукописных материалов, нередко не имеющих в периферийных книгохранилищах даже инвентарных описей. В 1950 г. был обследован ряд северных районов, где выявлены новые материалы, частью приобретенные для Рукописного отделения Института русской литературы АН СССР, а также подготовлено научное описание литературных и документальных рукописей краеведческих музеев Владимирской области. Сведения о результатах археографических поисков на Севере и описание рукописных собраний Вязниковского и Мстерского музеев публикуются в настоящем томе „Трудов“.

С Л О В О О П О Л К У И Г О Р Е В Е

(К 150-летию со времени выхода в свет первого издания)

Академик В. В. ВИНОГРАДОВ

„Слово о полку Игореве“ и русская культура¹

Сто пятьдесят лет тому назад было пробуждено к новой жизни после почти четырехвекового летаргического сна и издано в свет великое русское народное произведение — „Слово о полку Игореве“. Это второе рождение „Слова“ произошло в ту эпоху русской истории, когда осуществлялся переход нашей страны от феодального базиса к капиталистическому, сопровождавшийся складыванием русской народности в нацию, когда закреплялись нормы национального русского языка. Общественное возрождение „Слова о полку Игореве“ почти совпало с рождением нашего величайшего национального поэта — Пушкина. С тех пор народно-героическая поэма древней Руси стала драгоценнейшим достоянием русского народа и всего передового человечества. Изучение „Слова“, распространение его влияния на широкие круги общества, рост интереса к нему стали симптомом и показателем культурного развития русского народа. В новой мировой литературе всех времен и народов едва ли можно найти другой такой художественный памятник, который на протяжении полутора веков вызывал бы к себе столь напряженный, живой и все возрастающий интерес, как „Слово“. Чем объяснить этот интерес, эту всенародную любовь к „Слову о полку Игореве“?

„Слово“ глубокими корнями связано с народной поэзией, с народным языком. И хотя многие формы языка „Слова“ устарели, но свойственная „Слову“ художественная сила народно-поэтического изображения не могла не привлекать к нему умы и чувства русских людей и в XIX и в XX вв.

В своих гениальных трудах по языкознанию И. В. Сталин указывает, что „элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности“.² В „Слове о полку Игореве“ его художественный язык, его художественная форма, богатство его выразительных средств орга-

¹ Вступительное слово на сессии Отделения литературы и языка АН СССР и Института русской литературы АН СССР 8 декабря 1950 г.

² И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 26.

нически слиты с глубоким и страстным идейным содержанием. Характерно, что эту сторону „Слова“ едва ли не раньше всех почувствовал и ощутил своим революционным чутьем Радищев.

Общественные идеи, являясь, в отличие от языка, категориями надстроечного порядка, сменяют друг друга в ходе классовой борьбы, в процессе смены базисов и надстроек. Но есть такие общенародные идеи, которые возникают на заре формирования народа. Развиваясь и изменяясь в течение веков, наполняясь новым конкретным содержанием, эти идеи сохраняют свою острую эмоциональную направленность, свое основное внутреннее ядро и, подобно языку, сопровождают жизнь народа на протяжении всей его истории. Такой идеей у русского народа является прежде всего патриотическая идея, согретая горячим чувством любви к своему отечеству.

Вместе с тем, своеобразие художественной литературы каждого народа, как и особенности его языка, тоже проявляются уже в глубокой древности. Так, русская литература, — и об этом ярче всего свидетельствуют „Слово о полку Игореве“ и летопись, — еще в начале государственного развития нашего народа выступает как литература гражданская, публицистическая по духу и форме, исполненная высоких раздумий о судьбах родины и народа.

Эта древняя патриотическая основа народного мирозерцания, запечатленная „Словом о полку Игореве“, его возвышенный гражданский пафос, воплощенный в совершенной художественной форме, и сделали „Слово“ бессмертным. Недаром в гражданской поэзии К. Рылева образ Баяна выступает, как образ певца народного героизма, пламенного проповедника освободительной борьбы. В нашем социалистическом обществе патриотические идеи „Слова“ получили свое наиболее полное раскрытие, свою наиболее глубокую и верную общенародную оценку.

Со времени выхода в свет первого издания „Слова о полку Игореве“ это произведение становится предметом острой не ослабевающей и до сих пор, научной, а в конечном итоге — классовой и политической борьбы.

В первые десятилетия XIX в. „Слово о полку Игореве“, восторженно встреченное в среде любителей родной старины и народной поэзии, оказало сильное влияние на целое течение в русской литературе. В „Слове“ сначала стремились ощутить аромат и веяние того поэтического духа „Оссиана“, который отвечал предромантическим умонастроениям тогдашнего дворянского общества. Глубочайшее патриотическое содержание и историческое значение памятника, так же как и многие места его текста, едва ли не для большинства его читателей оставались непонятными.

Тогда же возник вопрос о подлинности „Слова“. Передовые люди своего времени, Пушкин и декабристы — поэты Рылеев, Кюхельбекер и Бестужев-Марлинский, затем Белинский, наконец, несколько позже

великие основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс, восхищаясь „Словом о полку Игореве“, никогда не сомневались в его подлинности. Великие народные произведения, подобные „Слову“, кажутся загадочными и странными лишь для тех, кому чужды и далеки духовные интересы народа. Такими и оказались первые „скептики“ (Давыдов, Сенковский, Каченовский, затем — Катков). Спекулируя на утрате единственной рукописи „Слова о полку Игореве“, сгоревшей в Москве во время пожара 1812 г., они объявили „Слово“ подделкой конца XVIII в. и стали усердно искать в его языке „галлицизмов“, „полонизмов“ и всяких других „измов“, вплоть до анахронизмов. Подлинные красоты древне-русской художественной речи были недоступны и невыразительны для ученых, оторвавшихся от народа.

Открытие „Задонщины“, полной отголосков стиля „Слова о полку Игореве“, расширение круга сопоставлений „Слова“ с русским, украинским и белорусским фольклором, с народной поэзией других славянских народов, рост исторической науки, отразившийся и на понимании „Слова“, — все это окончательно убедило русских ученых в подлинности памятника. И все же единого и верного взгляда на „Слово“ не сложилось и в дальнейшем.

С середины XIX в. появляется ряд крупных монографий о „Слове о полку Игореве“. Одни авторы этих монографий, увлеченные компаративистскими теориями, возводят „Слово“ к южно-славянским, византийским и даже античным образцам (Дубенский, В. Миллер, Веселовский, Вяземский), другие — справедливо, хотя и методологически однобоко, с субъективным пристрастием стараются определить национальные, фольклорные и киевско-дружинные основы „Слова“ (Потебня, Смирнов, Барсов). Параллельно с этим идет упорная работа над объяснением текста памятника, ставшая особенно плодотворной после открытия так называемой екатерининской копии „Слова“ (труды Тихонова, затем — Перетца, Соболевского, Орлова и др.).

Общие проблемы в изучении „Слова о полку Игореве“ приблизительно к началу XX в. постепенно уступают место многочисленным статьям по частным вопросам.

В советскую эпоху изучение „Слова о полку Игореве“ вступает в новый этап своей истории. Только в советское время общенародная патриотическая сущность „Слова о полку Игореве“, народные основы его художественной системы, его идейного содержания раскрываются во всей их глубине. Впервые достигается единство научного понимания „Слова“. Новые пути исторического осмысления этого народно-художественного произведения освещаются словами Маркса: „Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов“.¹

Однако и теперь борьба вокруг „Слова“ не утихает. Она лишь перенесена на международную арену. В то время, когда в 1938 г.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 122.

вся советская общественность отмечала 750-летие „Слова о полку Игореве“, за границей выступает французский филолог А. Мазон с небольшой группой безродных „скептиков“, которые вновь стремятся объявить „Слово“ подделкой конца XVIII в., бросить тень на самобытность и величие древне-русской культуры и унижить национальное достоинство русского народа посредством фальсификации истории. С глубоким негодованием, в единодушном научном порыве советские ученые (А. С. Орлов, С. П. Обнорский, Н. К. Гудзий, В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржига, С. Е. Малов) разоблачили до конца эту злостную клевету буржуазных ученых и своими новыми трудами подтвердили подлинность „Слова о полку Игореве“.

Борьба мнений вокруг „Слова“, тяготение к нему советских ученых порождают все новые и новые исследования о нем. Но, несмотря на сотни работ о „Слове“ литературоведов и историков, лингвистов и археологов, искусствоведов и критиков, географов и биологов, еще много проблем, связанных с этим произведением, не получило своего полного и окончательного разрешения. Еще мало изучен язык „Слова о полку Игореве“. Между тем работы И. В. Сталина по языкознанию открывают новые пути лингвистического исследования этого памятника. Не описана всесторонне и не освещена вполне метафорическая система его изобразительных средств, не раскрыта полностью закономерность его стилистического строя, не выяснена до конца жанровая природа памятника, не расследованы все обстоятельства находки рукописи „Слова“, а также приемы его первоначального прочтения и издания. Назрела потребность в создании крупных монографий о „Слове о полку Игореве“, которые должны не только подвести итог многочисленным его изучениям, но и всесторонне обосновать и раскрыть марксистское понимание этого произведения во всей совокупности его языковых, идейных, исторических и поэтических особенностей и свойств.

„Слово“ входит в круг воспитательных и образовательных ценностей каждого нашего школьника. Оно учит молодежь ценить культурное наследие русского народа и любить свою родину. „Слово“ сопровождает в студенческие годы филолога, историка и искусствоведа, оно вдохновляет поэта и переводчика, оно служит предметом раздумий и кропотливого труда ученого и педагога. „Слово о полку Игореве“ живет в нашем сознании не только как памятник высокой художественной культуры древней Руси, оно и теперь порождает жизнь и культурную деятельность вокруг себя. На изучении „Слова“ складывалась и продолжает развиваться филологическая наука. Изучение „Слова“ — одна из поучительных и живых страниц истории нашей отечественной филологии. „Слово“ давно уже органически вошло и в русскую художественную культуру. Образы его встают в живописи Васнецова, в народно-героической опере Бородина „Князь Игорь“, в драматической сказке Островского „Снегурочка“, в стихах Блока о „Родине“, в патриотической и исторической тематике советской поэзии.

Никогда популярность „Слова о полку Игореде“ не была так велика, как в наши дни. „Слово“ живет не только в современной русской поэзии, но и в поэзии братских народов Советского Союза. Из года в год „Слово“ будит мысль и чувство советских поэтов и переводчиков. „Слово о полку Игореде“ неоднократно переводилось на языки украинский, белорусский, грузинский, армянский, марийский, казахский, таджикский и другие. „Слово“ переведено также на большую часть западноевропейских языков. Живой интерес к нему растет в странах народной демократии. Освобожденная от фашистского и империалистического гнета Чехословакия ознаменовала свое отношение к „Слову о полку Игореде“ роскошным его изданием (1946), посвященным Советской Армии.

Новейшие переводы „Слова“ на современный русский язык сочетают в себе тонкое художественно-стилистическое восприятие великого народного произведения с бережным, научно продуманным отношением к тексту старинного памятника.

„Слово о полку Игореде“ вместе с другими драгоценными сокровищами русской культуры прошлого вошло неотъемлемой частью в самую передовую и самую прогрессивную в мире советскую культуру.

Многое в этом великом художественном произведении далекой эпохи созвучно и близко советским людям. Ведь главным его героем является весь русский народ, а центральным образом — образ Родины, могучей, единой и цельной.

„Слово о полку Игореде“ — это народная поэма о мире и войне. Оно противопоставляет мир войне, созидательный, творческий труд народа — разрушающим стремлениям. „Слово о полку Игореде“ — апофеоз мира и гимн героическим борцам за свободу родной страны. Доблесть русских воинов, воспетая в „Слове о полку Игореде“, вечна. Высший образец этой доблести видел весь мир, когда солдаты Советской Армии стояли насмерть здесь, у стен города Ленина, как и у стен Сталинграда. Автор „Слова“ с чудесной поэтической силой запечатлел именно эту извечную доблесть русского человека, умение его храбро „докончить пир“, не отступая.

Картины войны, опустошения захваченных врагом родных полей, когда „редко ратаеве кикахуть, но часто врани граяхуть, трупиа себе деляче“, картины народного горя — все это по-новому зазвучало для нас в годы Великой Отечественной войны. Новым огнем тогда загорелись слова: „Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую“.

Автор „Слова“ правдиво и любовно рисует тип русской женщины. В разгар битвы он вспоминает „красную Глебовну“ — жену Всеволода, ее привет и ласку. Он создает образ скорбящей матери Ростислава. В незабываемой духовной красоте встает перед нами образ Ярославны — самоотверженной жены Игоря. Им начинается та длинная галерея

прекрасных женских типов в русской литературе, которая значительно обогатилась героическими образами советских женщин в наше время.

Волнует советского читателя и горячая любовь автора „Слова“ ко всей русской природе, придавшая такой живой лирический колорит всему его повествованию.

Каждое истекшее десятилетие вносит что-нибудь новое в наше восприятие „Слова о полку Игореве“. В 1938 г., в дни 750-летия „Слова“, газета „Правда“ в передовой статье писала: „Советским людям, патриотам социалистической родины, дорога и близка история своего народа. С благоговением и любовью перелистываем мы страницы древних сказаний, повествующих об отваге, мужестве, доблести наших предков. Мы радуемся тому, что славные традиции любви к родине уходят корнями в далекое прошлое нашего народа“.¹

И теперь, после победоносной Великой Отечественной войны, в годы послевоенного строительства и напряженной борьбы за мир во всем мире, „Слово о полку Игореве“ еще глубже раскрывает перед нами свои идейные сокровища.

„Слово о полку Игореве“ в основе своей глубоко оптимистично. Автор верит в неисчерпаемые силы родины, он заключает свой рассказ радостной концовкой — здравицей. Он верит в гобеду. Поэтому он так неутомимо зовет к единению всех сил в борьбе за свободу и честь Русской земли. Призыв поэта обращен не только к современникам. Он обращен в будущее.

В наши дни, когда советский народ во главе всего прогрессивного человечества поднимает свой мощный голос в защиту мира и когда пламя войны, раздутое англо-американскими поджигателями, бушует над Кореей, мы чествуем любовно великую народную русскую поэму, воспевающую народный героизм в борьбе с иноземными захватчиками, страстную любовь к родине, идеалы гуманизма, защиты мирного труда и единения всего народа для обороны великой Русской земли.

¹ Правда, 25 мая 1938, № 142 (7467), передовая „Бессмертное творение русской литературы“.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

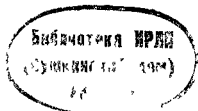
Общественно-политические идеи „Слова о полку Игореве“¹

„Слово о полку Игореве“ — не политический трактат с изложением точной политической программы. „Слово“ — произведение поэтическое прежде всего: все равно предназначалось ли оно для чтения или для произнесения вслух — в виде песни или в виде речи. Оно насыщено чувствами не в меньшей мере, чем мыслями. Оно поэтически непоследовательно. Оно полно поэтическими недомолвками. Оно не столько обсуждает события Игорева похода, сколько поэтически на них откликается. Оно до предела искренно; захватывает читателя непосредственностью своих чувств. И, вместе с тем, несмотря на свои малые размеры, оно совершенно точно выражает целую систему политических взглядов. Политические воззрения автора ясны для нас не в меньшей степени, чем если бы они были высказаны в политическом трактате того же размера.

Секрет этой исключительной политической содержательности „Слова“ состоит не только в том, что автор был человеком, жившим напряженной политической мыслью, для которого его политическое мировоззрение подчиняло себе все стороны его душевной жизни, но и в том еще, что он оказался выразителем дум, чаяний, настроений, политического мировоззрения громадной, подавляющей части населения Руси. Отклик, который встречала, должна была встретить его речь в широких слоях народа, удесятерила ее силу. Голос автора „Слова“ обрел крепость, уверенность, простоту и ясность в общественно-сочувствующей ему среде. Он говорил то, что назрело, что, казалось бы, готово было сорваться с уст у многих и многих людей в разных концах его необъятной родины. В своих взглядах он не был одиноким. Вот почему автор „Слова“ мог говорить поэтическими намеками, мог прибегать к недомолвкам и вместе с тем оставаться совершенно понятным для читателей-современников. Он излагал не только свои,

¹ Доклад на сессии Отделения литературы и языка АН СССР и Института русской литературы АН СССР 8 декабря 1950 г.

2 Древне-русская литература, т. VIII

личные, политические взгляды, а такие, которые частично уже встречали признание.

Что же это была за среда и выразителем чьих идей явился автор „Слова о полку Игореве“? Попытка ответить на этот вопрос составляет основную задачу моего доклада.

Для этого обратимся, прежде всего, к общему раскладу социальных сил во второй половине XII в.

Распад Киевского государства на множество самостоятельных феодальных „полугосударств“ — княжеств был закономерно связан с развитием изолированных и замкнутых хозяйств — княжеских, боярских или церковных. Каждое из этих хозяйств было вполне самостоятельным комплексом угодий, группировавшихся вокруг двора феодала. Экономические связи между отдельными хозяйствами были слишком слабы. Каждый мирок стремился обособиться, отгородиться от остальных. Экономическая и политическая независимость становятся идеалом, к которому стремятся отдельные землевладельцы, князья, городские общины. Все иметь у себя; поменьше покупать, возможно реже обращаться к „чужим“, возможно реже развязывать кошелек — к этому стремятся князья, бояре-землевладельцы в целом. Именно они — землевладельцы — выступают главными проводниками идей экономической и политической замкнутости отдельных княжеств.

Вместе с тем, обособляясь от целого, каждая часть этого целого стремится заменить его. Всюду, где происходит процесс выделения малых общественных мирков, — всюду же эти отдельные мирки стремятся приобрести главенствующее положение среди других. Каждый из князей, замыкаясь в своем княжестве, стремится к захвату Киева, как центра Русской земли, или стремится собственное княжество сделать центром Руси. Стремление к замкнутости сочетается со стремлением вытеснить соседа, подчинить его себе, занять главенствующее положение. И эта феодальная борьба идет с чрезвычайным напряжением сил.

Единство Русской земли признается всеми князьями и, вместе с тем, все князья только и делают, что вступают в междоусобные войны с соседями, закрывая себе дорогу к возможным соглашениям, „неся рózно“ Русскую землю. Правда, некоторым князьям удастся подняться до осознания общерусских интересов. К такого рода князьям принадлежал, например, Владимир Мономах, и характерно, что его общерусская политика отнюдь не случайно сочетается со стремлением несколько смягчить жестокие формы эксплуатации трудящегося большинства. Зато никогда не становятся на защиту единства Руси местные бояре — наиболее типичные представители господствующего класса — феодалов-землевладельцев. В борьбе боярства с князьями народ брал сторону последних, как бы ни было враждебно народу их стремление утвердить феодальную эксплуатацию.

Феодалам-землевладельцам с их феодальной идеологией, с их стремлением отгородиться от соседей и вместе с тем вытеснить их, противостоят в древней Руси — земледельцы, трудящиеся массы с их прямо противоположными стремлениями к единству Руси. Крестьяне, а в городе связанные с крестьянами ремесленники, составляют главный противовес стремлению к дроблению. Именно в земледельцах, в крестьянах — в основном классе эпохи феодализма, противостоящем классу феодалов-землевладельцев, ярко сказываются стремления к единству Руси, к единству народному, государственному, культурному, к единству военному, к крепкой обороне Русской земли, как единого целого. Феодальная раздробленность была основным народным бедствием, бедствием для трудящихся масс в первую очередь. Замкнутость хозяйств вела к усилению эксплуатации. Междоусобные войны разоряли прежде всего крестьян. Нет нужды особо доказывать то обстоятельство, что феодальные войны разоряли прежде всего крестьянство, трудовой народ в целом. Приведем только два примера. В 1150 г. князь Владимирко Галицкий, возвращаясь в Галич из неудачного похода, ограбил все города, начиная с Мическа. Требования Владимирки к жителям городов были настолько велики, что мичяне, не имея чем заплатить Владимирке, брали „серебро из ушью и с шии, сливаюче же сребро даяхуть Володимеру“ (Ипатьевская летопись). В 1169 г. дружина, отправленная новгородскими боярами за Волоч, после поражения, нанесенного ей войсками Андрея Боголюбского, все же возвратилась и взяла дань со своих крестьян, „а на суждальских смърдех другую“ (Новгородская первая летопись).

Отрицательное отношение народа к феодальным раздорам князей точно определил Н. Г. Чернышевский: „... сознание национального единства всегда имело решительный перевес над провинциальными стремлениями, если только были со времени Ярослава какие-нибудь провинциальные стремления... распадение Руси на уделы было чисто следствием дележа между князьями... но не следствием стремлений самого русского народа. Удельная разрозненность не оставила никаких следов в понятиях народа, потому что никогда не имела корней в его сердце: народ только подчинялся семейным распоряжениям князей. Как только присоединяется тот или другой удел к Москве, дело кончено: тверитянин, рязанец — такой же истый подданный московского царства, как и самый коренной москвич...“¹

Стремление трудового народа к единству сказывалось и в культурной и в политической жизни. Дроблению русской культуры по областям, образованию местных стилистических особенностей в архитектуре, в живописи, в ремесле, в литературе противостоят народные стремления к сохранению и развитию общерусских начал.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 3, М., 1947, стр. 570 (рецензия на книгу: „Областные учреждения России в XVII в.“ соч. Б. Чичерина, М., 1856).

Творчество народных мастеров в Рязани и во Владимире, в Галиче и в Новгороде было в основе своей общим, тем же самым. Устное народное творчество, народные исторические и лирические песни были повсюду теми же.

Несмотря на различия во вкусах „заказчиков“-феодалов, влияние деревянной резьбы на скульптурные украшения храмов во Владимире Залесском и в Галиче, проникновение в живопись народных вкусов к яркости и к элементам реалистичности, проникновение в литературу устных форм русской речи вело к росту в русской культуре элементов единства. Тенденции к дроблению русской культуры XII в. шли сверху, тенденции к ее единству шли снизу.

В конечном счете тенденции единства возобладали над тенденциями дробления. Кем бы ни были заказчики, подлинными творцами культуры были непосредственные исполнители заказов знати: русские ремесленники, каменщики, строители и т. д., т. е., в конечном счете, трудовое русское население. Именно от них, от исполнителей, шли технические изобретения, всякого рода новшества, все прогрессивное, самобытное и подлинно народное. Вкусы же заказчиков определялись главным образом традициями и трафаретом, стремлением затмить пышностью соседей или подражать византийскому двору.

Таким же стремлением к единству Руси и к твердой ее обороне от врагов отмечена и политическая активность трудового народа. Когда разбитый Святополком и польским королем Болеславом Ярослав Мудрый бежал в Новгород и собирался дальше уплыть за море, народ рассек ладьи Ярослава и обратился к нему со словами: „Хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополкомь“.¹ Народ собрал Ярославу деньги и дружину, и враги Руси были побеждены.

Когда в 1068 г. Изяслав, Всеволод и Святослав Ярославичи были разбиты половцами и бежали, народ киевский созвал вече на торговле и обратился к князьям: „Се половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними“.²

Отказ киевского князя Изяслава выдать народу оружие для борьбы с половцами вызвал восстание.

Когда в конце XI в. нарушение решений Любечского съезда вызвало особенно резкую вспышку княжеских междоусобий, народ киевский через представителей обратился к Владимиру Мономаху с особенно знаменательными словами: „Молимся, княже, тебе и братома твоима, не мѳзете погубити Русьские земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмутъ землю нашу, иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрьством, побарающе по Русьской земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую“.³

¹ Повесть временных лет, под 1017 г.

² Там же, под 1068 г.

³ Там же, под 1097 г.

Если бы летописцы уделяли больше внимания народным массам, они бы наполнили страницы своих летописей многими схожими призывами народа к князьям прекратить усобицы и твердо оберегать Русскую землю.

Из сделанного нами обзора идейных устремлений двух основных классов эпохи феодализма — класса землевладельцев-феодалов и класса земледельцев-крестьян — совершенно ясно, что призывы „Слова о полку Игоре“ к единению и к обороне Руси ближе всего отвечали потребностям класса земледельцев-крестьян — эксплуатируемых народных трудовых масс.

Отсюда совершенно ясно, что объективно идеи единения, с такою силой выраженные в „Слове“, больше всего отвечали интересам трудового народа, а не интересам феодалов. Но и субъективно, если не умом, то, во всяком случае, сердцем, автор „Слова“ был также на стороне трудового народа.

Действительно, автор „Слова о полку Игоре“ явно симпатизирует „ратаям“, простым людям.

Рисуя княжеские усобицы, автор „Слова о полку Игоре“ видит обобщение князей-крамольников ольговичей в их родоначальнике Олеге Гориславиче. О ком же прежде всего вспоминает автор „Слова“, когда говорит о последствиях его усобиц? — о крестьянах, „ратаях“: „Тогда (во времена усобиц Олега) по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие“. О тех же „ратаях“-крестьянах и их мирном земледельческом труде вспоминает автор и тогда, когда дает обобщающий образ полоцких князей в лице их родоначальника Всеслава Полоцкого: „На Немизѣ снопы стелють головами, молотятъ чеци харалужными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сыновъ“. Картина разорения для автора „Слова“ — это прежде всего картина разорения крестьянского хозяйства.

О трудовом народе вспоминает автор „Слова“ и тогда, когда говорит о последствиях поражения Игоря: „а поганин сами, побѣдами нарищуше на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора“. Дворы здесь, конечно, имеются в виду крестьянские, ибо и обложение данью „по бѣле“ (мелкой денежной единице) соответствует обложению данью „от плуга“, „от дыма“ или „от рала“ именно крестьянского хозяйства.

О трудовом народе говорит автор и тогда, когда упоминает „вѣци човекомъ“, сокращавшиеся от княжеских крамол, и тогда, когда он говорит о „людех“ — тех ли, которым мыкали смагу Карна и Желя, или тех, которых судил Всеслав. В последнем случае „люди“ очень выразительно противопоставлены „князьям“ („Всеславъ князь людемъ судяше,

княземъ грады рядяше“). Одно из значений слова „люди“ в древней Руси было — народ (populus) и именно в этом значении оно употреблено в „Слове“ (другие значения: низший слой населения, слуги, челядь; „людин“ — простолудин и т. д.).

О простом народе вспоминает автор „Слова“ и тогда, когда говорит о поражении у Римова: „Се у Рима кричать подь саблями половецкими“. Из летописи мы знаем, что во время осады Римова свалились три городни с горожанами, вышедшими на стены для защиты родного города. Эти горожане были посечены половцами. Князья во время осады Римова не пострадали.

Возвращению Игоря радуются „страны“, т. е. сельские местности, жители сельских мест, и „гради“, т. е. города со всем их населением, „горожане“.

Наконец, простых ратников, а не предводителей-князей имеет ввиду автор „Слова“, когда говорит о „русичах“, „русских сынах“, „воях“, „соколах“, о том „храбром полке“ Игоря, которого уже „не крѣсити“.

Не случайны и образы мирного труда, пронизывающие все „Слово“. Созидательный труд неоднократно противопоставляется в „Слове“ — войне. „Слово“ призывает к борьбе с половцами во имя защиты мирного труда народа. Здесь не только образы земледельческого труда (часть из них мы уже привели), но и образы труда ремесленного: „тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу кова ше и стрѣлы по земле сѣя ше“; „и начяша князи . . . сами на себѣ крамолу ковати“; „а князи сами на себе крамолу коваху“; „ваю храбрая сердца въ жестоцем харалузѣ скована, а въ бусте закалена“.

Совершенно ясно, что „призыв к единению“ Руси, который пронизывает собой все „Слово“, отвечал в первую очередь интересам трудового народа. Именно поэтому автор „Слова“, говоря о печальных последствиях княжеских раздоров, в первую очередь вспоминает о разорении крестьянства.

Воюя между собой, князья стремились подорвать экономическое благосостояние друг друга и разоряли сельское хозяйство. Пользуясь княжескими усобицами, половцы нападали на Русь и также разоряли крестьянские хозяйства, тысячами увозя в рабство крестьянский полон, который затем продавали в портовых городах северного Причерноморья.

Вот почему трудовой народ был не только заинтересован в прекращении княжеских раздоров, но и в том еще, чтобы единство Руси было реально скреплено сильной княжеской властью, способной удержать напор нашествий извне и центробежные силы феодалов внутри.

Автор „Слова о полку Игореве“ призывает к единству и видит это единство в формах сильной центральной княжеской власти. Вместе

с тем, автор „Слова о полку Игореве“ был человеком своего, двенадцатого, века. Идея единой державы княжеской власти, которая впоследствии, в XV и XVI вв., будет основной движущей идеей складывающегося Русского централизованного государства, ему еще чужда. Автор „Слова“ не отрицает феодальных отношений, как они будут отрицаться в XV и XVI вв. Наоборот, он настаивает на безусловном выполнении феодальных обязательств по отношению к слабейшему, золотому киевскому столу и видит в этом одно из противоядий против феодальных усобиц. Однако автор „Слова“ нигде ни одним словом не обмолвился о необходимости соблюдать другие феодальные обязательства — сюзерена по отношению к вассалу, — и это знаменательно: только подчиняющие линии феодальных отношений могли способствовать сплочиванию русских княжеств. На протяжении всего „Слова“ говорится только о необходимости младшим князьям подчиняться старшим (Святославу киевскому), но не говорится об обязанностях старшего по отношению к младшему. Отсюда ясно, что автор „Слова“ заинтересован в усилении власти старшего князя — киевского.

В связи с идеей сильной княжеской власти, пронизывающей „Слово“, весьма важно проследить отношение автора „Слова“ к русским князьям.

Отношение автора „Слова о полку Игореве“ к русским князьям двойственное. Он видит в них представителей Руси, он им сочувствует, гордясь их успехами и скорбя о их неудачах. Однако вместе с тем, автор „Слова“ с осуждением говорит о их эгоистической узкой местной политике и о их раздорах. Это двойственное, сложное отношение автора резко проявляется и к Игорю Святославичу Новгород-северскому, и к родоначальнику ольговичей Олегу Святославичу, и к родоначальнику полоцких всеславичей Всеславу Полоцкому. Однако когда автор „Слова“ обращается к тем из русских князей, от которых он ждет помощи, реальных действий к скреплению Русской земли, к ее обороне, — его отношение к ним резко меняется. Тогда он рисует князей только положительными чертами. Портреты этих князей отражают в большей мере надежды автора „Слова“, чем его реальные представления о них. Он гиперболизирует военные подвиги русских князей, их могущество, их славу. В этой гиперболизации автор „Слова“ выражает свои мечты о сильной власти на Руси, о военном могуществе русских князей. Всеволод Суздальский может Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вылить, и автор „Слова“ скорбит о том, что его нет на юге. Ярослав Осмомысл подпер горы венгерские своими железными полками, загородил дорогу венгерскому королю, отворял Киеву ворота, стрелял в салтанов за землями. Автор „Слова“ наделяет слабого киевского князя Святослава Всеволодовича идеальными свойствами главы русских князей: он „грозный“ и „великий“. На самом деле Святослав „грозным“ не был: он владел только Киевом, деля свою власть с Рюриком, обладавшим остальными киевскими городами.

Святослав — был одним из слабейших князей, когда либо княживших в Киеве. Знаменательно, что слово „великий“, часто употреблявшееся по отношению к главному из князей, как раз в это время перешло в титул князей владимирских: название „великого князя“ присвоил себе Всеволод Большое Гнездо, претендуя на старейшинство среди всех русских князей. Автор „Слова“ возвращает его Святославу Киевскому. Его реально присвоил вскоре и соправитель Святослава — Рюрик. Слово же „грозный“ и „гроза“ очень часто сопутствовало до XVII в. официальному титулованию старейших русских князей, хотя само в титул и не перешло (оно стало только прозвищем, при этом подчеркивающим положительные качества сильной власти, — Ивана III и Ивана IV). Слово „гроза“ как синоним силы и могущества княжеской власти часто употреблялось в XIII в. Поэтому прозвище Ивана IV — „Грозный“, как и прозвище Ивана III — „Грозный“, отнюдь не имело того отрицательного смысла, отнюдь не было синонимом слов „жестокый“, „опасный“. Это свое значение прозвище „Грозный“ приобрело только в XVIII—XIX вв.

Вот почему эпитеты Святослава Киевского — „великий“ и „грозный“ — это положительные эпитеты, подчеркивающие силу власти Святослава, его власть над другими князьями.

Итак, образы русских князей в „Слове“ — Святослава Киевского, Всеволода Суздальского, Ярослава Осмомысла Галицкого и некоторых других в значительной мере устремлены в будущее. Автор „Слова“ находит в князьях, к которым обращает свой призыв, те черты, которые хотел бы в них найти. Черты реального могущества этих князей соединены с такими чертами, которые относятся скорее к области желаемого. В разных князьях автор „Слова“ рисует обобщающий образ сильного князя. Он делает это в той мере, в какой это было возможно в XII в.

Я уже сказал, что идея сильной княжеской власти соответствовала интересам демократических слоев населения. Действительно, и на северо-востоке Руси во Владимиро-Суздальском княжестве, и на юго-западе Руси в Галицко-Волынской земле главной опорой княжеской власти в ее борьбе с боярством были горожане и сельское население. Сильная княжеская власть нужна была народным массам и потому, что только она способна была организовать твердую оборону Русской земли от внешних вторжений, и потому, что только она могла обуздать произвол мелких феодалов — боярства. Здесь надо принять во внимание замечательные указания Ф. Энгельса о постепенном возрастании роли королевской власти, как носительницы „порядка“, вступающей в союз с „революционными“ элементами города и деревни, со всеми прогрессивными силами.¹

Все это достаточно ясно доказано в советской исторической науке.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 445.

Очень важно отметить, что идеи сильной княжеской власти, выросшие в основном в демократической среде и именно здесь получившие реальную политическую поддержку, в этой же демократической среде отразились в создании новой политической терминологии. Замечательно, что частично эта новая политическая терминология, выросшая в демократической среде, употреблена и в „Слове“. Я имею в виду слово „господин“, в обращении к князьям.

Обращение к князю — „господин“ — впервые стало употребляться на северо-востоке — там, где складывалась новая сильная княжеская власть, начиная с середины 70-х годов XII в. (т. е. за 10 лет до написания „Слова“). Оно начинает употребляться сперва только в среде горожан и сельского населения. До того этот термин „господин“ применялся лишь в области владельческих отношений: так называли владельца холопов, хозяина закупов (в Русской Правде). В политической жизни в отношении князя термин „господин“ впервые встречается в речах жителей владими́ро-суздальских городов, обращенных к владимирскому князю. Так называют Михаила Юрьевича суздальцы и ростовцы (горожане) в 1176 и 1177 гг. (см. Никоновскую летопись); так называют Всеволода Юрьевича владимирцы (горожане) в 1177 г. (там же); так называют его же под тем же 1177 г. ростовцы (горожане) (там же) и т. д. В 1180 г., повидимому, впервые, этот термин переходит в уста князей-вассалов, в их обращения к своему главе и опять-таки во Владимиро-Суздальском княжестве. Так называли Всеволода Юрьевича Владимиро-Суздальского, своего феодального главу, рязанские князья Всеволод и Владимир Глебовичи: „Ты господин, ты отец, — говорили через послов Всеволоду рязанские князья, — брат ваю старейший Роман уймаёт волости у наю, слушая тестя своего Святослава, а к тебе крест целовал и переступил“ (Ипатьевская летопись). Повидимому, новые отношения безусловного подчинения, сложившиеся на северо-востоке между Владимиро-Суздальским князем и подручными ему рязанскими князьями, потребовали для своего определения и нового термина, в котором уже было отмечено всякое „родственное смягчение“ политических понятий, столь характерное для старой феодальной терминологии — „отец“, „сын“, „брат“. Поэтому-то слово „господин“ и стало употребляться вместо слова „отец“ или рядом с ним.

Этот новый политический термин — „господин“ (вм. „отец“), отразивший на северо-востоке рост власти феодального главы над стоящими ниже его по лестнице феодального подчинения князьями, начинает употребляться не только одними рязанскими князьями по отношению к Всеволоду Юрьевичу, но и в другом центре борьбы за сильную княжескую власть — в Галичине. Всего десять лет спустя, в 1190 г., сын Ярослава Осмомысла — Владимир Галицкий в своей просьбе ко Всеволоду Суздальскому прибег к аналогичному обращению: „Отце господине! Удержи Галич подо мной, а яз божий и твой есмь со всем

Галичем, а в твоей воле есмь всегда“ (Ипатьевская летопись). Энергия этого нового политического термина поддержана в этой просьбе необычную степенью покорности, на которую соглашается Владимир: „яз божий и твой“.

Употребление слова „господин“ по отношению к князю имеет совершенно точную хронологию. Оно употребляется с 70-х годов XII в. и в течение XIII в. (оно обычно для „Моления“ Даниила Заточника). Впоследствии, в XIV—XV вв., оно вытесняется словом „государь“. Князю станут говорить „государь“, а не „господин“.

Итак, перед нами новая политическая терминология, выросшая первоначально в демократической среде. Нет сомнения в том, что прогрессивным было именно это новое представление о власти феодальной главы как „господина“, возникшее на северо-восточной социально-экономической почве, а не старое. Именно этим новым представлениям предстояло перерасти в дальнейшем в идею сильной и единой власти государя „всея Руси“, подлинной носительницей которой стала впоследствии Москва. Этой идее сильной княжеской власти предстояло в дальнейшем скрепить идею единства Русской земли новыми политическими отношениями.

Сам автор „Слова о полку Игореве“ отчетливо придерживается новой точки зрения на власть феодальной главы, — той точки зрения, которая была прежде всего характерна для поддерживавших сильную княжескую власть горожан. Он называет „господами“, этим новым политическим термином, начавшим входить в политический язык XII в., — Рюрика и Давида Ростиславичей и Ярослава Осмомысла Галицкого: „Вступита, господина, въ злата стремянь за обиду сего времени...“. „Стрѣлай, господине, Кончака, поганого кощя...“. В этом употреблении термина „господин“ (в отношении князя) можно видеть след народного политического мышления.

След народного политического мировоззрения можно заметить и в особом отношении автора к Киеву и к князю Владимиру I Святославичу — Владимиру „Красному Солнышку“. Автор „Слова“ видит центр единой Руси только в Киеве. К 80-м годам XII в. на северо-востоке Руси определилась уже другая политическая точка зрения, пытавшаяся поставить в центр Русской земли Владимир на Клязьме. Не претендуют на Киев и князья галицко-волинские. Киев постепенно утрачивает свое значение как центра Русской земли, начинает играть все меньшую и меньшую роль. Однако автор „Слова“ попрежнему считает Киев — центром Руси, а Святослава киевского, одного из самых слабых русских князей XII в., — главою Руси и русских князей. В этом некоторые историки склонны усматривать консерватизм автора „Слова“.

Однако это происходило потому, что несмотря на утрату своего бывшего политического и экономического значения Киев был историч-

ческим центром Руси, с которым были связаны народные чаяния о восстановлении ее прежнего единства, — единства, когда-то, в конце X — начале XI в. блестяще представленного расцветом Киевского государства при Владимире I Святославиче. „Не случайно русский народ навсегда запомнил и с особой яркостью в эпосе отметил именно этот героический период своей истории“¹ и именно этот город — Киев.

Былины также считают Киев центром Руси и никакого консерватизма в этом нет. В воззрениях автора „Слова о полку Игореве“ отразились именно народные воззрения на Киевский период русской истории; в этом убеждает и его особое отношение к „Владимиру старому“ — Владимиру I Святославичу — Владимиру „Красному Солнышку“ русского былевого эпоса. Заканчивая свой обзор современного ему состояния Руси, отдельных русских княжеств, автор „Слова“ восклицает: „О, стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвых князей! Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нѣ розно ся имѣ хоботы пашуть“. Эти заключительные строки обзора современной автору „Слова“ раздробленной между отдельными княжествами Руси знаменательны. Они показывают, что и автор „Слова“ обращался к прошлому единству Руси при Владимире Святославиче, как к нему обращался народ в своих былинах.

В свое время А. В. Соловьев привел серьезные аргументы в пользу того, что под „Владимиром старым“ следует разумеать именно Владимира I Святославича, а не Владимира Всеволодовича Мономаха.² К этим аргументам А. В. Соловьева кое-что было присоединено и мною.³ Сейчас приведу только два соображения:

1) Противопоставлять современную автору раздробленность Руси ее единству при Владимире можно было только разумеая под Владимиром „старым“ — Владимира I Святославича. Только тогда Киевское государство было едино. Междоусобные войны Владимира Мономаха с Олегом „Гориславичем“ были слишком хорошо известны автору „Слова“. Время Мономаха было и временем его противника Олега Гориславича, и именно об этом времени автор „Слова“ писал: „Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие“. Владимир Мономах был для автора „Слова“ одним из участников „княжих крамол“ на рубеже XI и XII вв. (их, ведь, в основном, было только двое — Олег „Гориславич“ и Владимир Мономах).

¹ Акад. Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 317.

² А. В. Соловьев. Политический кругозор автора „Слова о полку Игореве“. Истор. зап., № 25, М. — Л., 1948, стр. 73.

³ Д. Лихачев. Исторический и политический кругозор автора „Слова о полку Игореве“. Сб. „Слово о полку Игореве“ под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М. — Л., 1950, стр. 10.

2) Автор „Слова“ говорит о „старом Владимире“, что его „нелзѣ бѣ пригвоздити къ горам киевскимъ“, он подчеркивает участие Владимира в походах на врагов Руси. Таким именно выступает Владимир и в народном сознании XII—XIII вв., как об этом ясно свидетельствует не только былевой эпос, но и летопись. Говоря о славе похода Даниила Галицкого в Польшу, летописец замечает: „иный бо князь не входил бе в землю Лядську толь глубоко, проче Володимера великаго, иже бе землю крестил“.¹ То же самое говорит летописец и о походе Даниила в Чешскую землю: „не бе бо в земле Русцей первее, иже бе воевал землю Чешську, ни Святослав хоробры, ни Володимер святой“.² „Святослав хоробры“ и „Володимер святой“ — это и есть те „первые князья“, которых и автор „Слова“ противопоставлял „нынешним“.

Итак, в своем отношении к единой Киевской державе Владимира I Святославича автор „Слова“ выразил ту народную точку зрения, которая была характерна и для русского былевого эпоса.

В исследовательской литературе давно уже утвердилось правильное мнение, что автор „Слова“ был передовым человеком своего времени, выражал передовые идеи. Это правильно, но слишком обще. Передовых идей „вообще“, безотносительно ко времени и пространству, не бывает. Передовые идеи — это идеи передового класса. В период феодализма два основных класса противостоят друг другу — класс землевладельцев и класс земледельцев — крестьян, вместе с которыми шло и трудовое население города. „При феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, — крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить“.³ „Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя“.⁴ Эксплуатируемое крестьянство и было передовым классом в XII в. Крестьянство в эпоху феодализма было носителем исторического процесса. Незаметный, но великий труд народа, трудовых масс, создавал экономику общества, двигал производство, постепенно через изменявшиеся производственные отношения вынуждал к переменам и само государство. Изменения в производственных отношениях, как и изменения в надстройке, происходили в конечном счете под влиянием трудящихся масс, создававших материальные блага и борющихся за свои человеческие права с эксплуататорами — феодалами-землевладельцами.

Защита основных интересов крестьянства и, вместе с ним, защита интересов всего трудового народа Руси — в этом, не во всем до конца

¹ Ипатьевская летопись, под 1229 г.

² Там же, под 1254 г.

³ История ВКП(б). Краткий курс, М., 1946, стр. 120.

⁴ Там же.

осознанный самим автором, общественно-политический смысл „Слова“. Автор „Слова“ был выразителем тех взглядов, которые определялись эксплуатируемым большинством — трудовым народом Руси.

Отсюда, конечно, не следует, что идеология автора „Слова“ и идеология трудового населения Руси целиком совпадают. Речь идет только об основных политических идеях, выраженных в „Слове о полку Игореве“.

Вместе с тем, следует со всею определенностью заявить, что сами трудящиеся массы в эпоху феодализма могли до конца не осознавать своих интересов. И в этом отношении отнюдь не случайно, что сам автор „Слова“ был, конечно, не крестьянин и не ремесленник. Это человек не только грамотный, но и хорошо образованный. Его осведомленность в политических и, я бы сказал, династических делах современной ему Руси обличает в нем человека, близко стоящего к правящей среде. Он мог быть дружинником одного из князей или дружинным певцом. Однако нельзя ставить знака равенства между его социальным положением и его социальными симпатиями, как это очень часто делается. Нельзя видеть в нем сторонника какого-либо определенного князя или группы князей: черниговских ольговичей, галицких мономаховичей, смоленских ростиславичей или даже полоцких всеславичей (есть и такая точка зрения). В своих политических воззрениях автор „Слова“ не был ни „придворным“, ни дружинником, ни защитником местных интересов (черниговских, киевских или новгород-северских), ни идеологом князей, бояр-землевладельцев или духовенства. Автор „Слова“ занимал свою независимую от правящей верхушки феодального общества патриотическую позицию. В числе князей, к которым он обращается, он называет и ольговичей и мономаховичей. Ему были чужды местные и родовые интересы феодальных верхов и были близки интересы широких слоев трудового населения Руси — единые повсюду и повсюду стремившиеся к единству Руси.

„Великие исторические преобразователи, — писал Н. А. Добролюбов, — имеют большое влияние на развитие и ход исторических событий в свое время и в своем народе; но не нужно забывать, что прежде, чем начнется их влияние, сами они находятся под влиянием понятий и нравов того времени и того общества, на которое потом начинают они действовать силою своего гения. . . История занимается людьми, даже и великими, только потому, что они имели важное значение для народа или для человечества. Следовательно, главная задача истории великого человека состоит в том, чтобы показать, как умел он воспользоваться теми средствами, какие представлялись ему в его время; как выразились в нем те элементы живого развития, какие мог он найти в своем народе“.¹

¹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. III, М., 1936, стр. 120.

Автор „Слова“ с гениальной проникновенностью выразил „те элементы живого развития, какие мог он найти в своем народе“. В этом одна из основ его народности.

„Слово“ — горячий призыв к единству Руси перед лицом внешней опасности, призыв к защите мирного созидательного труда русского населения — крестьян, земледельцев и тех слоев города, которые были связаны с крестьянством. Автор „Слова“, следовательно, выразитель чаяний и настроений трудового народа Руси. Он неразрывно соединил свои думы и надежды с думами и надеждами русского народа.

Вот почему „Слово о полку Игореве“ так близко к творчеству трудового народа — к устной народной поэзии — не только по форме, но и по содержанию. Вот почему автор „Слова“ сумел простыми и народными средствами выразить свои простые, народные и великие идеи.

Народность „Слова“ и его прогрессивность, в сущности, взаимосвязаны. „Слово“ устремлено к будущему: оно верно подметило основное зло своего времени и призвало к единению, исходя из тех прогрессивных элементов, которые были заключены в самой действительности и которые стали ясны автору „Слова“ благодаря его идейной связи с народом. В этой народности и в этой прогрессивности „Слова“ — основание его бессмертия.

Н. К. ГУДЗИЙ

Судьбы печатного текста „Слова о полку Игореве“¹

После длительной работы по прочтению, переводу и комментированию текста рукописи „Слова о полку Игореве“ он в 1800 г. был издан А. И. Мусиным-Пушкиным. Это было крупнейшее событие в области истории русской литературы и культуры.

Мы не знаем точно, когда была открыта рукопись и сколько времени продолжалась работа над ней. Обычно открытие рукописи приурочивается к 1795 г., видимо лишь на единственном основании — на доверии к указанию Карамзина, в 1797 г. сообщившего в гамбургском журнале „Spectateur du Nord“, что „два года тому назад открыли в наших архивах отрывок поэмы под названием Песнь Игоревых воинов“. Между тем существует указание, идущее еще от Шишкова и Сахарова, что над комментированием текста „Слова“ до его напечатания трудился известный русский историк XVIII в., приятель Мусина-Пушкина, И. И. Болтин, умерший в октябре 1792 г. Так, Шишков писал: „... надлежит заметить, что над переводом оной (т. е. „Песни о полку Игореве“.— Н. Г.) трудились многие и между прочим известный своими в языке и словесности знаниями г. Болтин.“² Сахаров, говоря о примечаниях в мусин-пушкинском издании „Слова“, пишет: „По преданию известно, что составлением этих примечаний занимался известный тогдашний критик Болтин“.³ В числе трудившихся над текстом „Слова“ называет Болтина и Дубенский.⁴ На указание Болтина и Сахарова ссылаются и А. Смирнов,⁵ и П. Вяземский,⁶ и некоторые другие исследователи, приурочивающие открытие рукописи „Слова“

¹ Доклад, прочитанный на сессии Отделения литературы и языка АН СССР и Института русской литературы АН СССР 9 декабря 1950 г.

² Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, ч. XI, СПб., 1827, стр. 384.

³ Песни русского народа, ч. пятая, СПб., 1839, стр. 178.

⁴ „Слово о полку Игореве“ . . ., „Русские достопамятности“, ч. 3, М., 1844, стр. 1.

⁵ О „Слове о полку Игореве“, I, Воронеж, 1877, стр. 6.

⁶ „Слово о полку Игореве“. Исследование о вариантах, СПб., 1877, стр. 1.

к 1795 г., очевидно, не подозревая при этом, что Болтин умер за три года до этого.

В последнее время П. Н. Берков обратил внимание на то, что в статье П. А. Плавильщикова „Нечто о врожденном свойстве душ российских“, напечатанной в февральской книжке журнала „Зритель“ за 1792 г., имеется одно место, в котором можно видеть намек на осведомленность Плавильщикова о существовании рукописи „Слова о полку Игореве“. Тут имеются в виду слова Плавильщикова о том, что „даже во дни Ярослава, сына Владимирова, были стихотворные поэмы в честь ему и детям его“, а также его сообщение о том, что „существуют еще сии драгоценные остатки и поныне в книгохранилищах охотников до редкостей древности отечественной“ и что, „может быть, Россия вскоре их увидит“, потому что „есть еще любители своего отечества, которые не щадят ничего, дабы собрать сии сокровища“. П. Н. Берков предполагает, что упоминание Плавильщикова о поэмах в честь Ярослава и детей его могло быть отголоском разговора о незадолго до этого приобретенной рукописи „Слова“, а намек на любителей отечественной древности мог относиться к Мусину-Пушкину.¹

Трудно, разумеется, сказать, в какой мере эти загадочные и очень неясные намеки Плавильщикова могут относиться к „Слову о полку Игореве“ и к Мусину-Пушкину как владельцу памятника. Возможно, что Плавильщиков знал о содержании „Слова“ лишь понаслышке и потому назвал его стихотворной поэмой в честь Ярослава и его детей. Возможно, что он бегло ознакомился лишь с началом текста „Слова“ и обратил внимание на свидетельство его о том, что Боян пел песни в честь Ярослава, Мстислава и Романа, и, по неведению, Мстислава, брата Ярослава, и Романа, его внука, счел детьми Ярослава. Что же касается „драгоценных остатков“ книжной старины, которые хранятся в книгохранилищах „охотников до редкостей древности отечественной“, то тут Плавильщиков, возможно, разумел обильные рукописные приобретения Мусина-Пушкина, свозившиеся в его дом на нескольких телегах и заключающие в себе такие драгоценные памятники, как, например, Лаврентьевская летопись, в которую, между прочим, входило „Поучение“ Владимира Мономаха, в 1793 г. изданное Мусиным-Пушкиным под именем „Духовной“ Мономаха. Возможно, конечно, что Плавильщикову известен был и факт приобретения Мусиным-Пушкиным сборника, содержавшего в себе текст „Слова“.

Нужно принять во внимание, что, по словам Калайдовича, биографа Мусина-Пушкина, в связи с назначением Мусина-Пушкина в 1791 г. обер-прокурором Синода, ему как страстному любителю и собирателю древних отечественных памятников, дано было Екатериной II позволе-

¹ П. Н. Берков. Заметки к изучению „Слова о полку Игореве“. Тр. Отд. др.-русск. лит. Инст. лит. АН СССР, VI, 1947, стр. 135—136.

ние всюду искать и требовать древние книги, в связи с чем Екатерина II 11 августа 1791 г. издала указ об извлечении из монастырских архивов и библиотек всех древних летописей и других, имеющих отношение к истории, документов, что дало возможность Мусину-Пушкину приобрести множество древних рукописей и печатных книг.¹

В свете этих фактов приобретает интерес сообщение проф. А. А. Кочубинского, сделанное им А. В. Лонгинову, о том, что в бытность первого в Ярославле, на археологическом съезде, он познакомился с делом (по описи № 18) о высылке Мусину-Пушкину 12 августа 1791 г., вместе со Степенной книгой трех из пяти хронографов, находившихся в библиотеке Ярославского архиерейского дома. В описи точно указано количество листов в каждом из этих трех хронографов. К сожалению, Мусин-Пушкин в своем издании „Слова“ не указал, сколько листов занимал сборник, в который входило „Слово“, и мы не можем сделать сопоставления счета листов в каждом из переданных Мусину-Пушкину хронографов с количеством листов погибшего мусин-пушкинского сборника, но есть основание предполагать, что один из трех ярославских хронографов был тот, которым открывался погибший сборник со „Словом“, тем более, что, по сообщению того же А. А. Кочубинского, оставшиеся в Ярославском архиерейском доме два хронографа хранились там еще в пору поездки Кочубинского в Ярославль.²

Эта справка А. А. Кочубинского, указывающая на время пересылки Мусину-Пушкину хронографов Ярославского архиерейского дома в 1791 г., подкрепляет утверждение, впервые высказанное Шишковым, о том, что Болтин, умерший в 1792 г., знаком был с рукописью „Слова“, и, с другой стороны, это утверждение находит себе подкрепление в сообщении Кочубинского. Для полной ясности необходимо было бы проверить это сообщение, для чего нужно было бы обнаружить упомянутую Кочубинским опись посланных Мусину-Пушкину трех хронографов и попутно установить местонахождение двух хронографов (из числа этих трех), о гибели которых мы не имеем оснований предполагать, а также хронографов, хранившихся в Ярославском архиерейском доме в пору пребывания Кочубинского в Ярославле.

Как бы то ни было, сборник с текстом „Слова“ мог попасть в руки Мусину-Пушкину лишь после 1788 г.—времени обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом, скорее всего — спустя несколько лет после этого, что явствует из письма самого Мусина-Пушкина к Калайдовичу: „До обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель словесности; по уничтожении штата оставался он в том монастыре на обещании до самой смерти

¹ Зап. и тр. Общ. ист. и др. рос., ч. II, 1824, II, стр. 12—13.

² А. В. Лонгинов. Историческое исследование сказания о походе северного князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892, стр. 229.

своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной под № 323, под названием Хронограф в конце найдено «Слово о полку Игореве»¹.

Таким образом и это свидетельство Мусина-Пушкина не препятствует тому, чтобы приобретение им сборника со „Словом“ приурочить к началу 1790-х годов.

Если так, то со времени открытия текста „Слова“ до его опубликования прошло около десяти лет. В течение этого времени его изучал и переводил Мусин-Пушкин, не имевший ни достаточного опыта в чтении старинных рукописей, ни удовлетворительных знаний в старинном русском языке; сделана была копия рукописи для Екатерины II с переводом текста, изложением его содержания и примечаниями; видимо, еще раньше сделан был перевод „Слова“, сохранившийся в архиве князей Белосельских-Белозерских.² Несколько выписок из „Слова“ сделано было Карамзиным.

Чем объяснить такую исключительную медлительность Мусина-Пушкина в подготовке к изданию рукописи „Слова о полку Игореве“? Едва ли только тем, что сам он испытывал затруднения в его чтении, переводе и комментировании. Ведь он мог гораздо раньше, чем сделал это, обратиться за помощью к более сведущим людям, как и поступил впоследствии. Скорее всего следует думать, что он недооценивал, по крайней мере на первых порах, значения „Слова“. Ведь поторопился же он с изданием „Духовной“ („Поучения“) Владимира Мономаха, вышедшей в свет очень скоро после приобретения им Лаврентьевского списка летописи, хотя издание „Поучения“ и перевод его и комментарии к нему связаны были для издателя также с немалыми трудностями. И стоит сравнить восторженную оценку, данную Мусиным-Пушкиным „Поучению“ Мономаха в его предисловии к изданию памятника, с довольно сдержанной оценкой „Слова“ в предисловии к нему, чтобы убедиться, что „Поучение“ Мономаха увлекло его гораздо больше, чем „Слово“.³ Если бы Мусин-Пушкин

¹ К. К а л а й д о в и ч. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собраниях российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. Зап. и тр. Общ. ист. и др. рос., ч. II, М., 1824, II, стр. 36.

² О нем см.: Л. К. Ильинский. Перевод „Слова о полку Игореве“ по рукоп. XVIII в., Пгр., 1920 (Памятники древней письменности и искусства, CLXXXIX).

³ В предисловии к мусин-пушкинскому изданию „Слова“ читаем: „Любители российской словесности согласятся, что в сем оставшемся нам от минувших веков сочинении виден дух Оссиянов; следовательно, и наши древние герои имели своих бардов, воспевавших им хвалу. Жаль только, что имя сочинителя неизвестным осталось. Нет нужды замечать возвышенных и коренных в сей поэме выражений, могущих навсегда послужить образцем витийства; благоразумный читатель сам отличит оные от некоторых мелочных подробностей, в тогдашнем веке терпимых, и от вкравшихся от переписки непонятностей“. Со значительно большим подъемом писал о „Слове“ Карамзин в своем сообщении о нем.

понимал как следует всю ценность „Слова“, он, нужно думать, увез бы, как драгоценнейшее сокровище, сборник, в котором содержалось „Слово“, из Москвы перед вступлением в нее французов и не допустил бы гибели рукописи.

Мы бессильны установить, с какой степенью точности мусин-пушкинское издание „Слова“ воспроизвело подлинный текст погибшей рукописи. Совершенно бесспорно, что в этом издании мы имеем несколько случаев неправильного разделения слов, причиной чего было недостаточное умение редакторов читать текст, написанный сплошным письмом, без отделения слов одно от другого. Так, тут напечатано: „Не лѣполи“, „луцѣжь“, „на переди“, „къ мети“, „по морію“, „по Сулію“, „небылонь“, „тояже“, „сице и“, „стугою“, „по скочи“, „вмоемъ“, „му жа имѣся“, „затвори въ Дунаю“. Очевидно, судя по правильному параллельному переводу первого издания, здесь, как и в других местах в тексте, дело не обошлось без грубых опечаток. Вообще корректура издания 1800 г., видимо, отличалась небрежностью.

Нужно думать, что в этом издании были и другие, более существенные ошибки и отступления от подлинника. Что касается Мусина-Пушкина, то он, дилетант и любитель, был чрезвычайно слаб в палеографии, плохо знал древне-русский язык и, как издатель, был весьма небрежен. О его палеографических и лингвистических данных можно судить хотя бы по тому, как он издал в 1793 г. „Почтение“ Владимира Мономаха. Издание это сопровождается очень хвалебной его рекомендацией: „Оное сочинение, под названіем Почтеніе, найдено в весьма древней летописи, написанной на пергаменте, из котораго и выписано оно со всевозможною точностію, так что не только реченіе, но ниже буква одна не проронена и не переменена“. Однако эта рекомендация не соответствует качеству издания, изобилующего разнообразными ошибками: перепутаны написанія *ѣ* и *е*, *ы* и *и*, *у* и *ю*, в ряде случаев неправильно раскрыты титла, неправильно прочитаны многие слова („благовласнымъ“ вм. „благословеннымъ“, „обильно“ вм. „обило“, „день“ вм. „днесь“, „въ гробъ“ вм. „въ гробѣ“, „честны“ вм. „что ны“, „по Стугани“ вм. „по сту уганива [лъ]“, „дѣтехъ“ вм. „дѣдѣхъ“, „въ пѣсни и мѣсне“ вм. „пѣсній мѣсто“, „видѣхъ“ вм. „не видѣхъ“, „родился“ вм. „рядился“, „твой“ вм. „свой“ и мн. др.); немало тут ошибок и в разделении слов, что часто приводит к бессмыслице („то и“ вм. „той“, „къ мети“ вм. „къмети“, „даси ми словесы“ вм. „да сими словесы“, „дастѣмъ“ вм. „да с тѣмъ“, „въ метахъ“, „за утра“, „въ борзѣ“, „на лѣзохъ“ и др.).¹

В дальнейшем Мусин-Пушкин прибегнул к помощи А. Ф. Малиновского и Н. Н. Бантыша-Каменского. По свидетельствованию Калайдовича, „корректуру держали А. Ф. Малиновский, Н. Н. Бантыш-Каменский, а третью уже читал граф Пушкин. Они делали частые

¹ П. В. Владимиров. „Слово о полку Игореве“, вып. 1. Киев, 1894, стр. 16.

поправки в корректуре, с точностью издавая подлинник, от чего печатание шло медленно. Граф Пушкин не имел права вымарывать корректуру“.¹

Нет сомнения в том, что оба первые были опытнее в палеографии, чем Мусин-Пушкин, но мы не имеем ни одного образца изданий древне-русских памятников, выполненных Малиновским и Бантышем-Каменским, и потому не можем в точности судить, насколько оба они были на высоте палеографических требований. Нам известно, однако, что Малиновский поверил первоначально в подлинность поддельного списка „Слова“, сфабрикованного Бардиным. Ни Малиновский, ни Бантыш-Каменский не сочли нужным указать в мусин-пушкинском издании внешние признаки рукописи — характер почерка, материал, на котором она написана, особенности языка и орфографии, не определили, хотя бы приблизительно, век, к которому рукопись относится, не исправили явных ошибок в разделении слов, имевшихся в екатерининской копии. Собственноручные выписки Малиновского из рукописи „Слова“ в так называемых „бумагах Малиновского“, как показал М. Н. Сперанский, не лишены очевидных промахов.

Разумеется, палеографические знания в конце XVIII в. стояли еще не на высоком уровне и, в частности, палеографического описания издававшихся старых текстов мы не находим ни в одном издании памятников, сделанном в XVIII в.; тем не менее, наряду с изданиями, изобилующими ошибками, вроде мусин-пушкинского издания „Поучения“ Владимира Мономаха, мы имеем такое сравнительно очень точное издание, как Воскресенская летопись, вышедшая в 1795 г., за пять лет до издания „Слова“.

Сличение мусин-пушкинского текста „Слова“ с екатерининской копией убеждает нас в том, что во всяком случае мы не можем всецело полагаться на издателей рукописи и доверять изданию в отношении точного воспроизведения оригинала. Правда, по словам Р. Ф. Тимковского, „Карамзин уверял Калайдовича, что, по сделанному им, Н. М. Карамзиным, сличению оказалось, что песнь о походе князя Игоря со всей точностью напечатана против подлинника, исключая слов вѣчи Трояни, вместо которых в подлиннике стоят сѣчи Трояни. Касательно же поставленного в скобках слова Ольга, на стр. 6, то это учинено для большей ясности речи“.² От себя Калайдович к сказанному Тимковским добавляет: „Он (Карамзин. — Н. Г.) то же находит и в других словах, в коих сходные в той рукописи между собой буквы в и с были принимаемы противно“.³ Но, во-первых, мы не можем быть уверены в том, что Карамзин специально занялся

¹ Сын отечества, 1839, VIII, март, отд. VI, стр. 17.

² Там же, стр. 20.

³ Летописи русской литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, стр. 90.

сличением буквы за буквой печатного текста с подлинником, во-вторых, как бы мы ни расценивали степень точности мусин-пушкинского издания, мы все же должны ограничить категоричность утверждения Карамзина, принимая в расчет бесспорные ошибки издания, в-третьих, наконец, в предисловии мусин-пушкинского издания ничего не сказано о том, что это издание в точности воспроизводит оригинал, что с гораздо меньшим основанием оговорено, как мы уже знаем, при издании Мусиным-Пушкиным „Поучения“ Мономаха.

Вскоре после гибели рукописи „Слова“ Тимковский просил Калайдовича попытаться у Мусина-Пушкина, между прочим, о том, „верно ли напечатана рукопись и не сделано ли каких перемен, ибо замечено, что в ней не соблюдено правописания, как поступили издатели при знаках препинания, почему слово Олег поставлено в скобках и другие“.¹ Нужно думать, что Калайдович запросил обо всем этом Мусина-Пушкина, но у нас нет никаких сведений о том, чтобы Мусин-Пушкин ответил на эти вопросы.

Всем сказанным мы отнюдь не хотим снизить качества мусин-пушкинской публикации „Слова“; для своего времени, при тогдашнем состоянии палеографической практики, публикация была выполнена на том уровне, какого возможно было требовать от издания, подготовленного в конце XVIII в.

Мусин-пушкинское издание текста „Слова“ поставило себе задачей, видимо, не столько точное воспроизведение орфографии рукописи, сколько точную, как казалось издателям, передачу написаний рукописи, не пытаясь вводить в издаваемый текст каких бы то ни было осмысляющих его конъектур. В этом отношении издатели следовали установившейся в XVIII в. традиции издания старинных русских памятников, подкрепленной авторитетом Шлецера, — издателя Никоновской летописи. И не только на первых порах, но и позднее ряд последующих издателей текста „Слова“ придерживались этой традиции, точно воспроизводя мусин-пушкинский текст и лишь в пояснительных комментариях к нему предлагая те или иные поправки, начало которых положил еще Карамзин.

Так поступали Шишков (1805 г.), Пожарский (1819 г.), Вельтман (1-е издание 1833 г.), Дубенский (1844 г.), Буслаев (1861 г.). Впервые смело, хотя и большей частью неудачно нарушил эту традицию Грамматин (1821—1823 гг.), вводя в самый текст „Слова“ несколько вполне оправданных конъектур, большей частью предложенных его предшественниками, и засорив текст многочисленными самостоятельными неудачными исправлениями, обнаружившими его плохое знание древнерусского языка и старинной русской орфографии. Он же первый предложил две небольшие перестановки в тексте в пределах двух фраз мусин-пушкинского издания.

Там же.

В 1837 г. вышло издание „Слова“, принадлежащее Максимовичу. Следуя Грамматину, он ввел единообразие в употреблении ъ и ь в середине и в конце „Слова“, а также, как Грамматин, не приняв в расчет югославянской орфографии рукописи „Слова“, в соответствии с законами русской фонетики глухие, стоявшие после плавных, поставил перед плавными, нейотированные гласные заменил йотированными. Принял Максимович и кое-какие конъектуры Грамматина. Нужно, впрочем, сказать, что таким же образом поступили позднее (в 1877 г.) Потебня, о чем ниже, а также Буслаев в своей „Русской хрестоматии“, вышедшей первым изданием в 1870 г. Ничего сколько-нибудь существенного, по сравнению с предшествующими изданиями текста „Слова“, не дали издания Головина (1846 г.) и Гербеля (1-е изд. 1854 г.).

Существенной особенностью издания Гербеля было разделение „Слова“ на стихи и на двенадцать песен. Позднее, в 1871 г., очень близкое к гербелевскому делению текста „Слова“ на стихи сделано было в изданиях Малашева, который в точности соблюл и гербелевское деление на песни, снабдив их теми же заголовками, какие введены были Гербелем.

Крупным событием, имевшим большое значение для установления критического текста „Слова“, явилось опубликование в 1864 г. П. П. Пекарским „екатерининской копии «Слова»“. Этой публикацией очень удачно, особенно для своего времени, воспользовался Тихонравов, в целях установления критического текста „Слова“ и определения времени написания погибшего списка памятника. Это сделано было в его двух изданиях „Слова“ — 1866—1868 гг., скромно рекомендованных в качестве пособия для учащихся, но по существу представлявших собой очень важный этап в текстологическо-палеографическом осмыслении текста мусин-пушкинского издания. Положив в основу своего издания первопечатный текст „Слова“, Тихонравов внес в него целый ряд грамматических и орфографических исправлений, руководствуясь екатерининской копией. Пусть не все эти исправления во втором, пересмотренном Тихонравовым, издании оказались бесспорными, но существенное значение имел самый принцип палеографической критики текста, примененный Тихонравовым на основе сопоставления мусин-пушкинского издания и екатерининской копии и используемый исследователями текста „Слова“ вплоть до настоящего времени. В частности очень удачным и вполне оправданным было введение Тихонравовым в окончаниях слов и в середине их титл, объяснявших ряд явно испорченных чтений в обоих текстах, а также разницей в орфографическом начертании отдельных слов. Применение приемов палеографической критики дало возможность Тихонравову опровергнуть приурочение Мусиным-Пушкиным и некоторыми своими предшественниками погибшего списка „Слова“ к концу XIV или началу XV в. и подкрепить первоначальное предположение Малиновского и Калайдовича о том, что этот список приходится датировать XVI в. Если в настоящее время

мы склоняемся к предположению о том, что погибшая рукопись „Слова“ датируется не концом XVI в., как предполагал Тихонравов, а его началом, то мы только делаем уточнение датировки, предложенной и впервые аргументированной Тихонравовым.

Тихонравов, приняв ряд бесспорных конъектур к тексту „Слова“, предложенных его предшественниками, сам был очень осторожен в исправлениях темных мест памятника и предпочитал сознаваться в своем бессилии осмыслить их, чем прибегать к необоснованным и неубедительным догадкам. Позволив себе в первом своем издании „Слова“ заменить во всех четырех случаях Трояна на Бояна, он во втором издании в одном случае оставил Трояна неприкосновенным („землю Трояню“).

Для того чтобы оценить качество критической работы Тихонравова по установлению текста „Слова“ путем сопоставления обеих дошедших до нас копий памятника, достаточно сравнить сделанное им с тем, что сделано было Вельтманом во втором его издании „Слова“, вышедшем в 1866 г., одновременно с первым изданием Тихонравова. Вельтман на этот раз также воспользовался екатерининской копией, но оказал ей такое доверие, как более исправному, чем первопечатный текст, воспроизведению погибшего списка „Слова“, какого она, конечно, не заслуживала. Он, совершенно игнорируя мусин-пушкинское издание, единственно только ее принял за основу в своем издании и в дополнение к ней предложил большое количество дилетантских, безудержно фантастических конъектур.

Небольшая книжка Тихонравова, богатая для своего времени не только филологическими наблюдениями, оказавшимися плодотворными для установления критического текста „Слова“, но и сжатыми и в то же время весьма содержательными комментаторскими материалами, уясняющими самое существо памятника, в частности его отношение к народной поэзии, послужила толчком для ряда крупных исследований по „Слову“, появившихся в 70-х годах прошлого века. По степени интенсивности и оживленности работы над „Словом“, по смелости в постановке и разрешении ряда проблем, возникавших в связи с его изучением и установлением его текста, — это десятилетие оказалось наиболее ярким в историографии „Слова“, несмотря на ряд ошибок и неоправданных домыслов и часто дилетантских операций над памятником, допущенных отдельными исследователями как в отношении толкования самой его природы, так и в критике и реконструкции его текста.

Поскольку нас в данном случае интересует лишь проблема текста „Слова“, мы, не касаясь здесь, как в большинстве случаев в дальнейшем, частных разысканий, относящихся к отдельным спорным или неясным местам памятника, остановимся на тех трудах, в которых произведена критическая работа сплошь над всем текстом „Слова“. Тут необходимо отметить книги Огоновского („«Слово о полку Игоревѣ», поетичный памятник руської письменості XII віку“, Львов, 1876),

Вс. Миллера („Взгляд на «Слово о полку Игореве»“, М., 1877), А. А. Потебни („Слово о полку Игореве“, 1877), П. П. Вяземского („Слово о полку Игореве“. Исследование о вариантах, 1877).

Работа Огоновского по критическому изданию текста „Слова“ должна быть оценена в основном положительно. Учтя все, что сделано было в этом отношении его предшественниками, он с большой осторожностью вносил собственные конъектуры, допуская их лишь в том случае, когда дошедший до нас текст не давал надлежащего смысла. То же нужно сказать — в отношении установления текста „Слова“ — и о работе Вс. Миллера, в своей историко-литературной части содержащей, как известно, ряд совершенно ошибочных принципиальных положений.

Ссылаясь на Максимовича, предложившего некоторые перестановки в мусин-пушкинском тексте „Слова“, а также, видимо, принимая в соображение мнение Огоновского о наличии в „Слове“ нескольких глосс, сделанных переписчиками, Потебня пошел в деле реконструкции мусин-пушкинского издания гораздо дальше, чем Максимович и Огоновский. Он писал: „... я пришел к предположению, что в «Слове» многое не необходимо, многое стоит не на своем месте. Кажется, что список, дошедший до нас в издании 1800 г., ведет свое начало от черновой рукописи, писанной самим автором или с его слов, снабженной приписками на полях, заметками для памяти, поправками, вводившими переписчика (быть может, конца XIII или самого начала XIV в.) в недоумение относительно того, куда их поместить. Для самого автора могло быть неясно, какие из амплификаций первоначального текста окажутся нужными, какие излишними при окончательной редакции, до нас не дошедшей или вовсе не осуществленной. Сверх того, кажется, в текст введены глоссы одного или более чем одного переписчика“.¹

Исходя из этих соображений, Потебня, помимо довольно значительных поправок к тексту, не всегда убедительных, делает в нем не только перестановки, руководствуясь, главным образом, абстрактными синтаксическими умозаключениями, но и выключает из „Слова“ немало отдельных частей его текста, порой значительных по объему, которые он считает приписками на полях, вставками и глоссами. Эти исключенные им места он заключает в квадратные скобки. Несмотря на ряд остроумных догадок, Потебня, естественно, не мог удержаться от таких операций с текстом „Слова“, которые являются в большей своей части произвольными, подсказанными субъективным подходом к тексту памятника. Кроме того, Потебня, следуя в основном за Буслаевым, реконструировал фонетику и орфографию „Слова“, применительно к идеальной норме языкового строя русских памятников XII в. и тем самым предложил не реальный, а им самим примысленный фонетический и орфографический облик „Слова“.

¹ А. Потебня. „Слово о полку Игореве“. Воронеж, 1878, стр. 2.

Но если работа Поттебни над текстом „Слова“, не говоря уже о его историко-литературных разысканиях о памятнике, все же вошла в основной научно-исследовательский фонд „Слова“, то нельзя сказать того же о внешне весьма эрудированных, но по существу дилетантских и сумбурных, весьма многословных „исследованиях о вариантах“ „Слова“ П. П. Вяземского с пространными, очень запутанными экскурсами в область палеографической критики текста на основе мусин-пушкинского издания и екатерининской копии, с произвольными, слабо мотивированными текстовыми перестановками. Как и в объемистых его „Замечаниях на «Слово о полку Игореве» (1875 г.)“, кое-какие заслуживающие внимания наблюдения тонут здесь в массе некритических и часто поверхностных суждений.

Совершенно вне пределов науки и даже вне пределов здравого смысла стоит неоконченное „Исследование текста песни Игорю Свято-славичу“ М. А. Андреевского (часть 1, главы I—IV, Екатеринослав, 1879—1880), исходившего из положения о том, что „Слово“ по своему происхождению — памятник устного поэтического творчества, видоизменявшийся и искажавшийся в процессе перехода от одного певца к другому и затем под пером переписчиков и первых издателей. Исправления, осмысления, перестановки отдельных мест „Слова“ у Андреевского настолько фантастичны и часто бессмысленны, что вся его работа в целом производит впечатление курьеза.

Столь же бесплодна и противостоительна попытка радикальной реконструкции текста „Слова“, предпринятая в 1882 г. Д. И. Прозоровским.¹ Обратив внимание на хронологическую непоследовательность в изложении событий в погибшем списке „Слова“, Прозоровский пришел к заключению, что эта непоследовательность явилась результатом порчи текста со стороны переписчиков, и, не считаясь с тем, что автор „Слова“ сам стремился к тому, чтобы свивать „оба полы сего времени“, он реставрирует текст, восстанавливая хронологический порядок событий, закрепленный летописным повествованием. В связи с этим целые эпизоды различных частей „Слова“, связанные с бояновой эпохой, вплоть до тех, о которых рассказывается в конце „Слова“, сгруппированы в одно целое и перенесены к началу повествования. Нечего, разумеется, говорить о том, насколько произволен и ни с какой точки зрения не оправдан подобный прием реконструкции текста любого памятника, в том числе и „Слова“.

Труды по „Слову о полку Игореве“ А. Смирнова (О „Слове о полку Игореве“, 1877—1878) и Е. Барсова („Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси“; начало печататься в Чтениях в Общ. ист. и древн. росс. с 1883 г., вышло в трех томах отдельным изданием в 1887—1890 гг.) не заключают в себе издания

¹ Новый опыт объяснительного изложения „Слова о полку Игореве“. Зап. Отд. русск. и слав. археол. Русск. археол. общ., т. 3, СПб., 1882, стр. 211—292.

полного критического текста „Слова“, но в них мы находим критическое обозрение всех важнейших конъектур, предложенных многочисленными исследователями текста памятника, что само по себе явилось серьезной помощью в деле уяснения приемлемых исправлений трудных и неясных чтений „Слова“. Оба автора очень бережно относились к первопечатному тексту, и их труды явились своего рода противоядием против того разгула всякого рода безответственных и неоправданных в ряде случаев любительских реконструкций этого текста, какие особенно обнаружались в работах Андреевского, Прозоровского и галицкого автора Партыцкого.

В работе Смирнова мы почти не найдем собственных догадок и предположений по части конъектуральной критики текста „Слова“, но в труде Барсова, пользовавшегося методом палеографической критики текста, наряду с неприемлемыми и в дальнейшем не принятыми конъектурами, имеется ряд продуманных и обоснованных поправок, которые учтены и использованы в последующей текстологической работе над „Словом“.

Для работы над критикой текста „Слова“ немаловажное значение имело переиздание П. К. Симони екатерининской копии „Слова“ (в т. XIII „Древностей“, 1890 г.), сделанное со всей тщательностью и вносящее ряд поправок в издание Пекарского, оказавшееся в некоторых случаях неточным.¹ Ценна и являющаяся предисловием к изданию Симони статья И. И. Козловского „Палеографические особенности погибшей рукописи «Слова о полку Игореве»“. Тонкие палеографические соображения Козловского, основанные на сопоставлении мусин-пушкинского издания и екатерининской копии, продолжающие и углубляющие работы Тихонравова и Барсова в этом направлении, существенны в методологическом отношении, несмотря на то, что некоторые домыслы его являются спорными.

Последующие работы, посвященные текстологии „Слова“, в течение очень долгого времени, на протяжении около тридцати лет, не дали в сущности ничего сколько-нибудь ценного, а порой оказывались дилетантски-анекдотическими в осмыслении темных мест памятника или страдающими полным произволом в реконструкции их текста. Приведем несколько примеров, не придерживаясь хронологического порядка.

К числу первых относится работа А. В. Лонгинова „Историческое исследование о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г.“ (Одесса, 1892), где находим, например, такого рода конъектуры: вместо „вступилъ дѣвою“ „вступи лѣдѣвою“, („лѣдѣва“, по Лонгинову, — негодяйка); вместо „одѣвахъте мя“ — „одѣвахъ темя“, вместо „и не сошлю къ синему морю“ — „и несло шлюхъ къ синему

¹ Следующее после издания Симони издание екатерининской копии „Слова“, принадлежащее А. Н. Пыпину, напечатанное в редактировавшемся им издании сочинений Екатерины II (т. XI, 1906), менее точно, чем издание Симони.

мору“ и т. д. К этому же разряду относится и напечатанная в 1915 г. в Житомире работа Н. И. Маньковского, как указано на титульном листе, преподавателя Волынской духовной семинарии по кафедре физики и математики. Считая „Слово“ произведением устным и песенным, а не книжным, он разбивает его на стихи и вводит конъектуры, во многих случаях столь же нелепые, как и конъектуры Лонгинова.

По фантастичности ряда конъектур в „Слове“ с книгами Лонгинова и Маньковского немало общего имеет и книга английского ученого Магнуса, вышедшая в Оксфорде в 1915 г. и содержащая в себе, кроме текста „Слова“ и его перевода на английский язык, предисловие и примечания.

В 1909 г. вышел в свет труд Ф. Е. Корша: „Слово о полку Игореве“ (вып. 6-й II тома „Исследований по русскому языку“. Изд. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. Наук). Считая „Слово о полку Игореве“ произведением песенного характера, Корш предлагает текст памятника, разложенный на стихи (числом 647). По стихосложению он считает „Слово“ близким к великорусским былинам и украинским думам. Из сочинений, близких к своей работе и по мысли и по обработке „Слова“, Корш называет работу Ю. Тиховского „Прозою или стихами написано «Слово о полку Игореве»?“, в которой дан полный текст „Слова“, разбитый на стихи украинских дум. Нормой, по которой строился размер „Слова“, автор считает былинный стих в $\frac{4}{4}$ такта, не везде, впрочем, выдержанный. Однако прежде чем разложить „Слово“, руководствуясь былинным размером, Корш производит над его текстом довольно сложные операции. Ему прежде всего бросается в глаза строго выдержанная в мусин-пушкинском тексте постановка букв *ѣ* и *ь* по церковно-славянски, после плавных, а не по-русски — перед плавными. Отсюда он заключает, что неизвестный переписчик XV—XVI в. „подгонял почти каждое слово и почти каждую грамматическую форму своего подлинника под тот образец книжной речи, который был ему знаком из южно-славянских рукописей или верных списков с них“. Поэтому первая задача всякого, кто хотел бы составить себе истинное представление о памятнике, — это, „удалив из него церковно-славянские примеси, перевести его на древне-русский язык и притом, по возможности, более чистый и народный, чем язык летописей, далеко не свободный от церковного налета“. „Такой перевод, — говорится далее, — не только изменяет впечатление от этого высокопоэтического памятника, приближая его к привычной нам народной песне, но и обнаруживает стихотворный склад речи там, где он уничтожен превращением русских форм в церковно-славянские“.

Нам представляется прежде всего совершенно неясным, какую научную ценность может иметь предпринятый Коршем „перевод“. Очевидно, автор возвращается к давно уже оставленному взгляду, по которому „Слово“ первоначально было устным произведением и лишь затем кем-нибудь записано (впрочем, определенно он об этом нигде

не говорит). Если такой точки зрения не придерживаться — а придерживаться ее нет никакого основания — то мы придем к заключению, что в „переводе“ Корша „Слово“ получает такую форму, в какой оно никогда не могло выйти из-под пера древне-русского писателя. Кстати заметим, что утверждение, будто орфография и язык известного нам списка „Слова“ чуть ли не рабски подгоняются под юго-славянские образцы, конечно, страдает преувеличением: модная в то время евфимиевская орфография на этом списке отразилась далеко не во всей своей полноте.

Для того чтобы подвести размер „Слова“ под определенную схему, автор не ограничивается переложением его на русский народный язык: он изменяет, дополняет или укорачивает самый текст там, „где того требовал смысл или строй стиха“, хотя бы чтение было совершенно ясно. Далее — так как имеющиеся у нас научные средства не позволяют нам точно определить те случаи, где глухие сохраняют свою гласность и где они ее теряют, то Корш руководствуется относительно этого вопроса церковно-славянской фонетикой (sic!). Точно так же, за отсутствием надежного критерия, нынешнее *й* считается то слоговым, то неслоговым, в зависимости от требования размера.

Само собой разумеется, что при таком свободном обращении с текстом выводы Корша не получили нужной доказательности. Впрочем сам Корш, как нельзя лучше, убеждает читателя в зыбкости своих построений, когда он оставляет без перевода две строчки текста, которые, по его мнению, только в своем церковно-славянском виде представляют стих.

В заключение приведем несколько наиболее разительных конъектур, какие допускает Корш, частью для восстановления в тексте смысла, большей же частью для образования стиха там, где его, по мнению автора, нет: „Кая ратнымъ || дорога?(се туръ бѣтєся), || братіє, || забывъ (ти) чьсти || и живота. . .“; „Всю ночь съ вечера бѣсови || ворони || възграхуть у Пльсьнєска || на болони, || (дѣлячекрѣваву || уѣдину); || бѣшя (изъ) дѣбри || (сѣнеслєся н)а ню || и несοшя ю кѣ синему || морю“; „Нѣ се (одьно гнѣздо) || кѣняже || (другο)му || не пособіє“; „Не ваю ли золоченыма || шеломοма || (освѣчена поля || широкая? || Не ваю ли бѣрзая || комони || акы по морю), по крѣви плаващя?“; „И се хытьрыи || Боянѣ ти рекль . . .“; „Володимѣръ кѣнязь || вѣсплакася, || одинѣ собѣ || на томѣ березѣ; || плачьє ся мати || Ростиславля. . .“ и т. д.¹

¹ По связи с работой Корша следует упомянуть работу над изучением ритмического строя текста „Слова“ А. И. Никифорова в его докторской диссертации (см. печатные тезисы диссертации, май 1941 г. и статью „Проблема ритмики «Слова о полку Игореве»“, представляющую извлечение из диссертации и напечатанную в Уч. зап. Агр. пед. инст. им. М. Н. Покровского, т. IX, Фак. яз. и лит., вып. 2, 1941). А. И. Никифоров считает „Слово“ устным произведением, былинной XII в., сложенной осенью 1185 г. „народным придворным певцом“. По своему ритму оно сближается, с одной стороны, с былинами, с другой — с украинскими думами.

До чего рискованным и противоестественным оказался путь, по которому пошел Корш в своей попытке реконструкции „Слова“, наглядно можно судить по книге И. Мандичевского „Слово о полку Игореве (1188 р.)“. Литературна реконструкція“, вышедшей в 1918 г. во Львове и представляющей своего рода кривое зеркало работы Корша и одновременно что-то вроде пародии на нее. Будучи убежден в том, что язык „Слова“ был простонародный украинский, впоследствии разрушенный и искаженный псковским книжником, он восстанавливает этот „простонародный язык“, якобы исконный для „Слова“, прибегая одновременно к перестановкам, исключениям отдельных мест „Слова“. Естественно, что всерьез говорить о „труде“ Мандичевского не приходится.

Так же, как и Корш, в основу ритмико-метрического строя „Слова“ такт в $\frac{4}{4}$ кладет и Э. Сиверс (см. его работу „Das Igorlied metrisch und sprachlich bearbeitet“, Лейпциг, 1926), обосновывая, однако, выбор этого такта не аналогиями ритма и метра „Слова“ с былинным стихом, а совершенно искусственной теорией моторных реакций человеческого тела, насилая при этом древне-русскую фонетику. Для критического установления текста „Слова“ работа Сиверса никакой ценности не представляет (критику ее см. в статье Н. К. Грунского „Форма та композиція «Слова о полку Ігоревім»“. Зап. Іст.-філолог. відд. УАН, кн. XVIII, 1928, стр. 5—11).

Не останавливаемся на работе другого ученого — Абихта по метрической реконструкции „Слова“ (1906 г.), столь же неудачной, как и его более ранняя работа (1895 г.) [о них см. в моей статье „Литература «Слова о полку Игореве» за последнее двадцатилетие (1894—1913 гг.)“ (Журн. Мин. нар. просв., 1914, февраль), и в статье М. П. Штокмара „Ритмика «Слова о полку Игореве» в свете исследований XIX—XX вв.“ (Сб. „Старинная русская повесть“, изд. АН СССР 1941)].

В числе дореволюционных изданий текста „Слова“, которые приходится учитывать, можно назвать издание П. В. Владимирова в его книге „Древне-русская литература Киевского периода XI и XIII вв.“ (1900) и С. К. Шамбинаго в серии „Универсальная библиотека“, изд. „Польза“ (1-е изд. 1912 г.). В основу обоих изданий положен текст

Касаясь мусин-пушкинского издания „Слова“, А. И. Никифоров в декларативной форме дает такую его оценку: „Я не отрицаю, что в тексте этого издания есть несколько (очень немного) испорченных мест. Можно даже допустить, что «Слово» раз-другой было переписано и получило потому некоторые небольшие несправности, но в целом надо сказать, что расположенное на былинный стих «Слово» в издании 1800 г. дает самый исправный и лучший текст, былинный текст, сравнительно со всеми его конъектуральными учеными изданиями. Больше того, текст «Слова» не только хорошо укладывается в былинный стих, не только нигде не обнаруживает разрыва ритма со смыслом, но, наоборот, благодаря стиху дает совершенно новое, и, мне кажется, более правильное осмысление отдельных мест, вызывавших большие разногласия в истолковании их различными исследователями“. (Проблема ритмики „Слова о полку Игореве“, стр. 238).

издания 1800 г., причем Владимиров в приложении к книге воспроизвел целиком мусин-пушкинское издание шрифтом, довольно близким к этому первопечатному изданию. Он ввел в изданный им текст ряд конъектур, предложенных его предшественниками, и предложил несколько самостоятельных конъектур, большей частью неудачных. Предпочтительнее текст С. К. Шамбинаго, если не считать, что хотя не в самом тексте „Слова“, но в переводе его он, очевидно разделяя мнение Потепни о позднейших глоссах и приписках к „Слову“, выделил в квадратных скобках места, которые, по его мнению, очень мало обоснованному, также являются позднейшими интерполяциями и поздними переделками писцов. Шамбинаго, кроме того, всюду заменил Трояна Бояном вслед за первым изданием Тихонравова.

В советскую эпоху сделаны большие успехи в области текстологии вообще. Эти успехи не могли не отразиться на советских изданиях текста „Слова“. За редкими исключениями эти издания свободны от тех любительских, дилетантских операций, которые часто имели место в текстологических работах над „Словом“ в дореволюционную эпоху.

В вышедшей в 1926 г. в Киеве, в издании Украинской Академии Наук, книге В. Н. Перетца „Слово о полку Игоревім“ центральное место занимает комментарий, которому предшествует текст „Слова“, напечатанный славянским шрифтом и обыкновенным гражданским шрифтом. Славянским шрифтом напечатан предполагаемый текст начала XV в., послуживший оригиналом для переписчика мусин-пушкинского текста, напечатанного гражданским шрифтом. По тексту сба варианта совпадают, различаясь лишь по орфографии (в текст, напечатанный по-славянски, введены буквы под титлами, паерки, юсы и некоторые другие чисто орфографические детали, на основе разночтений мусин-пушкинского издания и екатерининской копии). В оба текста внесены исправления, предложенные предшествующими исследователями и оговоренные в примечаниях, а также некоторые самостоятельные конъектуры издателя. Текст, напечатанный по-славянски, поделен так, что на каждую страницу приходится по 18 строк. Такой расчет строк на страницу сделан в предположении, что, как догадывался еще в 1886 г. А. И. Соболевский, в 1916 г. аргументировавший свою догадку, один из прежних переписчиков перепутал листы своего оригинала, и два листа, на которых содержался текст от слов „О Бояне, соловію стараго времени“, кончая словами „ищучи себѣ чти, а князю славѣ“, положил после листа, начинающегося словами „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце“, кончая словами „а любо испити шело-мь Дону“.¹ При таком предположении на каждый лист приходи-

¹ См. резюме доклада Соболевского в Историческом обществе Нестора-летописца 16 февраля 1886 г. (Чт. в Ист. общ. Нестора-летописца, кн. 2, Киев, 1888, стр. 264), а также его статью „Материалы и заметки по древне-русской литературе“ (ИОРЯС, 1916, т. XXI, кн. 2, стр. 210—212). — В своем издании текста „Слова“

лось бы по 9 строк, применительно к изданию „Слова“ Тихонравова, т. е. вдвое меньше, чем позднее рассчитал В. Н. Перетц, не заметив при этом, что при предложенном им расчете строк на лист в одном из списков, предшествовавших мусин-пушкинской рукописи, нельзя объяснить возможность путаницы листов в этом списке, так как при таком расчете абзац, начинающийся словами „Тогда Игорь възрѣ...“ занимал бы не лист рукописи, а только одну страницу ее. Ошибка эта вскоре же была осознана самим В. Н. Перетцом, заявившим об этом печатно и таким образом подтвердившим правильность расчета Соболевского.¹

Как бы то ни было, сама по себе указанная крупная перестановка, едва ли не единственная крупная, является совершенно оправданной с точки зрения смысловой и вполне объяснимой с точки зрения палеографической и должна быть, по нашему мнению, узаконена.²

Конструированный В. Н. Перетцом текст „Слова“ начала XV в., напечатанный по-славянски в верхней части страницы, не может претендовать на убедительность ни в отношении орфографическом, ни в отношении грамматическом и является весьма гадательным; что же касается грамматического и орфографического облика „Слова“, каким он должен был быть в рукописи XVI в., т. е. в мусин-пушкинской рукописи, и каким он показан в нижней части страницы, то следует

(1891 г.) В. А. Яковлев, видимо, не будучи знаком с соображениями Соболевского и независимо от него, предложил ту же перестановку, что и Соболевский, никак палеографически ее не мотивируя.

¹ В. Перетц. Э приводу статті проф. Груньського. Зап. Іст.-філол. відд. УАН, кн. XIX, 1928, стр. 352.

² Подробнее в защиту этой перестановки см. в моей заметке „О перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве»“ („Слово о полку Игореве“. Сб. иссл. и стат., изд. АН СССР, 1950). Пользуюсь случаем, чтобы исправить собственные свои оплошности в этой заметке: 1) как следует из сказанного выше, вопреки моему утверждению в указанной заметке, соображения Соболевского о количестве перепутанных листов в одном из списков „Слова“, предшествовавших мусин-пушкинскому, и о количестве строк, приходившихся на лист этого списка, правильнее, чем соображения В. Н. Перетца; 2) приоритет в предложении перестановки в начале „Слова“ принадлежит не Яковлеву, а Соболевскому.

П. А. Маштаков, вслед за Соболевским, предложил еще одну крупную перестановку в тексте „Слова“, мотивируя ее также спутанностью листов в списке, предшествовавшем списку Мусина-Пушкина: он полагает, что отрывок „Темно бо бѣ въ 3 день... А мы уже, дружина, жадни веселія“ по смыслу нельзя признать за продолжение ответа бояр и что он должен находиться там, где идет речь о бедствиях Русской земли, т. е. после слов „Уныша бо градомъ забрала, а веселіе пониче“ („К тексту «Слова о полку Игореве»“, ИОРЯС, 1921, т. XXIII, кн. 2, стр. 74—76). Но гипотеза Маштакова, сама по себе остроумная, во-первых, не диктуется в такой мере, как перестановка в начале „Слова“, требованиями логической последовательности (по смыслу допустимо и то расположение частей реконструированного Маштаковым текста, какое мы находим в мусин-пушкинском издании), во-вторых, при реконструкции Маштакова не получается совпадения того расчета листов и количества строк в них, какой очень правдоподобно установлен Соболевским для одного из списков „Слова“, предшествовавших мусин-пушкинскому.

сказать, что в результате очень осторожной работы над текстом, далекой от ничем не оправданной, сколько-нибудь решительной ревизии мусин-пушкинского издания, он явился шагом вперед в текстологическом отношении. Трудно согласиться лишь с преувеличенной оценкой В. Н. Перетцем екатерининской копии, чтения которой использованы им при установлении текста „Слова“ в большей мере, чем это следовало бы. Само собой разумеется, что основная крупная перестановка, как и три других, в пределах одной-двух строк, предложенные Перетцем вслед за некоторыми его предшественниками, ставит себе задачей восстановление не мусин-пушкинского списка, а одного из предшествовавших ему списков. Нужно, однако, сказать, что кроме основной, крупной перестановки в начале „Слова“, рациональной и убедительной может считаться лишь одна из трех других — сравнительно мелких: постанова слов „и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста Хинови“ не после слов „аки пардуже гнѣздо“, как в первом издании, а после слов „Олеѣ и Святѣславъ тѣмою ся поволооста“.

Рядом с работой над текстом „Слова“ В. Н. Перетца должна быть отмечена и работа А. С. Орлова, опубликовавшего научно препарированный текст „Слова“ впервые в 1923 г. (Москва, изд. т-ва В. В. Думнов) и затем в научно-популярной серии Академии Наук СССР в 1938 и 1946 гг. В оба последние издания внесены поправки сравнительно с изданием 1923 г. Кроме того, орфографическая система мусин-пушкинского издания и екатерининской копии анализированы и объяснены в этих последних изданиях А. С. Орлова в особой VI главе книги. Текст „Слова“ в изданиях А. С. Орлова воспроизведен с очень большой бережностью в отношении к традиции, идущей от первопечатного издания. А. С. Орлов допускает лишь такие конъектуры, которые настоятельно вынуждаются очевидной порчей тех или иных чтений. В частности он вводит лишь одну небольшую перестановку (слов: „и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста Хинови“).

Теми же особенностями в основном характеризуется и работа над текстом „Слова“ С. К. Шамбинаго и В. Ф. Ржиги в издании „Academia“ (1934) и педагогические издания В. А. Келтуялы (1928) и Г. П. Шторма (1-е изд. 1934 г.).

Шагом назад, благодаря произвольным перестановкам и совершенно неоправданным конъектурам, является попытка реконструкции текста „Слова“ Л. А. Творогова („Примерный облик первоначального чтения текста «Слова о полку Игореве»“, на прав. рукоп., Новосибирск, 1944) и А. К. Югова („Слово о полку Игореве“, М., 1945).

В вышедшем к 150-летию юбилею первого издания „Слова“ сборнике Института русской литературы Академии Наук СССР „Слово о полку Игореве“ под редакцией В. П. Адриановой-Перетц (1950) имеется ряд статей, уясняющих некоторые текстологические

проблемы памятника (Л. А. Булаховского, В. Ф. Ржиги, М. В. Щепкиной, И. Д. Тиунова, Н. В. Шарлеманя).

В связи с той же юбилейной датой в серии „Литературные памятники“ Академии Наук СССР в 1950 г. вышло новое комментированное издание „Слова о полку Игореве“, отредактированное Д. С. Лихачевым.

В основу этого издания положено первопечатное издание памятника, по заявлению редактора, воспроизведенное „в наибольшей близости“, но с учетом всего того, что сделано было положительного в области текстологической критики „Слова“ за предшествующее время, причем редактор проявил сугубую сдержанность и осторожность в исправлениях издания 1800 г., прибегая к ним только в тех случаях, когда приходилось сталкиваться лишь с самыми очевидными ошибками первых издателей или с такими местами текста, которые считаются „темными“. В редких случаях вводятся исправления на основании несомненно лучших чтений екатерининской копии. Буква *i* в тексте всюду заменена *и*, которую редактор, вслед за А. С. Орловым, сделавшим такую же замену в своем издании „Слова“, считает для рукописей XVI в. более частой, чем буква *i*. Самый текст „Слова“ напечатан не в сплошную строку, а с разбивкой на отдельные строки, образующие ритмические единицы.

Таковы приемы критического издания текста „Слова“, примененные в этом издании.

В принципе следует вполне положительно оценить осторожность, какую редактор проявил в обращении с мусин-пушкинским изданием „Слова“: в конце концов, это издание дает единственный реальный текст, которым мы можем пользоваться, не рискуя прибегать ко всякого рода домыслам, в большей своей части являющимся все же гипотетическими. Но вместе с тем необходимо сказать, что не следовало бы этот текст в целом канонизировать в такой степени, как это делает Д. С. Лихачев. Он правильно поступает, допуская одну перестановку нескольких слов в середине текста, ту же, какая, как единственная, была допущена и А. С. Орловым (слов: „и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста Хинови“), но отказывается в то же время от той вполне оправданной большой перестановки, какую сам же, вслед за Соболевским, ввел год назад в редактированном им же тексте „Слова“ в малой серии „Библиотеки поэта“ (перестановка в части текста „О Бояне, соловію стараго времени... а князю славѣ“ впереди абзаца „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце... а любо испити шеломомъ Дону“).

Что касается поправок к изданию 1800 г., вводимых редактором на основании бесспорно лучших написаний екатерининской копии, то следует сказать, что он находился в очень затруднительном положении: лингвистические соображения, особенно о том, какие написания с глухими в конце слов точнее воспроизводят погибший список

„Слова“ — написания издания 1800 г. или екатерининской копии — до сих пор являются гадательными и спорными. Такими они, видимо, останутся и всегда, и поэтому нет ничего удивительного в том, что мы встречаемся с разноречиями у редакторов текста „Слова“, когда они делают выбор между чтениями мусин-пушкинского издания и екатерининской копии.

Нельзя считать бесспорным и обычно отдаваемое Д. С. Лихачевым в этом случае и в других предпочтение начертаниям издания 1800 г. перед начертаниями екатерининской копии. Можно думать, например, что принятые Д. С. Лихачевым написания этого издания „половецкаго“, „старога“, „залетѣло“, „залетѣти“, „полетѣти“, „стрѣлами“ (дважды) „веселія“ вместо „половецкого“, „старого“, „залѣтѣло“, „залѣтѣти“ „полѣтѣти“, „стрелами“, „веселія“ екатерининской копии введены первыми издателями в угоду современной им орфографии.

Не все конъектуры, принятые Д. С. Лихачевым, способствуют прояснению некоторых почти безнадежно темных мест „Слова“. К числу их принадлежит: вместо „Спала князю умь похоти“ 1-го изд. — „Спаль князю умь похоти“ (в авторском переводе — „ум склонился князя перед желанием“); вместо „на болони бѣша дѣбрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю“ 1-го изд. — „на болони бѣша дѣбрь кияня и несошася къ синему морю“ (в авторском переводе — „в предградье стоял киевский лес, и понеслись (они — вороны) к синему морю“). (В этой конъектуре, во-первых, отсутствует логическая связь между обоими предложениями, во-вторых, Святослав, рассказывая боярам о своем сне, говорит о необычных, тревожных вещах, привидевшихся ему, и странно было бы, если бы рядом с ними указывалось, как недоброе предвестие, то, что было не во сне, а наяву, т. е. киевский лес, который, по справке комментатора, на самом деле находился перед теремом Святослава); вместо „и схоти ю на кровать и рекъ“ 1-го изд. „и съ хотию на кровъ, а тѣй рекъ“ [в авторском переводе: „(прибит) на кровъ со своим любимцем, а тот сказал“]. Все эти конъектуры так же мало проясняют смысл этих темных мест, как и другие, ранее предложенные. Вряд ли вообще кто-либо может дать удовлетворительные и убедительные исправления этих совершенно невразумительных мест.

Едва ли мы также уясним себе когда-нибудь такое предельно искаженное предложение, которое с незначительными вариантами читается в мусин-пушкинском издании и в екатерининской копии: „Рекъ Боянъ и ходы на Святѣславля пѣстворца старога времени Ярославля, Ольгова Коганя хоти“. И принятая Д. С. Лихачевым, вслед за Забелиным, конъектура „Рекъ Боянъ и Ходына, Святѣславля пѣснотворца старога времени Ярославля, Ольгова коганя хоти“ (в переводе: „Сказали Боян и Ходына, святославовы песнотворцы, старого Ярослава, Олега князя любимцы“) едва ли что-либо уясняет по-настоящему в этом безнадежно испорченном месте „Слова“.

С исторической точки зрения соблазнительна конъектура, предложенная Д. С. Лихачевым: „Ярослави и вси внуце Всеслави“ вместо „Ярославе и вси внуце Всеслави“, но едва ли она приемлема с точки зрения синтаксической.

Трудно принять давно уже предложенную конъектуру „Стugna... растрена к устью“ (в переводе — „Стugna... расширенная к устью“): во-первых, каждая река к устью расширяется, и ничего тут характерного для Стугны нет, во-вторых, в тексте дается не безразличная, а отрицательная характеристика Стугны.

Нет оснований менять, как это делается в большинстве изданий „Слова“, как это сделано и в настоящем издании, пунктуацию и вместе с нею смысл во фразе, так напечатанной в 1800 г.: „Хощу бо, рече, копие приломити конецъ поля Половецкаго съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону“; — устраняя запятую после „Русицы“ и перенося ее после слов „конецъ поля Половецкаго“. Обращаясь к дружине, Игорю естественнее было бы призывать ее вместе с собой к одолению половцев, а не к тому, чтобы вся поголовно дружина сложила свою голову в битве с врагами. Гораздо правдоподобнее, что Игорь готов был жертвовать лишь своей головой, а не головами своих дружинников.

Напрасно редактор, вслед за А. С. Орловым, всюду в тексте „Слова“ *i* заменяет буквой *и* на том основании, что якобы буква *и* в рукописях XVI в. ставится значительно чаще, чем *i*, которое будто бы введено первыми издателями под влиянием орфографии XVIII в. Такая замена совершенно не оправдана: сто́ит посмотреть снимки с рукописей XVI в. (да и XV и XVII вв.) или хотя бы соответствующие страницы в „Исторической хрестоматии“ Буслаева, чтобы убедиться в том, что утверждение это неправильно. Наоборот, в рукописях XVI в. мы нередко встречаем *i* там, где полагалось бы быть *и*. Это правильно подметил и Барсов, указавший, что в „рукописях XVI в. получило весьма широкое употребление десятиричное *i*, которое часто ставилось там, где в древнем письме стояло *и* осмиричное“.¹

Нельзя, разумеется, отрицать в „Слове“ наличия большого количества ритмически организованных частей текста, но все же „Слово“ целиком не поддается ритмическому членению или, если угодно, поддается в такой же мере, как, например, многие места летописи: сравнительно несложная синтаксическая структура древне-русской прозы легко может ввести в соблазн придать ей ритмическое членение, но оно неизбежно окажется искусственным, так же как и в ряде случаев в тексте „Слова“, в частности, в тексте настоящего издания.

Мы, естественно, дольше задержались на характеристике последнего по времени издания текста „Слова“, вышедшего в академической

¹ Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. II. М., 1887, стр. 124.

серии, так как это издание, несмотря на некоторые свои спорные стороны, в основном является нормой, какая должна быть принята и в дальнейших изданиях текста „Слова“ и в дальнейших работах в области текстологии нашего памятника.

Назрела пора в академическом издании „Слова о полку Игореве“. В таком издании должны быть сведены в особом комментаторском аппарате все научные конъектуры к тексту „Слова“, когда-либо предложенные исследователями. Такого рода издание не только выявит историю почти полуторавековой работы по установлению этого текста, но поможет и в дальнейшей текстологической работе над „Словом“.

Необходимо продолжить и обновить очень плодотворную работу по составлению словаря „Слова“, начатую, но не доведенную до конца Барсовым. Следует фототипически издать екатерининскую копию „Слова“, которую не может заменить даже такая точная ее транскрипция, какая сделана П. К. Симони. Полезно было бы, наконец, продолжить работу над текстом „Слова“ в том палеографическом плане, какой мы имеем в трудах Тихонравова, Барсова, Козловского.

Н. В. ШАРЛЕМАНЬ

Заметки натуралиста к „Слову о полку Игореве“

1. Бегство Игоря из плена

Описанию побега Игоря из половецкого плена в „Слове о полку Игореве“ предшествует так называемый плач Ярославны. Повидимому, эта часть „Слова“ возникла в замысле автора, как последний стимул, заставивший Игоря решиться на побег.

О месте пребывания Игоря в плену только Ипатьевская летопись сообщает конкретные данные: „И посла Игорь къ Лаврови конюшаго своего, река ему: «переѣди на ону сторону Тора съ конемъ поводнымъ»“ (стр. 226). В. Татищев в „Истории Российской“ (кн. III, 1774, стр. 270) сообщает, что Игорь был в плену не у Тора, а где-то вблизи Донца. Однако, убедившись в большой точности данных „Слова“, я считаю, что Игорь пребывал в плену в местах зимних кочевий половцев на побережье Азовского моря, а не вблизи р. Тора или Донца. Целый ряд высказываний „Слова“ говорит за то, что Игорь жил вблизи моря. Например фраза: „вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синем море у Дону, плещучи“, повидимому, отражает наблюдения автора „Слова“ во время пребывания в плену. Есть ряд данных о том, что „землей Трояней“ могло быть Приазовье. Здесь, недалеко от г. Осипенко (Бердянска), в древности был город Троян, существующий и в настоящее время в виде районного центра Трояны.¹ „О! далече зайде соколь, птиць бя къ морю!“. Как я выяснил в одной из предыдущих работ, речь идет о соколах, следующих за стаями уток, зимующих на Азовском море.²

Выражение „прысну море полунощи“ тоже говорит о том, что свой побег Игорь начинал откуда-то, где вблизи было море. Особенно показательна фраза: „Игорь мыслию поля мѣрить от великаго Дону

¹ По свидетельству А. В. Лонгинова („Слово о полку Игореве“. Одесса, 1911) средневековый арабский географ Едризид в своем атласе поместил Трою между Днепром (Данаприс) и Доном, вблизи Куманин, т. е. Половецкой земли.

² Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полку Игореве“. Тр. ОДРА, т. VI, 1948.

до малаго Донца“. Ведь если бы место пребывания Игоря в плену находилось где-либо вблизи Тора, незначительного притока Донца, или вблизи самого Донца, то не волновали бы Игоря мысли о пути от Дона до Донца, и путь на родину не представлял бы особых трудностей.

„Слово“ и летопись не содержат конкретных сведений о времени побега Игоря. Основываясь преимущественно на фенологических данных, отраженных в „Слове“, я предполагаю, что побег произошел через год после пленения,¹ в мае, возможно в начале июня 1186 года. Другие исследователи полагают, что Игорь бежал осенью того же года, когда попал в плен. В последнее время В. В. Данилов² пытался даже подкрепить свою гипотезу фенологическими сведениями из „Слова“.

О длительности пребывания Игоря в плену косвенные указания дает Ипатьевская летопись. Половцы предоставили своему пленнику большую свободу и разрешили ему охотиться: „гдѣ хочеть, ту ѣздышетъ и ястребомъ ловяшетъ“. Сопровождавшие его 20 сторожей, среди которых было пять „господидичев“, скорее были почетным конвоем, так как беспрекословно исполняли приказания Игоря. Надо полагать, что половцы не предоставили бы таких льгот своему пленнику, виднейшему врагу, вскоре после его плена. Далее в Ипатьевской летописи и в „Истории российской“ В. Татищева (1774, кн. III, стр. 269) упоминается, что Игорь вызвал к себе с Руси „попа со святой службой“. Это тоже свидетельство длительности пребывания князя в плену. Несомненно Игорь должен был хорошо „обжиться“, чтобы получить такую свободу действий.

В. В. Данилов пытается найти подтверждение своей мысли о побеге Игоря осенью в фразах: „прысну море полунощи; идуць сморци мглами“. Однако смерчи или сморци, как они названы в „Слове“, или сморчи, как их и ныне еще называют кое-где на побережьях наших южных морей, образуются только в жаркое время года, чаще всего весной или в начале лета, преимущественно в после-полуденные часы.³ В осеннюю пору смерчей не бывает. На Украине смерчи наблюдаются главным образом на юге, на побережьях морей или на морях. Там, где проходят смерчи, достигающие у нас лишь незначительных размеров, „море волнуется, как бы кипит вследствие сильного разрежения воздуха“.⁴ Отсюда выражение в „Слове“ „прысну море“. Смерчи — вихревые движения сильно нагретого воз-

¹ Н. В. Шарлемань. Природа в „Слове о полку Игореве“. „Слово о полку Игореве“. Сб. иссл. и статей. Изд. АН СССР, 1950, стр. 216—217.

² В. В. Данилов. Заметки к тексту „Слова о полку Игореве“. Там же, стр. 206.

³ На Волыни сморчем называется гриб-сморчок (Гринченко. Украинско-русский словарь). Впрочем смерч и сморчок происходят от одного корня (А. А. Потебня. „Слово о полку Игореве“. 2 изд., Харьков, 1914, стр. 114).

⁴ Проф. В. Н. Оболенский. Основы метеорологии. Сельхозгиз, 1933, стр. 304.

духа или воздуха и воды на море. Ночью смерчи не возникают.¹ Поэтому слово „полунощи“ указывает не время, а направление прохождения смерчей (к) „полунощи“, т. е. к северу.² Старый боцман, перевозивший меня в конце мая с острова Джарылгача на Черном море в порт Скадовск, указывая на смерч, двигавшийся с юга к северу, говорил, что „сморчи“ или „столбы“ всегда идут с моря к берегу. То же утверждение я слышал и на Азовском море, на Белосарайской косе. Если даже отбросить эти единичные расспросные данные, как не типичные, то все же можно предполагать, что случай, когда Игорь видел движения смерчей к северу, он воспринял как указание пути „изъ земли Половецкой на землю Рускую“. „Идутъ сморци мьглами“ — значит, что смерчи „выходят из темных низких туч, сходных с грозowymi“.³ В тексте „Слова“ нет и намек на морские штормы, дожди и туманы, о которых пишет В. В. Данилов. Выражение из летописи: „Не угодися ему время таково, какого же искашеть“ вовсе не говорит о том, что Игорь ждал осенних ненастий, он попросту ждал благоприятной погоды.

Далее, в „Слове“ находим такое выражение: „Влуръ вльком потече, труся студеную росу“. Влур, как проводник, шел, конечно, впереди, поэтому ему пришлось принять на себя росу. Здесь мы видим метафору и вместе с тем реальный образ. Так, отряхивая с травы и кустов росу, трусдой бежит на рассвете волк, возвращаясь с ночной охоты на логово. Роса выпадает на предметы из прозрачного воздуха в очень прохладные ясные ночи. Наиболее обильна она на юге вблизи моря. Прохладные, а порою холодные ночи, на юге Украины нередко наблюдаются в конце весны или в начале лета. Осенью в дождливую или туманную погоду росы не бывает. Сильная роса признак хорошей погоды.⁴ И действительно, во время бегства стояли жаркие дни. Об этом говорит Игорь в своем обращении к Дону: „делевшу князя на вльнахъ, одъвавшу его теплыми мьглами подь сѣню зелену древу“. В холодную пасмурную погоду Игорь вряд ли купался бы и отдыхал на траве на открытых берегах реки.

Когда днем жарко, а ночью прохладно и даже холодно, то это признак длительной ясной и сухой погоды.⁵ Выражаясь современным техническим языком, в районе Донца в то время стационарировал антициклон. Для конца весны и начала лета на юге Украины характерно

¹ Там же. — В статье „Из реального комментария“ (стр. 216) я, подобно многим комментаторам, совершил ошибку, утверждая, что побег Игоря совпал в полночь с бурей и смерчами. Правильно это место читал А. А. Потехня: „прысну море; полунощи идут смерчи“ (ук. соч., стр. 140).

² Это толкование предложил еще Д. Дубенский („Слово о полку Игореве“, М., 1844, стр. 224), а за ним А. А. Потехня (ук. соч.) и В. Перетц. „Слово о полку Игоревим“. Київ, 1926. — Позднейшие комментаторы его забыли.

³ В. Н. Оболенский, ук. соч.

⁴ Н. В. Колобков. Погода и ее предсказание. ГИЗ, 1950, стр. 48.

⁵ Там же.

длительное пребывание азорского максимума. Такой погоды и ждали Игорь и его проводник. Овлур, конечно, не повел бы Игоря осенью в дождь и туман, когда почва в степи часто размокает и становится труднопроходимой, а порою и совершенно непроходимой, когда по следам на размокшей земле легко обнаружить беглецов, а главное — в степи трудно прокормиться. В конце весны почва в степи быстро подсыхает, реки и ручьи входят в берега, а в пойме рек, в зарослях берегов и „подов“ в прежнее время можно было найти в большом количестве нелетных молодых и линяющих старых уток, гусей и лебедей. Вспомним, что линные гуси и в наше время еще недавно являлись основным продуктом питания некоторых народов севера, например на островах Вайгаче, Колгуеве, Новой Земле. Упоминание о том, что Игорь „полете соколомъ подъ мглами, избивая гуси и лебеди завтраку и обѣду и ужинъ“, хотя и метафора, однако она содержит в себе и реальные данные; ее надо понимать так: беглецы „избивали“ (возможно простыми палками) нелетных гусей и лебедей. В. В. Данилов пишет: „гуси и лебеди — не местные жители наших южных широт“. Это неверно — в XII в. да и позже гуси и лебеди гнездились в несметном количестве не только на севере, но и на юге. Немного более двухсот лет спустя после Игорева похода, в 1339 г. митрополит Пимен, плывя на судах по Дону в Царьград, встречал множество диких животных, ныне исчезнувших в этих местах, в том числе гусей и лебедей.¹

Еще позже, в первой половине XVI столетия литовский дипломатический агент Михайло Литвин² видел на Украине по дороге в Крым огромное количество диких животных, особенно птиц. „Птиц такое поразительное множество, — пишет он, — что весною мальчишки наполняют лодки яйцами диких уток, гусей, журавлей и лебедей, а потом их птенцами наполняют птичники“. Даже в наше время серые гуси и лебеди-шипуну продолжают гнездиться на Украине.³ Обилие дичи и дало возможность Игорю и его проводнику прокормиться в течение довольно продолжительного путешествия. В осеннюю пору вся дичь,

¹ Хождение митрополита Пимена в Царьград. ПСРА, т. XI, 1897, стр. 95.

² Michalonis Lituani. De moribus tartarorum, lituanorum, et moscorum, 1550. Пер. в „Мемуарах, относящихся к истории Южной Руси“ (вып. 1, Киев, 1890, стр. 90).

³ Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полку Игореве“. Тр. ОДРА, т. VI, 1948, стр. 118; Птицы УРСР. Изд. АН УРСР, 1939, стр. 194; О гнездовании лебедя-шпуну на Украине. Природа, 1950, № 8, стр. 69. — Из пяти упоминаний лебедей в „Слове“ три первых относятся к кликуну, по-украински — скрипуну, бывающему на Украине на пролетах и на зимовке на Черном море, а два последних упоминания относятся, по-видимому, к лебедю-шипуну, по-украински — шовкуну, в незначительном количестве гнездящемуся у нас, а в древности гнездившемуся в огромном количестве. А. А. Потенция („Слово о полку Игореве“. 2 изд., 1914, стр. 151—155) уделил большое внимание лебедям, в частности лебединому крику „пению“. Видное место занимают лебеди, а отчасти дикие гуси, в казачьих думах (М. Максимович. Украинские народные песни, 1834).

как говорят охотники, была бы „на крыле“, и добыча ее для беглецов представляла бы большие затруднения.

Остальные зоофенологические данные этой части „Слова“ вполне соответствуют весне, а не осени. „Веселые песни“ соловьев на рассвете, „текот“ дятлов (судя по местонахождению так называемых седых дятлов — *Geisinus capus* Gm.), ползание полозов, чайки, встречающие криком приближающегося человека¹ — все говорит о весне, о брачной поре в жизни птиц и змей. „Соловии“, которые „веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ“ — центральная фигура в этой чудесной картине весны. Эта фраза не может быть отделена от описания побега. Молчание сорок, ворон и галок, повидимому, тоже свидетельствует о весне. Занятые своими семьями, эти птицы держатся обособленно, в то время, как осенью они собираются в стаи, и тогда громкими криками встречают и зверя и человека, укрывающихся в зарослях. К тому же врановые птицы в наших южных широтах заметно малочисленнее, чем в северных. Особенно многочисленны сороки и серые вороны в долине Десны. Их повадки Игорь хорошо знал. Вот почему он боялся встречи с ними, вот почему их молчание отмечено в „Слове“, как благоприятное для побега обстоятельство.

Перечисленные в „Слове“ птицы и змей-полозы деятельны только днем. Таким образом, отмеченные в „Слове“ предельно точные и реальные наблюдения говорят за то, что побег происходил в основном днем, а не „темными длинными ночами“, как полагает В. В. Данилов. Начав побег в полночь, беглецы в течение двух первых суток проскакали на лошадях по открытой степи, повидимому, до „луга Донца“. Луг густой, урѣмный лес служили беглецам надежным прикрытием. Еще А. А. Потехня,² а позже В. Н. Перетц,³ указывали, что слово „луг“ на древне-русском языке имело значение поѣмного леса, как и на современном украинском языке. У М. А. Максимовича⁴ можно найти немало доказательств того, что „луг“ — синоним леса, точнее поѣмного леса — уремы: „Не сиза зозуленька (кукушка. — *Н. Ш.*) в темному лузі кувала“ сказано в одной из казацких дум, или — „Ой не шуми, луже, дібровою дуже“, поется в бурлацкой песне. Не открытое пространство — травянистый луг (по-украински лука), а урѣмный лес мог служить укрытием для беглецов. Об этом говорит Игорь в своем обращении к Донцу: „одѣвавшу его теплыми мглами подѣ сению зелену древу“.

¹ Н. В. Шарлемань. Из реального комментария... , стр. 113. — Пользуясь случаем объяснить Л. А. Булаховскому („Слово о полку Игореве“ как памятник древне-русского языка“. („Слово о полку Игореве“. Сб. иссл. и стат., 1950, стр. 144), почему я считаю слова „чайцами на струях“ относящимися к русской чайке (*Larus*), а не к украинской и польской чайке (*Vanellus vanellus* L.). Дополнение „на струях“ может относиться только к чайке *Larus*, так как украинская „чайка“ — *Vanellus* держится не на воде, а на суше — на лугах, в степи и т. д.

² Уж. соч., стр. 142.

³ Володимир Перетц. „Слово о полку Игоревім“. Київ, 1926, стр. 314—315.

⁴ М. Максимович. Украинские народные песни. М., 1834.

И в наше время пойма Донца местами покрыта густыми зарослями ивы, тополей, дуба, крушины, калины, перевитых ежевикой, хмелем, красным паслёном и проч. Пешие беглецы, конечно, не могли бы быстро пробираться в таких зарослях в ночную пору. Их передвижение нельзя было бы сравнить ни с полетом сокола, ни с бегом волка. Для конных Гзы и Кончака эти заросли были недоступны и днем. Только тревожное стрекотание сорок, карканье ворон и крики галок могли бы выдать половецким ханам беглецов. К счастью, эти птицы молчали, а пение соловьев да стук дятлов создавали картину спокойного весеннего утра. В итоге погоня кончилась для половцев неудачей. И ханы стали совещаться о том, чем обезвредить побег из плена опасного врага.

В целом картина бегства Игоря и возвращения его на родину представляется нам следующим образом. Мысли о родине, о доме, о жене у Игоря вызвали страстное желание бежать из плена. Князь принял предложение полуполовчанина Овлуря быть проводником в Новгород-Северскую землю. Заговорщики ждали только благоприятной погоды. В конце весны установилась ясная, сухая погода. Днем с моря к берегу шли смерчи, под ними волновалось море, вверху их венчали тучи. Смерчи шли к северу, как бы указывая Игорю путь в родную землю. В условный день, когда погасла вечерняя заря, Игорь, несмотря на то, что до полуночи оставалось много времени, не мог уснуть. Он ясно представлял себе трудный длинный путь от Дона до Донца, откуда недалеко было до Новгород-Северской земли. В полночь кони были приготовлены. Овлур за рекой издал условный свист. Игорь побежал к реке, а в половецком стане поднялась тревога. Князь с ловкостью горностая вскочил в тростник, с легкостью гоголя переплыл через реку, вскочил на коня и беглецы понеслись. Соскочили с загнанных коней и побежали к лесу, находившемуся в долине Донца. С быстротой сокола бежал князь, попутно добывая нелетных гусей и лебедей, чтобы пропитаться ими в течение дня. Начав бегство в полночь, в дальнейшем переходы делали днем, выходя на рассвете. Овлур шел впереди, принимая на себя „студеную росу“. Ведь они загнали своих быстрых лошадей.

Добрались до Донца. Здесь было безопасней. В тени деревьев прятались от возможной погони. Когда опасность казалась далекой, Игорь купался или отдыхал на траве на берегах реки. Отдыхая, зорко следили за поведением птиц на реке. Птицы как бы стерегли беглецов. Чуткие гоголи и чернети, увидя людей, приближающихся к реке, взлетели бы, а чайки встретили бы нарушителей покоя пронзительным криком. Донец, казалось, приветливо принял беглецов. Вспомнилась река Стugna, в которой, несмотря на незначительную глубину ее, в устье вблизи Днепра, утонул юный князь Ростислав.

Однажды беглецам почудилось как бы стрекотание сорок, но это были не птицы, а Гза и Кончак, ехавшие по следам Игоря. К счастью,

в этих местах не было сорок, ворон и галок, которые своими криками могли бы выдать спрятавшихся беглецов. Ползали только полозы, а стук дятлов служил приметой близости реки. Это случилось на рассвете, когда пение соловьев как бы предвещало восход солнца.

Беглецы не были обнаружены. Разочарованный неудачей, Гза предложил Кончаку за побег „сокола“ (Игоря) расстрелять стрелами „соколича“ — сына Игоря, Владимира, оставшегося в плену. Кончак же советовал обвенчать „соколича“ с „красной девицей“ (Кончаковной). Гза ответил, что если женить „соколича“ на „красной девице“, то не будет у половцев ни „соколича“ ни девицы, а „птицы“ (т. е. русские) будут бить половцев на их земле.

2. Сон Святослава и его толкование

Одно из „тёмных мест“ „Слова о полку Игореве“ — сон, правильное сновидение Святослава, уже давно привлекает внимание исследователей. Еще первые авторы, работавшие над оригиналом „Слова“, пытались выяснить смысл Сна в целом и значение географических названий: Пльсьнска, дебри Кисаню, болони.¹ В. В. Капнист, как это видно из недавно опубликованного материала,² еще в первое десятилетие прошлого века приложил много усилий к тому, чтобы выяснить перечисленные выше географические названия. В отличие от первых исследователей он искал разгадку этих слов не вдали, не в Галицком княжестве, а в центре Киевской Руси, в Киеве. Однако несмотря на то, что истекло 150 лет от начала работы над „Словом“, несмотря на усилия нескольких поколений ученых, смысл Сна Святослава и в наше время не может считаться достаточно выясненным. Об этом свидетельствует хотя бы то, что для объяснения одного только слова кнѣзь потребовалась большая статья;³ еще больше говорят о нашем лишь относительном понимании этой части „Слова“ переводы как старые, так и новейшие.

Только первая половина Сна, в которой перечислены зловещие предзнаменования, грозившие бедой Святославу, возможно его роду-дому („терему златоверхому“), объясненная достаточно полно еще первыми исследователями, нам понятна. Что же касается конца Сна, его зрительно-слуховой части, изложенной в I издании так: „Всю ночь съ вечера бусови врани взграяху, у Пльсьнска на болони бѣша дебрь Кисаню и не сошлю къ синему морю“, — в которой речь идет о дурном предзнаменовании для всего государства, то она, если и не стала

¹ Ироническая пѣснь о походѣ на половцовъ и т. д. 1800, стр. 23, 24.

² Д. С. Бабкин. „Слово о полку Игореве“ в переводе В. В. Капниста. „Слово о полку Игореве“. Сб. иссл. и ст. Инст. русск. лит. (Пушкинский Дом) АН СССР. 1950, стр. 320—399.

³ М. П. Алексеев. К „Сну Святослава“ в „Слове о полку Игореве“. Сб. иссл. и ст., стр. 226—249.

темнее, то и не прояснилась. А между тем еще В. В. Капнист удивительно просто и правдоподобно перевел это место: „всю ночь с вечера бусовы вороны каркали у Пленска на выгоне, усевшись в дебри Кисановой, и не сошли к синему морю“.¹ Позже М. А. Максимович² трактовал это место реалистически, а за ним Д. Дубенский предложил тоже довольно правдоподобный перевод: „Всю ночь с вечера бесовы бороны каркали у самого Плесньска на выгоне были дебри Кисаня, а я, будто бы, не в силах его прогнать к синему морю“.³

Местоположение болони в пойме Днепра под Киевом было указано еще в первом издании. В. В. Капнист предложил гипотезу о том, что Плесньск „селение за Подолом, за Кириловский монастырь продолжающееся, и ныне называется Плоское“.⁴ Путем переписки с киевским губернским почтмейстером И. С. Бажановым, упомянутый исследователь пытался выяснить значение слов Плесньск и дебрь Кисаня.⁵

После этих реалистических толкований и стремлений наступил период искажения „темного места“. Макушев⁶ предложил „дебрь Кисаню“ первого издания читать „дебрские сани“, „не сошлю“ заменили „не сошася“. Удивительно, что эти необоснованные толкования нашли многих последователей и удержались в литературе свыше 80 лет до настоящего дня. Как только ни переводили „дебрь Кисаню“: то — змеи, то лесные змеи, то змеи ущелий, то похоронные сани! Значительный вред правильному толкованию Сна принесло сообщение Р. Заклинского,⁷ будто бы им найдена вблизи Плеснисько в Золочевском повите на Львовщине „дебрь Кисаню“. Это сообщение как бы подтверждало предположение первых исследователей, искавших Плесенск в Галицком княжестве. Однако вскоре Ив. Франко (1906) высказал сомнение в правильности сообщения Р. Заклинского, а Щурат (1907), побывав в указанных местах, решительно опроверг существование „дебри Кисаню“ в Золочевском повите.

К правильному толкованию Плесенска возвратился А. В. Лонгинов.⁸ Повидимому, независимо от В. В. Капниста, он пришел к заключению, что Плесенск находился под Киевом „на болони у озера Ерданского“. Подвергнув пересмотру высказывания по поводу дебри Кисаню и Плесенска, автор этих строк пришел к выводу, что дебрь Кисаню — искажение дебри Кияни, находившейся в овраге, по которому

¹ Д. С. Бабкин, ук. соч., стр. 338.

² Песнь о полку Игореве. ЖМНП, 1836—1837.

³ „Слово о полку Игореве Святослава песнотворца старого времени“, 1844, стр. 123.

⁴ Д. С. Бабкин, ук. соч., стр. 375.

⁵ Там же, стр. 321 и 323.

⁶ Рецензия на 1-е изд. „Слова“. ЖМНП, 1867, цит. по В. Перетц: „Слово о полку Игоревим“, стр. 259.

⁷ Пояснения одного темного місця в „Слові о полку Игоревім“. „Діло“, Львів, 1906, стр. 45.

⁸ „Слово о полку Игореве“. Одесса, 1911, стр. 70.

протекал ручей Киянь, бравший свое начало в недрах Киевской Горы в северо-западной части Старого города. Дебрь была расположена вблизи Плесенска, называвшегося позже Плоским или Плеским, и подходившая с востока к р. Глубочице. В середине XIX в. Плоское было переименовано в Плоскую часть. Болонью, впоследствии Оболонью, когда-то называлось пространство между валами — защитными сооружениями по обеим сторонам нижнего течения р. Глубочицы.¹ Не зная, тогда еще неопубликованного, толкования Плесенска, предложенного В. В. Капнистом, я, признавая Плесенск Плоским, однако, в отличие от Капниста и А. В. Лонгинова, передвинул это древнее урочище на 2—4 км к р. Глубочице, к нынешней улице Нижнему и Верхнему валу.

Дебри — лесные заросли по оврагам, как это видно на плане древнего Киева, окружали его со всех сторон. В сочетании с оврагами, реками и ручьями и обрывистыми склонами холмов, дебри являлись естественным защитным кольцом вокруг важнейшей крепости Киевского государства — Киева, собственно его центральной части Горы. В доказательство того, что в XII в. по р. Кияни, или Киянке, как ее называли позднее, рос густой лес, можно привести ряд косвенных свидетельств. Вдоль ручья (может быть речки), в древности расположены были поселки ремесленников: Гончары, Кожемяки,² Дегтяры. Для того чтобы гнать деготь и смолу, нужна была значительная площадь леса, состоящего преимущественно из берез и сосен. Для обжига гончарных изделий и кирпича тоже требовался лес. Кожевникам (кожемякам) нужна вода для предварительной обработки кож, дубовая кора — для дубления и деготь для окончательной обработки грубой кожи. Очевидно все условия были благоприятны для существования поселков ремесленников в овраге под Киевской Горой, вне защищавших ее стен. Теперь эти древние названия: Кожемяки, Гончары, Дегтяры, Киянка, Глубочица сохранились лишь в названиях улиц.

Древесные заросли поселения кожемяк, занимавшихся обдиранием кож воловьих, лошадиных и козлиных³ и их выделкой, привлекали большое количество серых ворон и воронов. Еще недавно эти птицы во множестве водились на окраинах города, особенно вблизи кожевенных заводов, на полях орошения и около так называемого утилизационного завода, т. е. мест, где сдирают шкуры с павших животных. В прошлом вороны были естественными санитарами окрестностей населенных мест.

Итак, вороны были многочисленны в дебри Кияни под Киевской Горой.

Гениальный наблюдатель, автор „Слова“ знал, что в снах часто отражаются наши прежние переживания и впечатления. В тревожные

¹ Дебрь Кисаню — дебрь Киянь. Сб. иссл. и ст., 1950, стр. 209—211.

² Н. За к р е в с к и й. Описание Киева, 1868, ч. II, стр. 272 и др.

³ Б. А. Р ы б а к о в. Ремесло. История культуры древней Руси, 1948, стр. 149.

годы княжеских междоусобиц, в постоянном страхе перед возможным нападением врагов — естественно возникала мысль о смерти, о гибели окружающего. Одна из центральных фигур „Слова“ Святослав Киевский, по замыслу автора, выразил в своем зрительно-слуховом „мутном сне“ — кошмаре тревоги переживаемого странюю времени. В Сне Святослава упоминается крик ворон в течение всей ночи. Ночной грай ворон происходит тогда, когда на спящих птиц нападает хищник, чаще всего их злейший враг филин. Филинов, по-местному пугачей, в оврагах и густых лесах вокруг Киева в древности жило, надо полагать, немало. Нападение на ворон куницы тоже вызывает крики и смятение в среде собирающихся во множестве на ночевку птиц. Почему же крики серых ворон, по замыслу автора „Слова“, взволновали во сне Святослава не меньше, чем предзнаменования его собственной смерти, чем „черная паполома“, горькое вино (возможно отравленное), крупный жемчуг, крыша без князька?

Если вспомнить, что в „Слове“ метафоры построены на реальной почве, то нетрудно догадаться, почему вороний грай составляет, по-видимому, самую важную, заключительную часть тяжелого сна. Воробы, преимущественно серые — бусови враны, как известно, в „Слове“ являются уподоблением половецкого войска. Когда Святославу приснилось, что он слышит под стенами города карканье ворон, то это означало, что враги-половцы подошли вплотную к крепости — Горе, резиденции князя, местожительству его семьи, дружины, духовенства. Враг подошел долиной Кияни или Киянки и сосредоточился в густом лесу. А по этой долине, удоьем Гончаров и Кожемяк, проходила единственная дорога с Подола на Гору. Крутой Боричев взвоз, по которому ехал к Пирогощей Игорь, мало пригоден даже для проезда верхом. Андреевский спуск открылся лишь в начале XVIII в.¹ Бывшая Александровская улица (ныне ул. Кирова), проложена с Подола на Крещатик еще позже, в начале XIX в. До XVII в. здесь была, по плану Н. Закревского, только „стежка“,² т. е. тропа.

Появление врагов в дебри Кияни означало, что они (враги) одолели несколько защитных линий вокруг Киева, перешли Днепр где-то вблизи Вышгорода или Чертороя, как это делали многие князья и степняки, нападавшие на Киев. С северо-запада вышел на Болонь в 1095 г. половецкий хан Боняк;³ в 1139 г. тем же путем на Киев наступал Всеволод Ольгович; в 1161 г. Изяслав III перешел Днепр, стал на Болони в дозах.⁴ В разное время в этом направлении наступали хазары, печенеги, торки, берендеи, черные клобуки, половцы и

¹ Н. Закревский, ук. соч., стр. 172. — Его же План Киева от 988 до 1200 г. и Чертеж Киеву-граду, 1693—1695.

² Он же. План Киева от 1400 до 1660 года.

³ Дубенский, ук. соч., стр. 122 и В. Капнист.

⁴ Н. Закревский, ук. соч., стр. 343.

князя, стремившиеся овладеть „золотым киевским столом“.¹ С запада и северо-запада Киев не имел таких неприступных в то время естественных преград, какими он был окружен с остальных сторон. Значение местности к западу и северо-западу от Киева в древности было очень велико. Не напрасно Н. Закревский, впрочем несколько преувеличивая, писал, что „в целой России нет места столь упитанного кровью и костями“.² Значение местности в древнее и в более позднее время отчетливо видно на планах, составленных Н. Закревским и на оригинальном плане 1693—1695 года.

Приснившиеся Святославу половцы, чтобы попасть в долину Кияни, должны были преодолеть Днепр, валы вдоль Глубочицы и взять вал, замыкающий вход в долину Глубочицы между холмами Уздыхальницей и Щекавицей (по-местному Скавика), так называемый Копырев конец. Тогда только половцы могли выйти на дорогу, ведущую вдоль Кияни на Гору. Киянь брала свое начало в пределах укрепленного места Горы. Впоследствии ее исток был засыпан и застроен.³ Ручей, повидимому, снабжал водой важнейшую часть города и это увеличивало его значение. В долину Кияни можно было проникнуть и с запада по долине р. Глубочицы.

Слышанный Святославом во сне грай ворон, в иносказательном понимании — крики половцев под стеною крепости, в наименее защищенном месте, по замыслу автора „Слова“, должен был выражать наиболее тяжелую часть „мутного сна“. Положение Святослава еще усугублялось тем, что он „не сослал“,⁴ т. е. не имел сил для того, чтобы отогнать (сослать) ворон — половцев к Синему морю, в прилегающие к Азовскому морю степи, коренные места половецких кочевий. По замыслу автора „Слова“, бессилие князя, повидимому, явилось следствием поражения Игорева войска. В системе защиты государства образовался прорыв: „отворились Полю ворота“ на Русскую землю.

В таком толковании конец Сна Святослава должен быть переведен так: „Всю ночь с вечера ‘серые вороны (половцы) граяли (кричали) у Плесенска на болони, в дебри Кияни (а я не мог) сослать их к Синему морю“. Таков смысл этой, повидимому, слегка испорченной при переписках и при первом прочтении фразы.

Толкование Сна Святослава его боярами находится в полном соответствии с замыслом автора „Слова“. Все „зловещие предзнаменования“⁵ оправдались. Беда произошла потому, что два сокола (Игорь и Всеволод) попали в плен. Погасли два солнца, а с ними багряные

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Так и Ярославна плакала: „а бых не слала к нему слез“ и т. д.

⁵ О значении „зловещих предзнаменований“ в сне см.: В. Н. Перетц. „Слово о полку Игоревім“, Київ, 1926, стр. 256—259.

столпы (сын Владимир и племянник Игоря Святослав), а будущее двух „молодых месяцев“ Олега и Святослава (младших сыновей Игоря) заволось тьмой. И в этой части „Слова“ автор, верный своему приему брать материал для метафор из окружающей природы, для уподобления князей использовал наблюдавшиеся в 1185 г. перед битвой на Каяле астрофизические явления, известные под названием ложных солнц и лун.¹

Войско потонуло в море („езере“ Ипатьевской летописи). Половцы, насмешливо названные в Сне, повидимому, за звучание их говора для уха русских, „бусовыми вранами“ (подобно тому как речь Гзы с Кончаком напоминала стрекотание сорок), после победы над Игорем превратились в хищных гепардов, с присущей им кровожадностью и стремительностью набросились на Русскую землю. Дивы спустились на землю (т. е. сошли со своих вышек половецкие дозорные, так как надолго миновала опасность похода русских в землю Половецкую). Победа над Игоревым войском вызвала ликование среди восточных народов. Весть об этой победе встретили пением и готские девушки на побережье Азовского моря. Готы радовались, что отомщено поражение Шароканя, кроме того, они были посредниками половцев по продаже пленных, и большое количество пленных означало увеличение прибыли для готов.

Сон и его толкование — литературный прием автора „Слова“ для того, чтобы от частного — похода и поражения Игорева войска, перейти к общему — судьбе Руси, призывам к единению для отпора врагу. Эти части, как и все произведение, основаны на действительности. Эти части дают примеры частой в „Слове“ „поэтической лаконичности, ясной для современников и скрытой для поздних поколений“ (акад. А. С. Орлов).

3. Ковыль и поле

Под собирательными названиями в „Слове о полку Игореве“ упоминаются деревья, трава, тростие (тростник — *Phragmites communis*), дубие (дубрава). Дубравы — характерный для первой половины пути Игоревы войска растительный ландшафт. В этой же части пути, т. е. в лесостепной полосе и особенно во второй части — в степной полосе, по мере движения на юг, все чаще и чаще встречались открытые пространства, покрытые травянистой растительностью. Здесь, среди злаковых растений, обращали на себя внимание различные виды ковылей (*Stipa*). Ковыль для открытых пространств был столь же характерен, как и полозы, как дяблы для леса, чернети, гоголи и чайки для реки. Поэтому ковыль упомянут в „Слове“. Ярославна взывала к ветру: „Чему, господине, мое веселие по ковылию развея?“

¹ Г. И. Имедашвили. „Четыре солнца“ в „Слове о полку Игореве“. Сб. иссл. и ст., 1950, стр. 221.

План Києва 988—1200 г., по Н. Закревському „Описание Києва“.
 Заштрихованим кружком в центрі рисунка відмічено передбачуване місце знаходження
 „дебри Києви“.

В местах, по которым шел Игорь со своим войском и где пребывал в плену, ныне встречается семь видов ковылей.¹ Не меньше видов произрастало здесь, надо полагать, в XII в., причем не все виды связаны с настоящей степью. Так, например, ковыль Иоанна (*Stipa Iohannis*) в настоящее время распространен до северного предела лесостепи и южной границы лесной полосы. Он встречается на песчаных холмах по опушке старого бора и субора Пуща-Водица — севернее Киева и на склоне правого возвышенного берега Десны у Чернигова. По правому берегу Десны ковыль Иоанна, повидимому, распространен и далее к северу: я встречал отдельные растения у с. Макошина, возможно, он доходит до меловых обнажений у Новгорода-Северского.

В наше время стебли ковыля с перистыми осями — „султанами“ женщины собирают в значительном количестве в апреле и мае и продают в городах сухие букеты для украшений. В давние времена, когда было больше целины, поросли ковыля, без сомнения, занимали большие площади.

Песчаные холмы к северу от Киева и крутой берег Десны у Чернигова нельзя назвать степью. В Бузулукском бору Чкаловской области перистый ковыль также растет на склонах оврагов и проникает вглубь тенистого леса.² Таким образом в обращении Ярославны к ветру в упоминании ковыля нет основания видеть степь. А между тем еще А. А. Потехня³ в своем комментарии к „Слову“ прямо говорит — „по ковылю стало быть по степи“. В. Перетц⁴ тоже говорит: „по ковилю — себ-то по степу“. К такому же ошибочному выводу в последнее время пришел В. В. Данилов,⁵ предложивший упомянутую выше фразу из плача Ярославны интерпретировать так: „зачем, господин, развеял ты мое веселие по ковылистой степи?“.

Автор „Слова“ нарисовал в своем воображении Ярославну на забороле, провожавшую Игоря в поход. Забороло было на ограде — „столпии“ на валу, окружавшем город-крепость.⁶ Склоны вала, повидимому, были покрыты травянистой растительностью. Вполне возможно, что среди этой растительности преобладал ковыль. То была не целина, а пустошь на насыпной земле. Перед валом за рвом вероятно была болонь. Вопреки приведенной В. В. Даниловым⁷ цитате из С. Н. Терпигорева-Атавы, ковыль растет не только на целине, но и

¹ Флора СССР, Изд. АН СССР, Л., т. II, стр. 84—112.

² В. Н. Васильев. Закономерности процесса смен растительности. Мат. по ист. флоры и растит. СССР. Изд. АН СССР, т. II, 1936, стр. 386.

³ „Слово о полку Игореве“, 2-е изд., 1914, стр. 139.

⁴ „Слово о полку Игореве“, 1926, стр. 308.

⁵ Заметки к тексту „Слова о полку Игореве“. „Слово о полку Игореве“. Сб. иссл. и ст., 1950, стр. 205.

⁶ О древних валах см.: Н. Н. Воронин. Крепостные сооружения. Ист. культ. др. Руси, т. I, стр. 443.

⁷ Заметки к тексту „Слова о полку Игореве“, стр. 204.

на распаханной земле, на старых перелогах и залежах, возобновляясь в течение длинного ряда лет после распашки.¹

Плачущая женщина на забороле и „струящийся мелкой серебристой зыбью“ ковыль ассоциировались в поэтической памяти автора „Слова“ и использованы им для чудесной строфы плача Ярославны.

Термин „степь“ в „Слове“ отсутствует. Его заменяет поле: чистое поле, широкое поле, безводное поле, дикое поле, просто поле. Из 12 упоминаний поля большинство относится к степи, некоторые — к народу, населявшему поле, — половцам. „Загородите полю ворота“!, — взывает к князьям автор, т. е. заградите степнякам путь.

В украинских народных песнях поле тоже очень часто равнозначуще степи. Так, например, в думе, датируемой 1575 г., у М. А. Максимовича,² читаем: „гей у полі там татары кочують, вечерю готують“. Встречаются строфы, в которых тождественное значение этих слов ясно выражено. Например в думе 1637 г. читаем: „а що як наши голови казацькі по степу — полю поляжуть“. Нетрудно увидеть древнее значение поля в старинной песне:

Ой у полі тирса шумить, катран зеленіє;
Ой у полі сама воля, а серце німіє.

Тырса (*Stipa capillata*) и катран (*Crambe* sp.) — типичные степные растения, на пахоте не растут.

Интересно отметить, что в большом польско-немецко-французском словаре XVIII в. слово „степь“ отсутствует, его заменяет поле.³

Приводимый в комментарии акад. В. Перетца⁴ перевод Т. Г. Шевченко слова „ковылие“ как „тырса“ нельзя считать правильным. Тырса выбрасывает свои малозаметные желтоватые ости в июле, тогда как Ярославна провожала мужа в поход в апреле, когда созревают ости перистого ковыля. Тырса не производит такого грустного впечатления, как покрытая белыми остями перистого ковыля степь. С. Т. Аксаков⁵ говорит, что ковыль „своим однообразием утомляет зрение, у иных производит головокружение и наводит какое-то уныние на душу“. Чувство печали или грусти и выражено в приведенной выше строфе плача Ярославны.

Ковылие — ковыли поданы в „Слове“ под собирательным названием, подобно тому, как и в наше время ботаники иногда говорят „ковыль-

¹ И. К. Пачоский. Целинная заповедная степь Аскания Нова. Сб. „Аскания Нова“, стр. 83.

² Украинские народные песни, 1834 г.

³ М. А. Трок. Nowy Dykcyonarz, to iest Słownik Polsco-niemiecko-francuzki. W Lipski. MDCC LXIV.

⁴ Ук. соч. „Слово о полку Ігоревім“, 1926, стр. 308.

⁵ Записки ружейного охотника Оренбургской губернии, 1909, стр. 235.

ники“. Впрочем нет никакой необходимости переводить ковылие, как ковыльники, правильное будет перевод: „зачем, господин, мое веселие по ковыли развеял“. Слово ковыль, повидимому, правильное склонять в женском роде. Это название и в народном украинском языке чаще всего звучит „ковила“. Часто применяемое переводчиками добавление к слову „ковыль“ слова „трава“, хотя и не является ошибкой, но излишне.

В. И. СТЕЛЛЕЦКИЙ

Перевод „Слова о полку Игореве“ Н. М. Карамзина

Ни в библиографиях переводов „Слова о полку Игореве“, ни в одном из обзоров переводов — нигде не указывается, что Н. М. Карамзин перевел несколько отрывков из „Слова о полку Игореве“, которые он приводит в третьем томе „Истории Государства Российского“.¹ Эти отрывки приводятся в седьмой главе, которая носит название „Состояние России с XI до XIII в.“, в разделе „Поэзия“. Ставя своей задачей познакомить читателей своей истории с поэзией XII в., Карамзин в переводе, естественно, преследует не научные, а художественные цели. Характерно, что Карамзин, желая сохранить художественные особенности памятника, дает перевод ритмический, хотя и не разделяет перевода на строчки. Переведенные им отрывки немногочисленны, но они представляют большой интерес, как первый перевод такого рода. Приведем важнейшие и самые характерные из них:

„Кони ржут за Сулою, гремит слава в Киеве, трубы трубят в Новгороде, знамена развеваются в Путивле: Игорь ждет милого брата Всеволода“.

„Они под звуком труб повиты, концом копья вскормлены, пути им сведомы, овраги знаемы; луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наточены; носятся в поле как волки серые; ищут чести самим себе, а князю славы“.

„Сидя высоко на престоле златокованном, ты подпираешь горы Карпатские, железными своими полками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь путь к Киеву, пускаешь стрелы в земли отдаленные“.

„О времена бедственные! для чего нельзя было пригвоздить старого Владимира к горам Киевским“.

„Для чего, о ветер сильный! легкими крылами своими навеял ты стрелы Ханские на воинов моего друга? Разве мало тебе волновать синее море и лелеять корабли на зыбях его?... О Днепр Славный!

¹ Н. М. Карамзин. „История Государства Российского“, т. III, СПб., 1818, гл. VII, стр. 218—223.

ты пробил горы каменные, стремяся в землю Половецкую, ты нес на себе ладии Святославовы до стана Кобякова: принеси же и ко мне друга милого, да не шлю к нему утренних слез моих в синее море!... О солнце светлое! ты для всех тепло и красно: почто же знойными лучами своими изнурило ты воинов моего друга в пустыне безводной?...

Не мало тебе, Донец, величия, когда ты лелеешь Игоря на волнах своих, стелешь мне траву мягкую на берегах серебряных, одеваешь меня теплыми мглами под сению древа зеленого, охраняешь гоголем на воде, чайками на струях, чернетями на ветрах“.

С стилистической точки зрения представляет интерес, что глава сентиментальной школы в момент появления сентиментальных стихотворных переработок „Слова“ не допускает сентиментальной лексики в своем переводе отрывков из „Слова“. Стиль переводов отрывков Карамзина приближается к стилю, который он выработал в процессе работы над своей „Историей Государства Российского“. Фактичность, точность, сдержанность и деловитость, несколько старомодная торжественность и абстрактность характеризуют стиль „Истории Государства Российского“. Эти же черты характерны для перевода отрывков из „Слова“. Но в них сказался также и стихотворец, чуткий к ритму поэтического произведения, и мастер художественного слова.

Карамзин не ставит себе целью дать точный перевод, в некоторых случаях он допускает сокращения, пересказ и даже вставки. Но не это для нас в его переводе представляется существенным. Самым интересным являются общие принципы его перевода. Отбрасывая те места, где мы находим слишком значительные изменения оригинала, в большинстве случаев ничем не обоснованные, что, конечно, нельзя признать правильным, мы обнаружим следующие принципы перевода, которыми руководствовался Карамзин. Во-первых, Карамзин стремится перевести „Слово“ на современный ему русский язык, он избегает древних форм и слов, которые легко поддаются замене современными. Карамзин говорит: „сабли наточены“, а не „изострены“; вместо „на столъ“ Карамзин говорит „на престоле“; вместо „лады“ он употребляет слово „друга“; выражение „сквозь землю“ Карамзин заменяет словами „стремяся в...“; вместо „до плъку“ он говорит „до стана“; вместо „скачють“ — „носятся“. Не с каждой из этих замен можно согласиться, но важен общий принцип.

Во-вторых, Карамзин стремится художественно передать некоторые метафоры подлинника, а не довольствуется внешней заменой форм, при которой метафора, ясная в XII в., остается темной в XIX в. В этом отношении характерным является перевод выражения „подъ трубы повиты“, не выражением „под трубами повиты“, что остается неясным, а выражением „под звуком труб повиты“, таким образом, метафора воспроизводится вновь и оживает.

В-третьих, Карамзин стремится воспроизвести ритм и звуковую организацию подлинника, именно не „сохранить“, а „воспроизвести“,

т. е. придать своему переводу ритм и звуковую инструментовку, которые бы соответствовали ритму и звукописи подлинника. Об этом говорит целый ряд мест в переводе, например „яругы имъ знаемы“ Карамзин передает „овраги знаемы“, опуская „им“, хорошо звучащее после „ы“, но неприятное после „и“, об этом говорят перестановки слов, а именно „носятся в поле“, „на берегах серебряных“ вместо „на своихъ сребренныхъ брезѣхъ“, „древа зеленого“ вместо „зелену древу“. Наконец, Карамзин считает допустимыми те перестановки слов, которые, не нарушая значительно ритма подлинника, так как они не составляют системы, придают ритм переводу, что мы уже видели.

Кроме того, для Карамзина характерно привнесение в перевод абстрактных выражений, чуждых подлиннику, а именно: „бедственные“, „отверзаешь“, „на зыбях“. Некоторые достоинства, как мы видели, перевода Карамзина настолько превышают его недостатки, что можно только пожалеть, что Карамзин не поставил себе задачей сделать полный и точный художественный перевод „Слова“.

Ф. Я. ПРИЙМА

**Зориан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над
„Словом о полку Игореве“**

„Я сам — хоть в книжках и словесно
Собратья надо мной трунят —
Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ.

Но каюсь: новый Ходаковский,
Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине“.

А. С. Пушкин

Ныне полузабытое имя Зориана Доленги-Ходаковского упоминается Пушкиным дважды. Первый раз — в приведенном здесь в качестве эпиграфа отрывке из поэмы „Езерский“.¹ Ходаковский назван в ней сразу же за выдержанной в ироико-комическом стиле родословной героя, и это соседство и упоминанию имени ученого сообщает известный иронический оттенок. Второй раз — назвал великий поэт Ходаковского в своей статье „Песнь о полку Игореве“ 1836 г. „Но ни Карамзин, ни Ерм[олаев], ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не усумнились в подлинности Песни о полку Иг[ореве]“.² Упоминание имени Ходаковского наряду с Н. М. Карамзиным и А. И. Ермолаевым, которые были не только известными знатоками древне-русской истории, но также и „самовидцами“ погибшей рукописи „Слова о полку Игореве“, а также наряду с А. Х. Востоковым, — общепризнанным авторитетом по части истории славянских языков и незаурядным знатоком древней поэмы об Игоревом походе, — упоминание это свидетельствует о том, что в отличие от некоторых своих современников Пушкин видел в Ходаковском не самоучку и не чудака, а ученого, мнение которого о знаменитой поэме он считал значительным.

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Изд. АН СССР, т. V, 1948, стр. 99—100.

² Там же, стр. 147.

Не один только Пушкин, но и другие русские писатели и ученые первой половины XIX в., такие как Н. М. Карамзин, Н. В. Гоголь, М. А. Максимович, М. П. Погодин, Н. И. Полевой и другие — считали Ходаковского большим знатоком славянских древностей и быта славянских народов. Уже одно это соображение вполне оправдывает нашу задачу — выяснить некоторые обстоятельства жизни и деятельности талантливого ученого и, главное, попытаться осветить чрезвычайно любопытную, подсказываемую Пушкиным, историко-литературную тему: „Доленга-Ходаковский и его наблюдения над «Словом о полку Игореве»“.

Настоящее имя Зориана Доленга-Ходаковского — Адам Чарноцкий. Родился он в 1784 г. в Минском воеводстве в семье мелкого польского шляхтича.

Не имея средств, отец Адама Чарноцкого отвез мальчика-сына в Слуцкий уезд к богатым родственникам, которые и поместили его в местную уездную школу. По словам биографов, страсть к изучению истории и собиранию местных поверий, преданий и песен пробудилась у Адама Чарноцкого со школьной скамьи. Еще до окончания школы, в 1800 г., потеряв отца, мальчик остался круглым сиротой. По окончании в 1801 г. уездного училища, шестнадцатилетний Адам Чарноцкий становится на путь вполне самостоятельного существования. Практически изучая право у адвоката в Новогрудке, оказывая помощь жителям в их различных судебных процессах, работая помощником управляющего у новогрудского воеводы графа Неселовского, Адам Чарноцкий не покидает и своих занятий историей. Он с прилежанием роется в местных архивах, изучает старинные документы, прислушивается к устному народному поэтическому творчеству, заводит записные книжки, в которые вносит собранные им разнообразные этнографические и исторические материалы.

В начале 1808 г., Чарноцкий, подозреваемый в намерении вступить в нелегально формировавшееся в Варшавском герцогстве польское войско, был арестован и отвезен под стражей в Гродно, а оттуда отправлен в Петербург. Здесь он пробыл в заключении с марта по декабрь 1808 г. Последовавшим за следствием решением суда, Чарноцкий был лишен дворянства и отдан в солдаты во 2-ю дивизию, стоявшую в Омске.

Из случайно сохранившегося дневника, который вел Адам Чарноцкий по дороге в Омск и во время пребывания своего в Сибири, видно, что он не прерывал своих ученых занятий в самые тяжелые годы своей жизни. Дневник пестрит заметками о жизни, быте и языке встречавшихся по пути народностей. Чарноцкий записывает обычаи, которые ему приходилось наблюдать, названия растущих в различных местах деревьев и трав, восстанавливает переименованные славянские географические названия.

В 1810 г. полк, в котором служил Чарноцкий, был передвинут в Пермь, а затем в Бобруйск. Здесь, по словам одного из биографов

Чарноцкого, он „устроивает себе выезд в Польшу“. Продолжая числиться в списках полка, как „пропавший без вести“, Адам Чарноцкий живет с этих пор под вымышленной фамилией Ходаковского, меняя неоднократно профессии и места своего жительства и находясь под постоянной угрозой быть выданным правительству Александра I. Тем не менее, именно в этот период со всей страстью ученого-энтузиаста Ходаковский предается занятиям народной археологией — восстановлением истории славянства по тем пережиткам древности, которые сохранились в фольклоре и названиях рек, урочищ, городищ и поселений.

Во время своих поездок по Западной и Приднепровской Украине (1817—1819) Ходаковский настойчиво и неутомимо собирает устное народное творчество. Достаточно сказать, что до 1819 г. им было собрано и записано около 2000 одних только украинских песен.

В 1818 г. Ходаковский напечатал на польском языке первую свою статью „О славянстве пред христианством“, а в следующем, 1819 г., опубликовал на русском языке в „Вестнике Европы“ статью „Разыскания касательно русской истории“.¹ В названных статьях, и особенно в последней из них, Ходаковский настаивал на необходимости изучения живой славянской старины, указывая при этом, что источники для этого изучения находятся не в книгах, а „рассеяны по целому пространству нашей земли и требуют многих еще жертвований и особенного посвящения сему делу“ (стр. 278). Исследование прошлого, рассуждал Ходаковский, могло бы быть гораздо успешнее, „если бы мы менее руководствовались модою и дворянством, а заглядывали под соломенную крышу поселян, которые не изменили столько своим предкам“ (стр. 282). „Мы не должны, — писал он в этой же статье, — обманывать себя повестями чужих писателей, которые по слуху отдаленному и невероятному, а еще более по ненависти, вкратце сказали о наших предках; мы не должны на них совершенно полагаться и верить, что славянское младенчество окружено туманом грубого невежества и дикости“ (стр. 279).

Пользуясь своими незаурядными познаниями в области истории, географии и народной археологии, Ходаковский сделал в своей статье ряд критических замечаний на „Историю Государства Российского“ Карамзина. Несмотря на смелое, а иногда и рискованное пользование методом этимологических сопоставлений и аналогий для доказательства своих мнений по вопросу о „карте России в IX веке“, некоторые замечания Ходаковского были для своего времени настолько основательными, что Карамзин не мог с ними не согласиться.

Уже в статье „Разыскания касательно русской истории“, написанной в середине 1819 г., Ходаковский изложил в кратком виде свою теорию славянских городищ. Согласно его мнению, эти городища

Вестник Европы, 1819, ч. CVII, окт., стр. 277—302.

были священными оградами, где некогда совершались языческие обряды; с большой густотой и правильностью были размещены они на всем пространстве, где жили древние славяне, и всюду были окружены однотипными поселениями, имевшими, как правило, сходные названия, указывавшие на их связь со славянской мифологией.

Разработав план длительной археологической и этнографической экспедиции с целью исследования славянской старины и древних городищ, Зориан Доленга-Ходаковский обратился для осуществления своих планов к куратору Виленского университета, кн. Чарторижскому. Заручившись от него рекомендациями к канцлеру графу Н. П. Румянцеву, в конце 1819 г. Зориан Доленга-Ходаковский отправился в Петербург.

В Петербурге Ходаковский знакомится с представителями ученого и литературного мира; „Вольное общество любителей российской словесности“ избирает его своим членом. Не исключена возможность, что уже в конце 1819—начале 1820 г. с именем Ходаковского познакомился и молодой Пушкин.

Составленный Ходаковским в начале 1820 г. проект археологического путешествия по России был передан на рассмотрение Карамзина и главного управления училищ, был ими одобрен и вслед за тем утвержден Александром I.

Путешествие должно было продолжаться четыре года и на его издержки было отпущено правительством 3000 руб. Ободренный первоначальным успехом, Ходаковский опубликовал план своего путешествия в столичных журналах.¹

В Петербурге, по словам Иоахима Лелевеля, Ходаковский начал „сходить с польского света“. Этот упрек со стороны некоторых своих националистически настроенных соотечественников Ходаковский получил вследствие высказываемого им не однажды мнения, что славянский Восток представляет собой более удобное поле для его исследований, так как здесь по причине отсутствия католической нетерпимости к дохристианским элементам, сохранилось больше древних преданий, чем на славянском Западе.

Путешествие Ходаковского началось в августе 1820 г. Он выехал из Петербурга вместе с женой, осмотрел места по Неве и около Ладоги, раскапывал старые курганы около Новгорода, потом около Твери и в 1821 г. прибыл в Москву. Здесь, с разрешения межевой канцелярии, Ходаковский занялся изучением подробных карт, составил общую карту славянского „городства“ и огромный географический словарь. В 1822 г. он послал из Москвы „Донесение“ о результатах своего путешествия, которое было передано на рассмотрение известному археографу К. Ф. Калайдовичу. Не разделявший взглядов Хода-

¹ Сын отечества, 1820, ч. 63—64; Вестник Европы, 1820, ч. СХIII, №№ 17—18, стр. 30—56, 99—118.

ковского в отношении городищ, Калайдович дал о „Донесении“ Ходаковского неблагоприятный отзыв. Лишившись вследствие этого правительственной поддержки и всяких средств к существованию, Ходаковский уже не мог вести с прежним упорством свои научные занятия. Несчастья семейного порядка, — смерть сына в 1821 г. и смерть в 1822 г. жены, окончательно подорвали его силы. Женившись во второй раз и желая выбраться из тисков нужды, в 1824 г. он принял на себя должность управляющего у одного земляка, тверского помещика. Даже и теперь, лишенный всяких жизненных перспектив, Ходаковский не прекращал своих научных занятий. Однако здоровье его было вконец расшатано, и 17 ноября 1825 г. на сорок первом году жизни он скоропостижно скончался.

Бумаги Ходаковского, состоявшие главным образом из незаконченных его трудов, после его смерти, согласно завещанию, были переданы Н. А. Полевому, который в течение долгого времени не мог сделать из них никакого употребления.

В воспоминаниях К. А. Полевого мы находим указание на то, что А. Ф. Воейков, Н. И. Надеждин, а позднее и М. А. Максимович упрекали Н. А. Полевого в недобросовестном использовании бумаг Ходаковского.¹ Насколько справедливы были эти упреки, сказать трудно, но помимо Воейкова, Надеждина и Максимовича их повторяли печатно также М. Т. Каченовский² и М. П. Погодин.

В начале 30-х годов прошлого века вдова Ходаковского в судебном порядке потребовала от Н. А. Полевого возвращения ей бумаг своего мужа. Ее требование было удовлетворено. В 1836 г. бумаги Ходаковского стали собственностью Погодина. По словам последнего, в его руки попала „только часть расхищенных его (Ходаковского. — Ф. П.) бумаг“.³ В своих исторических исследованиях Погодин неоднократно пользовался мнениями Ходаковского и часто ссылался на него. Значительную часть работ Ходаковского Погодину удалось опубликовать.⁴ В 1852 г. бумаги Ходаковского вместе с собранием М. П. Погодина были приобретены Публичной Библиотекой в Петербурге. Следует добавить, что сюда попали не все рукописи Ходаковского, бывшие собственностью Погодина; значительную их часть, почти все, что было Погодиным опубликовано, последний задержал у себя. Часть собрания песен Ходаковского в 80-е годы была разыскана на Украине и в настоя-

¹ К. П о л е в о й. Записки. СПб., 1888, стр. 213—219.

² Вестник Европы, 1827, № 22. Краткие выписки, известия и замечания, стр. 155.

³ М. П. П о г о д и н. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846, т. II, стр. 398.

⁴ Погодин опубликовал следующие работы Ходаковского: 1) Пути сообщения в древней России; 2) Историческая система Ходаковского; 3) Отрывок из путешествия Ходаковского по России; 4) Донесение о первых успехах в России Э. Доленги-Ходаковского, из Москвы, 13 июля 1822 г. Все эти труды напечатаны в I, III и VII томах Русского Исторического сборника, изд. Обществом истории и древностей российских. М., 1837—1844.

щее время хранится в Отделе рукописей Украинской Академии наук. Кое-что из рукописей Ходаковского попало в Польшу и в частности в Библиотеку Варшавского университета. Значительная часть архива Ходаковского продолжает оставаться в неизвестности, если только не погибла бесследно.

Как исследователь городищ, Ходаковский имел последователей в лице Д. Я. Самоквасова, И. И. Срезневского, А. А. Спицына и многих других русских и зарубежных ученых. Выдвинутая им теория городищ, как целое, не была принята позднейшей наукой, однако за Ходаковским осталась заслуга первого исследователя вопроса, оставившего ряд замечаний о границах и характере поселений древних славян, замечаний, не утративших своего значения и до настоящего времени. Получил признание в науке и широко применявшийся Ходаковским метод использования в исторических исследованиях данных исторической географии.

Гораздо большее значение имела деятельность Ходаковского — этнографа. Он был не только собирателем фольклора, но и замечательным знатоком народного быта. Даже недружелюбно относившийся к Ходаковскому П. И. Кеппен писал о нем: „К отличным свойствам нашего исследователя причислить должно способность его беседовать с простолюдинами. На торжищах, в хижинах их, в своей собственной обители, он и жена его всегда с успехом умели пользоваться их простодушными повествованиями, преданиями, местными познаниями и самым суеверием. Таким образом, он успел собрать драгоценные материалы, в числе коих мы всегда, с особенным удовольствием, вспоминали о географических его фолиантах и собрании народных песней, подслушанных им как в Польше, так и в России, и обыкновенно записывавшихся со слов самих поселян“.¹

Примеру Ходаковского, — собирателя народного поэтического творчества, начали следовать многие из романтически-настроенной молодежи. В Польше, по примеру Ходаковского, собирал народные песни Вацлав Залесский, в России — М. А. Максимович и П. В. Киреевский.²

Самобытная личность Ходаковского начинает привлекать внимание литераторов, увлеченных идеей народности.

Много лет спустя после смерти Зориана Доленги-Ходаковского, в письме от 9 ноября 1833 г. Н. В. Гоголь писал к своему земляку М. А. Максимовичу, готовившему новое издание „Украинских народных песен“:

„Я очень порадовался, услышав от вас о богатом присовокуплении песен из собрания Ходаковского. Как бы я желал теперь быть с вами и пересмотреть их вместе, при трепетной свече, между стенами, уби-

¹ Библиографические листы П. И. Кеппена 1825 года. СПб., 1826, стр. 563.

² П. Безсонов. Белорусские песни. М., 1871, стр. 24.

тыми книгами и книжной пылью... Моя радость, жизнь моя! Песни! Как я вас люблю!"¹

В начале 1834 г., выполняя просьбу Гоголя, Максимович отправил ему во временное пользование копию собрания песен Ходаковского. В письме от 20 апреля 1834 г. Гоголь писал Максимовичу: „Благодарю тебя за песни. Я теперь читаю твои толстые книги; в них есть много прелестей“. Следует думать, что „толстые книги“ Ходаковского Гоголь² изучал серьезно и долго не расставался с ними, о чем можно судить по его письму к матери от 5 февраля 1838 г., в котором он просил ее отослать в Киев к профессору Максимовичу две толстые рукописные книги.³ Помимо Максимовича, Гоголя и П. В. Киреевского, можно назвать еще В. Г. Анастасевича и К. Ф. Калайдовича, которым собрание песен Ходаковского было хорошо известно и которые учитывали и частично использовали его в своей литературной деятельности.⁴

По заключению А. Н. Пыпина, серьезно изучавшего деятельность Ходаковского как этнографа, заслуга последнего состояла в том, что „интерес к древности он из сухого книжного антикварства перенес на живую почву народности“.⁵ В этой оценке роль Ходаковского несомненно преувеличена. Но как бы критически ни отнеслись мы к названной статье, нельзя не согласиться с тем, что Ходаковский был одним из первых представителей того направления в этнографии, которое рассматривало народную жизнь и поэтическое творчество не только как предмет бесстрастного изучения, но и как источник плодотворного влияния на литературу и искусство.

Эта довольно видная роль Доленги-Ходаковского как этнографа, а отчасти и как историка, обязывает нас со всей серьезностью отнестись к замечанию Пушкина о Ходаковском как о знатоке „Слова о полку Игореве“.

В печатных работах Ходаковского никаких высказываний о „Слове“ мы не находим. Никаких указаний об изучении древнейшего памятника русской литературы Ходаковским не находим мы и в трудах и переписке М. П. Погодина, хотя от Погодина, изучавшего, издававшего и хранившего труды Ходаковского, с одной стороны, и большого ценителя и знатока „Слова“, — с другой, — этих указаний больше

¹ Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. АН СССР, т. X, Письма, стр. 284.

² Там же, стр. 311.

³ Письма Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., 6 г., т. I, стр. 475.

⁴ См. цит. соч. П. Безсонова (стр. 21), где о собрании песен Ходаковского сказано, что после смерти собирателя оно „разошлось по разным рукам“ и что белорусская часть его находилась у Калайдовича, и письмо митрополита Евгения к В. Г. Анастасевичу от 30 июля 1820 г. (Русский архив, 1889, № 7, стр. 362).

⁵ А. Н. Пыпин. История русской этнографии. СПб., 1891, т. III, стр. 68. — Статья А. Н. Пыпина о Ходаковском первоначально появилась в „Вестнике Европы“ (1886, ноябрь, стр. 305—357).

всего и следовало бы ожидать. И тем не менее, замечание Пушкина не является обмолвкой и находится в полном соответствии с истиной.

Ходаковский действительно настойчиво и долго изучал „Слово“ и высказывался о нем. И если мы не можем в настоящее время восстановить в полном виде его работу над древней поэмой, то следы наблюдений Ходаковского над „Словом“ вполне поддаются извлечению именно из тех рукописей Ходаковского, которые до 1852 г. были собственностью Погодина, а затем были переданы в Публичную Библиотеку в Ленинграде.

Замечания Ходаковского о „Слове о полку Игореве“ обнаруживаются главным образом в двух его рукописях, одна из которых состоит из переплетенных в один том документов и заметок самого разнородного содержания, а другая, состоящая из четырех огромных переплетенных томов, уже вошла в литературу под названием „Географического словаря“ Ходаковского.

В первой рукописи интересующие нас записи и заметки сосредоточены главным образом в помещенной в конце тома тетради, которой Ходаковский дал следующее название: „Словарь старинных польских выражений“ („Słownik starodawnych polskich wyrazów“).

Первоначально, как следует полагать, тетрадь была предназначена для выписок из указанного на заглавном листе польско-немецко-французского словаря Михаила-Авраама Трока, изданного в Лейпциге в 1764 и переизданного в 1802 году.¹

С течением времени, однако, Ходаковский начал делать выписки из составленного Неедлым Чешско-немецкого словаря, из изданного в 1704 г. в Москве Ф. Поликарповым „Славяно-греческо-латинского трехязычного лексикона“, из „Нового российско-французско-немецкого словаря, сочиненного по Словарю Академии“ Иваном Геймом (Москва, 1799), а также из других, преимущественно на русском языке издаваемых книг и журналов. В итоге названная тетрадь Ходаковского оказалась на добрую половину заполненной выписками на русском языке, хотя почти всегда и всюду Ходаковский писал по-русски, пользуясь латинским шрифтом.

Судя по тому, что ссылки на знаменитый „Словарь языка польского“ Самуэла Богумила Линде в самых ранних записях названной тетради отсутствуют, а в записях, сделанных почерком более позднего времени, встречаются в обильном количестве, можно заключить, что работу над перечнем „старинных выражений“ Ходаковский начал около 1810 г. до приобретения им словаря Линде, первый том которого увидел свет в конце 1810 г. Закончилась работа над названной тетрадью — судя по цитируемым изданиям и почерку — около 1819 г., и надо полагать — в связи с приездом Ходаковского в Петербург.

¹ Nowy Dykeyonarz, to iest Słownik Polsko-niemiecko-francuzki przez Michela Abrahama Troka, warszawianina.

Несмотря на то, что порядок листов во всем томе самым варварским образом нарушен переплетчиком, в интересующей нас тетради нетрудно восстановить принятый автором алфавитный порядок размещения главных слов с некоторыми, впрочем, отступлениями от него, повторениями и пропусками.

На обороте 80-го листа под словом „Соловей“ (Słowik) находится запись, которая своим объемом останавливает наше внимание прежде, чем остальные:

„Соловей древних лет, Велесов внук, Боян вещей. Боян сладкие песни певал в похвальбу старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Роману. Его песни и гусли раздавались по Новгороду Великому; громкая славушка пронеслась о нем до стольного города до Киева. А за то, что он складно песенки складал, что сладко их певал, что честно князей величал, и та улица, где он жил, прозвана Бояновой; а и той ли улице так во век прослыть, Новгороду на славу, молодым певцам на поученье“.

„В Ироической песни о походе на половцев Игоря Святославича, — записывал здесь же Ходаковский, — Боян назван Вещим, т. е. мудрым, многоведущим, внуком бога Велеса и Соловьем древних лет. Смотри Песнь сию, стр. 2, 6 и 7. Но где он воспевал свои песни, о том ничего не упомянуто. Он прославлял Старого Ярослава, то есть Первого. А Ярослав в Новгороде больше жил, нежели в Киеве. Из сего заключить можно, что Боян был Новгородец; ибо, ежели бы он был Киевлянин, то без сомнения воспел бы Владимира, отца Ярославова, гремевшего тогда в Южном Краю Европы победами и многими славными делами“.¹

Обе эти записи Ходаковского представляют собой отрывок и соответствующее ему примечание из изданной в 1808 г. П. Львовым „Повести о Мстиславе I Володимировиче, славном князе Русском“. Это было одно из первых прозаических произведений русской литературы, написанных под сильным влиянием „Слова о полку Игореве“.

Аналогичную выписку находим мы в упомянутой тетради Ходаковского и в другом месте, на обороте 114-го листа, где под словом „волк“ Ходаковским записаны следующие стихи:

... Кой² воспел князей, когда хотел,
По древам носился мыслями,
Серым волком по земле бежал,
По поднебесью орлом парил.

¹ Сделанные Ходаковским латиницей записи русских текстов как здесь, так и в дальнейшем, приводятся нами в русской транскрипции; в русской транскрипции и в переводе на русский язык даются и следующие ниже объяснения Ходаковского; польский язык и латинский шрифт сохранен только для тех польских или иностранных слов и выражений, которые являются предметом объяснения Ходаковского.

² Боян. Примечание Ходаковского.

Серым волком скажут по полю,
Ищут чести, славы князю их.

На коня то вскочит борзого,
То соскочив с него, как волк босый,
Мчится к лугу он Донецкому.

Приведенные отрывки, выбор и расположение которых свидетельствует об интересе Ходаковского к символике волка в древней поэме, являются выписками из опыта перевода „Слова“ „русскими дактилохорейческими стихами“ Н. Язвицкого. Перевод этот появился в 1812 г.,¹ и вероятно сразу же после выхода в свет, как и все наиболее значительное, что печаталось тогда о древнем памятнике, стал предметом восхищенного внимания Ходаковского. В его тетради мы не встречаем никаких критических замечаний ни о весьма посредственном переводе Язвицкого, ни о повести Львова, — неудачной попытке контаминировать собственную расплывчатую сентиментальную фразеологию с энергическим и сжатым языком гениальной поэмы. Заметим кстати, что выписок из „Повести о Мстиславе I Володимировиче“ в тетради Ходаковского большое количество. И Львов и Язвицкий интересовали Ходаковского прежде всего как энтузиасты „Слова о полку Игореве“ и по выпискам из них о взглядах самого Ходаковского на поэму судить, конечно, трудно. Тем не менее, некоторое представление об этих взглядах можно составить по небольшому комментарию к поэме, разбросанному в разных местах „Словаря старинных выражений“. Приводя отдельные слова или обороты из „Слова о полку Игореве“, Ходаковский указывает при этом источник словами: „Игорь“ или „Игорида“ (Igor, Igoryda). Перечень этих слов и оборотов вместе с объяснениями Ходаковского приводится ниже:

1. Пирогощя Богородица в Киеве упоминается в Игориде, мимо Боричева к ней ехал Игорь (л. 61 об.).²

2. Бусовы зловещи филины. Игорь (л. 72 об.).

3. Czolke, czoleczko, по-чешски: czułko, по-русски — лобок, лобочек, лобик. Повязка чела, женщинами употребляемая. Чолка и хоругвь со знаменем. Игорь (лл. 74 и 74 об.).

4. Чернядь пестроперая. Игорьь. — Чернядь (anas fuligola), гоголь (anas clangula) (лл. 74 об. и 112 об.).

5. Девы половецкие, красные, полные как светлый месяц. Игорьь Святославич (л. 75).

6. Солнце (solnce, slonce). В переносном смысле означало великих мужей. „Идут тучи с моря черные, скрыть хотят четыре солнца

¹ Н. Язвицкий. Игорьь Святославич, ироническая песнь. Чт. в Бес. люб. русск. сл. Кн. VI, СПб., 1812, стр. 32—54.

² В скобках как здесь, так и ниже, указаны листы рукописи Ходаковского, в которую вошла тетрадь „Старинных польских выражений“ (Публ. Библ. в Ленинграде, Собр. М. П. Погодина, № 2018).

вдруг“, то есть четырех русских княжичей. Игориды. Как на небе солнце светится, так князь Игорь в русской области. Игориды (л. 108 об.).

7. Стоять стязи в Путивле (Игоря песнь). Стяговник, знамя. Стяговный, стягивать. Гейм (л. 109).

8. Вещий Боян. Вещий у греков Калхас (л. 113 об.).

9. Бояна река, вытекая из озера Скутари, впадает в море недалеко от Рагузы (Boter, 136), отделяя ее от Албании (л. 80 об.).

10. Зегзица (Zygzak); полечу я по реке Дунаю зегзицей. Игориды (л. 115).

Интерес к лексике и образам древней поэмы заметен у Ходаковского во многих случаях даже и там, где он на нее и не ссылается. В приводимый ниже список мы вводим далеко не все слова и обороты из тетради Ходаковского, которые в его сознании несомненно ассоциировались со „Словом о полку Игореве“.

1. Див-дерево на Воляни—растет на уваженных местах, с колючими шишками, семена его вызывают бешенство (л. 76).

2. Японьча (jаро́йса) бурская, червчатая. Опонча (оро́йса) червчатая из города Бурга в департаменте Франц(ии) Берри (л. 81).

3. Лелею—piesczą, kolysam; под звуком труб повиты, под шеломами возлелеяны. Повесть о Мстиславе I Володимировиче (л. 86).

4. Сизый орел в „Повести о Мстиславе I“. Орел (orel, orzel) в славянских повестях и песнях означает предвестие, возвешение, посольство; наоборот, орлица, теряющая детей, означает дурную славу, клевету¹ (лл. 103 и 108).

5. Паволока княжеская. Повесть о Мстиславе I. „Святослав от них (греков) не хотяше брать ни золота, ни серебра, ни бисерцы, точию оружия, щиты, мечи и паволоки, чего ради смути весь народ греческий“. Синопис, стр. 39 (л. 104).

6. Rzegotać, skrzeczeć, соахаре, по-русски—рокотать (brzmieć, brzęczeć). Живые струны зарокотали. Повесть о Мстиславе I (л. 107 об.).

7. Серьга с жемчугом, zausznicą s perłami, 1356 г. В Духовной кн. Иоанна Иоанновича (л. 108).

Если в приведенном комментарии и нет никаких выдающихся находок, то вместе с тем он нисколько не уступает тем объяснениям древнего памятника, которые были даны первыми его исследователями, и свидетельствует о настойчивом желании Ходаковского уяснить „Слово“. В своей работе над ним Ходаковский стал на путь объяснения лексики и образов поэмы путем сравнения с другими памятниками древне-русской и славянской письменности. Список литературы, кото-

¹ Ходаковский ссылается здесь на украинскую песню, которую, по его словам, поют „под Кремендем“: „Погубила орличевька діти“.

рой пользуется Ходаковский, обширен: словари на разных языках, летописи, грамоты. Он привлекает для сравнения и народное творчество, ибо в народной поэзии, согласно твердому убеждению Ходаковского, сохранились пережитки глубокой древности.

В нескольких случаях Ходаковский цитирует древнюю поэму не совсем точно, по памяти, он знает ее наизусть. „Слово о полку Игореве“ было для Ходаковского произведением большого значения, национальной эпопеей, „Игоридой“, и служило для него не только предметом изучения, но и стимулом в его исторических исследованиях.

В „Словаре старинных выражений“ нашел отражение ранний период в занятиях Ходаковского „Словом о полку Игореве“. Безусловно более плодотворными были его занятия в петербургский и московский периоды его жизни (1819—1824), когда он знакомится и общается с Карамзиным и другими русскими историками и археографами, главным образом, членами „Общества истории и древностей российских“.

К сожалению, о последующих наблюдениях Ходаковского над древней поэмой мы можем судить лишь на основании маргиналий на принадлежавшем ему экземпляре „Истории Государства Российского“¹ и главным образом на основании его Историко-географического словаря. Названный словарь состоит из четырех огромных томов, общим объемом свыше 3500 страниц (1864 листа), и представляет собой алфавитный перечень древних славянских географических названий, составленный Ходаковским по материалам его личных поездок и экспедиций, архива межевой канцелярии, летописей, грамот, а также монастырских и писцовых книг. Словарь Ходаковского не был учтен ни И. Д. Беляевым, ни Н. П. Барсовым, ни другими специалистами в исторической географии и своего значения не потерял и до сих пор.

Некоторую пользу может оказать Историко-географический словарь Ходаковского и комментаторам „Слова“. Один пример такого обращения если не к Словарю Ходаковского, то к извлечению из него, напечатанному Погодиным в 7-м томе „Русского исторического сборника“, мы можем найти в исследовании Е. В. Барсова. Говоря о возможном переносном значении слова Дунай в „Плаче Ярославны“, Е. В. Барсов ссылался на Ходаковского, который привел в своем „Донесении“ более сорока географических названий с корнем „Дунай“, разбросанных на огромной территории от Балкан до Волги.²

¹ На экземпляре „Истории Государства Российского“ (I, II и III томы, Гос. Публ. библ. в Ленинграде, Собр. Погодина, № 2022) в местах, где Карамзин цитирует „Слово“, Ходаковский выписывает оттуда многие слова: болонье, Шоломя, живой огонь, русское золото, лелеять корабли, Деремела, харалужные мечи, чернеть, гоголь и др. На некоторых маргиналиях Ходаковского, относящихся к „Слову о полку Игореве“, мы остановимся ниже.

² Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III, М., 1890, стр. 225.

Если бы Е. В. Барсову был известен „Историко-географический словарь“ Ходаковского, то он обратился бы к нему и при комментировании других слов памятника, в частности при объяснении слова „б е б р я н“.

Известно, что объяснение этой формы для комментаторов древней поэмы долгое время представляло затруднения. В 1844 г. Дубенский, указывая на встречаемую в летописях форму б о б р, не мог указать в древней русской письменности ни одного примера употребления формы „б е б р ь-б е б р я н“.¹ Эта форма была найдена лишь в 1866 г. Н. Тихонравовым.² Два дополнительных примера существования формы б е б р ь-б е б р я н привел Е. В. Барсов, разыскав их в географических названиях.³ В первом томе Словаря Ходаковского, в гнезде Б о б р, мы находим пять аналогичных названий, могущих служить материалом для комментария к „Слову о полку Игореве“.⁴

Словарь, по замыслу составителя, должен был отвечать потребностям не только исследователя-историка, но также и потребностям филолога и этнографа. Ходаковский подводил в нем под те или иные гнезда объединенные общим смыслом и корнем слова, нередко нарушая их алфавитный порядок. При составлении Словаря Ходаковский постоянно держал в поле своего зрения „Слово о полку Игореве“. Значительное число географических терминов древней поэмы (Деремела, Дон Великий, Малый Донец, Немига, Посулие, Рим, Стugna, Тьмуторокань и др.) с обязательным указанием на то, что они упоминаются в „Слове о полку Игореве“, нашли место в историко-географическом словаре Ходаковского. „Слово“ интересовало автора Словаря не только своей топонимикой, но и вообще всем тем, что оставалось в нем неразъясненным. В одном месте Словаря, в гнезде „Звон“, на вклеенном листке мы находим сделанную Ходаковским заметку: тект-цект дятла (tekt-cekt dzięciolowy).⁵ Совершенно очевидно, что Ходаковский хотел указать здесь на существующий в польском языке глагол цёкаць, цёкаць (сёскаć, сёкаć), которому в словаре Линде даны следующие русские эквиваленты: тюкнуть, тюкать, чокнуть, чокать.⁶ Думается, что подобное указание не лишено известного интереса.

¹ Д. Дубенский. „Слово о полку Игореве“ святъславля пестворца старого времени. М., 1844, стр. 213.

² Н. Тихонравов. „Слово о полку Игореве“. М., 1866, стр. 25.

³ Е. В. Барсов, ук. соч., стр. 15.

⁴ Помимо двух, отмеченных Барсовым, названий, у Ходаковского находим три дополнительных: Бебро озеро в Новгородском уезде, река Бебря у Дорогобужа (левый приток Днепра) и Бебрина над Савой. Публ. библи. в Ленинграде, Собр. М. П. Погодина, № 2018, Ист.-геогр. сл. Ходаковского, т. 1 (Баба—Исток), л. 59 об. — Ниже при ссылках на названный словарь Ходаковского мы будем ограничиваться указанием тома и листа.

⁵ И.-г. словарь, т. IV (Скала—Жив), л. 427.

⁶ S. V. Linde. Słownik języka polskiego, Lwow, 1854, t. I, str. 222 и 311. — Здесь же отметим замечание Ходаковского, сделанное им в III томе „Истории Государства Российского“ (стр. 536) и относящееся к следующему, цитируемому Карам-

Наши представления о Ходаковском как комментаторе „Слова о полку Игореве“ заметно дополняются теми страницами Словаря, которые отведены географическим названиям с корнем Тур.¹

Еще в своем „Словаре старинных выражений“ Ходаковский записал: „Тура мясопустного дети бояться. Трок. Тура по колядке давней водили на Украине иногда от одного села к другому“ (л. 111 об.). В той же тетради (л. 61) находим и такую запись: „Ингварь имя слав[янского] в «Игориде» — то ж Буйтур“.

Большое количество славянских географических названий типа Тургород, Тур-озеро, Турьи горы, Туровск и т. п., а в „Словаре“ это самое большое гнездо слов — свыше ста названий, — Ходаковский объяснял огромным значением тура в жизни и верованиях древних славян. В „Донесении о первых успехах путешествия в России Зориана Долуги-Ходаковского“ 1822 г. указывается даже на то, что тур употреблялся древними славянами для жертвоприношений.²

Ходаковский несомненно преувеличивал значение языческой обрядности в образовании географических названий. Тем не менее, он настойчиво боролся с явно несостоятельными попытками возводить топонимику к мифологическим князьям и героям.

„Нескладные сии выдумки летописцев, — писал в связи с этим Ходаковский, — а может быть только их переписчиков не заслуживают повторения“.³

Таким образом, не имена князей и не случайности иного рода, а более устойчивые и долговременные особенности жизни и быта древних обитателей края обуславливали, по мнению Ходаковского, как состав их географической номенклатуры, так и поэтические их представления.

На полях „Истории Государства Российского“, в том месте, где Карамзин уверенно производит название города Турова Минской губернии от имени варяга Тура, „повелевавшего некогда сей областью“ (т. I, стр. 118), Ходаковский подчеркивает это имя и иронически добавляет от себя: „который был с рогами“.

Неоднократное упоминание имени тура в „Слове о полку Игореве“ (рыкают аки тури, Яр-тур, Буй-тур), с точки зрения Ходаковского

зным месту из „Слова о полку Игореве“: „Ингварь и Всеволод, и вси три Мстиславичи, не худа гнезда шестокрильци“. Подчеркнув слово шестокрильци, Ходаковский отметил на полях: „от крыльев, которые носили на плечах“ (od skrzydeł na ramionach poszponych). Нам не удалось пока найти подтверждения этой догадки Ходаковского, однако, судя по тому, что геральдика была предметом его специальных занятий, можно полагать, что для подобного объяснения слова „шестокрильци“ он имел веские основания.

¹ И.-г. словарь, т. IV (Скала—Жив), лл. 249—251.

² „Донесение о первых успехах путешествия в России Зориана Долуги-Ходаковского. Публ. библ. в Ленинграде, Собр. Погодина, № 2017, л. 239.

³ Там же, л. 239 об.

явилось верным отражением характерных особенностей жизни, быта и поэзии древних славян, явлением отнюдь не случайным.¹

В Историко-географическом словаре Ходаковского мы находим также хотя и небольшой, но весьма любопытный комментарий, относящийся к следующему замечательному по экономии языковых средств и выразительности месту из „Слова о полку Игореве“, в котором изображаются трагические последствия поражения Игоря: „Се у Рим кричат под саблями половецкими, а Володимир под ранами. Туга и тоска сыну Глебову!“.

Согласно предположению Н. М. Карамзина, Риму „Слова“ или Римову русских летописей соответствует современный город Ромны. Долгое время эта точка зрения разделялась всеми историками и исследователями „Слова о полку Игореве“.

Достаточно указать на то, что еще в 1907 г. в „Географическом указателе“ Археографической комиссии к „Полному собранию русских летописей“ названная точка зрения Карамзина не отвергалась полностью. Однако уже в 1850 г. М. П. Погодин указал на то, что „Ромен в Духовной Мономаховой упоминается особо от Римова“, и высказал предположение, что последнему соответствует селение Рим на границе уездов Роменского, Лохвицкого и Прилуцкого.² В 1852 г. к мнению Погодина присоединились И. Д. Беляев³ и С. М. Соловьев.⁴ Новую точку зрения о местонахождении летописного города Римова высказал в 1907 г. В. Г. Ляскоронский. Последний полагал, что летописный Римов должен был находиться еще далее, чем селение Рим, в юго-западном направлении от Ромен, ближе к тому пути, по которому обычно набегали на Киевскую Русь половцы.⁵ К точке зрения В. Г. Ляскоронского приближался в своем исследовании „Слова о полку Игореве“ и акад. А. С. Орлов. Не выразив своего отношения к гипотезе Погодина—Беляева—Соловьева, А. С. Орлов предлагал искать местонахождение города Римова в нижнем течении Сулы.⁶ Несмотря

¹ Правильность и самостоятельный характер подобных экскурсов Ходаковского в область исторической географии и народного творчества станет очевидной, если вспомнить, что даже через несколько лет после смерти Ходаковского М. Т. Каченовский с кафедры Московского университета силился утверждать, что тур — это название кавказского барана, и, обнаруживая странное нежелание обратиться к летописным и другим источникам, наличием этого слова в древней поэме тшился доказать ее поддельный характер. Уч. зап. Моск. ун-в., 1834, ч. V, стр. 457.

² М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции из русской истории. М., 1850, т. IV, стр. 266—267.

³ И. Д. Беляев. О географических сведениях в древней России. Зап. и. Русск. геогр. общ., СПб., 1852, кн. VI, стр. 94.

⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. М., 1852, т. II, стр. 411 и VI (прим. 456).

⁵ В. Г. Ляскоронский. Русские походы в степи в удельно-вечевое время. СПб., 1907, стр. 9—10.

⁶ А. С. Орлов. „Слова о полку Игореве“. М.—Л., 1946, стр. 123. — В отличие от Погодина, Беляева и Соловьева, которые рассматривали вопрос о летописном

на то, что названная гипотеза В. Г. Ляскоронского совсем недавно была поддержана К. В. Кудряшовым,¹ признать ее убедительной нельзя, так как она не находит никакого подтверждения в топонимике местности, а предложенные Ляскоронским и Кудряшовым, как производные от Римов, современные названия: Малая Буромка и Супромы противоречат всяким правилам видоизменения географических названий и поэтому не могут быть признаны удачными.

Достоин внимания то обстоятельство, что гипотеза Погодина—Беляева—Соловьёва тридцатью годами ранее в очень скромной форме была высказана Зорианом Доленгой-Ходаковским, у которого она, вероятно, и была заимствована Погодиным. В четвертом томе Словаря Ходаковского, на обороте 332-го листа, читаем: „Рим—село в Прилуцком уезде, у истока Глиной, впадающей в Удай. Замок здесь. 1185. Карамзин, т. III, прим. 72. Урим в Слове о полку Игореве“.

Ходаковский настолько твердо придерживался своего взгляда в отношении местонахождения Рима—Римова, что в своем экземпляре „Истории Государства Российского“, в трех случаях, где Карамзин отождествляет Римов с Ромнами (т. III, стр. 66, 431 и 432), Ходаковский зачеркивает последние и исправляет на: „село Рим в Прилуцком уезде“.

Ходаковский говорил о себе, что он пешком исходил славянские земли „от Шлезии до Москвы и от берегов Днестра до Белозерского уезда“. На какие данные он полагался, делая заметку о селении Рим: „Замок здесь“? На собственные воспоминания? На показания старожил или очевидцев? Если это замечание Ходаковского соответствовало истине, а в добросовестном характере его работы над Словарем ни малейших сомнений у нас не возникает, то оно является дополнительным доводом в пользу отождествления села Рим Прилуцкого уезда с летописным Римовым и Римом „Слова о полку Игореве“.

Внимание исследователей „Слова о полку Игореве“ должна привлечь также и попытка Ходаковского определить местонахождение р. Немиги.

Небольшой отрывок древней поэмы, в котором с мастерством изумительным и неповторимым увековечена битва 1067 г. Всеслава Полоцкого с Ярославичами („На Немизе снопы стелют головами, молотят

Римове безотносительно к Риму „Слова о полку Игореве“, А. С. Орлов сделал в своем исследовании весьма ценное замечание о том, что летописец, называя в одном случае город Римовым, прилегающее к нему болото именует не Римовским, а Римьским, что позволяет нам уверенно отождествлять летописный Римов с Римом „Слова о полку Игореве“. Добавим к этому от себя, что в пользу отождествления Римова и Рима свидетельствует еще одно место Ипатьевской летописи под 1185 г.: „идуши же мимо (половцы. — Ф. П.) приступиша к Римови“. Здесь Римови является дательным падежом от именительного Рим, подобно тому, как дательным падежом является употребляемая в этой же летописи и в этом же месте форма к Донови (=к Дону): „хотя ити на Половци к Донови на все лето“. Дательный падеж от „Римов“ был бы: к Римову.

¹ К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 74—76.

чепи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни, посеяни костью русских сынов“), вдохновлял Гнедича, Катенина, Пушкина и других русских поэтов.

Однако в научных исследованиях о древней поэме определению местонахождения Немиги почти не уделялось внимания. Где же происходила знаменитая битва? Первые переводчики „Слова“ отождествили Немигу с Неменем. Это наспех сделанное отождествление подкрепил своим авторитетом Карамзин, и с тех пор на протяжении столетия оно повторялось или подразумевалось почти всеми исследователями и переводчиками „Слова о полку Игореве“, даже в тех случаях, когда последние для сохранения колорита древности и сохраняли название Немига. Достаточно сказать, что Е. В. Барсов в 1890 г. не решался предложить свое решение этого вопроса, хотя и сомневался в правильности мнения о нем Карамзина.¹ Однако в 1850 г. тот же М. П. Погодин высказал предположение, что Немигой, упоминаемой в „Слове“, мог быть проток в Минске, впадающий в Свислочь с правой стороны, оговорившись при этом, что Ходаковский, открыв Немигу в Минске, не решался считать ее местом битвы 1067 г.²

В очень осторожной форме отождествление Немиги „Слова“ с Немигой в Минске, вероятно не без влияния Погодина, сделал в 1865 г. Н. П. Барсов.³ В 1871 г. он повторил свою точку зрения в более, настойчивой и развернутой форме.⁴

Последним по времени исследователем, который занимался определением местонахождения Немиги, был К. В. Кудряшов.⁵ Идя в своих умозаключениях самостоятельным путем, Кудряшов весьма убедительно доказывает, что Немиге „Слова“ соответствует ныне не существующая река, протекавшая через окраину Минска и впадавшая в Свислочь.

Зориана Доленгу-Ходаковского вопрос о местонахождении реки Немиги интересовал вероятно больше, чем кого-либо из исследователей. В третьем томе его Историко-географического словаря (на обороте 64-го листа) дан пространный перечень географических названий, родственных по звучанию с Немигой. Мы приведем здесь только часть этих названий:

Немига — озеро в Валдайском уезде в Илятине.

Немиги — в Гдовском на р. Чутке.

Немига — часть г. Минска, что над Свислочью.

Немига — в „Слове о полку Игоря“. Река. „На Немизе...“

Кар[амзин] (т. II, прим. 118) полагал, что это река Неман. 1067“.

¹ Е. В. Барсов, ук. соч., т. III, стр. 222.

² М. П. Погодин, ук. соч., стр. 305.

³ Н. П. Барсов. Материалы для Историко-географического словаря России. Вильно, 1865, стр. 149.

⁴ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варш. унив. изв., 1873, № 4, стр. 84.

⁵ К. В. Кудряшов, ук. соч., стр. 78—79.

Из того, что Немига из „Слова о полку Игореве“ помещена в Словаре под Немигою в Минске можно заключить, что, вопреки мнению Погодина, у Ходаковского было убеждение в идентичности этих названий. Об этом же и в более ясной форме говорят и замечания ученого на принадлежавшем ему экземпляре „Истории Государства Российского“. В двух случаях (т. II, стр. 71 и т. III, стр. 216) Ходаковский подчеркивает в тексте Немен и исправляет на полях на Немига, а в одном месте (т. II, стр. 380) против слов Карамзина: „Летописец называет реку Немен Немизою“ Ходаковский пишет: „Немига — поток в Минске и город недалеко от Орши“.

Гипотеза о тождестве Немиги в летописях и „Слове о полку Игореве“ с Немигой в Минске, впервые выдвинутая Ходаковским и не только не отвергнутая до настоящего времени, но, наоборот, неоднократно подтвержденная другими исследователями, наилучшим образом свидетельствует как о самостоятельности мысли, так и о глубине исторических познаний Зориана Доленги-Ходаковского.

В заключение изложим здесь подсказываемый Словарем Ходаковского вывод в отношении „монастыря на Дудутках“.

В свое время Е. В. Барсов, останавливаясь на этом слове, писал: „Все без исключения комментаторы и переводчики «Слова» повторяют в данном случае мнение того же Карамзина, что Дудутки — местечко, близ Новгорода, где и теперь монастырь, так называемый на Дудутках. Где это местечко и что это за монастырь — до сих пор никто не проверил. Неволин в своих «Новгородских пятинах» не сделал на то ни малейшего намека“.¹

Полезно заметить, что никакого намека на „монастырь на-Дудутках“ близ Новгорода не сделал также и митрополит Евгений, автор „Исторических разговоров о древностях Великого Новгорода“, изучавший последние не только по книгам, но и практически, исполняя в течение ряда лет (1804—1808) должность vicария новгородского. К тому же, описание монастырей было специальностью митрополита Евгения. Тем не менее, когда в 1814 г. К. Ф. Калайдович обратился к нему за разъяснением нескольких трудных слов из „Песни Игоревой“ (а одним из трудных слов Калайдович считал и Дудутки), то Евгений ответил Калайдовичу отказом.

Несмотря, однако, на всю шаткость гипотезы Карамзина в отношении Дудуток, на протяжении ста с лишним лет, насколько нам известно, только два исследователя „Слова о полку Игореве“ высказали о Дудутках точку зрения, отличную от Карамзина. Первый из них — В. Г. Анастасевич — полагал, что Дудутки — это Будутки, или Будутина весь — село княгини Ольги, упоминаемое в Никоновской летописи. Анастасевич полагал, что это село находилось под Псковом.²

¹ Е. В. Барсов, ук, соч., т. III, стр. 222.

² Об этом подробно рассказано в моей заметке „«Слово о полку Игореве» в оценке 1814 года В. Г. Анастасевича“. „Слово о полку Игореве“, Сб. ст. под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1950, стр. 296 и сл.

Второй из названных исследователей — И. Д. Беляев, отождествлял Дудutki „Слова“ с нынешним селением Дудичи, расположенным к югу от Минска.¹

В первом томе Словаря Ходаковского в гнезде Дуда собрано около сорока названий типа Дудичи, Дуды, Дудки. Среди них — названия селений, монастырей, ручьев и даже мельниц. Однако все они удалены от Новгорода территориально, и может быть отчасти поэтому запись Ходаковского на листе 328-м — „Дудutki в «Слове о полку Игоря»“ осталась не расшифрованной.

Ходаковский был знатоком новгородских древностей. Во время своего путешествия 1820—1821 гг. он посещал Новгород и к этому посещению тщательно готовился, получая многочисленные наставления и сведения о Новгороде от любителей старины, в том числе и от митрополита Евгения.²

Под Новгородом в 1820 г. Ходаковский раскапывал так называемую „могилу Гостомысла“. Здесь же неутомимо собирал он сведения о новгородских древностях от местного населения. В особой рукописи (собр. Погодина, № 2018, т. VI), куда Ходаковский вносил бытующие у славянских народов названия различных растений, животных и предметов домашнего обихода, Новгород стоит на первом месте: мы находим там около сотни разных названий, записанных от жителей Новгородского уезда. Новгородские древности и топонимика самым исчерпывающим образом представлены также и в Историко-географическом словаре Ходаковского. Вот почему отсутствие в этом словаре расположенного близ Новгорода „монастыря на-Дудутках“ свидетельствует о том, что принятый на веру комментаторами „Слова“ „монастырь на-Дудутках“ является печальным недоразумением, порожденным случайной ошибкой знаменитого историографа.

Таковы те несколько замечаний и мнений о „Слове о полку Игореве“, которые нам удалось извлечь из двух черновых рукописей, некогда принадлежавших Зориану Доленге-Ходаковскому. Злоключения, которым подвергалось литературное наследство этого даровитого и самобытного ученого, не позволяют заключить, были ли у него работы, специально посвященные древней поэме. Тем не менее, ознакомление с остатками его бумаг не оставляет никакого сомнения в том, что собранные в настоящей статье мнения Ходаковского являются лишь небольшой частью того, что было в разное время и по разным поводам сказано им в отношении „Слова о полку Игореве“.

Совершенно очевидно, что пылкий взгляд Ходаковского был прикован к древнему памятнику на протяжении многих лет.

Насколько велико было восхищение Ходаковского „Словом“, настолько же сильным было его желание объяснить темные места древней

¹ И. Д. Беляев, ук. соч., стр. 165.

² См. письмо митр. Евгения к В. Г. Анастасевичу от 9 авг. 1820 г. из Пскова. Русск. арх., 1889, № 7, стр. 364.

поэмы. Если в этой работе Ходаковский и впадал иногда в ошибки, объясняемые как условиями времени, так и несовершенством его собственного метода, то в основном в истолковании „Слова о полку Игореве“ он стоял на правильном пути, проверяя и проясняя произведение не только памятниками древней письменности, но также и данными исторической географии и — что для того времени было особенно важно — сокровищницей народного поэтического творчества.

В работе над комментированием „Слова о полку Игореве“ Ходаковскому удалось разъяснить или приблизиться к разъяснению нескольких темных мест древней поэмы. Эта работа убеждала Ходаковского в полном соответствии поэмы об Игоревом походе с духом, обычаями, понятиями и языком Руси XII в. Понятно поэтому, что возгласы скептиков, независимо от того, чем они были продиктованы — заведомой ли предвзятостью, недомыслием или нежеланием углубляться в изучение предмета, — понуждали Ходаковского к страстной защите „Слова“.

Об этих устных выступлениях Ходаковского в защиту „Слова“ мы можем судить лишь на основании косвенных данных: по некоторым местам в исторических трудах Погодина и, главным образом, на основании мнения о Ходаковском Пушкина. Источником сведений великого поэта о Ходаковском был, как следует полагать, М. А. Максимович, который знал Ходаковского при жизни и с уважением относился к его ученым занятиям. Пушкин мог услышать характеристику Ходаковского от Максимовича еще при встрече с ним в 1829 г. Если судить об этой встрече по воспоминаниям Максимовича, она была посвящена обсуждению изданного Максимовичем в 1827 г. Сборника украинских народных песен, а также и тех песен, которые хранились у Максимовича, но в Сборник не вошли, т. е., вероятно также и песен из собрания Ходаковского, в состав которого входило немало песен, подобных той, которая особенно понравилась Пушкину („У Київї на Подолї порубанї груші, Погубив же пес Мазепа невинні души“).¹ Для Максимовича, усматривавшего преемственную связь между древней поэмой и украинскими историческими песнями, воспоминание о Ходаковском в обстановке упомянутой встречи с Пушкиным было вполне уместным. Мнение свое о „Слове о полку Игореве“ и его „поэтическом однородстве“ с украинскими народными песнями Максимович доводил до сведения Пушкина вероятно еще до 1834 г., когда это мнение в новом издании песен Максимовича было высказано печатно, что подтверждается письмом Максимовича к П. А. Вяземскому от 17 февраля 1833 г.² Здесь же будет уместно указать и на то, что экземпляр своего нового издания украинских народных песен, в котором содержатся неодно-

¹ Литературный вестник, 1902, т. III, кн. 1, стр. 113.

² Старина и новизна, кн. IV, СПб., 1901, стр. 192—193.

кратные ссылки на Ходаковского, в 1834 г. Максимович подарил Пушкину.¹

Некоторые сведения о Ходаковском Пушкин мог получить также и от Гоголя, державшего у себя в 1833—1834 гг., как сказано выше, собрание песен Ходаковского и обсуждавшего в это же время вместе с великим поэтом вопросы, связанные с украинской народной песней.² Но в том и в другом случае первоисточником сведений Пушкина о Ходаковском выступает М. А. Максимович. Между взглядами М. А. Максимовича на древнюю поэму об Игореvem походе и аналогичными взглядами Ходаковского существовала несомненная, хотя до сих пор и не исследованная зависимость. В этой связи значительный интерес представляет следующее место из письма митрополита Евгения к В. Г. Анастасевичу от 12 июля 1820 года: „Жадничаю узнать, выхлопотал ли что ему (Ходаковскому. — Ф. П.) министр при отъезде государя. А я гадаю, что он ему объявит, что на сие (экспедицию. — Ф. П.) не последовало благоволения, к сожалению, как и часто так объявляют. Пусть лучше потрудится нам перетолковать по-своему Игореvu песнь собранными им песнями“³ (разрядка моя. — Ф. П.). Относившийся без всякого восторга к планам Ходаковского в отношении исследования славянских городищ, митрополит Евгений весьма благожелательно отнесся к тому, чтобы Ходаковский занялся объяснением „Слова о полку Игореve“ „по-своему“, т. е. методом сличения поэмы с русскими и украинскими народными песнями. Совершенно очевидно, что в названном письме митрополит Евгений высказывал не свое собственное пожелание, а излагал ставший ему известным замысел Ходаковского. Об этом замысле митрополит Евгений мог узнать при встрече своей с Ходаковским 1 октября 1819 г., о которой двумя днями позднее он сообщал тому же Анастасевичу: „Третьего ж дня сел было отвечать вам, но в 12-м часу ночи нечаянно явился ко мне Ходаковский и до 7 часу вечера занимал меня чтением своих теорий, на другой день тоже доканчивал и едет к вам тем же занять вас: приготовьтесь к терпению“.⁴

Таким образом, мы имеем основание утверждать, что уже в 1819 г. Ходаковский ставил перед собой задачу объяснения и доказательства достоверности „Слова о полку Игореve“ путем сличения его с народным песенным творчеством и что свои замыслы в этом отношении он настойчиво излагал своим друзьям.

Указание митрополита Евгения об этом замысле Ходаковского позволяет надеяться, что в рукописях ученого, которые не были

¹ Н. Лернер. Из истории занятий Пушкина „Словом о полку Игореve“. Пушк. общ. Серия: Последние годы творчества Пушкина (1833—1837), вып. 2, Л., 1934, стр. 107.

² Об этом см.: Русская старина, 1879, апрель, стр. 776, а также Вестник Европы, 1874, март, стр. 477.

³ Русский архив, 1889, т. 30, стр. 357.

⁴ Там же, стр. 218.

использованы при написании настоящей статьи, в будущем удастся разыскать неизвестные нам его замечания о древней поэме. Все эти замечания должны быть собраны и изучены. Даже в тех случаях, когда наблюдения Ходаковского над „Словом о полку Игореве“ и не дают уже ничего нового по сравнению с тем, что было сказано о нем последующими поколениями исследователей, — эти наблюдения и замечания сохраняют свою историческую ценность, как материал, характеризующий место и значение древнего памятника в общественной и литературной жизни начала XIX в.

Несмотря на то, что наши представления о Зориане Доленге-Ходаковском как об исследователе „Слова о полку Игореве“ еще далеки от требуемой полноты, даже изложенные выше материалы убеждают нас в том, что ссылка Пушкина на Ходаковского, как на знатока „Песни о полку Игореве“, не являлась чем-то случайным. Ходаковский действительно был одним из первых и для своего времени выдающимся исследователем древнейшего памятника русского художественного слова.

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. АДРИАНОВА - ПЕРЕТЦ

**Историческая литература XI—начала XV в.
и народная поэзия**

1

Буржуазное литературоведение и фольклористика отрицали важное значение связей с народной поэзией в процессе зарождения и развития древне-русской литературы. Даже то небольшое, что в ней определялось как идущее из народного творчества, объяснялось лишь прямым „влиянием“ на литературу конкретных образцов устной поэзии. Проблема родства идей некоторых литературных памятников с идеями устной народной поэзии и обусловленности этим родством общности художественного метода писателя и народного поэта даже не ставилась.

Исследование литературно-фольклорных отношений древней Руси далеко не закончено и советскими литературоведами. Потому-то в 1938 г. Ю. М. Соколов в своем обзоре памятников русской народной поэзии рассматривает отношение фольклора к средневековой литературе лишь в плане „влияния“, притом только на „художественную форму“.

Понятие „народность древне-русской литературы“ определялось всем ходом исторического развития и на каждом этапе истории феодального строя имело свои характерные признаки. В это понятие прежде всего входило умение писателя уловить то новое в исторической действительности, что отвечало интересам трудового народа, и выразить это новое в художественной форме, стремящейся к реалистическому изображению, выразить средствами литературного языка, свободного от элементов, чуждых строю общенародного языка. Своеобразие самого понятия „народность“ в русской литературе феодального периода, отличающее его от объема этого понятия в новое время, заключалось в ограниченности его содержания: воспитывая активную любовь к Родине и сознание необходимости защищать свободу и независимость государства, а следовательно и трудового народа от внешних врагов, даже передовые писатели древней Руси не могли

сколько-нибудь полно отразить основное противоречие феодального строя — классовый антагонизм между трудовым народом и феодалами-собственниками. Критика в литературе отдельных сторон феодально-крепостнического строя была лишь слабым отголоском стихийного протеста самого народа, протеста не раз принимавшего форму вооруженного восстания. Вопрос об освобождении трудящихся от феодально-крепостнического гнета литературой еще не ставился.

Но писатели, мировоззрение которых соответствовало хотя бы такому ограниченному содержанию понятия „народность“, знали жившую и развивавшуюся непрерывно рядом с книжной литературой устную поэзию трудового народа. В этой поэзии, несмотря на исторически закономерную для феодального периода ограниченность классового сознания трудящихся, выражалась оценка народом исторических лиц и событий, его трудовой опыт и мечта о лучшей жизни. Чем глубже проникал писатель в противоречия жизни, чем больше внимания уделял он тяжелому положению угнетенного народа, тем ближе ему становилось поэтическое творчество трудящихся, тем закономернее литературные оценки совпадали с „народным мнением об истории“ (М. Горький).

Так создавалась почва для того, чтобы в художественной системе древне-русского писателя обнаруживалось развитие основ, идущих от поэзии народа. В таких случаях усваивались и элементы художественной формы народной поэзии. Однако внешнее усвоение устно-поэтической фразеологии не делало памятник „народным“. Для установления закономерностей литературно-фольклорных отношений в XV—XVII вв. особенно важно выяснение характера всех связей каждого отдельного литературного памятника с народной поэзией.

„Анализ образов и художественной формы «Слова о полку Игореве», некоторых летописных отрывков, повестей и других произведений древней письменности показывает влияние на нее устной народной поэзии“.¹ Таким образом, в этой итоговой работе даже и не ставится вопрос об отражении в древне-русской литературе идейной сущности народно-поэтических откликов на события исторической действительности, о родстве художественного метода лучших писателей русского средневековья и народных поэтов.

В изданных коллективом научных сотрудников Пушкинского Дома Академии Наук СССР первых двух томах „Истории русской литературы“ (тт. I—II, 1941—1948) неоднократно указывается на значительность роли фольклора в процессе создания и дальнейшего развития древне-русской литературы. Преимущественное внимание уделяется здесь выяснению связей с фольклором разных видов исторического повествования. „Поставив в самый момент своего возникновения в центре внимания историческую тему, русская литература в способе ее выра-

¹ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1938, стр. 36.

жения пошла по пути, проложенному народными формами словесного творчества. Литературный эпос XI в. продолжил традиции устных эпических и лирических жанров. Героический эпос — прототип сохранившихся до наших дней былин-старин, устные прозаические предания об исторических лицах и событиях, легенды, связанные с памятными местами, — передавали книжному историческому повествованию не только исторические факты и украшавшую их фантастику, но и некоторые черты своего художественного стиля (песенный образ князя-воина, пословичность языка, юмор, отчасти диалогическая речь и т. д.)¹. Устное предание, сказка, песня „расцвечивали новыми подробностями реальный факт или вводили в книгу народную оценку героя и его поведения“. „Связь исторической литературы с устным эпосом не прерывалась в течение всего средневековья, но особенно она крепла и проявлялась в моменты наибольшего подъема национального самосознания или в связи с демократическими тенденциями отдельных авторов“.² „Близости к фольклору обязана русская литература своими лучшими художественными ценностями, созданными ею на протяжении всей ее истории, начиная с преданий Начальной летописи, героических рассказов о борьбе Русской земли за свою независимость и величайшего памятника мировой поэзии Слова о полку Игореве. Лучшее, что сохранилось нам от литературного творчества русского средневековья, — исторические повести, автобиография протопопа Аввакума, поэтическая песня-повесть о «Горе-злочастии», — так же органически вышло из живого источника народной поэзии, как неотделим от него Пушкин“.³

Значительно, как видим, расширив выводы о роли фольклора в процессе становления и дальнейшего развития древне-русской литературы, и этот итоговый обзор не придал должной глубины как постановке самой проблемы соотношения литературы и фольклора в древней Руси, так и конкретной разработке этой проблемы. В большинстве случаев авторы статей об отдельных памятниках дают лишь перечень примеров прямого соприкосновения литературы и устной поэзии, не касаясь вопросов сравнительного изучения их мировоззрения и художественного метода.³

В исследованиях, посвященных изучению фольклорных источников отдельных литературных памятников древней Руси, эти вопросы мировоззрения и художественного метода ставятся советскими литературоведами шире, однако проблема в целом еще далека от разрешения. Внимание исследователей привлекали по преимуществу разнообразные случаи непосредственного отражения устнопоэтических произ-

¹ История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 431.

² История русской литературы, т. I, М.—Л., 1941, стр. 216.

³ На этот недостаток тт. I—II „Истории русской литературы“ указала рецензия в газете „Культура и жизнь“ 10 X 1948.

ведений в повествовательной и сатирической литературе, в летописании и в местных легендах.

Дореволюционное и советское литературоведение накопили довольно много фактов, свидетельствующих о прямых отражениях устнопоэтических сюжетов или мотивов в памятниках древне-русской литературы. Однако многие из этих фактов еще не до конца исследованы. Уточнения в ряде случаев требует прежде всего самый материал, подлежащий сопоставлению: рукописный текст литературного памятника и его предполагаемый фольклорный источник. На основе детально разработанной истории текста литературного произведения необходимо точно установить, в какой момент своей жизни оно подверглось воздействию фольклора, — при возникновении или в одной из позднейших редакций, другими словами, в какой исторической обстановке, в силу каких причин произошло сближение устной и письменной литературы, какова связь этого сближения с классовой направленностью всего литературного произведения в целом.

Функция фольклорных эпизодов у каждого писателя органически вытекает из всего круга его представлений — классовых и выросших на их почве морально-философских и эстетических. При определении этой функции необходимо, однако, со всей ясностью представить и классовую сущность тех устнопоэтических источников, на которых построены данные эпизоды. Так исследователь приходит к сопоставлению мировоззрения писателя и народного поэта.

Хотя ведущая линия развития устной поэзии, созданной в средние века трудовым народом, выражала прогрессивные стороны его мировоззрения, тем не менее, нельзя не учитывать ограниченности этого мировоззрения в условиях феодально-крепостнического строя и отражения этой ограниченности в поэтическом творчестве народа. Яркие религиозные сюжеты группы легенд и стихов, уводившие от реальной действительности, пережитки дохристианских суеверий, пессимистические настроения использовались в литературе. Сближение с таким, реакционным в самом своем существе, хотя и фольклорным материалом не может расцениваться как явление прогрессивное в развитии книжной литературы.

Задача исследователя заключается в том, чтобы в каждом отдельном случае определить идейный смысл того устного источника, которым воспользовался писатель.

Стилистические сопоставления литературы с фольклором, даже при явном сходстве сравниваемых элементов, не всегда могут привести к заключению о прямой связи писателя с поэтикой устного творчества, т. е. о том, что примененный писателем прием был предварительно отработан в практике народных поэтов.

В ряде исследований наблюдается склонность расценивать каждый свойственный народному языку образ литературного памятника как отражение устной поэтики, т. е., другими словами, подразумевается, что всякое

образное выражение в литературе, напоминающее хотя бы и поздний фольклор, пришло к писателю после того как оно оформилось в том или ином устном жанре. При такой постановке вопроса упускается из виду, что у писателя и народного поэта была общая почва, на которой оба творили, общий запас художественных средств, который служил тому и другому для воплощения своего замысла. Этой общей почвой был живой русский язык, который в условиях феодального общества, „как средство общения людей в обществе, был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения“.¹ Этот единый и общий язык, который „превалировал“ над диалектами и „их подчинял себе“,² своим основным словарным фондом³ питал и писателей древней Руси и народных поэтов. В определенном отборе и каждый со своими целями они использовали средства этого основного словарного фонда, в соединении с изменяющимся словарным составом языка.

Общепонятный язык XI—XII вв., когда формировалась русская литература, заключал уже в себе большие художественные возможности и применялся нашими древнейшими писателями с подлинным поэтическим мастерством.

Идейное своеобразие фольклора должно быть на первом плане при изучении роли устной поэзии в истории развития древне-русской литературы.

Выясняя роль фольклора в развитии литературы, М. Горький обращал внимание писателей на то, что „родоначальница книжной литературы“⁴ — устная поэзия трудового народа создала „наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев“.⁵

О фольклоре как отражении „трудового опыта бесчисленных поколений“, о теснейшей связи фольклорных типов с реальной действительностью и с мечтами народа о ее преобразовании, об идейном своеобразии отношения устной поэзии к историческим лицам и событиям писал неоднократно М. Горький. В народной поэзии, по его словам, „заложено неисчерпаемо много прекрасной, хотя в большинстве уже устаревшей мудрости. . . сжат трудовой опыт бесчисленных поколений“.⁶ О сказке, как о воплощении мечты народа о „лучшей жизни“, писал М. Горький, вспоминая свое детство: „сказки открывали предомной просвет в другую жизнь, где существовала и, мечтая о лучшей жизни, действовала какая-то свободная, бесстрашная сила“.⁷

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

² Там же, стр. 13.

³ Там же, стр. 6.

⁴ М. Горький. О литературе. М., 1937, стр. 174.

⁵ Там же, стр. 450.

⁶ Там же, стр. 34.

⁷ Там же, стр. 174.

Не следует забывать, однако, что подлинная сущность мировоззрения трудового народа в фольклоре бывает иногда затемнена наносным слоем чуждых ему представлений. В эпоху феодализма эти представления внедрялись, с одной стороны, через христианскую проповедь, с другой — через феодальных хозяев трудящихся. Одним из таких наносных наслоений в фольклоре М. Горький признавал пессимистические настроения: „фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно — рабский труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь — бесправна и беззащитна. Но при всем этом коллективу как бы свойственны сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами. Герой фольклора — «дурак», презираемый даже отцом и братьями, всегда оказывается умнее их, всегда — победитель всех житейских невзгод, так же как преодолевает их и Василиса Премудрая. Если же иногда в фольклоре звучат ноты безнадежности и сомнения в смысле земного бытия — эти ноты явно внушены двухтысячелетней проповедью пессимизма христианской церкви“ (имея в виду фольклор времени капитализма, М. Горький добавлял: „и скептицизмом невежества паразитивной мелкой буржуазии, бытующей между молотом капитала и наковальней трудового народа“).¹

Обращаясь к мировоззрению древне-русской литературы, мы должны иметь в виду, что порожденная феодальным строем общества, эта литература, как надстройка, „становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться“.² Литература использует и религию христианства для той же цели укрепления феодального строя. Самый классовый состав писательской среды способствовал тому, что литература древней Руси, особенно в первые века, была выразительницей по преимуществу идеологии господствующего класса. Однако все обострявшаяся классовая борьба между двумя основными классами феодального общества, землевладельцами и земледельцами, „между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя“,³ и идеология главной массы трудового населения — крестьянства также в известной мере проникает в литературу, непосредственно или через устную поэзию народа.

Задача исследователя древне-русской литературы заключается в том, чтобы показать, как отражается на самом художественном выражении любой темы сплетение в сознании автора впечатлений от реальной действительности с искаженными представлениями о ней, внутренними идеалистическим мировоззрением христианства и доживавших

¹ М. Горький. О литературе. М., 1937, стр. 450—451.

² И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 7.

³ И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Гос. изд. полит. лит., 1950, стр. 67.

в устном предании дохристианских суеверий. Вместе с тем предстоит выяснить процесс преодоления элементов идеалистического мировоззрения у лучших писателей древней Руси и влияние этой борьбы на художественную систему их. Характерные черты литературного метода, вскрытые таким анализом идейной основы каждого произведения, подлежат затем сопоставлению с типичными признаками поэтического творчества трудового народа, проявляющимися в наиболее близких по содержанию и задачам к данному литературному памятнику видах устной поэзии. Только таким путем можно подойти к решению проблемы соотношения литературы и фольклора древней Руси.

Принципиальная разница между типичной для феодальной литературы трактовкой данной темы и характерными особенностями ее выражения в творчестве трудового народа может быть показана, например, путем сравнения основных тенденций построения образа героя в устном — народном и в литературном — феодально-христианском эпосе.

Герой русского устного, исторического и сказочного, эпоса даже тогда, когда ему противодействуют или помогают „волшебные“ силы, борется и побеждает активными качествами; среди них исторический эпос особо выделяет любовь к родине, мужество, великодушие к слабым и угнетенным; волшебная сказка подчеркивает в герое смелость, находчивость, ум, трудолюбие, активную доброту; в сказках бедняк побеждает богатого не смирением и покорностью ему, а качествами, противостоящими порокам богача, — умом, честностью, бескорыстием, трудолюбием, добротой, одерживающими верх над глупостью, низостью, скупостью, жадностью и злобой.

В христианизованном литературном эпосе русского средневековья (жития, легенды) место „волшебных“ сил занимают христианское „божество“ и „святые“, с одной стороны, и „дьявол“, „бес“, — с другой. Но заслужить помощь первых и побороть сопротивление второго человек может не активными качествами, а пассивными „добродетелями“, обязательными по христианскому кодексу общественной и частной морали; среди них на первом месте — смирение, терпение, всепрощение, отказ от мирских радостей. Так, образ героя в литературном эпосе, если он последовательно выдерживает эту идеологию, снижается: герой становится не реально действующей в жизни силой, а покорным воле божества существом, которого учат не искать счастья и благополучия в этой жизни, не бороться с социальной несправедливостью, а терпеливо переносить все страдания, лишения и насилия, чтобы заслужить „вечную награду“ в „вечной жизни“ — после смерти.

Именно об этом губительном воздействии христианства, убивающего активное сопротивление трудового народа социальной несправедливости и поддерживающего власть „господ“, писал М. Горький: „на протяжении двух тысяч лет сотни церковных писателей и моралистов,

наблюдая ужасы жизни трудового народа, проповедывали и все еще проповедают богатым — необходимость милосердия, бедным — необходимость кротости и терпения, обличали и все еще обличают пороки тех и других“. „На протяжении тысяч лет «великие» моралисты — пророки, «отцы церкви», писатели усердно занимались тем, что обличали порочность рабочей массы, недостатки людей, умалчивали о главной причине пороков и о достоинствах трудового народа, о значении его честного великого труда“.¹

На такой идеологической основе выростал тип героя, который и в личных и в общественных столкновениях побеждал покорностью, а не борьбой, тип, принципиально отличный от наделенного здоровым жизнеутверждающим мировоззрением героя устной сказки и героической былины. Свое полное выражение такой „христианизированный“ идеал находил в религиозном эпосе — в житийных биографиях. На сближение с этим идеалом идут и летописные портреты „христороубивых“ князей-благотворителей, наделенных основными христианскими добродетелями, и панегирические биографии князей и царей XV—XVI вв., стилизующие их под христианских подвижников, в противоречии с исторической действительностью.

Разница между способом выражения в средневековой литературе самой популярной воинской темы и художественным методом героических былин также наглядно показывает различие между этими двумя областями словесного творчества в оценке роли человека в жизни. В представлении народного эпоса победа всегда добывается руками воина-богатыря, его мужеством; „воинские повести“ древней Руси нередко снижают заслуги „воев“, „храбров“, рисуя появление на поле битвы „небесных воинов“, разящих врага стрелами и мечами, и, таким образом, литература иногда стремится внушить, что не беззаветное мужество народа, а „помощь божия“ решает исход битвы.

Классовое сознание автора определяет в каждом отдельном случае, пойдет ли писатель за официальной феодально-религиозной идеологией, изображая историческую действительность, или он разделит подлинно народную оценку ее; этим, в конечном итоге, будет обусловлено и отношение писателя к художественному методу устной поэзии. Таким образом, в свете решения основных вопросов мировоззрения получают должное объяснение и наблюдения над общими элементами и тенденциями в художественном стиле древне-русской литературы и фольклора, с одной стороны, и над своеобразными чертами этого стиля, свойственными каждой из этих областей словесного творчества, — с другой.

В настоящее время вырисовывается довольно отчетливо круг вопросов, из которых слагается в целом широкая тема „древне-русская литература и фольклор“. Только углубленное изучение всех этих во-

¹ М. Горький. О литературе. М., 1937, стр. 33, 35.

просов объединенными силами литературоведов, фольклористов и историков русского языка позволит со временем установить закономерность в истории взаимоотношений книжного и устного творчества древней Руси, в объеме и характере их проявления в данной общественной среде, в данный исторический момент. Без разрешения этих вопросов во всей их сложности и многообразии мы никогда не сможем показать и подлинную эстетическую ценность литературы XI—XVII вв. как своеобразного этапа в развитии русской литературы, качественно отличного от следующих за ним.

2

Историческая тема в русской литературе XI—XVII вв., как показывают наблюдения над разнообразными видами исторического повествования, создавала благоприятную почву для выражения передовыми писателями древней Руси чувств, мыслей и настроений широких масс трудового народа. Именно эта тема давала возможность писателю преодолеть классовую ограниченность своего сознания и в общей оценке изображаемых лиц и событий приблизиться к тому фольклору, который „неотступно и своеобразно сопутствует истории“, в котором „сжат трудовой опыт“ (М. Горький) народа, фольклора, выражавшего и мечту народа о лучшей жизни, и веру в осуществимость этой мечты.

Наиболее яркие формы приобретало такое идейное родство прогрессивной линии развития исторической литературы древней Руси с подлинно народным творчеством в годы обострения борьбы с внешними врагами, угрожавшими свободе и независимости государства, и в периоды государственного строительства, отвечавшего интересам трудового народа. Подъем народного самосознания вызывал в таких случаях отношение к исторической теме, общее у писателя и народного поэта: угроза со стороны „дикого Поля“ побуждала обоих взывать к объединению сил для борьбы; народные герои, бесстрашно сражавшиеся с численно превосходящими силами врага, у обоих создавали уверенность в конечной победе; создание единого централизованного государства на месте раздробленных феодальных владений, отвечавшее общенародным интересам, привело к прямому сближению летописи и устного эпоса в XV—XVI вв.; общественно-политическая деятельность Грозного заслужила одинаково высокую оценку у автора Казанской истории и в устной исторической песне и сказке; в конце второго десятилетия XVII в. повесть и устная песня сошлись в выражении скорби по поводу преждевременной смерти талантливого молодого воеводы Скопина-Шуйского, и потому песня органически влилась в литературное повествование.

Идейная связь писателей древней Руси с народными поэтами вела их к фольклору — источнику народных воспоминаний об истории и

своеобразной художественной форме выражения этих воспоминаний. Мировоззрение писателя определяло его эстетику, в частности его отношение к художественному методу и художественному языку устной поэзии.

Этот основной вывод из наблюдений над развитием исторического повествования древней Руси решительно опровергает мнение о том, будто отношения между литературой и фольклором в XI—XVII вв. ограничивались частичным влиянием устной поэзии на письменную и носили характер более или менее случайных сближений. Как видим, проблема гораздо сложнее, связь древне-русского писателя и народного поэта бывала прочнее и глубже, и свести ее к эпизодическим отражениям элементов фольклора в литературе нельзя. Закономерность идейного приближения литературы к фольклору и как следствия его — появления в художественной системе писателя и в его языке определенных черт устной поэтики — очевидна.

Однако нельзя не учитывать, даже и в случаях прямой связи литературы с фольклором, того обстоятельства, что основная форма феодальной идеологии средневекового книжника — христианское мировоззрение существенно отражалось и на освоении, на способе передачи воспринятого устного материала. Феодальная идеология не всегда просто отталкивала писателя от народного творчества; иногда писатель, выхолащивая самую сущность, брал из устной поэзии лишь одну ее форму. Но и в этом была также своего рода закономерность.

Древне-русское историческое повествование с XI в. обнаруживает две формы сближения с фольклором вообще и, в особенности, с его историческим и сказочным эпосом: 1) прямое перенесение в литературу фольклорных сюжетов, мотивов или изобразительных художественных средств, без изменения их идейной сущности или в переработке, соответствующей отличному от народного мировоззрению писателя; 2) освоение литературой художественного метода народной поэзии, определяемое совпадением оценки событий и цели их художественного воспроизведения.

По мере того, как выдвигались новые задачи исторического рассказа, — менялся и характер отношения к фольклору, как источнику сведений, оценок и художественных средств, непосредственно отражающемуся в литературе, с одной стороны, и как к параллельной области словесного искусства, сближавшейся с литературой и независимо от прямого ее „влияния“ на писателя, — с другой.

В свете этих основных выводов, проследим в общих чертах весь путь, пройденный разнообразными формами исторического повествования с XI по XV в., с точки зрения его отношения к устной поэзии, преимущественно к народному эпосу — героической былине, исторической песне, преданиям и сказкам на исторические темы.

Летописание XI—начала XII в., объединенное в Повести временных лет, по своей основной идеологической целеустремленности пред-

ставляло благодарную почву для установления тесных связей с творчеством трудового народа, особенно с его историческим эпосом. История создания летописного свода, именуемого Повестью временных лет, подтверждает, что на разных этапах своего сложения этот свод прибегал к фольклору как к источнику сведений, с одной стороны, и к идейной опоре — с другой.

Однако нельзя не учитывать того обстоятельства, что кругозор летописцев становится с течением времени шире, а их мировоззрение все больше подвергается воздействию феодального общественного строя и связанной с ним историософии христианства. Вместе с тем на новой ступени исторического сознания летописцы раздвигают рамки самых тем устного эпоса периода патриархально-родовых отношений и времени создания Киевского государства, где преобладала воинская тема (обороны родины и расширения территории государства). Летописцы глубже проникают в оценку государственной деятельности князей; уделяют внимание их международной политике; чутко отмечают рост значения Русской земли среди соседних государств и т. д. В то же время, по мере обострения феодальной борьбы, когда народный эпос, резко осуждая ее, противопоставляет настоящему былое единство Руси, летописцы все чаще расходятся с устным эпосом в понимании исторических событий и этим определяется отбор ими устных источников для своего повествования. Новые политические задачи летописания все больше отодвигают летописцев от устной истории народа. В то же время нормы христианской историософии вводят в изложение летописца чуждое устному эпосу идеалистическое истолкование причин событий вмешательством сил „потустороннего“ мира в судьбу народов и отдельных людей. Как ни ограничен еще в старшей летописи этот элемент новой историософии, однако, как увидим ниже, он проявляется даже в истолковании заведомо народных исторических преданий.

Все эти соображения должны быть учтены при анализе самого способа восприятия составителями Повести временных лет их устных источников и отбора этих источников.

— — —

Старшая русская летопись возникла, как показывают исследования историков и литературоведов, не раньше второй четверти XI в., но лишь к началу 60-х годов XI в. можно, повидимому, отнести тот этап в жизни летописи, когда ее составители начали широко пользоваться среди других источников и устным преданием. Так называемый свод Никона, датируемый исследователями началом 70-х годов XI в., обнаруживает ясно этот интерес к народному эпосу. Трудно с полной достоверностью установить, кем именно было введено в летопись каждое данное устное предание, сохраненное Повестью временных

лет, однако очевидно, что включительно до Нестора — составителя старшей редакции Повести временных лет — все летописцы в той или иной мере дополняли свое изложение устным материалом, по-разному, как увидим, передавая его.

Чем более отдалена от летописца описываемая им эпоха, тем, естественно, чаще прибегает он к народному преданию. Поэтому дохристианский период русской истории особенно обильно расцвечен материалом устного происхождения. Родовые предания („устные летописи“) и предания, связанные с памятными местами, объясняющие их имена, описывающие приуроченные к ним события, подробности биографий исторических лиц IX—X и даже начала XI в. — вот что преобладает среди этих устных источников летописания XI—XII вв. Эти источники давали то более или менее подробные рассказы, содержавшие лишь фактические сведения, то эпически переработанные исторические припоминания. Эта последняя группа устных источников летописи, опиравшаяся также на реальную основу, уже не ограничивалась воспроизведением фактов. Художественное обобщение этих фактов, их истолкование хранителями преданий характеризовали восприятие действительности определенными группами населения в изменявшихся условиях исторической жизни восточнославянских племен.

Мы не имеем возможности установить точно, какую устную форму имело большинство таких эпически обработанных воспоминаний о событиях и лицах, упомянутых на первых страницах русской летописи. Были ли это предания-сказы или песни, рассказывались они или распевались, — для решения этого вопроса следы таких устных памятников в летописи не дают оснований. Однако некоторые приемы эпической переработки исторических рассказов сохраняются даже и в своеобразной передаче летописца. Именно такие летописные эпизоды и позволяют судить о характере восприятия древне-русским книжником фольклора, как особой формы отражения исторической действительности.

Более того, мы наблюдаем затем появление этих специфических средств устного эпоса в литературной манере летописцев (и вообще в литературном эпосе XI—XII вв.), когда они уже самостоятельно, независимо от „неписаной истории“, творчески осмысливают свои наблюдения над исторической действительностью. Заранее следует оговориться, что появление в литературном эпосе, с первых его страниц, таких родственных устной эпической традиции приемов не должно сводиться к „влиянию“ одной области словесного творчества на другую. Родство метода опирается на близость исторического сознания, выросшего в данных исторических условиях. Чем больше писатель в своем классовом осмыслении событий будет отходить от народного поэта, тем реже и слабее будет ощущаться и родство их сознания и метода. Чем глубже будет разница в самом понимании писателем и народным поэтом изображаемых событий, тем более внешними окажутся в литературе эти отзвуки фольклора. Фольклор древней Руси не пред-

ставлял по своей целеустремленности единого целого. Он отразил сложность и противоречивость исторического процесса, борьбу разнообразных классовых интересов. Поэтому, говоря об отголосках устной стихии в литературе, следует всегда учитывать, с чьей точки зрения данный устный источник отражал события и давал им оценку.

В литературе XI—XIII вв. противоречивость устного предания об исторических лицах и событиях отражена слабо. Между тем уже в эти первые века становления феодализма происходили неоднократно вспышки восстаний трудового народа против энергичной феодализации и, насколько позволяют судить поздние записи былин, устный эпос откликался на эти вспышки, выражая народное отношение к ним. Так, в былинах вскрываются следы воспоминаний о насильственном крещении новгородцев Путятой и о киевском восстании 1113 г. Тесно связанный с феодальной верхушкой, летописец не показал, например, как сам народ рассказывал о восстании смердов в Ростове и на Белозере в 1071 г., но передал повествование об этом восстании его „усмирителя“ Яна Вышатича — дружинника князя Святослава, собиравшего в это время дань с местного населения.

Насколько охотно включал в свой рассказ летописец проникнутые горячим патриотизмом предания о героическом прошлом, о борьбе Руси с внешними врагами, о героях, выдлившихся в этой борьбе, настолько планомерно он замалчивал несомненно существовавшие рассказы или песни о борьбе трудового народа с эксплуатацией, нараставшей по мере углубления феодализации. Феодальная идеология летописца не допустила его стать на сторону народа в этой борьбе, поэтому он, такой внимательный в других случаях к „неписаной истории“, совершенно обошел фольклор, отражавший классовый протест „смердов“ и городских ремесленников против нажима феодальных верхов.

Итак, при всем богатстве устнопоэтических отзвуков в литературном эпосе XI—XIII вв., не следует преувеличивать широты отражения в них всего многообразия фольклора той эпохи. Летописец тщательно отбирал то, что соответствовало его официальной роли княжеского или монастырского историографа.

Однако, несмотря на этот отбор, и подлинный фольклор трудового народа проник на страницы летописи. Летописец пытался иногда таким народным сказаниям придать желательный ему смысл, сопровождая их своими толкованиями; тем не менее, за вычетом этих его комментариев, мы получаем в довольно сохранном виде, по крайней мере, содержание, а частично и художественную форму фольклорных произведений.

Так, на основе „неписаной истории“ росло историческое повествование XI—XII вв., проникнутое глубоким патриотизмом, гордостью за славу своей родины и, позднее, тревогой за ее судьбу перед лицом

надвигавшейся из степи опасности, в лице печенегов, половцев и, наконец, татаро-монголов.

Народные предания об исторических лицах и событиях — „неписаная история“ — разнообразно используются в летописи XI—XII вв. Летописцы то вносили их в свой рассказ без разъяснений и дополнительных замечаний, то делали эти предания поводом для морализирующих рассуждений, показывающих существенную разницу между мировоззрением народного эпического поэта и книжника, вмещающего себе в обязанность через историческое повествование внедрять идеологию христианства в его характерной для феодального периода форме.

В наибольшей сохранности Повесть временных лет донесла поэтические предания о борьбе с внешними врагами — печенегами. В этой группе рассказов (белгородский кисель, „отрок“ и воевода Претич при осаде Киева, поединок юноши-кожемяки с печенежским богатырем) летописцем полностью воспринято народное отношение к врагам: они посрамлены, притом не превосходством силы, а умом, уменьем. Осажденные города, без помощи княжеской дружины, одной военной хитростью, в которой проявляют свою смысленность то „старец“, то „отрок“, — освобождаются от обложивших городские стены печенегов; „сын меньший“ побеждает печенежского богатыря, „превелика зело и страшна“. Во всех этих преданиях, относящихся еще к дохристианскому периоду русской истории, летописец счел возможным обойтись без религиозных мотивировок. Но уже описание поединка князя-христианина Мстислава с касожским богатырем Редедю украшено дополнительным эпизодом: ослабевающий в борьбе с сильным противником князь молится и дает обет построить церковь, после чего немедленно одолевает Редедю. Нет никаких оснований предполагать, что эта мотивировка, снижающая роль самого князя, существовала уже в устном прототипе летописного рассказа. Можно думать, что летописец соединил две самостоятельных темы: поединок Мстислава и постройку им церкви в Тьмутарокани, изобразив эту постройку как выполнение обета, данного в минуту слабости во время поединка. Во всяком случае, победа как „чудо“, как результат вмешательства „божественной“ помощи — мотив, характеризующий то антиреалистическое начало, какое религиозная идеология внесла в героическое, реальное в своей основе предание.

С этим антиреалистическим началом мы встречаемся в летописном истолковании самых разнообразных народных преданий, начиная с предания о гибели „обров“ и кончая тенденциозно изложенной историей восстания смердов в 1071 г. Мы наблюдаем, как религиозная мотивировка сначала появляется рядом с реальной (сказание о гибели обров, рассуждение о „божьей воле“, побудившей полян предсказать покорение хазар, а кудесников — предугадать смерть Олега от коня), причем все яснее звучит мотив полной зависимости судьбы человека от „божественной воли“. Так последовательно снижается роль человека, его

способность активно управлять событиями, пока идеалистическая мотивировка в рассказе о восстании смердов не исказит всю историческую картину для оправдания феодальной эксплуатации. Летописцы XII в. уже настолько прониклись христианским мировоззрением, что разница между их повествованием и народным эпосом становится вполне очевидной.

Однако не следует преувеличивать цельности идеалистического мировоззрения летописца. Реальный ход событий, сама историческая действительность вынуждает иногда повествователя отходить от религиозной историософии, и тогда он снова становится ближе к „неписаной истории“.

До XIII в. включительно летописцы не могли оторваться и от той веры в колдовство, которой была пронизана дохристианская религия восточных славян. Как ни часто напоминала летопись читателям, что „беси“ и их представители на земле — кудесники, волхвы — все это наследники того ангела, который был свержен с неба „за величание“, что настоящий „бог“ — „есть на небеси, седяй на престоле“, — однако „бесовское наущение“ для книжника реально существует. Оттого-то, наряду с героическим устным эпосом, отразившим борьбу народа за единство русской земли, оценку народом участников этой борьбы, — летопись сохранила и следы фольклора, выросшего на почве религиозных суеверий, фольклора, проникнутого сознанием беспомощности человека перед силами природы. И „боги“ волхвов и „бог“ летописца одинаково распоряжаются судьбой человека; и то обстоятельство, что летописец называет „бесами“ богов „поганой“, т. е. дохристианской Руси, а истинным „богом“ только христианское божество, — не создает еще принципиальной разницы между его мировоззрением и убеждениями волхвов, которые он оспаривает. И сказка о сотворении человека (1071), и рассказ о „навьих“ — свидетели существования фольклора, разоружавшего человека и внушавшего ему покорность судьбе и необходимость прибегать к помощи волхвов-кудесников, знающих волю „богов“ и владеющих умением умилять их.

Идеалистические основы дохристианской мифологии не противоречили христианской историософии летописцев: то и другое уводило человека от реальной оценки действительности. Наличие этой разновидности фольклора в повествовании летописцев не делало их рассказ „народным“ в настоящем смысле этого слова.

Однако, по представлениям средневековья, подобные фантастические эпизоды не противоречили задаче правдивого изображения действительности. Метод писателя оставался одинаковым — рассказывал ли он о появлении „навьих“, или „небесных воинов“ и прочего среди правдиво нарисованных людей.

Характерно, что ни в одном из народных эпических преданий о событиях IX—XII вв. нет никаких следов этой веры в „богов“ или „бога“, направляющего ход истории. Любовь к родине и воинская

честь, мужество, находчивость, военная хитрость — вот что выручает в борьбе с врагами дружину и князей „поганых“ и принявших христианство. Единственное исключение — рассказ о смерти Олега, предсказанной волхвом; однако самое это предсказание может расцениваться как своеобразная месть князю-захватчику.

Реализм устного эпоса, созданного трудовым народом, подчеркивает идеалистическую сущность сказок, выросших на почве старой религии — скорее всего среди служителей этой религии и уже лишь поддержанных отсталыми слоями народа. Этим сказкам с течением времени как раз и суждено было слиться с легендами и сказками, опиравшимися на представления сменившего язычество христианства. И в этом родстве суеверий обеих религий — объяснение того, что „мьчту“ „бесовьского наущения“ христианин-летописец считает возможным ввести в свой рассказ. Больше того: летописец всерьез убеждает читателя, что „бесовьская вълшвеня бывають“, особенно через женщин. Так общая идеалистическая основа заставила летописца, в сущности, признать то, против чего он пытался возражать.

Народное предание и сказка были не единственными формами, в которых устнопоэтическая традиция отразилась в летописи. Не раз исследователями указывалось на наличие в летописном тексте ряда пословиц и поговорок.

В Повести временных лет, однако, пословица-поговорка вводится лишь вместе с народным преданием. Летописец не пользуется еще в собственном повествовании выделенной народной пословицей — такое ее применение придет позднее. Для подкрепления своих собственных размышлений летописец предпочитает пользоваться книжными изречениями, дающими ему возможность противопоставить новое христианское отношение к событиям и новую оценку поведения человека — всегда идеалистическую, — реалистическому мировоззрению устной пословицы.

Летопись XI—XII вв. воспроизвела заговорно-заклинательные формулы. Так, исконные клятвы над оружием угадываются под заговорными формулами договоров с греками Игоря и его сына Святослава.

Однако за исключением более или менее прочных фразеологических сочетаний, закрепленных в пословицах, поговорках, заклинаниях, — трудно установить, что в ярком и выразительном языке старшей летописи может быть отнесено к поэтической речи фольклора. Огромное воздействие на язык летописцев образности живого русского языка — факт неоспоримый. Но почти невозможно в каждом отдельном случае определить, прошла ли уже эта живая речь через обработку фольклорной практики, прежде чем она достигла летописного рассказа. Задача историков русского языка — разобраться в этих сложных вопросах образования поэтической фразеологии старших

памятников древне-русской литературы, среди которых первое место по праву занимает Повесть временных лет.

Иной характер взаимоотношения литературы и фольклора в XI—XII вв. обнаруживает родство литературных „похвал“ этого времени и „плачей“ с народными „словами“-величаниями и народными плачами-причитаниями. Здесь приходится говорить не столько о „влиянии“ соответствующих устнопоэтических форм на литературные, сколько об общности метода изображения у народного поэта и писателя. „Величанья“ и „плачи“-причеты были бытовым явлением и, отражая реальную действительность, писатель вводил их в требуемые моменты в свой рассказ. И если в самом построении тех и других лиро-эпических эпизодов обнаруживается родство между литературой и фольклором, то это родство является уже следствием воспроизведения в литературе бытовой обрядности.

Характерной чертой народных величаний является гиперболизм в изображении характера героя, в особенности тех его черт, которые являются наиболее желательными. Вера в силу слова побуждала народного певца в величании называть желательные качества с тем, чтобы они и в действительности осуществились в поведении героя. Устные „слова“— явление более поздней эпохи, однако и в них герой наделяется не только усиленными, действительно ему свойственными качествами, но и желательными, с точки зрения данного исторического момента.

Когда с XII в. в летописном рассказе появляются „похвалы“ князьям, метод их составления обнаруживает родство задач книжника и певца „слова“: эти литературные характеристики также объединяют реальные качества героя с желательными для данного исторического момента. Такое родство создается не потому, что книжник сознательно подражал народным величаниям и „словам“, а потому, что он, как и народный певец, стремился создать пример образцового, с точки зрения его мировоззрения, поведения. Оценка героя с определенной общественно-политической позиции лежит в основе каждого исторического портрета— будет ли это образ положительного героя или противостоящий ему образ „врага“. Возвеличение действительности, некоторая доля схематизации, отбор качеств, соответствовавших устремлениям автора,— вот основные черты метода построения характеристики и положительных и отрицательных героев в старших литературных памятниках и в устном эпосе. Самые оценки поведения могут совпадать у писателя и народного поэта, но могут и расходиться, однако метод отражения действительности долго сближает две области словесного творчества. Итак, в данном случае эта близость свидетельствует не о „влиянии“ устного эпоса на книжный, а об общности функции литературных „похвал“ и устных „слов“.

Не только народные „слова“, но и другая форма лиро-эпических песен, связанных с прославлением героев, нашла свое отражение

в летописи XI—XII вв. — похоронные причитания. „Плачи“ или „вопли“, как их называет Повесть временных лет (1078), перешли в христианский период из похоронной дохристианской обрядности, и элементы прославления умершего, т. е. „славы“,¹ видимо, органически вливались в них и в устной традиции, когда плач сопровождал и самое погребение, и поминальные тризны. Включение похвальной характеристики умершего в плач по нем типично и для летописных плачей, и для содержания плачей в так называемых княжеских житиях, и для внелетописной исторической повести.

Публицистическая окраска летописных плачей, дающих оценку героя, роднит плачи и похвалы в литературе, как и в фольклоре. Но направление оценки, конечно, определялось всем комплексом общественно-политических воззрений летописца. Идеализация героя отражала также религиозную мысль книжника, который наделял его качествами примерного христианина, не считаясь зачастую с действительностью.

Все разновидности древне-русской литературы, давая более или менее развернутую характеристику героя, слагают ее обычно по методу преувеличения положительных или отрицательных качеств, независимо от того, наделен ли был герой этими качествами в действительности, или они приносятся в его облик в соответствии с замыслом автора. Так создаются типичные для каждого данного исторического момента и для данного классового сознания автора фигуры положительного или отрицательного героя и в исторической литературе. Но лишь тогда, когда выделение типичных черт характера и поведения героя определяется его оценкой, соответствующей отношению к нему исторического сознания народа, литература сближается с устным эпосом в самом своем существе, а не только в методе гиперболизации.

Две основных тенденции направляют гиперболизацию качеств положительных героев в исторической литературе XI—XIII вв.: одна ставит своей задачей идеализировать героя как члена феодального общества, наделяя его чертами, соответствующими его положению в этом обществе; другая стремится на первый план выдвинуть его качества образцового христианина. В зависимости от того, в каком направлении дорабатывает автор материал конкретной исторической действительности, — он прибегает то к гиперболическим средствам выражения, аналогичным устному эпосу, то к методу и стилистике агиографической, церковно-панегирической литературы. Оценка героя с определенной общественно-политической позиции лежит в основе каждого

¹ Термин „слава“ в значении похвальной песни сохраняется и в былинах, где, впрочем, он обозначает и вообще песенный рассказ о событии: „еще тут пошаному славы поют“ (Гильфердинг 1038), „только той Соловнику славы поют, а Ильина то слава не минуется, отныне век по веку“ (Гильфердинг 233), „А слава ему (князю Роману) век по веку да не минуется“ (Гильфердинг 408).

исторического портрета, который, таким образом, характеризует не только изображаемого исторического героя, но и самого автора, и классовую позицию того общественного слоя, выразителем мнения которого является этот автор.

В основе авторского выражения лежали реальные требования данного этапа развития феодального строя, поскольку эти требования признавались самим автором. Если герой в действительности и далек был от идеального выполнения этих требований, автор наделял его чертами примерного поведения, имея в виду поучительную цель — дать образец феодала данного исторического момента, показать его с лучших сторон, собрав эти стороны в одном лице, хотя бы в действительности его исторический герой лишь в слабой степени напоминал этот примерный портрет.

В тех случаях, когда эти идеальные требования отвечали народным интересам, создавалась почва для сближения литературных похвал с народно-песенными „славами“. Вот почему Галицкая летопись вспоминает о Владимире Мономахе в художественной форме, сохраняющей признаки устного эпического стиля. Владимир Мономах и в народной памяти остался прежде всего как победитель половцев, успешно защищавший Русскую землю от их набегов.

С XIII в. в летописании северо-восточной Руси окончательно возобладал агиографический метод построения княжеских похвал, все больше отдалявший их от устно-эпического. Самый подбор эпитетов, определявших идеализированные качества правителей, говорит об этой преобладающей тенденции: теперь князь „благоверный, христоробивый, благолюбивый, богобоязливый, благочестивый, христоробец, праведный, милосердный, щедр, кроток, смирен, благосерд“ и проч.

Этот переход к агиографической идеализации, а следовательно и удаление от принципов устного эпоса особенно ярко проявился при переработке исторических рассказов об отмеченных церковным прославлением князьях в украшенные их биографии, так называемые „княжеские жития“. Гиперболизм их старших портретов, подчеркивавший господствовавшую черту характера и поведения героя, заменяется идеализацией героев как христианских подвижников. Так, например, мудрый правитель и храбрый, искусный полководец Александр Невский, каким рисует его „повесть о мужестве“, изображающая его в виде эпического богатыря, в дальнейших „житийных“ обработках его биографии превращается в благочестивого по преимуществу князя.

Историческую литературу древней Руси и фольклор сближает в сильной степени художественная выразительность изложения, выросшая в обоих случаях на основе образности живого языка. Этой устной основе поэтической речи исторического повествования XI—XII вв. посвящено исследование Д. С. Лихачева, вскрывшего „неисчерпаемый

родник поэтической образности“ древне-русского языка в самой русской действительности.¹

3

Вопрос о художественной сущности „Слова о полку Игореве“ решался в течение 150 лет, прошедших со времени первого его издания, различно. Была тенденция рассматривать „Слово“ как памятник исключительно книжный; господство в литературоведении компаративизма сказывалось даже в попытках отыскать „иноземные источники“ своеобразного стиля „Слова“. С другой стороны, наблюдалась и противоположная тенденция: стремление ограничить родственные „Слову“ произведения устной поэзией, видеть в „Слове“ тот устный героический эпос, прямым потомком которого, по мнению одних исследователей, являются украинские думы, по мнению других — былинный эпос. Крайним выражением этого направления было отождествление „Слова“ с былиной. В борьбе между этими двумя точками зрения сложилось, в конце концов, отношение к „Слову“ как к произведению книжной культуры XII в., однако в сильной степени связанному и с народной поэзией своего времени.

Если в целом этот вывод и должен быть признан справедливым, то самый способ установления связей „Слова“ с литературой и с устной поэзией в огромном количестве исследований вызывает у нас чувство неудовлетворенности. Основной порок этого способа заключается в его формальном подходе к сопоставлениям художественных элементов „Слова“ с аналогичными эпизодами литературного или устно-поэтического происхождения. Изучение „Слова“ как художественного памятника показывает, что его поэтическая система отличается „строгим единством“, обусловленным тем, что эта система и в целом и в ее отдельных элементах подчинена идейному содержанию произведения. Вне этой подчиненности и обусловленности стилистические аналогии сами по себе ничего еще не могут объяснить.

Вопрос о литературном, книжном, или устном происхождении „Слова“ решается не наличием в нем отдельных выражений книжного или народно-поэтического характера, а прежде всего его общей композицией. Для устной поэзии закономерно разграничение эпических и лирических жанров, в которых поэтическая система имеет свои только данной группе произведений свойственные признаки. Между тем в „Слове о полку Игореве“ органически слиты повествование и страстная публицистика, взволнованная лирика и сказочная эпическая песня, причетъ и заклинание. Гениальность автора „Слова“ как художника проявилась в том, что он сумел все эти разнообразные художествен-

¹ Д. С. Лихачев. Устные истоки художественной системы „Слова о полку Игореве“. „Слово о полку Игореве“. Сб. иссл. и ст. под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 53—93.

ные средства подчинить единому идейному замыслу и создал на их основе свой единый стиль, из которого не выпадает ни один из элементов, каково бы ни было их происхождение. В сложной ткани повествования „Слова“ они не делимы, хотя и сохраняют свою тональность, определяемую идейным назначением каждого данного эпизода.

Вот почему так трудно, точнее — невозможно — до конца решить вопрос о том, каков же жанр „Слова“. Автор воспользовался всеми возможностями, какие ему предоставляла не только книжная литература, но и устная поэзия, отлично ему знакомая и творчески освоенная в самой своей внутренней сущности.

Итак, вопрос о жанре „Слова о полку Игореве“ не может и не должен решаться так, чтобы этот гениальный памятник оказался ограниченным законами одного какого-либо литературного вида. В том и заключается особенная широта художественного дарования автора, что он сумел создать свой, неповторимый, жанр для выражения богатства мыслей и настроений, единых в своей целеустремленности, но многообразных по характеру и тональности. Вот почему ему, страстному публицисту, так по душе пришлись формы ораторской речи; горячему патриоту, стремившемуся разбудить чувство любви к родине и к трудовому народу, понадобились краски народной поэзии, рисовавшей родную природу и человека; певцу „славы“ Русской земле слышались песни народных певцов. Каждая линия в его творении требовала своей художественной формы, но скреплявшая их единая мысль придала единство и поэтической системе автора. Разнообразие формы отдельных эпизодов „Слова“ так же не препятствует цельности всего памятника, как не мешает оно воспринимать нам „Войну и мир“ в ее идейно-художественной целостности.

Определяя художественную природу „Слова“, мы должны с особым вниманием отнестись к вопросу о характере его отношения к устной народной поэзии.¹ Хотя этому вопросу посвящались исследования в течение всех 150 лет со времени первого издания „Слова“, однако долгое время весь пафос исследователей сосредоточивался на накоплении все большего числа параллелей к отдельным эпизодам и выражениям „Слова“ — из произведений устной поэзии — эпической, лирической, обрядовой, а также на изучении своеобразной ритмики „Слова“ на фоне устных песенных ритмов. Как ни богат собранный таким путем материал, он не решает вопроса о том, какова функция устной поэтики в художественной системе автора „Слова“, какова ее связь с идейным замыслом памятника, в чем заключается закономерность использования автором средств устной поэзии.

¹ Этому вопросу посвящена моя статья в книге: „Слово о полку Игореве“. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 291—319 (серия „Литературные памятники“). — В настоящем разделе излагаются основные выводы этой статьи.

Основная идея „Слова“ — „призыв к единению“, защита единства Руси — это народная идея, характеризующая народный исторический и героический эпос. Идеал единства Русской земли для автора „Слова“ — времена „первых князей“, т. е. Святослава I и Владимира Святославича, „старого“. В этой идеализации времени создания Киевского государства автор идет по стопам народного эпоса, противопоставлявшего прошлое современным феодальным раздорам.

Однако историческую концепцию автора нельзя приравнять целиком к концепции устного эпоса. Тонкое понимание сложных взаимоотношений внутри феодальной системы, точная оценка роли каждого из князей в общем ходе событий, ясное понимание положительных и отрицательных сторон в их деятельности — все это рисует автора как человека, отлично осведомленного в феодальных и дружинных делах и понятиях; он широко образован, обладает большими историческими знаниями. Все это давало ему возможность гораздо глубже оценить исторические события, шире развернуть свою историческую концепцию, чем это мог сделать народный эпос.

Автор „Слова“ занимал „свою, независимую патриотическую позицию, по духу своему близкую широким слоям трудового населения Руси. Его произведение — горячий призыв к единению Руси перед лицом внешней опасности, призыв к защите мирного созидательного труда русского населения — земледельцев и ремесленников, еще тесно связанных с этими земледельцами... Именно крестьянство снабдило автора «Слова» (возможно дружинника) своим мировоззрением, выраженным и в фольклоре, своим фольклорным отношением к прошлому и настоящему“.¹

Автор зовет к единению во имя интересов трудового народа и оценивает деятельность своих современников-князей с точки зрения соответствия ее этим интересам. Народность мировоззрения автора „Слова“ является, таким образом, основной причиной его приближения к народному поэтическому творчеству — в самых задачах и методе художественного изображения, в отборе поэтических средств выражения. Стилистические совпадения „Слова“ с устной поэзией были следствием того, что автор пошел по пути народных поэтов в самой оценке событий и поведения своих героев, в целеустремленности его взволнованного рассказа.

Автор „Слова“ ушел от современной ему литературы — в том числе и исторической, когда он отбросил совершенно характерную для нее „философию истории“, отказался от религиозной дидактики, от мотивировки событий вмешательством сверхъестественных сил. Он ждет помощи Русской земле не от потустороннего мира, а от сильных и могущественных князей и воинов — „храбрых русичей“. И именно эта

¹ Д. С. Лихачев. Исторический и политический кругозор автора „Слова о полку Игореве“. „Слово о полку Игореве“. Сб. иссл. и ст., М.—Л., 1950, стр. 51.

целеустремленность всего „Слова“ в целом выводит автора прежде всего на путь создателей народного героического эпоса.

Никто не может уже теперь оспорить, что образы князей, нарисованные автором „Слова“, историчны — они воспроизводят с поразительной точностью все наиболее характерное в облике каждого князя, свидетельствуя о широкой осведомленности автора в политических делах своего времени. И вместе с тем в способе художественного воплощения лучших, а главное — наиболее сильных представителей Русской земли автор сознательно применяет поэтическую идеализацию. Направление этой идеализации то же, что в народном эпосе, рисуящем богатырей, защитников родины. „Слово“ гиперболически изображает воинские доблести и политическую власть тех князей, к которым и Святослав киевский, и сам автор обращаются за помощью. Защитники Русской земли — воины-дружинники и князья — в „Слове“, как богатыри в народном эпосе, должны быть наделены определенным комплексом качеств — литература и устная поэзия сознательно рисуют идеал защитника родины, стремясь разбудить лучшее в душе своих современников.

Поставив себе ту же задачу, какой служил народный героический эпос, — вдохновить предводителей „храбрых русичей“ на борьбу за родину — автор „Слова“ выполнил эту задачу тем же художественным методом, каким народный певец создавал образы богатырей, защитников Русской земли, каким народные „славы“ воспевали героев: он создал ряд идеализированных портретов тех князей-современников, от которых ждал помощи в объединении воинских сил против наступавших половцев.

Горячая любовь к родине, к трудовому народу ввела в художественную систему автора „Слова“ то лирическое отношение к природе, какое характерно для народной поэзии, преимущественно лирической. Широкие картины природы, среди которой разворачивается действие в „Слове“, лирическая тональность этих картин, изображающих отклики природы на судьбу „храбрых русичей“, гениальное мастерство создания символически-метафорической речи на основе впечатлений от этой природы и гармоническое сочетание реального и метафорического пейзажа — все это создано в „Слове“ на основе устно-поэтической стихии и принципиально отличает художественную систему его автора от типичного для христианизированной литературы феодального периода использования метафор-символов из области природы в их сопоставлении с религиозными представлениями.

Это отличие от литературной традиции распространяется и на применение в „Слове“ образов, взятых из области труда: автор-патриот напоминает читателю картины мирного земледельческого труда то в их реальном, то в метафорическом осмыслении, чтобы противопоставить этот труд разорительным войнам, чтобы призвать к защите его. Религиозно-дидактическая литературная традиция сопоставляла труд земледельца с проповедью христианства.

Это чувство единства человека с природой неотделимо от глубокой любви его к родине, оно характеризует новый этап в развитии поэтического мышления и потому нет оснований, как это обычно делается, возводить его к „анимистическим“ представлениям доклассового общества, для которого характерна борьба с природой, а не признание единства с ней.

Если говорить об отголосках в поэтике „Слова“ пережитков представлений патриархально-родового периода, то их скорее следует отметить в рассказе о чудесных свойствах Всеслава Полоцкого, который „скочи лютым зверем“ или „вълком“. Этот поэтический образ в далеком прошлом имел основу в тотемистических представлениях. Вместе с другими отголосками дохристианской мифологии, этот поэтический образ представляет те „языческие элементы“, которые, по словам Маркса, „выступают еще весьма заметно“¹ в „Слове“.

Автор „Слова“ — выразитель общественного мнения лучших людей своего времени, великий патриот и народолюбец, неразрывно связанный со своим народом, сделавший Русскую землю и русский народ главным героем своего повествования, нашел материал для построения непревзойденного по выразительности художественного стиля в том общенародном языке, который к XII в. таил в себе огромные возможности развития, и в отработанных уже поэтическим гением народа средствах богатой сокровищницы устной поэзии. Подлинная народность его мировоззрения была истинной причиной того, что „Слово о полку Игореве“ — это гениальное литературное произведение неотделимо от живого источника народного языка и народной поэзии. В народности всего идейно-художественного существа памятника — тайна его неувядаемой прелести.

4

В то время как летопись, превратившись в более или менее точный рассказ о современных каждому составителю событиях, с XII в. все реже заносила на свои страницы целые народные предания, реже прибегала как к источнику сведений к устному материалу и, глубже проникаясь официальной идеологией, все дальше отходила от народной оценки событий, — развивавшаяся рядом с ней историческая повесть, в лучших своих образцах, широко использовала народный исторический эпос и по своему мировоззрению гораздо ближе подходила к нему даже и в тех случаях, когда прямо и непосредственно не была с ним связана.

Принципиальное отличие в самом характере отражения исторической действительности и ее оценки в памятниках, так или иначе примыкающих к народному эпосу, от изображений и истолкований,

¹ Письмо к Энгельсу 5 марта 1856 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XXII, М.—Л., 1931, стр. 122—123.

опирающихся на официальную историософию, — становится особенно очевидным, если сравнить литературные разработки одной и той же темы. Наглядный пример такого принципиального отличия в освещении одних и тех же исторических фактов представляют литературные отражения авторами XIII в.¹ татаро-монгольского нашествия.

После первого татаро-монгольского нашествия 1223—1224 гг. летописец, растерявшийся от ужасов поражения, придал своему рассказу мистический оттенок, изобразив неотвратимость бедствия. Он с полным доверием передал слух о том, будто новые враги — это тот самый народ, который был заклепан в горах и который должен снова появиться „к скончанью времен“, т. е. к концу мира. Разгром русских князей — это „суд божий“. Разбитые вместе с русскими половцы наказаны богом за „кровь христианскую“. В изображении Серапиона Владимирского, первое нашествие и поход Батыя 1237—1238 гг. — наказание русским людям за „грехи“; он зовет их к покаянию как к единственному средству избавления. Соответственно такому осмыслению событий оба автора — и летописец и Серапион — прибегают к условному, антиреалистическому стилю именно тогда, когда они пытаются дать ответ читателю — как и почему обрушилось на Русскую землю такое страшное несчастье. Избавление от него — только в молитве, покаянии.

На таком осмыслении событий сошлись и летописец, писавший под непосредственным впечатлением первого нашествия, и Серапион Владимирский, неоднократно возвращавшийся к воспоминаниям об обоих разгромах, последний раз обратившийся к этой теме более чем через сорок лет после Калкской битвы.

Совсем иначе подошел к литературному отражению Батыева нашествия автор Повести о разорении Рязани.

Как человек своего времени, он отдал некоторую дань религиозным элементам изложения. Но за исключением традиционного уже для XIII в. в историческом повествовании объяснения всякого несчастья наказанием Божиим — „грех ради наших“, — привычных эпитетов иноверного царя-завоевателя „безбожный“, „льстивый“, „немилосердный“, „лукавый“, „немилостивый“, „враг крестьянский“, „зловерный“, „нечестивый законопреступник“, „злой отметник“ (при именах русских князей этим эпитетам противостоят подчеркивающие их „благоверие“: „благоверный“, „честный“, „блаженный“) и одной молитвы о помощи, — весь остальной рассказ о Батыевом нашествии представляет собой изображение исторической действительности, лишенное всякой мисти-

¹ Ошибочно сводит П. Н. Сакулин (Русская литература, ч. I. М., 1928, стр. 138) все повести о татарщине к изображению „борьбы христиан с поганами“, откуда в них открывался „доступ элементам церковного, в частности, агнографического стиля“. Во-первых, так расценивалась уже борьба с половцами, что также иногда вводило в повести „элементы церковного стиля“, а, во-вторых, есть повести о татарщине, лишенные этого налета церковности (о взятии Рязани, Задонщина). „Умильцами“ и „украшенными“ в духе агнографии стали не все повести,

ческой окраски и призывов к покаянию. Враг силен, жесток, картина поражения рязанцев и разорения всей их земли трагична, вызывает к сочувствию, но не рождает ощущения безнадежности. Мужественная защита родины — до конца, до гибели последнего воина, презрение к врагу, беззаветная храбрость рязанцев, наводящая ужас даже на Батыя и его войско, — вот та идейная основа повести, которая объединяет все ее части. Она скрепляет все эпизоды: взятие Рязани, расправу с рязанским князем Федором и смерть его жены Евпраксии, бой Евпатия Коловрата с войском Батыя, заключение и последнюю характеристику рязанских князей.

В Повести о разорении Рязани народен самый замысел, вся идеология повести, внушающей веру в возможность силой оружия, а не молитвами, и покаянием бороться против страшного врага.

Подойдя вплотную к народной оценке татаро-монгольского нашествия, в частности на Рязанскую землю, автор повести ввел в самый свой замысел и целые народные сюжеты.

Уже давно исследователями отмечалось, что Евпатий Коловрат — герой народной песни о жестокой схватке с многочисленной Батыевой ратью небольшой дружины рязанских „резвцов и удалцов“. „В эпизоде о Евпатии Коловрате нельзя не видеть драгоценного остатка народной исторической песни, если не современной, то, вероятно, близкой по сложению ко времени события“.¹ Но неоднократно пытались утверждать, что в „Повести о разорении Рязани“ этот эпизод — вставной, дополнивший ранее сложившуюся повесть. Для этого нет никаких оснований, раз, как мы видели, самый замысел повести целиком соответствует народному представлению о защитниках Рязани. Органическая связь рассказа о Евпатии с общим построением повести очевидна.

Длительный бой малой дружины Евпатия с огромной ратью Батыя и поединок самого Евпатия с Хостоврулом представлены в повести с обычной для народного эпоса идеализирующей гиперболизацией: „бьяше нещадно, яко и мечи притупишася“, „татарове сташа яко пьяны“, „татарове мяше яко мертви восташа“, „Еупатий же исполни силою и разсече Хостоврула на полы до седла. И начаша сечи силу татарскую и многих тут нарочитых богатырей батыевых побил, ових на полы пресекоша, а иных до седла краяше...“ (напр. в описании битвы войско Батыя настолько численно превосходит русское, что „един бьяшеся с тысящею, а два со тмою“; рязанские „удальцы и резвцы“ бьются так „крепко и нещадно, яко и земли постонати“; убиты все „князи местные и воеводы крепкия“ — хотя, в действительности, часть князей уцелела). Сам Батый гиперболически изображает богатырство рязанцев: „Мы со многими цари, во многих землях, на многих бранех бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, ни отци наши возвестиша нам. Сии бо люди крылатыи и не имеющие смерти“. Эпической

¹ В с. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I. М., 1937, стр. 320.

формулой выражает сожаление Батый об убитом Евпатии: „Аще бы у меня такой служил, держал бых его против сердца своего“.

В полном соответствии с народным эпосом, Батый изумленно спрашивает воинов Евпатия: „коea веры еста вы и коea земля“ (ср. в былинах: „коей орды да ты коей земли“).

В рассказе о Евпатии развернут народнопоэтический образ битвы-пира, проходящий в разных вариантах через всю повесть. Этот народнопоэтический символ подчинил себе книжный образ „смертной чаши“.

Повесть сохранила основную идею народного предания о Евпатии: врага можно утратить, а значит и победить мужественным отпором его грубой силе. Эта идея не имеет ничего общего с настроением подавленности, обреченности, которым проникнуты другие книжные рассказы о битве на Калке и о нашествии Батыя, убеждающие читателя, что только „покаяние и молитва“ могут спасти от посланного богом за грехи врага.

Рассказ повести об убийстве рязанского князя Федора и о самоубийстве его жены с сыном, по мнению В. Миллера, носит следы эпической обработки. Реальный исторический факт дополнен, видимо, эпическими мотивами, параллели к которым можно найти и в былинах. О красоте Евпраксии Батыю сообщает рязанский вельможа, как в былинах князя Владимира подбивает овладеть красивой женой Данилы Ловчанина — Мишатка Путятич. Евпраксия кончает самоубийством, как и жена Данилы. Весь рассказ об этом приурочен, конечно позднее, — к происхождению имени „Никола Заразский“ („заразился“ княгиня на том месте).

Если рассказ, изображающий самую битву с татарами, а тем более повествование о Евпатии Коловрате не оставляют сомнения в эпическом происхождении, то относительно общего построения повести, показавшей единодушие рязанских князей-братьев на совещании и на поле брани и наделившей их одной судьбой — смертью в битве — трудно решить, было ли оно навеяно эпическими преданиями — песнями о гибели богатырей в предшествующем нашествии 1224 г., или в данном случае автор повести мыслил как народный эпический поэт.¹ Может быть автор и не ставил перед собой

¹ В противоречии с историческими фактами, все упоминаемые в повести рязанские князья именуются „братьями“, причем в совещании, созванном князем Юрием Ингоровичем перед нашествием Батыя, участвуют и живые и умершие к 1237 г. князья. В битве с Батыем, по повести, гибнут все рязанские князья, хотя исторически это неверно. Д. С. Лихачев сближает эти анахронизмы и отступления от истории в повести с эпосом — со стариной о гибели богатырей: „Это соединение всех рязанских князей — живых и мертвых — в единое братское войско, затем гибнущее в битве с татарами, вызывает на память эпические предания о гибели богатырей на Калке, записанные в поздних летописях XV—XVI вв. Там также были соединены «храбры» разных времен и разных князей (Добрыня — современник Владимира I и Александр Попович — современник Липицкой битвы 1212 г.). И здесь и там, следовательно, результат общего им обоим эпического осмысления Батыева погрома как общей круговой чаши смерти для всех русских «храбров». — Воинские повести древней Руси. М.—Л., 1949, стр. 129.

задачи исторически точно передать ход событий и, в соответствии с фактами и хронологией, рассказать об участниках битвы. Если же его целью было изображение „разорения“ Рязани и в то же время похвала храбрости и единодушию своих рязанских князей, то он мог, в нарушение исторической действительности, вывести на сцену уже умерших князей и показать участников битвы всех до одного убитыми в неравном бою. Этим усиливалось впечатление неизбежности поражения: все бились до смертного конца; дальше сопротивляться было некому. Оттого и самая битва представлена в эпических чертах, с обязательным для эпоса гиперболизмом.

Народность замысла, подлинно народная оценка событий не только вовлекла в язык автора целые народные предания; она втянула большое количество устнопоэтических образов, органически слитых с теми, которые принадлежали уже литературному письменному языку, но самый отбор которых также в значительной мере был определен характером основных источников автора — народных преданий и песен.

К поэтике устного героического эпоса и к устной воинской речи восходит фразеология повести в ее воинской части: „дружина ласкова“, „резвцы, удалыцы, узорочье и воспитанье рязанское“, „господство резанское“, „воеводы крепкие“, уже в летописи разработанный кодекс воинской чести: „лучше нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти“, — хотя рука книжника сказалась на привнесении христианского мотива в старый призыв: „луче ж бы потяту быти, неже полонену быти“ („Слово о полку Игореве“). Вместо простого „потяту быти“ или летописного „изомрем“, „умрем“, — здесь религиозное понятие „живота“, т. е. загробной жизни в „царстве небесном“ в награду за почетную смерть за родину. Внимание читателя уже переключается в новую область понятий; обязательность исполнения воинского долга подтверждается обещанием „небесной награды“.

Заключительный плач, со временем доработанный по типу плача княгини Евдокии, вдовы Дмитрия Донского, т. е. не раньше XV в., содержит следы и более древней своей основы в такой, например, фразеологии: „чести-славы ни от кого приемлемо“, „дружина ласкова“, „за утеху и радость“, „узорочье рязанское, храбрые удалыцы“. Так и в риторической похвале-характеристике убитых князей народноэпический стиль слышен еще ясно: „лицем красны, очима светлы, взором грозны... сердцем легкы“, служили „правде-истине“.¹

¹ Не все из фольклорной поэтики повести оказалось понятным позднейшим читателям. В так называемой „стрелецкой“ редакции повести о Епатаии Коловрате неудачно изменен символ битва-пир: русские воины говорят о себе Батью: „И ты о сем не дивися, царю, что нас наш государь князь упоил питием хмельным на толикую и великую рать татарскую. И мы елико смыслили, так и сотворихом“. То же сделали они из образа крылатых воинов, заменив его сравнением: „Сии бо людие, ако львы сердца, и сильны и легцы, ако птицы крылати пролетающе и пресекающе полки наша“; пропустили в описании поля битвы упоминание о „траве-ковыле“ —

Повесть о разорении Рязани была не единственным памятником литературы первых лет татаро-монгольского ига, обнаруживающим живое сознание могущества Русской земли. После первого поражения на Калке было создано „Слово о погибели Русской земли“. Как бы мы ни расценивали этот памятник, — называя его отрывком не дошедшего произведения или предисловием к житию Александра Невского, — ясно одно: автор нарисовал здесь картину русской природы, чтобы восхвалить Русскую землю, противопоставив бывшее ее величие теперешнему (после татаро-монгольского нашествия) запустению:

„О светло светлая и украсно украшена земля Руськая! и многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, реками и кладязьми месточестными, горами крутыми, холми высокими, дубравами ч[а]стыми,¹ полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, города великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными, и князьми грозными, бояры честными, вельможами многими! всего еси исполнена земля Руская, о правоверная вера християнская“.

Художественные средства для широкой картины русской природы автор взял если и не непосредственно из фольклорного поэтического стиля, то, во всяком случае, из его источника — образной живой русской речи: именно отсюда у него „горы крутые“, „холми высокие“, „дубравы частые“ — постоянные словосочетания позднейшей устной поэзии.

5

Тверская литература первой половины XIV в. обнаруживает большой интерес к теме народных восстаний против татаро-монгольского ига. Великокняжеский тверской летописный свод 1305 г., изображая насилия татар, дает правильную политическую оценку княжеских междоусобий, которые втягивали и татаро-монгольских ханов и их представителей на Руси — баскаков в кровавые столкновения между враждовавшими князьями, показывает и бессмысленность разрозненных, несогласованных выступлений отдельных князей против татар, выступлений, за которые приходилось потом жестоко расплачиваться „черным людям“. Летописцу ясна роль татаро-монгольских властей в разжигании княжеских междоусобий, которое было одним из методов ослабления Русской земли, а следовательно и ее сопротивления захватчикам: „Натравливать русских князей друг на друга, поддерживать несогласия

„лежащи на земли пуге в поле никем не брегоми...“ (см. издание этого текста: Д. С. Лихачев. Повести о Николе Зараском. Тр. ОДРЛ, т. VII, 1949, стр. 365 и сл.).

¹ Принимаю поправку Х. Лопарева, раскрывая написанное под титлом с гласным а, вместо обычного и, так как эпитет „чистая“ в приложении к „дубрава“ вряд ли может быть для XIII в. уместным.

между ними, уравновешивать их силы и никому из них не давать усиливаться¹ — все это было традиционной политикой татар.

Именно эта политическая мысль побудила тверского летописца включить в 1305 г. в свой свод местное предание о курском баскаке Ахмате, и о сепаратных выступлениях против него князей Олега Рыльского и Святослава Линовичьского в 1283—1285 гг. Описав разорение Курского княжества, казни бояр и гибель „черных людей“, ограбленных татарами („мнози же человеци от мрза изомроша, людие облуплени суще, мужие и жены и младенци“, — Симеоновская летопись 1283), летописец прямо обвиняет князей, как главных виновников всех несчастий: „бог бо казнит человека человеком, тако сего бесерменина навел злаго за нашу неправду, мню же и князей ради, понеже живяху в которе“ (там же).

Рассказ о насилиях баскака Ахмата, хотя и подвергшийся литературной обработке, сохраняет следы своего устного оригинала, народного предания, возможно переданного в Тверь теми „паломниками-гостями“, которых Ахмат приказал отпустить на свободу после казни в их присутствии бояр и которым он велел всюду рассказывать о виденном: „вы есте гости паломници, ходите по землям, тако молвите, кто иметь держати спор с своим баскаком, такоже ему и будет“.

Собственно эпических фольклорных приемов в этом рассказе еще нет, события передаются соответственно их реальному ходу, без эпического обобщения. Но рассказ изобилует живыми бытовыми подробностями расправы татар с населением, „которые“ Олега со Святославом; прямая речь сохраняет интонации живого диалога — все это указывает на близость рассказа к описанным в нем событиям.

Тем больший интерес проявил тверской летописец к теме народного гнева против татаро-монголов, когда он дошел до событий, развернувшихся в самом Тверском княжестве. В 1327 г. в Твери были убиты Шевкал и „все порядку“ татары, вместе с ним насильничавшие над народом. Сохранились три летописные версии рассказа об этом событии и песня, где герой именуется „Щелкан Дудетьевич“.

Рассказ о восстании тверичей и убийстве Шевкала в версии Псковской I летописи (также Воскресенской и Никоновской) „сделан“ летописцем по образцу повествования о выступлении Ярослава против Святополка Окаянного (ПВЛ 1015 г.).

Эта связь с летописным рассказом XI в. побудила, видимо, псковского летописца самую победу над Шевкалом приписать помощи „молить“ „новоявленных мученик Бориса и Глеба“.

Но и в этом „сделанном“ по готовому литературному образцу рассказе есть подробности, которые могли быть известны составителю только из устного предания: после битвы Шевкал „побеже на сени“

¹ К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII века. Цит. по книге: „История СССР т. I, 1947, стр. 194.

княжеского двора, Александр зажег его, и татары сгорели (Псковск. I лет.). Сочинить такие фактические подробности летописец не мог.

Совсем иначе построен рассказ об убийстве Шевкала, читающийся в Тверском сборнике, под 1327 г. Есть все основания видеть в этом рассказе вставку в летописный текст, разрезающую его между известиями о вокняжении в Твери Александра Михайловича и о смерти Петра митрополита и убийстве Шевкала.¹ Самый рассказ обилием фактических подробностей убеждает в близости его к событию, как и отсутствие в его тексте сообщения о мести тверичам позволяет видеть в нем устную версию, современную восстанию, предшествующую приходу карательного войска. Так же современно звучит и песня о Щелкане, не знающая еще о наказании тверичей: „тут смерть ему случилася, ни на ком не сыскалося“ (вариант Кирши Данилова).

Итак, выясняется, что по свежим следам убийства Шевкала сложились и устные рассказы, один из которых занесен в Тверской сборник, и песня, наиболее сохранно переданная в Сборнике Кирши Данилова.² Прямой связи между летописным рассказом и песней нет: они расходятся в сообщении разных подробностей, причем летописный рассказ гораздо фактичнее в описании предшествовавших восстанию событий и самой „замятни“, а песня помнит об участии в убийстве Шевкала братьев „Борисовичей“ — по убедительному предположению исследователей — тверского тысяцкого Михаила Федоровича Шетнева с братом (по имени родоначальника — Бориса Федоровича Полового, семью Шетневых чаще называли Борисовичами или Борисовыми, чем Шетневыми). Самого восстания песня не изображает.

В летописном рассказе ход событий представлен во всех подробностях. Шевкал, пообещав хану — „разорю христианства, а князи их избию, а княгини и дети к тебе приведу“, „вздвиге гонение велико над христианы, насилством и граблением и биением и поруганием“. Песня рассказывает, как в „Твери богатой“ Щелкан „не много он судьбою сидел“: он начал

и вдовы то безчестити,
красны девицы позорити,
надо всеми наругатися,
над домами насмехатися.

По летописи народ идет жаловаться на Шевкала князю, а тот „тръпети им веляше“. В песне „жалобу приносили“ братьям Борисовичам, которые попытались умиловить Щелкана „честными подарками“.

Но, в отличие от песни, где сами Борисовичи убивают Щелкана за то, что он „зачванился, загординился“ и „чести не воздал“ тверским посланникам, — летопись подробно описывает повод, из-за которого

¹ Н. Н. Ворони. Песня о Щелкане и Тверское восстание 1327 г. Ист. журн., 1944, № 9, стр. 78.

² Сборник Кирши Данилова. Под ред. П. Н. Шеффера, СПб., 1901, стр. 13.

вспыхнуло восстание, несмотря на предостережение князя. Возможно, что самому летописцу принадлежит такая переработка устного рассказа, в итоге которой с князя оказалась снятой всякая ответственность за это восстание, но вероятно инициатива восстания против насильника Шевкала принадлежала действительно самому народу. Потому-то псковскому летописцу, пожелавшему выдвинуть роль тверского князя Александра на первое место, пришлось сочинять свой рассказ по образцу столкновения Ярослава со Святополком. Фактов, подтверждавших, что во главе восстания стал сам князь, в его распоряжении не оказалось.

Песня обобщила ход событий и не упомянула даже о том, что летопись подробно описала, конечно, со слов самих тверичей, участников восстания. Именно эта часть летописного рассказа особенно насыщена реальными подробностями, выдумать которые летописец не мог: диакон Дюдко „в полуутра как торг снимается“, „поведе кобилу младу и зело тучну пойти на Волзе воды“; татары отнимают лошадь, Дюдко взывает: „о мужи тверстии, не выдайте“. Татары первые начали „сечи“; тогда ударили в колокола, „сташа вечием“, и началась „замятня“ — татар избивали, „где кого застронив“. Убили всех — „не оставиша и вестоноши“, и только из-за города „пастуси коневии“ помчались с вестями в Москву и в Орду.

Основанный на устном предании, рассказ на этом и кончается, а под следующим годом, в обычной летописной манере, кратко описана „Федорчукова рать“ — разорение Твери за убийство Шевкала и татар. Ни одной живой подробности в этом сообщении нет.

Несомненно, к XV в. относится в летописном рассказе 1327 г. лишь его начало — татары натравливают хана на князя тверского Александра, а Шевкал вызывается погубить Тверь. Самый стиль изложения здесь иной, чем в дальнейшем — вся обычная дидактика использована летописцем: „за умножение грех ради наших, богу попустившу диаволу възложить злаа в сердце безбожным татаром глаголати беззаконному царю...“; Шевкал — „беззаконный, проклятый и всему злу начальник, разоритель христианский, отверзе уста своа скверная, начат глаголати, диаволом учим...“.

Весь этот начальный эпизод напоминает близко начало летописной повести о Мамаевщине: „И разгорде окаанный Мамай и мня ся яко царя и сътворив злый съвет с князи своими темными, река: «Пойдем на Русскую землю и попленим ю яко же и при Батые было, хрестьянство погубим, а церкви их огнем попалим»“. Все эпитеты Шевкала и татар — типичны для повестей о татарщине XV в.

Таким образом, за счет устного источника можно отнести в рассказе Тверского сборника лишь ту часть, которая начинается с описания насилий Шевкала над тверичами.

Версия Тверского летописца исключает все, основанное на устном предании, и, в отличие от Тверского сборника, выдвигает роль князя

Александра, который, узнав о насилиях Шевкала, предсказал его гибель, как возмездие: „да воспримет христианский губитель мзду делатель своих, и наполнится мера ему беззакония его, и сеть, юже простре, да впадетя в ню. Яко же збытсья ему, и восприат нечестие пути своего, огнем бо попалиша кости церковного борителя“ — ср. в версии Псковской I летописи: „а Шевкал побеже на сени, и Александр заже отца своего двор и Шевкал с дружиною своею згорев пропаде“. Очевидно, составителю Тверского летописца была известна эта версия предания о смерти Шевкала, так как в Тверском сборнике лишь глухо сказано: „самого Шевкала убиша и всех порядку“, но о пожаре на княжеском дворе не упоминается.

Вместе с тем и активная роль Александра в событиях сближает именно эти версии, хотя начало рассказа Тверского летописца явно связано с редакцией Тверского сборника, в ее не фольклорной части.

Обе тверские редакции, несомненно, относятся к XV в. Но в Тверском сборнике сохранился современный событию рассказ о поводе, вызвавшем восстание, и о народной „замятне“, а в Тверском летописце есть след другого устного предания, которое помнило, что князь Александр зажег „отца своего двор“, и Шевкал с дружиной не был убит, а сгорел там. Третья версия предания, согласно которой не князь, а „Борисовичи“ возглавили восстание, легла в основу песни о Щелкане.

Из трех литературных редакций рассказа об убийстве Шевкала народная оценка этого события лучше всего передана в версии Тверского сборника, единственной, где народное возмущение насилиями захватчиков описано без всякого налета церковной дидактики.

Таким образом и в XIII—XIV вв. передовая историческая литература не отрывалась от народного творчества то сохраняя с ним лишь идейную близость, то прибегая к нему как к народной памяти о событиях или своеобразному способу их художественного выражения. Отбросив мистику религиозно-дидактических истолкований бедствий татаро-монгольского нашествия, эта литература подхватила и довела до высокого совершенства выражение героики народной поэзии, образы мужественных защитников родины от нового врага. В эту суровую эпоху и в лучших литературных изображениях борьбы с татаро-монголами возобладали эпическая гиперболизация воинских картин, создались богатырские образы русских дружинников. Пафос боевой героики в литературе и в народном эпосе имел общую цель — победить овладевшее частью населения отчаяние, пробудить силы сопротивления и укрепить надежду на успешный исход борьбы с захватчиками.

В последовавшие затем мрачные века татаро-монгольского ига народное предание обогащало литературу реалистическими рассказами о народных восстаниях против насилий татарских „баскаков“, о мужественной защите городов против нападений татарских отрядов, о возмущении против князей, в междоусобной борьбе опиравшихся и на

татарскую помощь. По отсутствию церковной дидактики, по непримиримой ненависти к врагам и внешним и классовым можно узнать авторов, следовавших народной памяти об этих событиях. Но в манере передачи этих рассказов все меньше приемов эпического стиля, все более отчетливо видно стремление к простому реалистическому воспроизведению исторических фактов и отношений.

6

Н. Г. Чернышевский, в своих заметках по русской истории, всегда выдвигавший роль народа как главной действующей силы в истории государства, справедливо утверждал, что русский народ был основным носителем идеи национального единства: „Сознание национального единства всегда имело решительный перевес над провинциальными стремлениями“,¹ и, в период феодальной раздробленности, оно содействовало борьбе с ней.

Русский народный эпос является свидетелем высокого развития этой идеи национального единства. В нем гораздо раньше чем в литературе возобладали общерусская идея над феодальной обособленностью. Постигшее Русскую землю бедствие — татаро-монгольское иго, как результат двух опустошительных нашествий полчищ Чингиз-хана и Батыя, — особенно обострило это чувство единой Русской земли. И тот, на кого падала главная тяжесть их нашествий — трудовой народ в своем эпическом творчестве отразил этот рост „сознания национального единства“. Можно думать, что именно в первые времена тяжелого ига в героическом эпосе происходило особенно быстро объединение местных богатырей вокруг Киева как незабытого еще центра независимой Русской земли.

Былина о „Камском побоище“, где гибнут за общую родину все богатыри, съехавшиеся с разных концов Русской земли, вряд ли могла быть создана после Куликовской победы, сделавшей эту тему гибели от неодолимого врага уже устаревшей: на Куликовом поле еще более укрепилась вера в возможность освобождения от тягостного ига. Киев, как объединяющий центр, появился в эпосе, вероятно, также до этой победы, одержанной под главенством Москвы. Отсюда возникает предположение, что идея общерусского единства, которая в литературе

¹ Н. Г. Чернышевский. [Рецензия] Б. Чичерин. *Областные учреждения России в XVII веке*. М., 1856 (Современник, 1856, № 6. Полн. собр. соч., т. 3, М., 1947, стр. 570). — Н. Сладкевич в статье „Исторические взгляды Чернышевского и Добролюбова“ (Вопросы истории, 1949, № 2, стр. 36) отмечает, что Чернышевский еще не дооценивал роли „великокняжеской власти“ в деле создания централизованного феодального государства, что „ему были неясны экономические и политические процессы, на базе которых выросло «сознание национального единства» и которые привели к созданию централизованного феодального государства. Но это не умаляет огромного значения концепции Чернышевского, правильно выдвинувшей на первый план роль народных масс в деле ликвидации феодальной раздробленности“.

начинает занимать особенно заметное место только с конца XIV в., в устном эпосе, отражая действительные настроения трудового народа, оформилась значительно раньше.

Своеобразие родственного устному эпосу способа отражения исторической действительности XIV—XV вв., в отличие от проникнутого религиозной историософией ее истолкования, может быть прослежено на различных литературных передачах темы Куликовской победы.

Огромное историческое значение одержанной над полчищами Мама в 1380 г. победы надолго сделало тему Куликовской битвы актуальной в русской литературе. Однако качество возникших на эту тему литературных произведений ни в историческом, ни в художественном отношении не равноценно.

Есть основание думать, что немедленно после самого события о нем сложились и официальные донесения, закрепившие основные факты (движение войск к Куликову полю, их предводители, расположение на месте битвы, ход сражения, имена убитых и т. д.), и народные предания, в которых факты эпически обрабатывались, украшались поэтическими подробностями, но сохранялась народная оценка и участников битвы и значения самой победы. На этой основе слагались затем с конца XIV в. литературные повести, дошедшие до нас в своем большинстве уже в позднейших переделках. В так называемой „летописной“ повести „О Донском бою“ исторический рассказ был доработан автором в направлении религиозного осмысления всех событий. Гиперболизм в его изложении — агиографического характера, нравов учения подкрепляются цитатами „от писания“, и в этом потоке ссылок на небесную помощь теряется настоящая роль русского войска в величайшей победе, одержанной на Куликовом поле.

В духе религиозной историософии дорабатывалась в течение XV и XVI вв. и та повесть, которая легла в основу сохранившихся редакций Сказания о Мамаевом побоище. Через близкую по времени к самому событию повесть в эти редакции вошло немало и таких подробностей исторических фактов, имен, которые незнакомы даже имеющимся документам, однако весь этот богатый и исторически верный материал авторы подали читателю в определенном освещении: „как возвыси господь род христианский, а поганых уничижи и посрами их суровство... как сотвори господь волю боящихся его“. „Попущением божиим, а научением диаволиим“ пошел Мамай разорять „православную веру христианскую“, „но того не разуме нечестивый“, что „не до конца прогневаецца господь, ни в веки враждует“, как это было, когда он допустил Батю разорить Русскую землю. Мамай задумал окончательно покорить Русь и „тихо и безмятежно“ зажить в ее „красных“ городах, „а не ведый, бог дает власть, ему же хочет“. Мамай забыл, что „господь гордым противится, а смиренным дает благодать“. Таким „смиренным“ изображается Дмитрий Московский. Каждый шаг его на пути к полю битвы отмечен усердной молитвой,

его провожают благословения митрополита Киприана и игумена Сергия; ему предсказана „прозорливым старцем“ Сергием победа; Сергий дает ему своих „оружниц“ — иноков Пересвета и Ослябю, вооружая их „в тленных место — нетленным оружием крестом христовым на скимах“. „Великое божие милосердие“ приводит на помощь Дмитрию братьев Ольгердовичей. Чудеса и видения предсказывают победу.

„Чудесного“ — церковного так много в Сказании, что даже перед битвой, когда татары смотрели на приближающееся русское войско, „божьим промыслом много видеша людей, и поведаша царю своему, яко четверицею множае их“, ¹ хотя известно, что московское войско было почти вдвое малочисленнее, чем рать Мамаю. ² Верный своему замыслу, автор заставляет князя Владимира Андреевича приписать победу помощи всех, кому молился перед походом Дмитрий: „по милости божи и пречистой его матери и молитвами сродник наших Бориса и Глеба и Петра московского святителя и игумена Сергея и всех святых молитвами врази наши побеждени суть, а мы спасохомся“.

Так последовательно проведенная точка зрения автора, напоминавшего постоянно о том, что всеми событиями управляют божественные силы, — не могла, конечно, способствовать сближению Сказания с устным эпосом и вообще с фольклором.

Но все же каждая из позднейших редакций по-своему, больше или меньше, вовлекает в оцерковленное изложение устный материал, то в виде предания об исторических фактах (например о посольстве Захарии Тютшева) или фантастических подробностях (предание о приметах, предсказавших победу), то в форме эпически обработанных деталей повествования (поединок Пересвета с печенежином, описание боя). Не будучи в состоянии изменить общий характер всего „Сказания“, эти эпические эпизоды отвлекали внимание читателя от нравоучительной тенденции повествования и, надо думать, немало способствовали популярности в читательской среде именно этой повести о Куликовской победе.

Но как ни обильно вошла религиозная дидактика в композицию всех версий Сказания о Мамаевом побоище, однако главные герои Куликовской битвы — русские воины — не затронуты той религиозной чувствительностью, какой наделен в Сказании предводитель всего русского войска — великий князь московский. В эпитетах и сравнениях воины определяются со стороны их воинских доблестей, но не христианских добродетелей — они „аки соколи“, „яко златозарнии орли“, „уношенные соколи“, их сердца „аки лвом“, „русские удалци“, „удалые молодцы“, „люди доблии, удалые“, „русские сановитые богатыри“, „нарочиты богатыри“, „нарочитые и крепкие, ведомые, удалые мужи“,

¹ С. К. Шамбинаго, ук. соч., стр. 35.

² Там же, стр. 23.

„удалые витязи“, „храбрые витязи и велемошнные богатыри“, „полци силнии, великие, храбрии“, „войско великое крепкое“, „рать силная, великая“ и т. п.

Именно такими характеристиками русских воинов особенно поддерживалась связь книжного Сказания с устными преданиями о Куликовской битве и с героическим эпосом вообще. И как ни сильна в Сказании в целом его религиозно-назидательная тенденция, героический характер самого события, изображенного в нем, не мог не направить внимания читателей-соавторов и к народной оценке его.

Таким образом, изучение состава сохранившихся редакций Сказания о Мамаевом побоище показывает, что лежащий в их основе древнейший текст обрабатывался в двух направлениях. Одни авторы-редакторы, равняясь по возобладавшему в официозном московском историческом стиле XV—XVI вв. оцерковленному стилю,¹ усиливали в повествовании религиозную риторiku (молитвы, цитаты „от писания“, чудеса, нравоучения), другие дополняли рассказ устными преданиями об отдельных моментах, связанных с Куликовской битвой, или украшали изложение отстоявшимися эпизодами устного героического эпоса.

Насколько религиозная историософия преобладает в обеих выше охарактеризованных повестях о Куликовской битве, настолько в стороне она осталась у „Софония старца рязанца“ — автора Задонщины или Слова о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче. Признаем ли мы гипотезу А. А. Шахматова о том, что Задонщине предшествовало Слово о Мамаевом побоище, или сохраним полностью авторство за Софонием рязанцем, во всяком случае очевидно, что повесть эта сложилась вскоре после Куликовской битвы. Предположение М. Н. Тихомирова, датирующего повесть временем до 1393 г., несомненно заслуживает внимания,² как и отнесение им „Задонщины“ к московской исторической литературе.

Если даже при восстановлении, по достаточно искаженным перепиской текстам, первоначального вида Задонщины не исключать из нее читающихся в некоторых списках упоминаний о том, что, вступив „в златое стремя“, великий князь „помолися богу и пресвятии богородици“, и что в эту минуту „Борис и Глеб“ воздали „молитву за сродники“, то этим ограничится все „религиозное“ в основной части повести. В заключительном рассказе о бегстве Мамаю в Кафу есть еще неясного происхождения нравоучительная ссылка на то, что поход

¹ Об этой тенденции к оцерковливанию исторического повествования, обнаруживаемой в московской литературе XV в., см.: М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 209.

² Древняя Москва, стр. 202: эта датировка основывается на упоминании в Задонщине Тырнова — столицы болгарского царства, завоеванного турками в 1393 г.

Батыя был наказанием божим русским: „а казнил бог Русскую землю за съгрешение“.

Задонщина отказалась от религиозного осмысления одержанной русскими на Куликовом поле победы. Ее единственный герой — русское войско, храбростью которого и был разбит Мамай („сынове храбры“, „удалци русские“, „люди удалые“, „дружина храбрая“, „полки храбрые, сильные, великие“, „рать великая, сильная“, „воеводы крепцы, храбрые“). В эпически обобщенном плане Софоний рязанец противопоставляет „жалость земли Руские“, наступившую после двух поражений — на Каяле (от половцев) и на Калке (от татар), „веселию и буйству“, которое принесла Куликовская победа.

„Русские сынове“, как чаще всего именуется автор сражавшихся на Куликовом поле воинов, — это для него дети единой „Руси великой“, „Русской земли“, которая, под предводительством „всех князей русских“ съехалась „к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу“. Настойчиво напоминает им автор и от себя и устами московского князя, что все они „гнездо великого князя Владимира киевского“. И именно эта идеально объединенная „Русь великая“ „одолеша Мамай на поле Куликове на речке Непрядве“. Для автора так важна эта мысль о наступившем объединении разрозненных земель, что он даже не считает нужным вспомнить об „отступнике“ Олеге Рязанском, которого всячески клеймили и Летописная повесть и Сказание.

Горячий патриот, автор Задонщины глубоко освоил передовую идеологию своего времени, звавшую к образованию единого централизованного государства, возглавляемого Москвой. Эта идеология, с одной стороны, сближала его с устным народным эпосом, всегда мыслившим Русскую землю как единую родину, с другой стороны, она напомнила ему наиболее художественно и ярко выраженный в прошлом призыв к единению Руси — Слово о полку Игореве. Так создалась своеобразная по своему идейно-художественному выражению новая обработка темы Куликовской победы.

Народность замысла постоянно сближала автора Задонщины с устным эпосом и, повидимому, не только в самом способе художественного выражения. Есть эпизоды в Задонщине, наводящие на предположение, что в основе их лежат народные предания или песни.

Первый из этих эпизодов, даже в литературной передаче сохранивший песенную ритмичность — это короткое воспоминание о новгородском вече, обсуждавшем вопрос о походе вместе с московским князем против Мамай:

Звонят колоколы вечныя
в великом Новгороде,
стоят мужи новгородцы
у святой Софеи арькучи:
Уже нам, братие, на пособе
великому князю Дмитрию Ивановичу не поснесть.

Точных документальных сведений об участии целого новгородского войска в Куликовской битве не сохранилось. Однако поздние списки Задонщины упоминают о выезде из Новгорода 7000 „кованья рати“ в Москву, а в числе убитых на Куликовом поле воевод, вслед за Сказанием о Мамаевом побоище, называют „30 новгородских посадников“. Среди убитых там вспоминает новгородцев и синодик церкви Бориса и Глеба в Новгороде.

Рассказ „Задонщины“ о сборах новгородцев в поход нельзя не связать с несомненно песенной вставкой, занесенной в один из поздних списков третьей редакции Сказания о Мамаевом побоище. Здесь почти дословно повторяется описание новгородского веча, как это описание передано Софонием, но есть и продолжение в том же песенном ритме, рассказывающее о том, как новгородцы действительно отправились в поход.

К народному преданию Софоний обратился еще раз в заключительном эпизоде, повествующем о бегстве Мамаю в Кафу. Известно, что Мамай бежал туда не сразу после Куликовской битвы, а после поражения, нанесенного ему Тохтамышем; здесь, в Кафе, Мамай и был убит „фрягами“ — генуэзцами. Об убийстве Софоний не упоминает, фряги, в его изложении, лишь издеваются над разбитым Мамаем и гонят его прочь. Таким образом, сражение с Тохтамышем предполагается случившимся уже после бегства в Кафу, а о смерти Мамаю автор не упоминает. Совсем иначе о конце Мамаю рассказывали и Летописная повесть о Куликовской битве, и Сказание о Мамаевом побоище. Обе повести не отступали здесь от исторически засвидетельствованных фактов.

В Задонщине самый строй рассказа, образ битвы-пира, на котором держится насмешливая речь фрягов, все это говорит за то, что Софоний ввел какое-то устное предание о Мамае. В этом предании трагическая картина предательского убийства Мамаю заменена насмешкой над разбитым врагом. Софоний связал это предание со своим рассказом переходной фразой — отголоском „Слова о полку Игореве“: Мамай, „отскочи серым волком от своая дружины“ (ср. „Всеслав... скочи волкомь... Игорь... скочи с него бусым волком“). Эпитет „серым“ сближает эти образы князей с былинным Волхом Всеславьевичем, который умел обертываться именно „серым волком“.

В этом рассказе о бегстве Мамаю есть какая-то неувязка между первой и второй его частями: сначала идут укоризненные сравнения с Батыем и выделяющееся из общего тона Задонщины нравоучение — „А казнил бог Русскую землю за съгрешение“, — а затем начинается насмешливая речь фрягов над разбитым Мамаем, вся сотканная из фольклорных образов. „Нешто тобя князи русские горазно подчивали, ни князей с тобой нет, ни воевод? Нешто гораздо упилися на поле Куликове, на траве ковыли?“.

Восстановить первоначальный вид этого рассказа по сохранившимся спискам не удастся, в нем остаются неясности. Но фольклорное зерно этого легендарного предания о встрече Мамаю с фрягами все же очевидно, даже и в искаженной переписчиками форме. Софоний предпочел в данном случае народное предание исторически точному рассказу о гибели Мамаю.

Оставляя в стороне вопрос в целом об отношении Задонщины к „Слову о полку Игореве“, обусловленном прежде всего родством их идеологии, вскрыем лишь связь Задонщины с теми эпизодами „Слова“, которые напоминали автору устную поэзию. Отбирая изобразительные средства для своего поэтического языка из „Слова о полку Игореве“, автор, очевидно, с особым вниманием останавливался именно на устнопоэтических его элементах, придавая им, однако, форму, более привычную для XIV в.

Так, из богатого метафорически-символического языка „Слова“ в Задонщину вошли те образы, которые опирались или прямо на фольклорную поэтику, или, вместе с ней, на выразительность живого языка. Поэтому воины и князья, враги и картины боя рисуются в метафорах и символах „Слова“, параллели к которым обычны в поэтическом языке преимущественно былинном, как он представляется в записях, начиная с XVII в. Князья и воины в Задонщине, как в „Слове“, — соколы, солнца, раненые князья — туры, воины убиты — солнце померкло, вражеские войска — тучи, черные вороны, поле битвы — судное место и т. д. Из современной ему эпической поэзии автор Задонщины добавляет и родственные образы: князья — кречеты, ястребы и орлы, а не только соколы, как в „Слове“; враги — гуси и лебеди; шум наступающего войска — гром, битва — пир, на котором пьют „медвяную чашу“ и проч.

Фольклорные параллели к воинской фразеологии Задонщины засвидетельствованы героическим эпосом уже в старших записях и сохраняются до новейших вариантов:

Как есен сокол вон вылетывал,
Как бы белый кречет вон выпархивал.

(Кирша Д а н и л о в, 9, 84, 102).

Как есен сокол напушаетца
на синем море на гуси и лебеди,
во чистом полс напушаетца
Молоды Михайла Казаренин (на татар).

(Кирша Д а н и л о в, 87).

Не ясен сокол да напушает на гусей, на лебедей,
. . . напушает то богатырь святорусския
а на тую ли на силу на татарскую

(А. Г и л ь ф е р д и н г, т. II, 1938, 27).

Кабы грозная туча подымалась,
 Что на наше веть царство наплывала.

(Кирша Д а н и л о в, 119).

Не шум шумит, не гром гремит
 Молодой Турчин полон делит.
 Не стук стучит во чистом поле,
 Не гром гремит во раздольице,
 Едет старый Илья Муромец.

(А. С м и р н о в. „Слово о полку Игореве“,
 вып. 2. Воронеж, 1879, 164).

Задонщина, вслед за „Словом“, но гораздо чаще, пользуется отрицательным сравнением, притом не только в двучленной его форме, какая известна по фольклорным записям с XVII в., но и в трехчленной, лишь один раз встречающейся в „Слове“.

Несомненное родство повести Софония с фольклором привело к тому, что переписчики дополняли его рассказ устно-поэтической фразеологией. Уже в старшем списке XV в. (Кирилло-Белозерском), особенно свободно обращающемся с авторским текстом, „борзы конь“ Пересвета заменяется „вещим сивцом“, „трава ковыль“ — „белый ковыль“, „славны“, „силны град Москва“ — „красны град Москва“, „дышущее море“ (переписчик-северянин употребил привычное для него название океана, вспомнив его по связи с другими собственными именами из „Слова о погибели Русской земли“).

Нельзя не обратить внимания на то, что автор Задонщины, в отличие от своих современников, разрабатывавших ту же тему Куликовской победы, изъясил из своего повествования всякий намек на „чудесное“. У него нет ни знамений и видений, ни сказочной фантастики. Даже эпический гиперболизм едва различим в его изложении и то лишь как отголосок соответствующих эпизодов „Слова“, в собственном же его художественном языке преувеличение действительности отсутствует. Так сказались нарождавшиеся новые требования к языку исторического рассказа: он становится реалистичнее и дальше отходит от старого эпоса, как в устной традиции обособляется от эпической поэтики историческая песня. Таким образом героика народного эпоса с новой силой проявляется в двух повестях, художественно обработавших тему Куликовской победы, — в Задонщине и в Сказании о Мамаевом побоище. В первой идейное родство с народным эпосом выражено ярче и вытеснило совершенно официальную историософию; во второй — изложение идет в двух планах, однако свежесть народных преданий, включенных автором в свое повествование, снижает патетику религиозной чувствительности и ослабляет попытки автора внушить читателю мысль о том, что не мужеством объединившейся на Куликовом поле „Руси великой“, а небесной помощью добыта победа, небывалая в истории борьбы с татаро-монголами.

Устный и литературный эпос XI—XIV вв., в своих идейно наиболее значительных образцах, одинаково проникнут сознанием единства Русской земли, понимаемым, впрочем, на разных этапах этого периода неодинаково; его основные темы — всегда имеют общерусский интерес. Поэтому и слава Родины в годы ее расцвета, и тревога о ее судьбе в века феодальной раздробленности и военной опасности, и вера в народные силы, и радость первой большой победы над захватчиками — все эти первостепенного значения темы передовой исторической литературы XI—XIV вв. и народного эпоса закономерно поддерживали родство передовых писателей с выразителями народной оценки событий в устном героическом эпосе. В способе художественного выражения ими этих тем родство сохранялось даже тогда, когда стилистический в узком смысле этого слова облик литературного и устного произведений был различен. Книжная фразеология не стирала глубокого внутреннего родства литературы и фольклора, если они сближались в оценке исторических фактов и отношений.

Для способа развития исторической темы в литературе раннего средневековья — до XIV в. включительно является весьма характерным наличие общих черт в самом художественном методе лучших писателей и создателей народного эпоса.

Народность лучших исторических повестей XII—XIV вв. проявляется, как и в „Слове о полку Игореве“, прежде всего в самом способе отношения к действительности, в задачах ее литературного отражения, в отказе от идеалистической „истории философии“ феодального христианства.

Активная роль человека в ходе исторических событий выдвинута во всех этих повестях; реальные исторические отношения, а не вмешательство потусторонних сил, определяют развитие действия; мужественная защита Родины своими собственными силами, а не воззвания к „небесной“ помощи решают исход столкновений с противником. Так в пределах одной по существу темы — борьбы за независимость Русской земли — каждый из авторов по-своему, в соответствии с условиями, в каких протекала эта борьба, — изображает и самые столкновения с врагом, и дает объяснение неудач или успехов русского оружия.

Героизация участников изображаемых военных столкновений идет в направлении, издавна принятом в народном героическом эпосе. Гиперболизация активных качеств — храбрости, силы, сосредоточение всего внимания на представлении беззаветной преданности Родине — вот основные приемы построения образов героев. Как и в народном эпосе, в данных повестях отсутствует налет религиозной чувствительности, такой характерный для многих исторических повестей древней Руси, в частности и в XIII—XIV вв.

Народность идеи влечет за собой и свободное проникновение в книжный рассказ художественных средств народного эпоса. Так

литературное повествование получает фольклорную в узком смысле слова окраску.

Таким образом, именно ведущая тема светской литературы XI—XIV вв. — тема историческая, объединяющая все передовое, что было создано писателями раннего русского средневековья, — обусловила идейно-художественную связь этой литературы с устным эпосом по преимуществу. Подлинная народность этой литературы является закономерной причиной и отказа ее от религиозной историософии или, по крайней мере, ограниченного применения этой историософии в истолковании и оценке смысла событий, и вместе с тем наличия в литературном художественном методе своеобразных черт устной поэтики.

И. У. БУДОВНИЦ

Памятник ранней дворянской публицистики
(Моление Даниила Заточника)

В нашей ученой литературе Слово Даниила Заточника нередко называют памятником загадочным. И действительно, несмотря на то, что изучение этого памятника продолжается уже более ста лет, до сих пор ведутся споры, послужило ли поводом к написанию Слова действительное происшествие, или же описываемые в Слове злоключения автора, преследуемого, неустроенного и не находящего себе места в жизни, являются лишь литературным приемом, дающим возможность высказать определенные взгляды на жизнь и общественные отношения. До сих пор, далее, не ясен вопрос о самой личности автора: кто он был, к какой социальной среде принадлежал и взгляды какой общественной группы выражал; действительно ли Даниил — реально существовавшее лицо, действительно ли он был в заточении, или же это литературный псевдоним и за именем Даниила скрывается какое-то другое лицо.

Недавно В. М. Гуссов напечатал заметку под многообещающим заголовком „Историческая основа Моления Даниила Заточника“.¹ Автор считает, что „исторической основой“ второй редакции Моления Даниила Заточника является описанный в ростовской летописи пир в стане князей Юрия и Ярослава Всеволодовичей перед Липицкой битвой 1216 г. На этом пиру выступил какой-то боярин, предложивший князьям помириться с противниками, не вступая с ними в битву. Это и был, по мнению В. М. Гуссова, автор Моления, который своим выступлением навлек на себя гнев князя Ярослава (своего будущего адресата) и подвергся опале. Потому-то автор Моления, признавая, что он не храбр в бою, особенно подчеркивает свою мудрость, которую он противопоставляет „хоробрущим без ума“.

¹ Труды отдела древне-русской литературы Инст. лит. АН СССР, т. VII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 410—418.

Надо сказать, что никакими положительными данными нельзя доказать правильности построения В. М. Гуссова, которое остается в области догадок. Кроме того, все содержание и дух Слова Даниила Заточника обличают в его авторе не близкого к князю вельможу-боярина, а княжеского слугу более низкого ранга, дворянина. Наконец, у В. М. Гуссова речь, в сущности, идет о происшествии, послужившем поводом к написанию Моления, а вовсе не об „исторической основе“ этого публицистического памятника, выходящей за пределы незначительного инцидента на княжеском пиру.

Еще менее ясности — в вопросе об адресате послания Даниила Заточника. В группе списков, обычно относимых к старейшей редакции, Слово адресовано князю Ярославу Владимировичу, в котором некоторые исследователи видят правнука Владимира Мономаха — Ярослава Владимировича, княжившего в Новгороде с 1182 по 1199 г. Однако этот же Ярослав в некоторых списках называется сыном „царя Владимира“, что дало повод другим исследователям видеть в нем сына Владимира Мономаха Юрия Долгорукого или же другого сына Мономаха — Андрея Владимировича Доброго.

В зависимости от личности адресата естественно возникает спор и о датировке Слова.

Другая группа списков, относимая большинством (но далеко не всеми!) исследователей к более поздней (2-й) редакции, адресована князю Ярославу Всеволодовичу. В отношении личности этого князя споров как-будто нет — это сын Всеволода Большое Гнездо, княживший сперва в Переяславле Суздальском, а впоследствии, после татарского погрома, получивший от Батыея „старейшинство“ над всеми русскими князьями. Но до Переяславля Суздальского Ярослав Всеволодович владел еще Переяславлем Южным, и в связи с этим среди исследователей имеются некоторые расхождения в отношении датировки указанной группы списков.

Первооригинал Слова Даниила Заточника до нас не дошел. Имеющиеся в нашем распоряжении списки подразделяются на две основные редакции. Одну из них, обычно называемую Словом Даниила Заточника, большинство исследователей относят к XII в., другую („Моление Даниила Заточника“), с надписанием Ярослава Всеволодовича — к XIII в.¹ Однако вопрос о соотношении обеих редакций до настоящего времени еще окончательно не решен: ряд исследователей из обеих указанных редакций считают более древней именно редакцию XIII в. („Моление“). Разрешение вопроса затрудняется тем, что все рукописи обеих редакций дошли до нас в списках XVII в., т. е. отделены от своего оригинала на 400—500 лет и содержат позднейшие напластования, мешающие точности исследования. Недавно в спор включился один из круп-

¹ Обе редакции, в свою очередь, вызвали дальнейшие переделки, которых мы здесь касаться не будем.

нейших наших лингвистов, акад. С. П. Обнорский, изучивший обе редакции памятника с точки зрения их языка. В результате С. П. Обнорский пришел к выводу, что язык как первой, так и второй редакции „может быть охарактеризован как нормальный русский литературный язык старшего периода, он смыкается по своим чертам с языком таких наших оригинальных памятников, отражающих старый строй языка, как Русская правда, творения Владимира Мономаха и другие“. Однако „система старого строя языка, широко отражающаяся в памятнике, не в одинаковой степени, не с одинаковой цельностью проявляется в тексте одной и другой его редакции. Бóльшая, в отдельных пунктах абсолютная, выдержанность норм старого литературного языка наблюдается в тексте первой редакции, меньшая выдержанность, большее количество нарушений системы принадлежат второй редакции памятника“. Таким образом, „в разрешении вопроса о старейшинстве по происхождению одной или другой редакции памятника по данным языка следует утверждать первоначальность образования памятника в так называемой первой редакции, признавая во второй редакции позднейшую переработку основного текста, т. е. первой редакции памятника“. Устанавливая близость языка памятника, особенно Академического списка (основного списка первой редакции) с языком произведений Владимира Мономаха, С. П. Обнорский считает, что „пора сложения памятника сравнительно не далеко отстояла от времени деятельности Мономаха (1053—1125)“ и относит первооригинал Слова Даниила Заточника к середине XII в. В отношении датировки второй редакции С. П. Обнорский приходит к несколько неожиданному выводу, относя время ее составления к концу XIII или к XIV в.¹

Содержание Слова Даниила Заточника по обеим редакциям сводится к мольбе, чтобы князь, к которому адресовано послание, спас автора от нищеты и извлек его из того жалкого состояния, в которое он, человек разумный и начитанный, незаслуженно попал. Мольба эта выражается в отдельных притчах, частью извлеченных из литературных памятников, частью оригинальных. Представляя собой самостоятельные афоризмы на тему о различных политических и житейских отношениях, все притчи связаны между собой общей идеей послания. В Молении, т. е. редакции XIII в., связь между отдельными притчами и пословицами выступает явственнее, чем в Слове (редакции XII в.), которое носит более отрывочный характер, что и дало повод многим исследователям считать Слово более поздней, более отдаленной от первооригинала и испорченной редакцией. В. М. Гуссов, вслед за Е. Е. Голубинским, считает даже первую редакцию „нескладной болтовней“,²

¹ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М.—Л., 1946, стр. 126—130.

² В. М. Гуссов. К вопросу о редакциях Моления Даниила Заточника. Летоп. ист.-филол. общ. при Новоросс. ун-в., т. VIII, Одесса, 1900, стр. 5.

но это неверно, ибо Слово построено примерно по тому же плану, что и Моление, — в довольно ясной форме излагая те обстоятельства, которые заставили автора обратиться к князю, и те соображения, по которым князь должен бы обращенную к нему просьбу удовлетворить.

Даниил пишет князю (передаю содержание послания по Молению), что он бежал „от лица скудости своей“, потому что нищета покрыла его, как Чермное море фараона. Он всеми обидим подобно стоящему при дороге сухому дереву, которое все мимоходящие секут. Друзья и близкие отвернулись от него, поскольку он не может уже поставить „пред ними трапезы, многообразными брашны украшены“.¹ Друзья хороши, пока угощаются, а при напастях обретаются хуже врагов. По горькому опыту Даниил приходит к убеждению, что нельзя рассчитывать на братьев и друзей: „Аще ли что имею, — поживут со мною; аще ли не имею, то скоро отлучатся от мене“.² Одна надежда — на князя, который украшает своей милостию людей, как весна украшает землю цветами. Расточая по адресу князя многочисленные похвалы, призывая его оказать ему милость, согреть и приютить, Даниил со своей стороны уверяет, что и он сможет быть полезен князю. Не будучи храбр на рати, он зато разумен и смышлен. Правда, он не в Афинах рос и не от философов учился, но он зато подобен пчеле, припадающей к цветам, „избирая сладость словесную и совокупляя мудрость, яко в мех воду морскую“.³ И если бы князь принял его в число своих советников, если бы он поставил „сосуд сердечный под потоком языка“ его, то автор накапал бы ему „сладости словесныя паче вод арапатских“.⁴

Автор послания предусматривает возможные возражения со стороны князя. Последний может просто заявить, что Даниил солгал, как тать. Но Даниил сохранил достоинство мужа и на татьбу не способен. „Аще бы умел украсти, — пишет он, — то селико бых к тебе не скорбел. Девка погубляет свою красоту бляднею, а муж свою честь татбою“.⁵ „Или речеши, княже, — пишет в другом месте Даниил, — солгал есми аки пес. То добра пса князи и бояре любят“.⁶

Автор перебирает далее другие возможные выходы из своего тяжелого положения. Он бы мог, например, „жениться у богатого тестя“, есть и пить у него. Но это значило бы ввести в дом злую, безобразную, отвратительную жену („жену злообразну, кривозороку, подобна черту, ртасту, челюстасту, злоязычну“)⁷ и еще находиться у нее в подчинении.

¹ Памятники древне-русской литературы, вып. 3, изд. АН СССР. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам, подготовил к печати Н. Н. Зарубин, Л., 1932, стр. 61.

² Там же, стр. 62.

³ Там же, стр. 59.

⁴ Там же, стр. 64.

⁵ Там же, стр. 68.

⁶ Там же, стр. 73.

⁷ Там же, стр. 69.

Даниил приводит при этом одну из „мирских притч“ (к которым он вообще часто обращается): „ни птица во птицах сычь, ни в зверех зверь еж, ни рыба в рыбах рак, ни скот в скотех коза, ни холоп в холопах хто у холопа работает, ни муж в мужех, кто жены слушает“.¹

Есть и другая возможность как-то устроиться и избежать нищеты — постричься в чернецы. Но поступить в монастырь, не имея к этому настоящего призвания, это значило бы солгать перед богом. За этим следует выразительное осуждение праздношатающихся монахов, облачающихся в „ангельский образ“ единственно для того, чтобы хорошо пожить, сладко пить и есть: „Мнози бо, отшедше мира сего во иноческа, и паки возвращаются на мирское житие, аки пес на своя блевотины, и на мирское гонение; обидят села и дома славных мира сего, яко пси ласкосердии. Иде же брацы и пирове, ту черньцы и черницы и беззаконие: ангелский имея на себе образ, а блядной нрав; святителский имея на себе сан, а обычаем похабен“.²

Заканчивается послание молитвой к богу, чтобы он укрепил силу князя и утвердил его людей, чтобы он не дал в полон землю нашу иноплеменикам, чтобы он дал людям князя силу Самсона, храбрость Александра, целомудрие Иосифа, мудрость Соломона, кротость Давида. „Умножи люди своя, — говорится в заключительных словах, обращенных к князю, — во веки под державою твоею, да тя славит вся страна и всяко дыхание человече“.³

Таково в общих чертах содержание и Слова, и Моления, хотя второй редактор значительно переработал предыдущий текст, усилив и выделив те основные идеи, которые были уже заложены в первой редакции. Что же это за идеи, интересы какой социальной среды они выражают, какова общественная значимость всего памятника в целом?

Вопрос о социальной среде, к которой принадлежал Даниил Заточник, неоднократно рассматривался в нашей ученой литературе, но преимущественно в плане литературоведческом, с целью уточнить и приумножить те скудные биографические данные, которые можно извлечь об авторе Слова из самого памятника. Относя Даниила Заточ-

¹ Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 69.

² Там же, стр. 70. Против таких монахов восставали и горожане, которым претил их паразитизм, и сама церковь, не желавшая кормить ненужных ей людей. Это нашло отражение в целом ряде памятников. В Измарагде Соловецкой библиотеки (№ 270), написанном в конце XV—нач. XVI в., имеется специальное Слово, направленное против тех людей, которые, желая избавиться от тягот житейских, уходят от своих семейств в монастырь. „Аще ли кто нищеты ради, — говорится в Слове, — отходит в монастырь или детей не могый кормити, отбегает их не мога печаловатися ими, то уже не божия дея любве отходит таковый, ни потрудитися богу хоцет, но чреву си угодие творит. Отбегая порожения своего (бросая детей. — И. Б.), таковый веры ся отмоцет и есть поганого горши“ (Православный собеседник, 1858, декабрь, стр. 512).

³ Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 73.

ника к той или иной социальной категории, многие историки литературы этим ограничиваются и не задаются уже вопросом о том, насколько автор в своем Слове отразил интересы и настроения данной социальной категории. Первым, кто попытался рассмотреть Слово Даниила Заточника на широком фоне русской жизни и вникнуть в его общественный смысл, был В. Г. Белинский. Белинский считал главным достоинством Слова Даниила Заточника — образца „практической философии и ученого красноречия XIV века“, — то, „что оно так и дышет духом своего времени“. „Кто бы ни был Даниил Заточник, — пишет В. Г. Белинский, — можно заключить не без основания, что это была одна из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают, и, не умея прятать от людей свое превосходство, оскорбляют самолюбивую посредственность; *которых сердце болит и снедается ревностью по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше было бы молчать, и молчат там, где выгодно говорить; словом, одна из тех личностей, которые люди сперва хвалят и холят, потом сживают ее со свету и, наконец уморивши, снова начинают хвалить...*“¹

Разбиравший Слово спустя несколько лет С. П. Шевырев уже отказался уловить в нашем памятнике какие-то общественные мотивы и рассматривал его только как произведение „в роде веселом и забавном“. „В Слове Даниила Заточника, — пишет С. П. Шевырев, — в первый раз обнаруживается, как в малом зародыше, малороссийский юмор, — это особенное свойство наших южных русинов, возведенное на высшую степень художественности современным поэтом (имеется в виду Гоголь. — *И. Б.*) — это чудное слияние плачущего смеха и улыбающейся грусти, которые находят примирение в светлоразумной мысли, выливающейся в самую простую народную форму — русской пословицы или соломоновой притчи“²

Ф. И. Буслаев считал Даниила сыном княжеской рабыни, вероятно дворянином, удаленным от князя.³ Но об общественном значении памятника Ф. И. Буслаев говорит весьма расплывчато, не связывая его с интересами дворян или холопов. По словам Ф. И. Буслаева, „сатирические выходки“ Слова Даниила Заточника направлены „против лиц, которым следовало бы быть передовыми в умственном и нравственном развитии древней Руси, именно против бояр, княжих тиунов, против злоупотреблений монастырских и т. п.“

¹ В. Г. Белинский. Русская народная поэзия. Отеч. зап., 1841, т. XIX, № 11, отд. „Критика“, стр. 19 и 20.

² С. Шевырев. История русской словесности, т. 1, ч. II, М., 1846, стр. 210 и 213.

³ Ф. И. Буслаев. О народности в древне-русской литературе и искусстве. — „Исторические очерки русской народной словесности и искусства“, т. II, СПб., 1861, стр. 94 (впервые напечатано в „Русской беседе“, 1857, т. X, № 15).

Следующий по времени исследователь, О. Ф. Миллер, вообще отказывает первоначальному Слову Даниила Заточника в общественной значимости. Во-первых, по мнению О. Ф. Миллера, в Слове нет ничего или почти ничего самобытного русского, кроме нескольких народных пословиц. Кроме того, являясь челобитьем частного лица, оно имеет „в виду только насущный интерес этого лица“. Сделавшись из частного делового письма литературным произведением, Слово стало переделываться, дополняться и отражать в себе те перемены, которые происходили в русском обществе. Эти перемены особенно выпукло сказались уже в редакции XIII в. (Моление, Послание Даниила Заточника). Похвалы князю, раньше отличавшиеся искренностью и независимостью, отныне приобретают угоднический характер. Автор послания начинает называть себя рабом князя и сыном его рабыни. „Большой должен был совершиться переворот в понятиях, — пишет О. Ф. Миллер, — если можно было надеяться расположить к себе князя — сравнением его со змеем свистящим и львом рыкающим... С другой стороны, прежнего рода жалоб на сильных в редакции XIII в. уж нет: напротив, вместо прежнего: «не удерживай золота, а раздай людям», тут мы читаем: «раздавай сильным», т. е. тем, которые и без того уже имеют немало. Вероятно, — приходит к заключению О. Ф. Миллер, — переделавший Слово потому так заботится о сильных, что и себя причисляет к ним“.¹

Оспаривая это мнение О. Ф. Миллера, Е. Модестов считал, что „в редакции XIII века жалобы на сильных остаются почти те же, что и в редакции XII в.“. Кроме того, выражения „раздай людям“ и „раздай сильным“ „означают одно и то же, так как слово «люди» означало дружину, а дружинники, даже низшие, в сравнении с земскими людьми, справедливо могли называться сильными, в смысле хорошо владеющих оружием, храбрых, отважных“. По мнению Е. Модестова, автор Слова Даниила Заточника являлся членом младшей княжеской дружины, который мог себе позволить выпады против высших представителей княжеского управления. Этот памятник следует рассматривать не как личное послание, преследующее ограниченные цели автора, а скорее как поучение для князя. „Какой-то дружинник хотел дать наставления князю, хотел высказать ему свои взгляды на некоторые предметы и, главным образом, указать князю, как он должен относиться к дружине“. В таком виде послание неоднократно переделывалось, причем каждый редактор ставил в последнем имя современного ему князя и к нему приспособлял все содержание произведения. В качестве поучения, приходит к заключению Е. Модестов, памятник „не только выражает личные взгляды и вкусы какого-то грамотея XII века, находившегося притом в совершенно исключительном положении (ибо

¹ О. Ф. Миллер. Опыт исторического обзора русской словесности, 2-е изд. ч. 1, вып. 1. СПб., 1865, стр. 374 и 375.

взгляды человека, страдающего в заточении, едва ли могут отличаться беспристрастием и спокойствием), — нет, на послание Даниила должно смотреть как на выражение взглядов и убеждений, господствовавших в XII и XIII вв. среди княжеской дружины, по крайней мере, среди наиболее передовых ее членов“.¹

Взгляды Е. Модестова на Слово Даниила Заточника в методологическом отношении явились шагом вперед по сравнению с высказываниями предыдущих исследователей. Подобно своим предшественникам, и Е. Модестов интересуется общественным положением автора Слова Даниила Заточника, однако этот вопрос занимает его не для того только, чтобы уточнить биографические данные о попавшем в беду несчастном Заточнике, в реальное существование которого он не верит, а для того, чтобы понять сущность высказанных в памятнике взглядов. Последние Е. Модестов приурочивает к определенной среде и определенному времени, хотя сами эти взгляды в его изложении носят расплывчатый характер.

И. А. Шляпкин, издавший в 1889 г. Слово Даниила Заточника по всем известным в то время спискам, не пошел по пути Е. Модестова и в своей вводной статье к изданию памятника трактует его как всеобъемлющее произведение, которое на протяжении пяти веков отражало протесты русского человека против любых жизненных неурядиц — от крепостного права до семейных неприятностей! „Личность Даниила, — пишет И. А. Шляпкин, — врезалась в народную память, и к ней приросла любовь русского народа: говорю народа, ибо духовенству не могло нравиться то уже совсем не смиренное отношение к жизни, то начало протеста, которым насквозь проникнуто все Слово. Слово целиком направлено против всего, что тяготило русского человека в продолжение пяти веков, с XII по XVII в.: тут выходы против корыстных и злых рядовичей и думцев, против несмысленных богачей, против семейной кары — жены злообразной, против лицемерия, против крепостного права и проч. Все это дает нашему слову большую цену и высоко ставит его в ряду памятников, освещающих историю развития нашего народного самосознания в былое время“.²

В. А. Келтуяла с позиций экономического материализма (от которого, впрочем, он сам всячески отрецировался) рассматривал Даниила Заточника как жертву „бояр-капиталистов“ и излагал такие подробности из его биографии, на которые в самом памятнике даже намек нет. В представлении В. А. Келтуяла Даниил — молодой дворянин, „сын зажиточных родителей, очень образованный и начитанный для своего времени, т. е. для первой половины XIII в. Провинившись в чем-то пред своими родителями (вероятно, слишком отдавался чтению

¹ Е. Модестов. О послании Даниила Заточника. ЖМНП, 1880, ноябрь, стр. 178, 182—184.

² Памятники древней письменности и искусства, вып. 81. СПб., 1889, стр. 6.

книг), Даниил лишился материальной поддержки с их стороны и очутился в бедственном положении. Некоторое время Даниил проводил на службе у бояр-капиталистов. Тяжесть труда и унижительное положение трудящегося у бояр вынудили Даниила покинуть службу. Ища выхода из своего положения, Даниил решился, наконец, обратиться к переяславльскому князю Ярославу Всеволодовичу (1213—1236)... с просьбой взять его себе на службу“. Это и есть Моление. Слово же Даниила Заточника, по мнению В. А. Келтуялы (в этом отношении он следует за Ф. И. Буслаевым и другими исследователями), есть позднейшая переделка Моления, в которой подчас отсутствует связь между излагаемыми мыслями.¹ Несмотря на наличие в построении В. А. Келтуялы „бояр-капиталистов“, он в сущности снижает общественное значение памятника, сводя его к личной просьбе дворянина, повздорившего из-за любви к чтению с родителями и не сумевшего хорошо устроиться „на службе“, и к неловкой переделке его „прощения“.

В заключение обзора дореволюционной литературы об интересующем нас памятнике, отметим мнение П. П. Миндалева, автора капитального исследования о Слове Даниила Заточника. Анализ текста и источников приводит П. П. Миндалева к убеждению, что Моление Даниила Заточника в его первоначальном виде не сохранилось и не дошло до нас ни в одном из существующих списков. Ближе к нему так называемая редакция XII в. „Судя по тому, — отмечает П. Миндалев, — как настойчиво автор говорит о том, что князь многими людьми честен и славен по всем странам, и что нашим иманием твоего (князя) дому не истощити, так как князь богат не золотом, а множеством воя, надо думать, что средой, в которой сложилось Моление (т. е. в данном случае редакция XII в. — И. Б.), была дружина, носителем идеалов которой оно и является: князь, с одной стороны, заступник сирых и вдовиц, с другой — отец слугам своим, но слуги его это не домочадцы, о которых говорят списки так называемого извода XIII столетия... а его думцы“, к которым принадлежал Даниил. В дальнейшей переработке XII в. „тон Моления меняется, и, повидимому, оно сложилось уже не в дружине, а в иной среде. Еще упоминается обычная милость князя, его защита сирых и худых от богатых; князь также щедр и, не дорожа златом, собирает вокруг себя храбрых и оживляет всех своею милостью; но он уже сравнивается с рыкающим львом, слово его гроза для всех, и для обрисовки его красоты автор приводит целый ряд цитат из Песни песней, не зная меры и раболепствуя, как холоп, которому не избыть укору своего холопья имени, и который сознает, несмотря на то, в себе человека. Автор раб князя, сын его рабыни, его домочадец, а не дружинник“. Если же в Молении остаются

¹ В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. 1, кн. 1. Изд. 2-е, СПб., 1913, стр. 781—782.

некоторые несвойственные ему черты дружинника (например сентенция, что золотом не добыть добрых мужей, а мужами можно добыть золота, серебра и городов) и дворянина („всякому дворянину тем имети честь и милость у князя“), то объясняется это тем, что автор редакции XIII в. переделал Слово Даниила, „волнуясь и спеша“, забывая подчас при переработке откинуть чуждые ей черты.¹

В советские годы Академией Наук СССР было предпринято новое издание Слова Даниила Заточника по обеим редакциям и их переделкам с воспроизведением всех накопившихся ко времени издания (1932 г.) списков. В своей вводной статье к изданию Н. Н. Зарубин, касаясь идейного содержания памятника, ограничивается повторением приведенной выше оценки Слова, данной еще И. А. Шляпкиным в 1889 г.²

Издание Н. Н. Зарубина вызвало ряд откликов, и в их числе статью Н. К. Гудзия, посвященную вопросу о социальной среде, к которой принадлежал Даниил Заточник. В своем построении Н. К. Гудзий исходит из замечаний А. П. Щапова о Слове Даниила Заточника, мимоходом оброненных им в речи, произнесенной на торжественном заседании Казанской духовной академии в 1859 г. и выпущенной затем отдельной брошюрой под названием: „Голос древней русской церкви об улучшении быта несвободных людей“. „Так доносится до нас, — писал в этой брошюре А. П. Щапов, — вековой горький плач жалкого заточника — несчастного холопа...; слышится плачевный голос Даниила Заточника, разнесшийся по всей древней России, с сочувствием повторяемый всем русским народом в древнее время... Какая-то горькая насмешка, что-то вроде сатирического озлобления слышится в голосе заточника, когда он вспоминает состояние холопа. Он лучше хочет всего себя предать главе, верховному властителю — князю, лучше хочет отказаться от всех материальных благ в доме своего порабощателя боярина, чем жить без отрадного живительного внутреннего чувства нравственной свободы“.³

Н. К. Гудзий конкретизирует это чувство, изображенное у А. П. Щапова слишком отвлеченно: „Даниил — боярский холоп, горестно переносящий свою холопскую службу у какого-то немилостивого боярина. Он просится в холопы к князю в надежде выслужиться у него и со временем стать его свободным дружинником“.⁴ Здесь, конечно, возникает вопрос, каким образом холоп мог надеяться стать советником у князя. В связи с этим Н. К. Гудзий указывает, что в древней Руси холоп „был субъектом публичных прав и публичноправовых дей-

¹ П. Ми н д а л е в. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914, стр. 340—345.

² Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 1.

³ А. П. Щ а п о в, Соч., т. 1, СПб., 1906, стр. 3—4.

⁴ Н. К. Г у д з и й. К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник? Сб. ст. к 40-летию уч. деят. акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 482.

ствий. Часто холопам поручались в заведывание отдельные отрасли хозяйства: это были ключники и тиуны сельские, ратайные, огнищные, конюшие и проч. Они являлись самыми приближенными людьми своих господ, в том числе и князя, и им поручались обязанности в области суда и финансов". Более того, в древней Руси, по словам Н. К. Гудзия, смерд и холоп могли якобы проникнуть даже в боярскую среду. „Такие перспективы, — замечает Н. К. Гудзий, — открывавшиеся для холопа, и давали, видимо, Даниилу импульс для тех притязаний, с которыми он адресовался к Ярославу Всеволодовичу“.¹ Но если смотреть на памятник с такой точки зрения, то он как раз лишается своих холопских черт, ибо изобразить холопа, выполняющего обязанности в области суда и финансов, холопа, пробирающегося в боярскую среду, выразителем интересов рядовой массы холопов, — это все равно, например, что изобразить выразителем настроений крепостного крестьянства фабриканта Морозова, не успевшего еще выкупиться на волю у графа Шереметева.

Как бы полемизируя с Н. К. Гудзием, новейший исследователь, касавшийся вопроса о Данииле Заточнике, — Б. А. Романов утверждает, что „сказать про Заточника... что он холоп — это значит не уловить основной характеристики ни в нем самом, ни в исторической обстановке“. Сам Б. А. Романов рассматривает Даниила Заточника как представителя господствующего класса, но принадлежащего к его социально неустойчивой, подвергнутой всяким случайностям, прослойке. Он является „кандидатом в любое общественное положение, куда приводит его игра случая“: „Заточник — сын жестокой эпохи, полной не только войн, но и гражданских тревог классовой борьбы, одновременно субъект и жертва процесса классового образования в феодальном обществе“. Б. А. Романов даже специальный термин придумал („заточничество“) для социального состояния „человека, оторвавшегося от своего общественного стандарта и перебирающегося в мыслях возможный выход из создавшегося для него трудного положения“. Это состояние прекратится, как только Заточник пристанет к какому-нибудь берегу, а его положение вполне определится и потеряет свою неопределенность и расплывчатость. „В тот момент, когда какой-нибудь заточник добросовестно примет от жизни свою этикетку и застынет в соответствующей ей позе, он перестанет быть заточником“.²

Пытаясь определить социальное положение автора Слова Даниила Заточника, ни дореволюционные, ни советские исследователи не задались в то же время вопросом, интересы и общественные настроения какого класса или классовой группы отражал и защищал в своем послании Даниил Заточник. Ф. И. Буслаев, например, считая, автора Слова дворянином, рассматривал его произведение не с точки зрения

¹ Н. К. Гудзий, ук. статья, стр. 483—484.

² Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси, Л., 1947, стр. 11, 17, 284.

интересов и умонастроений той социальной среды, к которой он относил Даниила Заточника, а как отвлеченный, классово-безличный документ, свидетельствующий о „печальном разладе между идеалом и действительностью“.¹ Н. К. Гудзий, рассматривая Даниила Заточника как боярского холопа, вовсе не ищет в его творчестве таких мотивов, которые были бы характерны для настроений всей холопией массы. В трактовке Н. К. Гудзием Даниил горестно переносит свою холопскую службу у какого-то немилостивого боярина. Он стремится попасть на службу к князю, чтобы со временем стать его свободным дружинником и тем самым высоко подняться над массой холопов, к числу которых он сам принадлежит. Из этого как будто можно сделать вывод, что какую бы сентенцию Даниил ни изрекал, он не выявляет нам настроений холопов, ибо, стремясь стать отщепенцем этой классовой группы, он не может рассматриваться как выразитель ее чаяний и дум. Получается странное и парадоксальное положение: исследователи, затратившие немало усилий для определения социальной среды, из которой вышел Даниил Заточник, предпринимают свои изыскания как бы специально для того, чтобы нашего автора тут же от этой среды оторвать.

Мне кажется, что содержание самого памятника дает достаточно материала для того, чтобы определить, какие общественные интересы он отражает и какое место, в связи с этим, он занимает в истории русской общественной мысли.

Если отбросить в сторону рассыпанные в Слове Даниила Заточника различные житейские афоризмы, среди которых главное место занимают выпады против злых жен, и обратиться только к его высказываниям, имеющим широкий общественный и политический интерес, то нетрудно убедиться, что в основе всего памятника как в первой, так и во второй редакции — лежит идея сильной княжеской власти. Князь — центральная фигура памятника: к князю обращены взоры не только автора послания, но вообще всех подданных, он их опора и надежда, их защитник от бед и напастей. Сравнивая себя с „травой блещеной“, на которую ни солнце не сияет, ни дождь не идет, или с придорожным сухим деревом, которое „мнози... посекают... и на

¹ „Очень замечательно, — пишет Ф. И. Буслаев, — что по преимуществу народным в древней Руси сделалось такое произведение, которое как в своем содержании, так и в лице автора представляет печальный разлад между идеалом и действительностью, между симпатичною личностью автора и жалкою его судьбою. Недовольство действительностью, желание выйти из безотрадного положения, горькая насмешка над человеческим достоинством, никем не признанным, смелый протест против бессмысленного оскорбления, наносимого нежнейшим, благороднейшим и самым возвышенным чувством человека, каковы семейная любовь и благочестие, — вот основные темы жалоб Заточника. Не здесь ли, не в этих ли вопиющих жалобах на разложение древне-русской жизни надобно видеть причину той симпатии, какую питали старые грамотники к слову Заточника?“ (Ф. И. Буслаев. О народности в древнерусской литературе и искусстве. Ист. очерки русск. нар. слов. и иск., т. II, стр. 94).

огнь мечють“, жалуясь на то, что все его обижают, Даниил Заточник видит защиту только в князе, который, „ако оградом твердым“ (по второй редакции или „плодом твердым“ — по первой), может оградить его страхом „грозы своей“.¹ Князь всех, особенно вдов и сирот, избавляет от горести и печали. Как солнце, он согревает всех людей своей милостью.² Князь — источник богатства и славы своих подданных.³ Широкой рукой он раздает людям золото и серебро, и казна его не истощается. Автор призывает его и впредь проявлять такую великодушную щедрость: „Да не будет, княже мой, господине, рука твоя согбена на подание убогих: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманием твоего дому истощити“.⁴ Подобно тому, как дорогая ткань „испестрена многими шолкы и красно лице являет“, так и князь „многими людми честен и славен по всем странам“.⁵ Князь — единственный и настоящий глава своих людей, только им и держится город: „Дивна за буйном кони паствити, тако и за добрым князем воевати. Многожды безнарядием полци погибають. Видих: велик зверь, а главы не имеет; тако и многи полки без добра князя“.⁶ „Гусли бо страются персты, — говорится в другом изречении, — а тело основается жилами; дуб крепок множеством корения; тако и град нашъ твоею дръжавою“.⁷ Из всего этого (особенно во второй редакции) вытекает гиперболический образ князя, источающего вокруг обильные блага: „Княже мой, господине! Яви ми зрак лица твоего, яко глас твой сладок, и уста твоя мед истачают, и образ твой красен; послания твоя яко рай с пло-

¹ Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 7, 12, 54, 55.

² Эта мысль настойчиво проводится как в первой, так и во второй редакции. „Птица бо радуется весни, — читаем в Академическом списке („Слова“), — а младенецъ матери; весна украшаетъ цветы землю, а ты оживляеши вся человеки милостию своею, сироты и вдовици, от велможь погружаемы“ (там же, стр. 14).

„Весна украшаетъ землю цветы, — читаем в Чудовском списке (Моления), — а ты нас, княже, украшаеши милостию своею“ (там же, стр. 60). Или: „Вси бо притекают к тебе и обретают от печали избавление; сироты, худые, от богатых потопляеми, аки к заступнику теплomu, к тебе прибегают. Птенцы радуются под крылома матери своей, а мы веселимся под державою твоею“ (там же, стр. 63).

³ „Земля плод дает обилия, древесна оwoшь; а ты нам, княже, богатство и славу“ (там же, стр. 63).

⁴ Там же, стр. 15, 16 (Акад. сп.). — В Чудовском списке это место читается: „Ни моря уполовнюкы вычерпать, ни нашим иманием дому твоего истощити“ (там же, стр. 67).

⁵ Там же, стр. 16, 17.

⁶ Там же, стр. 18, 19.

⁷ Там же, стр. 19. — Во второй редакции этому изречению соответствует следующее: „Княже мой, господине! Яко же дуб крепится множеством корения, тако и град нашъ твоею державою. Княже мой, господине! Кораблю глава кормник, а ты, княже, людем своим. Видех полци без добра князя и рекох: велик зверь, а главы не имеет. Женам глава муж, а мужем князь, а князем бог“ (там же, стр. 59); „Тело крепится жилами, а мы, княже, твоею державою... Гусли строятся персты, а град нашъ твоею державою“ (там же, стр. 66).

дом; руже твои исполнены яко от злата аравийска; ланиты твоя яко сосуд араматы; гортан твой яко крин, капля миро, милость твою; вид твой яко ливан избран; очи твои яко источник воды живы; чрево твое яко стог пшеничен, иже многи напитая“.¹

Итак, в обеих редакциях (подчас даже в сходных выражениях) превозносится княжеская власть и возвеличивается фигура князя — всеобщего защитника и радателя. Однако между обеими редакциями имеются существенные качественные различия, делающие Моление Даниила Заточника или редакцию XIII в. памятником с иным идейным направлением, чем Слово Даниила Заточника или редакция XII в.

Еще О. Ф. Миллер, а вслед за ним Е. Модестов² сближали Слово Даниила Заточника с Поучением Владимира Мономаха. И действительно в редакции XII в. можно уловить то же разграничение князя от его приближенных — тиунов, которое энергично проводится в Поучении Владимира Мономаха, а до этого — в некрологе Всеволода Ярославича, при котором, по словам летописца, тиуны скрывали от народа „княжую правду“. Князь, согласно этой теории, является воплощением правды и порядка, но его приближенные, заслоня эту правду, скрывая ее, безобразничают и своевольничают. Поэтому князь не должен доверять своим тиунам; его обязанность — самому вникать во все дела, самому единолично возглавлять все управление. Только таким путем можно избежать „безнарядия“ в государстве, от которого, по выражению Даниила Заточника, „полци погибають“. Первая редакция содержит резкий выпад против тиунов, разоряющих и работающих народ: „Не имей себе двора близ царева двора и не дръжи села близ княжа села: тивун бо его аки огонь трепетицею накладен, и рядовичи его аки искры. Аще от огня устережешися, но от искор не можеши устеречися и сождения порт“.³ Предостережение это, вероятно, читалось еще в более древнем, чем первая редакция, архетипе Слова Даниила Заточника или заимствовано из источника, восходящего к XI в., когда шел энергичный процесс феодализации, и безжалостные тиуны жестоко обходились со свободным населением, имевшим несчастье оказаться по соседству с владениями князя.

Во второй редакции этого места уж нет: в XIII в. феодальные отношения пронизывали собой всю общественную жизнь, феодальные захваты свободных земель уже не производили прежнего ошеломляющего впечатления, и вопрос о них потерял свою злободневность. Зато в этой редакции появились новые мотивы, вызванные некоторыми переменами в среде самого феодального класса. Наряду с горожанами,

¹ Там же, стр. 55—56. — В Академическом списке этому месту соответствует следующее обращение: „Княже мой, господине! Яви ми зрак лица своего, яко глас твой сладок, и образ твой красен; мед истачають устне твои, и послание твое аки рай [с] плодом“ (там же, стр. 14).

² О. Ф. Миллер, ук. соч., стр. 377; Е. Модестов, ук. соч., стр. 184—185.

³ Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 20—21.

которые и в Галицко-Волынской Руси, и в Ростово-Суздальском крае, и в других местах поддерживали княжескую власть против крупных бояр-феодалов, к ней льнула и феодальная мелкота, дворяне,¹ находившиеся в непосредственной зависимости от князя и видевшие в нем свою надежную опору. В описываемое время крупные бояре-землевладельцы были заинтересованы в непрерывных феодальных раздорах, в результате которых они рассчитывали расширять и округлять свои владения. Мелкие феодалы, находившиеся в вассальной зависимости от крупных, не играли в этих раздорах самостоятельной роли, их обходили при дележе земельной добычи и, следовательно, они не могли проявлять такую же заинтересованность в феодальных драках, как крупные землевладельцы. Последние, кроме того, были достаточно сильны и обладали необходимой вооруженной силой, чтобы держать в повиновении крестьянство. Мелкие феодалы такими средствами не обладали и для обуздания эксплуатируемого населения нуждались в сильной государственной власти. Именно княжеская власть (по крайней мере, в идеале) могла обеспечить какой-то порядок и спокойствие в стране, все более необходимые членам так называемой „младшей дружины“ по мере того, как они обзаводились крестьянами.

С течением времени мелкие феодалы или дворяне выросли в большую политическую силу, составившую, в период образования Русского централизованного государства, прочную опору великокняжеской власти. В середине XVI в. Иван Пересветов выступил с целеустремленной, подробно разработанной программой государственного устройства, выражавшей интересы и настроения политически окрепшего дворянства. Эта программа была резко направлена против бояр — вельмож, которых Пересветов презрительно третировал как ленивцев, трусов и изменников. Он восставал против того, что бояре не по заслугам, пользуясь только знатностью своего рода, близко стоят к государю, и требовал, чтобы людей выдвигали не по знатности их происхождения, а по заслугам. Не на вельмож должен опираться государь, а на дворян — „воинников“, которых он должен любить и лелеять и в отношении которых Пересветов призывал его проявлять неистощимую щедрость. С этой точки зрения Пересветов ополчается против рабства, ибо холоп не заинтересован в том, чтобы добыть себе и князю своему чести. Разумеется, бояре не согласятся добровольно отказаться от своей власти, и одним из важнейших требований своей программы Пересветов выдвигает „грозу“, которая должна тяготеть над всем государством и в первую очередь обрушиться на нерадивых вельмож.

Если мы внимательно присмотримся к нашему памятнику, то в зародышевом виде найдем во второй редакции элементы дворянской про-

¹ Автор второй редакции Слова Даниила Заточника прямо причисляет себя к дворянам, которым, по его мнению, больше всего подобает пользоваться княжеской милостью, например: „Всякому дворянину имети честь и милость у князя“ (Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 68).

граммы Пересветова. В первой редакции не проводится принципиальной разницы между князем и его боярами. Бывает князь щедрый, бывает и скупой, точно так же и бояре делятся на щедрых и скупых. Если есть между ними какая-нибудь разница, то разве только в масштабах, и служить не зазорно ни тому, ни другому, был бы только господин добрый: „Доброму бо господину служа, дослужится слободы, а злу господину служа, дослужится большей роботы. Зане князь щедр, аки река, текуща без брегов сквози дубравы, напаяюще не токмо человеки, но и звери; а князь скуп, аки река в брезех, а брези камены: нелизи пити, ни коня напоити. А боярин щедр, аки кладяз сладок при пути напаяеть мимоходящих; а боярин скуп, аки кладязь слан“.¹ Во второй редакции уже проводится резкая грань между князем и боярином и, по мнению автора, лучше служить скупому князю, чем щедрому боярину. „Лучше бы ми нога своя, — пишет автор Моления, — видети в лыченицы в дому твоём, нежели в черлене сапозе в боярстем дворе; лучше бы ми в дерюзе служити тебе, нежели в багрянице в боярстем дворе“.² Он предпочитает пить воду в княжеском дворе, чем мед во дворе боярском, или принять испеченного воробья из рук князя, чем баранью лопатку „от государей злых“ (подразумеваются бояре).³ В первой редакции окружающие князя „думцы“ подразделяются на добрых и лихих; первые приносят пользу, а вторые — зло: „То не море топить корабли, но ветри; не огонь творить ражежение железу, но надымание мешное; тако же и князь не сам впадает в вещь, но думци вводятъ. З добрым бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меншего лишен будетъ“.⁴ Во второй редакции автор послания выступает против думцев вообще, независимо от того, добрые ли они или лихие, и выдвигает ставшую впоследствии, в XVI в., столь излюбленной идею о том, что князь сам должен владеть государством: „Не корабль топит человеки, но ветр; тако же и ты, княже, не сам владеши, в печал введут тя думцы твои“.⁵

Добиваясь службы у князя, Даниил Заточник не ссылается на знатность происхождения, которой он похвастать не может, а, напротив, в нескольких местах (второй редакции) подчеркивает, что он раб князя и сын рабы его. Как уже указывалось, эти слова не следует понимать буквально, и не только потому, что, будучи заимствованы из Псалтыри, они являлись ходячим литературным выражением, а еще и потому, что этими словами автор послания как бы

1 Там же, стр. 19, 20.

2 Там же, стр. 60.

3 Там же, стр. 61.

4 Там же, стр. 25, 26.

5 Там же, стр. 58. — Только в одном месте второй редакции говорится о том, что князь „умными бояры предо многими людьми честен . . . и по многим странам славен . . .“ (там же, стр. 59).

отмежевывался от спесивых вельмож, стремившихся захватить важные должности только в силу своей знатности. Даниил Заточник, добиваясь должности, выдвигал на первый план только свои личные достоинства — свою начитанность и разум. Автор послания признает даже, что он не очень храбр в бою, и его нельзя использовать как воина, зато он „в словесех крепок“ и может быть полезен князю своими советами.

Подчеркивая важное значение для князя разумных слуг, Даниил Заточник в то же время настойчиво советует князю привлекать к себе возможно больше храбрых слуг, или, как выразился бы Пересветов, — воинов. Такие советы мы находим и в первой редакции, где, между прочим, приводится известный библейский рассказ о похвальбе царя Иезекии перед послами вавилонскими,¹ но во второй редакции, где также повторяется рассказ об Иезекии, эти мысли проводятся гораздо более последовательно. Призывы к щедрости, довольно расплывчатые в первой редакции, во второй редакции определенно связаны с необходимостью привлекать со всех сторон возможно большее количество воинов. Очень показательны в этом отношении сопоставление одного и того же изречения, встречающегося в обеих редакциях:

Первая редакция

Яко же бо невод не удержит воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не в[ъ]здержи злата, ни сребра, но раздавай людем.²

Вторая редакция

Яко же невод не удержит воды, но избирает множество рыб, тако и ты, княже наш, не держишь богатства, но раздаешь мужем сильным и совокупаешь храбрыя.³

В первой редакции князю преподается совет раздавать свое золото и серебро „людям“, но для какой цели — неизвестно. Судя по духу и содержанию первой редакции, речь тут идет об обычной милостыне, которую князь должен раздавать щедрой рукой. Не то во второй редакции: здесь (как впоследствии у Ивана Пересветова) княжеская щедрость направлена уже на определенную цель — на привлечение храбрых и сильных воинов,⁴ составляющих опору княжеской власти. Характерно, что во второй редакции говорится уже не просто о рыбе, удерживаемой неводом, а о множестве рыб, как бы подчеркивая этим

¹ „Яко же бо похвалися Езекий царь послом царя вавилонскаго и показа им множество злата и сребра; они же реша: наш царь богатей тебе не множеством злата, но множеством воя; зане мужи злата добудуть, а златом мужей [не] добыти“ (Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 17).

² Там же, стр. 16.

³ Там же, стр. 59.

⁴ Слово „сильным“ следует понимать в его буквальном значении. Если вслед за О. Ф. Миллером под „сильными“ подразумевать в данном случае вельмож, то это не будет согласовываться с общей идейной направленностью памятника: автор послания, враждебно настроенный по отношению к боярам, предпочитающий служить у князя в дерюге, чем в пурпурном платье у боярина, ни с того, ни с сего не стант предлагать князю раздавать богатство вельможам — боярам.

необходимость для князя собрать возможно больше воинов. Для этой цели автор Моления советует князю не ограничиваться собиранием слуг из своей области, а привлекать их из чужих „стран“ (т. е. областей): „Яко же бо ряп, збирая птенцы, не токмо своя, но и от чюжих гнезд приносит яйца. Воспоет, рече, ряп, созовет птенца, их же роди и их же не роди; тако и ты, княже, многи слуги совокупи, не токмо своя домочадца, но и от инех стран совокупи притекающая к тебе, ведуше твою обычную милость“.¹ Здесь вторая редакция памятника отражает сравнительно мало распространенное в XII в., но развившееся позднее в феодальном мире явление, а именно распространение власти сильного князя на „чужие“ области и переход к нему на службу чужих вассалов.

По мысли автора второй редакции, князь силен и грозен именно множеством воинов. О княжеской „грозе“ говорится и в первой редакции, там, где Даниил Заточник жалуется, что все его обижают, поскольку он не огражден „страхом грозы“ княжеской. Но здесь этот термин применен как синоним княжеской власти, и ничего не говорится о том, какая же сила придает этой власти характер „грозы“. Такую конкретизацию мы находим во второй редакции. „Орел птица царь над всеми птицами, — пишет автор Моления, — а осетр над рыбами, а лев над зверми, а ты, княже, над переславцы. Лев рыкнет, кто не устрашится; а ты, княже, речеши, кто не убоится. Яко же бо змий страшен свистанием своим, тако и ты, княже наш, грозен множеством вои“.²

Под этим углом следует рассмотреть и высказывания автора второй редакции о холопстве. В XVI в. Иван Пересветов требовал уничтожения рабства прежде всего потому, что холоп — дурной воин, не заинтересованный в том, чтобы отличиться в бою: „порабощенный бо человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен, и речет так: однако есмь холоп, иного мне имени не прибудет“.³ Автор Моления Даниила Заточника также пишет о том, что как бы холоп ни был „горделив и буяв“, ему все равно не избыть позора, холопья имени.⁴

Приведенные наблюдения над текстом Слова Даниила Заточника дают нам основание характеризовать это произведение (во второй редакции) как памятник ранней дворянской публицистики, где в зача-

¹ Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 66—67.

² Там же, стр. 66 (разрядка моя. — И. Б.).

³ В. Ф. Р ж и г а. И. С. Пересветов, публицист XVI века. ЧОИДР, 1908, кн. 1, отд. II, стр. 75.

⁴ „Не лепо у свинии в нозрех рясы златы, тако на холопе порты дороги. Аще бо были котлу во ушью златы колца, но дну его не избыти черности и жжения; тако же и холопу: аще бо паче меры горделив был и буяв, но укору ему своего не избыти, холопья имени“ (Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 60, 61).

точной форме встречаются уже те требования дворянства, которые позднее, политически окрепнув, оно заявило полным голосом.

В связи с этим решается и вопрос о хронологической последовательности обеих редакций. В этом вопросе до сих пор нет ясности. Некоторые исследователи (П. А. Безсонов, Е. И. Модестов, П. П. Миндалев и др.) считают, что та редакция, которая в литературе условно называется Словом Даниила Заточника и приурочивается к XII в., действительно является первой редакцией, предшествующей так называемому Молению Даниила Заточника (вторая редакция), относящемуся к XIII в. Другие исследователи (Ф. И. Буслаев, А. И. Лященко, В. М. Гуссов, Н. К. Гудзий и др.) в вопросе о хронологическом первенстве обеих редакций отдают предпочтение Молению. Надо, однако, отметить, что представители и той и другой стороны руководствуются почти исключительно формальными соображениями: степенью конкретности материала, филологическим анализом текста обеих редакций, характером расширения или сокращения отдельных изречений, композиционным их распределением по Слову и Молению и т. д. Между тем для правильной датировки памятник следует прежде всего изучать с точки зрения его идейной направленности, отражающей общественные веяния определенного времени.

Рассматривая под этим углом обе редакции послания Даниила Заточника, приходишь к убеждению о хронологическом первенстве Слова. Проповедуя всеспасительность „милостыни“ и превознося „княжью правду“, Слово Даниила Заточника в первой редакции тесно связано с такими памятниками, как Повесть временных лет (или вошедший в ее состав „Начальный свод“) и Поучение Владимира Мономаха. Возникновение этой редакции естественно поэтому отнести к концу XI—нач. XII в. (с некоторыми последующими вставками, вроде заявления „князя Ростислава“ о Курском княжении). Моление Даниила Заточника (вторая редакция) возникло уже в других общественных условиях. Будучи по своему содержанию и идейной направленности памятником ранней дворянской публицистики, Моление в дошедшем до нас виде скорее всего возникло в тот период, когда дворянство начало уже чувствовать свою силу и значение, но не настолько еще выдвинулось на арену общественной жизни, чтобы выступить с хорошо разработанными и четко сформулированными политическими требованиями. Период этот падает на XIV в., т. е. как раз на то время, которое С. П. Обнорский, изучивший обе редакции со стороны их языка, признает приблизительной датой составления второй редакции.¹

¹ Надписание на обоих сохранившихся списках Моления (Чудовском и Ундольского) имени князя Ярослава Всеволодовича (как и упоминание в тексте князя — сына Всеволода и князя „над переславцы“) еще не означает, что Моление в дошедшей до нас редакции было составлено в первой половине XIII в. Какой-то список мог действительно быть приурочен к переяславскому князю Ярославу Всеволодовичу, но в окончательном виде, впитав в себя много „дворянских“ элементов, вторая редакция сложилась позднее.

Не настаивая на абсолютной точности этой датировки, можно все-таки констатировать, что Слово Даниила Заточника, возникшее еще в Киевской Руси, является памятником более ранним, чем Моление. Последнее было составлено уже в Суздальской, точнее даже в Московской Руси, и в нем впервые зазвучал голос молодого дворянства, выступившего с требованием сильной и грозной княжеской власти, опирающейся не на бояр, а на преданных своему государю „множество воев“.

И. М. КУДРЯВЦЕВ

**„Послание на Угру“ Вассиана Рыло как памятник
публицистики XV в.**

Нашествие татар во главе с ханом Ахматом в 1480 г. и известное „стояние“ на р. Угре — „Угорщина“¹ получили в древне-русской письменности довольно яркое отражение. К литературным памятникам, касающимся этих исторических событий, относятся включенные в летописные своды степенные книги и различные сборники повести о нашествии Ахмата и, прежде всего, Послание архиепископа ростовского Вассиана Рыло к великому князю московскому Ивану III. Это послание не обследовано в должной мере ни дореволюционным, ни советским литературоведением, а между тем оно является едва ли не лучшим произведением русской публицистики XV в., замечательным как со стороны патриотического содержания, так и со стороны соответствующей его содержанию патетической формы. Оно вводит нас в круг настроений и идей того времени, позволяет сделать некоторые наблюдения в отношении общественных группировок и, вообще, процесса образования Русского централизованного государства во главе с Москвой, оно, наконец, помогает нам при анализе повестей о нашествии Ахмата и в плане историческом и в плане литературной истории их.

1480 г., отмеченный в истории, как год окончательного освобождения Руси от татарского ига, является тем временем, когда плодотворная деятельность великого князя московского Ивана III в деле создания независимого Русского государства получила свое наиболее яркое выражение. В конкретных событиях этого года выявился и характер Ивана III. В неменьшей мере то же можно сказать и о Вассиане Рыло. И его деятельность и направление ее выразились в этот год наиболее ярко. Вассиан Рыло оставил след в русской письменности, касавшейся этого года, как один из наиболее значительных писателей того

¹ Под таким заголовком излагаются эти события в одном из летописных сводов. См. рукопись 1-й пол. XVI в., хранящуюся в Рукописном отделе Всесоюзной Публичной библиотеки им. В. И. Ленина под шифром М. 5837, л. 113.

времени. События 1480 г., подготовленные всем ходом истории, являлись завершением того, что было начато на Куликовом поле, когда русский народ нанес решительное поражение татарам и сами татары почувствовали, наконец, что русские — это нечто целое, единое, сильное. Со времени Куликовской битвы соотношение сил между Русью и Золотой ордой изменялось все больше и больше в пользу первой. Этому способствовали процесс централизации Русского государства, с одной стороны, и ослабление Орды, с другой, изменяя соотношение сил.

Жизнь Орды протекла в бурных династических волнениях, которые то возвышали ее, то ослабляли; но кривая исторической жизни Орды явно понижалась. Малая сравнительно оседлость главенствующей группы этого разнородного царства не могла обеспечить создание экономического фундамента для прочного государства, а время военного феодализма проходило. Выделение в XV в. Казанского царства и Крымской орды, ставших потом противниками Золотой орды, значительно обессиливало ее, сами же эти ханства не являлись уже такой грозной силой, какой была Золотая орда.¹ Традиционная политика последней — „натравливать русских князей друг на друга, поддерживать несогласия между ними, уравнивать их силы и никому из них не давать усиливаться“² — не всегда уже помогала.³ Однако Иван III, наученный горьким опытом своего отца, бывшего в плену у татар, крепко усвоил для себя необходимость осторожного и опасливого отношения к татарам. Постепенно он добился того, что стал влиять на дела Казани и заключил союз с крымским ханом против золотоордынского хана Ахмата, с одной стороны, и литовского короля Казимира, с другой. События 1472 г., когда Ахмат подошел к Оке, сжег Алексин и пытался перебраться через Оку, побудили Ивана III искать союзника в лице крымского хана и вообще расширить свою политику до таких размеров, когда бы он не только не был орудием чьих-то политических, часто авантюрных замыслов, но, наоборот, сам мог бы привлекать других в качестве орудия своей политики. Для нас важно отметить, как подготовил

¹ О жизни Золотой орды в конце XIV и XV вв. см. летописи Никоновскую, Воскресенскую, Софийскую 2-ю, Новгородскую 4-ю, Рогожскую, а также работы А. Н. Насонова „Монголы и Русь“ (М.—Л., 1940); Б. Грекова и А. Якубовского „Золотая орда и ее падение“ (М.—Л., 1950) и другие. Библиографию см. в книге Б. Грекова и Якубовского.

² К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII века. (Цит. по: „История СССР“, т. I, 1947, стр. 194).

³ Эту политику хорошо теперь понимали. Летописец, например, отмечает взаимоотношения русских князей и татар так: „Аще убо когда немнози обрящутся Измаильтяне, тогда лестно и злоковарно и мир и любовь сотворяют, и дары и честь дают, и тем злохитростью своею крыют и яд свой тайно имеют, и мир глубок обещевают, и таковым пронырством русских князей друг з другом враждуют и от любви их отлучают, и особую рать меж их составляют, и в той разности сами в тайне подкрадают их злии волды христианом обретатися научением отца их сатаны“ (ПСРЛ, т. II, стр. 206; Рогожск. летописец, стр. 179).

он почти бескровную победу 1480 г., заключив союз с крымским ханом Менгли-Гиреем. В 1472 или 1473 г. Иван III послал в Кафу „челобитную грамоту“ и поручил еврею Хозе Кокосу, жившему в Кафе и пользовавшемуся большим доверием Менгли-Гирея и какого-то князя Ягуна, передать грамоту хану и убедить последнего вступить с Москвой в оборонительный и наступательный союз. Материал, связанный с посольствами 1474—1480 гг. к Менгли-Гирею и Зенебеку,¹ показывает также, как Иван III, стремившийся первоначально иметь в лице крымского хана союзника вообще, потом добивается союза в борьбе против определенных врагов Московского государства — хана Ахмата и короля литовского. Если в данной в 1474 г. послу Никите Васильевичу Беклемишеву инструкции, где мы находим три образца „ярлыка докончалного“, осторожный князь московский только в крайнем случае допускал, чтобы в договоре к общей фразе: „быти нам везде заодин, другу другом быти, а недругу недругом быти: хто будет друг мне, Менгли-Гирею царю, тот и тебе друг, великому князю Ивану...“ и т. д. были добавлены конкретные имена Ахмата и литовского короля,² то в образцах договоров, данных московскому послу князю Ивану Ивановичу Звенцу в апреле 1480 г., незадолго до нашествия Ахмата, имена окончательно определившихся врагов Московского государства выступают на первый план.³

Ко времени нашествия Ахмата союз был заключен, и это очень повлияло на благополучный исход дел, так как крымский хан не только не присоединился к Золотой Орде, но парализовал действия ее союзника литовского короля Казимира. Падение Новгорода и окончательное подчинение его Москве чрезвычайно взволновало Запад. Лучше всего выразилось это в поведении Казимира „Ягеллончика“, на которого держали ставку все недовольные Москвой и, в первую очередь, оппозиционные круги Новгорода. Казимир искал только подходящего предлога, чтобы в союзе с ханом Ахматом выступить против Московского государства. Таким предлогом для борьбы с Москвой была ссора великого князя московского с братьями Андреем и Борисом, резко отрицательно относившимися к единодержавной политике Ивана III.

Сговорившись между собой, князья Андрей и Борис с семьями, войском и имуществом, отъехали к Казимиру.

Казимир, конечно, обрадовался расколу между братьями, выразившемуся в такой резкой форме, и начал деятельно готовиться к походу,

¹ Сборник Русск. ист. общ., т. 41, СПб., 1884.

² „А на моего недруга на Ахмата царя быти ти со мною заодин: коли поидет на меня царь Ахмат, и мне к тебе весть послати, и тебе моему брату великому князю Ивану отпустить царевичев своих на Орду. А поидет на тебя Ахмат царь и мне Менгли-Гирею царю на него пойти, или брата своего отпустить с своими людьми, а быти мне на него с тобою заодин. Также ми и на короля...“ („Сборник...“, т. 41, стр. 4—5).

³ Там же, стр. 20—21.

выделив недовольным братьям на их кормление г. Витебск. Он шлет посла в Орду, поднимая ее на Москву и являясь, таким образом, инициатором нашествия Ахмата. Иван III мог оказаться в очень затруднительном положении, и он, конечно, понял, какую опасность таит отъезд братьев с войсками в напряженную пору борьбы Московского княжества с Ахматом, с одной стороны, и с Казимиром, с другой. Усиление врага за счет войск русских князей, к которым могли присоединиться силы других недовольных феодально-княжеских кругов, могло отразиться на событиях весьма плачевно.

Надо было принимать срочные меры к возвращению братьев, и великий князь посылает к ним боярина с приглашением вернуться и с обещанием жаловать их, а после того, как боярин вернулся, не добившись положительного результата, в догонку за уходящими братьями он шлет своего духовника и единомышленника ростовского архиепископа Вассиана Рыло. Выбор Ивана Васильевича, конечно, не был случайным. Никто больше Вассиана не сочувствовал установлению единовластиа на Руси, необходимого для освобождения отечества и создания крепкого государства. Два раза Вассиан ездил к Андрею и Борису, убеждая их возвратиться и ломая их недоверие к старшему брату. Какими словами подействовал талантливый проповедник на князей и в какой мере оказались действенными его слова, летописи не говорят, но, однако, братья-князья возвратились прежде, чем произошло столкновение с Ахматом на берегах Угры, а это было очень важно.¹

Наступление Ахмата и трудная для Москвы ситуация вообще — вызвали острую борьбу партий в Москве. На основании летописных материалов и Послания Вассиана можно сделать заключение, что на осторожного князя, оттягивавшего решительное столкновение с татарами в такой неблагоприятный момент, пыталась влиять партия боярско-княжеской оппозиции, которая советовала ему начать переговоры с Ахматом и пойти на всевозможные уступки. К этой партии, по свидетельству летописей, принадлежали бояре Иван Васильевич Ощера, Григорий Андреевич Мамон и другие „бояри богати... думающие хрестьянство выдать“.² Противоположная партия настаивала на активном против татар действии и стремилась окончательно покончить с зависимостью от них. Во главе ее стоял Вассиан Рыло, активный борец за церковное и государственное единение Руси.

Историки по разному расценивают поведение Ивана III во время нашествия Ахмата в 1480 г., впрочем все более и более склоняясь к оправданию его поведения во время нашествия, что делают

¹ Некоторые летописи прямо утверждают, что примирение братьев обеспечило положительный исход событий. К тому же склоняются и некоторые историки. „Их приход, — говорит, например, Пресняков, — решил дело. Хан Ахмат не мог принять боя с объединенными русскими силами и спешно отступил от Угры“. (Образование Великорусского государства, Пгр., 1918, стр. 425).

² ПСРЛ, т. VI, стр. 230.

не без основания. Действительно, весь доступный нам летописный материал, освещающий в той или иной мере нашествие, при внимательном его анализе, заставляет нас признать, что Иван III проявил себя при этом, как талантливый, дальновидный политический деятель, подготовивший победу. И дипломатическая подготовка войны, и распорядительность в отношении расстановки войск по Оке и Угре, и решительные меры, принятые для примирения с братьями, и, если верить „Казанскому летописцу“, организация рейда в тыл противника — все характеризует великого князя весьма положительно. В то же время Иван III остерегался открытого столкновения с татарами, старался оттянуть этот неизбежный момент и сделать все, что помогло бы ослабить удар со стороны татар. Он лучше других понимал, что Орда, соединившаяся с Литвой, была страшной силой. Тем не менее, многие жаждали встречи с татарами, желая окончательно стряхнуть с себя позорное и тягостное рабство. Пусть оно становилось к этому времени почти номинальным, тем выше следует оценить патриотическое сознание тех, кто не хотел и этого. Вассиан Рыло принадлежал к ним. Он близко стоял к Ивану, хорошо, конечно, знал его дипломатические и стратегические способности, но знал и его крайнюю осторожность.

Летописи передают нам, что Вассиан выступил против Ивана III, когда последний приехал из Коломны в Москву, направив войска к Угре. Наиболее резко рисует это выступление летопись Софийская 2-я.¹

„Нача же владыка Васиян зле глаголати князю великому, бегуном его называя, сице глаголаше: «вся кровь на тебе падет хрестьянская, что ты выдав их бежишь прочь, а бою не постави с татары и не бився с ними; а чему боишься смерти? не бессмертен еси человек, смертен; а без року смерти нету ни человеку, ни птице, ни зверю; а дай семо вои в руку мою, коли аз старый утулю лице против татар» — и много сице глаголаше ему...“.

Мы не думаем, что именно в этих словах выразилось столкновение Вассиана с Иваном III, так как они являются частью повести и представляют собой художественную характеристику и события, и героя (Вассиана), но мы можем совершенно определенно сказать, что столкновение у Вассиана с великим князем было и именно в таком духе, как трактует повесть, помещенная в Софийской 2-й летописи. За это говорит текст Послания Вассиана, где второй абзац напоминает о московском столкновении и объясняет причину его: „Молю же убо величество твое, ... да не прогневаеши на мое смирение еже первые дерзнувшу ми усты ко устом глаголати твоему величеству твоего ради спасения: наше убо, государю великий, еже воспоминати вам, ваше же еже послушати...“.

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 223.

Резкое выступление Вассиана, направленное на то, чтобы воодушевить Ивана III на битву с татарами, указать ему на его прямой долг перед государством, перед народом, было вызвано прежде всего тем, что москвичи восприняли приезд Ивана III в Москву, как бегство от войска, которым он предводительствовал, как испуг перед силами татар.

Та же Софийская 2-я летопись отразила, вероятно, мнение многих в словах народа, обращенных к Ивану III: „Егда ты государь князь велики над нами княжишь в кротости и в тихости, тогда нас много в безлепце продаешь; а нынеча разгневив царя (Ахмата) сам, выхода ему не платив, нас выдаешь царю и татаром“.¹

Недовольство народа было так сильно, что великий князь, „бояся граждан мысли злыя поимания“,² не остался во дворце, а уехал в „Красное село“. Туда, вероятно, приезжал к нему и Вассиан, настаивая на отъезде к войску. Из Москвы великий князь едет в Кременец (в 50 верстах от Угры) и начинает переговоры с Ахматом. Узнав о начавшихся переговорах и видя в этом слабость Ивана III, Вассиан, верный своему стремлению воодушевить князя на битву, пишет ему свое знаменитое „Послание владычне на Угру к великому князю“.

Послание Вассиана было написано в начале октября 1480 г.³ на Дорогомилловском подворье,⁴ так что Вассиан, вероятно, все время, связанное со стоянием на Угре, был в Москве и доказывал необходимость решительных действий против татар не только великому князю, но, вероятно, и народу.

После долгого стояния на Угре, отраженного в повестях о нашей истории, Ахмат бежал от Угры.

Великое для Русского государства событие Ростовский архиепископ отмечает тем, что заказывает художникам-иконописцам, Дионисию с товарищами, „писати Деисус“ в новый Московский Успенский собор — Дом пресвятой богородицы, — ставший символом величия Русской земли и главенства Москвы.

Вассиан делает это в знак благодарности за освобождение от татарского ига, в знак своего признания московской новой церкви — святыней общерусской. Умер Вассиан 23 марта 1481 г., несколько месяцев спустя после своего Послания на Угру, которое подвело итог его патриотической деятельности и закрепило его славу на будущее.

Данные биографии автора „Послания на Угру“ свидетельствуют о его близости к великому князю московскому, больше того, о его

¹ Там же, стр. 230.

² Там же.

³ Иван III пробыл в Москве с 30 сентября по 3 октября.

⁴ „... а писал на Москве на Дорогомиллове лета 6989“. Что писано на Дорогомиллове, говорит Синодальная летопись № 365 (см.: Н. М. Карамзин, т. VI, стр. 23, примеч. № 202).

участии в великом деле строения Русского государства во главе с Москвой. У нас есть основания предполагать, что и личная близость Вассиана с Иваном III была обусловлена его пониманием государственной программы великого князя, программы, которую он принимал, близко к сердцу, проводником которой он был. Вассиан проявляет себя не только как лицо, стихийно вовлеченное в исторический процесс и примкнувшее к нему по тому положению, которое он занимал, но и как человек, создавший для себя определенный взгляд на историческую ситуацию того времени и сознательно идущий к определенной цели. Этому помогла, во-первых, его связь с Троице-Сергиевым монастырем (вероятно, не по одному только игуменству), а этот монастырь имел уже свою традицию, идущую еще от Сергия Радонежского и четко поддерживавшую московскую политику централизации Русского государства вокруг Москвы. Во-вторых, Вассиан имел возможность взглянуть на дело не только из своего угла. Участвуя в посольстве в Литву по делам унии, он проездом в Литву мог побывать в Новгороде, а это не могло не расширить его горизонта и не подчеркнуть важности дела московских князей. Там он мог особенно сильно почувствовать центробежную силу, которую приходилось преодолевать Москве.

Посольство Вассиана в Литву тоже, конечно, не прошло даром. Необходимость объединения, могущего противопоставить себя внешним силам, становилась для него еще более очевидной. Само пребывание в Киеве, исконном русском городе, который в глазах духовного мира был особенно значителен, как бывшая митрополия и центр российской церкви, вероятно, усиливало желание иметь налицо силу, способную вырвать исконные русские владения из-под власти Литвы и соединить их воедино. Вассиан, вероятно, еще тогда почувствовал, что единство русской церкви становилось возможным только при политическом единстве, и ему, игумену Троице-Сергиева монастыря, это единство могло мыслиться только, как единство, возглавляемое Москвой. Вполне закономерно, что игумен, с такими взглядами на значение Москвы, оказался архимандритом великокняжеского Спасо-Преображенского монастыря. Стремления великого князя становятся и его личными стремлениями, и отношение к удельным князьям должно было все больше и больше усиливать в нем центростремительные настроения. Не следует забывать и того, что Вассиан был духовником великого князя и мог знать самые сокровенные замыслы Ивана III, мог знать гораздо больше, чем кто бы то ни было, а вместе с тем и знать характер своего духовного сына, его сильные и слабые стороны, что так ясно выразилось в его Послании. Выходец из Сергиевой обители, Вассиан держал в своем сознании сильней всего необходимость освобождения от татар. Каковы бы ни были классовые предпосылки общественно-политического мировоззрения Вассиана, его убеждение в необходимости довести до конца борьбу с Золотой Ордой объективно

совпадало с настроением трудового народа, на плечи которого ложились „выходы“ и „дани“ и который сильнее всех страдал от постоянных нашествий татарских орд, больших и малых.

Русская публицистическая литература XV в. не может быть оценена по достоинству без „Послания владычня на Угру к великому князю“.¹ Вероятно, знаменитому „Посланию“ Вассиана предшествовал ряд других его посланий и проповедей на различные темы, но они не дошли до нас. Дошло единственное, но, думается, лучшее из них: не случайно оно попало в летописные своды. Это произведение должно занимать почетное место в древне-русской публицистике. Оно все проникнуто стремлением к освобождению от татарской зависимости, и в этом отношении мы не можем не отметить его преимущества даже перед такими литературными памятниками, как „Слово избрано еже на латыню“, или „Сказание о князьях владимирских“.

В своем „Послании“ Вассиан Рыло использует свой богословско-научный багаж не с целью укрепления каких-либо догматических и морально-исторических положений, а с тем, чтобы убедить Ивана III сразиться с татарами, чтобы раз навсегда покончить с ненавистным для русских людей игом. Конечно, риторическая изукрашенность — непременная принадлежность литературы этого времени, — усиленная многочисленными цитатами и библейскими образами, несколько затрудняет для современного нам читателя восприятие „Послания“ и создает впечатление некоторого „плетения словес“ — недаром ведь Вассиан Рыло был тесно связан в своей жизни с тем литературным центром Московского княжества, в котором работали Епифаний Премудрый и Пахомий Логофет. То, что мы находим с избытком в их творениях, не

¹ Таков заголовок в летописи „Софийской 2-й“ (ПСРА, т. VI, стр. 225). В других списках оно названо иначе. Напр., в Никоновской — „Послание архиепископа Ростовского Вассиана к в. кн. Ивану Васильевичу всея Руси самодержьцу на Югру о храбръском подвизе противу безбожных татар за православное христианство богом дарованные ему державы Русскаго царствия“. (Шумиловский список. ПСРА, т. XII, стр. 203); в Воскресенской — „Грамота на Угру вел. кн. Ив. Вас. всея Руси, дабы стоял против безсерменства крепко за христианство“. (ПСРА, т. VIII); в Казанском летописце — „Послание архиепископа Вассиана Ростовского вел. кн. Ив. Вас. всея Руси, егда стоял противу царя Ахмата на реце Угре“. (Список XVII в., хранящийся в библ. им. Ленина под шифр. М. 1517, л. 241); в Вологодско-Пермской летописи — „Послание к вел. кн. Ив. Вас. от Васяна архиепископа Ростовьскаго“. (Список пол. XVI в., хранящийся в Гос. Ист. музее в Москве, Синод. собр., № 485). Известна только одна редакция Послания Вассиана, что освобождает нас от обязанности давать сравнительно-текстологический анализ его, те же небольшие различия, которые можно наблюдать в различных списках, никакого существенного значения не имеют.

могло не войти и в произведения бывшего игумена Троице-Сергиева монастыря.

Учительные послания, к которым принадлежит Послание на Угру, получили свое развитие на Руси благодаря, прежде всего, латинству и ересям, бороться с которыми русские иерархи считали своей первой обязанностью.¹ Среди посланий, направленных против еретиков, посланий с целью укрепления православия или разъяснения того или иного догмата, послания преимущественно общественно-политического содержания занимают по количеству небольшое место. Самым значительным из них, конечно, является Послание Вассиана. В нем слилась струя догматическая с общественной в едином патриотическом направлении, причем самые жанровые особенности этого вида древне-русской литературы достигли, пожалуй, своего совершенства. Они состоят, прежде всего, в том, что каждое положение послания должно являться не как замысел автора, а как логическое осмысление текстов священного писания и писания отцов церкви.²

Такие послания становились достоянием не только лиц, к которым они направлялись. Они переписывались, теряя при этом индивидуальные свои черты и становясь общепублицистическими памятниками, которые ложились в основу последующих. Чем ярче было послание, тем больший путь воздействия на литературу оно проходило. И в этом отношении Послание Вассиана Рыло является наиболее ярким примером.

Необходимо напомнить, что Послание на Угру должно рассматриваться на фоне трудов древних русских богословов, поэтому мы должны удивляться не тому, как часто Вассиан Рыло цитирует священное писание и оперирует библейскими событиями, а скорее тому, как он талантливо это делает, подчиняя образы и язык священного писания своему замыслу и создавая произведение очень убедительное для современников автора. От библейских же образов и текстов нельзя отстраниться потому, что без них мы не сможем понять идеи и дух той эпохи, не сможем понять и способа их выражения.

¹ „Исключительные дарования и редкая начитанность преподобного Иосифа Волоцкого сделали доступны для потомства лишь благодаря ереси (жидовствующим). То же можно сказать об иноке Отенском Зиновии, которого вызвала на литературную борьбу ересь Косого. . .“ (В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей. . . Киев, 1901, стр. 51).

² Несколько курьезное подтверждение этих особенностей мы находим в Послании митрополита Фотия. Если в Окружном послании против избрания Григория Цамблака он приводит 30 правил-канонов церкви, то в другом своем послании, направленном в Псков, процитировав два канонических правила, он указывает еще на пять правил и при этом просит простить его, что не успел отыскать нужные для цитат места. „И вы, сынове, — добавляет митрополит, — сами поищите в святых правилах тех правил, пишущих о том“ (М а к а р и й. История русской церкви, т. V. СПб., 1866, стр. 23).

„Догматы церкви, — говорит Энгельс о том времени, — были одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты имели во всяком суде силу закона“.¹ Блестящим подтверждением этой мысли выступает анализируемый нами памятник.

Послание Вассиана направлено против советников Ивана III, склонявших его к переговорам с ханом, к просьбам о мире, к продолжению покорности Орде, направлено и против самого Ивана III, его боязни начать генеральное сражение с татарами. Оно призывает великого князя к решительным действиям и ставит проблему борьбы с татарами в плане обязанности Ивана III перед церковью, перед христианской православной верой, перед всем народом, от имени которых автор выступает.

Но Послание раскрывается перед нами и в более широком плане, обнаруживая область идеологических течений того времени. Идеологическая же жизнь второй половины XV в. была гораздо богаче, чем ее изображают иногда. Характеризуя то время (и первую половину XVI в.), обычно выдвигают лишь два направления: „осифлянство“ и „нестяжательство“.² Нельзя, конечно, не признать эти направления существенно важными, но и сводить всю идеологию того времени к ним тоже нельзя.

Во второй половине XV в. более определенно выступали другие идеи, связанные непосредственно или косвенно с вопросом о независимости русского народа, с вопросом освобождения от татарского ига, в первую очередь, и с вопросом о создании единого централизованного государства, как необходимого условия этой независимости, этого освобождения. К ним можно отнести идею богоизбранности великокняжеской власти, идею — Москва — третий Рим, идею — Русь — новый Израиль (богоизбранность русского народа) и, наконец, непосредственно идею национальной независимости, идею, которая вынашивалась всем народом.

Уже пышный титул, данный Вассианом Ивану III в самом начале Послания, показывает нам, какими понятиями оперирует автор. Согласно этому титулу, высокий адресат является „богом венчанным и богом утвержденным государем“, он выдвигается как государь, „во царях пресветлейший“, благочестивейший из всех, он — великий князь „всеа Руси“. Все три понятия эти подкрепляются текстом Послания, что показывает закономерность появления их в заглавном обращении.

Идея богоизбранности (лучше сказать богоустановленности) великокняжеской власти, генетически восходящая к библейским

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Соч., т. XVIII, стр. 128.

² И. И. Смирнов. „Беседа валаамских чудотворцев“ и ее место в русской публицистике XVI в. Ист. зап., 1945, № 15.

преданиям, для средневековья была довольно существенной. Она тем более существенна, что сыграла известную роль в деле формирования и укрепления Московского государства, так как утверждала за великим князем московским приоритет богоизбранности и, следовательно, непререкаемого главы единого государства. В умах многих это сливалось с идеей о великом князе, как о главе церкви, что тоже очень существенно, так как церковь представляла собой организацию общерусскую. Митрополит, возглавлявший ее, носил титул митрополита „всеа Руси“. Глава церкви, следовательно, не мог мыслиться иначе, как верховный руководитель всей Руси, в его лице руководство церковное смыкалось с руководством политическим, государственным. Значительную роль в развитии этой идеи сыграла Византия, где императоры со времени Вселенских соборов поставлялись царями всех ромеев, т. е. всех христиан, и считались даже, в некотором роде, служителями религиозного культа.¹ Роль византийского императора, как богоизбранного владыки и главы церкви, старательно выдвигалась Византией прежде всего по отношению к древней Руси. Однако постепенное ослабление Византии изменило и взаимоотношения московских князей с византийским императором. Одновременно с политическим ослаблением Византии идея богоустановленности власти императора византийского, его значение, как главы церкви, — в глазах древне-русского общества постепенно меркло, заменяясь сознанием, что великий князь московский должен стоять теперь на его месте. После Флорентийской унии авторитет предавшего православие византийского императора не мог, конечно, стоять высоко.

Православное духовенство, воспитанное на идее богоустановленности власти, с одной стороны, и на смыкающейся с ней идее, по которой глава государства воспринимался и как глава духовный, ответственный за порученное ему богом „стадо словесных овец“, с другой, должно было перенести это на великого князя московского. Этому способствовала и некоторая русская традиция. В середине XV в. идея, согласно которой великий князь Московский мыслился, как глава духовный, находит уже отражение в литературных памятниках: в Пахомиевой редакции Жития Сергея Радонежского, в „Слове избранном еже на латыню...“ и других. Великий князь, мыслящийся как власть богом установленная, власть, стоящая и во главе церкви, признавался таким и в действительности. Со времен митрополита Ионы, поставленного вопреки воле Византии и выдвигавшего власть московского великого князя, как владыки духовного, это руководство князем церковью приобретает все больший практический размах и смысл. Московские князья не сторонились ни этой идеи, ни идей, ей подобных. Они умело

¹ В. Савва. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901; Ф. Курганов. Византийский идеал царя и царства. . . Правосл. собеседн., 1881, июль—август, Казань; Русск. ист. библ., т. VI, прил., стр. 272.

оперировали ими в целях централизации русского государства вокруг Москвы.

Вторая идея, известная по ряду произведений втор. пол. XV в., это — идея богоизбранности русского народа.

Древняя Русь, окруженная латинством с Запада и иноверными соседями с Востока, теми „погаными“ и „бесстыдными“, с которыми ей приходилось постоянно бороться, начала противопоставлять себя этому окружению и культивировать постепенно идею богоизбранности русского народа. С начала татарщины на Руси все сильнее развивается мысль о христианской вере и носителе ее — русском народе, как силе, противостоящей „поганым“ татарам. Эту мысль все время поддерживают летописи, и особенно сильно, пожалуй, она отразилась в житийной литературе.

В XV в. эта идея противопоставления русского народа иноверным татарам неуклонно росла и активизировалась. События первой половины XV в.: Флорентийская уния, а потом и падение Константинополя — должны были усилить идею обособления Русской земли, ее богоизбранности, так как истинное православие, по мнению богословов того времени, осталось только на Руси. Митрополит Иона, подчеркивая благочестие русского православия, называет свою русскую паству „паствою великого богоизбранного Христова стада словесных овец“.¹ Автор „Слова избрана еже на латыню...“ тоже употребляет этот термин по отношению к русскому народу, называя его „богоизбранным Христовым стадом словесных овец“.² Постепенно идея богоизбранности русского народа все более и более распространяется в сознании русского общества, и это уже с несомненной очевидностью отразит литература XV—XVI вв., когда „московские публицисты... смело провозглашают Русь «Новым Израилем», «Сионом», царством, которое «Владыка Христос уподобил ветхой державе противу Иерусалиму», страной «обетованной»“.³

В ряду писателей, разрабатывавших идеи богоустановленности великокняжеской власти и богоизбранности русского народа, определенное место занимает и Вассиан Рыло. Заранее следует сказать, однако, что в своем Послании он не является проповедником этих идей, а лишь использует их в весьма боевых целях.

Вассиан выступает в Послании как бы от имени народа. Он настойчиво указывает своему адресату на русский народ, для которого и во имя которого должен действовать великий князь московский — политический вождь этого народа.

¹ Русская историческая библиотека, т. VI, стр. 654.

² См. текст, опубликованный А. Поповым в Историко-литературном обзоре полемических сочинений.

³ Н. И. Ефимов. Русь — новый Израиль. Казань, 1912, стр. 44.

„Хрестьянство“ (или „словесное стадо христовых овец“) и наполняемое земным содержанием слово „отечество“ — вот понятия, за которыми стоит в Послании русский народ.¹

Что понятие „хрестьянство“ и „словесное стадо христовых овец“ (последнее — образ библейский) — в нашем Послании понятия не абстрактные, относящиеся ко всему христианскому миру (пусть „греческого закона“), а указание на русский народ, это очевидно. Так, во-первых, „прежнии развратници“ склоняют Ивана III, как говорит Вассиан, предать „хрестьянство“ и „словесное стадо христовых овец“, а речь, конечно, идет в отношении только русского народа. Во-вторых, автор призывает „избавити“ или „исхитити из уст Ахмата“ „словесное стадо“, что тоже, конечно, может относиться только к русскому народу. В-третьих, он требует, не сохранять верности хану, так как это ведет к гибели, т. е. допущению в Русскую землю „на разрушение и потребление хрестьянству“ врагов. Речь, как видим, и здесь идет только о русских христианах (хрестьянах), о русском народе, о том „стаде“, которое поручено Ивану III.

Время Вассиана — тот период, когда Русское централизованное государство определялось, крепло; то время, когда в сознании передовых людей не могло не сложиться понятия о каком-то единстве не только территориальном, но и национальном. Послание Вассиана рисует перед нами такую стадию, когда это понятие ищет своего выражения в новом, еще не очень привычном, а может быть и совсем непривычном слове. Слово „отечество“ встречается тут несколько раз. Автор, конечно, вкладывает в него не только понятие территориальности, это видно из контекста, это можно подтвердить и еще одним прямым доказательством: там, где Вассиан хотел дать определению территориальный смысл, он употребил слово „отчина“.

Слово „отечество“, конечно, встречалось в древне-русской письменности и до Послания Вассиана. Оно было знакомо и по библейским книгам, и по другим памятникам. И там оно уже заключало в себе

¹ Понятие „Русская земля“, такое обычное для памятников древней Руси киевского периода, здесь тоже фигурирует, но только в приложении к „прежебывшим прародителем“ Ивана III: „Поревнуй прежебывшим прародителем твоим великим князем, неточию Рускую землю обороняюху от поганых и иные страны приимаюху под себе, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимира, иже на греческих царех дань имали, потом же и Владимира Мономаха, како и коли бился со оканними половци за Рускую землю и иные мнози, их же паче нас ты веси...“.

„Стереотипное выражение XI—XII века“ (В. О. Ключевский. Русская история, т. I, стр. 248) и относится автором к тому времени. В настоящем оно уже изменялось и переходило в новое „стереотипное выражение“: „Отечество“, „Русские страны“ („и который пророк пророчествовал или апостол... или святитель научил сему... дарю повинатися тебе, великому Русьских стран хрестьянскому дарю“). „Земля наша“... („Попусти бог... на всю землю нашу... Батыя, иже... поплени всю землю нашу“).

не только территориальное понятие, но в какой-то степени и понятие родной страны, родины, но тут оно повторяется с большой настойчивостью в довольно ясно выраженном контексте, в значении, пришедшем на смену понятию „Русская земля“¹ и включавшем в себя понятие „народ“, как национально-государственное объединение.

Все содержание Послания можно свести к следующему:

Великий князь всея Руси, политический и духовный владыка всего русского народа, поставленный богом во главе народа избранного им (богом), народа — Нового Израиля, должен выполнить волю своего народа, направленную к полному освобождению от иноземного и иноверного порабощения. В решительный час нельзя вести унижительные и гибельные переговоры. Нужно не отступать, к чему склоняют „прежнии развратници“ — приближенные великого князя, — это было бы бесчестьем и предательством, это было бы гибелью для православия, для русского народа, для всей Руси — а немедленно идти на врага, на бой за свой народ, за отечество, как шли лучшие из его предков. Пришло время освобождения, и великий князь московский должен выполнить свою великую миссию вождя-освободителя, миссию нового библейского царя-судьи. Освобождение утвердит „твердое и честное и крепкое царство“.

Тот библеизм с некоторым налетом религиозного мистицизма, который не может не бросаться в глаза, конечно, больше элемент формальный. За ним ясно ощущается структура крепнущего государства во главе с московским великим князем, а потом царем, для которого действительно пришло время.

Центральная идея Послания — призыв к освободительной битве.²

Этот призыв подкреплялся в Послании предложенной Ивану III программой, которой придерживался и сам великий князь Иван Васильевич, программой, устремленной в будущее: не только отразить нашествие, но и укрепить положение государства так, чтобы нашествия

¹ Через несколько лет после появления Послания в приписке к повести о нашествии Ахмата, повести тесно связанной с Посланием, автор ее, знакомый с Посланием Вассиана, обратится к соотечественникам с призывом: „... Потщитесь сохранить свое отечество, Русьскую землю“. Тут „стереотипное название“, выражающее „идеи и чувства времени“ (В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. I, стр. 248), разъясняется исконным выражением — Русская земля.

² Смысл Послания на Угру очень хорошо был усвоен древне-русскими книжниками (а следовательно, и всеми, кто был с ним знаком). Это видно из тех летописных сводов, которые не помещали целиком Послания, а коротко упоминали о нем. Напр., в Чертковском списке Вологодско-Пермской летописи, где Послание Вассиана не помещено, мы читаем о нем: „И посла свою грамоту к великому князю Васьян архиепископ Ростовский а пишут в своих грамотах чтоб государь стоял крепко противу безбожного дая, а не слушал бы изменников, которые не хотят добра Руской земли и православному христианьству“. (Рукопись № 360, Собр. Черткова, Ист. муз., л. 431).

не повторялись, чтобы не только зависимость от татар, но и они сами, как постоянно угрожающая сила, перестали существовать.

Историческая целесообразность этой программы вполне выявилась уже во времена Ивана IV. В год же нашествия Ахмата она не была даже сколько-нибудь ясно выражена. И тем важнее, что в Послании Вассиана мы можем усмотреть ее следы. Для автора Послания вопрос об освобождении от татарского ига стоял уже в плоскости „покорения врагов под ножи“ великого князя московского. Он говорит о „покорении“ с большой настойчивостью, и это не традиционная фраза, вырванная из текстов священного писания, а определенное намерение, внушаемое адресату.

Экспозитивная часть Послания,¹ рисующая приезд великого князя в Москву, когда Иван III обещал митрополиту, великой княгине матери, князьям и боярам „крепко стояти за благочестивую нашу православную веру и боронити свое отечество от бесерменства“, обещал не слушать „духов лстивых“, предателей народа, — показывает, как воспринято было московским обществом „обещание“ князя и напутственное слово митрополита. Свидетели — все: и духовенство, и князья, и бояре, и народ. В их глазах это обещание было своего рода крестоцеловальной клятвой итти против врага и не слушать боярскую часть, нашептывающую Ивану предательство. Может ли Иван III нарушить эту клятву, не потеряв великокняжеского своего престижа? Это одно из психологических построений Вассиана, которое выступает, как очень убедительный аргумент. И этот довод усиливается, когда автор говорит о всенародной постоянной молитве о победе. Хорошо учитывая силу боярской клики с ее узко феодальными стремлениями, понимая, что некоторые из бояр будут склонять великого князя к осторожности, к решению избежать схватки с врагом,² и думая, что осмотрительный, осторожный Иван Васильевич может поддаться их „прелести“, автор, еще в Москве — это можно видеть из Послания — выступал против них, добившись со стороны Ивана III обещания „духов же лстивых, шепчущих в ухо... еже предати хрестьянство, не слушати“. „Духи лстивые“, под которыми можно было бы подразумевать бесов, склоняющих Ивана III на худое, направленное против православного христианства дело, оказываются приближенными боярами.³ Можно было бы, будучи современни-

¹ Она идет вслед за пышным обращением к Ивану III, чрезвычайно высоко ставящим адресата, и объяснением автора по поводу его резкого выступления против Ивана III, вызванного его обязанностью, как иерарха русской церкви и духовника великого князя.

² Ясно, что Вассиан знает их настроение по Москве, знает, к чему они будут склонять Ивана III, и уже не в первый раз сражается с ними, не случайно называя их „прежними развратницами“.

³ „Прииде же убо в слухи наша яко прежнии твои развратници не престають шепчуще в ухо твое лстивая словеса и совещають ти не противитися супостатам, но отступити и предати на расхищение волком словесное стадо Христовых овець...“.

ком этих событий, решить, что и устами бояр говорят бесы, „духи льстивые“. Так именно трактуют это некоторые летописи, сообщающие о том, как Иван III уклонялся от битвы с татарами, „слушаючи злых человек сребролюбеть богатых и брюхатых и предателей хрестьянских, а норовников бесерьменьских, иже глаголют побезати и не мози с ними стати на бой, сам бо диавол их усты глаголаше“.¹

В Никоновском лицевом своде миниатюрист так и изображает событие: едет отряд, предводительствуемый Иваном III, и в задних его рядах нарисован диавол.² Но Вассиан, в противоположность летописцу, в данном случае весь в земном, хотя и говорит „от божественного писания“: он борется с влиянием не дьявольским, а боярским, несколько раз возвращаясь в Послании к ненавистным ему „прежним развратником“. Он дает им уничтожающую характеристику (используя Послание апостола Павла к римлянам): советники Ивана выступают, как люди, извращающие правду народную,³ как люди, занятые личным, мелочным, пошлым — во вред общественному, общенародному.⁴ Образное евангельское выражение: „Аще око твое соблазняет ти, истгни е, или рука или нога, отсеши ю повелевает“ — автор разъясняет своему духовному сыну, как совершенно определенное указание на этих советников великого князя,⁵ которые толкают его на позор и несчастье. Смело нарисовал автор картину бесчестия для вождя русского народа, если он склонится на сторону бояр.

„И что убо съведают ти льстивии и лжеименитии, мнящесе быти хрестьяне? Токмо еже повергши щиты своя и нимало спротивлешесе оканным сим сыроядцем, предав хрестьянство, свое отечество, яко бегуном скитатися по иным странам. Помысли убо, о велемудрый государю! от каковыя славы и в каково в бесчестие сводят твое величество, толиким тмам народа погибшим и церквам божим разореным и оскверненым“.⁶

Сопоставление величества Ивана III (оно утверждается всем построением Послания и прежде всего пышной терминологией) с уничтожением в случае отступления, этот контраст „от каковыя славы в каково в бесчестие сводят твое величество“ — не мог не подействовать на Ивана III, который шел уже по пути возвеличения власти русского государя, ощущая это, как необходимое явление в деле укрепления Русского государства.

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 224.

² Шумиловский том, л. 342 об.

³ „Иже истинну в неправдех держащим“ — так в рукописи М. 735 и М. 1517 (Всесоюзн. Публ. библ. им. В. И. Ленина), в Софийской 2-й — „и неправду“. В Послании к римлянам апостола Павла (гл. I, стих 18) — „Открывается бо гнев божий с небес на всякое нечестие и неправду человеков, содержащих истину в неправде“.

⁴ „Осуетишися помышленни своими“ и „омрачися неразумное их сердце“.

⁵ „Не сию же разумевай видимую и чувственную свою руку или ногу, или око, но ближних твоих, иже советуют ти не на благое...“.

⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 226.

Вассиан не останавливается на этой стороне дела. Он указывает и на ответственность Ивана III перед „вечным судом“ за свою паству, за судьбы своего народа. Яркие цитаты из священного писания звучат тут устрашающе и убедительно (для современников автора).

„И кто каменосердечен не всплachtetся о сей погыбели?! Убойжеся и ты, о пастырю! Не от твоих ли рук тех кровь възыщет бог, по пророческому словеси? И где убо хощеси избежати или воцаритися, погубь врученное ти от бога стадо? Слыши что глаголет пророк: «Аще възиграешися яко орел и аще посреди звезд гнездо свое сътвориши, то и оттуду тя свергу, рече господь». Инде же¹ глаголет: «Камо пойду от духа твоего и от лица твоего камо бегу? Аще възыду на небо, ты тамо еси: в последних моря — рука божия наставляет и удержит десница его»“.²

После патетических цитат автор опять обращается к тем, кто отговаривает Ивана от решительной схватки с врагом отечества: „Не послушай убо, государю, таковых, хотящих твою честь в бесчестие и твою славу в бесславие преложити, и бегуну явитися, и предателю хрестыянскому именоватися“. Как будто, те доводы, которые могли привести великого князя к отступлению, автор Послания целиком относит за счет рассуждения „льстивиих“, убеждая князя оставаться верным тем замыслам, которые соответствуют интересам народа и которые Иван вынашивал, очевидно, давно в своем сердце, открытом разве только для своего духовника, каким был Вассиан в прошлом.

Быть твердым, вот что требуется в данный момент. Это положение автор подкрепляет и цитатой из священного писания, и ссылкой на „Димокрита философа“.³ Тут Вассиан выходит за рамки священного писания и русской истории. Этот факт важно отметить не только как показывающий ученость ростовского архиепископа. Вассиан знает устремления Ивана III и потому вспомнил Демокрита.

Несомненно, эта цитата ведет нас к „Пчеле“. Анализируя „Пчелу“ и Послание Вассиана, мы можем лишний раз убедиться, как осмысленно отбирал автор свои цитаты, вставляя их в Послание. Так, в „Древней русской пчеле“, изданной по списку XIV—XV в.,⁴ т. е., значит, по одному из тех, которые мог читать и Вассиан, в главе „Слово 9-е,

¹ В Софийской 2-й — „И ин же глаголет“.

² В Софийской 2-й — „его“ — нет. Так в рукописях. М. 735 и М. 1517 (Всесоюзн. Публ. библ. им. В. И. Ленина). Псалом 138-й, стих 7—10-й: „Камо пойду от духа твоего; и от лица твоего камо бегу; аще възыду на небо, ты тамо еси; аще сниду во ад — тамо еси; аще возьму криле мои рано и вселюся в последних моря, и тамо бо рука твоя наставит мя и удержит мя десница твоя“.

³ „И слыши что глаголет Димокрит философ: первый князю подобает имети ум ко всем премежным, а на супостаты крепость и мужество и храбрость, а к своей дружине любовь и привет сладок“.

⁴ Виктор Семенов, Древняя русская пчела. СПб., 1893.

о власти и о княжении¹ мы найдем изречения не только Демокрита, но и других философов и отцов церкви, а также изречения из Евангелия и Апостолов. Легко убедиться, что ни изречение из Евангелия, говорящее о смирении, ни из Апостолов, трактующее о покорении цезарям, ни из Иоанна Дамаскина — о кротости и совестливости, ни из Плутарха, замечаящее, что „мужем ненаказанным“ (неопытным) нельзя давать власти и силы, ни другие — все очень образные и в качестве украшения выгодные — не были использованы Вассианом, как не отвечающие тем идеям, которые он проводит со всей страстью в Послании. Да и из изречений Демокрита он взял одно только, нужное ему, и цитирует его, возможно, на память.

Свою начитанность Вассиан Рыло использует и дальше, когда на историческом материале, взятом из летописных сводов, на примере прародителей Ивана III, показывает, как великий князь должен действовать. „Поревнуй прежебывшим прародителем твоим, великим князем: неточию Рускую землю обороняю от поганых, но иные страны приимаю под соби, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимира, иже на греческих царех дань имали, потом же и Владимира Монамаха, како и коли бился со оканными половци за Русьскую землю, и иные мнози, их же паче нас ты веси“.² Вряд ли московский великий князь, который ощущал себя, в некотором роде, преемником великих князей киевских, мог оставаться равнодушным к подобным примерам. Следует отметить, что если „Сказание о князех Владимирских“ ставит эту проблему с целью ее утверждения, то тут мы имеем новое доказательство жизненности и значительности этой идеи для того времени, и вассианово Послание — свидетель тому. С другой стороны, нужно отметить, что Вассиан использует и эту идею в своих публицистических целях.

Еще более определенный и убедительный аргумент выдвигает Вассиан, когда напоминает Ивану III события 1380 г. Идеальный образ Дмитрия Донского, образ, взятый из сказаний о Донском, рисуется автором в сходных ситуациях.

„И достойный хвалам великий князь Дмитрий, твой прародитель, каково мужество и храбрость показав за Доном над теми же сыроядци оканными, еже самому ему напреди битися, не пощаде живота своего избавления ради хрестьянского...“ Дмитрий — „не усумнеся и не убоися татарьского множества, не обратися вспять, не рече в сердци своем: жену имею и дети и богатество многое, аще и землю мою возмут, то инде вселюся...“, но смело выехал на подвиг

¹ Виктор Семенов, ук. соч., стр. 96.

² Акад. А. А. Шахматов отмечает эту фразу, считая, что она „переносит нас к предисловию Софийского временника: „Како быша древнии князи и мужи их и како обороняю Русьския земля, а иные страны приимаю под ся“ (ПСРА, V, 87; XV, 27 и др.). — („Ермодинск. летоп. и Ростовск. владыч. свод“, Изв. ОРЯС, 1904, т. IX, кн. I, стр. 422).

лицом к лицу с Мамаем и этим вселял уверенность в сердца своих воинов. Кроме прямого укора Ивану за его нерешительность и стремление избежать сражения, что, конечно, могло только отрицательно действовать на дух войска, тут и другой, косвенный, и очень, однако, острый упрек, связанный с отъездом Софьи Палеолог на Белоозеро. Из предосторожности Иван III отправил жену на Белоозеро вместе с великокняжеской казной („богатество многое“), и москвичи, конечно, отнеслись к этому резко отрицательно.¹ Вывод, который они делали, что в случае неудачного исхода столкновения с татарами или просто отступления русских войск Иван III может вместе с женой и казной „инде вселиться“, т. е. попросту уехать в иные страны, с которыми был связан через жену (так могли решать русские, неприязненно относившиеся к великой княгине-иноземке) — был вполне закономерен. Он и отразился в этом месте Послания.

Пример с Дмитрием Донским Вассиан использует и в другом плане. Во-первых, он показывает, как решительные действия Донского были поддержаны божественной силой,² во-вторых, он старается воздействовать на Ивана III, как на христианина, доказывая, что даже в случае неудачи для него и войска, убитым принадлежит венец мученический, раненым — прощение грехов.

Не ограничиваясь примером Донского, автор, верный своему принципу разъяснить все до конца, чтобы не было мест двояко толкуемых, и тут говорит, что божья помощь не замедлит и в отношении Ивана III, как и награда неба за подвиг, стоит только отбросить нерешительность. Автор Послания, как видим, старается предусмотреть все, за что может уцепиться осторожность Ивана III, и предотвратить эту возможность. Особенно яркий пример этого — разрешение от клятвы, данной „по нужди“, не выступать против царя. Для еще большей убедительности автор указывает, впрочем, и на то, что Ахмат не имеет права на титул царя. Интересно отметить, что в своем Послании Вассиан несколько раз присваивает Ивану III царское достоинство,³ противопоставляя „хрестьянского“, „богом утвержденного“ царя татарскому хану. И, несомненно, он идет дальше осмысления термина, как

¹ Летописи отмечают отъезд Софьи в весьма (для нее и ее свиты) отрицательных тонах: „Тое же зимы прииде великая княгиня Софья из бегов, бе бо бегала от татар на Белоозеро, а не гонял никто же; и по которым странам ходили, тем пуще татарь от боярьских холопов от кровопийцев хрестьянских — воздай же им, господи, по делом их и по лукавству начинания их, по делом руку их даждь им: быша бо жены их тамо, возлюбихи бо паче жены, неже православноу хрестьянскую веру... ослени бо их злоба их...“ (ПСРЛ, т. VI).

² „... всемилостивый бог дерзости его ради не покосне, не умедля... но вскоре посла свою помощь...“.

³ „Во царех пресветлейшему“, „приехавшу в царствующий ти град Москву“, „бог да сохрани царство твое“, „боголюбивый и вседержавный царю“, „где убо хоцещи избежати или воцаритися“, „крепкий и храбрый царю“, „боголюбивый царю“ и т. д.

имени главы православия. За настойчивым употреблением этого термина видно стремление автора указать Ивану III, что „царь“ — это никому не подчиненный владыка, самодержец (в первоначальном значении этого слова).¹

Иван III, — этот „богом венчанный и богом утверженный“ царь и владыка, — должен стоять во главе русского национально-освободительного движения до конца и завершить военным ударом то, что он проводил неуклонно во всей своей политической деятельности.²

Все аргументы, которые выдвигает Вассиан в своем Послании, вкратце могут быть сформулированы так:

1) Поведение Ивана III при приезде в Москву и его „обещания“ были восприняты всем московским обществом от митрополита до простого народа, как своего рода крестоцеловальная клятва, нарушение которой было бы для великого князя бесчестьем.

2) Советы боярской клики, склоняющие Ивана к отказу от сопротивления татарам, ведут к гибели отечества и бесславию самого князя.

3) Великий князь несет ответственность не только перед народом, но и перед богом, которым он поставлен во главе паствы. Бог взывает с него за погибель паствы. От него не скроешься.

4) Решительных действий князя против врага отечества требует не только религиозно-настроенная мысль, но и мудрость светская, которую представляет философ Демокрит и которая определяет отношение к действиям Ивана III со стороны внешней (иноземной).

5) Пример „прежебывших прародителей“ говорит о величии и славе Русской земли и о борьбе князей за независимость своего отечества. Им нужно подражать, с ними сравняться.

6) Борьбе с татарами отдал свои силы Дмитрий Донской, борьбе с теми же татарами, что угрожают и ныне. Его решительность принесла не только победу, но и славу в потомстве, ореол заслуженной святости, который стоит и перед Иваном III.

Все эти аргументы усиливаются тем, что пронизаны идеями своего времени, идеями, о которых мы говорили выше, и главные из кото-

¹ Вокруг этого термина у филологов и историков возникла в свое время полемика. М. Дьяконов („Власть московских государей...“ СПб., 1889) считал, что титул царя, прилагавшийся автором „Слова избрана еже на латыню“ к вел. князю Вас. Васильевичу, означал единственного после падения Константинополя православного государя. А. И. Соболевский (Археол. зам., гл. „Царь“, Чт. в Ист. общ. Нестора Летоп., кн. 6, Киев, 1892. Отд. 2-е), проследивая историю внедрения этого слова в русскую действительность, пришел к выводу, что употребление титула „царь“ находится в связи не с отвержением Флорентийской унии и не с падением Византии, а с усилением у нас южнославянского влияния, через посредство Афона, что оно стало употребляться как синоним слова „великий князь“, рядом с ним. Послание Вассиана, как кажется, заставляет прийти к выводу, что более прав был М. Дьяконов.

² И что Вассиан, его бывший духовник и сподвижник, знал очень хорошо, как знал и осторожность Ивана III.

рых — идея богоизбранности русского народа, идея богоустановленности власти великого князя, идея преемственности власти московского князя от великих князей киевских и другие. Все это идеологическое снаряжение подчинено главному стремлению к национальному освобождению и укреплению русского централизованного государства.

* * *

Разобранное построение Послания — одна сторона, важная для историка. Нам необходимо рассмотреть и другую, чтобы с полным правом отнести этот памятник древне-русской письменности в разряд литературы, памятник, важный для изучения не только как исторический документ, но и как документ выразительный, т. е. обладающий теми или иными художественными достоинствами.

Прежде всего, нужно отметить, что образы и лиризм Послания для его современников был несравненно значительнее, чем для нас. Почти за каждой фразой стояло нечто, помогавшее автору воздействовать нужным образом на адресата. Примером, подтверждающим это, может служить фраза Послания — „Внимай убо себе и всему стаду в нем же ты дух святой постави...“. Она наполнялась для современников не только совершенно определенным смыслом, но и глубоким чувством, которое создавалось Словом Василия Великого (на понедельник сырной недели) — „О еже внимай себе“. Тема этого слова, воплощаемая в формулу „Внимай убо себе“, проходит через все произведение и звучит все время, повторяясь не менее двадцати раз. И для Ивана III она звучала сильнее всего в словах: „Внимай себе, да не совратишия с пути, да не уклонишия надесно или налево, но путем царским шествуй...“, так ясно выражающих и тенденцию Васиана.¹

За каждым из упоминаемых Васианом библейских эпизодов стояла образная библейская легенда, известная великому князю (кому, как не Васиану Рыло, бывшему духовнику Ивана III и архимандриту придворного монастыря, было знать об осведомленности Ивана Васильевича в этих вопросах), и, несомненно, если не все, то некоторые из них всплывали (или должны были всплывать) перед мысленным взором великого князя московского и древне-русского читателя вообще.

За каждым библейским именем, упоминаемым в Послании, таился поучительный для великого князя московского эпизод, смысл которого был ему, да и всякому древне-русскому книгочею, понятен. Иван III должен был „поревновать“ библейским примерам, на которых ростовский архиепископ показывает великому князю, что в борьбе за освобождение богоизбранного народа все средства богоугодны, все средства освящены. Несомненно, автор поступал в этом случае вполне

¹ См. рукопись XV в. из Собр. архимандр. Амфилохия, хранящуюся в Отд. рукописей Всесоюз. Публ. библ. им. В. И. Ленина под шифр. М. 653, а также рукопись исхода XIV в. из Собр. Троице-Серг. мон., № 129, хранящуюся там же.

сознательно, действуя на Ивана III и убеждая его быть решительным. Каждый пример — намек.

Целесообразность (с точки зрения воздействия на Ивана III) каждого положения, выдвигаемого автором, усиливается логически последовательным сцеплением их, так что в композиционном отношении оно выглядит весьма стройно. Действительно, известная композиционная стройность Послания поддерживается все пронизывающей идейной целеустремленностью. Однако первая треть основной его части является более напряженной, чем последующие. К недостаткам последующих частей также следует отнести и чрезмерное пользование цитатами.

Язык Послания мог бы служить темой для отдельной работы, так как он характеризует собою, в сущности говоря, мало исследованный этап истории русской публицистики второй половины XV в., от которого тянутся нити, с одной стороны, в направлении повестей о Флорентийском соборе, посланий митрополита Ионы и других, с другой, — в направлении более изученной с этой стороны публицистики XVI в. В план данной работы не входит такая большая задача, поэтому мы ограничимся только некоторыми замечаниями на этот счет.

Прежде всего следует отметить в Послании наличие сплетения струи повествовательной со струей патетической, высоко торжественной, обрывающейся часто неожиданно мягким лирическим возгласом, оттеняющим (и оживляющим) логический ход мысли. Это характеризует Послание, как произведение ораторского стиля. „Ныне же слышахом, — повествует автор, — яко бесерменину Ахмату уже приближающуюся и хрестьянство погубляющую, наипаче же на тебя хвалящуюся и на твое отечество, тебе же пред ним смиряющуюся и о мире молящуюся и к нему пославшу, ему же окаянному одинако гневом дышущу и твоего моления не послушающую, но хотя до конца разорити хрестьянство“. Тут повествование переходит в иной строй: „Ты же не унывай, но възверзи на господа печаль твою и той тя препитает; господь бо гордым противится, смиренным же дает благодать!“. Дальше опять повествование: „Прииде же убо в слухи наша, яко прежнии твои развратници не престають...“ и т. д., за которым следует патетический абзац:

„Внимай убо себе и всему стаду, в нем же ты дух святыи постави, о боголюбивый и вседержавный царю!...“.

Еще более, пожалуй, рельефны в Послании переходы от высокой патетики или негодующей реплики к лирическому возгласу:

„И что убо съвещают ти лстивии сии и лжеименитии, мянущесе быти хрестьяне? Токмо еже повергше щиты своя и нимало спротивлешесе оканным сим сыроядцем, предав хрестьянство, свое отечество, яко бегуном скитатися по иным странам?!“.

За этим негодующим вопросом следует лирическое горькое обращение:

„Помысли убо, о велемудрый государю! От каковыя славы и в какво в бесчестие сводят твое величество, толиким тмам народа погибшим и церквам Божиим разоренным и оскверненным. И кто каменосердечен не всплачется о сей погибели?!“.

Эта смена высокого стиля глубоко лирическими возгласами еще ярче выступает дальше. „И где убо хоцещи избежати или воцаритися погубив врученное ти от бога стадо?! Слыши, что глаголет пророк: аще възиграешися яко орел и аще посреди звезд гнездо свое сътвориши, то и оттуду ты свергу, рече господь, инде же глаголет: Камо пойду от духа твоего...“, и т. д.

И вдруг проникновенная лирика:

„И где паки отходиши, пастырю добрый?!
Кому оставяеши нас,
яко овца не имуща пастыря?!“.

Лиризм Послания увеличивается от частых обращений к адресату. Это смягчает риторическую сторону произведения, делая его более конкретным, горячим, трепетным.

Весьма существенной стороной стиля Послания является ритм, подчеркивающий пафос произведения. Начало произведения настраивает уже читателя соответствующим образом не только своей терминологией, но и ритмической организованностью.

„Благовёрному и христороубивому,
Благородному и богом венчанному
.....“

Цитаты из священного писания и места, привычно молитвенные, организованные ритмически до Послания, поддерживают ритм последнего.

„Пастырь добрый
душу свою полагает за овцы;
а наемник, иже несть пастырь,
ему же не суть овца своя,
видит волка грядуща...“

Однородность членов предложения, часто употребляемая автором, тоже создает известный ритм.

„Ахмату уже приближающу
И хрестьянство погубляющу,
наипаче же на тебя хвалящуся...
Тебе же пред ним смиряющуся
и о мире молящуся
и к нему пославшу.
Ему же... гневом дышющу
и твоего моления не послушающу...“.

Пожалуй, самой большой ритмо-определяющей силой в Послании выступает начало анафорическое. Лексические анафоры встре-

чаются в Послании в значительном количестве, переходя иногда в звуковые и синтаксические знафоры.

- 1) „И ко святым чудотворцам...
И к своему отцу митрополиту,
И к своей матери...“
- 2) „Не усомнеся и не убояся...
Не обратися всячь,
не рече в сердце своем“.

Контрастирующий параллелизм некоторых фраз Послания тоже является моментом ритмической организации его, тем более, что он сливается с анафорой.

- 1) „Наше убо... еже воспоминати вам,
ваше же — еже послушати...“
- 2) „От каковыя славы
и в каково в бесчестие...“.
- 3) „Хотящих твою честь в бесчестие свести,
и твою славу в бесславие преложити...“.

В местах наибольшего лиризма и пафоса ритмическая сторона, пожалуй, наиболее ощутима, и значение ритма здесь может быть оценено полностью.

- 1) „Да рассыпаются поганяя, хотящая брани,
от божи молонии омрачаеми;
яко пси гладнии языки своими лижут землю
и ангел господень буди погоняя их...“.
- 2) „И где пакы отходиши,
пастырю добрый?!
Кому оставляеши нас,
яко овца не имуща пастыря?!“.¹

Язык Послания наполнен славянизмами, больше того, оно все построено, в основном, на церковно-славянской лексике и, особенно, синтаксисе и, вероятно, не только потому, что в нем фигурируют цитаты из священного писания, вставленные, видимо, автором на память,² и молитвенная речь, но и потому, что Вассиан стремился к единству стиля.

Лексические руссизмы весьма немногочисленны — „челом бью“, „величество твое“, „единачо гневом дышащу“ и др., — и тем не менее гражданские идеи автора выступают в произведении очень ясно.

Повествовательная струя Послания утверждает простоту и ясность изложения настолько, что она не теряется и в патетических местах, благодаря которым произведение поднимается только на определенную

¹ Ритмика Послания уходит своими корнями в ритмику текстов священного писания, церковных песнопений и произведений отцов церкви.

² Расхождение некоторых цитат с текстом священного писания подтверждает земную целеустремленность автора, не цепляющегося за букву.

ступень торжественности. Значительность замысла в сочетании с такой формой делается еще ощутимее.

Патриотическое содержание Послания и искусное построение этого произведения сделали его чрезвычайно популярным. Оно прочно вошло в летописные своды и стало на длительное время образцом жанра посланий. В послании Сильвестра царю Ивану Васильевичу IV, датированном Н. Коншиным 1547 г.,¹ можно уже наблюдать влияние вассианова послания. Автор включает в свое произведение и библейские примеры поражения неверных, и пример с победой над Ахматом, и цитаты из священного писания, во многих случаях те же, что и в Послании Вассиана Рыло.

Влияние Послания на Угру Вассиана Рыло можно проследить также в грамотах архиепископа новгородского Феодосия к царю Ивану IV. Заголовок грамоты „Об искоренении убивств и граблений, чинимых в Новгороде“ почти вассиановский.² А грамота „благословительная в поход на Казань“ имеет схожие с вассиановскими цитаты из священного писания.³ Сходство с посланием Вассиана можно наблюдать даже в „Благословительной на бракосочетание“ грамоте Феодосия.⁴ Третьим примером, подтверждающим влияние Послания Вассиана на последующую письменность, могут служить два послания митрополита Макария. Знаменитый сподвижник Грозного шлет 25 мая 1552 г. в Свияжск к войску увещательное послание, направленное против содомского греха, будто бы распространенного там.⁵ Тут мы можем заметить не только сходный прием указания на события библейские, не только сходное построение фраз, но и почти буквальное совпадение текста. Второе послание Макария,⁶ направленное Ивану IV в г. Муром, где Грозный был проездом под Казань, в первой части почти буквально совпадает с „Соборным“ Посланием на Угру, а дальше использует, по примеру Вассиана, библейские эпизоды и ссылки на „прародителей“ великого князя, начиная с Владимира, а иногда и прямо следует за текстом Вассиана. В посланиях Макария можно усмотреть и композиционное сходство с вассиановым посла-

¹ Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1874, т. I. — Е. Голубинский считает, что автором этого послания был не Сильвестр. Ист. русск. церкви, т. II, ч. I, стр. 770, примеч.

² Древняя российская Вивлиофика, т. XIV, М., 1790, стр. 238.

³ Там же, стр. 260. — Кстати, интересно отметить, что архиепископ Феодосий опирался в своей литературной деятельности и на другие источники. В этой грамоте читаем: „Боголюбивый и богом хранимый великий государь всея Руси о Христе во оружи свое сердце, наполнился о бозе духа ратнаго, стане крепко противу врага божия за св. церкви и за православное христианство. . .“ (там же, стр. 262). Этот текст интересен как свидетельство бытования „Слова о полку Игореве“ или Задонщины в XVI в.

⁴ Там же.

⁵ Акты исторические, т. 1, № 159.

⁶ Там же.

нием, особенно заметное там, где митрополит приводит примеры падения библейских праведников от гордости и пьянства.

В 1563 г. (24 января) новгородский архиепископ Пимен направил Ивану IV послание „О укреплении на брань с литовцами“.¹ Послание это еще более (чем предыдущие примеры) связано с Посланием Васиана. Отметим тут некоторые явные заимствования.

„Благоверному и христолюбивому, благородному и богом венчанному и богом утверженному, и во благочестии всея вселенныя в конци воссиявшему, наипаче же во царех пресветлейшему, преславному государю... богомолец твой, господине, архиепископ Васиян Ростовский благословляю и челом бью“.

2) „Молю же убо величество твое, о боголюбивый государю! да не прогневаеши на мое смирение, еже первие дерзнувшу ми усты ко устом глаголати твоему величеству твоего ради спасения: наше убо, государю великий, еже вспоминати вам, ваше же еже послушати; ныне же дерзнух написати к твоему благородству, нечто же мало хошу воспоминати от божественного писания, елико бог вразумит мя на крепость и утвержение твоей державе“.

3) „И слыши, что глаголет Димокрит философ: первый князю подобает имети ум ко всем премежным, а на супостаты крепость и мужество и храбрость, а к своей дружине любовь и привет сладок. Вспоминай же реченая неложными усты господа и бога нашего Иисуса Христа: аще и весь мир приобретет, а душу свою отщедит, и что даст измену на души своей? и паки: блажен человек, иже положит душу свою за други своя“.

4) „И поревнуй прежебывшим прародителем твоим великим князем: не точию Рускую землю обороняху от поганых, но и инья страны приимаху под себе, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимира, иже на Греческих царех дань имали...“.

„славою и честию венчанному, и богом утверженному в благодати всея вселенныя в концех воссиявшему, наипаче же в царех пресветлейшему, имя имущу благодать, благородному и христолюбивому царю и Государю... твой Государев богомолец смиренный Пимин, бога молю и челом бью“ (стр. 549).

2) „Молю убо величество твое, всех Царю, о боголюбивый Государю, еже и ныне дерзнух написати к твоему благородству: нечто мало хошу воспоминати от божественного писания, и елико бог вразумит на крепость и утвержение твоей державе, и о нынешнем твоем царском подвиге...“ (стр. 549).

3) „Глаголет убо Демокрит философ первый: „князю подобает имети ум ко всем временным, а на супостаты крепость и мужество и храбрость, а к своим бояром и воеводам, и ко всему христолюбивому своему воинству милость и любовный привет. Вспоминай же и реченная господем во святом Евангелии: „заповедь новую даю вам да любите друг друга, яко аз возлюбих вас, да разумеют вси, яко мои ученицы есте“ (стр. 550).

4) „Тако же бы ныне и тебе, государю нашему, бог подаровал... якоже и прежебывшим во времена своя прародителем твоим, Великим Князем, иже не точию обороняху Рускую землю, но и инья страны приимаху под себя, их же глаголю, Игоря, Святослава и Владимира, иже и на Греческих царех дани имажу...“ (стр. 550).

¹ Там же, № 302. — Послание это взято из Рукоп. сб. XVI в. Начало его отмечено там словами: „Лета 7071 генваря такову грамоту архипастырь Пимин послал к царю и великому князю как царь князь великий пошел на Литовскую землю к Полоцку“.

Можно было бы продолжить сравнения и еще,¹ но картина оставалась бы та же самая.²

Наконец, в 1598 г. (2 июня), более чем через 100 лет после Послания вассианова, патриарх Иов, в ответ на известительную грамоту царя Бориса Годунова о походе против крымских татар, шлет ему свое послание. Оно тоже повторяет Послание Вассиана и в некоторых местах буквально.³

Из приведенных примеров можно видеть, насколько популярно и действительно было произведение ростовского архиепископа. Оно служило образцом на целое столетие и больше, причем характерно, что последующие поколения иерархов использовали его главным образом как образец для посланий к полководцам, на поле брани.⁴

Однако значение Послания Вассиана Рыло в области литературных влияний не ограничивается последующими посланиями иерархов к князьям. Оно стоит в начале целого ряда повестей о нашествии Ахмата в 1480 г.,⁵ на которые влияло, благодаря своему патриотическому содержанию и высокой (для публицистики того времени) форме, определяя, до известной степени, их патриотическое содержание, их антибоярскую позицию и даже выпады (в некоторых редакциях) против Ивана III и Софьи Палеолог.

¹ Напр., начиная со слов: „Мы же смиренныи...“; „Ты же убо, о боговенчаный царю, не яко наемник...“; „Тебе же, государю нашему боговенчанному царю, да послет господь бог способники...“.

² Сравнительный анализ текстов такого рода мог бы дать замечательный материал для историков. Так, Пимен, выбрасывая из Послания Вассиана слова, говорящие о столкновении архиепископа ростовского с Иваном III, как не относящиеся к его времени, выбрасывает и следующие слова: „Наше убо, государю великий, еже воспоминати вам, ваше же еже послушати“. Почему? Не потому ли, что во времена Ивана IV взаимоотношения великого князя и царя с иерархами русской церкви стали иными и он выступает как глава церкви, которому они не могут советовать? Во-вторых, Пимен в изречении Демокрита изменяет слово „дружина“ на „бояр и воевод и все христолюбивое воинство“. Эти „бояре и воеводы“ намекают на многое и определяют позицию Пимена именно как боярскую. В-третьих, изменение одной цитаты священного писания на другую (в этом же по порядку сравнении) очень подчеркивает позиции того и другого архиепископа: вассианову как позицию патриота, пименову как позицию боярскую, сводящуюся к желанию улучшить отношения Ивана IV к этому кругу.

³ ААЭ, т. II, № 2.

⁴ Обзор привлекаемых нами посланий заставляет прийти к выводу, что жанр посланий делится на ряды, значительно отличающиеся один от другого в зависимости от их цели. Так, послания к пастве резко отличаются от посланий к полководцам, войску (см., напр., послания Макария). Почти все послания, приводимые нами при сравнении с вассиановым Посланием, направляются к войскам и их предводителям. Другие ряды такой связи не имеют.

⁵ Повестей, помещенных в Летописных сводах, Казанском летописце, Степенных книгах (Степенная книга царского родословия и Латухинская степенная книга) и различных сборниках.

Особенно значительно влияние Послания на „неофициальную“ повесть о нашествии Ахмата, помещенную в Летописи Софийской 2-й (и Львовской), и особую редакцию повести, помещенную в Вологодско-Пермской летописи. Сравнительный анализ Послания и „неофициальной“ повести (в Софийской 2-й) заставляет прийти к выводу, что Послание Вассиана было одним из основных литературных материалов, на которые опирался автор повести, что оно непосредственно влияло на содержание и направление ее. Тенденция автора к осуждению Ивана III заставила его только сгустить краски Послания и противопоставить Вассиана великому князю. Осмысляя Послание, автор повести показывает Вассиана выразителем мнения народного, противником бояр, советующих великому князю „бежати прочь, а хрестьянство выдати“. Связь Послания и повести можно видеть и в ряде деталей.¹

Послание Вассиана влияло, как уже было отмечено, и на создание повести о нашествии Ахмата, помещенной в Вологодско-Пермской летописи,² и влияло не только через другие редакции, но и непосредственно. В этом убеждает сравнительный текстологический анализ обоих произведений.

* * *

Вслед за повестью о нашествии Ахмата в некоторых летописных сводах помещены три самостоятельные, вероятно, позднейшие приписки: 1) резкий выпад против Софьи и ее свиты, с которой она „бегала“ на Белоозеро; 2) замечание летописца, что не „своим оружием“ избавили мы Русскую землю, а помощью божией и пречистыя богородицы; 3) патриотический призыв летописца к борьбе за независимость.

Первая и третья приписки, по нашему мнению, появились в результате осмысления Послания Вассиана. Они связаны с ним не только в плане идейном, но и в плане тематическом и даже текстологическом.

Эти приписки являются как бы концовкой, подчеркивающей патриотическое содержание и весь смысл Послания.

Первая — в отношении предателей бояр и ненавистной „гречки“ — Софьи Палеолог, последняя — в отношении темы о судьбе правителей и людей, предавших свое отечество и „скитающихся по чужим странам“,

¹ Не следует, конечно, думать, что эти два произведения совпадут до конца в идейном плане. Оба они нападают на Софью Палеолог и бояр, оба осуждают поведение Ивана III, но, тем не менее, Послание утверждает позицию великого князя, повесть же развенчивает его, показывает его неспособным ни к какому руководству, отрицает его как исторически значимую личность.

² Вологодско-Пермский свод еще не издавался. М. Н. Тихомиров, посвятивший ему специальную статью (Проблемы источниковедения, т. III, М. — Л., 1940), указывает на 4 списка этого свода: Синодальный, № 481 — втор. пол. XVI в. (Ист. муз.); Кирилловский — втор. пол. XVI в. (Инст. ист. АН СССР); Академический, 16.8.15 — втор. пол. XVI в. (Библ. АН СССР); Чертковский № 360 (Ист. музей).

„яко бездомком“, и особенно в отношении призыва к защите отечества.

„О храбрии, мужествени сынове Русьстии! Потщитесь сохранить свое отечество, Русьскую землю от поганых! Не пощадите своих голов, да не узрят очи ваши пленения и грабления святым церквем и домом вашим, якоже пострадаша инии... земли..., иже не сташа мужествени и погибоша и отечество свое изгубиша...!“.

Эти вдохновенные и вдохновляющие слова, навеянные Посланием Вассиана, звучали лозунгом, призывающим к борьбе с внешними и внутренними врагами отечества.

Таким образом Послание на Угру Вассиана Рыло, сыгравшее большую общественно-историческую роль своим воздействием на высокого адресата и на древне-русского читателя вообще, не только явилось важным фактом общественного значения, но стало и существенным литературным фактором.

Н. Н. МАСЛЕННИКОВА

Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства

Вопрос о присоединении Пскова к Москве, о вхождении Пскова в Русское централизованное государство является центральным моментом истории Пскова и вместе с тем частным вопросом проблемы образования Русского централизованного государства.

История Пскова понималась буржуазными историками с точки зрения самых разнообразных теорий и схем, но всегда предвзято и ограничено; они не видели в Пскове ни классов, ни социальных конфликтов, воспринимали Псков, псковскую политику, псковскую идеологию как единое монолитное целое. Существовало представление о какой-то единой точке зрения, о единых псковских настроениях, тенденциях. Поэтому и источники по истории Пскова рассматривались ими не как произведения представителей того или иного класса, той или иной социальной группы, поставленные на службу классовым интересам, а как произведения, отражающие единую общепсковскую точку зрения: источники по истории Пскова не оценивались ими со стороны отражения в них идеологической борьбы. Псковские летописи воспринимались как объективные и аполитичные отражения исторических фактов, как произведения, составленные „не мудрствуя лукаво“ в отрыве от политической жизни. Поэтому-то присоединение Пскова к Москве трактовалось как насильственное, совершенное Москвой, встретившее единодушное отрицательное отношение всего населения Пскова.

Взгляд на присоединение Пскова к Москве, как на совершенное усилиями Москвы вопреки интересам всего псковского населения, нашел свое отражение в одной из последних работ по истории Пскова. Автором отмечается партийная и классовая борьба в Пскове, но взаимоотношения между Москвой и Псковом понимаются как выражение „двух тенденций — отживающей, тянущей назад ко временам феодальной обособленности, и новой, успешно утверждающейся и ведущей к объединению местных областей вокруг всероссийского центра — Москвы“.¹

¹ В. И. Герасимова. Присоединение Пскова к Московскому централизованному государству. Уч. зап. Лен. Гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 78, 1948.

Учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина дало в руки советских историков метод научного анализа, благодаря которому разработка каждой частной исторической проблемы может встать на подлинно научную почву. Советскими историками решены основные вопросы проблемы образования Русского централизованного государства. Это позволяет по-новому подойти к изучению истории Пскова.

Статьи А. Н. Насонова, посвященные псковскому летописанию,¹ являются самыми ценными для изучения всей истории Пскова. Считая своей основной задачей воссоздание истории летописания, выяснение недошедших до нас сводов, А. Н. Насонов подошел к изучению источников как историк. А. Н. Насоновым в его работах намечены пути исследования идеологической борьбы в Пскове, а выделение Строевского списка Псковской летописи в особую Псковскую III летопись, определение Псковского свода 1567 г. как свода Корнилия открывает новый источник для изучения социально-политической и идеологической борьбы в Пскове в XVI в.

Необходимость образования Русского централизованного государства сознавалась не только в Москве, а также и на самой окраине Русской земли на границе с Литвой и Ливонским орденом — в Псковской земле.

В конце XV—XVI вв. происходило в Русском государстве дальнейшее развитие торговых связей между областями, развивались ремесла, местные рынки теряли свою ограниченность. Изменения экономические с неизбежностью породили обострение классовой борьбы. Старая форма принуждения становилась непригодной, интересы землевладения диктовали необходимость создания сильной централизованной власти.

Все эти процессы нашли яркое выражение в Пскове: развивались торговля и ремесло, росли связи с другими землями, в частности с Рязанью и Москвой. К концу XV в. псковские источники отмечают обострение классовой борьбы. В отдельных случаях эксплуатирующее меньшинство не могло обойтись без помощи великого князя московского.

Но не только этим определялась необходимость присоединения Пскова к Москве. Псков, меньше других русских городов задетый татарским нашествием, был главным стражем против немцев. Этим объясняется своеобразие политической организации Пскова. Однако Псков — пограничный город Русской земли — со своими неприступными стенами и хорошо организованным войском не мог один противостоять натиску ордена и литовских князей. Следя по летописи, мы отчетливо видим, как порой бесплодно ищет Псков себе союзников среди русских княжеств и как, наконец, находит себе его в Москве. Связи с Москвой,

¹ А. Н. Насонов. Вводные статьи к изданию „Псковских летописей“, вып. 1, М.—Л., 1941; он же. Из истории псковского летописания. Ист. зап., № 18, 1946.

несмотря на отсутствие общих границ, все более крепнут. С появлением этих общих границ, после присоединения Новгорода, связи эти становятся неразрывными, растут с каждым днем при каждом новом столкновении Пскова с его западными соседями и, наконец, окончательно закрепляются при Василии III. Таким образом, присоединение Пскова к Москве было логическим завершением ранее сложившихся отношений.

Псковское летописание тесно связано с экономической, политической, социальной, культурной жизнью Пскова. Как не было единого монолитного псковского населения, единых настроений, так не было и литературы, отражающей единую общепсковскую точку зрения. Псковская литература отразила классовую борьбу в Пскове. Нашло свое отражение в этой литературе и различное отношение групп псковского населения к образованию Русского централизованного государства.

1. Филофей — идеолог сторонников присоединения Пскова к Москве

В Пскове были две политические группировки, которые по-разному относились к Москве, к факту образования единого централизованного государства. Точку зрения сторонников присоединения Пскова к Москве, людей, которые понимали необходимость этого присоединения, видели в Москве центр Русского государства, выражал в своих произведениях писатель XVI в. старец Елеазарова монастыря Филофей.

До нас дошли девять Посланий старца Филофея, адресованных великим князьям Василию Ивановичу и Ивану Васильевичу, дьяку великого князя в Пскове М. Г. Мисюрю-Мунехину, псковичам. В своих посланиях Филофей затрагивает немало вопросов. Но больше всего Филофей известен как создатель теории Москвы — третьего Рима.

Теория Москвы — третьего Рима сформулирована старцем Филофеем в трех его посланиях: Послании к великому князю Василию Ивановичу, Послании к великому князю Ивану Васильевичу и Послании к дьяку Мисюрю-Мунехину против звездочетцев и латинян.¹

В основе теории Москвы — третьего Рима лежит идея провиденциализма. Эта идея оформилась еще в Ветхом Завете и получила окончательное развитие у христианских писателей. Все в мире совершается на основании промысла божьего. Промысел божий управляет судьбами людей, народов, царств. Для выполнения божественных предначертаний бог избрал последовательно четыре народа, четыре царства. Последнее царство — римское царство, оно сохраняет истинную христианскую веру, после него наступит конец света. Но Рим пал, а конец света не наступает. Византия является наследницей Рима,

¹ В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, стр. 49—57, 57—66 и 37—47.

Константинополь становится вторым Римом — центром вечного христианского царства. Так вечный Рим становится подвижным царствующим градом. Второй Рим соединился с первым Римом на Флорентийском соборе и был завоеван турками, но вечный Рим должен жить в каком-то другом государстве, которое сохраняет православную веру в чистоте. Старец Филофей впервые высказал мысль о том, что третьим Римом является Москва. Какой же смысл вкладывает Филофей в формулу Москва — третий Рим? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, разберем теорию Филофея по всем трем Посланиям.

В. Малинин много времени и труда уделил выяснению точного времени написания Посланий. Чтобы понять последовательность их написания, достаточно проследить постепенное развитие теории в трех Посланиях. Впервые мысль о Москве — третьем Риме высказана Филофеем в Послании к великому князю Василию Ивановичу. Четче сформулирована она в Послании к Мисюрю-Мунехину, наконец, наиболее подробное выражение нашла она в Послании к Ивану Васильевичу. В такой же последовательности развивается в Послании и мысль о причинах падения двух первых Римов.

В Послании к великому князю Василию Ивановичу Филофей называет великого князя „браздодержателем святых божьих престол святые вселенския соборная апостольская церкви“, церковь эта сияет теперь вместо римской и константинопольской, так как в первом Риме церкви пали „неверием аполинариевы ереси“, а второй Рим завоеван турками: „агаряне внуцы секирами и оскордами разсекоша двери“, только в Русской земле церковь сохранила в чистоте православную веру „третяго новаго Рима, державнаго твоего царствия святая соборная апостольская церкви, иже в концых вселенныа в православной христианстей вере во всей поднебесней паче солнце светится“; отсюда Филофей делает вывод: „вся царства православныя христианския веры снидошася в твое едино царство, един ты во всей поднебесной христианом царь“.¹

Заканчивается это послание, основное содержание которого, конечно, не исчерпывается изложением теории Москвы — третьего Рима, словами: „вся христианская царства снидошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третьей стоит, а четвертому не быти“.² К русскому царству, по мнению Филофея, переходят права Рима как главы православного мира. Русская земля — третий Рим в смысле сохранения чистоты веры, в смысле выполнения этого предназначения „божественного“ промысла.

Послание к дьяку великого князя М. Г. Мисюрю-Мунехину написано по просьбе Мисюря объяснить ему счет годам. Все это послание Филофея направлено против „звездочетцев и латин“, против их лето-

¹ Там же, стр. 50.

² Там же, стр. 55.

исчисления и их веры в счастливую и несчастливую звезду. При объяснении летоисчисления, а также изменений в судьбах народов и людей Филофей ссылается на промысел божий: „не от звезд сие приходит, но от все дающего бога“.¹ В этом послании Филофей подробно объясняет причину падения первого Рима — „предаша православную греческую веру в латынство“. Пусть Мисюрь не верит, когда латиняне говорят: „наше царство ромейское недвижимо пребывает“; они изменили православия „опресночного ради служения“. Филофей разоблачает римлян: „аще убо великого Рима стены и столпове и трикровныя полаты не пленены, но душа их от диявола пленены быша опреснок ради“.² В пример римлянам Филофей ставит Византию: „аще убо агарины внуди греческое царство приаша, но веры не повредиша, ниже насилствуют греком от веры отступати“. Этот пример был приведен Филофеем в пылу спора, так как о чистоте веры в греческом царстве он думал несколько иначе при написании следующего Послания. Кончает Филофей это свое Послание, как и предыдущее, предсказанием о судьбе Русской земли: „о нынешнем православном царствии пресветлейшаго и высокостолнейшаго государя нашего, иже во всей поднебесной единого христианом царя и брододержателя святых божиих престол святяа вселенския апостольския церкви, иже вместо римской и константинопольской, иже есть в богоспасаемом граде Москве, ... яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя по пророческим книгам хто есть росейское царство, два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти“.³

В этом послании теория Москвы — третьего Рима выступает в более полном выражении; это объясняется назначением Послания, поставившего своей задачей разоблачение догматов латинства. О падении Константинополя — второго Рима говорится еще очень мало.

В Послании Филофея к великому князю Ивану Васильевичу теория Москвы — третьего Рима предстает в полном развитии. Православную церковь Филофей рисует в образе апокалипсической жены, она бежит в пустыню от первого Рима, „понеже весь великий Рим падеся и болит неверием аполинариевы ереси неисцелно“; она бежит в Константинополь, „но ни тамо покоя обрет соединения их ради с латынею на осмом соборе, и оттоле константинопольския церкви раздрушися и положилися в поправление яко овощное хранилище“.⁴ Тогда православная церковь бежит в третий Рим, „иже есть в новую великую Русию, се есть пустыня, понеже святяа веры пусти беша и иже божественнии апостоли в них не проповедаша, но последи всех посветися на них благодать божия спасительнаа, его же познати истиннаго бога“, дальше Филофей говорит о чистоте веры в Русской земле: „едина ныне святяа

¹ Там же, стр. 41.

² Там же, стр. 43.

³ Там же, стр. 45.

⁴ Там же, стр. 63.

соборнаа апостольскаа церковь восточнаа паче солнца во всей поднебесной светится и един православный великий русский царь во всей поднебесной“.¹ Он поддерживает церковь и утверждает истинную христианскую веру. В этом Послании только в двух словах говорится о падении первого Рима, но уже подробно рассказывается о падении второго Рима из-за его соединения с латинством. По мнению Филофея, уния, заключенная на Флорентийском соборе, была причиной падения православной церкви в Константинополе, за этот страшный грех было послано богом наказание — завоевание турками.

Таким образом, в представлении Филофея Москва — центр православного царства, а значит и центр всего православного мира. Великий князь московский является царем всех христиан и „браздодержателем святых божих престол“. Представление это основано на мистических идеях промысла божия, преемства царств и т. п.

Могла ли теория Москвы — третьего Рима стать политической теорией Русского централизованного государства в период его образования? Теория Москвы — третьего Рима не была теорией в полном смысле слова. Она не могла быть руководством к действию, в нее можно было вложить любое содержание. Так, позднее, в XIX в., на ней было основано требование борьбы за наследство Византии. Но в XVI в., в обосновании прав на наследство Византии Русское государство не было заинтересовано. Творческая политическая теория Русского государства утверждала, что русские князья изначально государи на своей земле, что русские князья происходят от императоров первого Рима.²

Австрийский император и римский папа говорили о праве Русского государства на наследство Византии и при Иване Грозном, надеясь втянуть таким образом Россию в войну с Турцией. Иван Грозный отказывался: „мы в будущем восприятия малого хотим, а здешнего государства всея вселенная не хотим, что будет ко греху поползновение“.³ Русское государство не было заинтересовано в войне с Турцией, на очереди стояла борьба с польско-литовским государством за возвращение исконно-русских земель.

Н. С. Чаев,⁴ проанализировав международное положение Русского государства в XVI в., приходит, однако, к неверному выводу, что теория Москвы — третьего Рима создана была для утверждения положения страны на мировой арене, что теория эта говорит о настоящем и будущем России. Настоящее, считает Чаев, это Москва — третий Рим и „апостольская церковь“, а будущее — „все царства православные снидошася в единое царство нашего государя“, т. е. по существу Н. С. Чаев считает теорию Москвы — третьего Рима программой

¹ Там же.

² Р. П. П и т о л и н а. Политическая теория русского государства в конце XV — начале XVI веков в дипломатической переписке. (Дипломн. работа), 1950.

³ Памятники дипломатических сношений, т. X, стр. 173, 174.

⁴ Н. С. Чаев. Исторические записки, № 17, 1945.

завоевания. Н. С. Чаев делает оговорку: „отнюдь не весь комплекс идей, разработанных в Москве, был пущен тогда в оборот“. Но зачем же тогда вырабатывался этот комплекс идей и можно ли не пущенные в оборот идеи считать государственной теорией?

Теория Москвы — третьего Рима не могла быть применима и во внутренней политике, так как она говорила об обязанностях великого князя только по отношению к церкви.

Но если хотя предположительно говорить о том, что появление теории Москвы — третьего Рима не было вызвано потребностью во внутренней политике Русского государства, нужно попытаться решить вопрос, почему же все-таки она возникла у Филофея. Для этого снова обратимся к Посланиям старца Филофея.

Послания, в которых Филофей сформулировал теорию Москвы — третьего Рима, как уже говорилось выше, в основном посвящены другим вопросам. О третьем Риме Филофей говорит только для того, чтобы показать великому князю его высокое положение, чтобы вынудить великого князя исполнить его просьбу. Каково же содержание этих Посланий?

В Послании к великому князю Василию Ивановичу, называя великого князя царем христиан всей поднебесной, он замечает: „подобает тебе, царю, сие держати со страхом божим“.¹ Филофей предупреждает великого князя, чтобы он не смотрел на золото и богатство и исполнил две заповеди: „во твоём царствии не полагают человецы на себе право знаменья“, т. е. крестятся не по правилам, „да не вдовствует святыя божиа церкви при твоём царствии“.² Филофей имеет здесь в виду отсутствие епископа на новгородской епископской кафедре, Филофей ссылается на заповеди прадедов великого князя: великого Константина, св. Владимира и богоизбранного Ярослава. Однако Филофей не ограничивается этими двумя требованиями, он продолжает дальше: „не обиди, царю, святых божиих церквей и честных монастырей еже данное богови в наследие вечных благ на память последнему роду, о сем убо святый великий пятый собор страшное запрещение положи“.³ Так Филофей предупреждает великого князя против проведения секуляризации монастырских и церковных земель. Филофей просит искоренить нравственную распущенность среди монашества, затем просит уменьшить скупость, „избавить обидимых от руки обидящих“.

О содержании Послания к Мунехину говорилось выше, оно посвящено разоблачению латинства, разоблачается не только их вера „в злые дни и часы“, но, главным образом, их измена православию.

В Послании к великому князю Ивану Васильевичу Филофей призывает великого князя любить бога, а не серебро и золото. Это он

¹ В. М а л и н и н, ук. соч. Приложения, стр. 50.

² Там же, стр. 51.

³ Там же, стр. 52.

говорит для того, чтобы предостеречь против проведения секуляризации. Повторяется опять та же формула, что и в Послании к Василию Ивановичу. Если кто начнет обижать церковь, „безаконно отоимая села и винограды или суд восхитаа, или привлачати епископа и попа или диакона и всякого священническаго чина“,¹ то его власть повелевает сечь, а имущество его отдать монастырям. Дальше идет интересное разъяснение: „аще же и самый венец носящии тако творити начнут, надеющиеся на богатство и на благородие, не покарятися начнут, не отдающе, их же обидеша, преждедеченную виною повинни да будут, по святых же правилех да будут прокляти“. Филофей говорит уже угрозами.

Дальше Филофей говорит о симонии. Забывая сказанное в священном писании — „поставленный по мзде да извержется“, — многие духовные лица и мирские власти продают духовные должности, они будут прокляты: „никто же бо благодати божиа не продает“.

Послание в Царствующий град, принадлежащее перу Филофея, не говорит о теории Москвы — третьего Рима, но по теме своей близко к Посланиям к великим князьям. Это Послание Филофей пишет какому-то крупному церковному иерарху, оно тоже направлено против симонии. Филофей разоблачает своего адресата: к вам приходят многие желающие получить от царя священнический чин, — говорит он, „вы от тех возьмете скверныа добытки, корчемствующе, продающе священна места“.² Все продающие церковные места совершают великий грех.

Рассмотрев послания Филофея, в которых им сформулирована теория Москвы — третьего Рима, мы видим, что все они касаются смежных вопросов. Это обличение симонии, требование прекращения политики секуляризации и прекращения вдовства епископии, требование исправления „крестного знамения“ и пресечения пороков в среде духовенства.

Так, по мнению Филофея, высокое положение русского царя как „браздодержателя святых божиих престол“, налагает на него прежде всего обязанности главы духовного. Филофей только мимоходом останавливается на обязанностях светского государя. На первый взгляд они у него очень расплывчаты и неопределенны.

Обращаясь со своими посланиями к великим князьям, Филофей думал прежде всего о сохранении могущества духовенства, так как вдовство епископии приводило к тому, что все средства, которые должны были поступать епископу, шли в государственную казну; политика секуляризации подрывала самые основы могущества церкви; поставление на церковные должности за взятку приводило к перекатке средств из рук духовенства в руки мирских властей. Филофей

¹ Там же, стр. 59.

² Там же, стр. 67.

писал свои послания в защиту интересов церкви. На этом основании мы можем говорить о том, что и теория Москвы — третьего Рима возникла у Филофея в интересах церкви. Этим и объясняется то, что она получила распространение в церковных кругах.

Нетрудно заметить, что требования Филофея к „браздодержателю святых божиих церквей“ совпадают с программой иосифлян. Иосифляне возвеличивали власть светского государя и защищали ее потому, что видели в ней гарантию сохранения своего могущества. Таким же образом действовал и Филофей. Этим можно объяснить отчасти и то, что его теория, также как и иосифлянство, не стала государственной теорией — она была односторонней, говорила лишь об обязанностях великого князя по отношению к церкви.

Однако то, что теория Москвы — третьего Рима не стала официальной теорией московского государства в XVI в., еще не говорит о том, что эта теория не имела никакого положительного политического значения. Формула Москвы — третьего Рима была выражением величия Русского государства, утверждала его независимость, признавала единство Русского государства, указывала на Москву, как на центр Русского государства. Очень важно то, что это признание единства и величия Русского государства нашло свое выражение на самой окраине Русской земли, в области, которая позднее других была присоединена к Москве — в Псковской земле. Объективный ход истории сделал необходимым образование единого Русского государства, это было осознано в самом отдаленном северо-западном центре Русской земли — Пскове.

Интересно отметить, что даже тогда, когда Филофей говорит о делах церкви вообще, в нем чувствуется пскович. Требования к великому князю — конкретные требования псковского монаха: поставление за мзду на духовные должности „от мирских властель“ было распространено в Пскове. Вдовствовала новгородская епископия, значит, это имело прямое отношение к Пскову и Елеазарову монастырю. Вопрос о церковном землевладении в Пскове очень сложен: в летописи нет ни одного упоминания о том, что в Пскове проводилась секуляризация. Летопись говорит только о землях, отнятых у сведеных бояр, и рассказывает о землях, которые подарил Мунехин, дьяк великого князя, Псковско-Печерскому монастырю, затем этому же монастырю дарил земли Иван Грозный. Исследователи этого вопроса, исходя из одинаковых посылок, приходят к противоположным выводам. А. Никитский¹ считает, что на основании Посланий Филофея, в которых говорится о секуляризации и фактах секуляризации земель в Новгороде, можно говорить и о секуляризации земель в Пскове. Н. Серебрянский² считает, что Филофей писал именно потому, что секуля-

¹ А. Никитский. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873.

² Н. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни Пскова. 1910.

ризация проводилась в Новгороде, и он хотел предотвратить ее в Пскове. Я думаю, что прав Н. Серебрянский. Секуляризации церковных земель могло не быть в Пскове уже потому, что у псковских церквей и монастырей не было таких крупных земель, как у новгородского духовенства, самые большие псковские монастыри кажутся бедными по сравнению с новгородскими монастырями.

Не одна только теория Москвы — третьего Рима в посланиях Филофея обнаруживает в нем сторонника присоединения Пскова к Москве. Эта его позиция подтверждается и остальными посланиями его.

В одном из списков послания Филофея в Псков „В беде сущим“ сохранилась заметка неизвестного современника о нем. Автор заметки рассказывает о том, как некоторые псковичи просили Филофея заступиться за них перед великим князем, „понеже той старец неисходен бе из монастыря и добродетельнаго его ради жития и премудрости словес знаем бе великому князю и велможам“.¹ На основании этой фразы можно предполагать, что великим князьям Василию Ивановичу и Ивану Васильевичу были известны послания, не только им прямо адресованные. Старец Филофей отказался заступиться за опальных: „отречеса молити государя о их скорбех, смиряя себе, яко не имею дерзновения, но последи много показа дерзновение к государю и моления о людех, тако же и боляром и наместником псковским и обличи их о многой неправде и насиловании, не убоися смерти; великий же князь и вельможи его, ведуще его дерзость и беспопечение о сем веце, не смеша ничтоже ему зла сотворити“.²

Попытаемся выяснить, почему же Филофей отказался заступиться за псковичей в своих посланиях: „В беде сущим“ и „К опальному вельможе“.

Эти два послания являются вариантами одного послания. Послание „В беде сущим“ было написано, вероятно, раньше, но так как послание „К опальному вельможе“ полнее, то мы ограничимся только его разбором.³ Как мы узнаем из Послания, Филофей пишет его в ответ на просьбу вельможи заступиться за него. Вельможа этот много раз подвергался наказаниям: у него конфисковали имущество, его ссылали, на него накладывали страшное наказание „стлучение царских очей“, теперь он тоже был наказан, на него было наложено „отлучение дому и праотеческое стяжание и всякого имени восхищение“. Филофей говорит, что он не имеет права заступиться, так как „вся бо приходящая скорбнаа человекам не без божиа промысла бывають“. Только у бога нужно просить милости, только бог может утолить царский гнев. Только раскаявшемуся придет прощение, прекратятся „от сильных

¹ В. М а л и н и н, ук. соч. Приложения, стр. 25.

² Там же.

³ Там же, стр. 7—24.

насилование и от врагов и от друзей наветы и оклеветание или от меньших и безродных уничтожение и безчестие“. Филофей говорит, что наказания всегда посылаются за грехи, просит вспомнить вельможу свои грехи: „еже к богу согрешил есть или человеком егда убо сам зло кому никако створих или неправдова кого в чем или обиду содея кому или чюжая имения себе лихоимством или всякою неправдою восхитил“ и заканчивает перечисление грехов — „или государю неправдова и не повинуюся и злословя“. Последние слова дают основание для предположения, что вельможа заслужил гнев и наказание великого князя, выступая против него. Филофей предупреждает вельможу, чтобы в его сердце не вошло „помышление лукаво или к богу неблагодарение или на государя хулен помысл и глагол неблагочестив“, так как все действия великого князя всегда справедливы, он действует всегда по божьему велению, „сердце бо цареву в руце божи“. ¹ Поэтому вельможа не должен слушаться тех, кто подговаривает его „укорение износити на государя“. Только тогда бог услышит молитву, чтобы „умилостивилася душа царскаа и за нужу поместейцом устроил тя и вотчинку отдасть“. Кончает Филофей свое Послание наставлением: „Обет полагай пред господем волю его творити и заповеди его хранити во всем, и государю тыщися верою служити и правдою и покорением, чтобы и вперед самому в конец не погибнути в сем веце и в будущем и царьской бы души не на вред“. ²

Таким образом, при разборе Послания выясняется не только то, почему Филофей отказался заступиться за опальных псковичей, но и взгляд Филофея на власть царя и на обязанности псковичей по отношению к нему. Филофей считает и учит этому опальных псковичей, что царь поставлен от бога, все делает только по божьему велению, поэтому все, что делает царь, справедливо. Нужно служить государю верой и правдой. Нужно покорно сносить наказания от великого князя, так как наказание всегда заслужено, действия великого князя всегда правильны. Такое представление о власти князя московского было у псковича, и он внушал его псковичам же. Таким образом, он служил делу образования единого Русского государства. Именно поэтому великий князь, „не смеша ничтоже ему зла сотворити“, великий князь оценил его деятельность.

Однако автор заметки о Филофее указывал, что Филофей иногда заступался за псковичей, обличал бояр и наместников псковских в „неправде и насиловани“. Вероятно не все „дерзновения“ Филофея дошли до нас, такое „дерзновение“ мы видим только в Послании великому князю Василию Ивановичу. Как сказано выше, Филофей в этом Послании говорит об обязанностях великого князя как главы государства. Филофей говорит великому князю, чтобы он не смотрел на золото и богатство и просит: „яко да премениши скупость на

¹ Там же, стр. 16.

² Там же, стр. 23.

щедроты и немилосердие на милость, утеши плачущих и вопиющих день и ночь, избави обидимых из руки обидящих“.¹ На первый взгляд эта фраза не представляет собой конкретного требования, а на самом деле Филофей имел в виду определенное явление. Чтобы понять смысл этой фразы, мы должны обратиться к рассказу о событиях 1510 г. Псковской I летописи, к Повести о псковском взятии. А. А. Шахматовым было отмечено, что Псковская I летопись по своей направленности близка посланиям Филофея. Это дало возможность А. А. Шахматову предположить, что свод 1547 г., лежащий в основе Псковской I летописи, принадлежит перу старца Филофея.² А. Н. Насонов присоединился к этому предположению.³

Мы оставляем открытым вопрос об авторе свода 1547 г. Однако известием I Псковской летописи воспользуемся. Повестью о псковском взятии мы должны считать только рассказ, начинающийся со слов: „в лето 7018“.⁴ Так как исторического предисловия нет в списках Тихановском, Погодинском и Оболенского, оно вероятно принадлежит одному из позднейших списков.

В октябре 1510 г., — рассказывает Псковская I летопись, — когда великий князь Василий Иванович был в Новгороде, псковичи жаловались ему на его наместников. Великий князь обещал псковичам „управу“, но задумал другое, сообщает летописец. Псковичи решили собрать „жалобные грамоты“ на князя Репню со всех волостей; посольство из бояр и купецких старост поехало в Новгород и было арестовано великим князем. Весть об этом была принесена купцом в Псков. В Пскове началось волнение, но псковичи решили, что им нельзя подниматься против великого князя, стали просить великого князя, чтобы он „жаловал свою отчину старинную“, „а мы сироты твои, прежде сего и ныне неотступны были от тебя, государя, и непротивны были тебе, государю; бог волен да и ты со своею отчиною и с нами, людишками своими“.⁵ Дьяк великого князя поставил псковичам два условия: они должны уничтожить вече и согласиться иметь двух наместников. Псковичам было трудно прощаться с последним символом своей былой самостоятельности, вечем, хотя вече давно уже было пережитком, решения его были бессодержательными, все дела решались великим князем. Псковичи отвечали великому князю: „так у нас написано в летописцах, с прадеды и деды и со отцем его крестное целование с великими князми положено, что нам псковичем от государя своего великого князя, кой ни будет на Москве, и нам от него не отойти ни в Литву, ни в немцы; а нам жити по старине

¹ Там же, стр. 54.

² А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении хронографа. СПб., 1899.

³ А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания. Ист. зап., № 18, 1946.

⁴ ПСРА, т. IV, стр. 283.

⁵ Там же, стр. 285.

в добровольи; а мы, псковичи, отоидем от великого князя в Литву, или в немцы, или о себе учнем жити без государя, ино на нас гнев божий“.¹ Псковский колокол был увезен в Москву. В Псков приехал великий князь Василий Иванович. Летопись сообщает, что когда коломенский владыка поздравил великого князя „Псков взявши“, псковичи заплакали: „бог волен да государь, отчина есме его была из стари отцев его и дедов и прадедов его“.² Несчастья Пскова летописец объясняет божьим гневом: „сего ради самоволия и непокорения друг другу бысть сия вся злая на ны“. Василий ввел в Пскове новый порядок. 300 богатейших семейств были вывезены из Пскова, „животы легкие взяша с собой“, великий князь посадил в Пскове двух наместников, двух дьяков, наместникам велел „правды стеречи“, но наместники ослушались его приказания: „нача быти многие злые в них, быша немилостивы ко пскович“. Повесть заканчивается рассказом о насилиях наместников. Автор Повести так же, как Филофей, считает великого князя государем всея Руси, и Псков является, по его убеждению, исконной отчиной великого князя. Псков наказан за грехи, великий князь справедлив, псковичам трудно расставаться с символом своей былой независимости, но они покорно принимают все.

Совсем иное отношение у летописца к наместникам великого князя, все нарушения псковской старины воспринимаются им как злоупотребления наместников. Филофей солидарен с летописцем. Он просит великого князя: „избави обидимых от руки обидящих“, т. е. от наместников. Летописец рассказывает о конфискации имущества у трехсот богатейших семейств псковичей, рассказывает о введении „великого налога и тамги“, а Филофей требует: „примениши скупость на щедроты“.

Остальные послания Филофея повторяют те мысли, которые уже высказаны им в разобранных посланиях.

Что касается классовой принадлежности старца Филофея, то ее выяснить не удалось. Только одна фраза в его посланиях позволяет думать, что Филофей был представителем высших слоев общества. В Послании к опальному вельможе он пишет, что только бог может избавить: „от сильных насилвания и от врагов и друзей наветы и клеветания и от меньших и безродных уничижения и бесчестия“, вряд ли Филофей стал бы писать о бесчестии от людей безродных и меньших, если бы сам к ним принадлежал. В своих приниженных обращениях к великому князю он никогда не говорит о своем происхождении, а только о своей грубости и невежестве.

Елезаров монастырь был одним из самых богатых монастырей в Псковской земле. До присоединения Пскова к Москве он выражал, возможно, княжескую точку зрения. После присоединения Пскова

¹ Там же.

² Там же, стр. 286.

к Москве Елеазаров монастырь больше в летописях не упоминается, вероятно, попадает в опалу. Вот в этом-то монастыре живет старец Филофей, создатель теории Москвы — третьего Рима, сторонник присоединения Пскова к Москве. Елеазаров монастырь находился недалеко от „обидных местечек“ Жолачки, Озолицы, этим можно отчасти объяснить возникновение промосковских настроений именно в этом монастыре, так как он больше других мог испытывать на себе тяжести борьбы с немцами, и необходимость искать помощи именно в Москве могла быть понята в нем раньше.

В связи с вопросом о творчестве Филофея необходимо остановиться на Хронографе 1512 г. А. А. Шахматов полагал, что Хронограф редакции 1512 г. был составлен в Пскове и что автором его, вероятно, был старец Филофей.¹ В своем предположении об авторстве Филофея А. А. Шахматов опирается на последнюю 208-ю главу Хронографа, которая рассказывает „О взятии Царяграда турками“. В этой главе отразилось личное творчество редактора 1512 г. Судьба Константинополя была предметом обсуждения Филофеем и Мисюрем-Мунехиным, сведения о Константинополе Филофей мог получить от Мисюря. Кроме того, А. А. Шахматов считает, что у автора повести о взятии Царяграда такой же взгляд на падение Константинополя и на будущее Русского государства, какой высказывает Филофей в своих посланиях.

Что же собой представляют политические взгляды автора повести о взятии Царяграда? Автор рассказывает о том, как много земель было завоевано турецким султаном, который при последнем царе Константине „поплени царствующий град“.² Далее идет рассказ о создании Константинополя: „Создан бысть великим первым царем благочестивым и равноапостольным Коньстянтином и обновлен бысть оть святых отец, иже на первом соборе 318, и наречен Новый Рим, вонже ото вся вселенна вся благая божественная и человеческаа вселена быша. И тогда убо радостна и светлая и вся веселия исполнена и во вся времена растяше и умножашеся“. Автор называет Константинополь вторым Римом, как и Филофей. Нужно отметить, что формула „вся вселенная вся благая божественная и человеческаа вселена быша“ применена здесь к Константинополю, хотя ему не были подвластными все христианские царства, значит, вселенность Рима не предполагала обязательного подчинения ему государств.

Царство расширялось, рассказывает дальше автор, до последнего царя Константина, когда „приемлему граду от безбожных турок“, которые весь царствующий град в „запустение конечное положи“, но никто не противится воле божей, так как страшное бедствие послано за грехи: „сиа приемлет нашего ради исправления, аще ли мы согрешаем ему, и наших ради грех и та святая презирает и в попра-

¹ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1889.

² ПСРА, т. XXII, 1911, стр. 437.

ние сия и нас незаконником предает, якоже ныне видети есть царствующий град попран и раскопан и пожжен огнем“.¹ Представление автора о преемстве царств и подвижном городе Рима совпадают со взглядами Филофея.

Дальше автор говорит, что за истинное покаяние бог может простить грехи, „яко не до конца положи во отчаяние благочестивая царства:... и сего ради остави нам семя... сие же семя яко искру скры в пепеле — во тме неверных властей: семя же глаголю — патриаршескиа и митропольскиа и епископъскиа престолы, и не точию семя сие, но и глава православныа веры, иже неврежени пребывают по всем градом в священных церквах“.² По мнению А. А. Шахматова представление о том, что христианство не окончательно покорено турками, совпадает с мнением Филофея, что „турки не насилуют от веры отступати“. На этом основании Шахматов и приписывает Филофею повесть.

Трудно согласиться с этим мнением А. А. Шахматова. Во-первых, Филофей считает причиной падения Константинополя, как центра православия, более страшное событие, чем завоевание турками — соединение „с латынею на осмом соборе“.³ Филофей не мог говорить о сохранении „неврежени“ патриаршего престола и о том, что престол остается главой православной веры.

Во-вторых, автор повести говорит, что так как престолы остались невредимы, то „православнии же от сего надежу имеют, яко по доволнем наказании нашего согрешения паки всеисильный господь погребеную, яко в пепеле, искру благочестия в тме злочестивых властей вождет зело и попалит измаилт злочестивых царства, якоже терние, и просветит свет благочестия и паки возставит благочестие и царя православныа“.⁴ У автора есть надежда, что Константинополь — Новый Рим возродится, и царь константинопольский будет царем православным. У Филофея же на такое возрождение надежд нет. Второй Рим пал окончательно: „греческое царство разорися и не созижеться“.⁵ На смену ему приходит новый третий Рим. Автор Хронографа считает, что православие восстановится, хотя, по его мнению, только русское царство и сохранило верность православию — „наша же Росиская земля божией милостию и молитвами пречистыа богородица и всех святых чудотворецъ растет и младеет и возвышается“.⁶ Можно думать, что автор надеется на возрождение византийского православия через русское царство. Но это не так. Для возрождения православия нужно победить турок, а русским это не нужно было. Восстановление право-

¹ Там же, ч. I, стр. 438.

² Там же, ч. I, стр. 439.

³ В. М а л и н и н, ук. соч., стр. 63.

⁴ ПСРА, т. XXII, ч. I, стр. 439.

⁵ В. М а л и н и н, ук. соч., стр. 41.

⁶ ПСРА, т. XXII, ч. I, стр. 439.

славия у автора Хронографа произойдет в будущем, а Филофей уже в это время считал русского царя главой всех православных. У автора повести нет еще представления о Москве, как о третьем Риме, но есть представление о единстве Русской земли, о ее величии, могуществе и вера в великое будущее Русской земли: „ей же, Христе милостивый, дажь расти и младети и расширятся и до скончания века“.¹

Таким образом, вероятнее, что Хронограф редакции 1512 г. написан не Филофеем, так как на основе указанного материала можно судить о некоторой разнице во взглядах Филофея и автора или редактора Хронографа 1512 г. Но хотя автор еще не говорит о Москве — третьем Риме, он видит величие Русской земли, сознает ее единство и возрастающую мощь. Тем интереснее для нас Хронограф 1512 г.; на основе его можно говорить о том, что сознание единства и величия Русского государства было в Пскове² не только у Филофея, но и у другого выдающегося писателя, независимо от него и одновременно с ним.

Наконец, отметим, что в Пскове было создано и еще одно произведение с той же яркой общерусской идеологической окраской — так называемая Хронографическая Толковая Палея. Хронографическая Толковая Палея известна, главным образом, в псковских списках 2-й пол. XV в. и, как доказывал акад. В. М. Истрин, была создана в Пскове.³ Эта Хронографическая Толковая Палея заканчивалась обширным прославлением Русской земли, русского языка и князя Владимира. Мировая история рассматривается в этом произведении как преддверие к истории русской. Русь и русское православие для составителя Хронографической Толковой Палеи — итог, завершение всей истории человечества. Любопытна теория самостоятельного происхождения русской грамоты, высказанная в этой Хронографической Толковой Палее. Анализируя рассказ жития Константина о том, что Константин встретил в Херсонесе (Корсуне) русского, имевшего у себя русские книги, автор пскович приходит к выводу, что русская грамота не была изобретена Константином-Кириллом, а что сам Константин-Кирилл воспользовался для своей миссионерской деятельности среди славян той самой русской грамотой, которую он нашел у неизвестного русского в Херсонесе: „Се же буди ведомо всеми языки и всеми людьми, яко же русские язык ни от куду же приа святые веры сия и грамота русскаяа никим же явлена, но токмо самим богом вседержителем отцом и сыном и святым духом, Володимеру святой дух вдохнул

¹ Там же, стр. 440.

² А. А. Шахматов считал, что Хронограф 1512 г. был написан в Пскове на том основании, что конец его, обрывающийся на 1442 г., был дополнен псковскими летописями и только в таком списке сохранился.

³ В. М. Истрин. Очерк истории древне-русской литературы домосковского периода. Пгр., 1922, стр. 222—223.

веру прияти и крещение от грек и проча наряд церковный, а грамота русскаа явилася богом дана в Корсуне руску, от нея же научися философ Константин, отуду сложив, написав книги русским гласом. И еврейстей грамоте тогда же извыче от самарянина в Корсуни. То же муж русин бысть благоверен помыслом и добродетелею в честней вере един уединився и тый един от руска языка явися преж крестьянный и не ведом никем же откуду есть бысть“.¹ Приведенный нами текст представляет интерес не только для изучения общерусской идеологии в Пскове, но и для изучения происхождения русской письменности.

Наконец замечательно, что в псковской Хронографической Толковой Палее также выражена идея преемства царств. Автор пскович называет Киев вторым Иерусалимом: „сие чудо, яко второй Иерусалим на земли явися Киев и второй Моисей явися — Володимир...“.

Таким образом, сознание единства Русской земли, сознание необходимости образования единого Русского государства жило не только в Москве. В Пскове тоже были сторонники присоединения Пскова к Москве. Их точка зрения была выражена старцем Филофеем в его посланиях, автором повести о псковском взятии Псковской I летописи, редактором Хронографа 1512 г. и автором Хронографической Толковой Палеи.

Теория Москвы — третьего Рима, созданная Филофеем, не стала государственной теорией Русского государства и была распространена только в церковных кругах. Однако эта теория имела положительное политическое значение: формула Москва — третий Рим была выражением величия Русского государства и его независимости. Пскович говорил о единстве Русской земли, о центре Русского государства в Москве. В посланиях Филофея мысль о единстве Русского государства находит себе подтверждение. Филофей говорит о божественном происхождении власти великого князя, царя, о необходимости подчинения ему, требует от псковичей службы великому князю верой и правдой. Своей деятельностью, своим творчеством старец Филофей служил делу укрепления единого Русского государства. Центристские силы поддерживали деятельность „инициатора“ создания централизованного государства на Руси.

II. Игумен Корнилий — представитель боярской оппозиции в Пскове

А. Н. Насонов, занимаясь воссозданием истории псковского летописания, доказал существование особой Псковской III летописи и ее принадлежность перу игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия.² Это открывает перед нами новый источник для изучения социально-политической борьбы в XVI в. А. Н. Насонов отмечает оппозиционность, даже враждебность Псковской III летописи по отношению

¹ В. М. Истрин. Редакции Толковой Палеи, I—V. СПб., 1907, стр. 61.

² А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания. Ист. зап., № 18, 1946.

к великому князю на основе некоторых отдельных очень ярких известий Псковской III летописи: таковы известия о событиях 1510 г., осуждение вторичной женитьбы Василия III и другие.

Однако А. Н. Насонов не ставил себе задачей дать характеристику взглядов Корнилия на основе разбора его произведений, поэтому в его работе не показана та социально-политическая борьба, источником для изучения которой может явиться Строевский список (Псковская III летопись), не показана связь социально-политической борьбы в Пскове с общерусской социально-политической борьбой, не вскрыты причины враждебности Корнилия к великому князю. Отмечая сокращение Корнилием летописи, А. Н. Насонов не раскрывает планомерности и симптоматичности этих сокращений, искажения и фальсификации Корнилием истории.

В Псковской III летописи (в дальнейшем летописи Корнилия) отразилась оппозиционная по отношению к Москве идеология псковского боярства. Точка зрения автора этой летописи противостоит точке зрения на Москву Филофея, выраженной им в его посланиях, и идеям Псковской I летописи. На основании сравнения I и III псковских летописей, особенно их рассказов о событиях 1510 г., можно говорить не только о противоположности этих двух точек зрения, но и о их борьбе.

Между летописью Корнилия и Псковской I летописью (т. е. списками Тихановским, Погодинским и Оболенского) на первый взгляд нет той резкой разницы, которая существует между Псковской I и Псковской II летописями.¹ Псковская II летопись (Синодальный список), по мнению А. Н. Насонова, восходит к древнейшему своду, который стал протографом всех псковских летописей, но свод этот дополнен устными источниками. О многих событиях рассказывается в Псковской II летописи совсем иначе, чем в других списках. Иногда уделяется много внимания не тем событиям, которыми интересуются другие летописи. В Псковской II летописи очень подробно излагается дело о смердьей грамоте. Однако это не является достаточным основанием для того, чтобы считать авторов Псковской II летописи сочувствующими „черным людям“, а такой взгляд распространен в советской историографии. В рассказе о событиях 1483—1486 гг. этого сочувствия нет. Основное содержание летописи составляют краткие сообщения о строительстве церквей и оборонительных сооружений, о знаменьях от икон. Автор не обнаруживает широкого кругозора, широких интересов. Не ясна классовая позиция автора.

Разница между Псковской I летописью и летописью Корнилия принципиально иная. В основе своей они имеют, вероятно, один свод конца XV в., часть известий в этих летописях совпадает. Но в трактовке ряда известий, в изображении некоторых событий, встречаются

¹ Здесь и ниже принимаем нумерацию псковских летописей, предложенную А. Н. Насоновым в его издании „Псковские летописи“, вып. 1 (М.—Л., 1941).

такие различия, такие смелые редакторские исправления, проникнутые единой политической мыслью, что они-то и заставили А. Н. Насонова назвать Строевский список особой Псковской III летописью. Строевский список был написан в 60-х годах XVI в. в Псково-Печерском монастыре при игумене Корнилии. Эта мысль, впервые высказанная издателем IV тома ПСРЛ в 1848 г., окончательно доказана А. Н. Насоновым.

Псково-Печерский монастырь был основан в 70-х годах XV в. священником Иоанном или Ионой, как говорит Повесть о Печерском монастыре.¹ В Повести резко подчеркивается особенное положение монастыря на самой границе с Ливонией, „в порубежном“ месте. Монастырь не был богатым, в нем было вначале два или три монаха, и служба происходила не каждый день. Монастырь постоянно подвергался нападениям немцев. В этой связи интересно отметить, что Повесть называет Иону — основателя монастыря шестником (шестниками назывались в Пскове князьи люди — люди великого князя московского). Повесть объясняет это название Ионы так: „род же, глаголют, ти бы измлада московския земля, и сего ради зваху его псковичи чрез имя шестником“.² Таким образом, уже самое основание монастыря можно объяснить задачами обороны границ Русского государства. Борьба псковичей с немцами наложила отпечаток на жизнь Ионы. Из Юрьева бежал он от преследования немцев. Когда же Иона умер, оказалось, что вместо вериг он носил под рясой кольчугу, носил тайно: „по смерти же его обретоша на нагом теле его пансырь колчатый; тело же его все яко изваяно сквоз кольца“. Носил кольчугу он, конечно, не потому, что сделать вериг не мог, но носил ее или на случай внезапного нападения или потому, что и в монашестве не распрощался с теми интересами, которые владели им „в миру“.³

Повесть дальше рассказывает подробно о нападениях немцев на Печерский монастырь, о борьбе монахов вместе с русскими воинами против немцев. Военное значение Псково-Печерского монастыря особенно ярко стало обнаруживаться позднее, во время Ливонской войны и при нападении на Псков Стефана Батория.

Псково-Печерский монастырь становится крупным и богатым только после присоединения Пскова к Москве. Впервые обратил внимание на этот монастырь московский дьяк Мисюрь Мунехин. Он дает монастырю землю и средства для укрепления монастыря. Затем дальнейшее укрепление и расширение земельных богатств монастыря происходит уже при Иване Грозном, когда жизнь монастыря была связана с деятельностью игумена Корнилия. Псково-Печерский монастырь, расположенный на Ливонской границе, был не только центром колонизации

¹ Погодинское собрание № 643, л. 178 об. (хранится в Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрин) или Собрание БАН 38-4-40, л. 146.

² Там же, л. 181.

³ Там же, лл. 185 и 185 об.

(эта его деятельность получила развитие особенно после Ливонской войны), но и важнейшим оборонным пунктом Пскова против немцев. Эта его роль очень скоро была понята московскими князьями, поэтому они и стали покровительствовать монастырю. Во времена Грозного монастырь уже больше походил на могучую феодальную крепость, чем на тихую обитель. Строительству оборонительных сооружений в нем уделялось едва ли не больше места, чем церковному строительству. Но пограничное положение Псково-Печерского монастыря и его крепость создавали больше возможностей к его обособлению. Это и сказалось уже в те времена, когда Псков был присоединен к Москве, когда монастырь стал уже богатым и влиятельным. Это и было одной из причин возникновения в монастыре оппозиционного настроения по отношению к Москве. Псково-Печерский монастырь возник при поддержке московских властей, разбогател при Москве, выполнял службу Москвы. Однако московские власти, поддерживая монастырь, создали материальную возможность для появления оппозиции в нем.

Борьба боярства против политики укрепления Русского централизованного государства, проводимой великими князьями московскими, нашла свое выражение в псковской земле в деятельности и настроениях игумена Псково-Печерского монастыря и автора или редактора Псковской III летописи — Корнилия.

Данные биографии Корнилия мы узнаем из Повести о начале Псково-Печерского монастыря¹ и из псковских летописей. Корнилий стал игуменом Псково-Печерского монастыря в 1529 г., когда ему было 29 лет. Получение игуменства в таком возрасте было явлением исключительным, его можно объяснить или авторитетностью Корнилия или его происхождением. Игуменство Корнилий получил уже после присоединения Пскова к Москве, и расцвет монастыря связан с его именем. Корнилием были выстроены в монастыре соборы Благовещения и Николая Чудотворца над крепостными воротами, Печерский двор и церковь Богородицы Одигитрии в Пскове. Во время Ливонской войны Ивана Грозного Корнилий строит каменную крепость вокруг монастыря, которая сохранилась до сих пор. В его игуменство православная вера распространяется в завоеванных областях Ливонии. Н. Серебрянский полагает, что именно с деятельностью Корнилия связано появление в этих областях так называемых полуверцев² — эстонцев, обращенных в христианскую веру, в обрядности и быту которых сохранились отголоски язычества.

Корнилий начинает занимать одно из первых мест среди псковского духовенства. Под 1558 г. летопись Корнилия рассказывает о той видной роли, которую играл Корнилий во время Ливонской войны: именно

¹ БАН 38. 4. 40. Повесть о печерском монастыре иже во псковской области, лл. 146—159 об.

² Н. Серебрянский, ук. соч., 1910, стр. 344.

ему вместе с юрьевским архимандритом, протопопом псковской церкви Троицы, и протодьяконом поручил Иван Грозный нести чудотворные образа богородицы и святого Николая. А когда после этого московские воеводы в 1558 г. одержали много побед, взяли города Новый, Керепею, Курслов, Юрьев, Раковор, победы были приписаны „пречистыя богородицы молитвам“. Это известие очень типично для Строевского списка: все делается помощью „пречистыя“ — главной святыни Печерского монастыря, а не Троицы — патрональной святыни Пскова.

Вероятно, в это свое пребывание в Пскове князь Андрей Курбский познакомился с Корнилием. Некоторое время он даже жил возле Печерского монастыря. Здесь им было „писано дело государское“, которое он должен был спрятать под печью вместе с „тетратками“ „страха ради смертнаго“.¹ В дальнейшем Андрей Курбский и Корнилий поддерживают связь между собой, как можно заключить из произведений Андрея Курбского и четырех его посланий в Псково-Печерский монастырь. Послания эти посылаются обыкновенно не Корнилию, а старцу Вассиану, его ученику и помощнику. Андрей Курбский видит в Корнилии своего единомышленника, а потому отзывается о нем с большим уважением: „муж свят и во преподобии мног и славен: бо от младости своей в мнишеских трудах провозсиял и монастырь предреченный воздвиже“.² Как мы узнаем из послания Андрея Курбского к Вассиану,³ Корнилий не раз давал деньги Курбскому. Курбский говорит Вассиану, что ему Псково-Печерский монастырь обязан своим благополучием: „и ныне есть не в трепете, ни во ужаси, но в тишине и в мире глубоце, да и трудов ради наших от царя силы и различными угодин одарены вы же“.⁴ Поддерживал Корнилий связь с Андреем Курбским и после измены Курбского. Андрей Курбский уверен в сочувствии Корнилия: „и многажды много вам челом бью, помолитесь о мне окаянном, понеже паки напасти и беды от Вавилона на нас кипети многи начинают“.⁵ Отказ в деньгах, о котором мы узнаем из Послания, был, вероятно, случайным.

В 1560 г. Корнилий, по сообщению летописца, „помог“ взять город Вельян царским войскам: в праздник Успенья богородицы послал со святой водой священника, а вечером город от ядер загорелся и был взят. Воеводами в монастырь был прислан вельянский колокол. На известии 1567 г. летопись Корнилия обрывается.

В 1570 г. Корнилий встречает Ивана Грозного во время его приезда в Псков. Об этом мы узнаем уже из Псковской I летописи, а из повести о начале Печерского монастыря узнаем о казни Корнилия:

¹ Сочинения князя Курбского, т. I. Русск. ист. библ., т. 31, СПб., 1914, стр. 359—360.

² Там же, стр. 320.

³ Там же, стр. 405.

⁴ Там же, стр. 406.

⁵ Там же, стр. 381.

„летом сый яко 69, от тленного сего жития земным царем был пред-послан к небесному царю в вечное жилище“ (ср. у Курбского: „тогда же убиен от него Корнилий игумен Печерского монастыря“). „Тогда убиен вкупе с ним другой мних, ученик того Корнилия, Вассыян именем, по наречению Муромцев: муж был ученый и искусный и во священных писаниях последователь“.¹ Причина казни Корнилия и Вассиана была предметом многих предположений и споров историков. Но, как заметил А. Насонов, причины казни Корнилия могут быть выяснены при знакомстве с его летописями. Однако А. Н. Насонов не проанализировал до конца его летописи.

Как мы уже говорили, изменения в летописи Корнилия² по сравнению с Псковской I летописью проникнуты единой мыслью. Каковы же особенности летописи Корнилия? Какова идеология автора или редактора ее?

Автором летописи Корнилия вносятся изменения уже в известия XV в. Они незначительны, но показательны. Так, например, к сообщению списков Псковской I летописи о смерти князя Ивана, сына великого князя Василия Дмитриевича, Строевский список добавляет, что князь этот был „вятшем“ сыном великого князя, тем самым ясно давая понять, что великий князь Василий Васильевич не лучший из сыновей Василия Дмитриевича.³ В изложение событий 1443 г. вносятся уже значительные изменения: приехал наместник великого князя Александр Васильевич — „целоваше крест ко князю великому Василью Васильевичу и ко всему Пскову и на всей псковской пошине“.⁴ А в Тихановском списке Псковской I летописи мы читаем: „целова крест ко князю великому Василию Васильевичу и ко всему Пскову по псковской пошине, по князя великого слову и по его воле“. Ясно, что автор Строевского списка стремится затушевать ведущую роль великого князя в его назначении, не хочет дать в летописи юридического обоснования подобного назначения князей в Псков в дальнейшем. Получается видимость добровольного подчинения псковичей.

О событиях 1462 г. Псковская I летопись говорит с осуждением: людей, „сопхнувших со степени“ князя Владимира Андреевича, она называет „невегласами“, злыми людьми. Между тем летопись Корнилия сочувствует этим псковичам, осуждает Владимира: „он приеха не по псковской старины, псковичи не зван, а на народ не благ, изо Пскова с бесчестием поеха на Москву к великому князю Ивану Васильевичу

¹ Там же, стр. 321.

² Погодинское собрание, № 1413. Хранится в Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

³ Там же, л. 72. — В Псковской I и Псковской III летописях несколько раз встречаются жалобы на великого князя Василия Васильевича: в 1427 г. посол его не „учинил никоея помощи своим посольством“, в 1455 г. у новгородцев „добрых людей побиша много“ и т. д.

⁴ Там же, л. 93.

жалится на пскович¹.¹ Не признает летописец князя, привезенного по воле великого князя безо всякого на то желания псковичей.

Подробно описывает летопись Корнилия приезд Софьи Палеолог в Псков, в то время как в Псковской I летописи об этом событии сообщается очень кратко. Это блестящий эпизод в истории феодального Пскова: Псков встречает царевну как дружественная самостоятельная боярская республика. Интересно подчеркнуть, что в это время прямого наместника великого князя в Пскове не было.

Часто летопись Корнилия намеренно выпускает известия о наместниках великого князя: 1488 г. — смерть Ярослава, 1489 г. — отъезд Константина в Литву. Почти совсем летопись не говорит о делах общерусских, как, например, под 1492 г. пропущено известие о том, что воеводы великого князя взяли Нарову, под 1496 г. — о походе на Свею, под 1509 г. — о походе Углицкого и Волоцкого князей к Казани.

Под 1490 г. в летописи Корнилия умалчивается о том, что псковичи по требованию великого князя ходили к Иван-городу. Под 1499 г. летопись Корнилия говорит только о том, что великий князь отдал Новгород и Псков своему сыну, тогда как в Псковской I летописи за этим сообщением следует длинный рассказ о том, что псковичи отказывались целовать крест Василию, а просили Ивана Васильевича и его внука „держать их по старине“, на что великий князь отвечал им: „ино кому хочю, тому дам княженство“.² Летопись намеренно выпускает это свидетельство о реальной силе великого князя в Пскове.

Выпускаются известия, говорящие о совместной борьбе москвичей с псковичами против немцев и Литвы. Нет известий 1500 г. о победе московских воевод над литовскими воеводами, нет рассказа и о том, как псковичи „не ослушались“ великих князей и помогали им против Литвы. Под 1501 г. нет известия о том, что псковичи дрались вместе с москвичами у Изборска и были „на государьской службе в Литовской земли“,³ как в этом же году просили помощи у великих князей, и „князи великии ялися отчину свою боронити от немец“.⁴ Рассказывая о том, как немцы взяли Остров, летописец не говорит, что москвичи боролись вместе с псковичами.

После событий 1510 г. летопись Корнилия продолжается в том же духе. Выпущены известия 1511 г., где говорится о добрых наместниках великого князя, о том, что псковичи помогали великому князю под Смоленском.

О начале Печерского монастыря в летописи Корнилия, принадлежащей Печерскому монастырю, написано очень мало. В других

¹ Там же, л. 112 об.

² ПСРЛ, т. IV, стр. 275.

³ Там же, стр. 273.

⁴ Там же.

летописях подробно рассказывается о монастыре, о его чудесах и славе „не токмо в Руси, но и в Латыне, рекше в Немецкой земли, даже и до моря Варяжска“.¹ О Мисюре Мунехине, который снабжал монастырь средствами, говорится коротко — помогал. Важно отметить, что и в других местах летописи, когда Псковская I летопись говорит о Мисюре, Строевский список опускает эти известия. Это происходит потому, что Мисюр Мунехин был олицетворением московской власти в Пскове. Замалчивание его имени явно тенденциозно, так как 18 лет, с 1510 г. до своей смерти, Мисюр играл виднейшую роль в жизни Пскова. Опущено сообщение о том, что дьяк Мисюр Мунехин вместе с наместником великого князя водил войско псковичей под Бреслав. В 1521 г. Мисюр от имени Пскова заключил мир с немцами по приказанию великого князя — летопись Корнилия это известие опускает. Нет известия в летописи Корнилия о том, что в 1523 г. Мисюр выступал посредником между великим князем и ревельским архиепископом. В 1525 г. Мисюр построил по приказанию великого князя „стрельницу каменную на Гремячей горе“. В 1528 г. Мисюр умер в Пскове, был похоронен в Псково-Печерском монастыре, а имущество его взял себе великий князь. Всех этих известий в летописи Корнилия нет. Замалчивая деятельность Мисюра, летописец стремится понизить престиж великого князя в Пскове.

Можно было бы допустить, что известия о Мисюре не выпускаются Корнилием, а вставлены редактором Псковской I летописи, составленной или Филофеем, тесно связанным с Мисюрем, или кем-нибудь из окружения Филофея. Но для такого предположения нет достаточных оснований: во-первых, известия, которые пропускает Корнилий, никогда не бывают посвящены одному Мисюрю, так что пропуски эти делаются с большим ущербом для летописи. Во-вторых, Мисюр был хорошо известен монахам, ведь он первый сделал их монастырь значительным. То, что монахи замалчивают не только его видную деятельность в Пскове, но и его погребение в монастыре, конечно, не случайно.

В 1517 г. во Пскове обвалилась стена, и Иван Фрязин ее восстановил, „стена стала сорок сажень великому князю семьсот рублев, oprочи повозу поповского, а псковичи песок носили решетом сеючи“. Летопись Корнилия опускает это известие об укреплении великим князем псковских оборонительных сооружений. Печерская летопись осуждает вторичную женитьбу Василия Ивановича: „прелюбы творит“.² Между тем, в других списках трогательно рассказывается о горе Василия Ивановича; вторичную женитьбу ему подсказывают бояре.

Об Иване Грозном Корнилий пишет в духе обличения, а возможно и клеветы. Иван Грозный с братом Георгием был в Новгороде, затем в Печерах, Ворониче и Пскове и уехал, „не управив своей отчины

¹ Там же, стр. 293.

² Погодинское собрание, № 1413, л. 218.

ничего; а князь великий все гонял на мсках, а христианом много протор и волокиды учинив“.¹ Здесь также рассказывается иначе, чем в других летописях о царской женитьбе и венчании: „и восхоте царство устроить на Москве; и якоже написано в пакалипсей глава 54: пять бо царев минуло, а шестой есть, но не убо пришло, но се абие уже настало и приде“.² Слова из Апокалипсиса приводятся Корнилием здесь вторично, но не до конца. В рассказе о событиях 1510 г. дальше идут слова об антихристе, между тем, в других летописях рассказывается о молитвах Ивана Грозного Троице, Печерской богоматери и о том, что Иван Печерскому монастырю дал сёл много и садами пожаловал многими. Об этих подаренных Псково-Печерскому монастырю землях как раз в Печерской летописи нет ни слова.

Таким образом, автор или редактор Псковской III летописи неизменно враждебно относится к великим князьям. Он не только сильно искажает, — он фальсифицирует историю. В его летописи не отмечается все возрастающая зависимость Пскова от Москвы; роль Москвы в обороне Пскова от немцев и Литвы сведена на-нет; присоединение Пскова к Москве рассматривается как насилие. Общерусские события Корнилия не интересуют. По Корнилию, Псков живет до самого 1510 г. жизнью самостоятельного боярского государства, никому не подчиняясь, ни от кого не завися, ни в чьей помощи не нуждаясь.

Сравнивая летопись Корнилия с Псковской I летописью, можно отметить еще одну интересную особенность: в летописи Корнилия выпущены все те известия, на основании которых можно судить об ожесточенной классовой борьбе в Пскове. Так, о деле со смердьей грамотой в Строевском списке нет ни слова, в то время как оно является ярчайшим фактом классовой борьбы в Пскове; нет известия 1483 г. о том, как секли дворы у посадников, о том, как в 1484 г. была обнаружена новая смердья грамота, о пяти посольствах в Москву, о том, что в течение двух лет сила на вече была в руках „черных людей“, о вмешательстве великого князя в эти события, о возобновлении этого дела в 1486 г. Между тем, обо всех перечисленных событиях рассказывается и в Псковской I и в Псковской II летописях, хотя и в совсем различных редакциях. Под 1495 г. выпущены известия о том, как на вече бесчестили священников и дьяконов за то, что они не хотели дать людей на войну в помощь великому князю.

Корнилий несравненно больше других летописцев стремился затуманить классовую борьбу в Пскове, представить жителей Пскова как однородную массу. Это может говорить о принадлежности Корнилия к классу, который был заинтересован в таких представлениях, к классу боярства. Сравнивая летопись Корнилия с другими летописями, можно отметить в ней определенное и ярко выраженное отрицательное отно-

¹ Там же, л. 223 об.

² Там же, л. 224.

шение к Новгороду. О событиях 1478 г. в Новгороде, о разгроме новгородцев великим князем летопись Корнилия пишет гораздо подробнее, чем Псковская I летопись, где летописец говорит, что „иное бы писал, и не имею что писати от многия жалобы“.¹ Печерский летописец относится к этим событиям безразлично, если не враждебно: „Се же все бысть по строению божию; что ми о сем промышляти много, или писанию предавати? Якоже бо богу годе, тако и zde все совершишася“.² Подробно рассказывается и о жалобах псковичей великому князю на новгородцев. Здесь отразилась больше, чем в других летописях, феодальная вражда с Новгородом и феодальные интересы.

В летописи Корнилия нет не только повести о псковском взятии, но и Послания митрополита Симеона и Послания игумена Памфила. Однако, повидимому, эта вставка повести и посланий сделана редактором Псковской I летописи, так как послания по их тематике и направленности близки Филофею.³

Запись событий 1510 г. прямо отвечает на вопрос об отношении Корнилия к Москве, к факту присоединения Пскова к Москве. Эта короткая запись, по сравнению с Повестью о псковском взятии, подходит на перечень обвинений великого князя: „В лето 7018. Приехал в Псков князь великой Василей Иванович, месяца генваря 24 день, и обычай псковской переменял и старину порушил, забыв отца своего и дедов его слова и жалованья до пскович и крестного целованья, да уставил свои обычаи и пошлыны новыя уставил“.⁴ Дальше рассказывается о том, как отнял отчину у псковичей, 300 человек вывез, а 6500 дворов выселил из застенья, а „писал Пскову мягко: яз ден князь великий Василий Иванович вас, отчину свою, хочу жаловати по старине, а хочу побывать у святой Троицы, управы вам хочу учинити“, — и заканчивает свою запись словами из Апокалипсиса: „пять бо царей минуло, а шестой есть, но не убо пришел, шестое бо царство именует в Руси Скифского острова; ни бо именует шестой, а седьмый потом еще, а осьмый антихрист... сему бо царству расширятся и злодейству умножатся“. Сравнивая заключение Корнилия с произведениями Филофея и Хронографом 1512 г., мы можем сделать вывод, что Корнилию были хорошо знакомы эти произведения. Заключение Корнилия об антихристе является пародией на рассуждения Филофея о трех Римях. Слова „сему бо царству расширятся и злодейству умножатся“ являются пародией на слова из Хронографа 1512 г.: „ей же (Русской земле. — Н. М.) дажь расти и младети и расширятся и до скончания века“.

Мы не можем получить представления о положительной программе Корнилия, так как им самим составлены только известия 1510 и 1547 гг.

¹ Псковские летописи, 1941, стр. 75.

² ПСРЛ, т. IV, стр. 261.

³ В. М а л и н и н, ук. соч., стр. 122—123.

⁴ ПСРЛ, т. IV, стр. 282.

Возможно, что у Корнилия и не было положительной программы. Прогрессивная мысль, прогрессивные классы создали положительную программу, реакционное направление может спорить с этой программой, своей же положительной программы оно им противопоставить не может.

Итак, Корнилий в Строевском списке искажает, фальсифицирует историю Пскова. Резко отрицательно относится он к великим князьям еще задолго до присоединения Пскова к Москве. Он не признает возрастающей зависимости Пскова от Москвы. Он рисует историю Пскова как историю самостоятельного государства и не признает необходимости связи с Москвой. Он стремится изобразить псковичей как однородную массу населения, единый народ, без классовых конфликтов и противоречий. События 1510 г., окончательное присоединение Пскова к Москве Корнилий расценивает как насилие и нарушение старины. „Сему бо царству расширяться и злодейству умножатися“, с иронией говорит Корнилий. А в I Псковской летописи псковичи говорят о себе: „отчина есме его была изстари отцев его и дедов и прадедов его“.¹

Взгляды Корнилия говорят о реакционности и ограниченности его мировоззрения, о местной узости его интересов. О том, что оппозиция Корнилия была именно оппозицией боярства, говорит, во-первых, то, что только боярство не было заинтересовано в присоединении к Москве и единственно оппозиционным власти великого князя было боярство. Во-вторых, это подтверждается и стремлением Корнилия затушевать классовую борьбу, и его отношением к Новгороду, в котором отразилась феодальная борьба Пскова и Новгорода. Это подтверждается также и общностью интересов Курбского и Корнилия.

Мы можем говорить о близости Корнилия к партии нестяжателей, как мы говорили о принадлежности Филофея к иосифлянам. Тогда борьба Корнилия и Филофея будет, между прочим, отражать борьбу нестяжателей и иосифлян.

О нестяжательстве Корнилия можно говорить только на основании косвенных данных. Корнилия нельзя сравнить с идеологом нестяжательства Нилом Сорским, но можно сравнить с Вассианом Патрикеевым — вождем реакционного боярского, антигосударственного движения. Отрицательное отношение к великому князю, сепаратистские настроения, феодальные интересы Корнилия могут подтвердить эту мысль. Андрей Курбский в своей „Истории о великом князе Московском“ делает замечания по поводу Псково-Печерского монастыря: „бесчисленные чудеса прежде истекали благодатию христа бога нашего и пречистыя его матере молитвами, поколь было имений к монастырю тому не взято, и нестяжательно мниси пребывали (т. е. при Корнилии), егда же мниси стяжания почали любити, паче же недвижимыя вещи, сиречь села и веси, тогда угасоша божественная чюдеса“.² Может быть, по-

¹ Там же, стр. 286.

² Сочинения кн. Курбского, СПб., 1914, стр. 321.

зией Корнилия, близкой к нестяжателям, можно объяснить и его умолчание о дарственных землях? Очень важно еще одно обстоятельство. Как отмечено выше, летопись Корнилия осуждает вторичный брак Василия III в то время, как другие летописи об этом говорят сочувственно по отношению к Василию III. Это можно объяснить тем, что первая жена Василия III, Соломония Сабурова, поддерживала нестяжателей вообще и Вассиана Косого, в частности. Заточение ее в монастырь и вызвало гнев Корнилия. Курбский также осуждает этот второй брак, рассказывает о том, что Семен Курбский и Вассиан Патрикеев препятствовали этому браку, за что Василий III и заключил Вассиана „к подобным себе в злости презлым осифлянном“.¹ Близость Корнилия к нестяжателям еще раз подтверждает реакционность его классовой позиции.

Анализ политической направленности летописи Корнилия решает вопрос о причинах его казни. С середины 60-х годов правительством Ивана Грозного делается поворот в своей политике к опричнине, „вступает на путь открытых репрессий против боярства в форме казней и опал виднейших его представителей“.² Таким виднейшим представителем боярства в Пскове был Корнилий и притом опаснейшим.³ Связь Корнилия с Андреем Курбским показательна. Оппозиция местного боярства превращается в оппозицию боярства вообще. Образование единого Русского государства, уничтожение границ феодальных полугосударств привело к объединению оппозиционных сил в XVI в., опасность боярской оппозиции от этого возрастает. Сопротивление разрозненного боярства, боярства отдельных разрозненных областей в XIV—XV вв. не могло быть так сильно, как сопротивление объединенного боярства в XVI в. Этим и объясняется то, что именно Иван Грозный борется с боярством такими решительными средствами.

Заключение

К концу XV в. в Пскове, как и во всей Русской земле, созрели экономические условия, требовавшие образования единого Русского централизованного государства. Ускоренными темпами идет развитие ремесла, растет товарность сельского хозяйства, расширяется торговля, большее значение приобретает торговля с „низовскими“ городами. В Пскове, как и в остальных областях Русской земли, наблюдается дальнейшее закрепощение земледельческого населения. Изорники, половники, кочетники являются уже целиком зависимым населением. Постепенно закрепощаются и смерды — основное земле-

¹ Там же, стр. 164.

² И. И. Смирнов. Иван Грозный, 1944, стр. 87.

³ Корнилий не был единственным в своей оппозиции, с ним были казнены 190 псковичей (Синодик Грозного № 33; Сказания кн. Курбского. СПб., 1842, стр. 424).

дельческое население, причем это проводится местными землевладельцами при прямой поддержке великого князя московского.

Псков — пограничный город Русской земли — нес на себе всю тяжесть борьбы с внешней опасностью. Опыт многовековой борьбы с Ливонским орденом и Литвой показал псковичам, что действительную помощь в борьбе им может оказать только Москва.

В Псковской земле, как и в других областях Русской земли, увеличивалось „в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья“.¹ Однако не все население Пскова было заинтересовано в присоединении к Москве. Представление о Пскове как о „тихом переулке русской истории“ принципиально неверно. История Пскова, о которой В. О. Ключевский говорил, что в ней не было ни социального антагонизма, ни социальной борьбы, на самом деле была полна социальными противоречиями и классовой борьбой. В вопросе о присоединении к Москве сказалась разница классовых интересов. Боярская верхушка Пскова, боярская олигархия, которая была как бы коллективным удельным князем, не хотела терять своей самостоятельности, хотя и она была заинтересована в помощи великого князя московского против внешней опасности и против эксплуатируемого большинства населения Пскова. Однако присоединение к Москве грозило гибелью ее политическому, а потому и экономическому, могуществу, это и поставило боярство Пскова в оппозицию к Москве и власти великого князя.

Но объективный процесс объединения русских земель развивался. Отношения между Псковом и Москвой становились все теснее, и события 1510 г. были вполне закономерным завершением ранее сложившихся отношений.

Присоединение Пскова к Москве является центральным моментом истории Пскова, оно довольно подробно освещено псковскими источниками. Изучая источники не только как свидетельство о фактах прошлого, но и как памятники общественной мысли, подходя к творчеству летописца не как к записям бесстрастного компилятора, а как к его политической деятельности, мы можем вскрыть сложность идеологической борьбы в Пскове по вопросу о присоединении его к Москве. В Пскове существовали две точки зрения на присоединение Пскова к Москве.

Автор Псковской III летописи игумен Корнилий выражал точку зрения оппозиционную по отношению к власти великого князя, к обра-

¹ Ф. Энгельс — см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 443.

зованию единого Русского государства. Изучая Псковскую III летопись в связи со всей историей Пскова, мы приходим к выводу, что оппозиция Корнилия была оппозицией представителя крупного боярства.

Таким образом, существование оппозиции власти великого князя в Пскове объясняется не местными областническими настроениями, якобы присущими новгородцам и псковичам. Корни этой оппозиции классовые, общерусские. В образовании единого Русского централизованного государства боярство видело свою близкую гибель и всеми силами сопротивлялось этому процессу.

Изучение псковской литературы позволяет сделать вывод, что сознание единства Русской земли, сознание необходимости образования единого Русского государства жило не только в Москве. В Пскове были сторонники присоединения к Москве. Их точка зрения была выражена Филофеем в его посланиях, автором Повести о псковском взятии в Псковской I летописи, редактором Хронографа 1512 г., редактором Хронографической Палеи. Псковские условия не породили столь сильной боярской оппозиции, какая была в Новгороде, но они дали целую плеяду сторонников присоединения к Москве, псковичей, передовых мыслителей своего времени.

Возникновение в Пскове теории Москвы — третьего Рима имело большое политическое значение: в Пскове сознавали единство Русской земли, величие Русского государства, видели центр Русского государства в Москве. Яркое выражение нашел этот взгляд на Москву, на власть великого князя и в остальных произведениях Филофея. Царю нужно повиноваться, служить ему верой и правдой — внушает Филофей псковичам.

Совпадает со взглядами Филофея на власть великого князя и взгляд автора Повести о псковском взятии. Автор Повести называет Псков отчиной великого князя, „отцов его и дедов и прадедов его“. На примере истории Пскова мы убеждаемся в том, что объединение Русской земли было делом всего русского народа. Присоединение Пскова к Москве явилось результатом не только активной политики со стороны Москвы, но было поддержано в самом Пскове и получило яркое отражение в его литературе.

Филофея нельзя безоговорочно рассматривать как представителя официальной, правительственной московской идеологии, как это до сих пор делалось. Филофей — сторонник Москвы в еще независимом Пскове. С другой стороны, Корнилия нельзя также безоговорочно рассматривать, как представителя псковских областнических тенденций. Корнилий не только псковский противник Москвы — он представитель оппозиции крупного боярства власти государя „всех Русии“ в уже воссоединившемся с Москвою Пскове. Корни идеологии обоих — классовые.

Приведенные факты говорят о том, что так называемые „областнические тенденции“, рассматриваемые вне их конкретной классовой обусловленности в каждом отдельном случае, — в значительной мере фикция,

созданная дворянской и буржуазной исторической наукой, а от нее перешедшая и в историю русской литературы. Ни одна из областей Русской земли в своей оппозиции поднимающейся Москве никогда не выступала как единое целое. В каждой из областей шла напряженная политическая борьба сторонников и противников объединения Руси под державою великого князя московского. И эта борьба была одной из форм классовой борьбы; ее корни отнюдь не отвлеченно „областнические“.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в.

В русской истории — в том виде, как она писалась дворянскими и буржуазными историками XIX в., — есть одно странное и вызывающее недоумение обстоятельство. Сильные характеры и яркие характеристики этих сильных характеров возникают в изложении ее только с XVI в.

Это особенно ясно уже у Карамзина. Карамзин ставил себе одной из главных задач раскрыть читателю „характер наших древних героев“. И при этом он признавался сам: „До сих пор (т. е. до XVI в.) я только хитрил и мудрил, выпутываясь из трудностей. Вижу за собою песчаную степь африканскую“.¹ Первым характером, на котором прерывалась эта „степь африканская“ для Карамзина, был характер Грозного. В письме к А. И. Тургеневу он сообщал: „Оканчиваю Василья Ивановича и мысленно уже смотрю на Грозного, какой славный характер для исторической живописи! Жаль, если выдам историю без сего любопытного царствования! Тогда она будет как павлин без хвоста“.²

Казалось бы Иван Грозный — первый сильный характер в русской истории. За ним следует ряд других: Борис, Самозванец, Гермоген...

Ту же мысль — об отсутствии ярких характеров в русской истории до Грозного находим мы и у В. О. Ключевского: „Исторические памятники XIV и XV вв. не дают нам возможности живо воспроизвести облик каждого из этих князей. Московские великие князья являются в этих памятниках довольно бледными фигурами, преемственно сменявшимися на великокняжеском столе под именами Ивана, Семена, другого Ивана, Димитрия, Василя, другого Василя. Всмотреваясь в них, легко заметить, что перед нами проходят не своеобразные личности, а однообразные повторения одного и того же фамильного типа. Все московские князья до Ивана III, как две капли

¹ М. Погоскин. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников, М., 1866, т. II, стр. 87, письмо из Парижа 1790 г.

² Там же, стр. 119.

воды, похожи друг на друга, так что наблюдатель иногда затрудняется решить, кто из них Иван и кто Василий“.¹

И у Ключевского, как и у Карамзина, яркие характеристики „древних героев“ русской истории начинаются только с Грозного.

Вспомним, что и у других историков, и в исторической беллетристике, и в исторической драматургии — главные характеры, привлечшие наибольшее внимание ученых, художников, — это Грозный, Борис, Самозванец, Шуйский. Чем объяснить такое странное положение? Неужели и, в самом деле, сложные и сильные характеры появляются в русской истории только с половины XVI в.?

Как будет ясно из дальнейшего, многое в этой картине зависело от самих исторических источников. Это особенно ясно у Карамзина, который ставил себе главной задачей художественный пересказ древних источников, но и в других случаях, когда мы имеем дело с тем же „художественным“ воссозданием исторической действительности (у Соловьева, у Ключевского), мы видим то же следование источникам, их характеристикам. Образы русских исторических деятелей второй половины XVI в. — начала XVII в. были подсказаны этими источниками главным образом „художественно“. Поразительные по своеобразию характеристики, созданные в повествовательной литературе начала XVII в., оказались действенными для всей исторической литературы последующего времени. Пересматривались факты, но не пересматривались характеристики. Критически взвешивались все сведения частного характера, но при создании основных исторических обобщений историки и писатели нового времени долго оставались в плену у художественных образов, созданных авторами начала XVII в.

Начало XVII в. было временем, когда человеческий характер был впервые „открыт“ для писателей во всей его сложности и противоречивости.² До XVII в. проблема „характера“ вообще не стояла в рус-

¹ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. II, М. — П., 1923, стр. 58—59.

² Мысль об „открытии“ человеческого характера в литературе начала XVII в. была впервые высказана О. А. Державиной в статье „Анализ образов повести XVII в. о царевиче Димитрии Угличском“. Приведу полностью высказывание О. А. Державиной. Говоря о размышлениях дьяка Ивана Тимофеева по поводу характера Бориса Годунова, О. А. Державина пишет: „Такое размышление над характером человека (мы встречаем его в зачаточном виде и у других писателей начала XVII в.) — большая новость в древней русской литературе, где личность обычно была выразительницей божественной воли или «сосудом дьявольским». Правда, у писателей XVII в., рядом с этой новой чертой, почти всюду мы читаем и ссылку на сатану, врага рода человеческого, который влагает злые мысли в голову Бориса, — так, новые черты сосуществуют рядом со старым традиционным, средневековым объяснением. Но все же появление этих элементов подлинной характеристики очень значительна. Оно указывает на растущий интерес к человеку как личности, к его индивидуальным, отличающим его от других людей, особенностям. В сложном образе Годунова древне-русский писатель впервые столкнулся с нелегкой задачей — дать характеристику живого человека, в котором перемешаны и хорошие и дурные качества, которого, как выдающуюся личность с ярко выраженной индивидуальностью,

ской литературе. И это „открытие“ настолько поразило воображение писателей, что они в основном устремили свое внимание именно сюда — на человеческую личность, поставили ее в центр своих сочинений, и свое отношение к историческим характерам сделали главным объектом своего писательства. Характеристики, созданные ими своим современникам, и создали впечатление, что „характеры“ в русской истории появляются только с Грозного.

* * *

Уже в XVI в. постепенно формируется новый тип исторических сочинений, новое отношение к самому материалу исторических сочинений. Старые летописные принципы работы — составление сводов, исторических компиляций — с сохранением в их составе предшествующих исторических сочинений, как своего рода документального материала,¹ в XVI в. в значительной мере поколеблены. Авторы исторических сочинений XVI в. стремятся к проведению в основном двух новых принципов: единства точки зрения на исторические события и единства темы исторических сочинений.

Требование единства точки зрения на весь описываемый исторический процесс сказывается, прежде всего, в отношении авторов к материалу, послужившему источником их работы. Летописцы предшествующих XI—XV вв. подвергали тексты используемых ими летописей весьма скупой и осторожной переработке. Они стремились сохранить тексты своих источников. Историки же XVI в., будто автор Степенной книги или автор Казанской истории, усиленно перерабатывают используемый ими материал, стремясь к единству всего повествования: идейному и даже стилистическому. Они стремятся к строгому и постоянному подчинению всего исторического повествования единой авторской точке зрения. Политическая точка зрения авторов исторических произведений никогда прежде не выступала с такою отчетливостью, никогда прежде не была проведена с таким упорством во всем изложении. Авторы исторических произведений XVI в. проявили необыкновенное трудолюбие в преодолении всяческих трудностей на этом пути, в том числе и стилистических (вспомним стилистическую отделку Степенной книги, Казанской истории и др.).

Требование единства темы привело к образованию нового типа исторического повествования: сочинений, посвященных ограниченному историческому периоду или одному историческому лицу. Предшествующие летописи, как правило, начинались „от сотворения мира“, нельзя уложить в привычную схему. И надо сказать, что лучшие из писателей XVII в. справились со своей задачей неплохо. Мешало делу предвзятое мнение, с которым все они вольно или невольно подходили к личности Годунова, и та дидактическая цель, какую они себе ставили“ (Уч. зап. Моск. гор. пед. инст., т. VII, Каф. русск. лит., вып. 1, М., 1946, стр. 30).

¹ См. мою статью „О летописном периоде русской историографии“. *Вопр. ист.*, 1948, № 9.

либо от начала Русской земли. Даже узко местные летописи открывались обычно с сокращенного изложения событий, описанных в Повести временных лет, или с кратких выдержек из хронографов. Этот летописный тип изложения сохраняется и в XVI в. („Никоновская летопись“, Лицевой свод), но рядом с ним вырастает и новая форма исторического повествования: „Летописецъ начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича“, посвященный только Грозному, „История о московском великом князе Иване Васильевиче“, также посвященная только Грозному, „История о Казанском царстве“ и др. Во всех этих произведениях единство темы облегчало пониживание всего повествования единством точки зрения, и, наоборот, единая точка зрения приводила к сужению исторического повествования до одной темы: биографии монарха, описания истории одного города и т. п., или до обзора исторических событий ограниченного периода.

Но кроме этих двух взаимосвязанных новостей исторического повествования XVI в. — единства точки зрения на исторические события и единства темы исторического повествования — уже XVI век дает себя знать и в пробуждении интереса к исторической личности. Именно историческая личность становится в центр повествования „Летописца начала царства“, „Истории о великом князе московском“, „Степенной книги“. В Никоновском летописном своде этот интерес к исторической личности проявляется в риторическом развитии характеристик (особенно некрологических), в снабжении упоминаний об исторических лицах генеалогическими справками, в придаче мотивировок действиям тех или иных исторических лиц.

Необходимо отметить, однако, что на первых порах речь может идти только о развитии интереса к историческим личностям, к повышению их веса в историческом повествовании, но не о появлении нового отношения к этим личностям, не о новом понимании их характеров. Это достаточно отчетливо видно хотя бы на примере Степенной книги. Степенная книга служит ярким образцом интереса к личности русских исторических деятелей. Вся русская история сводится в ней к биографиям великих князей и митрополитов, к их характеристикам. Но в каждой из этих биографий и характеристик нет еще пока ничего принципиально качественно нового. Весь арсенал средств для характеристик заимствован в Степенной книге, как это неоднократно отмечалось уже, из житийной литературы или, реже, из Хронографа. Степенная книга была явлением параллельным к маркариевским Четьям минеям и не случайно, что обе эти „энциклопедии“ XVI в. вышли из одного и того же кружка книжников. Но житийная похвала не была еще характеристикой в полном смысле этого слова: „житие — не биография, — говорит В. О. Ключевский, — а назидательный панегирик в рамках биографии, как и образ святого в житии — не портрет, а икона“.¹

¹ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. II, 1923, стр. 314—315.

Следовательно XVI век отмечен ростом интереса к историческим личностям, но этот рост — пока лишь количественный; качественно интерес этот остается все тем же. Новое понимание человеческого характера начинает складываться лишь в произведениях XVII в., посвященных „Смуте“.¹ Они-то и составят главный предмет нашего дальнейшего рассмотрения.

* * *

Исторические сочинения первой половины XVII в., посвященные „Смуте“, резко отделяются от предшествующих летописей рядом особенностей и в первую очередь особым интересом к человеческому характеру и новым к нему отношением. Характеристики — составляют отныне одну из главных целей исторического повествования, они не только увеличиваются количественно, но и изменяются качественно. По сути дела „Временник“ дьяка Ивана Тимофеева представляет собою собрание характеристик деятелей „Смуты“ и событий „Смуты“. Вследствие этого автор не стремится к фактической полноте и последовательному хронологическому изложению событий. Тимофеев не столько описывает факты, сколько их обсуждает. Его „Временник“, в особенности в том, что касается событий после правления Шуйского, не отличается последовательной связью изложения: это очерки и характеристики, — в особенности последние.

Также точно и „Слова“ И. Хворостинина состоят в основном из характеристик деятелей „Смуты“, начиная от Бориса Годунова. Во вступлении к своему труду Хворостинин выясняет цели своего труда: он желает описать „пастырей наших детели“, подвиги „великодушных муж, и бескровных мучеников, и победоносцев“.²

То же самое может быть сказано и о „Повести“ кн. И. М. Катыва-Ростовского, в конце которой помещено даже особое „Написание вкратце о царех московских, о образех их, и о возрасте, и о нравах“.³

В известной мере тем же стремлением к обсуждению характера исторических личностей отмечено и „Сказание“ Авраамия Палицына, и „Иное сказание“, и „Повесть“ С. Шаховского и мн. др.

Этим интересом к интерпретации событий, а не к их фиксации, и, в особенности, к характеристикам участников этих событий отмечена вся литература о „Смутном времени“. Однако с наибольшей четкостью эта новая черта исторического сознания сказывается в русских статьях Хронографа второй редакции. Литературные достоинства второй редакции Хронографа и значение ее в развитии исторического знания на Руси до сих пор еще остаются недостаточно оцененными.

¹ Здесь и ниже пользуюсь выражением „смута“ лишь постольку, поскольку оно принадлежит самим писателям начала XVII в., так именно определявшим эпоху, послужившую предметом их исследования.

² Русская историческая библиотека, т. XIII, стр. 530.

³ Там же, стр. 619 и сл.

Самый состав Хронографа второй редакции обнаруживает в его авторе человека с незаурядной широтой исторических интересов. Предшествующая всемирная хронография в пределах от XI и до XVII в. в гораздо большей степени, чем русское летописание, была подчинена религиозным задачам. Всемирная история трактовалась по преимуществу как история церкви, как история православия в борьбе с ересями. Вторая редакция Хронографа — первый и крупный шаг на пути секуляризации русской хронографии. Это ярко выступает в тех дополнениях, которыми распространил автор второй редакции основное содержание Хронографа. Здесь и новые статьи из Еллинского летописца (преимущественно выдержки из хроники Иоанна Малалы, касающиеся античной истории), здесь и сочинения Ивана Пересветова, и дополнения из католических хроник Мартина Бельского и Конрада Ликостена. Из этих последних выписаны статьи географического содержания (например об открытии Америки), статьи по античной мифологии или общие статьи о магометанстве, по истории пап, по истории западноевропейских стран, по истории Польши. Все это не имело ни малейшего отношения к истории православия и даже противоречило ей. Неменьший интерес имеют и вновь включенные статьи, посвященные описанию наружности богоматери (из Слова Елифания Кипрского „О житии пресвятыя владичица наша Богородице“) и наружности Христа („Описание же божественныя Христовы плоти и совершеннаго возраста его сидево бысть“). В них сказывается интерес к реальному „портрету“.

Благодаря всем этим дополнениям Хронограф второй редакции (1617 г.) отличается значительно более светским характером, чем предшествующий ему Хронограф первой редакции (1512 г.). Однако наиболее отчетливо этот светский характер второй редакции Хронографа обнаруживается в его подробном повествовании о событиях „Смуты“.

Как уже давно было отмечено,¹ рассказ Хронографа 1617 г. о событиях русской истории XVI—начала XVII вв. представляет собою единое и стройное произведение. Это ощущается не только в стилистическом и идейном единстве всего повествования, но прямо подчеркивается автором постоянными перекрестными ссылками: „о нем же впереди речено будет в Цареградском взятии“,² или „о нем же впереди речено будет“,³ „о нем же писах в царстве блаженныя памяти Феодора Ивановича“,⁴ „о нем же писах и прежде“⁵ и т. п.

¹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2, М., 1869, стр. 117 и сл.

² А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 158.

³ Там же, стр. 188.

⁴ Там же, стр. 192.

⁵ Там же, стр. 194.

Важно при этом отметить, что и само это произведение, как и вся композиция второй редакции Хронографа, идет по пути той же секуляризации исторической литературы. В нем нет ссылок на священное писание, нет религиозного объяснения событий. Автор не приписывает „Смуту“ наказанию божию за грехи всех русских людей, как другие сочинители исторических произведений первой половины XVII в.

Этот светский дух пронизывает собою и всю систему характеристик деятелей русской истории. Перед нами в Хронографе второй редакции действительно „система“ характеристик: теоретически изложенная в кратких, но чрезвычайно значительных сентенциях, и практически примененная в изображении действующих лиц „Смуты“. Эта „система“ противостоит средневековой, она подвергает сомнению основные принципы агиографического стиля. В ней нет резкого противопоставления добрых и злых, грешных и безгрешных, нет строгого осуждения грешников, нет „абсолютизации“ человеческого характера, столь свойственной идеалистической системе мировоззрения средневековья.

Человеческий характер объявляется автором второй редакции Хронографа сотканным из противоречий, сложным, в известной мере „относительным“, соотнесенным со средой, условиями жизни, особенностями биографического порядка. „Не бывает же убо никто от земнородных безпорочен в житии своем“,¹ объявляет автор Хронографа. „Но убо да никто же похвалится чист быти от сети неприязньственаго злокозньствия врага“,² повторяет он. „Во всех земнородных ум человек погрешителен есть, и от добраго нрава злыми совратен“, иначе говоря, — каждый человек в той или иной степени „совращен“ от „добраго нрава“, данного ему при рождении. Нет, следовательно, во-первых, людей только злых или только добродетельных, и, во-вторых, человеческий характер формируется жизнью.

Живой пример такого „совращения“ доброго нрава на злой — Иван Грозный. Первоначально Грозный — образец доброго, мудрого и мужественного царя: „Он же убо имый разум благообычен, и бысть зело благоумен, еще же и во бранех на сопротивныя искусен, велик бе в мужестве, и умеа на рати копием потрясати, воиничен бо бе и ратник непобедим, храбросерд же и хитр конник; той убо варварския страны аки молния борзо обтече, и вся окрестныя устраши, и прегордыя враги покори. Бысть же и во словесной премудрости ритор, естествословен, и смышлением быстроумен, доброзрачен же и благосерд в воинстве, еще же и житие благочестиво имый, и ревностью по бозе присно препоясая...“.³ Но стоило умереть Анастасии Романовой, поддерживавшей в Грозном его „добрый“ от природы нрав, как характер его резко меняется, — от старого не остается и следа. Перед

¹ А. Попов. Изборник... стр. 186.

² Там же, стр. 189.

³ Там же.

нами другой человек, с диаметрально противоположным характером: „Блаженная же и предобрая супруга его не во многих летех ко господу отиде, и потом аки чюжая буря велия припаде к тишине благосердия его, и не вем, како превратися многомудренный его ум на нрав яр, и нача сокрушати от сродства своего многих, такоже и от велмож синклитства своего; во истину бо сбытвся еже в притчах реченное: яко парение похоти пременяет ум незлобив. Еще же и крамолу междоусобную возлюби, и во едином граде едины люди на другия поусты, и прочая опричиненныя нарече, другия же собственны себе учини, земщиною нарече. И сицевых ради крамолств сына своего болшаго царевича Ивана, мудрым смыслом и благодатию сияюща, аки незрелый грозд дебелим воздухом отрясе, и от ветви жития отторгну, о нем же неции глаголаху, як от отца своего ярости прияти ему болезнь, от болезни же и смерть...“¹

Если в этой характеристике Грозного автор второй редакции Хронографа еще зависит от Курбского и, следуя за этим последним, распределяет добродетели и злодеяния Грозного во времени, относя первые к первой половине царствования, а вторые ко второй, то во всех последующих характеристиках автор второй редакции Хронографа уже не прибегает к такому механическому разделению свойств характера во времени. Он совмещает их одновременно в одном и том же человеке, впервые в истории русской исторической мысли создавая жизненно-противоречивые характеристики исторических лиц, создавая образы, полные „шекспировских“ противоречий, драматизируя историю душевной борьбой, внося в них коллизии, борьбу, и творя характеры, которые впоследствии действительно привлекли внимание драматургов.

Сознательной противоречивостью исполнена характеристика Бориса Годунова; противоположные качества его натуры как бы нарочно сопоставлены, сближены в одной и той же фразе с тем, чтобы подчеркнуть противоречие: Борис „аще и зело прерасудительное к народом мудроправльство показа, но обаче убо и царстей чести зависть излия“.² Подробная характеристика Бориса, с которой начинается повествование о его царствовании во второй редакции Хронографа, вся построена на этом совмещении положительных и отрицательных качеств его характера: „Сей убо государь и великий князь Борис Федорович Годунов в свое царство в Руском государстве градов и монастырей и прочих достохвалных вещей много устроив, ко мздоиманию же зело бысть ненавистен, разбойства и татьбы и всякого корчемства много покусився еже бы во свое царство таковое на богоугодное дело искоренити, но не возможе отнюд. Во бранех же неискусен бысть: время бо тому не настояше, оруженосей же и зело изящен, а естеством светлodusен и нравом милостив, паче же рещи и нищелюбив, от него же мнози доброкапленныя потоки приемльше и от любодаровитыя его длани

¹ А. Попов. Изборник, стр. 186.

² Там же.

в сытость напитаешься, всем бо не оскудно даяния простираешься не точию ближним своим и сыновом руским, но и странным далним и иноплеменным аки море даяния и езеро пития разливаешься всюду, яко камения и древа и нивы вся дарми его упокоишася, и тако убо цветяся аки финик листвием добродетели. Аще бы не терние завистныя злобы цвет добродетели того помрачи, то могл бы убо всяко дrevным уподобитися царем, иже во всячественем благочестии цветущим. Но убо да никто же похвалится чист быти от сети неприязньственаго злокозньствия врага, понеже сей перстною плотию недуговаше, зело возлюби, и к себе вся приправливая, и аки ужем привлекаше“.¹

Из тех же противоречивых черт соткана и характеристика патриарха Гермогена. Признавая, что Гермоген был „словесен муж и хитроречив“, составитель второй редакции Хронографа тут же добавляет „но не сладкогласен“, и дальше: „а нравом груб и бывающим в запрещеннях косен к разрешениям, к злым же и благим не быстро распрозрителен, но ко лстивым паче и лукавым прилежа и слуховерствователен бысть“.²

Соткана из противоположных качеств в Хронографе и характеристика Ивана Заруцкого: „не храбр, но сердцем лют и нравом лукав“.³ Достаточно сложна характеристика Козмы Минина: „аще и не искусен стремлением, но смел дерзновением“,⁴ и т. д.

Вслед за автором второй редакции Хронографа эту противоположность, контрастность человеческого характера подчеркивают и другие авторы исторических сочинений первой половины XVII в.

„Этикетность“ прежних летописных характеристик по немногим рубрикам (либо законченный злодей, либо герой добродетели) исчезает в произведениях начала XVII в. Прямолинейность предшествующих характеристик отброшена, — и с какою решительностью! Вслед за второй редакцией Хронографа наиболее резко сказывается новый тип характеристик во „Временнике“ Ивана Тимофеева. Характеристика Грозного составлена Иваном Тимофеевым из риторической похвалы ему и самого страстного осуждения его „пламенного гнева“. Все люди причастны греху: „сице и сему (т. е. Грозному) осрашившуся грехом, ему же причастни вси“.⁵ Тимофеев дает разностороннюю и очень сложную характеристику Борису Годунову и утверждает, что обязан говорить и о злых и о добрых его делах: „и яже злоба о Борисе извещана бе, должно есть и благодеяний его к миру не утаити“.⁶

Тимофеев как бы считает себя обязанным писать о добродетелях Годунова, поскольку он писал и о его „злотворных“: „Елика убо зло-

¹ Там же, стр. 189.

² Там же, стр. 201.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 202.

⁵ Русская историческая библиотека, т. XIII, стр. 278.

⁶ Там же, стр. 339.

творная его подробну написати подшахомся, сице и добротворивая о нем исповедати не обленимся“.¹

Двойственность, контрастное совмещение скверных и добрых качеств в характеристиках Тимофеев считает знаком их беспристрастности: „И да никто же мя о сих словесы уловит, иже о любославнем разделением: во овых того есм уничижая, в прочих же, яко похваляя“.² И в другом месте: „егда злотворная одинако изречена бы, добрая же от инех сказуема, нами же умолкнута, — яве неправдование обнажилось бы писателево; а иже обоя вправду известуема без прилога, всяка уста заградятся“,³ т. е. никто не сможет возразить и упрекнуть автора в пристрастии, в односторонности, если он будет отмечать в человеке и злые и добрые черты. Положительная же или отрицательная характеристика — лишь обнажает „неправдование“ писателя.

Иван Тимофеев не может решить, какая из чаш весов перетянет после смерти Бориса: „В часе же смерти его никто же весть, что возоде и коя страна мерила претягну дел его: благая, ли злая“.⁴

Так же, как и автор второй редакции Хронографа, Иван Тимофеев, не рассматривает злое и доброе начала в характере человека как нечто извечное и неизменное. Впервые в русской литературе писатели начала XVII в. стремятся выяснить причины появления и роста в характере исторического лица тех или иных качеств, рассматривают влияние одного человека на другого. Автор второй редакции Хронографа отмечает влияние Анастасии Романовой на Грозного; Иван Тимофеев, как один из факторов добродетели в характере Бориса, отмечает доброе влияние на него со стороны царя Федора Иоанновича. „Не вем вещи силу сказати, откуда се ему доброе прибысть: от естества ли, ли от произволения, ли за славу мирскую... Мню бо, не мал прилог и от самодержавнаго вправду Феодора многу благу ему навикнути, от младых бо ногот придержася пят его часто“.⁵

Впервые, следовательно, в русской литературе был поднят вопрос о факторах, обуславливающих появление тех или иных черт в человеческом характере. Вневременная и абсолютная сущность человеческого характера, какой она представлялась в средневековье, поколеблена. Автора уже не смущает их изменчивость, как не смущают и контрасты. Иван Тимофеев различает следующие слагаемые человеческого характера на ряду с „естеством“: „произволение“, т. е. свободный выбор человека, „за славу мирскую“, т. е. тщеславие — оглядку на людское мнение, и, наконец, непосредственное влияние других людей — в данном случае царя Федора.

Перемена этих слагаемых вызывает изменения в человеческом характере. Так же как у автора второй редакции Хронографа — Гроз-

¹ Там же.

² Там же, стр. 331.

³ Там же, стр. 339.

⁴ Там же, стр. 341.

⁵ Там же, стр. 340—341.

ный, у Ивана Тимофеева — Борис Годунов меняет свой характер под влиянием изменения внешней обстановки. Эта перемена картинно изображена Иваном Тимофеевым.

„Сице и Борис, егда в равночестных честен бе и по цари вся добре управляя люди, тогда ко всему благ являя, во ответех убо обреташеся сладок, кроток, тих, податлив же, и любим бываше всем за обиды и неправды всякия от земля изытелство, яко едину ему такову по цари праведну тогда мняху вси во всецарствии обрестися. Сего, такового правосудства ради, и к церковию помазанию вси людие земли о нем усладившеся предкнущася: в получении жь толика преестествена высотою сана и несвойствена ему такова по всему чина, егда паче естества си совершенно одесея преславнаго царствия превсесветлаго благолепия порфирию, тогда мирови о мнящихся ими благих солган бысть надежду, еже о нем чаянием упования лучшаго, к нему купно и душевне верую. По получении же того величеством абия претворся и нестерпимо всяко, всем жесток и тяжек обретесе; о людех варив благотворенном малем и прелсти державу свою“.¹

Сложная и контрастная характеристика Бориса обошла всех писателей, писавших о „Смуте“ после 1617 г. Она сказалась не только во „Временнике“ Ивана Тимофеева, но и в „Словесах дней и царей и святителей московских“ Ивана Хворостинина. У него мы видим то же совмещение в образе Бориса противоречивых качеств: „Аще бо и лукавый нравом и властолюбив, но зело и боголюбив; церкви многи возгради и красоту градскую велелепием исполни; лихоимцы укроти, самолюбных погубив, областем странным страшен показася, и в мудрость житиа мира сего, яко добрый гигант, облечесе и прием славу и честь от царей“. А затем без всякого перехода: „И озлоби люди своя, и востави сына на отца и отца на сына, и сотвори вражду в домех их, и ненавидение и леть в рабех сотвори, возведе работных на свободных, и уничижи господа на началствующих, и соблазни мир и введе ненависть, и востави рабов на господей своих, и власти сильных отъят, и погуби благородных много, иже нелепо есть днесь простерти слово, да не постигнет нас время, повести деюще“.²

Контрастная характеристика Бориса предложена читателям и в „Повести“ И. М. Катырева-Ростовского: „Бысть же той Борис образом своим и дела множество людей превозшед; ниhto бе ему от царских синклит подобен во благолепие лица его и в разсуждение ума его; милостив и благочестив, паче же во многом разсуждении доволен, и велеречив зело, и в царствующем граде многое дивное о себе творяше во дни власти своя. Но токмо едино неисправление имяше перед богом и всеми людми: во уши его ложное приношаху; радостно тово послушати желаше и оболганных людей без рассуждения напрасно

¹ Там же, стр. 362—363.

² Там же, стр. 532.

мучителем предаваше. И властолюбив велми бываше, и начальников всего Российского государства и воевод, вкупе же и всех людей московского народу, подручны себе учини, якоже и самому царю во всем послушну ему быти и повеленное им творити“.¹

Остались чужды этой характеристики Бориса лишь „Иное сказание“, испытавшее влияние второй редакции Хронографа, но в своей начальной части более всего зависящее от „Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов“,² и, во-вторых, — „Сказание“ Авраамия Палицина, в основной своей редакции, составленной еще до 1617 г.

Проблема человеческого характера встала, таким образом, перед писателями первой половины XVII в. во всей ее сложности. Ее постановка повлекла за собой пересмотр многих основ средневековой оценки исторических явлений, средневековых исторических воззрений в целом. Самое зло и добро в применении к человеческому характеру оказались относительными. Эту мысль прямо декларирует автор второй редакции Хронографа, поясняя, что от зла может произойти добро, а от добра зло: „Бывает бо по случаю и пельнная лютость врачевания ради недуг в достохвалных словесех приобношается, тако же и от сеговыя злобы произыде доброта“.³

Замечательно, что характеры исторических лиц показаны в произведениях о „Смуте“ не изолированно. Они раскрываются в связи со слухами о них, в связи с народной молвой. В летописи не встречается передачи разных точек зрения на события, не согласных с авторской, характеристик не авторских. Между тем, авторы исторических произведений о „Смуте“ постоянно ссылаются на различные слухи, разговоры, толки, отчетливо осознавая значение „общественного мнения“.

Автор второй редакции Хронографа ссылается на разговоры о ссылке Нагих в Углич,⁴ об убийстве Борисом царевича Дмитрия,⁵ о поставлении Филарета Никитича,⁶ и т. д.

Характеры исторических лиц показаны на фоне народных толков о них. Вот как характеризуется, например, Самозванец: „глаголаше же о нем мнози, яко по всему уподобитися ему нравом и делом скверному законопреступнику нечестивому мучителю царю Иулиану“.⁷ Передается и мнение народа о сыне Бориса Федоре Борисовиче: „о нем же мнози от народа тайно в сердцах своих възрыдаша за непорочное его житие“.⁸

¹ Там же, стр. 563.

² Точку зрения Е. Н. Кушевой на это произведение, как на основу для позднейшей „Повести 1606 г.“, известную только в составе „Иного сказания“, считаю доказанной („Из истории публицистики Смутного времени XVII в.“, Уч. зап. Саратов. унив., т. V, Саратов, 1926).

³ А. Попов. Изборник, стр. 193.

⁴ Там же, стр. 186—187.

⁵ Там же, стр. 188 и 189.

⁶ Там же, стр. 189.

⁷ Там же, стр. 192.

⁸ Там же.

Автор второй редакции Хронографа не стесняется приводить мнения, резко расходящиеся с его собственными. Он собирает все „за“ и „против“, подвергая их строгому разбору. Так, например, в Хронографе полностью переданы слова сторонников Тушинского вора о Василии Шуйском, которого автор второй редакции Хронографа в общем идеализирует. Эти „крамольницы“ и „мятежницы“ так отзывались о Шуйском: „а ныне его ради кровь проливается многая, потому что он человек глуп и нечестив, пьяница и блудник и всячествованием неистовен, царствования недостойн“.¹ В противовес этому мнению приводится и другое: „Сия же слышавше и мнози от народа рекоша к ним сице: «государь наш царь и великий князь Василей Иванович сел на Московское государство не сильно, выбрали его быти царем большие бояре и вы, дворяне, и все служилые люди, а пиянства и всякого неистовства мы в нем не ведаем; а коли бы таковому совету быти, ино бы тут были большие бояре да и всяких чинов люди»“.²

То же преломление характера исторического лица через народную молву, слухи, иногда сплетни опять-таки встречаются и во „Временнике“ Ивана Тимофеева, и в „Словесех дней“ Ивана Хворостинина.

У Тимофеева окружена этой народной молвой смерть Грозного: „Глаголаху же нецыи, яко прежде времени той, яростнаго ради зельства, от своих раб подъя угашение своая жизни, яко же и чадом его по нем они сотвориша тожде. Смерти же его во странах языческих, яко о празднице светле, много сотворися радость, и весело восплескаша руками“.³

У Хворостинина в связи с народными толками дана характеристика Гермогена: „яко же слышахом, етери глаголюще, яко соблазн и смущение патриарх той сотворил есть и возведе люди своя братися на враги, владуща нами...“.⁴

Итак, человеческие характеры не неизменны, они могут изменяться под влиянием других людей или с переменой обстоятельств. В них могут совмещаться и дурные и хорошие качества. Человек по природе своей ни абсолютно добр, ни абсолютно зол. Беспорочных людей нет. Противоречивость, контрастность авторских характеристик исторических лиц служат как бы удостоверением их объективности, так как только таким и может быть человек в представлениях первой половины XVII в. Характер человека преломляется в толках о нем. Историческое лицо оценивается в исторической перспективе в его „социальной функции“.

Это новое представление о человеческом характере сказывается во всех деталях восприятия исторических лиц.

¹ Там же, стр. 198.

² Там же.

³ Русская историческая библиотека, т. XIII, стр. 449.

⁴ Там же, стр. 556.

Старые средневековые добродетели уже лишены своего положительного значения. Безусловные добродетели оказываются относительными. Добродетели, заложенные в характере исторических лиц, сыгравших отрицательную роль в русской истории, оказываются только вредными. О Дмитрие Самозванце автор второй редакции Хронографа говорит: „ко книжному прочитанию борзозрителен, но не на благо“.¹ Внешность человека уже не соответствует попрежнему его характеру. Иван Тимофеев так, например, описывает внешность своих современников, легкомысленно предавшихся Самозванцу: „Вместо разума седину едину имуще и брадную власом долгость, юже являху людем и красухся того, яко мудрии“.² Все большее и большее значение в характеристике исторических лиц приобретают их поведение, их действия. Это отчетливо видно в тех случаях, когда сравнение, образ, применяемый к человеку, имеет ввиду его действия, но не его внутреннюю сущность, которая, как мы видели, в известной мере признавалась непознаваемой. Автор второй редакции Хронографа вряд ли считает патриарха Гермогена похожим на птицу и, тем не менее, пишет, что его „аки птица в заклете гладом умориша“.³

Вследствие этой манеры применять к историческим лицам различные образные сравнения по их функции, по их действию, а не по их сущности, авторы прибегают к таким сравнениям людей, которые, казалось бы, совершенно не шли к ним с точки зрения эстетической системы нового времени: историческое лицо может быть уподоблено реке, буре, молнии, горе, раю, ограде и т. д.; оно может быть сравниваемо с различными дикими зверями, внешне мало похожими на человека. Автор второй редакции Хронографа сравнивает Бориса Годунова с „морем“, с „езером“;⁴ Дмитрия Самозванца он называет „злодыхательной бурей“.⁵ Тушинский вор — „злобесный и кроволакательный пес, или человекоядный зверь, иже лукавое око отверзе и злое рыкание испусти“.⁶ Федор Иоаннович, — говорит автор второй редакции Хронографа, — „ограда бысть многим благ, яже водами божими напояема, или рай одушевлен, иже храня благодатная сажовия“.⁷ Его же он называет „свеща страны Руския“.⁸

Все эти несовместимые с нашим эстетическим сознанием сравнения объясняются тем, что человек подвергается характеристике по „функции“, по своим „делам“. Об этом прямо однажды и заявляет автор второй редакции Хронографа, характеризуя Тушинского вора: „се

¹ Русская историческая библиотека, т. XIII, стр. 264.

² А. Попов. Изборник, стр. 192.

³ Там же, стр. 201.

⁴ Там же, стр. 189.

⁵ Там же, стр. 193.

⁶ Там же, стр. 197.

⁷ Там же, стр. 186.

⁸ Там же, стр. 188.

другое зло прииде, другой зверь подобен первому явился не образом, но делы“.¹

Внешне этот способ характеристики человека еще очень близок средневековой системе, — самые образы старые, — но функция их в значительной мере новая, поскольку новым оказывается самое видение человеческого характера, восприятие человеческой личности, ее оценка. И то, и другое, и третье оказываются бесконечно более сложными, чем в предшествующий период, и, вместе с тем, более реальными, более близкими действительности.

* * *

В чем же исторические корни новых воззрений на человеческую личность, нашедших себе место в литературных произведениях начала XVII в.?

Новое отношение к теме человеческого характера отразило общее накопление опытного знания и отход от теологической точки зрения на человека, начавшийся в XVI в. и усиленно развивавшийся в XVII в.

Новое отношение к человеку было одним из проявлений постепенного процесса нарастания реалистических элементов в литературе.

Период крестьянской войны и польско-шведской интервенции способствовал огромному накоплению опыта социальной борьбы во всех классах общества. Именно в это время вытесняется из политической практики, хотя еще и остается в сфере официальных деклараций, теологическая точка зрения на человеческую историю, на государственную власть и на самого человека.

Чтобы представить себе конкретно влияние нового социального опыта на литературу, обратимся к некоторым фактам. Мы видели выше, что обсуждению в литературе подвергались в первую очередь характеры монархов. Это далеко не случайно. Здесь сказалась новая практика поставления на царство „всею землею“. Если в XVI в. Грозный в своих посланиях к Курбскому отрицал право подданных судить о действиях своего государя, утверждал богоизбранность монаршей власти, а в посланиях к Стефану Баторию насмешливо отзывался о его поставлении по „многоятежному человеческому хотению“, то вскоре после его смерти это положение резко изменилось: в 1598 г. состоялись первые выборы русского государя „всею землею“. Теологическая точка зрения на происхождение царской власти и идея неподсудности монарха человеческому суду получила первую, очень серьезную трещину.

Утвержденная грамота Бориса Годунова 1598 г., хотя внешне и опирается еще на идею божественного происхождения царской власти, но практически объясняет необходимость власти государя чисто „земскими“ причинами. Государь необходим для благосостояния своих подданных и об этом выразительным жестом заявил сам Годунов во время

¹ Там же, стр. 195.

своего венчания на царство: он взял за ворот свою рубашку и потряс ею, обещая и эту последнюю в случае нужды разделить со всеми для блага своих подданных.

Предвыборная горячка несомненно разжигала споры о достоинствах того или иного претендента на престол. Характер будущего монарха подвергался обсуждению в боярской думе, на соборе, среди ратников, в толпе народа у стен Новодевичьего монастыря, где народ, подгоняемый приставами, „молил“ Годунова на царство.

Уже упомянутая нами Грамота утвержденная 1598 г. одним из доводов в пользу избрания Годунова на царство выдвигала личные черты его характера: его государственную мудрость, его добродетели и его заботу о „воинском чине“.

Черты нового отношения к власти царя мы можем найти и в крестоцеловальной записи Василия Шуйского, и в грамотах патриарха Гермогена, и в июньском приговоре 1611 г., и в Грамоте утвержденной 1613 г., и т. д.

Крестьянская война постепенно вытравливала из народного сознания старое отношение к монарху, как к наследственному, богоизбранному и человеческому суду неподсудному началу. Человеческий суд совершился и над Годуновым, и над Василием Шуйским, и над многими самозванцами. Этот суд был сперва судом народного мнения, а затем и судом действия. Характеры монархов обсуждались людьми „юнными“, „малыми“, „простыми“ не в меньшей, может быть, степени, чем в среде боярства и дворянства.

Вслед за монархами обсуждение личных достоинств коснулось и всех руководителей ратного и „земского“ дела. Июньский приговор 1611 г. отчетливо отразил мысль о том, что начальниками должны быть люди способные, а не только бояре и княжата. История выдвинула тому и конкретный образец — „говядаря“ Кузьму Минина.

Черты человеческого характера стали, следовательно, предметами всеобщего обсуждения. Вопрос о них в отдельных случаях приобретал государственное значение. Вот почему и в литературе так часто начало упоминаться народное мнение.

Меньше всего в этом новом критерии для избрания „всенародным единством“ монарха или военного руководителя было заинтересовано боярство. Вот почему характеру русских правителей относительно мало уделяют места боярские писатели начала XVII в. — Авраамий Палицын, Катырев-Ростовский и некоторые другие. К ним, напротив, весьма внимательны писатели-обличители бояр — дьяк Тимофеев, автор второй редакции Хронографа и некоторые другие.

* * *

Итак, дело не в том, что сильные и сложные характеры в русской истории начинают якобы появляться только с XVI в., а в том, что сложность человеческого характера становится доступной писателям-

современникам только с начала XVII в., будучи подготовлена интересом к человеческой личности, определившимся еще в середине XVI в. Сильные и сложные характеры были в русской истории всегда, но лишь с начала XVII в. их научились замечать, видеть, и описывать — сперва в реальной политической жизни, затем в литературе.

Постепенная эмансипация человеческого мышления от представлений средневековья, вызванная сдвигами в материальной базе общества, привела к росту элементов реалистического видения. Еще многое в литературе XVII в., в приемах составления характеристик исторических лиц связано со средневековьем, восходит к житийной литературе, к Хронографу, но многое уже видится по-иному. Еще форма остается старой, но уже глаз воспринимает острее и наблюдательнее прежнего. Но самое замечательное в литературе начала XVII в. — это сознательность введения новых принципов характеристик исторических лиц. Авторы XVII в. не только по-новому описывают человеческий характер, но высказывают принципиальные суждения о том, каким он им представляется.

Недалеко то время, когда и самые приемы изображения человеческого характера изменятся, улягутся в новую литературную систему.

Итак, изменение в отношении авторов XVI—XVII вв. к человеческому характеру может быть изображено в такой последовательности: первоначально растет интерес к человеческому характеру и рост этот отмечен чисто количественным увеличением(?) числа и объема характеристик в произведениях XVI в.; затем — авторы исторических произведений начала XVII в. научаются видеть этот человеческий характер, замечают в нем многое такое, что не было доступно их предшественникам, и, одновременно, начинают высказывать новые суждения о человеческих характерах, осознавая их сложность и расходясь с идеалистической средневековой традицией; впоследствии, — через полстолетия — произойдет новое изменение в постепенном нарастании реалистических элементов в русской литературе, — авторы второй половины XVII в. не только удержат это новое видение, но сумеют найти ему и новую форму выражения. Каждый новый этап в этом „обнаружении“ характера непосредственно вызывался исторической действительностью.

Мы разобрали только один случай появления новых реалистических элементов в русской литературе, но наступление реалистичности идет по всему фронту литературного сознания XVI—XVII вв. и было бы очень важно, чтобы эти наблюдения над элементами движения вперед, а не только оглядка на „литературную традицию“ привлекли внимание историков русской средневековой литературы, в частности литературы XVI—XVII вв.

М. Н. ТИХОМИРОВ

Где и когда было написано „Слово о погибели русской земли“

Литература, посвященная „Слову о погибели Русской земли“ довольно обширна и тем не менее история возникновения „Слова о погибели“ еще неясна. Правда, все более начинает господствовать мнение, что „Слово о погибели Русской земли“ возникло уже после нашествия монголов на Русь. Такую мысль высказывал уже Х. М. Лопарев,¹ открывший текст „Слова“ в сборнике Псково-Печорского монастыря XV в. В разных вариациях она повторяется и другими авторами, например Н. И. Серебрянским² и В. М. Истриным.³ Последний прямо пишет, что „Слово“ возникло под непосредственным впечатлением „второго нашествия татар и окончательного порабощения ими русской земли“.

Та же мысль высказана и в „Истории русской литературы“. В. Л. Комарович — автор параграфа, посвященного повестям об Александре Невском, — включил „Слово“ в состав этих повестей. При этом автором названной статьи были объединены в одно произведение и „Слово о погибели...“ и так называемое особое житие Александра Невского, — памятники различные и в рукописях мало связанные друг с другом.⁴ Надо сказать, что по статье в „Истории русской литературы“ крайне трудно судить о „Слове о погибели Русской земли“ как литературном памятнике. В конце концов остается впечатление, что „Слово“ было заурядным произведением XIII в., чуть ли не компилятивного характера. Даже многочисленные географи-

¹ Х. Л о п а р е в. „Слово о погибели Руския земли“, вновь найденный памятник литературы XIII века. Памятники древней письменности, 1, XXXIV. 1892, стр. 9.

² Н. С е р е б р я н с к и й. Древне-русские княжеские жития. М., 1915, стр. 205 и сл. — По изданию Серебрянского (см. приложение, стр. 109) нами будет цитироваться текст „Слова“.

³ В. М. И с т р и н. Очерк истории древне-русской литературы домосковского периода (XI—XIII вв.). Пгр., 1922, стр. 239.

⁴ История русской литературы, т. II, ч. 1-я. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 53.

ческие термины „Слова“ представлены в виде гиперболизма („гиперболизм географических перечислений“), причем не делается и попытки анализа этого „гиперболизма“. А между тем такой памятник, как „Слово о погибели Русской земли“, заслуживает иной оценки, уже в силу того пламенного патриотизма, который звучит во всех строках этого произведения, прославляющего Русскую землю („о светло светлая и украсно украшена земля Руськая“) в годы ее бедствий. Спрашивается, исчерпаны ли все средства литературно-исторического анализа для установления, более или менее точно, времени появления „Слова о погибели“ как выдающегося памятника русской литературы, нельзя ли как-нибудь объяснить „гиперболизм географических перечислений“ этого произведения, увидеть в этом перечислении не просто сухой перечень, а реальные географические приурочивания, вполне осмысленные автором „Слова“? Нельзя ли, наконец, по-новому поставить вопрос и о происхождении самого „Слова о погибели Русской земли“? Вот те мысли, которые побудили автора данной статьи углубиться в область древне-русской литературы. А как много еще можно сделать в этой области, показывают работы В. И. Малышева,¹ открывшего новый список „Слова о погибели“. Поэтому и пересмотр вопроса о времени возникновения „Слова о погибели Русской земли“ представляется вполне своевременным и законным.

Редко можно найти такое произведение, в котором в нескольких строках было бы дано столько географических названий, как в „Слове о погибели Русской земли“. Автор „Слова“ точно раскрывает перед читателем карту Русской земли в первой половине XIII в. и последовательно называет ее соседей. Он бросает свой взор на эту карту „отселе“, так и не раскрывая перед нами, что это за место, откуда — „отселе“ — он ведет свой обзор русских рубежей. Попробуем последовать за автором „Слова“ и изучить границы Русской земли, так, как они ему представлялись.

Автор начинает свой обзор „отселе до Угор и до Ляхов, до Чахов, от Чахов до Ятвязи, и от Ятвязи до Литвы, до Немець, от Немець до Корелы, от Корелы до Устьяга, где тамо бяху Тоимици погании, и за Дышючим морем, от моря до Болгарь, от Болгарь до Буртас, от Буртас до Чермис, от Чермис до Мордвы“. Первая часть этого перечисления почти не нуждается в комментарии. Автор в полном соответствии с действительностью перечисляет западных соседей Русской земли с юга на север. Удивление вызывает только упоминание „чяхов“ или чехов в качестве соседей Русской земли, какими они в XIII в. не были. Уже эта неточность заставляет несколько усомниться в возможности южнорусского происхождения „Слова о погибели“.

Дав перечисление западных соседей Русской земли, автор „Слова“ называет и ее северных соседей. Северная граница Руси идет от

¹ В. И. Малышев. Житие Александра Невского по рукописи середины XVII века. Тр. Отд. др.-русск. лит., т. V, М.—Л., 1947, стр. 185—193.

Корелы к Устьюгу „где тамо бяху Тоймици погани“. Любопытно, что автор пропускает другие народы, жившие на громадной территории между Корелой, обитавшей по берегам Ладожского озера, и Устюгом, сразу же переходя к поганым тоймичам, местожительство которых устанавливается более или менее точно. Известны две реки Тоймы, впадающие с правой стороны в Северную Двину ниже Устюга: это Тойма Верхняя и Тойма Нижняя. Тойма была уже известна в 1137 г., судя по уставу новгородского князя Олега Святославича.¹ Тойма Нижняя упоминается и в уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича 1397 г.²

Какие же причины заставили автора „Слова“ упомянуть о „поганых тоймичах“? Кажется, ответ на этот вопрос мы найдем в новгородской летописи. Зимой 1219 г. Семен Емин ходил с 400 людьми походом на Тоймокары, „и не пусти их Гюрги ни Ярослав сквозе свою землю“ (речь идет о князьях Юрии и Ярославе Всеволодичах). Семен Емин вернулся в Новгород, где произошла смена посадников.³ Несколько ниже мы еще остановимся на этом событии, пока же отметим только, что знание „поганых тоймичей“ и связанных с ними событий на далеком Севере изобличает в авторе „Слова“ северянина.

Последуем теперь за автором „Слова“ и далее в его попытке очертить границы Русской земли. От поганых тоймичей он ведет к дышучему морю, от моря к болгарам, от болгар к буртасам, черемисам и мордве. И в этом случае нас поражает необыкновенная осведомленность автора „Слова“. Камские болгары, черемисы (вероятно, чуваша, которых наши источники обычно называют „черемисой“), мордва названы в полном соответствии с географической обстановкой начала XIII в. Автор сохраняет термин „дышучее“ море для обозначения Белого моря и Северного Ледовитого океана. В материалах И. И. Срезневского этот термин оставлен без объяснения, приводятся только две цитаты (из послания новгородского архиепископа Василия о рае и из Задонщины).⁴ А между тем обозначение Северного Ледовитого океана „дышучим морем“ характерно, как раз, для новгородских памятников. Кроме послания Василия, оно упоминается, например, в житии Александра Ошевенского, „монастырь составльшаго на реке Чюреге, близ моря дышущаго окиана, в области же града Каргополя“.⁵ По объяснению одного моряка, долго плававшего в северных морях, „дышучее море“, это море с приливами и отливами, которое вздымается и опускается, как бы дышит, подобно груди человека. Следовательно,

¹ „В Тойме сорочек“. Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1935, стр. 471.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. Изд. АН СССР. М.—Л., 1949, стр. 144.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 260.

⁴ Материалы для словаря древне-русского языка, т. I. СПб., 1893, стр. 766.

⁵ Рукопись Гос. Ист. муз. Един. собр., № 218. Сб. XVII в., л. 1.

этот термин опять изобличает нам в авторе „Слова“ если не новгородца, то северянина.

Наши наблюдения над географическими терминами „Слова о погибели“ можно продолжить и далее. Среди тех народов, которые бортничали на великого князя Владимира, автор „Слова“ называет буртасов, черемисов, мордву. В подлиннике этот текст звучит таким образом: „буртаси, черемиси вьда и мордва бортничаху на князя великого Володимера“. Буртасы очень часто упоминаются в арабских источниках и, как кажется, совершенно неизвестны русским летописям. Во всяком случае их существование засвидетельствовано целым рядом письменных источников, как и черемисов и мордвы. Но кто это „вьда“ или „черемиса вьда“? Ответ на этот вопрос находим, повидимому, в документе XVI в., где упоминается „Ватцкая мордва“, жившая по р. Пьяне.¹ Следовательно, это одно из племен, которое автор „Слова“ отождествляет с черемисами или мордвой.

Отдельные места „Слова“ ведут нас к событиям совершенно определенного времени, хотя на первый взгляд они кажутся только литературными образами. Такова прежде всего приведенная выше фраза о буртасах, черемисе, вьда и мордвс, которые бортничали на великого князя Владимира и его потомков. По мнению автора „Слова“, это бортничанье черемисы и мордвы относилось к прошлому времени. Действительно, имеются основания думать, что мордва и черемиса находились в зависимом положении по отношению к Всеволоду Большое Гнездо. В 1184 г. Всеволод, возвращаясь из удачного похода на камских болгар, „коне пусти на мордву“.² Эти слова можно было бы понимать, как набег на мордву, но тут же сказано, что сам Всеволод возвращался в лодьях, хотя в его рати был и конный отряд. Поэтому вероятнее думать, что княжеская конница шла через подвластные мордовские земли, как это в середине XVI в. сделала русская рать, двигавшаяся на Казань.

Иные отношения сложились у русских князей после смерти Всеволода. При его сыне Юрии Всеволодовиче война с мордвой приняла большие размеры и не всегда была благоприятна для русских. В 1226 г. войска Юрия победили мордву, но война возобновилась через два года. На этот раз (1228 г.) на мордву ходили Всеволод и Юрий; они вошли в мордовскую землю, разорили Пургасову волость, а мордва убежала в свои городки („тверди“) и глухие леса. Поход на мордву в 1232 г. снова повлек разорение мордовских твердей.³ Эта борьба с мордвой нередко описывается, как непрерывное русское наступление на мордовские земли,⁴ но в действительности было иное. В 1229 г.

¹ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и выписи. Чт. в Общ. ист. и др. Росс., 1902, книга 2-я, стр. 74.

² Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 370.

³ Там же, стр. 426, 428, 429, 437.

⁴ А. П. Смирнов пишет о разгроме мордвы-эрзи в 1228, 1229 и 1232 гг. (А. П. Смирнов. Очерк древней истории мордвы. Тр. Гос. Ист. муз., вып. 9,

мордва осадила Нижний Новгород, построенный за 8 лет до этого при впадении Оки в Волгу, зажгла пригородный монастырь и приступала к городу. Новгородцы отбили это нападение („отбишася их новгородци“),¹ но оно показывает, как далека была мордва от того, чтобы „бортничать“ на русских князьях.

Определенный политический намек находим и в другой фразе „Слова“: „а Литва из болота на свет не выныкываху“. К началу XIII в. относится заметное усиление литовских набегов на Русскую землю. В 1225 г. литовцы воевали Новгородскую землю, „и около Торопча и Смолинська и до Полтеска“. По образному выражению летописца, была „рать велика зело, ака же не была от начала миру“.² По Лаврентьевской летописи главным героем отражения литовского нападения был Ярослав Всеволодович. Впрочем, и новгородские летописи приписывают эту победу участию Ярослава Всеволодовича, хотя и говорят о событии в какой-то отрывочной и не вполне ясной фразе. Литовские набеги повторились и дальше, в 1229, в 1233 гг. Отношения новгородцев с литовцами были настолько обостренными, что поражение немецких рыцарей при Сауле в 1236 г. вызвало сочувственный отклик летописца („и тако, грех ради наших, безбожными погаными побежени быша“).³

Как мы видим, географические термины автора и его политические намеки ведут нас опять к определенному времени — ко второму-третьему десятилетиям XIII в., к определенным лицам — князьям Юрию и Ярославу Всеволодовичам.

Но в „Слове“ имеются и некоторые черты, которые, как будто, противоречат признанию того, что „Слово“ возникло на севере Руси; это фразы об уграх, о половцах, о Царьграде.

Нет никакого сомнения, что автор „Слова“ пользовался какими-то южнорусскими источниками, причем эти источники не были ему вполне понятны, или, по крайней мере, не были понятны позднейшим пере-

стр. 143 и 145; о и же. Очерки по истории древних болгар, стр. 89—92). — В издании Лаврентьевской летописи 1872 г. текст о походе на мордву издан неверно. Следует читать: „Того же месяца в 14 день великий князь Гюрги, и Ярослав, и Костянтиновичи, Василко, Всеволод, идоша на Мордву, и Муромский князь Гюрги Давыдовичь. Вшед в землю Мордовскую Пургасову волость“. . . В издании слова „Давыдовичь“ и „вшед“ не разделены знаком препинания („Гюрги Давыдовичь вшед“ и т. д., см. стр. 428).

¹ Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 429.

² Там же.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 74. — В наших учебниках до сих пор место этой битвы указывается у г. Шавли (История СССР, т. I. Под ред. Б. Д. Грекова и др., ОГИЗ, 1947, стр. 217): „литовцы, жмудь и восставшая земигола нанесли ордену жестокое поражение в битве под Сауле (Шавли, Шауляй)“. Между тем историки Прибалтики давно указывают недалеко от Бауска в Латв. ССР приток р. Аа речку Сауле, берега которой и считают местом битвы. (G. Seraphim. Geschichte Liv- Est- und Kurlands, V. I. Reval, 1897, стр. 98).

писчикам. Так, в „Слове“ появляется неясная фраза о половцах („деду его Володимеру и манаху, которым то половоци дети своя ношаху в колыбели“). Прозвище Владимира — „Мономах“, столь часто упоминаемое в Ипатьевской летописи, было переименовано на более понятного монаха, а текст о половцах, видимо, звучал первоначально так: „которым то половоци дети своя полошаху в колыбели“. В Ипатьевской летописи, как раз, и находим параллель к нашему месту о половцах: „воеводы лядьскыи сами полошахуть и, абы не взяти города“.¹ Выражение „абы не взяти города“ целиком соответствует фразе „Слова о погибели“: „и жюр Мануил Цесарегородскый, опас имея... абы под ним великый князь Володимер Цесарягорода не взял“.

Интерес к Владимиру Мономаху у автора „Слова“ можно было бы объяснить тем, что Владимир был предком „нынешняго“ Ярослава и брата его Юрья, но неясно, почему „Слово“ вспоминает о далеких угрох (венграх), если предполагать, что оно было написано на севере Руси. Ответ и на этот вопрос мы найдем в новгородских событиях начала XIII в. Знаменитая битва на Липице повела к временному ослаблению двух князей братьев — Юрия и Ярослава Всеволодовичей, действовавших вместе против старшего брата Константина и поддерживавшего его князя Мстислава Мстиславича Удалого. После победы на Липице (в 1216 г.) Мстислав недолго сидел в Новгороде и уже в 1218 г. захотел „поискати Галиця“. В Новгороде остался княжить его сын Святослав, при котором и произошел поход Семена Емина на Тоймокары, окончившийся восстанием в Новгороде. Покинув Новгород, Мстислав подошел к Галичу, „и выидоша галицяне противу и Чехове и Ляхове и Морава и Угре“, произошел бой, окончившийся победой Мстислава. На некоторое время между Галичем и Новгородом установились оживленные сношения. Сведенный новгородский архиепископ Антоний получил от митрополита епископию в Перемышле в Галицкой земле.² Таким образом создались условия, при которых южнорусская письменность легко могла проникнуть на север. Участие же в борьбе против Мстислава чехов объясняет нам, почему „Слово“ делает чехов соседями Русской земли.

Уход Мстислава в Галич привел к перемене в новгородской политике, тем более, что Константин Всеволодович уже умер, и великим князем владимирским сделался Юрий. В 1222 г. он посадил в Новгороде своего брата Ярослава. В следующем 1223 г., по новгородской летописи, произошли три печальных события, произведших громадное впечатление на новгородцев. Первым из них было взятие немцами Юрьева. „Убиша князя Вячка Немьци в Гюргеве, а город взяша“, — записал новгородский летописец краткое сообщение о падении Юрьева. Ливонская хроника говорит об этом событии, наоборот, очень подробно, сообщая, что до осады Юрьева немцами эсты призывали к себе рус-

¹ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 615.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 60.

ских на помощь. Это не помогло, и Юрьев был взят немцами, а все его население вместе с князем Вячко перебито. „Новгородцы же пришли было во Псков с многочисленным войском, собираясь освободить замок от тевтонской осады, но услышав, что замок взят, а их люди перебиты, с большим горем и негодованием возвратились в свой город“, — читаем в ливонской хронике.¹ Таким образом, автор „Слова“, как видим, имел основание вспоминать о далеких временах, когда „немцы радовахуся, далече будуче за синим морем“. Тогда же произошло и другое несчастье („не ту ся зло сотвори“) — литовцы разбили рушан (жителей Старой Руссы).

В том же 1223 г. по летописи, „по грехом нашим“, произошло третье печальное событие — битва при Калке.

К сожалению, изучение редакций и источников повести о Калкской битве до сих пор не сделано.

Нет никакого сомнения, что существовали две повести о битве при Калке — одна, внесенная в Новгородскую Синодальную летопись, другая — в Ипатьевскую.

Повесть о битве при Калке в Новгородской летописи выставляет главным действующим лицом Мстислава Мстиславича Удалого. К нему обращается половецкий хан Котян с просьбой о помощи. Мстислав же и объясняет причины, по которым русские князья решили помочь половцам (боязнь присоединения половцев к татарам). В повести говорится и о бегстве Мстислава Мстиславича и о переправе его через Днепр. Среди русских воевод назван Ярун, который был послан с передовым отрядом против татар. В повести нет ни слова упрека русским князьям, а вся вина за поражение складывается на изменивших половцев и бродников, действовавших вместе с татарами.² На всей повести лежит отпечаток того, что она была составлена вскоре после описываемых в ней событий. Точно указывается и дата битвы — 31 мая, на святого Ермия. Повидимому, повесть была составлена в кругах, близких к Мстиславу Мстиславичу Удалому. Обратим внимание на то, что упоминаемый в повести Ярун — несомненно, тот же воевода Ярун, который вместе с Мстиславом удачно действовал в 1216 г. против Юрия и Ярослава Всеволодовичей.³ Постоянные связи Мстислава с Новгородом легко объясняют нам появление повести о Калкской битве именно в новгородском летописном своде.

Вторая повесть о Калкской битве, помещенная в Ипатьевской летописи, носит черты более позднего происхождения, хотя и возникла независимо от первой. Главным действующим лицом в ней является Даниил Романович, бывший тогда совсем юным и вовсе не упомянутый

¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Пер. С. А. Аннинского. Л., 1938, стр. 240.

² Повесть напечатана в издании: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 61—63.

³ Там же, стр. 201.

в первой повести. Основанная на более ранних источниках, эта повесть не могла возникнуть ранее утверждения Даниила на галицком столе (это случилось, примерно, в 30-х годах XIII в.) и имела задачей прославление Даниила Романовича и его брата Василька, о котором сказано: „бе бо в Володимере млад“ (имеется в виду Владимир Волынский).¹

Замечательнее всего, что повесть о Калкской битве была пропущена в Лаврентьевской летописи, отразившей владими́ро-суздальское летописание первой половины XIII в. Впрочем, следы знакомства владими́ро-суздальского летописца с повестью о Калкской битве сохранились. Дав рассуждение о неизвестном происхождении татар, согласно новгородской летописи, владими́ро-суздальский летописатель сообщает краткие сведения о битве и поражении русских князей, добавляя, что по слухам („глаголють бо тако“) одних киевлян погибло 10 тысяч. В заметке о Калкской битве, помещенной в Лаврентьевской летописи, чувствуется какая-то недоговоренность, точно стремление оправдать бездействие северных князей. Летопись говорит, что Юрий послал на помощь южным князьям своего племянника Василька, но „не утяну Василко прити к ним на Русь“. Последние слова заметки о Калкской битве в Лаврентьевской летописи повторяют в сокращении заключительную фразу об общей печали. Более позднее происхождение этой заметки по сравнению с повестью, помещенной в новгородской летописи, обнаруживается в странной ошибке Лаврентьевской летописи, по которой битва произошла 30 мая на мученика Ермия. Между тем память Ермия приходилась не на 30, а на 31 мая, как это и указано в новгородской летописи.²

Калкская битва для русских людей первой трети XIII в. была крупнейшим и печальнейшим событием. „И тако за грехы наша бог вложи недоумение в нас и погыбе много бещисла людей, и бысть вопль и плач и печаль по городом и селом“ — такими словами кончается повесть о битве при Калке в новгородской летописи. Замечательнее

¹ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 495—497.

² Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 423—424. — Дальнейшая история повестей о Калкской битве представляла собой развертывание и дополнение сводной повести, составленной из соединения повестей, помещенных в Новгородской Синодальной и в Ипатьевской летописях. Наиболее древний вариант такой повести, как кажется, надо видеть в повести, помещенной в Академическом или Троицком списке XV в. (Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 477—483). Повесть о Калкской битве, помещенная в Воскресенской летописи (ПСРА VII, стр. 129—132), продолжает только развитие сводной повести. Поэтому ошибочны рассуждения В. Т. Пашуто (Ист. зап., т. 26, стр. 286—287) о тексте повести в Воскресенской летописи, якобы, восходящем к некоему летописному киевскому своду 1238 г. Источники сводной летописи, а она дошла в малоизмененном виде в Воскресенской летописи, восходят к двум сказаниям, помещенным в Ипатьевской и Новгородской Синодальной летописях. Это чрезвычайно легко установить, дав три параллельных текста, что, конечно, не значит, что мы отрицаем существование киевского летописного свода, устанавливаемого В. Т. Пашуто.

всего, что весть о страшном поражении русских при Калке быстро распространилась и по соседним странам. В ливонской хронике Генриха Латвийского говорится о победе татар над половцами (вальвами), которым пришли на помощь русские, о поражении русских и гибели великого короля (князя) Мстислава Киевского, о спасении бегством Мстислава Галицкого и о гибели других 50 князей. Это событие автор хронике не без злорадства сопоставляет с известием о прибытии в Ригу послов смоленского и полоцкого князей, возобновивших мир с немцами.¹ Необыкновенная осведомленность Генриха Латвийского и сходство его сведений с повестью о Калкской битве в Новгородской летописи заставляет предполагать, что русские источники и были использованы ливонским хронистом.

Известно, как битва при Калке отразилась в русской народной поэзии. Калкское поражение представлялось началом бедствий русского народа, грозным предвестием Батыевой рати и порабощения Русской земли татарами. Это отразилось и в той замечательной повести о Калкской битве, которая помещена в Тверской летописи и представляет собой развитие сводной повести. „Зде написахом о них памяти ради русских князь и беды, яже бысть от них. Но не сих же ради сие случися, но гордости ради и величания русских князь попусти бог сему быти“.² Повидимому, вскоре же после Калкской битвы сложены были народные сказания, нашедшие отражение в сохранившихся былинах. Напомним здесь, что эпическая цифра 70 русских богатырей, павших в Калкском побоище, аналогична цифре 50 русских князей, убитых при Калке, по ливонской хронике. В этих цифрах отразились представления современников о размерах бедствия, постигшего Русскую землю. Былины о гибели русских богатырей показывают, что заключение „Слова о погибели Русской земли“ — „а в ты дни болезнь крестияном от великаго Ярослава и до Володимера и до нынешняго Ярослава и до брата его Юрья князя Володимерьскаго“ могли злободневно звучать после битвы при Калке, когда усилились нападения „поганых“, т. е. немцев и литовцев, от которых больше всего страдала Новгородская земля.

Новгород и был тем „отселе“, откуда смотрел на Русскую землю автор „Слова о погибели“. Поэтому он и называет Ярослава „нынешним“, так как Ярослав утвердился на княжении в Новгороде, примерно, с 1225 г. Поэтому и великий князь Владимирский Юрий в „Слове“ назван просто князем Владимирским, что опять характерно для новгородских летописей, тогда как Лаврентьевская летопись величает своих князей великими. Понятна и осведомленность автора „Слова“ о дышущем море и поганых тоймичах, куда постоянно совершались новгородские экспедиции, о немцах, которые ранее радовались, далече

¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 222.

² Эта повесть о Калкской битве (ПСРЛ, XV, стр. 335—343) — явно ростовского происхождения (см. заключительные слова о Васильке Константиновиче Ростовском, который „взратися в свой Ростов съхранень богом“). В нее и вставлен рассказ о ростовском богатыре Алеше Поповиче.

сидя за синим морем, а теперь приблизились к новгородскому рубежу, об уграх, которые после Калкской битвы уже готовились к захвату Галицкой земли, о литве, ранее не смевшей вылезать из своих болот. „Слово о погибели Русской земли“ возникло еще до Батыевой рати, поэтому в нем и не упоминается о татарах, возникло при жизни Юрия Владимирского и при княжении в Новгороде Ярослава Всеволодовича, „нынешняго Ярослава“, может быть, около 1225 г.

„Слово“ получило относительно большое распространение и было использовано одним из редакторов или составителей жития Александра Невского, как подходящее по своему содержанию и настроению к этому произведению. Явное несоответствие упоминания о нынешнем Ярославе заставило составителей жития приписать слова „о смерти великого князя Ярослава“. В списке, опубликованном В. И. Малышевым, начало памятника было совсем пропущено („Слово о погибели Руския земли о смерти великого князя Ярослава“) и весь текст „Слова“ сделался окончательно предисловием к житию Александра Невского. Поэтому замечание В. И. Малышева, что „во всяком случае в XVI в. это «Слово» сознавалось предисловием к житию, а не самостоятельным произведением“¹ вполне правильно, но это никак не решает вопроса о связи „Слова“ и жития в их первоначальном виде. Несогласованность „Слова“ с житием Александра Невского, в котором даже не сказано, что Александр был сыном „нынешняго“ Ярослава, может быть объяснена наиболее просто, тем, что „Слово“ возникло самостоятельно и безусловно раньше жития Александра. Впрочем, В. И. Малышев считает, что так называемое „Слово о погибели...“ является органической частью (предисловием) именно той редакции Жития Александра Невского, которая известна в двух списках (Псково-Печорском и Гребеншиковском). Последнее исследование Д. С. Лихачева о галицкой литературной традиции в житии Александра Невского² показывает, как много еще надо изучить в области русской культуры XIII в., богатой памятниками русской литературы и народной поэзии, даже в мрачную эпоху татарского ига. „Слово о погибели Русской земли“ было откликом на первую татарскую победу — битву при Калке, при „нынешнем“ Ярославе, подобно тому, как „Слово о полку Игореве“ говорило о „нынешнем“ Игоре.

¹ Труды Отдела древне-русской литературы, V. Инст. лит. АН СССР, т. V. Изд. АН СССР, М. — Л., 1947, стр. 187.

² Там же, стр. 36—56, ст. Д. С. Лихачева. — Нельзя только согласиться с автором, что „звеном, связующим Галицкую Русь и Владимиро-Суздальскую“ (стр. 49), был митрополит Кирилл. Сношения Новгорода с Галицкой Русью шли и другими путями. О Мстиславе Удалом мы уже говорили. Позже в Новгороде находим Михаила Черниговского. Не забудем, что и Ярослав Всеволодович одно время выступал претендентом на галицкий стол.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

.

”

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Послание Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г.

„Послание Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь игумену Козме“ было впервые издано более ста лет тому назад в I томе „Актов исторических“ (СПб., 1841, № 204, стр. 372—394) по трем спискам и обычно отсюда переиздавалось в отрывках или целиком. Н. М. Карамзин и первые издатели „Послания“ относили его приблизительно ко времени „около 1578 г.“¹ на том основании, „что в нем говорится о царском походе в Ливонию“ [„Зимусь, — пишет Грозный, — по него (по Варлаама Собакина. — Д. Л.) потому не послали, что нам поход учинился в Немецкую землю“]. Однако И. Н. Жданов² и Н. К. Никольский³ доказали датировку этого „Послания“ сентябрем 1573 г. Действительно, в списке „Послания“ — Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, Софийское собр., № 1152, на л. 117 имеется дата „Послания“: „Лета 7082 (послание царя и великого князя) месяца сентября в 20 день в пречестную обитель пресвятыя и пречистыя владычицы нашае богородица честного и славнаго ея Успения и преподобного и богоносного отца нашего Кирила чудотворца“. Что же касается до упоминаемого в „Послании“ похода „в Немецкую землю“, то здесь, очевидно, имеется в виду поход 1572—1573 г. (Грозный выступил в этот поход в сентябре 1572 г., 1 января пал Виттенштейн, в апреле—мае Грозный вернулся назад).

2 3

К сожалению, Послание Грозного игумену Козме 1573 г. не подверглось изучению ни как исторический источник, ни как памятник литературы, ни со стороны его языка. Первым шагом к его изучению должно явиться издание его текста.

¹ Акты ист., т. I, 1841, стр. 14—15, прим.; Н. М. Карамзин. История государства российского, т. IX, прим. 37.

² И. Н. Жданов. Сочинения, т. I. СПб., 1904, стр. 98—99.

³ Н. К. Никольский. Когда было писано обличительное послание царя Ивана Васильевича IV в Кирилло-Белозерский монастырь. Христ. чт., 1907.

* * *

В основу издания текста Послания Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь положен список:

1) Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, собрание Н. П. Лихачева № 94, сборник, полуустав последней четверти XVII в., лл. 105—150.

Для исправлений привлечены списки:

2) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, Кирилло-Белозерское собрание № 155/1232, отдельная рукопись, полуустав второй половины XVII в., лл. 1—53 об. (в разночтениях обозначается — К).

3) Библ. им. В. И. Ленина, Пискаревское собрание № 572, сборник, полуустав конца XVII в., лл. 147—198 об. (в разночтениях обозначается — П).

4) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, Титовское собрание, охранный № 1121, сборник, скоропись, дата 1679 г., лл. 392—445 об. (в разночтениях обозначается — Т).

5) Библ. Ак. Наук СССР № 17.5.27, сборник из „Библиотеки царевичей“ (Петра и Алексея Алексеевичей), полуустав конца XVII в., лл. 117—170 (в разночтениях обозначается — Ц).

К изданию не привлечены следующие списки:

6) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, Софийская библиотека № 1152, рукопись „кормовых“ и „даяльных“ книг Кирилло-Белозерского монастыря на 121 лл.; на лл. 117—121 об. неполный список Послания, скорописью XVII в. с датой Послания: „Лета 7082 (послание царя и великого князя) месяца сентября в 20 день в пречестную обитель пресвятыя и пречистыя владычица наша богородица честнаго и славнаго ея успения и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Кирила чудотворца“ (л. 117).

7) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, Софийская библиотека № 1546, сборник, скорописью XVII в., лл. 173 об.—226 об.

8) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, Q. XVII. № 112, сборник, скорописью XVII в., лл. 127—133.

9) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, Q. IV. № 286, из библиотеки Сокурова, отдельная рукопись, скорописью конца XVII в., лл. 1—48.

10) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, F. IV. № 330, из собрания Н. М. Карамзина, отдельная рукопись, скорописью конца XVIII в., с пометками Карамзина, лл. 1—20.

11) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, F. П. IV. № 189, отдельная рукопись, скорописью начала XIX в., имеется пометка, что текст сверен в Кирилло-Белозерском монастыре „с подлинником“ 28 июля 1809 г., лл. 1—26.

12) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, Q. IV. № 44, отдельная рукопись, скорописью XIX в., лл. 1—35.

13) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, Q. XVII. № 254, сборник, скорописью XVII в., лл. 524—552 об.

14) Библиотека им. В. И. Ленина, Музей № 137, сборник конца XVII в., л. 147 и сл.

15) Гос. Исторический музей, собрание Уварова № 398, сборник, поморский полуустав, дата рукописи 1817 г., лл. 262—330.

16) Гос. Исторический музей, собрание Барсова № 365, XVIII в.

17) Гос. Исторический музей, собрание М. И. Соколова № 13, 176, л. 151 и сл.

18) Гос. Исторический музей, № 360, хронограф, полууставом, дата рукописи 1765 г., лл. 520—558.

19) Гос. Исторический музей, собрание Щукина № 646, сборник XVII в., л. 116 и сл. (без начала и конца).

20) Гос. Исторический музей, собрание Щукина № 417, XVII в., л. 124 и сл.

21) Библиотека Ак. Наук СССР, собрание Дружинина № 7, старообрядческим полууставом XIX в., лл. РОВ — СДІ об.

22) Библиотека Ак. Наук СССР, собрание Колобова, № (42.8.2), скорописью XIX в., в лист, лл. 219—230.

23) Тверской музей № 118 (3049), сборник разных почерков XVII—XVIII вв., скорописью Петровского времени, лл. 508 об. и сл.

24) Ленингр. отделение Института истории АН СССР, собрание Археографической комиссии № 249, сборник разных почерков скорописью и полууставом XVII в., лл. 4—37.

25) Ленингр. отделение Института истории АН СССР, собрание Н. П. Лихачева № 332, сборник скорописью XVII в., лл. 27—72 об.

26) Библ. Московск. Гос. университета № 170, сборник полууставом начала XVIII в., лл. 49—71.

27) Библиотека Ак. Наук СССР, собрание Яцимирского.

Не найден мною список:

28) Александро-Свирского монастыря, указанный Викторovým [„Александро-Свирский монастырь“, № 48 (49), стр. 187]. В Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР и в Рукописном отделении Библиотеки АН СССР, куда поступили рукописи Александро-Свирского монастыря, сборника этого не оказалось. Данные о рукописях №№ 13, 14, 16, 17, 20, 21, 23, 25, 27 любезно предоставлены мне В. И. Малышевым.

Особняком стоит список XVII в., хранящийся в Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР в собрании Н. П. Лихачева № 332 (скоропись XVII в., лл. 27—72 об.). Список этот имеет отличный от других заголовков: „Список з государевы грамоты“ и, кроме того, содержит ряд пропусков из посланий Илариона Великого¹

¹ Кто такой Иларион Великий в точности неизвестно, но есть серьезные основания думать, что под Иларионом Великим имеется в виду киевской митрополит

и киноарные указания, как эти пропуски восполнить по какой-то недошедшей до нас рукописи. В этих киноарных указаниях акад. А. С. Орлов, изучавший этот список, а вслед за ним первоначально и пишущий эти строки, подозревали копии с указаний, сделанных самим Грозным в черновом списке послания. В таком случае список этот должен был бы восходить к какой-то особой, черновой редакции этого послания, отличной от ее окончательного вида, в которой были уже внесены все необходимые места из сочинений Илариона Великого. Однако внимательное изучение списка — главным образом различий — свидетельствует против такого рода гипотезы. Повидимому, список № 332 из собрания Н. П. Лихачева — наскоро сделанная копия, по которой надлежало уже сделать парадный список. Сокращая свою работу копиист и сделал все эти указания (как уже было указано — сокращены крупные выписки из Илариона). Вот эти указания копииста:

1) На л. 65. Вслед за словами „благочестия ради болми монастыри распространяются, а не слабости ради“ (стр. 270, строка 3 снизу нашего издания) добавлено киноварью: „Приидем же паки на великого Илариона списание, и тамо речено есть“.

2) На л. 65 об. вслед за приведенными словами помещено начало послания Илариона до слов „да возлюбим нравы их“, после чего следует киноарная приписка „и прочее от послания Илариона великого з двѣ тетради выписати надбно“.

3) На том же листе следует перечеркнутый киноарным крестом текст: „И от сего разумѣти есть, яко ни в начатце отметания нашего, ни в юности, ни в старости, ни во здравии, ни в болѣзни, ни на исходе души ми сего отметаема, но и еще любим и держимся его неотступно, донележе и душа наша в тѣлѣ нашем“.

Текст этот означает конец второй (краткой) выписки из Илариона (см. стр. 280 нашего издания).

4) Против приведенного выше перечеркнутого киноарным крестом места на левом поле читается следующий текст:

„Не обинуюся глагола намъ. Апостола Павла какъ приидемъ и притча и ты преступи — не пиши, но се пиши: Сице возлюбленная моя братия и прочее. И сего не пиши: еда мал трудъ иноческаго жительства — всего три страницы“.

Затем ниже в обведенном чернилами месте: „Сие паки пиши: Аще ли кто от нас глаголетъ: в миру ны ключилося быти и прочее“.

Еще ниже обведенного чернилами места: „Конец: Толико паче отрицаема их, яко не суть отцы наши. И паки речь царева. Зри + и Иларион середины XI в. Вопрос этот был возбужден еще А. В. Горским и решался положительно М. П. Петровским (Почтение, приписываемое Илариону, митрополиту киевскому, Ученые записки Казанского университета, 1865, т. I) и М. Н. Сперанским (К истории взаимоотношений русской и юго-славянских литератур, отд. отт. из Изв. ОРЯС АН, т. XXVI, 1921). Отметим особо, что в сербских рукописях это послание известно с именем Илариона, митрополита киевского. Есть и другие признаки того, что послание это не является сочинением переводным.

пиши речь цареву“. Знак +, очевидно, стоял в тексте послания Илариона.

5) Вверху листа 66 на левом поле: „Здѣ речь царева“, а внизу на правом поле: „иши слову Иларионова к концу и пиши сие“.

6) Лист 66 об. оставлен незаполненным текстом; вверху киноварная отметка: „Помянутых любовь их и прочее, а конец Донележе душа наша в тѣле нашемъ и паки пиши сие“.

7) На листе 67 вверху в левом углу тот же знак + и слово „здѣ“.

Все эти указания копииста восстанавливают текст послания Грозного в том виде, в каком он известен по другим спискам.

Как выясняется из сопоставлений этих указаний копииста с текстом других списков послания, эти указания копииста касаются только выписок из послания Илариона Великого „к некоему брату“.

Покойный академик А. С. Орлов предполагал издать послание Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь. Для этой работы в 1940 — 1941 г. для него были изготовлены ротокопии со списка № 332 из собрания Н. П. Лихачева и с нескольких списков Кирилло-Белозерского собрания Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде. Однако после смерти акад. А. С. Орлова комиссия, разбиравшая бумаги покойного, никаких следов его работы над подготовкой этого издания не обнаружила. В частных беседах А. С. Орлов неоднократно выражал свое желание издать Послание в Кирилло-Белозерский монастырь с сохранением ударений списков, отмечая важность их для истории русского языка. А. С. Орлов указывал, что язык посланий Грозного местами передает живую русскую речь, что ударения в списках Послания в Кирилло-Белозерский монастырь расставлены весьма внимательно и поэтому представляют благодарный материал для издания.

Текст в данном томе печатается с сохранением ударений. Этим в значительной мере определяется выбор списков для издания и характер подбора вариантов. Кроме основного списка, ударения имеются также в списках К и Ц. В вариантах ударения ставятся только в тех случаях, когда они расходятся с ударениями основного списка, и в случае отсутствия ударения в основном списке. В основном же списке ударение часто отсутствует, если слово написано с титлами, или в том случае, если ударение перетянуто на предлог („бѣз гласа“, „на двое“).

В издании допущены следующие упрощения орфографии: титла раскрыты, ъ в конце слов опущен, і заменено через и, ѣ через е, фита через ф, кси через кс, пси через пс, омега через о, оу через у, иотированный аз и иотированный юс малый через я, иотированное есть через е, юс большой через у. Выносные буквы внесены в текст, причем выносное ж передается через же, с в окончании возвратных и притяжательных глаголов через ся. Введено деление слов, написанных слитно; пунктуация — современная.

Послание¹ царя и великаго князя Иоанна Васильевича² всеа
Русии³ в Кирилов монастырь⁴ игумену Козме, яже⁵ о Христе
з братию⁶

В пречестную⁷ обитель пресвятыя и пречистыя владичицы нашей
багородицы⁸ честнаго и славнаго ея Успения и⁹ преподобнаго¹⁰ и бого-
носнаго¹¹ отца нашего Кирилла¹² чудотворца, яже¹³ о Христе божестве-
наго¹⁴ полка¹⁵ наставнику и вожу¹⁶ и руководителю к¹⁷ пренебесному¹⁸
селению, преподобному игумену Козме, яже¹⁹ о Христе з братию,
царь и великий князь Иоанн Васильевич²⁰ всеа Русии²¹ челом бьет.

Увы мне грешному! горе мне окаянному! ох мне скверному! Кто
есмы аз на такую высоту дерзати? Бога ради, господие²² и отцы,
молю вас, престаните от²³ таковаго начинания. Аз²⁴ брат ваш недо-
стоин есмь²⁵ нарещися, но по евангельскому²⁶ словеси сотворите мя,
яко единого от наемник своих. Тем же припадая²⁷ честных ног ваших
стопам²⁸ и мил ся дею,²⁹ бога ради, престаните от таковаго начинания.
Писано бо есть: „свет иноком ангели, свет же миряном иноки“. Ино
подобает вам, нашим государем, и нас заблудших во тме гордости
и сени смертней³⁰ прелести тщеславия, ласкордства³¹ и ласкосердия,
просвещати. А мне псу смердящему кому учить и чему наказати,³² и
чем просветить? Сам³³ бо⁶ всегда³⁴ в пьянстве,³⁵ в³⁶ блуде, в³⁷ прелюбо-
действе,³⁸ в скверне, во³⁹ убийстве,⁴⁰ в граблении, в хищении, в нена-
висти,⁴¹ во всяком злодействе, по великому апостолу Павлу: „надеяй⁴² же
ся себе⁴³ вождь быти слепым, свет сущим во тме, наказатель безумным,⁴⁴
учитель младенцем,⁴⁵ имуща⁴⁶ образ разума⁴⁷ и⁴⁸ истинне⁴⁹ в⁵⁰ законе;⁵¹
научаяй⁵² бо⁵³ иного⁵⁴ себе ли не учиши? проповедавай не⁵⁵ красти —
крадеш;⁵⁶ глаголай не прелюбы творити — прелюбы твориши; скаре-
дуйяйся⁵⁷ идол — святая⁵⁸ крадеш; иже в законе хвалишися — преступле-
нием закона богу досаждаеши“. И паки той же великий апостол гла-
голет: „Егда како инем⁵⁹ проповедавав, сам неключим буду?“.

^a В рукоп. А.

⁶ В рукоп. по.

¹ Сия грамота государя Ц. ² Васильевича КЦП, Васильевича Т. ²⁻⁶ всеа
Росии самодержца во обитель Кириллова монастыря Ц. ³ России К, Росии П.
⁴⁻⁶ нет Т. ⁵ еже К. ⁷ доб. и великую ТЦ. ⁸ богородица Т. ⁹ нет Т.
¹⁰⁻¹¹ нет Ц. ¹² Кирилла (такое правописание и дальше всюду) КЦ. ¹³ еже
КТЦ. ¹⁴ бозе Ц. ¹⁵ удар. полка П. ¹⁶ вождю Ц. ¹⁷ и К. ¹⁸ предъ-
небесному Т. ¹⁹ еже КТЦ. ²⁰ Васильевич КТЦ. ²¹ России К, Росии ЦП.
²² господия Т. ²³ нет К. ²⁴ А К. ²⁵ нет К, есмь Т, есть Ц. ²⁶ еван-
гельскому Т, евангельскому Ц. ²⁷ припадаю Ц. ²⁸ стопах Т. ²⁹ дея КТ.
³⁰ смертне К. ³¹ ласкосердства КТЦ; ласкордства П. доб. же ТЦ. ³² нака-
зывать Т, наказовати Ц. ³³⁻³⁴ повсегда КП. ³⁵ пьянстве Ц. ³⁶ и во Т,
и в Ц. ³⁷ и в ТЦ. ³⁸⁻⁴⁰ и в скверноубийстве Ц. ³⁹ в К, нет Т. ⁴⁰ уби-
стве К, доб. в кровопийстве ТЦ. ⁴¹ удар. ненависти Ц. ⁴² надея Т. ⁴³ нет Ц.
⁴⁴ доб. и ТЦ. ⁴⁵ младенцам Т. ⁴⁶ сущи К. ⁴⁷ разуму ТЦ. ⁴⁸ нет Ц. ⁴⁹ исти-
нен ТЦ. ⁵⁰ нет К. ⁵¹ закон К. ⁵² научая ТЦ. ⁵³ ибо Т. ⁵⁴ удар. иного К,
иного ЦП, кии Т. ⁵⁵ нет Т. ⁵⁶ святая крадеши Ц. ⁵⁷ скаредуяй К, скаре-
дуеши Т, удар. скаредуяся Ц. ⁵⁸ святая Ц. ⁵⁹ иным Ц.

Бога ради, отцы святїи и преблаженнии, не дѣйте менѣ, грѣшнаго и сквѣрнаго, плакаться греховъ своихъ и себѣ внимати, средї лютаго сего треволненїя прелѣстнаго мимотекущаго свѣта сего. Паче же в настоящем сем⁶⁰ многмятежном и жестоком⁶¹ времени, ⁶² кому мнѣ нечїстому, и сквѣрному, и душегубцу учителю быти? Да негли господь⁶³ бог, вашихъ ради святыхъ молитв, сїе писанїе в покаянїе мнѣ вменїт. И аще хощете, — есть у васъ дома учитель средї васъ — великий свѣтїльникъ Кирилъ. И на его гробъ по всегда⁶⁴ зрите, и от него всегда⁶⁵ просвещаетесь. ⁶⁶ Потому⁶⁷ же⁶⁸ великие⁶⁹ подвижници⁷⁰ ученицы его, а ваши⁷¹ наставницы и отцы, по прїятїю рода духовнаго даже и до васъ. И святїи устѣв великаго чудотворца Кирилы, яко же у васъ ведѣтся. ⁷² Се у васъ учитель и наставник! — от сего учитесь, ⁷³ от сего наставляйтесь, ⁷⁴ от сего просвещайтесь, ⁷⁵ о семъ утверждайтесь; ⁷⁶ да и насъ, убогихъ духомъ и ⁷⁷ нищихъ, ⁷⁸ благодатїю просвещайте, а за дерзость бога ради, простите. ⁷⁹ Понѣже помните, ⁸⁰ отцы святїи, егда некогда прилучїся некоимъ нашимъ⁸¹ приходомъ к вамъ в пречестную обитель пречистыя богородицы⁸² и чудотворца Кирилы, и ⁸³ случїся тако судьбами божими: по милости пречистыя богородицы⁸⁴ и чудотворца Кирилы молитвами от темныя ми мрачности малу зарю свѣта божїя в помыслѣ моемъ воспрїяхъ, и повелѣхъ тогда сущему⁸⁵ преподобному⁸⁶ вашему⁸⁷ игумену⁸⁸ Кирилу⁸⁹ с некоими от васъ⁹⁰ братїи нѣгде⁹¹ в⁹² кѣлии сокровене⁹³ быти, самому же такожде от мятеж⁹⁴ и плїща мирскаго упразднївшуся⁹⁵ и пришедшу ми к вашему преподобию,⁹⁶ и тогда со игуменомъ бѣше⁹⁷ Иоасафъ архимандритъ Каменской,⁹⁸ Сѣргїй⁹⁹ Колычевъ,¹⁰⁰ ты Никодїмъ, ты Антоней,¹¹ а иныхъ не упомню; и бѣвши о семъ бесѣде надолзе, и азъ грѣшный² вамъ¹ известїхъ желанїе свое о постриженїи, и⁴ искушахъ окайнный вашу святїню слабыми словесы. И вы известїте⁵ ми о бозе крепостное⁶ житїе. И яко же услышахъ⁷ сїе божественное житїе, ту абїе возрадовася сквѣрное мое сердце со окайнною моею душею, яко обретохъ узду поможїи божїя своему невздержанїю и пристанище спасенїя. И свое обещанїе положїхъ вамъ с⁸ радостїю, яко нигде⁹ ѣнде,

^a В рукоп. потом же.

^b В рукоп. Колачевъ.

⁶⁰ сем и К. ⁶¹ удар. жестоком Ц. ⁶² времени К. ⁶³ нет Ц. ⁶⁴ всегда Ц. ⁶⁵ повсегда ТЦ. ⁶⁶ просвещайтесь К. ⁶⁷ удар. потому Ц, потом П. ⁶⁸⁻⁶⁹ потом же К. ⁶⁹ великии К, велиции Т, велицыи Ц. ⁷⁰ подвижници КТЦП. ⁷¹ ваши Т. ⁷² ведѣца К. ⁷³ учителя Т. ⁷⁴ наставляетесь Т. ⁷⁴⁻⁷⁵ нет Ц. ⁷⁵ просвещаетесь Т. ⁷⁶ утверждайтесь К, утверждается Т. ⁷⁷ нет К. ⁷⁸ нищихъ К. ⁷⁹⁻⁸⁰ нет Т. ⁸¹ нищимъ ТЦ. ⁸² богородица Т. ⁸³ нет К. ⁸⁴ богородица Т. ⁸⁵ сущимъ П, сущихъ сущему Ц. ⁸⁵⁻⁸⁷ перестан. вашему преподобному Т. ⁸⁶⁻⁸⁸ перестан. игумену вашему К. ⁸⁹ Кириллу К. ⁹⁰⁻⁹² братїями в некоей Ц. ⁹³ сокровне К, сокровенне ТЦ. ⁹⁴ мятежа КЦ, мятежи Т. ⁹⁵ упразднївшуся Т. ⁹⁶ преподобству ТЦ. ⁹⁷ быша ТЦ. ⁹⁸ Каменскимъ Т. ⁹⁹ Сѣргей Т. ¹⁰⁰ Колачевъ КЦП, Ковачевъ Т.

¹¹ Антонїй Ц. ² доб. и Т. ³ Иоанн Ц. ⁴ нет Т. ⁵ известите Ц. ⁶ удар. крепостное КЦП; крепкое Т. ⁷ слышахъ Ц. ⁸ нет К. ⁹ нѣгде ТЦ; доб. и Ц.

аще благоволят бог, в¹⁰ благополучно¹¹ время здраву пострищися,¹² точию во¹³ пречестней сей обители пречистыя богородицы,¹⁴ чудотворца Кирила¹⁵ составления; и вам молировавшим.¹⁶ Аз же окайнный преклоних скверную свою главу¹⁷ и припадох к честным стопам преподобнаго игумена тогда¹⁸ сущаго,¹⁹ вашего же и моего, на сем благословения прося. Оному же²⁰ руку²¹ на мне²² положьшу²³ и благословившу мене на сем, яко же выше рех, яко некоего новоприходящего пострищися.²⁴

И мне мнится окайнному, яко исполу²⁵ есмь²⁶ чернец: аще и²⁷ не отложих всякого²⁸ мирскаго мятэжа, но уже²⁹ рукоположение³⁰ благословения ангельскаго образа на себе ношу.³¹ И видех во³² пристанищи спасения многи корабли³³ душевныя люте обуреваемы³⁴ треволнением. Сего ради³⁵ не могох³⁶ терпети,³⁷ малодушествах, и о своей души поболех, яко³⁸ сый уже³⁹ ваш, да не пристанище спасения испразнится,⁴⁰ сице дерзнух глаголати.⁴¹

И вы, бога ради, господня⁴² мой⁴³ и отцы, простите мене⁴⁴ грешнаго за дерзость доселе⁴⁵ моего к вам суесловия. И⁴⁶ яко же рече великое светило Иларион Великий во своем послании к некоему брату, сице рече: „К старейшему брату и⁴⁷ Христову рабу, убогий аз инок и последний в⁴⁸ братстве Иларион, малейший⁴⁹ разумом и неключимый ни в⁵⁰ коем же⁵¹ блазе⁵² деле. Яко⁵³ послал ми бе⁵⁴ таково⁵⁵ слово, глаголя, яко беси нудят мя мысльми, да любви⁵⁶ ради и⁵⁷ христовы заповеди отпиши ми слово и главизну утешну или двэ. Аз же восприем⁵⁸ послание и прочет его удивихся: како убо брат мой утешения востребова⁵⁹ от мене, или наказанье⁶⁰ от самого ненаказанна, и от нагаго⁶¹ одэжду, паче же⁶² от грешника спасения и утверждения⁶³ слова?⁶⁴ И⁶⁵ сия помыслив,⁶⁶ не требовах хотети руку мою прострети на отписание, бояся, егда⁶⁷ сам не творя буду, тебе же начну пиша глаголати, по отеческому слову кладязю⁶⁸ подобен буду — инья⁶⁹ омывающе,⁷⁰ себе⁷¹ же многи скверны не могуши⁷² истребити. И приму осуждение с⁷³ возла-

^a В рукоп. еда.

¹⁰ во КТЦ. ¹¹ благополучное ТЦ. ¹² удар. пострищися П. ¹³ в ТЦ. ¹⁴ богородица и Т. ¹⁵ Кирилла К. ¹⁶ удар. молировавшим К. ¹⁷ удар. главу П. ¹⁸ того да Т, того Ц. ¹⁹ доб. да Т. ²⁰⁻²² перестан. на мне руку ТЦ. ²¹ удар. руку К. ²³ положьшу Ц. ²⁴ пострищи К. ²⁵ удар. исполу КЦ. ²⁶ нет Ц. ²⁷ нет Т. ²⁸ всяко Ц. ²⁹ удар. уже КЦ. ³⁰ рукоположения Ц. ³¹ ношу Ц. ³² в К. ³³ корабля Ц. ³⁴ обуреваемы К. ³⁵⁻³⁶ нет Ц. ³⁷ стерпети ТЦ. ³⁸⁻³⁹ уже сый Ц. ³⁹ удар. уже КЦ. ⁴⁰ избранится К, испразнится ТЦ. ⁴¹ глаголах Ц. ⁴² господе К. ⁴³ моя Т. ⁴⁴ мя Ц. ⁴⁵ доколе ТЦ. ⁴⁶ нет ТЦ. ⁴⁷ нет ТЦ. ⁴⁸ во Т. ⁴⁹ удар. малейший К. ⁵⁰⁻⁵¹ коемждо Т. ⁵² блазем Ц. ⁵³ доб. же Т. ⁵⁴ нет Т. ⁵⁵ таковое Ц. ⁵⁶ любве Ц. ⁵⁷ нет Т. ⁵⁸ восприим Ц. ⁵⁹ востребовах Т. ⁶⁰ наказания ТЦ. ⁶¹ удар. нагаго Ц. ⁶² нет Ц. ⁶³ утверждения К, утвержена Ц. ⁶⁴ слову К. ⁶⁵ нет ТЦ. ⁶⁶ помыслих Ц. ⁶⁷ егда КТЦ, еда П. ⁶⁸ кладязю П. ⁶⁹ и инья К, ины ТЦ. ⁷⁰ помывающе К, омываючи Т, омывающу Ц. ⁷¹ в себе Ц. ⁷² могу Т, могущу Ц. ⁷³ со КТЦ.

гающему на плещá человеком бремени⁷⁴ тяжкая⁷⁵ и неудобьносíмая — а⁷⁶ самъ перстомъ тогѡ не хотѣ двíгнути. И⁷⁷ бѹду яко кругъ мѣдянъ тщíмъ гласомъ бряца́я: и сегѡ рáди ужаса́юся⁷⁸ и трепещу,⁷⁹ да не пáче бога разгнѣваю,⁸⁰ учительскiй санъ восхища́я,⁸¹ юностию еще⁸² играемъ“.

И аще сiцево⁸³ свети́ло о себѣ сiце рече, азъ же окаянный что сотворю, иже беззаконiю⁸⁴ сѹщи⁸⁵ скверно жилище и бесѡмъ игралище свойми⁸⁶ злыми дѣлы⁸⁷ быхъ?⁸⁸ но хотѣлъ ѹбо быхъ конецъ дѣлу положити:⁸⁹ но понѣже вижду,⁹⁰ грѣхъ⁹¹ рáди моихъ,⁹² нѹдити⁹³ вамъ мене⁹⁴ о семъ, сегѡ рáди, по великому апостолу Пáвлу, быхъ безѹменъ; понѣже вѣи мя понѹдисте мáла нѣкая от своего безѹмiя изрекѹ вамъ, не яко учительски и⁹⁵ со властiю,⁹⁶ но яко рабски, и послушáние повелѣнiю творя́ вашего преподѡбiя, аще и безмѣрна высотá есть моего недоумѣнiя.

И пакы⁹⁷ яко же той же великое свети́ло Илариѡнъ к⁹⁸ первому приложíи рече: „И пакы азъ противу таковѡму помыслу иноко́й⁹⁹ помыслъ наста́влю,¹⁰⁰ егда^{III} что зло постражду,² не сотворивъ волю братню и не упокоивъ духовное желáние искренняго ми. Помянѹхъ бо реченное: аще брашна рáди³ скорбитъ братъ твой: ѹже⁴ не по любви ходиши. Да аще брашна рáди⁵ телснаго зазоръ есть не подавшему,⁶ кольми⁷ пáче душевнаго брашна лишívъ⁸ брата сѹцаго в скорби.⁹ Сiя же помысливъ азъ в себѣ рекъ: егда́ како и мое желáние богъ презрѣв, и не сотворитъ¹⁰ ми полезное души, яко же азъ братне¹¹ да отвѣргу сомнѣние, дерзновение же восприемъ¹² напишу¹³ емѹ по желáнiю его, иже богомъ возмогаемъ. Кто бо вѣсть,¹⁴ егда́ по оно́го¹⁵ желáнiю и вѣре дастъ¹⁶ ми господь написати, и мне самому́ полезное и оно́му? Пáки¹⁷ же грубости рáди моея́ и простоты́ словесъ воздержáхся, помышляя,¹⁸ егда¹⁹ како²⁰ навѣкшу ти²¹ в книжной²² силе, и в²³ мѹдрости святыхъ возрасту,²⁴ писáние мое неугѡдно явится, пáче же юности мое́й²⁵ речений моихъ честыни²⁶ внимающи.²⁷ Но обáче богъ, иже приимы²⁸ вдовицы́²⁹ она́я двѣ цáте, и яко великъ даръ вмени́ ей, той же и³⁰ тебѣ, рабѹ его,³¹ сотворитъ любовь,³² прiяти се желáнное тобою́ от насъ“.

Сегѡ рáди азъ окаянный³³ сiе видя³⁴ дерзнухъ писати, пáче же и сегѡ рáди, яко же³⁵ мнѣ мнится окаянному божие нѣкое изволѣние семѹ быти.

³ В рукоп. его.

74 бремяна К. 75 тьяшка Т. 76 нет ТЦ. 77 нет К. 78 ужасошася Т. 79 трепеща Т. 80 прогнѣваю Ц. 81 восхищаю я Т. 82 удар. еще К; и еще Ц. 83 удар. сiцевоѡ КЦ. 84 дол. ли Т. 85 суще Т, дол. и К. 86—87 перестан. дѣлы быхъ Т. 88—89 нет Ц. 90 вижду Ц. 91—92 перестан. моихъ ради Ц. 93—94 перестан. мене вамъ К. 95 нет ТЦ. 96 удар. со властiю К. 97 пакы КТЦП. 98 и К. 99 инако КТЦ. 100 наставаъ ТЦ.

III его да ТЦ. 2 удар. постражду КЦ. 3—5 нет ТЦ. 4 удар. уже К. 6 подавшу Ц. 7 удар. кольми КЦ. 8 лишився Ц. 9 удар. скорби К. 10 сотвори Т. 11 братие ТЦ. 12 восприим КТЦ. 13 напишу Ц. 14—15 его по его К. 15 того Ц. 16 подаст Ц. 17 Пáче ТЦ. 18—19 его да П. 19 его да К. 20—21 навѣкнуги ТЦ. 22 нижней К. 23 нет ТЦ. 24 возрасту К. 25 дол. и Ц. 26 честь КТЦ. 27 снимающи ТЦ. 28 приемыи КП. 29 вдовицы КТЦ. 30 нет К. 31 своему К. 32 волю Ц. 33 добавл. и Ц. 34 виде Т. 35 нет Т.

Вѣруйте³⁶ ми,³⁷ господия³⁸ мой³⁹ и отцы, бог свидѣтель, и пречистая богородица, и чудотворец Кирилъ, яко сего⁴⁰ Великаго Илариона доселе посланія ниже паки⁴¹ читѣхъ, ниже видѣхъ,⁴² ниже паки слышахъ о нёмъ: но яко восхотѣхъ к⁴³ вамъ писати и хотѣхъ⁴⁴ писати от посланія⁴⁵ Василія Амасійскаго, и разгнѣвъ книгу⁴⁶ обретѣхъ⁴⁷ сие посланіе Великаго Илариона, и приникнувъ, и⁴⁸ видѣвъ,⁴⁹ яко⁵⁰ зело к нынѣшнему времени⁵¹ ключаемо,⁵² и помыслихъ,⁵³ яко божіе нѣкое повелѣніе⁵⁴ сицево⁵⁵ обретется⁵⁶ к полѣзному, и⁵⁷ сего ради дерзнухъ⁵⁸ писати. Имѣмся⁵⁹ уже⁶⁰ ко⁶¹ бесѣде, богу помогающе. И аще понуждаете⁶² мя, отцы святїи, и⁶³ моѣ от послушанія — к вамъ отвѣщаніе.

Первое, господие⁶⁴ мой и отцы, по божий⁶⁵ милости и⁶⁶ пречистыя⁶⁷ его матери⁶⁸ молитвами,⁶⁹ великаго⁷⁰ чудотворца Кирила молитвами⁷¹ имате уставъ великаго сего отца, да же и⁷² доселе⁷³ в вас дѣйствуется.⁷⁴ Сего имѣще, о нёмъ стоите, мужайтесь, утвержайтесь,⁷⁵ и не паки под игом работѣ⁷⁶ держитесь. И чудотворцево⁷⁷ преданіе держите крѣпко, и⁷⁸ инѣм не попускайте разорѣти, по великому апостолу Павлу: „возмогайте о господѣ в державѣ крѣпости его; облецытесь во вся⁷⁹ оружія⁸⁰ божія⁸¹ — возможи вамъ стати противу кознемъ дьявольскимъ;⁸² яко несть⁸³ ваша⁸⁴ брань к⁸⁵ крови и плоти, но к⁸⁶ началомъ и⁸⁷ ко владычествомъ,⁸⁸ к⁸⁹ миродержителемъ⁹⁰ тмѣ вѣка сего, к духовомъ злобѣ поднебеснымъ: сего ради примете⁹¹ вся оружія божія, да возможете противитися в день лютъ, и вся содѣявши⁹² стати. Станете⁹³ убо препоясани⁹⁴ чресла ваша истинною, и облкнѣшесь во броня правды, и обувше нозе во уготовани⁹⁵ благовѣствованія⁹⁶ миру, надо⁹⁷ всеми же восприимше⁹⁸ щитъ вѣры, в нёмъ же возможете вся стрѣлы неприязнены⁹⁹ разжѣнныя угасити, и шлемъ спасенія примете,¹⁰⁰ и мечъ духовный,^{IV} еже естъ глаголъ божий“.

И вы, господие² и отцы, стоите³ мужественно⁴ за чудотворцево⁵ преданіе, и⁶ не ослабляйте, какъ васъ богъ и пречистая и чудотворецъ

^a В рукоп. по.

³⁶ И веру имейте ТЦ. ³⁷ нетъ К. ³⁸ господие К. ³⁹ моя Ц. ⁴⁰ доб. и ТЦ. ⁴¹ нетъ КТЦ. ⁴² видѣхъ Ц. ⁴³ и Т. ⁴⁴ хоте Т. ⁴⁵ посланія Ц. ⁴⁶ книги и Т. ⁴⁷ доб. и Ц. ⁴⁸ нетъ К. ⁴⁹ видѣхъ Т. ⁵⁰ нетъ Ц. ⁵¹ времени ТЦ. ^{52—53} нетъ Т. * ^{54—56} нетъ Т. ⁵⁵ удар. сицево К.; сицевоѣ Ц. ⁵⁷ нетъ К. ⁵⁸ удар. дерзнухъ Ц. ⁵⁹ удар. имѣмся Ц. ⁶⁰ удар. уже КЦ. ⁶¹ по КТЦ. ⁶² понуждасте Ц. ⁶³ нетъ ТЦ. ⁶⁴ господия Ц. ⁶⁵ божией КЦ. ^{66—69} перестан. молитвами пречистыя его матери К. ^{67—68} богородицы Ц. ⁶⁸ доб. и Т. ⁷⁰ и великаго КЦ. ⁷¹ нетъ Т. ⁷² нетъ Т. ⁷³ до сего Ц. ^{73—74} перестан. дѣйствуется в васъ К. ⁷⁵ утверждайтесь КЦ. ⁷⁶ работайте Ц. ⁷⁷ чудотворцево ЦТ. ⁷⁸ нетъ ТЦ. ⁷⁹ все ТЦ. ⁸⁰ оружіе ТЦ. ⁸¹ божіе ТЦ. ⁸² дьявольскимъ Ц. ⁸³ не Т. ⁸⁴ наша Ц. ⁸⁵ х Т. ⁸⁶ и к Т. ⁸⁷ нетъ Т. ⁸⁸ властѣмъ КЦ. ⁸⁹ и К, и к Ц. ⁹⁰ миродержителемъ К. ⁹¹ примите Т. ⁹² содѣявши К. ⁹³ Станите К. ⁹⁴ доб. в Т. ⁹⁵ уготованіе КТЦ. ⁹⁶ нетъ К, благовѣствованіе Т, благовѣствованія П. ⁹⁷ надъ Ц. ⁹⁸ восприимше ТЦ. ⁹⁹ доб. и К.

¹⁰⁰ примите КТ. ^{IV} 1 мечъ КТЦП. ² господия Т. ³ станите К, доб. крѣпко ТЦ. ⁴ мужественно КТЦ. ⁵ чудотворцево КТЦ. ⁶ нетъ ТЦ.

просветит, яко же⁷ писано естъ: „свѣтъ иноком англи⁸ и⁹ свѣтъ миряном иноки“. ¹⁰ И аще свѣтъ тма, а мы окаяннии, тма сущѣ, кольми¹¹ помрачимся! ¹² Помните, господие мой, и отцы святїи — Маккавѣи за едио свинбе мясо, равно еже¹³ за Христа с мученики¹⁴ почтошася; и¹⁵ како рече Елеазару¹⁶ мучитель,¹⁷ и на се сошедшу да не яст свиня мяса, но токмо в руку примет,¹⁸ и ркут¹⁹ людем, яко Елеазар²⁰ мяса²¹ яст. Дблественный же сей²² рече сице:²³ „Осмьдесят лет имать²⁴ Елеазар,²⁵ и несмь соблазнил люди божия. И ныне, стар²⁶ сый, како соблазн буду Израилу?“²⁷ И тако скончася. И божественный Златоуст *пострада*²⁸ за обидящих, и царїцу вознаграя²⁹ от лихоиманія. Не бѣ исперва виноград и³⁰ вдовица³¹ вина бысть толику злу, и чудному сему отцу изгнание, и труды,³² и нужную от повлаченія смерть. Сие бо³³ о винограде от невежд³⁴ глаголется: аще же кто житие его прочтет, известно увестъ, яко за многих Златоуст³⁵ сие³⁶ пострада, а не за едио виноград. И³⁷ виноград же сей³⁸ не просто,³⁹ яко же⁴⁰ глаголют. Но бысть некто муж во⁴¹ Цареграде боярьска⁴² сана сый⁴³ и оглаболан⁴⁴ бысть царице,⁴⁵ яко поношает⁴⁶ ей о лихоиманїи. Она же,⁴⁷ гневом объята бывши, заточї его и с чады в Селунь. Оному же и великаго Златоуста⁴⁸ моляще⁴⁹ помощи ему; оному же царицы⁵⁰ не воспротившу,⁵¹ но попустивши⁵² сему тако быти. И тамо ему в заточенїи и⁵³ скончавшуся,⁵⁴ царица же гневом неутолїма сущи⁵⁵ и еже на прекормленїе убозей⁵⁶ сей остави⁵⁷ виноград восхотѣ злохитрством отнїти. И аще святїи о малых сих⁵⁸ вещех сице страдаху, кольми⁵⁹ же паче, господие⁶⁰ мои и отцы, вам подобает о чудотворцове преданїи пострадати. Яко же⁶¹ аполстоли Христу сраспинаеми, и соумеръшвляеми, и совоскрешаеми будут, тако⁶² и вам подобает усердно последствовать⁶³ великому чудотворцу Кириллу, и преданїе⁶⁴ его крепко держати, и о истинне подвизатися крепче, и⁶⁵ не быти бегуном⁶⁶ пометати⁶⁷ щит и иная,⁶⁸ — но вся оружїа божия воспримете,⁶⁹ и не предавайте чудотворцова преданїя никто же от вас, яко Июда Христа⁷⁰ сребра ради,⁷¹ тако и ныне страстолюбїа⁷²

^a В рукоп. это слово пропущено.

⁷ нет Ц. ⁸⁻¹⁰ а миряном иноки свет ТЦ. ⁹ нет К. ¹⁰ иноки КП. ¹¹ удар. колми К. ¹² помърачїся К. ¹³ же ТЦ. ¹⁴ мученики КЦ. ¹⁵ нет Т. ¹⁶ Елеазар К, Елиозар Т, Елиазар Ц. ¹⁷ учитель К, мучителю ТЦ. ¹⁸ примут ТЦ. ¹⁹ и рку Ц. ²⁰ Елеазар К., Елиозар Т., Елиазар Ц. ²¹ удар. мяса КЦ. ²² се К, сий Т, сия Ц. ²³ нет К. ²⁴ имае Т, имать Ц. ²⁵ Елиозар Т, Елиазар Ц. ²⁶ стал Т. ²⁷ Исраїалу К. ²⁸ нет КТЦП. ²⁹ вознаграя К, вознаграя Т, вознаграя Ц. ³⁰ нет К. ³¹ вдовицы К. ³² труд ТЦ. ³³ убо Т, нет Ц. ³⁴ невежд Ц, невежь П, ³⁵ Златоуст П. ³⁶ нет К. ³⁷ нет К. ³⁸ сие ТЦ. ³⁹⁻⁴⁰ нет Ц. ⁴¹ в Ц. ⁴² боярьскаго К, боярскаго Ц. ⁴³ доб. и К. ⁴⁴ оболгану Т, оболган Ц. ⁴⁵ царицы Т. ⁴⁶ поминает Т, поносит Ц. ⁴⁷ жа К. ⁴⁸ Златоустаго Т, Златоуста Ц. ⁴⁹ молящу К, молящи Т, моляща Ц. ⁵⁰ царицы Т. ⁵¹ воспретившю К, воспретившу ТП, попретивши Ц. ⁵² попустившю КТЦ. ⁵³ нет Т. ⁵⁴ скончавшуся КТЦ. ⁵⁵ суща Т. ⁵⁶ нет ТЦ. ⁵⁷ нет ТЦ. ⁵⁸ нет К. ⁵⁹ удар. колми КЦ. ⁶⁰ удар. господие Ц. ⁶¹ доб. и Ц. ⁶² яко ТЦ. ⁶³ последовати Т. ⁶⁴ преданїя ТЦ. ⁶⁵ нет ТЦ. ⁶⁶⁻⁶⁸ пометати тшетная Ц. ⁶⁷⁻⁶⁸ тшетная Т. ⁶⁹ воспримите КЦ. ⁷⁰⁻⁷¹ ради сребра Ц. ⁷² сластолюбїа Ц.

ради. Ёсть бо в⁷³ вас Анна и Каиафа⁷⁴ — Шеремётев и Хабаров,⁷⁵ и ёсть Пилат — Варлам Собакин,⁷⁶ понёже от царския власти послан, и ёсть Христос распинаемъ⁷⁷ — чудотворцово предание преобидимо. Бога ради, отцы святїи,⁷⁸ мало в чём ослабу попустите,⁷⁹ — то и⁸⁰ велико будет.

Вспомяните, свягїи отцы, великаго святителя и⁸¹ епископа Васи́лия Амасійскаго, еже писа⁸² к некоему мнїху, и тамо прочтите, и⁸³ каково то⁸⁴ ваше иноческое попользовение, или ослабление, умиления и плача достойно, и какова радость и подсмияние⁸⁵ врагом, и какова скорьбь и плачь верным! Тамо писано есть ко оному мнїху сице, еже и к вам прилично,⁸⁶ ко овем убо, яко от великия высоты мирскаго пристрастия и⁸⁷ богатства ко иноческому житию⁸⁸ пришедшим,⁸⁹ ко овем же, яко во иночестем⁹⁰ житїи воспитавшимся: „Аще бо прииду в помяновение⁹¹ перваго вас жития, иже ныне мїра и боярска⁹² сана отвергшеися,⁹³ а⁹⁴ суетнаго восхождения,⁹⁵ егда вас обдержаше богатство и слава, ужасаюся, и егда окружаху вас ласковцы⁹⁶ множества,⁹⁷ и пищное приятие⁹⁸ временное;⁹⁹ егда же¹⁰⁰ обнажїтесе^v к² предложению³ честнаго нрава, гнушаеми убо своего досточиния, домовнаго угождения,⁴ домашних беседовалии отрицаеми, еси же лёгки, яко странники, и не яты селы⁵ и градв уклоняеми, но⁶ течением ко Иеросалиму ублажахуся страдальческия болезни ваша.⁷ Сие же убо⁸ кой⁹ же¹⁰ воспитавшимся¹¹ от младых ногтей в постѣ,¹² яко недельными¹³ пощеньми¹⁴ сконьчеваяюще, богови прелюбїтесе,¹⁵ вьупе же и человеческия отбегающе¹⁶ беседы, безмолвию¹⁷ же и уединению припрягбосте себе, градных плїщ удаляющеся, вретїщем же острым тело свое удручающе, и поясом жестоким чресла своя сгязаяюще,¹⁸ терпеливо кости своя оскорбляюще, ложесна же со внутренними¹⁹ чрезесы даждо хребетных костей ослабили есте; и ядения убо²⁰ мягкаго потребы²¹ отвергбостеся, вугрь же кожу²² телесную вовлекосте, к лядвям²³ нудящеся прилепїти,²⁴ все²⁵ же телесное²⁶

^a В рукоп. вась хождения.

^b В рукоп. по.

^v В рукоп. воспитавшимся

⁷³ у ТЦ. ⁷⁴ Каиафа К. ⁷⁵ Хабаров Ц. ⁷⁶ Сабакин П. ⁷⁷ распинаем Ц. ⁷⁸ доб. и ТЦ. ⁷⁹ попустивше Ц. ⁸⁰ нет К. ⁸¹ нет КТЦ. ⁸² пиша К. ⁸³ нет ТЦ. ⁸⁴ нет ТЦ. ⁸⁵ подсмеяние К, посмеание ТЦ. ⁸⁶ приключно К. ⁸⁷ нет П. ⁸⁸ удар. житию Ц. ⁸⁹ пришедши Ц. ⁹⁰ иноческом ТЦ. ⁹¹ поминовение К, повинование Ц. ⁹² боярского Т. ⁹³ отвергшися К, отвергшеся Т, отвергшася Ц. ⁹⁴ и КЦП. ⁹⁵ восхождения К, вась хождения П. ⁹⁶ лукавцы К. ⁹⁷ множества П. ⁹⁸ приятное Ц. ⁹⁹ временное ТЦ. ¹⁰⁰ нет К.

^v ¹ обнажїтесе ТЦ. ² ко Т. ³ предложению ТЦ. ⁴ доб. и ТЦ. ⁵ сел ТЦ. ⁶ по КТЦП. ⁷ ваша КТЦ. ⁸ нет ТЦ. ⁸⁻¹⁰ каждо К. ⁹ нет Т, кое Ц. ¹¹ воспитавшимся КТЦП. ¹² постех ТЦ. ¹³ недельным Т, недельны Ц. ¹⁴ пощени ТЦ. ¹⁵ прилюбїтесе Т. ¹⁶ удар. отбегающе Ц. ¹⁷ безмолствию Ц. ¹⁸ стязаяюще К. ¹⁹ внутренними Т. ²⁰ нет К. ²¹ доб. со Ц. ²² -- кожу КЦЦ. ²³ лядвям Т. ²⁴ прилепїти Т, прелетїти Ц. ²⁵⁻²⁶ житейское Ц.

попечёние упразднивши,²⁷ подчревное²⁸ течёние²⁹ доблественне³⁰ иссушили есте, чрево же³¹ самое неядёнием придавивше,³² рёбрыными³³ же³⁴ частями,³⁵ яко неким³⁶ кровом, пупъныя³⁷ части осеняше, и совокупленным³⁸ арганом в ношных³⁹ годех⁴⁰ исповёданием богови молящесе, слезными течёнии⁴¹ омакающе брады отрываёсте. И что ми изрещи и⁴² каяждо⁴³ подобает? Помяните, елика⁴⁴ уста святых лобзанием целоваёсте! елико священная телеса объаёте! елицы вам, яко руде принимаху!⁴⁵ колицы раби божии⁴⁶ колёнома вашима приплетахуса! И что сим конец пиянству и объядёнию и мирскому плыщу и молвам⁴⁷ ослабление попустивше?⁴⁸ Стрелы⁴⁹ борзейша,⁵⁰ долетёвши, снадает слухи⁵¹ сердца⁵² наша. ⁵³ Како ми повёдания, яже о ваших болёзнях пойдут?⁵⁴ Посрамилы есте ангельскаго образа похвалу, порок дали есте, отвержение⁵⁵ мира обетованию;⁵⁶ быхом и⁵⁷ врагом убо козлогласование,⁵⁸ другом же рыдание. Отринусте мудрость иноческую; крепльших⁵⁹ в болёзнь и страх вселили есте; чюдящих же ся и ещё диявольстей силе мечём страховаания посекли есте; ленивыя в⁶⁰ блудную ревность⁶¹ вложили есте,⁶² ласкосердыя⁶³ в ослабление свелй⁶⁴ есте; разорили есте, елико от вас Христово⁶⁵ хваление.⁶⁶ „держайте, глаголя, аз победих мир“ и сего князя. Налили⁶⁷ есте отечеству чашу тяжко слышанну. Поистинне на дело приведе⁶⁸ притчу: „яко же елень устрелён бысть в рёбра“. Тако и о вас случися притча,⁶⁹ ослабляющим⁷⁰ пространное⁷¹ и мокрое житие,⁷² якоже рече Златоуст:⁷³ „никто же бо гоний сладкое и мокрое житие,⁷⁴ может вйти во⁷⁵ царствие⁷⁶ небесное“. Паче же и сам господь рече, яко „пространный путь и широкая врата вводяй в пагубу,⁷⁷ а скорбный⁷⁸ путь и узкая⁷⁹ врата вводяй в жизнь вечную“. И⁸⁰ сий убо легчайша⁸¹ глаголах, и аще жесточайша⁸² реку, что сотвориши ймамы? В нынешнем⁸³ времени⁸⁴ их же и слышание странно, а еже последствовать⁸⁵ сих святых — невозможно, но точно дивитися сих добродетели⁸⁶ высот, яко же мы не достигаём⁸⁷ сих добродетелей⁸⁸ и постнических трудов. Прийдем же на самое речёние, что есте высота

27 упраздниши К, упразднившие ТЦ. 28 почревное ТЦ. 29 доб. упразднившие Т. 30 удар. доблественне К. 31 нет ТЦ. 32 предавивше ТЦ. 33 ребренными Т. 34 нет Ц. 35 частыми К, удар. частыми Ц. 36 неким К, неким Ц. 37 путныя КТ, пути вся Ц. 38 удар. совокупленным КЦП. 39 удар. ношных К. 40 удар. годех Ц. 41 теченми ТЦ. 42 нет ТЦ. 43 кождо ТЦ. 44 елико Ц. 45 преинаху Ц. 46 доб. и Т. 47 мало вам ТЦ. 48 попустившу Ц. 49 удар. Стрелы К, Стрела Т. 50 борзейшая ТЦ. 51 доб. и КП. 52 наполовину вытерто наша Ц. 53 наша КЦ, ваша Т. 54 удар. пойдут КЦ. 55 отвержению Ц. 56 обетовани Ц. 57 нет К. 58 ко гласованию К., 59 нет Т. 60 нет ТЦ. 61—62 нет ТЦ. 63 ласкосердия КТЦ, ласкордыя П. 64 вселили Ц. 65 Христова Ц. 66 хваления Ц. 67 Налили ТЦ. 68 приведем Ц. 69 притча П. 70 ослепляющим К. 71 пространная ТЦ. 72—74 нет ТЦ. 73 Златауст П. 75 в Ц. 76 царство КТЦ. 77 доб. а К. 78 доб. же Т. 79 узкая Ц. 80 нет ТЦ. 81 легчайшая КЦ. 82 жесточайшая Т. 83 нынешнее Ц. 84 время ТЦ. 85 последова и Т., доб. и Ц. 86 доб. и ТЦ; удар. добродетели ЦП. 87 достойни заем К. 87—88 нет Т. 88 добродетели Ц.

словесѣ. Паки той же Василей⁸⁹ рече: „Хощу бо ти показати, войстинну,⁹⁰ о ядѣнии⁹¹ их и⁹² одѣжди⁹³ — да⁹⁴ брачныя. Вѣждь ли⁹⁵ святѣя⁹⁶ сѣя, одѣянные власяными рѣзами⁹⁷ и в пустыни пребывающая?⁹⁸ Сий убо, пойстинне, иже одѣжа⁹⁹ брачныя имущи,¹⁰⁰ и яко на небеси, на землѣ живущи. Ничѣм^{VI} же бо тем² доволнее³ житие мѣнши небесныхъ естъ: ибо и⁴ ангели сходятъ к нимъ и иже ангельский⁵ владыко.⁶ Аще бо ко Аврааму приидоша, мужу жену имущу и дети кормящу, понѣже и⁷ страннлюбца видячу его. Егда много⁸ множае обрѣщетъ добродѣтель,⁹ и человека,¹⁰ тело преобидяще,¹¹ много паче здеживутъ и ликоствуютъ:¹² сущее¹³ тѣх¹⁴ подобное ликованіе; ибо трапѣза оныхъ всякого лихоиманія чиста, и любомудрия полна: ни крѣви в нихъ, ни мѣс рѣзанія, ниже различія¹⁵ брашен, и сквары несладкия,¹⁶ ни дым¹⁷ тяжкій,¹⁸ но хлѣб и вода, ова¹⁹ убо от источник чѣстныхъ, ов²⁰ же от праведныхъ болѣзней. Аще ли же гдѣ и любочестнейше²¹ напитатися²² хотящемъ,²³ вершии дубное²⁴ любочестіемъ²⁵ бывааетъ, и большая ихъ²⁶ сладость, нежели в царскихъ²⁷ трапѣзахъ. Сію и²⁸ ангели трапѣзу от небесъ зряще веселятся и славятъ: аще бо о единомъ²⁹ грѣшникѣ кающемся веселятся, о праведникѣхъ толѣцѣхъ, подобящемся³⁰ темъ, что не³¹ имутъ творити? И мы убо зверей горши есмь³² и безсловесныхъ,³³ они бо³⁴ ангеломъ³⁵ равни,³⁶ страшни и³⁷ пришельцы. Зде они³⁸ сущи³⁹ вся темъ прменѣшася к намъ, и одѣжда,⁴⁰ и пища,⁴¹ и обутье,⁴² и обитель,⁴³ и бесѣда:⁴⁴ и аще убо кто слышалъ бы⁴⁵ о нихъ⁴⁶ бесѣдующихъ, и насъ тогда убо⁴⁷ разумѣлъ добре, како ови⁴⁸ небесни жители,⁴⁹ мы же ни⁵⁰ землѣ достойни. Ни единому бо отъ скворядныхъ во ангелѣхъ оныхъ естъ,⁵¹ ни пресыщенія пища,⁵² ведяще,⁵³ яко плачь естъ настоящее се житіе, наполняюще всемъ,⁵⁴ и еже⁵⁵ ко⁵⁶ пророку Езекиилу⁵⁷ реченное⁵⁸ отъ бога: „сыне⁵⁹ человекъ, хлѣбъ свойъ з болѣзнию яждь, и воду со страданіемъ и скорбію пий“.

^a В рукоп. ми.

⁸⁹ Василий ТЦП. ⁹⁰ нет Ц. ⁹¹ яденныхъ К, одѣянныхъ ТЦ. ⁹² от Ц, их и П. ⁹³ одежда ТЦ. ⁹⁴ нет ТЦ. ⁹⁵ ми КТЦП. ⁹⁶ нет Ц. ⁹⁷ рубыми Ц. ⁹⁸ пребывающа Т, пребывающія Ц. ⁹⁹ одежда КЦ. ¹⁰⁰ имуща Ц.

VI ¹ И ничѣмъ Ц. ² и темъ Ц. ³ доволное ТЦ. ⁴ нет ТЦ. ⁵ ангельски К. ⁶ владыка КЦ. ⁷ нет Т. ⁸ многа Т. ⁹ добродѣтели Ц. ¹⁰ человека Ц. ¹¹ приобидящимъ Ц. ¹² ликоствуютъ КЦП, ликоствующее Т. ¹³ нет Т. ¹⁴ тем Ц. ¹⁵ различная Т. ¹⁶ несладныхъ Т. ¹⁷ дмения Т, думы Ц. ¹⁸ тяжкаго, Т, тяжкия Ц. ¹⁹ овии Ц. ²⁰ ова КТЦ. ²¹ удар. любочестнейше К, любочестнейши Т, любочестнейши Ц. ²² написатися Т. ²³ хотящимъ КТЦ. ²⁴ дубовое ТЦ. ²⁵ любочестіе им И. ²⁶ сихъ Ц. ²⁷ церковныхъ Т. ²⁸ нет КТ. ²⁹ одиномъ К, единомъ Ц. ³⁰ подобящимся К, подобящеся Ц. ³¹ нет К. ³² естъ Т. ^{33—34} нет Т, и Ц. ³⁵ ангелы Т, агели Ц. ³⁶ равны ТЦ, доб. и Ц. ^{36—37} страшни Т. ³⁷ а К, нет Ц. ³⁸ о нихъ Т, в нихъ Ц. ³⁹ сущи ТЦ. ⁴⁰ одѣжды К, одѣждами Т. ⁴¹ пища К. ^{41—42} нет ТЦ. ⁴² обувей К. ⁴³ обителей К. ⁴⁴ бесѣд К. ^{45—46} оныхъ КТЦ. ⁴⁷ доб. бы К, быхъ ТЦ. ⁴⁸ овии Ц. ⁴⁹ жители КТЦ. ⁵⁰ на Т. ⁵¹ естѣвъ Ц. ⁵² пища Ц. ⁵³ видяще Ц. ^{54—55} иже Ц. ⁵⁶ и Т, нет Ц. ⁵⁷ Езекиилу Т. ⁵⁸ речено Ц. ⁵⁹ доб. о Т.

Сїцевая⁶⁰ ўбо⁶¹ трапѣза имѹщих сїя ангелы на небеса́ отсыла́ет, а⁶² ласкосердая⁶³ же⁶⁴ в ге́сну⁶⁵ влечёт чрѣвныя рабы́, якоже богатаго оного: о́ву⁶⁶ ўбо в со́н смѣртный прише́д при́мет, о́ву⁶⁷ же трезвѣнием и бдѣнием;⁶⁸ и о́ву⁶⁹ ўбо му́ка, о́ву⁷⁰ же⁷¹ небесное царствие. И ўбо что⁷² Вели́кий Васи́лис⁷³ учи́т глаголя: не отлага́й ўбо дне́⁷⁴ от дни, ⁷⁵ да не впаде́ши некогда, во́нь⁷⁶ же не чаеши день. Егда ўбо оставити тя прѣчее животá, вины́, недовѣдени⁷⁷ же⁷⁸ отвсю́ду и скѣрбь неутѣшна⁷⁹ оскуде́вшем⁸⁰ ўбо врачѣм, оскуде́вшем⁸¹ же и⁸² своим, егда частым въздыхáнием и сухым обдержым, огню пла́менну распала́ющу внѹтрення и растерза́юще,⁸³ въздохнеши ўбо от среды́ сердца, и скорбѣщаго с тобою́ не обрящеши, и провеща́еши ўбо, что худо́ и нѣмощно,⁸⁴ услы́шай⁸⁵ же⁸⁶ не бѹдет, все́ же глаго́ланное тобою́, яко сѹетие преобидитсѹ.⁸⁷ Никто́ же ўбо да не прельстѣтъ тя тщѣми словесы́ и сѹетными.⁸⁸ Предстанет бо ти напрасно⁸⁹ все па́губьство, и лю́та,⁹⁰ яко же⁹¹ бѹря, придет ангел немѣлостив, отвѣдя́ с нѹждею,⁹² влекий́ душу⁹³ твою́, связа́ну⁹⁴ грехми́, часто́ обраща́ющуся к зде́шним и рыда́ющу⁹⁵ без гласа,⁹⁶ орга́ну прѣчее плачевному́ затворшюся.⁹⁷ О, ко́льми⁹⁸ поколебѣиши! ⁹⁹ О, ко́лико¹⁰⁰ въздохнеши^{VII}, безде́льно ка́ясь о злы́х совѣтѣх и дѣлѣх! И, о́х² же,³ рече́ши в болѣзни сердца своего́ тогда́: увы́ мне! не могу́⁴ отрѣнути́ тяжкое⁵ се брѣмя грехѣвное! увы́ мне скверны́⁶ не отмывшу! ⁷ От злы́х совеща́ний о⁸ преме́нии⁹ вре́менная¹⁰ ра́ди греха́¹¹ сла́сти, ¹² вѣчно му́чим е́смь, гортáнныя ра́ди сла́дости¹³ и пья́нства¹⁴ огню́ преда́хся!¹⁵ Пра́веден ўбо,¹⁶ по́йстинне, сѹд божий! Зовѣм бѣх ўбо, и не послу́шах. Учѣм, — и не внимах.¹⁷ Ска́зано бѣше, — аз¹⁸ смея́хся. Сїя́ и сїцева¹⁹ рече́ши, всѹ́ко рыда́я себе́, а́ще восхище́н бѹдеши прѣже²⁰ пока́яния. Ёй, по́йстинне, но́щь глубока́ тагда́,²¹ и болѣзнь тяжка́,²² и помога́й несть. Та́же возрѣв се́мо и она́мо,²³ и

^a В рукоп. ласкордая.

^b В рукоп. на полях безгласно.

^c рукоп. затворившюся.

⁶⁰ удар. Сицевая К. ⁶¹ бо Т. ⁶² нет ТЦ. ⁶³ ласкосердая К, ласкосердия ТЦ, ласкордая П. ⁶⁴ нет К. ⁶⁵ геону Т. ⁶⁶ ового же Т, ово же Ц. ⁶⁷ ово Ц. ⁶⁸ отемнением Т. ⁶⁹ ово КЦ. ⁷⁰ ово КЦ. ⁷¹ доб. и К. ⁷² доб. и Ц. ⁷³ Василий КТЦ. ⁷⁴ дни Т, день Ц. ⁷⁵ дне КЦ. ⁷⁶ он Ц. ⁷⁷ недоведении ТЦ. ⁷⁸ еже Т. ⁷⁹ неутешная ТП. ⁸⁰ оскудевшим КТЦ. ⁸¹ оскудевшим КТЦ. ^{81—82} иже Ц. ⁸³ растерзающе и ТЦ. ⁸⁴ удар. немощно К, немощно Т. ⁸⁵ слышащаго К. ⁸⁶ иже К. ⁸⁷ преобидися Т. ⁸⁸ суетми Т. ⁸⁹ напрасно К. ⁹⁰ люта́я К. ^{90—91} яже Т. ⁹² нужею и Т. ⁹³ душу КТЦП. ⁹⁴ связанну Ц. ⁹⁵ рыдающим Т. ^{95—96} безгласно КП, удар. безгласа Ц. ⁹⁷ затворшюся К, затворившюся ТЦП. ⁹⁸ удар. колми́ КЦ. ⁹⁹ поколеблешися КТЦ. ¹⁰⁰ колми́ Ц.

^{VII} 1 въздохнешы Т. ² о их К, о нех Ц. ³ нет ТЦ. ⁴ могий ТЦ. ⁵ также Т, такжеде Ц. ⁶ скверному Т, скверну Ц. ⁷ отмывшюся ТЦ. ⁸ и о ТЦ. ⁹ преме́нии КТЦ. ¹⁰ временныя К. ¹¹ граха Т. ^{12—13} нет Т. ¹⁴ пьянству Т, пьянства Ц. ¹⁵ преда́хся Т. ¹⁶ нет ТЦ. ¹⁷ удар. внимах Ц. ¹⁸ доб. же КЦ, доб. де же П. ¹⁹ удар. сицева́ К; сицевая́ Ц. ²⁰ прѣже КЦ. ²¹ тогда́ КТЦ, нет Ц. ²² доб. тогда́ Ц. ²³ овамо КТЦ.

видев предстоящее ти лютое запус^тение, тогда разумёши ненаказанія и воздохнеши: о безуми всяко, и²⁴ время окаянно и люто, скрѣл еси покаяние. Егда ўбо язѣк удёржится,²⁵ рука же трепетом колѣблема, терзаньми, ни гла^сом, ни писаніем назнаменовати²⁶ бедѹ и²⁷ нѹжду. Тѣм же²⁸ помѣлуй себе, и прими²⁹ во умѣ послѣдний он и страшный день исхода³⁰ и одержанія, и тѣсный и прискорбный час, и отвѣт божий приходящий,³¹ и³² ангел³³ тш^ащихся, и дѹши³⁴ всѣх бедно смуща^еми и помрача^еми и трепещуше³⁵ зело, и недоумеющися³⁶ и без ума кающися,³⁷ и рыдающе³⁸ же³⁹ и⁴⁰ слезяще⁴¹ многажды, и к здѣшним умѣльно обращающися, и неизмольнаго⁴² и долгаго⁴³ онога⁴⁴ ошествия⁴⁵ нѹжда.⁴⁶ Дѹбре ўбо божественный Михѣя⁴⁷ к таковым глаголаше:⁴⁸ „плачите и рыдайте вси, пьюще⁴⁹ вино во пьянствѣ⁵⁰ — блѹдно бо⁵¹ есть вино и укоризнено в⁵² пьянство,⁵³ не упивайтесь вином — в нём же есть блѹд. Понѣже бо⁵⁴ стытким⁵⁵ и незлобным⁵⁶ нравом дѹброе и божественное дѣло на зло и растлѣнно учѣние премѣньше и претворше⁵⁷ и⁵⁸ дѹховное наказаніе, отмѣтному дѣланію служити понѹжше,⁵⁹ не⁶⁰ то^кмо достѹйни⁶¹ законнаго суд^а прияти мучѣние, но и⁶² от еуангельскаго, и от⁶³ апостольскаго отвѣта в⁶⁴ глаголемую внѣшнюю⁶⁵ тмѹ напрасно⁶⁶ отслани⁶⁷ бѹдут“.

Видите ли, каково послабленіе⁶⁸ иноческому житію плача и скорби достѹйно? И по томѹ вашему ослабленію, ино тѹ⁶⁹ Шеремѣтева дл^я и Хабарова⁷⁰ дл^я, такова у вас слабость учинилася⁷¹ и чудотворцовѹ⁷² преданію⁷³ преступленіе.⁷⁴ И только нам⁷⁵ благоволит бог⁷⁶ у вас пострѣшися, ино тѹ⁷⁷ всемѹ⁷⁸ царьскому дворѹ у вас бѣти, а монастыр^я уже⁷⁹ и⁸⁰ не бѹдет. Ино почтѹ в чернѣцы, и⁸¹ как молвити:⁸² „отрицаюся мѣра и вся, яже суть⁸³ в мѣре“, а мѣр весь в⁸⁴ оцех? И како на мѣсте сем⁸⁵ святем с⁸⁶ братіею скорби терпѣти и всякія напасти приключышяся,⁸⁷ и⁸⁸ в повиновѣнии⁸⁹ бѣти⁹⁰ игѹмену, и всѣй братіи в послушаніи⁹¹ и в⁹² любві, яко же во обещаніи иноческом стоит?⁹³ А Шеремѣтеву как⁹⁴ назвати братіею?⁹⁵ — ано⁹⁶ у него и⁹⁷ десятой холѹп,

²⁴ нет Ц. ²⁵ держится ТЦ. ²⁶ назнаменовати Ц. ²⁷ ону и Ц. ²⁸ доб. убо ТЦ. ²⁹ удар. прими К. ³⁰ удар. исхода К. ³¹ приходящи К. ³² нет Ц. ³³ ангели К. ³⁴ душу Т. ³⁵ трепещущи Ц. ³⁶ недоумеющися К. ³⁷ кающися К. ³⁸ рыдающи Т. ³⁹ себе Ц. ⁴⁰ нет Т. ⁴¹ слезящи КЦ. ⁴² неизмолимаго КТЦ. ⁴³ дальняго Т. ⁴⁴ онаго Ц. ⁴⁵ шествия К, отшествия Ц, доб. и Т. ⁴⁶ нужды К. ⁴⁷ Михѣя ТЦ. ⁴⁸ глаголет ТЦ. ⁴⁹ пьющии КТЦ. ⁵⁰ пьянство ТЦ. ⁵¹ блуднаго К. ⁵² нет Ц. ⁵³ пьянство К. ⁵⁴ доб. есть К. ⁵⁵ святым К, стыдким ТЦ. ⁵⁶ незлобивым Т. ⁵⁷ притворше К, претворшей Т. ⁵⁸ нет ТЦ. ⁵⁹ по нужде К, понуждше ТЦ. ⁶⁰ но Ц. ⁶¹ достѹйни ТЦ. ⁶² нет КЦ. ⁶³ нет КТЦ. ⁶⁴ во КТЦ. ⁶⁵ в вечную К. ⁶⁶ нет К. ⁶⁷ удар. отслани К; отослани Ц. ⁶⁸ послание ТЦ. ⁶⁹ токо Т, нет Ц. ⁷⁰ Хабарова Ц. ⁷¹ учинилася Т. ⁷² чудотворцевѹ Ц. ⁷³ преданіе Ц. ⁷⁴ преступленію Ц. ⁷⁵—⁷⁶ перестан. бог благоволит ТЦ. ⁷⁷ тому ТЦ. ⁷⁸ доб. ли ТЦ. ⁷⁹ удар. уже КЦ; ужь Т. ⁸⁰ нет К. ⁸¹ нет К. ⁸² молвить ТЦ. ⁸³ нет Ц. ⁸⁴ во Ц. ⁸⁵ нет К. ⁸⁶ со К, з Т. ⁸⁷ приключышяся К, приключишася Т, приключившися Ц. ⁸⁸ нет Ц. ⁸⁹ повиновение Т. ⁹⁰ нет К. ⁹¹ послушаніи ТЦ. ⁹² нет Ц. ⁹³ в чистоте К. ⁹⁴ нет Ц. ⁹⁵ братію Ц. ⁹⁶ удар. ано К. ⁹⁷ нет К.

котóрой у него в кѣли⁹⁸ живѣт, ѣст лутче⁹⁹ брѣтій,¹⁰⁰ котóрья^{VIII} в трапѣзе² ядѣт. И велицѣи³ светѣлницѣ, Сѣргие,⁴ и Кирил, и Варлам,⁵ Димитрей⁶ и Пафнóтей,⁷ и мнози преподобнии в Рустей землѣ, устáвили устáвы⁸ иноческому житию крепостнѣя,⁹ якоже подобáет спасѣтися. А бояре¹⁰ к вам¹¹ пришѣд свой¹² любóстрáстныя¹³ устáвы¹⁴ ввели¹⁵: ино то не онѣ у вас пострѣглися — вы¹⁶ у них пострѣглися;¹⁷ не вы им учѣтели и законоположитѣли¹⁸ — онѣ вам учѣтели и законоположитѣли. Да Шеромѣтева устáв добр — держитс¹⁹ егó, а Кириллов устáв не добр — оставь²⁰ егó. Да севóдни²¹ тот²² боярин ту стрáсть введѣт, а иногды²³ инóй инóу²⁴ слáбость введѣт, да помáлу,²⁵ помáлу²⁶ весь обихóд монастырской крепостнóй²⁷ испразнитс²⁸ и бóдут все²⁹ обѣчái мирскѣя.³⁰ Ведь³¹ по всѣм монастырем³² спѣрва начальники устáвили крѣпкое³³ житиѣ, да опóсле³⁴ их разорили³⁵ любóстрáстныя.³⁶ И Кирилó чудотворец на Симонове³⁷ бѣл, а пóсле³⁸ его Сѣргей.³⁹ 40 А⁴¹ закон⁴² каков⁴³ бѣл — прочтѣте в житий чудотворцове, и тáмо извѣстно увѣсте, да⁴⁴ тот малѣнько слáбостей⁴⁵ ввел, а пóсле егó⁴⁶ ирѣчѣя побóльше,⁴⁷ да помáлу, помáлу⁴⁸ и до⁴⁹ сегó,⁵⁰ яко же и сáми видѣте, на Симонове,⁵¹ кромѣ⁵² сокровѣнных раб бóжих,⁵³ тóчию одеянием иноцы, а мирскáя вся совершáются, яко же и у Чюда бѣша средѣ царствующаго града пред⁵⁴ нáшимá очѣма — ⁵⁵ нам и вам⁵⁶ видимо. Бѣша архимандрити:⁵⁷ Иóна, Исáк⁵⁸ Собáка, Михáйло,⁵⁹ Васийн⁶⁰ Глазáтой, Аврáмей,⁶¹ — при⁶² всѣх сѣх, яко един⁶³ от убóгих бѣсть⁶⁴ монастырѣй. При Левкѣи же кáко⁶⁵ сравнясь⁶⁶ всяким благочинием с великими обѣтели и духовным житѣльством мáло чим отсто́я.⁶⁷ Смотрѣте же: слáбость ли утверждáет⁶⁸ или⁶⁹ крѣпость? А вы⁷⁰ се над Воротынским⁷¹ церковь есте⁷² поста-

¹ В рукоп. Озáковъ.

⁶ В рукоп. сравнясь.

^в В рукоп. остáся.

^г В рукоп. во.

^х В рукоп. есть.

⁹⁸ келье ТЦ. ⁹⁹ лутчи К, лучши Ц. ¹⁰⁰ братья Ц.

VIII¹ котóрыи К, котóрые Ц. ² трапезе К. ³ велицѣи К. ⁴ Сергий КЦ, Сергей Т. ⁵ Варлаам, и К; доб. и Ц. ⁶ Димитрей КТ, Димитрий Ц. ⁷ Пафнóтий КТ, Пафнóтий Ц. ⁸ устáв ТЦ. ⁹ крепостно Т, крепостный Ц. ¹⁰ бояре Т. ¹⁰⁻¹¹ нет К. ¹² свой Ц. ¹³ любóстрáстныи Т, любóстрáстный Ц. ¹⁴ устáв Ц. ¹⁵ вселили К. ¹⁶ но вы Ц. ¹⁷ нет Ц. ¹⁸ законоположитѣи Т. ¹⁹ держи Т. ²⁰ остави Т, оставите Ц. ²¹ сегó дни КЦ. ²² поют Т. ²³ удар. инóгды К. ²⁴ нет Ц. ²⁵ помáле Ц. ²⁶ нет ТЦ. ²⁷ удар. крѣпостной Ц. ²⁸ испразнитс^я ТЦ. ²⁹ вси ТЦ. ³⁰ монастырскѣи К. ³¹ Везде Ц. ³² удар. монастырем П. ³³ крепостное К. ³⁴ после Ц. ³⁵ разорѣтс^я Ц. ³⁶ доб. начнѣт держати Ц. ³⁷ Симонове Ц. ³⁸ опóсле Ц. ³⁹ Сергий Ц. ⁴⁰⁻⁴² Озáков КТП. ⁴¹ нет Ц. ⁴³ нет Т. ⁴⁴ доб. и Ц. ⁴⁵ слáбость К, слáбости ТЦ. ⁴⁶ того ТЦ. ⁴⁷ побóльше К. ⁴⁸ нет Т. ⁴⁹ да Т. ⁵⁰ его Т. ⁵¹ Симонове Ц. ⁵²⁻⁵³ перестан. раб бóжих сокровѣнных К. ⁵⁴ перед Т. ⁵⁵⁻⁵⁶ перестан. вам и нам ТЦ. ⁵⁷ архимандрит Т. ⁵⁸ и как Т. ⁵⁹ Михáйла Т. ⁶⁰ Васийн К. ⁶¹ Аврáмей Т, Аврámий Ц. ⁶² нет Ц. ⁶³ удар. едѣн Ц. ⁶⁴ нет Ц. ⁶⁵ как Ц. ⁶⁶ сравнясь ТП, сравнясь Ц. ⁶⁷ остáся КТП, отсто́я Ц. ⁶⁸ утверждáет КЦ. ⁶⁹ удар. или П. ⁷⁰ во КТЦП. ⁷¹⁻⁷² перестан. есте цѣрковь Ц. ⁷² есть К

вили! Ино над Воротыньским церковь, а над чудотворцом⁷³ нѣтъ! Воротыньской в церкви, а чудотворец⁷⁴ за церковию!⁷⁵ И⁷⁶ на Страшном⁷⁷ спасове судищи⁷⁸ Воротыньской да Шеремѣтев выше станут: потому Воротыньской церковию,⁷⁹ а Шеремѣтев законом, что их Кирилова крепче.⁸⁰ Слышах брата⁸¹ от вас некоего⁸² глаголюща, яко добре⁸³ се⁸⁴ сотвори́ла княгиня Воротыньскаго. Аз же глаголю, яко не добре, по сему первое⁸⁵ яко гордыни ость и величания⁸⁶ образ, еже подобно⁸⁷ царстей власти церковию и гробницею и покровом почитатися. И не токмо души не пособи, ⁸⁸ но и пагуба:⁸⁹ души⁹⁰ бо⁹¹ пособи⁹² бываёт от всякого смирения. Второе, и⁹³ сие зазор не мал, что мимо⁹⁴ чудотворца над ним церковь, а и⁹⁵ един священник повсегдѣ приношение⁹⁶ приносит, скуднее сие⁹⁷ собора. Аще ли не повсегдѣ — себѣ хужайше,⁹⁸ яко же множайше⁹⁹ нас, сами вѣсте. А и¹⁰⁰ украшение церковное у вас вместе бы было, ино бы вам то прибылие^{IX} было, а того бы² розходу³ прибылого⁴ не было — все бы⁵ было вместе, и молитва совокупная.⁶ И мню и богу бы приятнее⁷ было. Во се⁸ при наших оцех⁹ у Дионисия¹⁰ преподобнаго на Глушицах, и у великаго¹¹ чудотворца Александра на Свирѣ,¹² только¹³ бояре не стрыгутся,¹⁴ и они божиею благодатию процветают постническими подвиги. Во¹⁵ се¹⁶ у вас сперва Иасафу Умному дали оловяники¹⁷ в келью,¹⁸ дали¹⁹ Серапиону Ситскому,²⁰ дали²¹ Ибне Ручкину,²² а Шеремѣтеву уже²³ с поставцом,²⁴ да и поварня своя. Ведь²⁵ дати воля царю — ино²⁶ и царю; дати слабость вельможе²⁷ — ино и простому. Не²⁸ глаголи ми никтоже римлянина оного, велика суща в добродетелех, и сиче покаяющаяся:²⁹ и сие не обдержная³⁰ бе, но³¹ смотрения вещь,³² и в пустыни³³ бе, и то³⁴ сотворяше³⁵ вкратце, и бес плища, и никого же соблазни, яко же рече господь во Евангелии: „нужно бо³⁶ есть не³⁷ прийти соблазном; горе же человеку тому, им же соблазн приходит!“ Ино бо есть единому жити, и³⁸ ино во общем житий.³⁹

⁷³ чудотворцем *КТ*. ⁷⁴ удар. чудотворец *К*. ⁷⁵ церковию *Ц*. ⁷⁶ А *Ц*. ⁷⁷ удар. страшном *КЦ*. ⁷⁸ судище *К*. ⁷⁹ церковию *Ц*. ⁸⁰ крепче *Т*. ^{81–82} некоего от вас *ТЦ*. ⁸³ добрее *Т*. ⁸⁴ се *Т*. ⁸⁵ первое *Т*. ⁸⁶ величание *Т*. ⁸⁷ подобие *Ц*. ⁸⁸ пособи *ТЦ*. ⁸⁹ нет *Т*. ⁹⁰ удар. души *Ц*. ⁹¹ нет *Т*. ⁹² пособи *Т*, пособи *Ц*. ⁹³ нет *К*. ⁹⁴ удар. мимо *Ц*. ⁹⁵ нет *ТЦ*. ⁹⁶ нет *Ц*. ⁹⁷ всего *Ц*. ⁹⁸ хужайши *КТ*. ⁹⁹ множайши *К*. ¹⁰⁰ нет *ТЦ*.

^{IX} прибыльное *КТЦ*. ² нет *К*. ³ расходу *Ц*. ⁴ удар. прибылого *Л*. ⁵ б *Ц*. ⁶ совокупленная *Т*. ⁷ приятие *К*; доб. се *Т*. ⁸ всем *Ц*. ⁹ очесех *К*, очам *Ц*. ¹⁰ Деонисия *Т*. ¹¹ удар. великаго *Ц*. ¹² Свери *Т*. ¹³ токо *К*, только *Ц*. ¹⁴ стригутся *КТ*, постригаются *Ц*. ¹⁵ нет *Ц*. ¹⁶ удар. во се *К*. ¹⁷ удар. оловяник *КП*, оловеники *Ц*. ¹⁸ келью *К*, келию *Ц*. ¹⁹ да *Т*, даде *Ц*. ²⁰ Ситскому *К*. ²¹ да *Т*, даде *Ц*. ²² удар. Ручкину *КП*. ²³ удар. уже *КЦ*. ²⁴ поставцем *Ц*. ²⁵ Веть *Т*. ²⁶ но *Т*. ²⁷ вельможи *К*. ²⁸ Ни *Ц*. ²⁹ покающаяся *КТ*, покаявшася *Ц*. ³⁰ обдержанное *К*; удар. обдержанная *Ц*. ^{30–31} бедно *К*, бедо *Т*, бедная *Ц*. ³² вещь *Т*. ³³ пустыне *Ц*. ³⁴ той *ТЦ*. ³⁵ сотворяюще *Ц*. ³⁶ нет *Т*. ³⁷ нет *Ц*. ³⁸ нет *КТ*. ³⁹ жити *К*.

Господие мой,⁴⁰ огцы преподобнии!⁴¹ вспомняите вельмѡжу ѡного, иже в Лѣствицы,⁴² Исидора глаголемаго Желѣзнаго, иже князь Александръскій⁴³ бе, и в каковѡ смиреніе достѣже?⁴⁴ Тако же⁴⁵ и⁴⁶ вельмѡжа Авенира царя Индейскаго,⁴⁷ иже⁴⁸ на испытани⁴⁹ бѣсть, и каковѡ портѣще на нем бѣло? — чи куніе,⁵⁰ ни собѡлис.⁵¹ Таже⁵² и сам Иоасаф; сегѡ царя сын, како царство оставя и до тоя Синаридскія⁵³ пустѣни пешь шѣствова, и рѣзы царскія премени⁵⁴ власяницею, и многія напасти претерпе, им же николѣ же обѣк,⁵⁵ и како божественнаго Варлаама⁵⁶ достѣже,⁵⁷ и како⁵⁸ с ним поживе — царски ли⁵⁹ или⁶⁰ постнически?⁶¹ И кто бѣсть бѡли ѣ: ⁶² царев ли сын, или невѣдомый пустынник? И⁶³ с собѡю ли царев сын закон примесе, или⁶⁴ по пустынникову⁶⁵ закону поживе и после егѡ? ⁶⁶ Множае нас сами вѣсте А много⁶⁷ у него бѣло⁶⁸ и своих Шереметевых И Елизвѡй⁶⁹ Ефиѡпскій царь каковѡ жестоко⁷⁰ лигше поживе? И Сава Сѣрбскій⁷¹ како отца, и мать, и братію, и рѡд, и другі, вкупе же и царство и с вельмѡжами остави⁷² и крест Христовъ прият, и каковы труды постничества ⁷³ показа? Таже и отец егѡ Неманя, иже⁷⁴ Симеѡн,⁷⁵ и с матерію⁷⁶ егѡ⁷⁷ Марию, егѡ⁷⁸ для поучения, како оставя царство и багряница⁷⁹ премениша ангельским образом, и кѡе⁸⁰ утешение уллучиша⁸¹ гелесное, да⁸² небесную радость уллучиша. Како же и великій князь Святоша,⁸³ преддержавый великое княжение кѣевское, и погрѣсися в Печерстем⁸⁴ монастырѣ⁸⁵ и пятнадцат⁸⁶ лет во врагарех⁸⁷ бѣсть, и всем работаше знающим егѡ, ими же прежде⁸⁸ сам владыше ⁸⁹ И да⁹⁰ толики⁹¹ срамоты Христа ради не отвержесе, яко и братіям⁹² его⁹³ негодовати⁹⁴ нань Своей державе тогѡ ради укоризну себе вменяху,⁹⁵ но ниже⁹⁶ сами, ниже наречіе⁹⁷ инеми к нему посылающе, не могоша⁹⁸ егѡ отвратити⁹⁹ от таковаго начинанія до дне преставленія егѡ, но и по преставленіи егѡ¹⁰⁰ от стѣла древянаго,² на нем же седяше у врат, беси прогоними бываху. Тако святїи подвизахуся Христа ради; а³ у всех⁴ тѣх свои Шеремѣтевы и Хабарѡвы⁵ бѣли. А Игнагїя блаженнаго патриарха Цариграда,⁷ царева⁸ же⁹ сына

40 доб. и Ц 41 удар преподобнии Ц 42 Лестнице КТЦ 43 Александрійскій КЦ 44-45 Тако же Ц 46 доб. ив ТЦ 47 Индїискаго ТЦ. 48 доб. и ТЦ. 49 испытаніе Т. 50 кунь ГЦ 51 соболье ТЦ 52 Также же Ц. 53 Синарицкїя Т 54 премених Т, премених Ц 55 обѣк Ц. 56 Варлаама Ц 57-58 инако Т 59 нет Т 60 удар или Ц 61 постнически Г. 62 боле ТЦ. 63 нет К. 64 удар или Ц 65 пустыннику Г 66 сего Ц 67-68 перестан было у него Г 69 нет Ц 70 Елизвѡй, Т 71 Сербскїи К. 72 оставя Т. 73 постничества Т. 74 доб. и КТ. 75 нет Ц 76 матерію ТЦ 77-78 нет Ц 79 багряницу КТ. 80 доб. утверженіе Т 81 уллучити Т, уллучи не Ц 82 доб. и 83 удар. Святоша Ц., Святоша П 84 Печерском КГЦ 85 монастыре ТЦ 86 15 Ц. 87 удар вратарех К 88 прежде КГЦ 89 владыша К, владыша Г 90 нет ТЦ. 91 толико Г 92 братїя ГЦ 93 ему Ц. 94 дважды негодовати Ц 95 вменяше Ц 96-98 они же Т 97 нареченїи К, наречїи Т 98 возмогоша ГЦ. 99 отвратити Т

1 нет Ц. 2 удар. древянаго Ц. 3 нет ТЦ. 4 доб. у КТЦ. 5 Хабарѡвы Ц. 6 нет Ц. 7 Цариграда КТЦ. 8 удар царева Ц. 9 же Ц.

бывша, егѡ же в заточѣнии замучи Варда¹⁰ Кесарь,¹¹ обличѣния ради подобно Крестителю, понѣже бо той Варда¹² живяше с сынѡвнею женѡю, — гдѣ сегѡ праведнаго положйши?¹³

А коли жестоко¹⁴ в чернцех,¹⁵ ино было¹⁶ жити в боярех, да не стрйчися.¹⁷ Доселе, отцы святйи, моего¹⁸ к вам¹⁹ безумнаго суесловия.²⁰ Отвещание²¹ мала²² изрекѡх вам, понѣже в божественном писании о всем²³ о²³ сем сами множае нас окайнных вѣсте. И сйя малая изрекѡх вам, понѣже вы мя понудисте. Год уже²⁴ равен, как был игумен²⁵ Никодим на Москвѣ: одуху²⁶ нѣт, таки²⁷ Собакин да Шеремѣтев!²⁸ А я²⁹ им отец ли духовный,³⁰ или начальник? Как себѣ хотят, — так³¹ живут, коли им спасѣние души³² своего³³ не надобет!³⁴ Но доколе молвы³⁵ и смущѣния,³⁶ доколе плйща и мятежа,³⁷ доколе рѣти и шепетанья,³⁸ и суесловья? И³⁹ чесѡ⁴⁰ ради? — злобѣснаго ради⁴¹ пса Василья⁴² Собакина, йже не токмо неведущ⁴³ иноческаго жития, но ни⁴⁴ видяща,⁴⁵ яко есть чернец, не токмо иннок, еже есть велико. А сей⁴⁶ платья⁴⁷ не знает, не токмо жительство. Или бѣсова для сына Иоанна⁴⁸ Шеремѣтева? Или дурака для и упира⁴⁹ Хабарова?⁵⁰ Войстинну, отцы святйи, нѣсть⁵¹ сии чернцы, но поругатели иноческому житию. Или не⁵² вѣсте Шеремѣтева отца Василья? Вѣть⁵³ егѡ⁵⁴ бѣсом звали! И как постригся,⁵⁵ да пришѣл к Троицы⁵⁶ в Сергисв монастырь, да снялся⁵⁷ с Курцовыми.⁵⁸ Асаф,⁵⁹ что был митрополит, тот с Коровинными,⁶⁰ да межь себя бранитца, да оттоле⁶¹ се им⁶² и почалося.⁶³ И в каково простое житие достиже святая та обитель — всем, разум⁶⁴ имущим⁶⁵ видети, видимо.

А дотѡле у⁶⁶ Тройцы было крепко житие, и мы се⁶⁷ видехом: а при нашем приезде потчивают⁶⁸ множество, а сами чувственны пребывают.⁶⁹ А во⁷⁰ единое время мы своим⁷¹ очима видели в нашъ приезд. Князь Иоанн⁷² был Кубенской у нас дворецкой. Да у нас⁷³ кушание⁷⁴ отошло приезжее, а всенѡщное благовѣстят. И он похотѣл⁷⁵ тут поѣсти⁷⁶ да испити⁷⁷ — за жажду,⁷⁸ а не за прохлад. И старец Симан⁷⁹ Шубин⁸⁰ и

¹⁰ В рукоп. доб. и.

⁶ В рукоп. шеперания.

¹⁰ удар. Варда К. ¹¹ удар. Кесарь Ц. ¹² удар. Варда К. ¹³ положиша ТЦ. ¹⁴ удар. жестоко КТЦ. ¹⁵ удар. чернцех К, чернцах Ц. ¹⁶ удар. было К. ¹⁷ стрйчися ТЦ. ¹⁸⁻²¹ нет К. ²⁰ доб. не было ТЦ. ²¹ Отвещания К. ²² мало КЦ. ²³ нет Т. ²⁴ удар. уже Ц. ²⁵ доб. и ТЦП, нет и К. ²⁶ одуху К. ²⁷ удар. таки П. ²⁸⁻²⁹ яз Т, аз Ц. ³⁰ духовной К. ³¹ доб. и КТ. ³² душам Т. ³³ своим Т, нет Ц. ³⁴ надобѣ Ц. ³⁵ удар. молвы КЦ. ³⁶ смущений Т. ³⁷ мятеж Т, свара Ц. ³⁸ шеперания КП, шепетания Ц. ³⁹ нет КТЦП. ⁴⁰ чего Т, сего Ц. ⁴¹ нет Ц. ⁴² Василья КЦ. ⁴³ неведущѣ К, неведуща ТЦ. ⁴⁴ не Т. ⁴⁵ видѣша Т, видѣвша Ц. ⁴⁶ нет К. ⁴⁷ платя К. ⁴⁸ Ивана КТЦ. ⁴⁹ упира К. ⁵⁰ Хабарова Ц. ⁵¹ ни есть ГЦ. ⁵² нет Т. ⁵³ Вѣть Т. ⁵⁴ ево Ц. ⁵⁵ постригся Ц. ⁵⁶ Троице Ц. ⁵⁷ удар. снялся К. ⁵⁸ удар. Курцовыми К, Курцевыми Ц. ⁵⁹ А Иосаф Т, А Иосаф Ц. ⁶⁰ Куровинными Т. ⁶¹⁻⁶² съмъ Т, семь Ц. ⁶³ почалися КТ, почалися Ц. ⁶⁴ разумом Т. ⁶⁵ доб. и хотящим КЦ. ⁶⁶ и у ТЦ. ⁶⁷ сие ТЦ. ⁶⁸ подчивают К, почи- вают Г. ⁶⁹ спребывают Т. ⁷⁰ нет ТЦ. ⁷¹ своими К. ⁷² Иван КТЦ. ⁷³ вас Т. ⁷⁴ кушанье КЦ. ⁷⁵ хотел Ц. ⁷⁶ поестъ Ц. ⁷⁷ испити Ц. ⁷⁸ жаду К. ⁷⁹ Симон ТЦ. ⁸⁰ Шубин КТ.

иннѣя⁸¹ с нѣм, не от большѣх⁸² (а большія⁸³ давнѣ отощдѣ по кѣлиам⁸⁴), и онѣ ему о том⁸⁵ как бы⁸⁶ шютками⁸⁷ мѣлали: „князь Иван-су,⁸⁹ пѣздо, уже⁹⁰ благовѣстят“. Да сѣсь⁹¹ сидячи⁹² у поставца с концѣ ѣст, а онѣ з другѣво⁹³ концѣ отсылают. Да хватѣлся хлебнѣть испити, ано и капельки⁹⁴ не осталося:⁹⁵ все отнесено на погреб. Таково бѣло у Тройцы крѣпко, да то мирянину, а не чернцу! А и⁹⁶ слѣшах от⁹⁷ многѣх, яко и⁹⁸ таково старцы⁹⁹ во святом том мѣсте обреталися: в приѣзды бояр наших¹⁰¹ и велмож,² их³ подчиваху,⁴ а сами никакоже ни⁵ к⁶ чему⁷ касахуся. Аще и вельможи их нѣжаху⁸ не в подобно время, но⁹ аще и¹⁰ в подобно время,¹¹ — и тогда мало касахуся. В древняя¹² же времсна¹³ в том святом мѣсте сего дивнейше¹⁴ слѣшах: некогда пришедши¹⁵ преподобному Пафнѣтию¹⁶ Чюдотворцу¹⁷ живоначальной Тройцы¹⁸ помолитися и к чюдотворцу¹⁹ Сѣргиеву грѣбу, и ту сущей²⁰ брати бесѣды ради духовной,²¹ бесѣдовавшим²² им. И оному отоити²³ хотѣху,²⁴ онѣ же ради духовных любви²⁵ и за врата провожаху²⁶ преподобнаго. И тако воспоминаху завет преподобнаго Сѣргия, яко за воротѣ²⁷ не исходити, и²⁸ вкупѣ²⁹ и³⁰ преподобнаго Пафнѣтия³¹ подвижше на молитву. И о сем молитвовавше,³² и тако разыдохася.³³ И сея ради духовных любви, тако святѣи отѣческия заповѣди не³⁴ презираху, а не телесныя ради страсти!³⁵ Таково³⁶ бѣсть крѣпость³⁷ во святом том³⁸ мѣсте древле. А ныне, грѣх ради наших, хѣже и Пѣсноши,³⁹ — как дотѣдова⁴⁰ Пѣсношь бывала.

А вся та слабѣсть от начѣла учинилася⁴¹ от Васѣлия от⁴² Шеремѣтева подобно⁴³ иконоборцом⁴⁴ в⁴⁵ Царѣ граде,⁴⁶ царѣм Львѣ Исавру и сыну его Константину Гноетѣзному.⁴⁷ Понѣже Лев точию семѣна⁴⁸ злочѣстие посея,⁴⁹ Константин же всего царствующаго града во всяком благочѣстии помрачѣ: тако и Васѣян Шеремѣтев у Тройцы в Сѣргиево⁵⁰ монастыре, близ царствующаго града, постническое житиѣ своим злокѣзньством испроверже. Сѣце и сын его Ибна тѣхитѣя погубити⁵¹ последнее светѣло, равно с⁵² солнцем⁵³ сияю-

^a В рукоп. удобно.

⁸¹ инные Т. ⁸² удар. большѣх. КП. ⁸³ удар. большія КП, большие ТЦ. ⁸⁴ удар. кельям К, кельям ТЦ. ⁸⁵⁻⁸⁶ кабы Ц. ⁸⁷ шутками КТЦП. ⁸⁸ молвити К. ⁸⁹ удар. Иван-су К, Иван-осу ТЦ. ⁹⁰ удар. уже КЦ. ⁹¹ сел Ц. ⁹² судит Т, сидити Ц. ⁹³ другаго К. ⁹⁴ капли ТЦ. ⁹⁵ осталося К. ⁹⁶ иное Ц. ⁹⁷ ото Т. ⁹⁸ нет Т. ⁹⁹ удар. старцы Ц.

¹⁰¹ в боярских Т, боярския Ц. ² велможския Ц. ³ нет Ц. ⁴ потчиваху Ц. ⁵ нет Ц. ⁶ нет К. ⁷ чем не Т, доб. не Ц. ⁸ нѣжаху КЦ. ⁹⁻¹⁰ и еще К. ¹¹ нет Т. ¹² древние Т. ¹³ времяна К. ¹⁴ удар. дивнейше К. ¹⁵ пришедшу Ц. ¹⁶ Пафнѣтию ТЦ. ¹⁷ к Ц. ¹⁸ Тройцы Т, Троице Ц. ¹⁹ чюдотворцу Т. ²⁰ сущѣ Т. ²¹ духовных ТЦ. ²² бесѣдовавших Ц. ²³ отйти К. ²⁴ хотѣше Т. ²⁵ любве ТЦ. ²⁶ провождаху КЦ. ²⁷ врата КТЦ. ²⁸ нет Ц. ²⁹ доб. же К. ³⁰ нет Т. ³¹ Пафнѣтия КТ. ³² молитвовавшим К, молитваваша Т. ³³ сего КТЦ, се П. ³⁴ нет Т. ³⁵ сласти Ц. ³⁶ Таково Ц. ³⁷ нет Ц. ³⁸ нет Т. ³⁹ Пѣсноши К. ⁴⁰ дотѣдова Т. ⁴¹ учинилася К. ⁴² нет КТ. ⁴³ удобно КЦП, удобна Т. ⁴⁴ иконоборцем КТЦ. ⁴⁵ во ТЦ. ⁴⁶ Цареграде Т. ⁴⁷ гноетѣзному Т. ⁴⁸⁻⁴⁹ посея злочѣстия Ц. ⁵⁰ Сергеев Т. ⁵¹ погибнути Т. ⁵² нет ТЦ. ⁵³ солнцу Ц.

щее,⁵⁴ и душам совершенное пристанище спасения, в Кирилове⁵⁵ монастыре, в самой пустыни,⁵⁶ постническое житие искоренити. А и⁵⁷ в миру,⁵⁸ тот Шереметев с Висковатым первья⁵⁹ не почели⁶⁰ за кресты ходити. И на то смотря⁶¹ все не почали⁶² ходити.⁶³ А до тудова⁶⁴ все православное христианство,⁶⁵ и з⁶⁶ женами, и со младенцы⁶⁷ за кресты ходили, и не торговали того дни, опричь⁶⁸ съестного,⁶⁹ ничем. А хто⁷⁰ учнет⁷¹ торговати, и на том имали⁷² заповеди. А то все благочестие погубло от Шереметевых. Таковы те⁷⁹ Шереметевы!⁷⁴ И нам видится,⁷⁵ что и⁷⁶ в Кирилове потому же хотят благочестие потребити. А будет⁷⁷ хто⁷⁸ речет, что мы на Шереметевых⁷⁹ гневом⁸⁰ то чиним,⁸¹ или Собакиных для, — ино свидетель бог и пречистая⁸² богородица, и чудотворец Кирил, что монастырьскаго для чину и слабости для говорю. Слышал есми⁸³ у вас же в Кирилове свечы не по уставу были по рукам братии⁸⁴ на праздник.⁸⁵ ини⁸⁶ и⁸⁷ тут службника смирjali. А Асаф⁸⁸ митрополит не мог уговорити Алексия⁸⁹ Айгустова, чтобы⁹⁰ поваров прибавити перед⁹¹ чудотворцовым, как при чудотворце было немного, да не могли на то привести. Да и⁹² иных много вещей⁹³ крепостных⁹⁴ и⁹⁵ у вас в монастыре творилось,⁹⁶ и за малы⁹⁷ вещи пражние⁹⁸ старцы стояли и говорили. А коли⁹⁹ мы первое¹⁰⁰ были в Кирилове⁶ в юности, и мы поизпоздали^{XII} ужинати,² занеже³ у вас в Кирилове в летнюю пору не знати дня с ночью,⁴ а ино мы юностным обычаем. А в те поры подкеларник был у вас Исая⁵ Немой. Ино хто⁶ у нас⁷ у ествы сидел, и попытали стерлядей,⁸ а Исая⁹ в те поры не было — был у себя в келии, и он едва его с нужею¹⁰ привели и почал¹¹ ему говорити хто¹² у нас¹³ в те поры у ествы сидел — о стерлядех¹⁴ и о иной рыбе. И он отвечал так: „О том, о-су,¹⁵ мне¹⁶ приказу не было,¹⁷ а о чом¹⁸ мне¹⁹ был приказ и яз²⁰ то и²¹ приговил, а ныне ночь,²² взяти негде.²³ Государя боюсь,²⁴ а бога надобе²⁵ больши того бояться“. Етакова²⁶ у вас и²⁷ тогда была²⁸ крепость, по

^a В рукоп. Шереметевых.

⁶ Вверху написано монастыре.

⁵⁴ сяюще Ц. ⁵⁵ Кирице Т. ⁵⁶ пустыни и Т, доб. и Ц. ⁵⁷ нет К. ⁵⁸ мире Ц. ⁵⁹ первое ТЦ. ^{59—60} за кресты не почал К. ⁶⁰ почали ТЦ. ⁶¹ удар. смотря К. ⁶² удар. почали КЦ. ⁶³ ходить Ц. ⁶⁴ тудова Т. ⁶⁵ христианство Т. ⁶⁶ со Ц. ⁶⁷ младенцами Ц. ⁶⁸ удар. опричь Ц. ⁶⁹ удар. съестного Ц. ⁷⁰ кто КТЦ. ⁷¹ удар. учнет Ц. ⁷² удар. имали К, имывали Т, мы дали Ц. ⁷³ нет ТЦ. ^{74—75} Видятся и нам Ц. ⁷⁶ нет Ц. ⁷⁷ будут Ц. ⁷⁸ кто КТЦ. ^{79—81} перестан. то чиним гневом Ц. ^{80—81} точни им Т. ⁸² пречиста К. ⁸³ есмь К, есмь Ц. ⁸⁴ братье ТЦ. ⁸⁵ праздник КТЦ. ⁸⁶ и они ТЦП. ⁸⁷ нет Ц. ⁸⁸ Иоасаф ЦЦ. ⁸⁹ Алексея КТ. ⁹⁰ доб. поговорил Т. ⁹¹ пред Ц. ⁹² нет Ц. ⁹³ удар. вещей Ц. ⁹⁴ удар. крепостных Ц. ⁹⁵ нет ТЦ. ⁹⁶ творилось Т. ⁹⁷ малы КЦ. ⁹⁸ пражния К. ⁹⁹ удар. коли КЦ. ¹⁰⁰ нет Ц.

XII 1 то изпоздали Ц. ² ужанати К. ³ занеже К; удар. занеже ЦП. ⁴ ночью КЦ, ночью Т. ⁵ Исая К. ⁶ кто ТЦ. ⁷ вас Т. ⁸ стерлятей Т. ⁹ Исая Т. ¹⁰ нужею Ц. ¹¹ почали ТЦ. ¹² кто Т. ¹³ вас Т. ¹⁴ стрлядях Т. ¹⁵ удар. о-су КЦ. ^{16—17} неприказано Ц. ¹⁸ чем КЦ. ¹⁹ ми Т. ²⁰ аз Ц. ²¹ нет Ц. ²² ночь К. ²³ удар. негде К. ²⁴ боюсь Т. ²⁵ надобет Т. ²⁶ удар. Етакова К., Такова ТЦ. ²⁷ нет К. ²⁸ удар. была Ц.

проробку глаголющему: „правдою и пред царі не стыдѣхся“.²⁹ О ѳистинне сїя ёсть праведно противу³⁰ царей вещати, а не ѳнако.³¹ А ныне у вас Шереметев сидит³² в келии³³ что³⁴ царь, а Хабаров³⁵ к нему приходит, да и³⁶ инья³⁷ чернцы, да едят,³⁸ да пьют³⁹ что в миру. А Шереметев нивести⁴⁰ с⁴¹ свадьбы, нивести⁴² с родин,⁴³ розсылает⁴⁴ по келиям⁴⁵ пастилы,⁴⁶ ковришки и инья⁴⁷ пряныя⁴⁸ составныя⁴⁹ овощи, а за монастырем двор, а на нем запасы годовыя⁵⁰ всякия.⁵¹ А вы ему молчите⁵² о таком великом пагубном монастырском бесчинии. Оставим⁵³ глаголати: поверю⁵⁴ вашим душам! А иньи⁵⁵ глаголют будто де⁵⁶ вино горячее потихоньку⁵⁷ в келию⁵⁸ к Шереметеву приносили.⁵⁹ аю⁶⁰ по монастырем и фряские вина забор,⁶¹ не токмо что горячие.⁶² Ино толи путь спасения, толи иноческое пребывание? Али было⁶³ нечим⁶⁴ вам⁶⁵ Шереметева кормити, что у него особныя⁶⁶ годовыя⁶⁷ запасы были? Милыя⁶⁸ мой! доселе⁶⁹ многия⁷⁰ страны Кириллов препитывал⁷¹ и в гладныя⁷² времена,⁷³ а ныне и самех⁷⁴ вас в хлебное время, толико⁷⁵ бы не Шереметев перекормил,⁷⁶ и вам бы⁷⁷ всем з голоду перемерети.⁷⁸ Прибоже ли так Кирилову быти,⁷⁹ как Иасаф⁸⁰ митрополит у Троицы⁸¹ с⁸² крылошаны пировал,⁸³ или как Мисайло Сукин в Никитском⁸⁴ и по иным местом,⁸⁵ якоже⁸⁶ вельможа некий жил, и как Иона Мотякин⁸⁷ и иньи⁸⁸ мнози⁸⁹ таковы⁹⁰ же, которыя⁹¹ не любят на себе⁹² начала монастырскаго держати, живут?⁹³ А Иона Шереметев таково⁹⁴ же хочет⁹⁵ без начала жити, как и отец его без начала был.⁹⁶ И отцу его еще слово, что неволею от беды постригся.⁹⁷ Да и тут⁹⁸ Лествичник написал: „видех аз неволею постригшихся, и паче вольных⁹⁹ исправившихся“.¹⁰⁰ Да то от невольных!^{XIII} А Иону ведь Шереметева нехто² в зашеек был: про что так³ безчинствует? И будет такія⁴ чины⁵ прибоже у вас,⁶

³ В рукоп. оставих.

²⁹ устыдѣхся Ц. ³⁰ противу К. ³¹ удар. инако Ц. ³² сидит К. ³³ келье ТЦ. ³⁴ удар. что Ц. ³⁵ Хабаров Ц. ³⁶ нет Ц. ³⁷ иные КЦ. ³⁸ ядят КЦ. ³⁸⁻³⁹ нет Ц. ⁴⁰ невесть КЦ, нивисть Т. ⁴¹ со К. ⁴² невесть К, нивисти Т, нивесть Ц. ⁴³ удар. родин ЦП. ⁴⁴ посылает Т, розсылая Ц. ⁴⁵ кельям КЦ. ⁴⁶ постилы К. ⁴⁷ иные ТЦ. ⁴⁸ пряные ТЦ. ⁴⁹ составные Т. ⁵⁰ готовые К, годовые Т, нет Ц. ⁵¹ всякие Т. ⁵² удар. молчит ЦП. ⁵³ Остави К, Остави же П, Оставих ЦП. ⁵⁴ поверя ТЦ. ⁵⁵ иные Ц. ⁵⁶ доб. и ТЦ. ⁵⁷⁻⁵⁹ перестан. к Шереметеву приносили в келью ТЦ. ⁵⁸ келью КП. ⁶⁰ удар. аю КЦ. ⁶¹ зазорно ТЦ. ⁶² горячее КТЦ. ⁶³⁻⁶⁵ перестан. вам нечим Ц. ⁶⁴ нечем КТ. ⁶⁶ усобное Т, особные Ц. ⁶⁷ готовые К, годовые Ц. ⁶⁸ И, милыя К, Милые Т. ⁶⁹ нет Ц. ⁷⁰ многие ТЦ. ⁷¹ удар. препитывал К; препитал Ц. ⁷² гладные ТЦ. ⁷³ времена КП. ⁷⁴ самих ТЦ. ⁷⁵ только Т. ⁷⁶ прекормил Т. ⁷⁷ было ТЦ. ⁷⁸ перемереть КЦ. ⁷⁹ быть Ц. ⁸⁰ Оасаф К. Иоасаф Ц. ⁸¹ удар. Троицы Ц. ⁸²⁻⁸³ пировал с крылошанами К. ⁸³ пировывал Т. ⁸⁴ Никитком ТЦ. ⁸⁵ местам Ц. ⁸⁶ яже Т. ⁸⁷ Мотянин К. ⁸⁸ иные ТЦ. ⁸⁹⁻⁹³ такожде на себя не любя те начала монастырскаго держати, живут по своей воли Ц. ⁹⁰ тако Т. ⁹¹ которые К. ⁹¹⁻⁹² перестан. на себе не любят Т. ⁹² себе К. ⁹⁴ тако Ц. ⁹⁵ хочет Ц. ⁹⁶ жил Ц. ⁹⁷⁻⁹⁸ Да и тут Ц. ⁹⁸ тот Т. ⁹⁹ волних Т. ¹⁰⁰ исправившихся К, исправивших Т.

XIII¹ невольних Т. ² никто К, некто ТЦ. ³ у вас ТЦ. ⁴ такие ТЦ. ⁴⁻⁶ ины прибоже о вас в монастыре творити Т. ⁵ удар. чины Ц. ⁶ доб. в монастыре Ц.

то вы ведаете:⁷ бог свидѣтель монастырьскаго дѣя безчїнія говорїл. А што⁸ на Шеремѣтовых гнѣв держати,⁹ ино¹⁰ ведь¹¹ есть¹² его братїя¹³ в миру,¹⁴ и мне ёсть над кѣм опала своя положити.¹⁵ А над чернцѣм что опалїтися¹⁶ или поругатися? А буде¹⁷ хто¹⁸ молвит что¹⁹ про Собакиных, и мне про Собакиных непрочто кручинится.²⁰ Варламовы племѣнники хотѣли²¹ были²² меня²³ и з детьми чародѣйством известї, и бог меня²⁴ от них укрїл: их²⁵ злодѣйство объявилося²⁶ и потому и сталося.²⁷ И мне про своїх душегубцов непрошто²⁸ мстїть.²⁹ Одно было ми³⁰ досадно, что естѣ³¹ моего слова не подержали. Собакин приехал с моїм словом, и вы его не поберегли, да и³² ещё моїм именем³³ и³⁴ поносили, чему суд божїй произошел³⁵ быти. Ано было пригоже нашего дѣя слова и нас дѣя его³⁶ дурость и покрыти,³⁷ да³⁸ вкратце³⁹ учинити.⁴⁰ А Шеремѣтев о себѣ приехал, и вы того чтете⁴¹ и бережете.⁴² Ино уже⁴³ не Собакину равно,⁴⁴ моего слова⁴⁵ болши⁴⁶ Шеремѣтев; Собакин моего дѣя слова погїб,⁴⁷ а Шеремѣтев о себѣ⁴⁸ воскрес.⁴⁹ Про что⁵⁰ Шеремѣтева дѣя год равен мятежь⁵¹ чинити, да токою⁵² великою обїтелию волновати? Другой на вас Селивѣстр наскочил, а⁵³ однако его семьѣ.⁵⁴ И⁵⁵ што⁵⁶ было про Собакина, дѣя моего слова, на Шеремѣтовых мне гнѣвно, ино то в миру отдано.⁵⁷ А ныне во истинну монастырьскаго дѣя безчїнія говорил. А не было бы страсти, ино было и Собакину с Шеремѣтевым непрошто⁵⁸ бранитися.⁵⁹ Слышах неоткоего⁶⁰ брата ваша⁶¹ же обїтели, безумныя глаголы глаголюща, яко Шеремѣтеву с Собакиным⁶² давная мирская вражда есть. Ино толи⁶³ путь спасенїя и ваше учительство, что постриженїем прѣжня⁶⁴ вражды не разрушити? Како же отрещїся мира и вся, яже суть⁶⁵ в мире, и со отьятїем влас и долу влекущая мудрованїя соорѣзати, апостолу же повелѣвшу „во⁶⁶ обновленїи животѣ шѣствовати?“ По господню же словеси:⁶⁷ „оставите любострастных мертвых погребстї любострастїя,⁶⁸ яко же свой мертвецѣ.⁶⁹ Вы же шѣдше возвещайте царствїе⁷⁰ божїе“. И только постриженїем вражды мирскїя не разру-

7 ведайте К. 8 что ТЦ. 9 нет ТЦ. 10 удар. ино Ц. 11 веть Т. 12—13 перестан. братїя его К. 14 удар. миру Ц. 15 положить Т. 16 опалатися Т, опалитися Ц. 17 будет ТЦ. 18 кто КТ, что кто Ц. 19 нет Ц. 20 кручинитца К, кручинитися Г. 21 хотел Г. 22 было КТЦ. 23 нет К. 24 нет Ц. 25 и их К. 26 объявилось КТ. 27 сталось КТ. 28 непрочто КТЦ. 29 мнїть К, мстїти Т. 30 мне ТЦ. 31 нет Т. 32 нет Ц. 33 именем Ц. 34 нет Ц. 35 произошел КЦ. 36 ево Ц. 37 удар. покрыти КЦП. 38 да и Ц. 39 кратце К. 40 учити К. 41 чтите Т, чтете Ц. 42 удар. бережете Ц. 43 удар. уже К. 44 равно Ц, удар. ровно П. 45 нет ТЦ. 46 болше и К; удар. болши Ц. 47 погїбл КЦ. 48 собе Т. 49 воскрес К. 50 што К. 51 мятежи Т. 52 такою КТЦП. 53 нет Ц. 53—54 на коего сей Т. 54 семьѣ К. 55 нет Ц. 56 что ТЦ. 57 отдано КТЦ. 58 удар. непрошто К; не про что ТЦ. 59 бранитца К. 60 удар. неоткоего К; неоткоторого Ц. 61 ваша К. 62 Собакин К. 63 доб. тут Т. 64 прѣжня КТЦ. 65 нет Ц. 66 по Ц. 67 удар. словесї ЦП. 68 удар. любостастїя К; любострастїе Ц. 69 мертвецѣ КЦ. 70 царство ТЦ.

шѣти, ино то и царства, и боярства, и славы⁷¹ никоея мирскія⁷² отложѣти, но кто⁷³ былъ великъ⁷⁴ в бѣльцех,⁷⁵ — тотъ⁷⁶ и в чернѣцех?⁷⁷ Ино то⁷⁸ по тому же быти в⁷⁹ царствии небесном:⁸⁰ кто здѣсе⁸¹ богат и великъ,⁸² тот и там⁸³ богат и великъ⁸⁴ будетъ? Ино то⁸⁵ Махмѣтова⁸⁶ прѣлесть, и⁸⁷ какъ онъ говорилъ:⁸⁸ у кого здѣсе⁸⁹ богатства много — тот и там⁹⁰ будетъ богат; кто здѣсе⁹¹ великъ и честен, тот и тамо. И ина многа блядословилъ.⁹² Ино толи путь спасенія, что в чернѣцех⁹³ боярин боярства не състрижетъ,⁹⁴ а холоп холопства не избудетъ? Да како апостолово слово: „несть⁹⁵ эллин⁹⁶ и⁹⁷ скиф,⁹⁸ раб и свобод: вси единое естѣ⁹⁹ о Христѣ“? Да како¹⁰⁰ единое, коли боярин по старому боярин, а^{XIV} холоп по старому холопъ? А³ Павелъ⁴ како Анѣсима⁵ Филимону братом нарече,⁶ его существенаго⁷ раба? А вы и чужих холопей⁸ к бояром не равняете.⁹ А¹⁰ в здѣшних¹¹ монастырех¹² равенство и по се время держалося — холопом и бояром, и мужиком торговым. И у Тройцы при отце¹³ нашем келарь¹⁴ былъ Нѣфонт — Ряполовскаго холоп, да з Бельским з блюда едалъ.¹⁵ А на правом крылосе Лопотало¹⁶ да¹⁷ Варлам невести¹⁸ кто,¹⁹ а князь²⁰ Александров сын Васильевича Оболѣнскаго Варлам на лѣвом. Ино смотри же того: коли былъ путь спасенія, холоп з Бельским ровѣн,²¹ а князя доброво²² сын с страдники свѣрстан. А и перед нашими очима Игнатей Курачев,²³ белозерецъ, на правом крылосе,²⁴ а Федоритъ²⁵ Ступишинъ²⁶ на лѣвом, да ничѣмъ²⁷ былъ от крылошанъ²⁸ не отлучен, да и²⁹ инде много того³⁰ было и доселе.³¹ А в Правилех великаго Васѣлиа написано естъ:³² „аще чернецъ хвалится при людех, яко добра рѣду³³ есмь,³⁴ и рѣд имѣя, да постѣтся 8 дней,³⁵ а поклонов по 80³⁶ на день“. А ныне то и слово: тотъ великъ, а тотъ³⁷ того³⁸ больши,⁹ — ино то и братства нѣтъ.⁴⁰ Вѣдь⁴¹ коли ровнѣ,⁴² ино то и братство, а коли не ровнѣ,⁴³ котѣрому братству быти? — ино то иноческаго житія нѣтъ.⁴⁴ А ныне бояре по всем монастыремъ⁴⁵ то испразднили⁴⁶ своимъ любострастием. Да и еще реку сегѣ и

71—72 мирския некоторые не ТЦ. 72 нет КЦ. 73—74 перестан. велик был Ц. 75 бѣлцах Ц. 76 то Т. 77 ченцѣх К, чернцах Ц. 78 токо Т, нет Ц. 79 во К, и в ТЦ. 80 небеснем ТЦ. 81 здѣсе КТ, зде Ц. 82—84 нет Ц. 83 тамо К. 85 нет ТЦ. 86 Моамѣфова КТП, Моафетова Ц. 87 нет Т. 88 удар. говорил К. 89 здѣсе ТЦ. 90 тамо Ц. 91 здѣсе ТЦ. 92 блядословія Ц. 93 удар. чернѣцѣх К; чернѣцах Т, чернцах Ц. 94 стрижет К, острижет ТЦ. 95 ни естъ Т. 96 удар. еллин К. 97 нет Ц. 98 ских Ц. 99 естъ Ц. 100 кака К. XIV 1 или Т. 1—2 нет Т. 3 Апостол К. 4 удар. Павел К. 5 Анисиму К. 6 наречие Т. 7 существена Ц. 8—9 перестан. не равняете к бояром К. 10 А и Т. 11 здѣшном Ц. 12 монастыри Ц. 13 доб. нашем Т. 14 келарѣ К, удар. келарь П. 15 да ел Т. 16 Лопотахо К, Лапотуха ТЦ. 17 нет Ц. 18 невесть К, нивисли Т, нивисть Ц. 19 нет П. 20 князь же К, князь Ц. 21 равен КТЦ. 22 доброво К, доброго ТЦ. 23 удар. Курачев К. 24 нет ТЦ. 25 Феодорит Ц. 26 удар. Ступишин К. 27 ни чем КТЦ. 28 крылошен К, крылошан Ц. 29 нет КТ. 30 нет Ц. 31 де селе К; доб. естъ Ц. 32 нет Ц. 33 рода Ц. 34 естъ К. 35 дней Ц. 36 13 Ц. 37 доб. и Т. 38 тово Ц. 39 удар. болши Ц. 40 несть Т. 41 Вѣть Т. 42 равнѣ Т. 43 равнѣ то Т, доб. ино Ц. 44 нето Ц. 45 удар. монастырем П. 46 испразднили КЦ.

страшнее:⁴⁷ како рыболов⁴⁸ Пётр и поселянин Богослов и⁴⁹ станут судити богоотцу Давиду, о⁵⁰ нём же рече бог, яко обретох мужа по сердцу моему, и славному царю Соломону, иже господь глагола, яко⁵¹ „под⁵² солнцем несть⁵³ такова украшена всяким царским украшением и славою“, и⁵⁴ великому святому царю Константину и своим⁵⁵ мучителем, и всем сильным⁵⁶ царём, обладавшим вселенною?⁵⁷ — два надесять⁵⁸ убогих учнут⁵⁹ судити всем тем. Да и еще и⁶⁰ сего страшнейше:⁶¹ рождающая⁶² без семени Христа бога нашего, и⁶³ в рожденных⁶⁴ женами⁶⁵ бблий⁶⁶ креститель Христов⁶⁷ — те учнут⁶⁸ предстояти, а рыболови⁶⁹ учнут⁷⁰ на 12 престолу⁷¹ седети и судити всей вселенной. А Кирилла вам своего тогда⁷² как с Шереметевым поставити — которого выше? Шереметев постригся⁷³ из⁷⁴ боярства, а Кирило и⁷⁵ в приказе у государя⁷⁶ не был. Видите ли куда вас слабость завела?⁷⁷ По апостолу Павлу: „не льститеся, тлят бо обычая благи беседы злыя“.⁷⁸ Не глаголи никто же студный⁷⁹ сия глаголы: яко только нам з бояры не знатся⁸⁰ — ино монастырь без даения⁸¹ оскудеет. Сергей,⁸² и⁸³ Кирил, и Варлаам,⁸⁴ и Димитрей,⁸⁵ инии святии мнози не гонялися⁸⁶ за бояры, да бояре за ними гонялися,⁸⁷ и обители их распространялися:⁸⁸ благочестием монастыри стоят и не оскудны бывають. У Троицы в Сергиеве⁸⁹ благочестием иссякло и⁹⁰ монастырь оскудел: ни⁹¹ пострижётся никто и не даст никто⁹⁴ ничего.⁹⁵ А на Сторожех⁹⁶ до чего допили? — тово и затворити монастыря⁹⁷ некому, по трапезе трава растёт. А и мы видали братии до осмидесят бывало, а крылошан⁹⁸ по одиннадцати⁹⁹ на крылосе¹⁰⁰ было:^{XV} благочестия ради² болми монастыри распространяются,³ а не слабости ради.

Прийдем же паки на Великаго Илариона списание, и тамо реченно⁴ есть:⁵ „Все,⁶ иже⁷ мира сего отвергъшеися,⁸ иже образ иноческий приемиши⁹ и¹⁰ крест Христов¹¹ на рамо¹² вземши,¹³ иже апостолом

47 страшнейши ТЦ. 48 удар. рыболов КЦ. 49 нет Ц. 50 и о Ц. 51—53 перестан. несть под солнцем Ц. 52 по К. 53 ни есть Т. 54 нет Ц. 55 всем Ц. 56 сильным Т, удар. сильным П. 57 вселенную Т. 58 дванадцать Ц. 59 учнут КТЦ. 60 нет ТЦ. 61 страшнейши ТЦ. 62 рождающая Т. 63 нет Ц. 64 рожденных Т. 65 доб. бо Т. 66—67 Иоанна крестителя Т, Иоанна крестителя Христова Ц. 68 учнут К, удар. учнут Ц. 69 рыболовы КЦ, рыболове Т, удар. рыболови П. 70 начнут Т, начнут Ц. 71 престолах ТЦ. 72 тогда ТЦ. 73 постригъся Ц. 74 з Т. 75 нет Ц. 75—76 перестан. у государя в приказе Ц. 77 удар. завела П, 78 злы ТЦ. 79 студныя КЦ. 80 знатца К, знатися ТЦ. 81 данно Т. 82 Сергей КГЦП. 83 нет Т. 84 Варлаам КТ. 85 Димитрий КЦ, Дмитрий Т. 86—87 нет Ц. 87 гонялися Т. 88 распространилися КТ, разпрониранилися Ц. 89 доб. монастыри Т. 90 ино ТЦ. 91 ни ТП, кий Ц. 92 пострижетьца К. 93 никто К, никто же ТЦ. 94 никто КТЦ. 95 ничево П. 96 удар. Сторожех К. 97 монастырь Т. 98 удар. крылошан КП. 99 одиннадцати Т, 11 Ц. 100 удар. крылосе КЦ. XV 1 стояло Ц. 2 для КТЦ. 3 распространялися Ц. 4 реченок К. 5 быс Ц. 6 Все Т. 7 же К. 8 отвергъшея КТ, отвергшиися Ц. 9 восприемиши К, прияша Т. 10 нет Ц. 11—12 нет Т. 13 вземши Ц.

нарѣкшися¹⁴ намѣстницы,¹⁵ да возлюбим нравы ѡих, их же¹⁶ образ носим, да послѣдуем их,¹⁷ ѡим же и ученицы нарѣкохомся, да возненавидим земная вся, яко же и отцы наши!¹⁸ Приидѣте,¹⁹ вопрошаем самовѣдца и слуги словесѣ²⁰ божия, любимаго Христова ученика, возлѣгшаго на перси господня²¹ и почѣрпѣшаго мудрость от них; приидѣте²² мятущиися в земных; приидѣте²³ на двое мыслящи,²⁴ мирских не отвергѣшеися²⁵ и вѣчную жизнь усвоивше;²⁶ приидѣте вопрошам²⁷ Иоанна девственника,²⁸ и²⁹ повѣсть ны³⁰ полезная.³¹ Глаголи нам, глаголи,³² Иоанне Богослове, что сотворим, да спасемся? Кими³³ хитростями³⁴ муки³⁵ избудем и вѣчную жизнь обрящем? Хотѣли быхом царствия небеснаго, но не истинно есть³⁶ хощем, — не видимо бо³⁷ есть то³⁸ ныне.³⁹ На любовь же⁴⁰ мира сего уклоняемся,⁴¹ любим золото, берем имение, любим храмы светлы, любим славу, и честь, и красоту, видима⁴² бо⁴³ суть⁴⁴ всем пред очима. Повѣждь ны истинну, апостоле, и разсуди проу нашу,⁴⁵ и⁴⁶ смири ны, да⁴⁷ вси едино мыслим. Сущии⁴⁸ бо в нас богатии мниси безименны⁴⁹ укоряют, и безименнии⁵⁰ богатых осужают.⁵¹ Отвѣщай ны, красота⁵² апостольская Иоанне,⁵³ отвѣщай⁵⁴ к сим,⁵⁵ громогласная уста, и возгласи: Аз⁵⁶ же яко⁵⁷ слышах и видѣх от самого словесѣ божия, такоже⁵⁸ и проповѣдаю,⁵⁹ и⁶⁰ ни единого же вас обинуюся,⁶¹ истинно⁶² и велегласно⁶³ глаголю: „Не любите мира, ни яже суть в мире. Аще бо кто любит мир сей,⁶⁴ несть любви отча в нем, яко все еже в⁶⁵ свете сем похоть плотская и похоть очная, гордыни житейская.⁶⁶ Несть от отца, но от мира сего. И мир сей мимо ходит⁶⁷ и похоть его, а творяй волю божию пребывает во веки“.⁶⁸ Се убо, о нем же мя вопрошаете,⁶⁹ отвѣщам.⁷⁰ Слышахом⁷¹ убо от тебе реченная, апостоле Христа бога,⁷² и вѣмы,⁷³ яко истинна то⁷⁴ есть. Но⁷⁵ овем от нас угонден является глагол твой, понѣже аки по них глаголет, другим же аки⁷⁶ неугонден, ѡим же⁷⁷ премѣну⁷⁸ жития ѡим глаголаше.⁷⁹ убо⁸⁰ не можем⁸¹ увыкновѣнных⁸² оставити⁸³ и начати необычное житие. Тяжко бо си⁸⁴ творим, еже навѣкше по⁸⁵ обычней⁸⁶ келии, и много имущей, и на вся

¹⁴ нарѣкшися *ТЦ*. ¹⁵ местницы *К*. ¹⁶ доб. и *Ц*. ¹⁷ им *Ц*. ¹⁸ их *Ц*. ¹⁹ Приидѣте *КТЦ*. ²⁰ словеси *Т*. ²¹ господни *Ц*. ²² прииди *К*, приидете *Т*. ^{22—23} нет *Т*. ²⁴ мыслящеи *Т*. ²⁵ отвергнушесеи *Т*. ²⁶ усвоивша *Т*. ²⁷ вопрошам *КТ*. ²⁸ действеника *Т*. ^{28—31} нет *Ц*. ^{29—30} повестныя *Т*. ³¹ полезныя *Т*. ³² доб. нам *Т*. ³³ Кими *Ц*. ³⁴ удар. хитростями *К*. ³⁵ муку *К*. ³⁶ его *Ц*. ³⁷ нет *Т*. ³⁸ нет *ТЦ*. ³⁹ Ныне же *Ц*. ⁴⁰ нет *Ц*. ⁴¹ уклоняемся *КЦ*. ⁴² видимо *ТЦ*. ⁴³ нѣт *Ц*. ⁴⁴ доб. и *ТЦ*. ⁴⁵ нашу *ТЦ*. ^{46—47} смиренны *Ц*. ⁴⁸ Сущи *Т*. ⁴⁹ безименныя *Т*, безименных *Ц*. ⁵⁰ безоимени *К*. ⁵¹ осуждают *КЦ*. ⁵² красотѣ *Ц*. ⁵³ нет *Ц*. ⁵⁴ и отвѣща *Ц*. ⁵⁵ ним *К*. ^{56—57} перестан. яко же *Ц*. ⁵⁸ такоже *Ц*. ⁵⁹ проповѣдаю *ТЦ*. ⁶⁰ нет *Т*. ⁶¹ обинуюся *КЦ*, обиную *Т*. ⁶² истинне *К*, истинну *Ц*. ^{62—63} нет *Ц*. ⁶⁴ сий *К*, доб. и *Т*. ⁶⁵ во *КТЦ*. ⁶⁶ житейския *Т*. ⁶⁷ переходит *КТЦ*. ⁶⁸ удар. во веки *КЦ*. ⁶⁹ вопрошасте *Ц*. ⁷⁰ доб., вам *Ц*. ⁷¹ Слышах *КТ*. Слышим *Ц*. ⁷² доб. нашего *Т*. ⁷³ вем *ТЦ*. ⁷⁴ нет *Ц*. ⁷⁵ и *ТЦ*. ⁷⁶ яко *Ц*. ⁷⁷ доб. аки *ТП*, яко *Ц*. ⁷⁸ препону *Ц*. ⁷⁹ глаголаша *Т*. ⁸⁰ нет *ТЦ*. ⁸¹ доб. бо *ТЦ*. ⁸² обыкновенных *К*, навыкновѣнных *Ц*. ⁸³ составити *Т*. ⁸⁴ сям *Ц*. ⁸⁵ во *КЦ*. ⁸⁶ обычной *Ц*.

взирающе, веселимся: таже паки во един час тщу и ничто же имущу⁸⁷ сотворити ю, прежде⁸⁸ богату⁸⁹ слышавшуся⁹⁰ и множеством владеюще, паки же убогу и нищу от всех взываему быти? Таковых ради тяжка нам⁹¹ являются словеса твоя,⁹² о апостоле Христов!⁹³ К сим⁹⁴ же апостол.⁹⁵ како убо словеса моя неудобь творима⁹⁶ вам⁹⁷ являются? Не аз ли есмь апостол глаголавшаго: „приидете⁹⁸ ко мне вси труждающеися⁹⁹ и¹⁰⁰ обременении и аз покою вы. Возмите^{XVI} иго мое на ся,² иго бо мое помазано и бремя мое легко есть?“. Аз бо есмь благословеннаго бога апостол, незлобивый³ зватай в небесное его⁴ царствие. Звание же мое сицево:⁵ друзи⁶ возлюблени и⁷ братия,⁸ оставите земная, да небесная примете.⁹ Пребудите в нищете на земли, да в вышних обогатете. Пребудите¹⁰ во алкоте и в¹¹ жажде во время¹² се, и по мале прешедше¹³ в вечная жилища, и¹⁴ насытитесь, и возрадуетесь радостию неоскорбляемою.¹⁵ Егда в пагубу¹⁶ и во тще велю вы мирская отврещити¹⁷ — но на¹⁸ восприятие сущих выше мира. Вем же, яко слабости ради ваша¹⁹ и воздержания, сластолюбия же и²⁰ златолюбия, и миролюбия словеса спасеная трудна вам бывають. Еже не²¹ по истинне собрати имение, и славу быти, не всем подобно в человецех бывають.²² А еже расточити собранная²³ и раздати имение всем мощно²⁴ есть и ни мале²⁵ труд²⁶ причастно. Аще бо²⁷ хотите быти истиннии богочетцы и небеснии человецы, в²⁸ земных себе ни мало вменяйте:²⁹ потайтесь³⁰ zde, да³¹ тамо³² явитесь,³³ помолчите ныне, да тамо³⁴ со дерзновением³⁵ ко отцу возглаголете, и будете³⁶ яко³⁷ чада присная³⁸ богу и наследницы царствия его. Се убо слышахом, братия,³⁹ апостолово слово и учение, яко не обинуясь глагола нам. Сице, возлюбленная братия, да разсудим: их же житие в мире сем, ведуще,⁴⁰ яко по времени⁴¹ когждо⁴² прешествие⁴³ отсюда настойт, и сего ради⁴⁴ понудимся, да не укоризны и смеха достойно житие проживем zde, паче же плача и муки достойни явимся, аще жизнь мира сего любезно⁴⁵ лобзаим.⁴⁶ Но подвигнемся, но потщимся,⁴⁷ да в вечнем⁴⁸ пребывающих⁴⁹ написани⁵⁰ готбови явимся в Вышнем Иерусалиме,⁵¹ во граде небеснем, иде же имена⁵² крестившихся

87 имуща ТЦ. 88 прежде КЦ. 89—90 бога слышавшу Т. 90 слышавшусь К. 91—92 перестан. словеса твоя являются ТЦ. 93—94 С ким К. 95 апостоле К. 96 носима творисима Т, нет Ц. 97 нет Ц. 98 приидите КЦ. 99 труждающихся КЦ. 100 нет К.

XVI 1 возьмете Ц. 2 удар. на ся КЦ, себе Т. 3 незлобивый Ц. 4 нет КТ. 5 сице Ц. 6 нет Ц. 7 нет ТЦ. 8 доб. моя Т, нет Ц. 9 примите К. 10 нет Т. 11 нет Ц. 12 удар. во время КЦ. 13 прешедша К. 14 нет Ц. 15 удар. неоскорбляемою К. 16 удар. пагубу К. 17 отврещено ТЦ. 17—18 нет ТЦ. 19 ваша К. 20 доб. славолюбия, и Ц. 21 ни Т, нет Ц. 22 бывает ТЦ. 23 удар. собранная КЦ. 24 мощно Т. 25 мало ТЦ. 26 труда К, труду Ц. 27 убо ТЦ. 28 нет Ц. 29 внимайте КЦ. 30 покайтесь Ц. 31 нет Т. 32—34 нет Ц. 33 удар. явитесь К. 35 воздержанием Т. 36 будите К, буде Т. 37—38 перестан. присная чада Ц. 39 братие Ц. 40 удар. ведуще К, ведуще ЦП. 41 удар. по времени К, по времени Ц. 42 ни кого же Т. 43 пришествие Т. 44 доб. да КЦ. 45 любезно Ц. 46 лобзаем КЦ. 47 потщимся КТ. 48 вечном Т. 49 пребывающе Т, пребывающие Ц. 50 написании Т, доб. и Ц. 51 Иерусалиме ТЦ. 52 имена Т.

написана⁵³ сѹтъ, ѡхъ же отхѡдъ отъ сѹдѹ неведѡмъ, ѡхъ же⁵⁴ самъ господь⁵⁵ звѡтай,⁵⁶ и пѹтъ, и вѡжь,⁵⁷ и свѣтъ, и правитель въ⁵⁸ царствіе⁵⁹ небесное,⁶⁰ ѡхъ же ѡбразъ рѣзныи странен и нелѣпъ,⁶¹ никѡей же землѣ приличен, одеяніе чернѡсть имѹщее, возвещающе зде сѣтованное⁶² и плачевное житіе. Мы же ѡбразъ таковаго⁶³ одеянія⁶⁴ носяще и приплетаемъ земныхъ⁶⁵ вещей, яко мирьстїи,⁶⁶ учащаемъ⁶⁷ нѣвы,⁶⁸ исполняемъ гѹмна, украшаемъ храмы, удивляемъ дѡмы, приносимъ ѡмя свое ко⁶⁹ всѣмъ чело- векомъ, яко дѣвно. А о томъ, яко⁷⁰ же въскѡре отїдемъ, не хѡщемъ⁷¹ ни въ мысли нашей помянѹти: то чїмъ есмь⁷² хѹждьши⁷³ мирскїхъ. Мїра держимся:⁷⁴ еже бо вїдимъ у мирскїхъ что дѣвно, тогда всѣю сїлою подви- заемъ, дабы у⁷⁵ насъ тоже⁷⁶ бѣло. А не помянемъ,⁷⁷ яко того есмь всего отреченїи⁷⁸ въ постриганїи нашемъ, и всего мїра и яже сѹтъ⁷⁹ въ мїре. Аще ли⁸⁰ се лжа, да испытаемъ, аще ли тако естъ: не имеемъ ли сѣлъ, яко же и мирьстїи, не словѹтъ ли нѣвы чернѣческія, и езера,⁸¹ и пажити⁸² скотѡмъ,⁸³ и домѡве твердо ограждени,⁸⁴ и храмы⁸⁵ свѣтли?⁸⁶ не имеемъ ли ковчѣги со именїемъ твердо хранїмы,⁸⁷ якоже и мирстїи домодержцы? не красѹемъ⁸⁸ ли ся⁸⁹ блистанїемъ златнымъ и веселимся свѣтлостїю рѣзною и величаемъ? не⁹⁰ обѣди⁹¹ ли и прѣзницы⁹² мирскїхъ нами⁹³ полни⁹⁴ бѣвають? не мы ли⁹⁵ взимающе⁹⁶ мирскїя богати⁹⁷ на обѣде⁹⁸ у себя⁹⁹ посаждаемъ,¹⁰⁰ болѣе^{XVII} дерзновенїе хотяще² къ домѡмъ ихъ имѣти? не на брѣцехъ ли у нихъ мы прѣседаемъ? не наша³ ли рука⁴ выше всехъ⁵ прѣзвїтеръ возвышаема,⁶ чаши прекрещающе?⁷ не наше ли ѡко вся сѣдѣющая⁸ обзираетъ, не наше ли гѡрло въ народѣ⁹ пїра бряцающа многи укоры?¹⁰ Христїяне¹¹ бо¹² заповѣдь спасову¹³ творяще ввѡдѣтъ ны¹⁴ въ дѡмы свѡя — ѡво¹⁵ молїтвы ради, ѡво¹⁶ милостыню¹⁷ творяще. Мы же своего чїна не храняще¹⁸ въ малѣ посѣдимъ понїкши,¹⁹ и потомъ возведемъ²⁰ брѡви, таже и гѡрло, и пїемъ²¹ донеле же въ смѣхъ и дѣтемъ бѹдемъ. Егѡ же пїяньства мнози и²² мирстїи хранятъ.²³ Мѣрзость бо ѡмъ естъ тоже и на насъ естъ вїдѣти безгѡдное упиванїе. Таково²⁴ бо²⁵

⁵³ написани Ц. ^{54—55} перестан. господь сам Ц. ⁵⁶ звати Г. ⁵⁷ вождь КЦ. ⁵⁸ во Т. ⁵⁹ царство Ц. ⁶⁰ доб. вечное ТЦ. ⁶¹ нелѣтъ Ц. ⁶² сетованно К: ⁶³ удар. таковаго КЦП. ⁶⁴ одеяніе Ц. ⁶⁵ удар. земныхъ К. ⁶⁶ мирстей Т. ⁶⁷ учащаемъ К. ⁶⁸ доб. не Т, доб. и Ц. ⁶⁹ нетъ К. ⁷⁰ амо К, яко ТЦ. ⁷¹ удар. хѡщемъ ЦП. ⁷² есмь Т. ⁷³ доб. и КТ, лучши Ц. ⁷⁴ удар. держимся КЦП. ⁷⁵ и у Ц. ⁷⁶ тоже К. ⁷⁷ удар. помянемъ К. ⁷⁸ удар. отреченїи К. ⁷⁹ доб. въ немъ Т. ⁸⁰ доб. же Т. ⁸¹ удар. езера КЦ, озера Т. ⁸² па- жить КП. ⁸³ и скѡти Ц. ⁸⁴ ограждени Т. ^{84—86} и свѣтли храмы Ц. ⁸⁵ храми Т. ⁸⁶ свѣтли Т, свѣтлы П. ⁸⁷ хранїмыя Ц. ^{88—89} перестан. ся ли К. ⁹⁰ ни Т. ⁹¹ обѣды Ц. ⁹² прѣзницы Ц. ⁹³ намъ Ц. ⁹⁴ доволни Ц. ⁹⁵ доб. паки Т. ⁹⁶ взимающе КТ, вызывающе Ц. ⁹⁷ богатины КТ, богатыни и Ц. ⁹⁸ обѣды Т. ⁹⁹ себя Т. ¹⁰⁰ посаждаемъ КЦ.

^{XVII} 1 болше Т, болше Ц. ^{1—2} бо хотяще дерзновенїе Ц. ³ наши Ц. ⁴ руки Ц. ⁵ и прѣжде Ц. ⁶ возвышаема и Ц. ⁷ прекрещаетъ К, прикрещающе Т, прекрещающе Ц. ⁸ сѣдѣюща Ц. ^{9—10} и въ пїрехъ бряцающа многи укоряюще Ц. ¹⁰ укоряюще Т. ¹¹ Крестїяне Т, Христїяне Ц. ^{12—13} перестан. спасову запо- вѣдь Ц. ¹⁴ насъ Ц. ¹⁵ овы Ц. ¹⁶ ова же Т, овы же Ц. ¹⁷ милостыни ради Ц. ¹⁸ сохраняюще Т. ¹⁹ понїкше Ц. ²⁰ доб. очи Т. ²¹ пїемъ Т. ²² нетъ КТ. ²³ хранятца К. ²⁴ Таково Т. ²⁵ же Ц.

безчѣние²⁶ и²⁷ упивание троѣ винѣ принѣсит²⁸ любящим его: пѣрвое — телесѣ недуг, вторѣе — от человек укѣр и смѣх, трѣтие — душѣ падѣние и умѣ изступлѣние. То чѣм²⁹ лучѣши³⁰ есмѣ³¹ мирскѣх? — ни чѣм же. Не хвалѣ ли любим, а укорѣзны не терпѣм?³² Не свѣтлоу ли³ рѣзоу и драгоу красѣемся, раздранныѣ³³ же не³⁴ хощѣм ни в кѣлии нашѣй видѣти?³⁵ Не³⁶ принѣсшаго ли приѣмлем с любовью, пѣче тѣщѣ пришедшаго? Почто³⁷ двѣри³⁸ кѣлии³⁹ своих твердыми замкѣми⁴⁰ утверждаем?⁴¹ — яве, яко⁴² днѣшняго рѣди лежащаго⁴³ в нѣй имѣнии.⁴⁴ И⁴⁵ яко же⁴⁶ епарху нѣкоему умѣршу, мнози боѣре⁴⁷ на мѣсто его мздѣтся, богатѣства рѣди сана тогѣ, и слѣвы, и чѣсти от всѣх. Тако⁴⁸ и в нас убѣгих подобие мирскѣе бывѣает: умѣршу бо⁴⁹ коѣму⁵⁰ игѣмену, или иконѣму,⁵¹ мнози от нас востѣнут, намѣстие⁵² его тѣщѣшесѣ⁵³ приѣти (и се⁵⁴ тѣящесѣ едѣн от другаго, а всѣм вѣдомо сѣще), ѣви⁵⁵ мздѣми, а⁵⁶ неимѣущи⁵⁷ же лѣсками,⁵⁸ яко змиѣ,⁵⁹ яд хотящѣ⁶⁰ излѣяти на ѣскренних. Чтѣ же се? — яве⁶¹ яко имѣния рѣди. Оле смѣха⁶² достѣйно житѣе наше!⁶³ Ни еѣсть⁶⁴ ни едѣлаго же⁶⁵ в нас преподобных отец, ревнѣюще добрым дѣлом, молѣгве, бдѣнѣю, постѣ, безоимѣнѣству,⁶⁶ нищѣтѣ самовольней⁶⁷ и прочѣм⁶⁸ таковѣм: но умѣршу в нас коѣму⁶⁹ богѣту⁷⁰ мнѣсу,⁷¹ и душѣ⁷² своѣ тогѣ рѣди погубѣвшу, оставшѣи⁷³ мы, ревнѣюще пагубѣ⁷⁴ его, на мѣсто его вѣскакаем,⁷⁵ и сладко⁷⁶ си творѣм, в пагубѣ его и мы увѣзнути.⁷⁷ Да⁷⁸ ѣнем⁷⁹ их же⁸⁰ житѣю и дѣлом чудеса послѣдоваху ѣм, не хощѣм житѣю ревновѣти и дѣлом ѣх подобѣтисѣ, но сѣх,⁸¹ ѣх⁸² же житѣю и имѣнѣю пагубѣ послѣдова, тѣм же ревнѣем, злѣта рѣди и имѣния,⁸³ еже имѣша на мѣло днѣй,⁸⁴ и отидѣша нѣзи от всѣх, яко⁸⁵ и рожѣни.⁸⁶ Да яко же⁸⁷ в нас старѣ⁸⁸ и неѣстови⁸⁹ и лѣкоми⁹⁰ на имѣние, и сверѣпи⁹¹ на жены,⁹² и до смѣрти не оставшасѣ любви⁹³ имѣнныѣ,⁹⁴ — тѣцы же и юннии мнѣси⁹⁵ по нѣх сѣще:⁹⁶ нрѣвы яко отѣческѣи приѣмше,⁹⁷ дѣржим⁹⁸ и тѣм величаемсѣ. И ѣки⁹⁹ по отѣческѣм¹⁰⁰

³ В рукоп. лю.

²⁶ безчынное Ц. ²⁷ нет Ц. ²⁸ приносят КТ. ²⁹⁻³¹ перестан. есмь лучши К. ³⁰ лучи Т, лучши Ц. ³² удар. терпѣм Ц. ³³ раздранные Т. ³⁴⁻³⁵ перестан. ни в келли нашей видети хоцем К. ³⁶ Ни Т. ³⁷ доб. же КТЦ. ³⁸ дверей Ц. ³⁹ келей Т. ⁴⁰ замки КТ. ⁴¹ утверждаем К. ⁴²⁻⁴³ перестан. яко яве Ц. ⁴³ лишшаго Т. ⁴⁴ имения КТЦ. ⁴⁵ нет Т. ⁴⁶ нет Т. ⁴⁷ боляре Ц. ⁴⁸ доб. же Ц. ⁴⁹ убо Ц. ⁵⁰ удар. коѣму КЦ. ⁵¹ кому иному Т, доб. то Ц. ⁵² место Ц. ⁵³ тѣщѣтся К, тѣщѣсѣ ТЦ. ⁵⁴ о сем Ц. ⁵⁵ овии Т. ⁵⁶ нет Т. ⁵⁷ не имущи КТ. ⁵⁸ удар. ласкѣми К, ласкѣнѣми ТЦ. ⁵⁹ змии Т, змиѣ Ц. ⁶⁰ хотящѣи Т. ⁶¹ нет Ц. ⁶² смѣху ТЦ. ⁶³⁻⁶⁴ Нѣсть Ц. ⁶⁵ нет К. ⁶⁶ безимению Т, безѣименѣству Ц, безименѣству П. ⁶⁷ самовольной КТЦ. ⁶⁸ прочѣм Ц. ⁶⁹ нѣкоему Ц. ⁷⁰ брату ТЦ. ⁷¹ иноку ТЦ. ⁷² душѣ КТЦ. ⁷³ оставшии и К, оставшии Ц. ⁷⁴ пагубы Т. ⁷⁵ воскакаем КЦ. ⁷⁶ се Т. ⁷⁷ увязнем К, доб. хотящѣ Ц. ⁷⁸⁻⁷⁹ А о нем Ц. ⁸⁰ иже их Т. ⁸¹ сим Ц. ⁸² нет Т. ⁸³ имение Т. ⁸⁴ днѣй Ц. ⁸⁵ доб. же Ц. ⁸⁶ рождени КЦ. ⁸⁷ виже Т. ⁸⁸ старии ТЦ. ⁸⁹ неѣстовии Т. ⁹⁰ удар. лѣкоми Ц. ⁹¹ свирѣпы КЦ, свирѣпии Т. ⁹² удар. женѣ КЦП. ⁹³ любве Ц. ⁹⁴ превѣсокия Т. ⁹⁵ нет К. ⁹⁶ сѣщеи Ц. ⁹⁷ приѣмши Т, приѣмше Ц. ⁹⁸ удар. держѣм Ц. ⁹⁹ аз Т, яко Ц. ¹⁰⁰ отѣческому Т.

следом^{XVIII} воследующим,² не ведуще окайнии, яко же бо³ нелёпо мертвец на конь всажён,⁴ тако же⁵ и мних власть в мире приём:⁶ но⁷ овому своё есть, еже во гробе⁸ вложится,⁹ овому же, еже¹⁰ в келии¹¹ затворився¹² плакати¹³ грех¹⁴ своих, и всячески нудитися,¹⁶ еже удалитися¹⁷ всего честнаго в мире сем. Аще ли¹⁸ мёртвый на коне, инок¹⁹ же власть держá, то обе кроме²⁰ естества.²¹ Мирскому²² бо мирская²³ подобает²⁴ стрóбити, а иноку иноческий путь²⁵ правити, не касающесе²⁶ ни десных, ни шуйх. Красно²⁷ есть, во²⁸ истинну, и мнозей²⁹ хвалé достойно, иже³⁰ видети мужа в миру, отрицающаса³¹ мира и иже³² в нём красных и легких, и отметающа³³ имения и бывающа инока. Хульно же и проклято,³⁴ еже видети мниха, сан³⁵ в мире приёмлюща³⁶ и мирская стрóящу,³⁷ и богатство³⁸ беруща:³⁹ он бо,⁴⁰ надежею⁴¹ жизни вечная, отметаётся⁴² жизни сея и бывает чадо⁴³ свету и дни.⁴⁴ Сей⁴⁵ же, неверованием о жизни вечней, отметаёт обнищание, иже Христа ради обеща́ся, и⁴⁶ бывает друг свету сему, враг же божий по глаголу брата господня Иакова.⁴⁷ Сего ради смеху⁴⁸ бываем и поганым, и⁴⁹ Христова вера хулится⁵⁰ нас ради от них. Глаголют бо: како вы, мниси, поведаете бо⁵¹ жизнь вечную быти и воскресение мёртвым, его же ради и постригаетеся?⁵² А ныне видим вы, и⁵³ старья и младья,⁵⁴ яко кождо вас власти от⁵⁵ царя и от вельмож ищите,⁵⁶ от бояр⁵⁷ же имения,⁵⁸ от убогих же чести и поклонения.⁵⁹ Да како жизнь вечную мните,⁶⁰ а сея жизни, и славы,⁶¹ и чести,⁶² и имения ни мало себе⁶³ отместе? Нам мнится, яко вы друг другу о⁶⁴ жизни вечней ждете.⁶⁵ На любви бо вашей света сего знати есть, яко не zelo хотите оного⁶⁶ жития: дадите нам имение ваше⁶⁷ и злато, а⁶⁸ вам⁶⁹ вечная жизнь.⁷⁰ Се же аз, братие,⁷¹ своима⁷² ушима слышах⁷³ от некоего погана. И дивно ми есть,⁷⁴ яко же и погании ведут⁷⁵ о нашем неустроении и поношают ны, како достóит иноку быти олиховану⁷⁶ всего во свете⁷⁷ сем,⁷⁸ иночну⁷⁹ быти⁸⁰ житием⁸¹

^a В рукоп. мнните.

XVIII 1 следу Т, последом Ц. 2 последующим К, воследующи Т, последующе Ц. 3 убо Ц. 4 в сажен КЦ. 4-5 также К, тако Ц. 6 прием К. 7 нет К. 8 удар. во гробе КЦ. 9 положится К, вложится Ц. 10 нет К. 11 келье Т, доб. сидети Ц. 12 затворся К, затворитися Т, затворся и Ц. 13 плакаться Ц. 14 грехов КЦ. 15 нет Ц. 16 нудити Т. 17 удалитися КТЦ. 18 доб. же К. 19 и иной Т. 20 удар. кроме ЦП. 21-22 мирским убо подобает Ц. 23 мирския Т, удар. мирская П. 24 и Ц. 25 доб. стройти Т. 26 касающемуся Ц. 27 доб. убо Ц. 28 нет Т. 29 мнози Т. 30 еже ТЦ. 31 отрицающися Т. 32 еже Т. 33 отметающи Т. 34 удар. проклято Ц. 35 сам Т. 36 приемлюще Т. 37 удар. стрóящу К, стрóяща Ц. 38 богатство Т. 39 беруще Т. 40 же Ц. 41 надежею К. 42 отметаеця К. 43 чудо К, чада Т. 41 дни Т. 42 дни Ц. 45 Сии К. 46 нет К. 47 Иакова П. 48 смех Ц. 49 нет Т. 50 хулитца К, доб. и Т. 51 нет Ц. 52 постригается Ц. 53 нет К. 54 младые Т. 55 и от Ц. 56 ищите Т. 57 бояр Ц. 58 имение Т. 59 поклоняния ТЦ. 60 мните КТ. 61-62 нет Ц. 63 от себя Ц. 64 нет К. 65 удар. жете Ц. 66 онаго КЦ. 67 ваша Ц. 68 и К. 69-70 перестан. жизнь вечная К. 71 братия К. 72 своима Т. 73 слышахом Ц. 74 бысть Ц. 75 видят Ц. 76 облихованну Т. 77 удар. во свете Ц. 78 доб. к К. 78-79 нет Ц. 80 и иночну К, и начнут Т. 81 удар. житием Ц.

и делом. Тем же аще поганым бываем⁸² в соблазн придержания ради света сего, кольми⁸³ паче християном, ведущим и слышащим, по вся дни в⁸⁴ церквах жития святых и преподобных отец,⁸⁵ и видящим им нас не по подобию⁸⁶ тех живущих,⁸⁷ их же⁸⁸ образ носим, то чим⁸⁹ странни,⁹⁰ являемся⁹¹ свету сему, делом нашим и нравом с мирскими считающим нас. Се бо⁹² мысль наша, и беседа, всегда, и советование,⁹³ якоже и всех⁹⁴ мирских жителей. Не о пользе душевной совокупление наше, и беседа, и совет,⁹⁵ но о потребе.⁹⁶ Егда бо ся совокупим,⁹⁷ то не⁹⁸ о горнем житии⁹⁹ и¹⁰⁰ о^{XIX} пользе душевной² советуем, но о³ княжии⁴ пределии⁵ и набдении, о доброте милостивней,⁶ о прихождении⁷ християн,⁸ и о приношении их,⁹ и о красоте церковней,¹⁰ и о покаянии богатых сынов, и¹¹ о любви бояр, о познании богатых, о¹² богатстве монастыря, о множестве сел, и¹³ о наместии игумене,¹⁴ и о приятии старейшинства.¹⁵ Что же много¹⁶ начати¹⁷ и глаголати?¹⁸ но о всех сущих в мире сём и мыслим, и совещаемся,¹⁹ яко же и²⁰ вси сущии в мире. Ни²¹ един же²² от²³ нас мыслити²⁴ или советуется²⁵ от²⁶ сущих выше мира и о исправлении²⁷ жития. Аще бо быхом тех искали, нане²⁸ же нарекохомся, о том быхом и совет²⁹ творили, и друг друга узревше³⁰ со слезами быхом³¹ глаголали: како ты, брате, бог ведёт,³² како идёши? И ответ быхом тако рекли: увы мне, брате мой, яко пришельствие³³ моё удалихся,³⁴ вселихся в пропасти темныя. Ты же сам, любезне, како?³⁵ спсёт ли³⁶ ти ся?³⁷ Ей!³⁸ аще не бы господь помогл бы ми, вмале³⁹ вселилася бы во ад душа моя. Паки⁴⁰ ин ко иному: како, брате?⁴¹ Яко⁴² падохся⁴³ и не имам дерзновения⁴⁴ в молитве к богу, но студом и срамом⁴⁵ покрываюся. Аз согреших на небо и пред тобою и уны во мне дух мой, во мне смутися сердце моё. А ты, брате,⁴⁶ како? Яко исполнися зол душа моя и живот мой аду приближися, применён⁴⁷ бых с низходящими в ров. Ты же како? Мне убо жадыт⁴⁸ сердце⁴⁹ к богу подвигнуться, и дух мой загорается⁵⁰ на любовь его:

^a В рукоп. правлении.

⁸² бывает Ц. ⁸³ удар. колми Ц. ⁸⁴ во Т. ⁸⁵ доб. наших Ц. ⁸⁶ подобии о Т. ^{87—88} иже Т. ^{89—91} перестан. являемся странни Ц. ⁹⁰ странни Т. ⁹² убо Ц. ⁹³ советования К'П, сетование Ц. ⁹⁴ доб. в I, во всех Ц. ⁹⁵ совети Т. ⁹⁶ погребе Т. ⁹⁷ совокупимся К, совокупим Т. ^{98—99} огнем К. ¹⁰⁰ ни Ц.

XIX 1 нет Т. 2 удар. душевной К. 3 кийждо о Ц. 4 княжом Ц. 5 пределении К, и пределении Т, приделении Ц. 6 милостивны К. 7 приходе-нии КЦ, прохождении Т. 8 крестиян К. 9 нет Т. 10 церковныя К. 11 нет ТЦ. 12 и о Ц. 13 нет К. 14 игумени К, игуменни Т, игумена Ц. 15 старей-шества Т. 16—18 глаголати начати Ц. 17 начитати КТ. 19 совещаем Ц. 20 нет К. 21 А ни Ц. 22 нет Ц. 23 о Т. 24 мыслит ТЦ. 25 советова-ние К. 26 о КТЦ. 27 правлении КТЦ. 28 на нем Т, на ня Ц. 29 советы ТЦ. 30 узрэ Ц. 31 нет Т. 32 видит Т, доб. Ц. 33 пришествие КТ. 34 уда-лися КТЦ. 35 доб. пребываеши Ц. 36 нет К. 37 сей Т. 38 нет Т. 39 нет Т. 40 И паки ТЦ. 41 братия Т. 42 нет Т. 43 впадохся Т. 44 дер-зновение Т. 45 страхом Ц. 46 доб. мой Ц. 47 применен К. 48 жадает Т. жадеет Ц. 49 доб. мое Т. 50 загорается КТЦ.

но плоть немощна, брате мой, и⁵¹ мысль расслабляющи,⁵² и⁵³ не вем, что сотворю.⁵⁴ Но молю тя, возлюбленне, помози ми, в молитве твоей, цы⁵⁵ господь укрепит⁵⁶ мя. И⁵⁷ паки⁵⁸ другаго вопрошает:⁵⁹ како, брате? Возскорбех⁶⁰ печалию моею, и смутихся⁶¹ от гласа вражия, и от стужения грешника, глаголющаго: несть ти⁶² спасения в бозе своем. Господь же заступник ми есть. А ты, брате?⁶³ И мене одержаша⁶⁴ болезни смертныя, и потоцы беззакония смутяша мя, и болезни адовы обыдоша мя, предвариша⁶⁵ мя уже⁶⁶ сети смертныя, и в скорби моей⁶⁷ точию господа призываю,⁶⁸ — цы⁶⁹ господь поможет⁷⁰ ми.⁷¹ Сам⁷² же како⁷³ пребываеши, любимиче?⁷⁴ О возлюбленне о Христе! увы мне, яко видоша воды соблазныя⁷⁵ до душа⁷⁶ моея!⁷⁷ углебох в тимени блуднем, и несть⁷⁸ постоянна. Приидох во глубины⁷⁹ греховныя и буря⁸⁰ потопа мя отчаяния.⁸¹ Другому паки глаголюща:⁸² во мне смутися⁸³ сердце мое исхода ради, и страх смертныи⁸⁴ нападе на мя, боязнь и трепет Страшнаго судища прииде на мя, и покры мя тма недоумения, что сотворити: но возвзргну⁸⁵ печаль на господа, да той сотворит,⁸⁶ яко же хощет. Хощет бо всем человеком⁸⁷ спастися! О братие⁸⁸ возлюбленная⁸⁹ ми о Христе! Слышасте уже,⁹⁰ яко повыше знаменах, како совет творят, иже воистинну в мире сем аки гости и пришельцы суть: иже аще тако скорбят zde, во оном веце не опечалются.⁹¹ Иже бо zde сами предаются⁹² скорбем и печалем, тамо⁹³ никакая же⁹⁴ печаль срящет их,⁹⁵ но веселие⁹⁶ и радость,⁹⁷ и дарове вечнии, и житие с господем богом. Аще бо и кождо нас падается,⁹⁸ но⁹⁹ по вся дни о душе¹⁰⁰ да мыслит и глаголет, а не о мирских. То яве есть, яко поможет ему господь и укрепит. И^{xx} добро бо³ нам, яко пришельцем и странником, zde скорбети о отечестве нашем,³ и друг другу съвопрошати⁴ о путех, лежащих ко граду их,⁵ и о⁶ приседящих⁷ разбойницех,⁸ и како возмощи⁹ без вреда пройти. Всеи¹⁰ же путьницы¹¹ не сступают¹² на иныя¹³ стезя с пути, ведущаго их во град, вонь же¹⁴ идут. Аще ли¹⁵ сступят, зело укаряют¹⁶ свое шествие, гла-

51 нет Т. 52 расслабляюще Т. 53 нет Ц. 54 сотворити Ц. 55 и К, цы Т, дабы Ц.
 56 укрепил Ц. 57 Ино Т, И ин Ц. 58—59 перестан. вопрошает другаго Ц.
 59 вопрошают Т. 60 Воскорбех Т. 61 смутися К. 62 нет Т. 63 доб. како Ц.
 64 одержащаго К. 65 вариша Т. 66 удар. уже Ц, уже П. 67 мой К. 68 при-
 зывающа Т. 69 нет КТ, и Ц. 70 укрепит Ц. 71 мя Ц. 72 А сам Ц.
 73—74 перестан. любимиче пребываеши Ц. 75 в соблазны Т, нет Ц. 76 души КЦ.
 77 доб. соблазн Ц. 78 доб. ми Ц. 79 удар. глубины Ц. 80—81 перестан.
 отчаяния потопа мя Ц. 82 глаголющу КЦ, глаголюще Т. 83 смя, 84 смерти Т.
 85 возвергох Ц, возвергу П. 86 доб. мя Т. 87 нет Ц. 88 братия Ц.
 89 возлюбленни Т. 90 удар. уже КЦ. 91 опечалятца Т. 92 предатятца К.
 93—94 никакаждо К. 94 их Т. 95 нет Т. 96—97 нет Ц. 98 падется Т.
 99 нет Т. 100 души Ц.
 xx 1 нет Т. 2 убо Ц. 3 нашам К. 4 совоспрашати К. 5—7 перестан.
 приседящих и о П. 6 нет К. 7 удар. приседящих К, приходящих Ц. 8 раз-
 бойнице К. 9 мощи Т. 10—11 живут нецны Т. 12 ступают Т. 13 иная Т,
 ины Ц. 14 доб. иже Т. 15 доб. и К. 16 укаряют Ц.

голюще: како́го¹⁷ убо укора¹⁸ несм¹⁹ досто́йни, о то́м бесе́дующа²⁰ и на²¹ то́ вѣстүпающе²² не²³ на не́же²⁴ изыдо́хом, ни²⁵ а́може²⁶ гряде́м? Но да увѣмы, от че́го же²⁷ в нас быва́ет дѣм (да²⁸ мне зрится²⁹), аще³⁰ не³¹ от огня? Си́це и бесе́да мирская́, аще не от любѣи́ мирскія́: любим³² бо ми́р, да и глаголем о нём. Егѡ́ же бо³³ не имѣет³⁴ хра́мина — двѣри³⁵ не изно́сят;³⁶ и егѡ́ же бо сердце не имѣет — уста́ не глаголют. И на бесе́довании на́шем знати́ е́сть³⁷ любѡвь се́го жити́я во умѣ³⁸ е́сть на́шем,³⁹ е́же⁴⁰ и на нра́вех на́ших ѣстее увѣсться.⁴¹ Иде́ же бо ца́рь сущим⁴² под ним⁴³ дае́т, я́ко же⁴⁴ досто́ит,⁴⁵ ту́ же⁴⁶ и мы⁴⁷ с мирскі́ми смеша́ющеся, про́сим у него́⁴⁸ потре́бы.⁴⁹ Чтѡ⁵⁰ ра́ди? Еда́ стра́жем⁵¹ о⁵² нём и до́ крове⁵³ бо́рем?⁵⁴ еда́⁵⁵ да́нь ему́ плати́м? егда́⁵⁶ кю́⁵⁷ потре́бу⁵⁸ от нас ѣмать? Не⁵⁹ ѣмать⁶⁰ ли⁶¹ кому́ да́ти, во́ем, и всѣм стра́жем, и бо́рющим по нём, ту́⁶² же⁶³ и мы́ мятѣмся, от них же свобо́дил⁶⁴ ны⁶⁵ бе Христо́с беспеча́льным жити́ем,⁶⁶ претыка́ние ми́ру быва́ет.⁶⁷ Аще ли глаголем: спасѣ́ния ра́ди своего́ даю́т на́м⁶⁸ ца́рие⁶⁹ и⁷⁰ боляре⁷¹ его́.⁷² Все⁷³ добро́ спасѣ́ния ра́ди, но да блюде́мся,⁷⁴ егда́⁷⁵ не по ѡ́нех умы́шленію даю́т на́м⁷⁶ милостыню,⁷⁷ но по на́шему проше́нію.⁷⁸ Аще бо⁷⁹ бы́хом хотя́ще⁸⁰ без осужѣ́ния⁸¹ приима́ти от них,⁸² па́че полѣзнейше⁸³ к богу⁸⁴ припа́дали бы́хом, и у того́ проси́ли бы́хом, глаголюще: Господи! ты вся ве́си, ты ве́си, что тре́бует те́ло наше о ко́рмли и⁸⁵ оде́жди,⁸⁶ и⁸⁷ я́ко же во́лиши, та́ко устро́й. То́кмо спасѣ́ния ду́ш и проше́ния грехѡ́в⁸⁸ от човеколю́бія твоего́ проше́у, а о дово́ли⁸⁹ плѡти моея́ созда́вый мя са́м ве́си, что́ тре́бую. И тогда́ се́дящим на́м в ке́лии,⁹⁰ кому́ждо,⁹¹ аще бы⁹² кто́ что принѣсл⁹³ потре́бное⁹⁴ на́м,⁹⁵ то я́ко от бога со благода́реніем прия́ли бы́хом, или́⁹⁶ от ца́ря, или́ от не́коего властели́на, или́ про́ста⁹⁷ лю́ди́на: на́шу⁹⁸ бо⁹⁹ потре́бу мо́щен¹⁰⁰ е́сть вся́к^{XXI} человек сотвори́ти.² Не многоце́нна³ бо⁴

^{а-4} В рукоп. боляре его и ца́рь ей.

¹⁷⁻¹⁸ перестан. укора убо К. ¹⁹ несмы К, несмы Ц, ²⁰ бесе́дующе Ц. ²¹⁻²² тово ступающе Т. ²² вѣстүпающа К. ²³⁻²⁴ ненадежно Т. ²³ нет Ц. ²⁵ и Ц. ²⁶ я́ко Т. ²⁷ нет Ц. ²⁸ и Ц. ²⁹ мнится Ц. ³⁰ я́ко Ц. ³¹ нет Ц. ³² любися Т. ³³ убо Ц. ³⁴ имеем Т. ³⁵ двѣрни Ц. ³⁶ износится Ц. ³⁷ доб. я́ко Ц. ³⁸⁻³⁹ перестан. на́шем е́сть Ц. ⁴⁰ я́же Т. ⁴¹ увесте Т. ⁴² сущии Ц. ⁴³ нем Т. ⁴⁴ нет Т. ⁴⁵⁻⁴⁶ такжеде Ц. ⁴⁷ доб. верти́мся Ц. ⁴⁸ них Ц. ⁴⁹ потребная Ц. ⁵⁰ доб. же Ц. ⁵¹ страждем Ц. ⁵² по ТЦ. ⁵³ крови Т, удар. до крове Ц. ⁵⁴ борими Т. ⁵⁵ егда К. ⁵⁶ да еда́ Ц. ⁵⁷ кою Ц. ⁵⁸ требу Т. ⁵⁹⁻⁶¹ имали Т. ⁶⁰ има́мы Ц. ⁶¹ нет Ц. ⁶² тако Ц. ⁶³ нет Т. ⁶⁴ доб.бо Т. ⁶⁵ е́сть нас Ц. ⁶⁶ доб. мы же Ц. ⁶⁷ бываем ТЦ. ⁶⁸⁻⁷² бояре его и ца́рии К; боляре его и ца́ри Т. ⁶⁸⁻⁷⁰ нет Т. ⁶⁹ ца́рь Ц. ⁷¹ бояре Ц. ⁷² доб. и ца́рь П. ⁷³ Ей, все ЦП. ⁷⁴ соблюде́мся Ц. ⁷⁵ еда́ Т. ⁷⁶ ны Т. ⁷⁷ удар. милостыню К, милостыни Т. ⁷⁸ прешению К. ⁷⁹ убо Ц. ⁷⁹⁻⁸⁰ хотели бы́хом Ц. ⁸¹ осуждения КТ. ⁸²⁻⁸⁴ то и наипаче ко госпо́ду Ц. ⁸³ полѣзнейши Т. ⁸⁵ добо. о КЦ. ⁸⁶ оде́жды Т. ⁸⁷ нет Ц. ⁸⁸ грехом Ц. ⁸⁹ дово́лии Т, доволе Ц. ⁹⁰ кельи Т. ⁹¹ кождо Т. ⁹² бо К. ⁹³⁻⁹⁵ перестан. нам потребная Ц. ⁹⁴ потребная Т. ⁹⁶ ли Т. ⁹⁷ простая Т. ⁹⁸ нашу КЦ, на нашу Т. ⁹⁹ убо Ц. ¹⁰⁰ мо́щет К.

XXI нет Т.

2-3 Немногоценнаго КТ.

4 нет К1.

одежа⁵ и проста⁶ кормля⁷ довлѣет нам,⁸ — проста бо одежда⁹ и кормля¹⁰ мощен¹¹ есть кождо нас (аще бо хощем, можем), и¹² без приманія чюжаго,¹³ стяжати от рукоделия своего. Аще ли¹⁴ любим¹⁵ взимати от них,¹⁶ и теми потребу имѣти,¹⁷ то осудит ны вдовица¹⁸ и оградник, ова¹⁹ от руку²⁰ своєю²¹ кормяще²² чада си,²³ ов²⁴ же²⁵ на лискари²⁶ тружаяся²⁷ и кормя²⁸ всех сущих в дому своем. Мы же, единицы,²⁹ безжѣннии,³⁰ и³¹ безчаднии,³² и бездомови,³³ в лѣности своѣй не хотяще³⁴ от руку³⁵ своєю³⁶ единого хлѣба стяжати, и сего ради, яко³⁷ безручни от чужія силы насыщаемся. Аще ли кто от нас глаголет:³⁸ с миряны сключилось³⁹ есть жити,⁴⁰ и⁴¹ близ мѣра,⁴² да⁴³ нужа⁴⁴ ны⁴⁵ есть примати, еже аще дают ны.⁴⁶ Худ⁴⁷ той⁴⁸ извет есть,⁴⁹ братіе. Спаситель⁵⁰ наш Христос не в мѣре⁵¹ ли бысть,⁵² и апостоли его⁵³ вси⁵⁴ что тогда имяху⁵⁵ — разве⁵⁶ пять⁵⁷ хлѣбов⁵⁸ и двою рыбу?⁵⁹ И на преданіе⁶⁰ Христово⁶¹ двема ножема⁶² токмо обрестися в них. И нудяще⁶³ я неимѣнство,⁶⁴ яко же и в⁶⁵ другая⁶⁶ времена⁶⁷ и⁶⁸ класы истирающе⁶⁹ ясти.⁷⁰ Что же ли⁷¹ речем,⁷² лише того имѣюще,⁷³ и послѣднии⁷⁴ апостолом именующесе (да,⁷⁵ имяны⁷⁶ их любим зватися,⁷⁷ житія⁷⁸ же их не подражаем⁷⁹)? Еже бо излише покрова телу и насыщенія⁸⁰ утробе востребуем что,⁸¹ — уже⁸² не нужею,⁸³ но изволеніем попираем обет.⁸⁴ Почто же⁸⁵ и⁸⁶ взываем⁸⁷ прѣже⁸⁸ нас бывшыя⁸⁹ иноки святыми отцы, а сами ныне не хощем, яко сынове их,⁹⁰ отец своих нравы и дѣлы краситися?⁹¹ Тем же⁹² елико⁹³ лише оных мѣра держимся,⁹⁴ толико⁹⁵ же⁹⁶ их отрицаемся:⁹⁷ не суть отцы⁹⁸ наши“.

^{а-а} В рукоп. то егда имяху что.

⁵ одежда КЦ. ⁶ удар. проста К. ⁷⁻¹⁰ нет Т. ⁸⁻¹⁰ нет Ц. ⁹ одежда К. ¹¹ доб. бо Ц. ¹² нет Т. ¹³ чюждаго К. ¹⁴ доб. же Ц. ¹⁵ любит Т. ¹⁵⁻¹⁶ перестан. от них взимати ТЦ. ¹⁷ имать Т. ¹⁸ она Ц. ¹⁹ доб. убо Ц. ²⁰ рукоделия Ц. ²¹ нет Ц. ²² кормляще Т, кормящися и Ц. ²³ своя КЦ. ²⁴ ово Т. ²⁵⁻²⁶ по лыскарем Ц. ²⁷ тружаяся КЦ. ²⁸ кормяще Ц. ²⁹ доб. и Т, единицы Ц. ³⁰ безжени К, безжени Т. ³¹ нет Т. ³² без чадни КЦ. ³³ бездомовни КЦ, бездомовни Т. ³⁴ хощем Ц. ³⁵ рук Ц. ³⁶ своих и не Ц. ³⁷ нет Т. ³⁸⁻⁴⁰ в миру ны клячилось быти Ц. ³⁹ сключилось К, клячалось Т. ⁴⁰ житие Т. ⁴¹ нет Т. ⁴² доб. жити Ц. ⁴³⁻⁴⁵ нужну К. ⁴⁴ нужда ТЦ. ⁴⁶ нам Ц. ⁴⁷ Худо К. ⁴⁷⁻⁴⁹ перестан. есть той извет Ц. ⁴⁸ то К. ⁴⁸⁻⁴⁹ перестан. есть извет Т. ⁵⁰ доб. бо Ц. ⁵¹ миру Ц. ⁵² бе Ц. ⁵³ доб. с ним бяху Ц. ⁵⁴⁻⁵⁵ то егда имяху что К; тогда имяху что Т, тогда, еда имяху ли что Ц. ⁵⁶ развее Ц. ⁵⁷ пяти Ц. ⁵⁸ хлѣб Ц. ⁵⁹ рыб Ц. ⁶⁰ предани Ц. ⁶¹ Христове Ц. ⁶² удар. ножема КЦ. ⁶³ нудяща КГ, удар. нудяше ли Ц. ⁶⁴ безименство Ц. ⁶⁵ нет Т. ⁶⁶ другая Ц. ⁶⁷ времена К. ⁶⁸ нет Ц. ⁶⁹ истираючи К, стирающе Ц. ⁷⁰ ядыху Ц. ⁷¹ убо ТЦ. ⁷² доб. яже Ц. ⁷³ имѣющее Ц. ⁷⁴ вследницы Ц. ⁷⁵ и убо Ц. ⁷⁶ имени ТЦ. ⁷⁷ доб. но Ц. ⁷⁸⁻⁷⁹ их отнюд не внемлающе Ц. ⁸⁰ насыщение Т. ⁸¹ что же К, что то убо Ц. ⁸¹⁻⁸³ убо ни нуждею Т. ⁸² удар. уже Ц, нуждею К. ⁸⁴ обед К. ⁸⁵⁻⁸⁷ наричем Ц. ⁸⁸ нет Т. ⁸⁸ прѣже КЦ. ⁸⁹ нет К бывшыя Ц. ⁹⁰ доб. быти и Ц. ⁹¹ украшались Ц. ⁹¹⁻⁹² нет Ц. ⁹³ доб. же Ц. ⁹⁴ удар. держимся П. ⁹⁵⁻⁹⁶ паче отрицаемся их, яко и Ц. ⁹⁶⁻⁹⁷ отрицаются их Т. ⁹⁸ отци Т

Последї же многа^{а 99} о сѣм писано быша, аз же се волю преминаю: ^{xxii 1} понѣже высотá словесї máло небес не превосходяще,² ѣже хотяше вам о сѣм быти, не máла тугá и скóрбь, душа³ вáшя⁴ объяти хотяше.⁵ Понѣже⁶ яко⁷ рáвно áнгелом,⁸ толико отстояще⁹ от нынѣшняго житїя сїх святых пребыванїя, яко не то́кмо телесї,¹⁰ но и сáмая¹¹ душа¹² Христа рáди не брегущи,¹³ на землї сущи,¹⁴ со ангелы жительствующе,¹⁵ яко же¹⁶ написá о сїх Великий Иларион, подобно яко же во Ануфрии¹⁷ Великаго житїя¹⁸ лежит. Мы же к коньцú слóва¹⁹ да речѣм Великаго Илариона: „Увы мне, единому ум уступает²⁰ ми, помянувши любовь, юже²¹ имяху ко²² господу преподобнии тїи,²³ яко тако пожиша любвѣ его рáди, и вся та претерпѣша, да угóдницы Христови прозовутся.²⁴ Мы же áще и един час главою поболїм, или прыщ²⁵ на теле нашем узрим, то в бóрзе всѣм знаемым нашим²⁶ возвещаем.²⁷ Áще ли²⁸ разболїмся, то не яко иноцы, но яко мирстїи: осядут²⁹ бо ны и³⁰ друзи наши³¹ совѣты творяще, ко́е ўбо былие ключается³² на оздравленїе наше. Тогда же и женския рúки тело наше осязают и мажут,³³ льготу творяще. Отходят же въздыхающе, и мы по нїх зряще жáлим си³⁴ и³⁵ до слѣз. И от сегó разумѣти³⁶ есть, яко ни в начатце отметанїя нашего, ни в³⁷ юности, ни в³⁸ старости, ни в³⁹ здравїи, ни в болѣзни, ни⁴⁰ во исхóд⁴¹ душї, мїра сегó отметаемся, но и⁴² ещѣ любим и дѣржимся его неотстúпно, донелиже⁴³ и душа⁴⁴ наша⁴⁵ в теле нашем⁴⁶ есть“.

Сїя ўбо написахом máло от многа.⁴⁷ Áще хóщете высочайши⁴⁸ сегó вѣдети,⁴⁹ и вы сами больши⁵⁰ нас вѣсте, и много в божественном писанїи о⁶¹ сѣм обрýщете. И бóдет помнїте⁵² то, что́ яз⁵³ Варлаама из монастыря взяа, ево⁵⁴ жалуючи,⁵⁵ а на вас кручїняся: ино бог свидѣтель⁵⁶ — никако же ино́го ничегó⁵⁷ длá, развее того́ длá велели⁵⁸ есмá⁵⁹ ему⁶⁰ быти у себя⁶¹ — как пришлá волнá та, ⁶²а вы к⁶³ нам немно́го

^а В рукоп. пропущено. Восстановлено по другим спискам.

^б В рукоп. нет. Восстановлено по Т.

⁹⁹ нет КТЦП. ¹⁰⁰ быша ЦП.

^{xxii 1} преминав Т. ² превосходяща Т, превосходящи Ц. ³ души К, душа ТЦ. ⁴ ваши К, ваша ТП. ⁵ хотяше К. ⁶ Понужи Т. Понужди Ц. ⁷⁻⁸ перестан. аггелом равно Т, аггелом равны Ц. ⁹ обстояще ТЦ. ¹⁰ словеси К. ¹¹ самыя КП, самы П. ¹² души КЦ, душа Т. ¹³ брегуще КТЦ; доб. и ТЦ. ¹⁴ суще ТЦ. ¹⁵⁻¹⁶ яже ТЦ. ¹⁷ Ануфрей Т, Анофрии Ц. ¹⁸ житие Т. ¹⁹ слово Ц. ²⁰ изступает Ц. ²¹ яже ТЦ. ²² к К. ²³ нет Ц. ²⁴ повзвутца К, призовутся Т. ²⁵ прыщ Т. ²⁶ нашим П. ²⁷⁻²⁸ Али Т. ²⁹ обсядут Ц. ³⁰ нет КТ. ³¹ доб. и ТЦ. ³² ключаетца К. ³³ мажут ТЦ. ³⁴ ся К. ³⁵ нет ТЦ. ³⁶ знати Ц. ³⁷ во КТ. ³⁸ во Т. ³⁹ во ТЦ. ⁴⁰⁻⁴¹ на исходе ТЦ. ⁴² нет К. ⁴³ донележе ТЦ. ⁴⁴ души К. ⁴⁵ наши К. ⁴⁶ нам К. ⁴⁷ много Ц. ⁴⁸ высочайше К, высочайши Ц; доб. и множайши ТЦ. ⁴⁹ видети Т. ⁵⁰ больми Т, больше Ц. ⁵¹ нет К; о Т. ⁵² удар. помнїте ЦП. ⁵³ яс К, аз ТП. ⁵⁴ его Ц. ⁵⁵ жалуючися К; здесь заканчивается сохранившаяся часть списка П. ⁵⁶ удар. свидѣтель Ц. ⁵⁷ ниво К. ⁵⁸⁻⁶⁰ перестан. ему есмá Ц. ⁵⁹ есмы К. ⁶¹ себе К, себя Т. ⁶²⁻⁶³ увы Ц. ⁶³ нет Т. ⁶³ позвѣстили ТЦ.

известіли,⁶⁴ и мы⁶⁵ Варлама приказали про его⁶⁶ безчїние посмирїти по монастырскому чїну. А племянники его нам сказывали, что ему от вас для Шереметева утешение велико.⁶⁷ А еще Собакиных⁶⁸ пред нами и⁶⁹ тогда⁷⁰ измены не было. И мы жалующи их, велели есмь⁷¹ Варламу у себя⁷² быти,⁷³ а хотели есмь⁷⁴ его распросїти:⁷⁵ за что у них вражда учинїлася? да и понаказати⁷⁶ его хотели, чтобы⁷⁷ в терпении был, что⁷⁸ будет ему от вас⁷⁹ скорбно,⁸⁰ зане же⁸¹ иноком подобает скорбьми и терпением спастїся. И зиму съ по него потому не послали, что нам поход учинїлся в Немедкую землю. И как мы⁸¹ ис походу⁸² пришлі, и по него послали, и его розпрашивали, и он заговорил вздорную — на вас доводити⁸³ учал, что будто⁸⁴ вы про нас не гораздо⁸⁵ говорите⁸⁶ со укоризною. И яз⁸⁷ на то плюнул, и⁸⁸ его бранил. И он уродъствует, а сказывается⁸⁹ прав. И яз⁹⁰ спрашивал о его жительстве,⁹¹ и он заговорил невесть⁹² что, не только что не знаячи иноческаго жития или платия, — и⁹³ того не ведает, что⁹⁴ на сем свете есть⁹⁵ чернцы,⁹³ да хочет жити и чести⁹⁷ себе⁹⁸ по тому же,⁹⁹ как¹⁰⁰ в миру. И мы видя его сотонинское^{xxiii 1} разжение любострастное,² по³ его неистовому любострастию, в любострастное⁴ житие и отпустили жити. А то⁵ сам за сво.о душу⁶ отвещает,⁷ коли не ищет своей души спасения. А к вам есмь⁸ его не послали, войстинну,⁹ потому: не хотя¹⁰ себя¹¹ кручинити, а вас волновати. А ему добре хотелось¹² к вам. А он мужик очюнной врет и сам себе¹³ не ведает что.¹⁴ А и вы не гораздо¹⁵ доспели, его прислали кабы ис тюрьмы, да старца соборново кабы пристав у него. А он пришел кабы некоторой государь. А вы с ним¹⁶ прислали к нам поминки,¹⁷ да еще¹⁸ ножи, кабы не хотя нам здорovia.¹⁹ Что с такою враждою сотонинскою²⁰ поминки к нам посылати? Ано было²¹ его отпустити,²² а с ним отпустити²³ молодых чернцов. А поминков было в том²⁴ кручинном деле непригоже посылати. А ведь соборной он²⁵ старец ни прибавил, ни убавил ничево,²⁶

⁶⁵ доб. вам ТЦ. ⁶⁶ нет К. ⁶⁷ великое К. ⁶⁸⁻⁷⁰ тогда перед нами Т. ⁶⁹ нет Ц. ⁷⁰ тогда Ц. ⁷¹ есмь К. ⁷¹⁻⁷⁴ нет Ц. ⁷² себя Т. ⁷³ быть К. ⁷⁴ есмь К. ⁷⁵ распросить К, распросити Т. ⁷⁶ показать Т. ⁷⁷ что К, чтоб Ц. ⁷⁸ а что Ц. ⁷⁹ доб. и Т. ⁸⁰ скорбь Ц. ⁸¹ нет К. ⁸¹⁻⁸² исходу К. ⁸³ доводить Ц. ⁸⁴ удар. будто К, будто ся Ц. ⁸⁵ гораздно К, горазно Т. ⁸⁶ удар. говорите Ц. ⁸⁷ аз К. ⁸⁸ а КТЦ. ⁸⁹ сказывается К. ⁹⁰ яс К, доб. его Ц. ⁹¹ житействе Т. ⁹² нивисти Т, нивись Ц. ⁹³ и он и Т. ⁹⁴⁻⁹⁵ перестан. есть на сем свете чернцы ТЦ. ⁹⁶ чернец К. ⁹⁷ честити Ц. ⁹⁸⁻⁹⁹ нет ТЦ. ¹⁰⁰ доб. и Ц.

xxiii 1 сатанинское КЦ, сатонинское Т. ²⁻⁴ нет Т. ³ нет Ц. ⁵ тот Т. ⁶ души К, душу Ц. ⁷ отвечает Т. ⁸ есмь К. ⁹⁻¹⁰ перестан. не хотя потому К. ¹¹ себе Т, вас Ц. ¹² хотелось КТ. ¹³ себя ТЦ. ¹⁴ нет Ц. ¹⁵ гораздно К, горазно Т. ¹⁶⁻¹⁷ поминки прислали Ц. ¹⁸ еще Ц. ¹⁹ здравия Ц. ²⁰ сатанинскою КЦ, скотонинскою Т. ²¹ бы Ц. ²² отпустили Ц. ²³ отпустили Ц. ²⁴ таковом в ТЦ. ²⁵ нет Ц. ²⁶ доб. аз Т; ни отчего, аз Ц.

его не умёл унять, что захотёл — то врёл,²⁷ а мы чего^а захотели,²⁸ того слушали:²⁹ соборной старец не³⁰ испортил, ни починил ничего. А Варламу есмь³¹ не повёрлили ни в чём. А то есмь³² говорили,³³ бог свидетель и пречистая³⁴ и чудотворец, монастырьскаго для безчиния,³⁵ а не на Шеремётева гневаючися.³⁶ А будет³⁷ хтѡ³⁸ молвит, что так³⁹ жестоко,⁴⁰ ино су⁴¹ совет дати,⁴² по нёмощи сходя,⁴³ что⁴⁴ Шеремётев без хигрости болен, и он ежъ⁴⁵ в кельи⁴⁶ да⁴⁷ один с келёйником. А сход к нему на что, да пировати, а овощи в кельи⁴⁸ на што?⁴⁹ Досюдова⁵⁰ в Кириллове и⁵¹ иглы было и нити лишние⁵² в кельи⁵³ не держати,⁵⁴ не токмо что иных вещей. А двор за монастырём, да и запас на что? То все⁵⁵ беззаконие, а не нѹжа. А коли нѹжа,⁵⁶ и⁵⁷ он⁵⁸ ежъ в келии⁵⁹ как нищей⁶⁰ крѡму хлеба да звено рыбы, да чаша квасу. А свёрх того коли вы послабляете, и вы дайте⁶¹ колко⁶² хотите, только бы ёл один, а сходов бы да⁶³ пиров не было, как прѣже⁶⁴ сего⁶⁵ у вас же было. А кому к нему прийти бесѣды ради духовныя, — и он приди⁶⁶ не в трапѣзное время: ёствы бы и пития в те поры не было — ино то бесѣда духовная. А что пришлют⁶⁷ братья поминков, и он бы⁶⁸ отсылал в монастырьския службы, а у себя бы⁶⁹ в⁷⁰ келии⁷¹ никаких вещей не держал. А что к нему пришлют,⁷² то бы⁷³ разделяли⁷⁴ на всю братию, а не двема, ни⁷⁵ трема по дружбе и по страсти. А чего мало — ино держати⁷⁶ на время.⁷⁷ А инѡе что пригѡже, ино и⁷⁸ его тем покѡбити. А вы бы его в келии⁷⁹ и⁸⁰ монастырским всем покѡбили, только бы⁸¹ что безстрастно было. А люди бы его за монастырём не жили.⁸² А и⁸³ приедут от братни⁸⁴ з грамотою или з запасом и с поминьки, и они⁸⁵ поживи⁸⁶ дни два-три, да отпѣску⁸⁷ взяв да⁸⁸ поедь⁸⁹ прѡчь: ино так⁹⁰ ему покѡйно, а монастырью безмятежно. Слышали⁹¹ есмь⁹² ещё малы,⁹³ что такая крепость у вас же была, да и по иным монастырём, где⁹⁴ о бозе жителство имели. И мы сколько лутчего⁹⁵ знали, то и написали. А ныне естѣ прислали к нам грамоту, а отдѹху⁹⁶ от вас нет о Шеремётеве. А написано что говорил⁹⁷ вам нашим словом

^а В рукоп. два раза чего.

^б В рукоп. пропущено.

²⁷ враг Т. ²⁸ хотели Ц. ²⁹ слышали Т. ³⁰ ни Ц. ³¹ есмь К. ³² есмь К. ³³ говорил К. ³⁴ доб. богородица КЦ. ³⁵ безчия К. ³⁶ гневаючись К. ³⁷ буде К. ³⁸ кто КТЦ. ³⁹ так ТЦ. ⁴⁰ удар. жестоко КЦ. ^{41—42} совети Т, совети Ц. ⁴³ удар. сходя К; сходят ТЦ. ⁴⁴ что же Т. ⁴⁵ нет К, же Г. ⁴⁶ келии Ц. ⁴⁷ нет ТЦ. ⁴⁸ келье ТЦ. ⁴⁹ что ТЦ. ⁵⁰ Досюдова Т. ⁵¹ нет ТЦ. ⁵² лишней Т. ⁵³ келье ТЦ. ⁵⁴ держали КЦ. ⁵⁵ нет Т. ⁵⁶ нѹжа К. ⁵⁷ нет Т. ⁵⁸ ин Т. ⁵⁹ келье ТЦ. ⁶⁰ нищий Т. ⁶¹ дайте Ц. ⁶² сколько КТЦ. ⁶³ и ТЦ. ⁶⁴ прѣж К. ⁶⁵ того ТЦ. ⁶⁶ приди КТЦ. ⁶⁷ пришлят К. ⁶⁸ доб. то Ц. ⁶⁹ себя Т. ⁷⁰ нет ТЦ. ⁷¹ келье ТЦ. ⁷² доб. и ТЦ. ⁷³ б Ц. ⁷⁴ разделяли Т, роздал Ц. ⁷⁵ и не Т. ⁷⁶ держите ТЦ. ⁷⁷ удар. на время КЦ. ⁷⁸ нет ТЦ. ⁷⁹ келье ТЦ. ⁸⁰ нет Ц. ⁸¹ нет Т. ⁸² удар. не жили Ц. ⁸³ нет ТЦ. ⁸⁴ братья Ц. ⁸⁵ оне Ц. ⁸⁶ пожила К. ⁸⁷ отпѣску ТЦ. ⁸⁸ нет ТЦ. ⁸⁹ поеть К, поеди ТЦ. ⁹⁰ так Т. ⁹¹ Слышали Т. ⁹² есмь К. ⁹³ мало КТ, что мало Ц. ⁹⁴ нет Ц. ⁹⁵ лутче Т, лучше того Ц. ⁹⁶ отходу К, отдоху Т. ⁹⁷ удар. говорил Ц.

ста́рец Анто́ней⁹⁸ о⁹⁹ Ионе, о¹⁰⁰ Шеремётеве, да^{xxiv 1} о Аса́фе² Хаба-
ро́ве, чтобы́ ели в трапёзе з бра́тиею. И я́³ то приказыва́л⁴ мона-
сты́рьскаго д́ля чи́ну, и Шеремётев себѣ поста́вил кабы́ во⁵ опа́лу.
И я́⁶ сколько уразумѣ́л,⁷ и что́ слышал ка́к дѣлалосѣ⁸ у ва́с и по инѣм
крѣпким⁹ монасты́рем, и я́¹⁰ то и¹¹ написа́л, повѣ́ше сего, ка́к¹² ему́
жи́ти покойно в кѣ́ли,¹³ а¹⁴ монасты́рю безмяте́жно бу́дет: добро́ и вы́
по то́му учини́те¹⁵ ему́ покóй. А потому́ ли ва́м добро́ жа́ль Шеремѣ-
тева, что́¹⁶ жестоко́¹⁷ за него́ стоите, что́¹⁸ бра́тия его́ и¹⁹ ны́не не пре-
ста́нут в Кры́м посла́ть,²⁰ да бесерме́ньство на христиа́нство²¹ наво-
ди́ти? А Хаба́ров²² вели́ть²³ мне себѣ перево́диги²⁴ в выно́й монасты́рь:
и²⁵ я́з²⁶ ему́ не ходата́й скверно́му жити́ю. Али́²⁷ уже́²⁸ больно́^{6 19} надо-
ку́чило.³⁰ Ино́ческое жити́е не игру́шка. Три дни́ в че́рньцех,³¹ а семóй³²
монасты́рь. Да ко́ли бы́л в миру́ — ино́³³ о́бразы оклада́вати,³⁴ да кнѣ́ги
оболочи́³⁵ ба́рхаты,³⁶ да застѣ́шки и жо́ки³⁷ сере́бряны,³⁸ да на́лби из-
бири́ти,³⁹ да жи́ти⁴⁰ затворѣ́ся,⁴¹ да кѣ́льи⁴² ста́вити, да че́тки в рука́х.⁴³
А ны́не з братею⁴⁴ вме́сте е́сти ли́хо. Надобе́ че́тки не на скрижа́лах⁴⁵
ка́менных, но на скрижалех⁴⁶ се́рдцея плóтъян.⁴⁷ Я⁴⁸ ви́дал — по че́ткам⁴⁹
ма́терны лаю́т! Что́ в те́х че́тках? И⁵⁰ о Хаба́рове мне не́чего⁵¹ писа́ти
ка́к себѣ́ хо́чет⁵² — та́к дуру́ет. А что́ Шеремётев ска́зывает, что́ его́
болѣ́знь мне ве́дома: ино́ ведь⁵³ не все́х леже́нок д́ля разо́рйти зако́ны⁵⁴
святы́я.⁵⁵

Сия́⁵⁶ ма́ла от мно́гих изреко́х ва́м любви́ ра́ди ва́шей⁵⁷ и⁵⁸ ино́че-
скаго д́ля⁵⁹ жити́я,⁶⁰ им же⁶¹ са́ми мно́жае на́с ве́сте. А́ще хо́щете,⁶² —
обря́щете мно́го в бо́жественном писа́нии.⁶³ А на́м к ва́м⁶⁴ бо́лши то́го
писа́ти⁶⁵ невозмо́жно, да и писа́ти не́чего. У́же⁶⁶ ко́нец мои́х словѣ́с
к⁶⁷ ва́м. А впе́ред⁶⁸ бы́ естѣ́ о Шеремётеве⁶⁹ и о инѣ́х о⁷⁰ безле́пицах
на́м не докуча́ли: на́м о⁷¹ то́м ника́ко⁷² отве́ту не дава́ти.⁷³ Са́ми ве́даете:
ко́ли благо́честие не потре́бно, а нечѣ́стие любо́! А Шеремётеву хоти́⁷⁴

⁴ В рукоп. приказывал.

⁶ В рукоп. большое.

⁹⁸ Антоний Ц. ⁹⁹ и о Ц. ¹⁰⁰ нет КЦ.

xxiv¹ доб. и К. ² Иоасафе Ц. ³ яз Т, аз Ц. ⁴ удар. приказывал КЦ.
⁵ в КТЦ. ⁶ яз Т, яз Ц. ⁷ вразумел Т, разумел Ц. ⁸ делалось КТ. ⁹ доб.
добрым Т. ¹⁰ яз Т, аз Ц. ¹¹ нет ТЦ. ¹² а как Ц. ¹³ келье ТЦ. ¹⁴ и Ц.
¹⁵ чините Ц. ^{16—18} нет Ц. ¹⁷ жестоко К. ¹⁹ нет ТЦ. ²⁰ посылати ТЦ.
²¹ крестьян К, христиан Т. ²² Хобаров Ц. ²³ велит К. ²⁴ переводить Ц.
²⁵ а К. ²⁶ я К. ²⁷ а КТЦ. ²⁸ удар. уже́ К. ¹⁹ большое КЦ, большее Т.
³⁰ докучило КТ. ³¹ че́рньцах Ц. ³² седмой КЦ, семо Т. ³³ и он Г. ³⁴ кладыва-
вати К, окладывал Т. ³⁵ оболочити К, оболочати Т, оболочивати Ц. ³⁶ барха-
том Т. ³⁷ жуки КЦ, жуочки Т. ³⁸ серебряные К. ³⁹ збирати КТ. ⁴⁰ шити Т.
⁴¹ затворяся Т. ⁴² келья ТЦ. ⁴³ доб. носити Ц. ⁴⁴ братиею КТЦ.
⁴⁵ скрижалех К; скрижалех на ТЦ. ⁴⁶ скрижалех К, скрижалех ТЦ. ⁴⁷ плотя-
ных К. ⁴⁸ Яз Т, Аз Ц. ⁴⁹ четком Т. ⁵⁰ А К. ⁵¹ нечево Ц. ⁵² хо́чет К.
⁵³ ве́ть Т. ⁵⁴ закон К. ⁵⁵ бо́жия Ц. ⁵⁶ нет Ц. ⁵⁷ ва́шая К. ⁵⁸ нет Ц.
⁵⁹ ради К. ^{60—61} иже Ц. ^{62—63} перестан. много в божественном писании сами
обря́щете Ц. ^{64—65} перестан. писа́ти бо́лши то́го Ц. ⁶⁶ удар. У́же́ К, Се
уже́ ТЦ. ⁶⁷ нет ТЦ. ⁶⁸ впе́ред К. ⁶⁹ Шереметевых Т. ⁷⁰ доб. таких ТЦ.
⁷¹ в ТЦ. ⁷² нет Ц. ⁷³ давявати К. ⁷⁴ хоть К, хотя ТЦ.

и⁷⁵ золотыя⁷⁶ сосуды⁷⁷ скүйте⁷⁸ и чйн царской⁷⁹ устрóйте, — то вы вéдаете. Уста́вьте⁸⁰ с Шеремéтевым своё предание, а чюдотвóрцово отложíte:⁸¹ бóдет тák добрó.⁸² Как лóтче, тák дéлайте!⁸³ Сами вéдаете как себé с нйм хотíte, а мне⁸⁴ до тогó ни до чегó дéла нет! Вперёд⁸⁵ о тóм не докучáйте: войстинну ни о чéм не отвéчивати.⁸⁶ А что́ вéсну⁸⁷ съ⁸⁸ к вам Собáкины от моегó лицá злокóзненную⁸⁹ прислáli грáмоту, — и вы́ бы с ны́нешним⁹⁰ моём писáнием сложйли и по слóбгням⁹¹ разумéли, и потомú вперед безлéпицам вéрили.⁹²

Бог же мíра и пречистыя⁹³ богородицы милость,⁹⁴ и чюдотвóрца Кири́ла молитвы⁹⁵ бóди со все́ми вами⁹⁶ и нами.⁹⁷ Амíнь. А мы́ вам, госпóдие⁹⁸ мой и отцы, челóм биём⁹⁹ до лицá земнаго.

⁷⁵ нет К. ⁷⁶ золотые ТЦ. ⁷⁷ суды ТЦ. ⁷⁸ скүйте Ц. ⁷⁹ церковной К.
⁸⁰ Устав Т. ⁸¹ удар. отложíte К. ⁸²⁻⁸³ Так лучше и делайте Ц. ⁸⁴ доб. то К.
⁸⁵ Впредь КЦ. ⁸⁶ отвечати Т, отвещевати Ц. ⁸⁷ весной Т, вéстно Ц.
⁸⁸ нет Т, ся Ц. ⁸⁹ злокозную Ц. ⁹⁰ нынешным К. ⁹¹ главизнам ТЦ. ⁹² не верили Ц.
⁹³ пречистые Т. ⁹⁴ молитвы КЦ. ⁹⁵ нет Ц. ⁹⁶⁻⁹⁷ нет Т.
⁹⁸ государя К. ⁹⁹ бьем К.

М. О. СКРИПИЛЬ

Повесть о Тимофее Владимирском

1

Повесть о Тимофее Владимирском крепко связана с древне-русским бытом и историей. Правда, ее со всех сторон обступают сходные литературные факты. Так, некоторыми особенностями своего содержания близок к ней рассказ „Звезды Пресветлой“ (Глава XV, рассказ 5-й), на сходную с ней тему написана одна из новелл „Великого Зерцала“ (по сборнику II типа № 250) и проч. Но все это не что иное, как простое совпадение. Повесть о Тимофее Владимирском значительно старше русских переводов „Звезды Пресветлой“, ее дополнительной XV главы и русского перевода „Великого Зерцала“. Фабула повести, насыщенная конкретным историческим содержанием, прикрепляет ее к определенной эпохе в жизни Русского государства. Нет оснований сомневаться в ее оригинальности.

Повесть о Тимофее Владимирском начинается словами, внимание к которым дает возможность очень точно приурочить ее фабулу к определенному времени: „Бысть в великом княжении Российския земли при великом князе Иоанне Васильевиче и при святейшем Филиппе митрополите во граде Владимире презвитер некий, именем Тимофей“. Упоминание имени великого князя Ивана Васильевича отсылает нас или к Ивану III или Ивану IV. При Иване III митрополичью кафедру занимал Филипп I, при Иване IV — Филипп II. К какому же княжению относится фабула повести о Тимофее Владимирском? Приурочение фабулы повести ко времени Ивана IV отпадает, так как ее хронология не находит полного соответствия с историческими фактами этой эпохи. В повести говорится о разрешении пресвитеру Тимофею возвратиться из Казани на Русь в княжение Ивана Васильевича и при митрополите Филиппе. Но митрополит Филипп II занял митрополичью кафедру лишь в 1564 г., т. е. 12 лет спустя после покорения Казани. Затем, в повести Иван Васильевич именуется „великим князем“ и Русская земля — „княжением“. Иван IV, как известно, уже в 1547 г. принял титул царя. Наименование его только „великим князем“ в 70-е годы

XVI в. было бы немислимым для вполне грамотного автора повести о Тимофее Владимирском. Более вероятным, поэтому, является предположение, что в повести о Тимофее Владимирском имеется в виду княжение великого князя московского Ивана III (1462—1505 гг.).

Иван III вступает на великокняжеский московский престол в 1462 г., а в 1464 г. митрополичью кафедру занимает митрополит Филипп I. Иван III продолжает объединительную политику своих предшественников — московских великих князей: в 1478 г. он наносит окончательный удар новгородской самостоятельности; падение Новгорода предрешает судьбу Тверского княжества, к которому со всех сторон подступили московские владения, и в 1485 г. оно оказывается уже присоединенным к Москве; вскоре после этого часть Рязанского княжества также переходит к Ивану III по завещанию одного из рязанских князей. К концу княжения Ивана III образование единого централизованного Русского государства становится совершившимся фактом. Оно было подготовлено и экономическим развитием страны, и, особенно, интересами обороны ее от внешних врагов. На востоке Европы, говорит И. В. Сталин, „интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия“.¹

Опираясь на поддержку церкви, дворянства и посадского населения, Иван III высоко поднимает авторитет великокняжеской власти как внутри государства, так и в международных отношениях и связях. Русское государство при Иване III завязывает дипломатические отношения и обмен посольствами с Римом, Венецией, германским „цесарем“, Турцией, Персией и другими странами. Во внешней политике Иван III проявляет осторожность, хитрость, предусмотрительность, и в то же время — смелость и решительность. При нем резко изменяется политика по отношению к Золотой орде и другим татарским ханствам: Иван III уже не ездит в Орду и отказывается платить дань татарам. В 1480 г. Русское государство окончательно освобождается от татарского ига. Но кроме Золотой орды, у Москвы был и другой враг — Казанское ханство. Казанское ханство являлось серьезной угрозой для восточных окраин Русского государства. Казанские татары во время своих набегов опустошали долину Волги и доходили по притокам Волги до Вятки и Устюга. Вятчане и устюжане, в свою очередь, нападали на земли казанских татар. Прекращение этой непрерывной войны на восточных границах Руси становилось большой государственной задачей. Борьба с казанскими татарами оказывалась частью общей борьбы за объединение русских земель. Но для Ивана III было ясно и более широкое значение борьбы с Казанью. Казань привлекала его своим удобным географическим положением: завоевание Казани не только дало бы возможность прекратить постоянные воен-

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 5, стр. 34.

ные столкновения с татарами и расширить территорию московского княжества, но и открыло бы путь к низовью Волги, к Каспийскому морю, что диктовалось возросшими торговыми интересами Москвы. Поход Ивана III на Казань в 1467 г. был его первым крупным походом, но закончился он неудачно. К 80-м годам положение Казанского ханства значительно ухудшилось. Ослабление Золотой орды сказалось и на его военной мощи, так как теперь оно потеряло своего главного союзника. В 1487 г. под Казань была отправлена большая московская рать, русские осадили город и после долгой осады помогли занять ханский престол Мухаммед-Эмину, придерживавшемуся московской ориентации. Вмешательство Ивана III во внутреннюю жизнь Казанского ханства усилило враждебное отношение к Москве среди феодальной знати Казани. Это привело к еще более частым набегам казанских татар на московские владения. Ивану III, не покорившему Казани, приходилось вести по отношению к ней особо осторожную политику, приобретая себе сторонников внутри самого Казанского ханства.

Фабула Повести о пресвитере Тимофее становится вполне понятной и объяснимой на фоне этой конкретной исторической обстановки. В отношении хронологии ее развязка лучше всего соотносится со временем между 1467 г. и 1473 г., т. е. первым неудачным походом Ивана III на Казань и смертью митрополита Филиппа I. Повесть отражает, таким образом, очень сложный и напряженный момент во взаимоотношениях Москвы и Казанского ханства. Она отличается политической направленностью, понятной современникам событий. Прощение пресвитера Тимофея князем и митрополитом несомненно свидетельствует об этой направленности. За внешне религиозной мотивировкой решения князя и митрополита проступают подлинные черты этого решения как определенного политического акта, согласного с общей политикой Москвы по отношению к Казанскому ханству в 60—70-е годы XV в. Пресвитер Тимофей, совершив преступление, оставляет семью и тайно, переодевшись „в воинскую одежду“, бежит „на чужую страну в поганую землю татарскую, в Казань“. Следовательно, Тимофей рассчитывает, что в Казани он окажется недоступным для русских властей. Здесь он отрекается от христианства, „бусарманскую веру прият“, и переходит на службу к казанскому царю, очевидно, выдавая себя за воина, „и воевода в Казани храбр бысть, и часто посылая его царь с татары своими Русския земли воевати“. Таким образом, над ним тяготееют преступления, подсудные и духовному и светскому суду. Поэтому-то он и просит отпускную грамоту „за двумя печатма“ — печатью митрополита и князя. И митрополит и князь прощают Тимофея: „и наказавше звати его, чтобы ехал к Москве безо всякия боязни и да будет честен в службе великому князю“. Во всем этом — живые черты быта и истории XV в., осторожной и трезвой политики Ивана III в эпоху, когда Казань еще сохраняет свою самостоятельность.

2

Фабулу Повести о Тимофее Владимирском можно приурочить только к эпохе Ивана III.

Но приурочением фабулы повести к эпохе Ивана III еще не пред-
решается вопрос о том, когда она была написана. Повесть дошла до
нашего времени в поздних списках, списках не старше XVII в., и мы ни-
чего не знаем об обстоятельствах и времени ее создания. Правда, одна
из нескольких групп списков повести, которую мы считаем 1-м вари-
антом 1-й редакции, подсказывает нам весьма заманчивую гипотезу,
гипотезу длительного существования повести в устной традиции и после-
дующей записи ее книжником. „Сия же повесть, — читаем мы в списках
этой группы, — много лет не написана бысть, но тако в людех в повестех
ношашеся. Аз же слышах от многих сие и написах ползы ради про-
читающим...“¹ Как отнестись к этому свидетельству списков повести?
Было ли оно в оригинале повести? Текстологическое изучение повести
убеждает нас в том, что, во всяком случае, в прототипе всех известных
в настоящее время списков повести это свидетельство было.

Интересующее нас окончание повести мы находим не во всех ее
списках. Часть из них, поздних по времени своего возникновения
и принадлежащих к группе списков с этим окончанием, искажает или
отбрасывает его [ГИМ. Уваров. № 2053 (1084), XVIII в.; ГИМ. Щукин.
№ 692, XVIII в.; ГПБ. Погод. № 1603, XVIII в.; ГИМ. Востряк.
№ 1156, 1828 г.]. Несколько труднее объяснить отсутствие этого окон-
чания в небольшой группе списков, передающих текст повести в отно-
сительно архаичных чертах [ГИМ. Уваров. № 1895 (851), XVII в.;
ГПБ. Титов. № 913 (2468), XVII в.; Список А. М. Лазаревского,
XVII в.; ГПБ. Q. IV. № 378, XVIII в.; ГПБ. № 19, XVIII в.]. Эта
группа списков по составу характерных для нее разночтений пред-
ставляет собой особый вариант повести. Вопрос о наличии или отсутствии
в прототипе повести окончания с указанием на существование повести
в устной традиции можно решить, только решив вопрос о старшинстве
того или другого из двух вариантов повести. Сопоставляя тексты
повести по двум ее вариантам, мы видим, что для второго варианта
характерно последовательное сокращение первоначального текста.
Приводимые ниже примеры, думаем, подтверждают правильность этого
наблюдения.

¹ Цитирую по списку ГПБ. Q. XVII. 199, XVIII в. Такое же окончание в списках:
ГИМ. Уваров. № 1912 (157), XVII в.; Библ. им. В. И. Ленина, Большак. № 391,
1709—1710 гг.; ГИМ. Барсов. № 2134, к. XVII в.; Библ. им. В. И. Ленина, № 1529
(Бедаев. № 23), XVIII в.; ГПБ. О. I. № 72 (Толст. II. 85), XVIII в.; ГПБ. Титов.
№ 540, XVIII в.; Институт истор. языка и литер. Карело-Финской базы АН СССР
№ 47 (167), XVIII в.; БАН. 21.8.10 (Сев. 695), XVIII в.; ГИМ. Хлудов. № 36. XIX в.;
Институт истор. языка и литер. Карело-Финск. базы АН СССР № 208, XIX в.

I вариант
по списку ГИМ Уваров. № 1912 (157)
XVII в.

В первую убо неделю святого и великаго поста обычаи имут православнии християне, боголюбивии людие, — мужи и жены и младыя дети поститися всю неделю. И, постившися, в пяток вечера ко отцем духовным на покаяние приходити и от грех очищаются и в субботу на литургии примати пречистое тело и кровь Христа бога нашего.

И утаяся всех людей, да не явлен будет властем града того и про то бы ему злою смертию от них не умрети, и оседла конь свои.

Отрок же взем влагалище из-за пазухи своея и разверзь е и выняв из него грамоту за двама печатми запечатану и вдасть ему.

II вариант
по списку ГИМ. Уваров. № 1895 (851)
XVII в.

В первую убо неделю великаго поста обычаи имут православнии християне боголюбивии — мужие и жены и младыя дети поститися во всю неделю и ко отцу духовному на покаяние приходити

и примати
тело и кровь господа
нашего Иисуса Христа.

Поп же утаяся всех людей, ту сущих,

и оседла
коня своего.

Отрок же взем

грамоту

и даде ему.

Учитывая эту тенденцию второго варианта повести последовательно сокращать первоначальный текст, можно предполагать, что сокращение коснулось и окончания повести и что в прототипе всех дошедших до нашего времени списков окончание было в своем полном виде. Каково же значение этого окончания? Возможно, что автор действительно слышал устный рассказ о необычной судьбе Тимофея. Но может быть смысл окончания совсем в ином. Может быть это только обычное для древне-русского писателя умаление своих авторских заслуг.

Если повесть написана на основании устного рассказа, это может свидетельствовать о ее создании во время, близкое к самому событию, так как в длительной устной передаче пострадала бы фактическая сторона рассказа и весь рассказ в большей или меньшей степени приобрел бы фольклорные черты.

Если же ссылка автора на устный источник только литературный прием, то решение вопроса о времени написания повести несколько осложняется. Можно только предполагать, что такое поразительное совпадение повести и в идейном отношении и в самом содержании с эпохой Ивана III вряд ли могло бы создаться, если бы она была написана в отдаленное от этой эпохи время.

Вернее всего, Повесть о Тимофее Владимирском написана на грани XV—XVI вв.

3

Лег ли в основу фабулы Повести о Тимофее Владимирском конкретный, имевший место в жизни, случай, или автор, преследуя свои особые цели, создал фабулу повести, учитывая возможность подобных происшествий в знакомой ему исторической обстановке, — это, конечно, останется неизвестным. Но важно то, что фабула повести оказалась достаточно емкой для того, чтобы автор мог поставить ряд интересовавших его вопросов. Он, прежде всего, декларативно заявляет о своем намерении показать, как даже исключительный грешник путем покаяния может „в первое (первоначальное) благочестие“ возвратиться. Попутно с художественным показом этого на судьбе своего героя автор повести ясно обнаруживает интерес и свое отношение к вопросу о „восточной“ политике Русского государства последней четверти XV в., имевшему особое значение в это время.

Нам сейчас очень трудно определить, какой из поднятых автором повести вопросов стоял на первом плане в его собственном сознании. Но то, как развивается фабула повести, как настойчиво автор подчеркивает, что преступление Тимофея не исчерпывается святотатством, а является преступлением и против государства — государственной изменой, свидетельствует о том, что самые интересные идеи повести далеко выходили за круг морально-религиозных представлений ее автора. Поступок князя приобретал в глазах автора повести значение политического акта. Чудесное явление Тимофея после смерти во сне отроку с извещением, что он, Тимофей, „приях прощение грехов своих и царствию небесному причастник быв“, божественным авторитетом подкрепляет правильность решения князя и отражает положительную оценку этого решения автором повести. Пред нами ясно обрисовывается лицо автора повести, как человека, сумевшего ориентироваться в сложной политической обстановке своего времени, правильно понявшего политику Ивана III в отношении Казанского ханства и оправдывавшего ее.

Можно не сомневаться в том, что для современников автора повести о Тимофее Владимирском этот, кажущийся нам теперь скрытым, смысл повести был вполне доступен. Художественная манера автора повести не является чем-то исключительным для своего времени. Наоборот, эта манера была обычной для определенного, довольно широкого, круга произведений литературы XV в., которым, нам кажется, позволительно было бы присвоить наименование легендарно-политических сказаний. История литературы, как мы уже указывали, вплоть до наших дней все еще оперирует тем запасом этих произведений, который в свое время определил И. Н. Жданов. А между тем, круг легендарно-политических сказаний несравненно шире, чем это представлялось И. Н. Жданову,¹ и в связи с их изучением возникает ряд интереснейших

¹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895.

историко-литературных и теоретико-литературных проблем. Оказывается, что от них тянутся нити и к древне-русской оригинальной повести и к древне-русской публицистике.

По своей тематике легендарно-политические сказания, обычно, связаны с острыми моментами политической жизни северо-восточных русских княжеств и областей XV—нач. XVI в. Иногда они идут по свежим следам исторических событий. Но чаще всего они отражают более позднее осмысление события, изменение взглядов на него, переоценку его, когда яснее обозначается значение события в исторических судьбах народа. Таковы, например, легендарно-политические сказания об Иване Калите.¹ Или же легендарно-политические сказания как бы предвосхищают события, предсказывают их, выражая этим чаяния и надежды определенных социальных групп. Это характерно для таких крупнейших произведений этого ряда, как повести о Вавилоне-граде, легендарные эпизоды повести о взятии Царьграда Нестора-Искандера и др. Но во всех случаях при создании легендарно-политических сказаний в руках писателей гибким и удобным материалом оказывалась легенда. Она легко подчинялась различной интерпретации и давала возможность в авторитетных и доступных широким народным массам формах освещать различного рода исторические факты так, как того требовала определенная политическая ситуация общегосударственной или местной областной жизни в данный момент. В легендарно-политических сказаниях находило свое выражение тенденциозное освещение межобластных споров. В них отражалась оппозиция объединительной политике Москвы, оппозиция для XV—нач. XVI в., обычно, уже запоздавшая и бессильная, но все еще свидетельствующая о враждебных отношениях к Москве отдельных местных общественных групп. Они же, наконец, являлись излюбленным средством в руках московских писателей XV—нач. XVI в. в утверждении московской идеологии.

Повесть о Тимофее Владимирском и по своему идейному содержанию и по своей художественной манере близко стоит к легендарно-политическим сказаниям. В ней—оправдание политического курса Русского государства в „восточном вопросе“. В ней—обращение к легенде как к одному из элементов художественно-изобразительной системы. Все это позволяет говорить, что повесть *примыкает* к этой группе произведений. Но не более. Во многом она уже отходит от легендарно-политических сказаний, круг ее идейно-художественных задач несколько шире.

Герой как личность со своим индивидуальным характером, особенностями которого сказываются на его поступках и на его судьбе,— вот то новое, что с особой выразительностью обнаруживается в повести. Тимофей—порывистый, несдержанный, крайне эмоциональный—в самом себе хранит возможность той необычной участи, которая пости-

¹ ГИМ. Чудов. № 314. Миней-четья, 1600 г., л. 21.

гает его. От первого преступления и до смерти, наступившей от радостного волнения, Тимофей встает перед нами как цельная личность, как определенный характер. В этом отношении Повесть о Тимофее Владимирском сближается с некоторыми другими произведениями XV—нач. XVI в., особенно же с Повестью о Петре царевиче Ордынском и Повестью о Луке Колоческом, развитие фабулы которых также определяется основными особенностями характеров их главных героев.

Повесть о Тимофее Владимирском известна нам в 24 списках. Литературная история ее не отмечена яркими и значительными этапами. Изменения ее текста не выходят из круга мелких разночтений и перифраз. Поздняя попытка придать ей сугубо клерикальный вид, засвидетельствованная одним из списков XVIII в. (ГИМ. Барсов. № 934), не поднимается до значения литературной редакции.

Текст повести о Тимофее Владимирском, таким образом, не подвергался сознательным переделкам, редактированию с целью изменения идейного смысла и стиля ее. Но движение текста во всей массе списков повести в смысле накопления новых чтений весьма значительно. Учитывая то, что это явление характерно и для списков повести XVII в., мы можем с большой долей уверенности утверждать, что к этому времени она уже успела пройти длинный путь своей литературной жизни. Данные текстологического изучения повести о Тимофее Владимирском не опровергают, а подтверждают предположение о ее раннем возникновении.

По состоянию текста все списки повести о Тимофее Владимирском можно разбить на две группы: первая — АБВГДЕЖЗИКЛМНОПРСТ, вторая — УФХЦЧШ. В пределах каждой группы списки расположены нами в порядке иссякающих связей с архетипом повести.

Приводим перечень списков повести.

1. ГИМ. Уваров. № 1912 (157), XVII в., лл. 135 об.—147. Обозначение А

Заглавие: „Притча о прозвитере, впадшем в великий грех в тязькии“.

Начало: „Бысть в руской земле в княжение царя и великаго князя Ивана Васильевича московскаго и всея Русии при митрополите Филипе. Бе в граде Владимире презвитер некий живя, именем Тимофеи. Случися ему быти по божию попущению искус сицев на пагубу души его“.

Окончание: „Отроку же тому князь великий и митрополит все имение Тимофеево отда, великое богатество. Еще же и к тому князь великий и земли удел даде ему.“

Сия же повесть много лет не написана бысть, но тако в людех в повестех ношашеся. Аз же слышах от многих сие и написах ползы ради прочитающим, да не отчаются грешницы спасения своего, но притячют ко всемилостивому господу истинным покаянием и отпущение грехов получают, и жизни вечней сподобляются и в бесконечныя веки на небеси с праведными имут царствовати“.

2. Библ. им. В. И. Ленина, Большак. № 391, 1709—1710 гг., лл. 195—201. Обозначение Б

Заглавие: „Повесть о некоем презвитере, впадшем в великий грех тяжкий“. Во всем остальном список этот совпадает со списком ГИМ. Уваров. № 1912 (157).

3. ГИМ. Барсов. № 2134, к. XVII в., лл. 215 об.—226 об. Обозначение В

Заглавие: „О некоем презвитере, содеявшем грех з девицею в церкви, и отехав в Казан, порудив христианскую веру, и гонитель христианом, и тако покаявшеся умре“.

Начало: „Бысть в державе российского государства в княжение царя и великого князя Ивана Василиевича Московского и всеа Росии и при митрополите Филиппе. Бе во граде Владимире презвитер некий живяше, именем Тимофей. Случися ему быть по божию попущению искус сицев на пагубу души его“.

Окончание совпадает с окончанием списка ГИМ. Уваров. № 1912 (157).

4. Библ. им. В. И. Ленина. № 1529 (Беляев. № 23), XVIII в., лл. 191—194 об. Обозначение Г

Заглавие: „О презвитере впадшем в великий грех“.

Начало: „Бысть убо во княжение царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея Росии и при митрополите преосвященном Филиппе всея Росии. Бе во граде Владимире живяше некий презвитер именем Тимофей. Случися ему быти по божию попущению искус сицев на пагубу души его“.

Окончание совпадает с окончанием списка ГИМ. Уваров. № 1912 (157).

5. ГПБ. Q. XVII. 199, XVIII в., лл. 187—191 об. Обозначение Д

Заглавие: „Повесть о презвитере, впадшем в великий грех тяжкий, иже бысть в Руской земли в княжение государя и великаго князя Ивана Васильевича московскаго и всея Руси и при митрополите Филиппе“. На полях надпись: „Писано из Степенной“.

Начало: „Бе во граде Владимире презвитер некий живыи, именем Тимофей. Случи же ся ему быти по божию попущению искус сицев на пагубу души его“.

Окончание: „Князь же и митрополит все имение тимофеево повелеста отроку тому отдати. Еще же к тому князь и земли удел даде ему. Сия же повесть многа лет не написана бысть, но тако в людех в повестех ношашеся. Аз же слышах от многих сие и написах ползы ради прочитающим, да не отчаются согрешившии спасения своего, но притекут ко всемилостивому богу истинным покаением и отпушение грехов получат, и жизнь вечную сподобятся прияти и в безконечныи веки на небеси с преподобными имут царствовать. Аминь“.

6. ГПБ. О. I. № 72 (Толст. II.85), XVIII в., лл. 119—123. Обозначение Е
 Список этот во всем подобен списку ГПБ. Q. XVII. 199.
 Над заглавием надпись: „Книга Степенная“.

7. ГПБ. Титов. № 540, XVIII в., лл. 1—8. Обозначение . . . Ж

Список этот во всем подобен списку ГПБ. Q. XVII. 199.

8. Институт истории, языка и литературы Карело-Финской базы АН СССР № 47 (167), XVIII в., лл. 2—7 об. Обозначение . . . З

Список этот во всем подобен списку ГПБ. Q. XVII. 199.
 Он обрывается на словах: „И советовавши между себе князь же и митрополит и написавше грамоту и запечатавше своими печатями и послаша со отроком к бусорману тому и прощение ему, покаявшемуся и возвратившемуся от тмы во свет, сказа“...

9. БАН. 21. 8. 10 (Сев. 695), XVIII в., лл. 127—143 об. Обозначение И

Заглавие: „Из книги Степенной Слово о попе“.

Начало: „Бе во граде Владимире пресвитер некий живый, именем Тимофей. Случи же ся ему быти по божию поущению искус сицев на пагубу души его“.

Окончание: „Князь же и митрополит все имение тимофеево повелеста отроку тому отдати. Еще же к тому князь же и земли удел даде ему.“

Сия же повесть много лет не написана бысть, но тако в людех и повестех ношашеся. Аз же слышах от многих сие и написах пользы ради слышащим, да не отчаются согрешившии спасения своего, но притекут ко всемиловитому богу истинным покаянием и отпущение грехов получат, и жизнь вечную сподобятся прияти и в бесконечныя веки на небеси с преподобными имут царьствовати. Аминь“.

10. ГИМ. Хлудов. № 36^а, XIX в., лл. 186 об.—196. Обозначение К

Список этот во всем совпадает со списком БАН. 21. 8. 10 (Сев. 695).

11. Институт истории, языка и литературы Карело-Финской базы АН СССР № 208, XIX в., лл. 139—161. Обозначение Л

Для заглавия оставлено пустое место; во всем остальном список этот совпадает со списком БАН. 21. 8. 10 (Сев. 695).

12. БАН. Арханг. собр. № 429, XVII в., лл. 480—483 об. Обозначение М

Заглавие: „Повесть о пресвитере впадшем в тяжек грех“.

Начало: „Бысть в княжение Российския земли великаго князя Иоанна Василиевича московскаго и при митрополите Филиппе. Бе во граде Владимире пресвитер некий живяше, именем Тимофей. Случися ему быти по божию поущению искус сицев на пагубу души его“.

Окончание: „Великий же князь возврати ему все, елико он привезе с собою, и удели часть некую князь великий российския земли пленнику тому, веля ему жити тамо. Отрок же той, пржде бывый пленник, отиде на свой уделок и купи села, рабы и рабыни, и обогате велми и прослави Христа бога нашего, творящаго дивная и славная.“

И сия повести в летописцех не обретох, но в повестех обношашеся, и написах великия ради душеполезныя ползы, да не отчаются грешницы спасения своего“.

13. ГИМ. Муз. № 3033, XVIII в., лл. 10—16. Обозначение Н

Заглавие: „Повесть о презвитере, впадшем в тяжек грех, и бысть варваром“.

Начало: „Бысть во граде Владимире презвитер некии живуший, именем Тимофей. Случися ему быти по дияволю навету искус сицев на пагубу души его“.

Окончание как в списке БАН. Арханг. Собр. № 429.

14. ГИМ. Уваров. № 2053 (1084), XVIII в., лл. 309 об.—321. Обозначение О

Заглавие: „Повесть о некоем пресвитере, иже впадшем в тяжкия грехи и прощение от бога получи. Сия повесть в недавних годех содеяся во граде Владимире, дивная“.

Начало: „Бысть в княжение Российския земли великаго князя Василия Иоановича московскаго и всеа России при митрополите Филиппе всеа России. Бысть во граде Владимире пресвитер некии живяше, именем Матфей. Случися ему быти по божию попущению искус сицев на пагубу души его“.

Окончание: „И отда князь отроку тому все богатство, елико имяше он, что привезе с собою от оного варвара. И еще ему удели князь часть земли и повеле ему жити на той земли. Отрок же той отиде на свое место, данное ему от князя на удел, и нача жити, богато и оженився, купи себе раб и рабынь, и прослави бога за толикую его милость и благодеяние, славяще бога во веки. Аминь“.

15. ГИМ. Шукин. № 692, нач. XVIII в., лл. 57—67 об. Обозначение П

Список этот во всем подобен списку Уваров. № 2053.

16. ГПБ. Погод. № 1603, XVIII в., лл. 291—303 об. Обозначение Р

Заглавие: „О ином пресвитере повесть удивительная, иже впадшем в тяжкия грехи и прощение от бога получи. Сия повесть содеяся во граде Владимире, како он в великий пост первыя недели на исповеди в церкви некую девицу от великих вельмож исповеда и растлию и потом уйде в Казанское царство и обасурманися и жил в таком блате л лет и покайся“.

Во всем остальном список этот подобен списку ГИМ. Уваров. № 2053 (1084).

17. ГИМ. Барсов. № 934 (старые №№ 139 и 202), XVIII в., лл. 2—17.

Обозначение С

Заглавия нет. Предисловие: „Во дни благочестивыя Российския державы благовернаго великаго князя Иоанна Васильевича московскаго и всея России самодержда при преосвященном митрополите Филиппе первом сицевое благоутробие Христа бога нашего над грешником бысть предстательством ради и милостиваго ходатайством преблагословенныя и всеи пречистыя его матере владычицы наша богородицы и присно девы Марии, христианския заступницы и грешных истиннаго и несумнительнаго прибежища и известныя отчаянных и непостыдныя и непогрешительная надежды“.

Начало: „Во преславнейшем граде Владимире живяше некий пресвитер, именем Тимофей, благоговейн и бояся бога“.

18. ГИМ. Востряк. № 1156, 1828 г., лл. 86—90. Обозначение Т

Заглавие: „Слово страшное и предивное о пресвитере, которой в тяжек грех впадше“.

Начало: „В бытность княжения Российския земли великаго князя Иоанна Васильевича московскаго и всея России и при святейшем митрополите Филиппе во граде Владимире бе пресвитер, именем Тимофей. Случися ему по божию попущению, а диавольскому навождению быти искусу таковому на пагубу души его и тела“.

Окончание: „Великий же князь и митрополит благослови отрока, имение же за службу его.“

Князь же и митрополит повеле сию повесть сего чудеси божия в писании в народ предати на пользу слышащим, дабы всеусердно господа нашего Иисуса Христа всякий христианин моление теплое и крепкое от сердечнаго въздыхания приносил за толикое к человеколюбию щедрое милосердие. Таково бо есть чистое покаяние душу и тело из зверских недр освобождает. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь“.

19. ГИМ. Уваров. № 1895 (851), к. XVII в., лл. 180—186. Обозначение У

Заглавие: „Слово о презвитере Тимофее, впадшем в тяжек грех“.

Начало: „Бысть в великом княжении Российския земли при великом князе Иоанне Васильевиче и при святейшем Филиппе митрополите во граде Владимире презвитер некий, именем Тимофей. Случися ему быти по божию попущению сицевый грех на пагубу души его“.

Окончание: „Отроку же тому все отдаша, взятое у Тимофея богатство, еще же и земли ему уделом уделиша.“

Сие же написася на ползу слышащим и прочитающим, да не отлучатся своего спасения. Богу нашему слава всегда и ныне и присно и во веки веком. Аминь“.

20. ГПБ. Титов. № 913 (2468), XVII в., лл. 3—14 об. Обозначение Ф
 Список этот во всем подобен списку ГИМ. Уваров. № 1895 (851).

21. Список А. М. Лазаревского, XVII в. (Изд. „Памятн. старинн. русск. литературы“, вып. 1, СПб., 1860, стр. 195—197). Обозначение X
 Список этот во всем подобен списку ГИМ. Уваров. № 1895 (851).

22. ГПБ. Q. IV. № 378 (Буслаев. № 75), XVIII в., лл. 395 об.—401 об. Обозначение Ц
 Заглавие: „Сказание о презвитере, впадшем в тяжек грех, велми полезно“.

Начало: „Бысть в княжение Руские земли при великом князе Иоанне Васильевиче московском и всея Руси и при святейшем митрополите Филиппе. Бысть же сице во граде Владимире презвитер некий, именем Тимофей. Случися ему быти по божию попущению, а по действию сатанину сидевый грех на пагубу души его“.

Окончание: „И что данное от преже бывшаго иерея Тимофея отроку тому богатство великий князь и великий святитель повелеша все отдати. Еще же и своим милосердием великий князь одари отрока того, земли уделиша и повеле дати ему такова ради духовнаго ходатайства.“

Се же написася на ползу слышащим и прочитающим, паче же грешным ко спасению, да не удаляются грехов своих ради от бога и не отлучаются многих ради грехов своих. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком. Аминь“.

23. ГПБ. Q. I. № 1163 (Буслаев. № 60), XVIII в., лл. 128 об.—133. Обозначение Ч

Список этот во всем подобен списку ГПБ. Q. IV. № 378 (Буслаев. № 75), но он обрывается на следующих словах: „Возвести о мне, молю ти ся неуклонно, всемилостивейшему митрополиту Филипу и яже сказа ти вся согрешения от начала и до сего часа, вся ему исповиждь. Аще есть таковому грешнеку покаяние, он же да умолит велики святитель о моем великом согрешении прежде всесилнаго бога, сотворившаго нас“...“

24. ГПБ. № 19 (Поступления 1947 г.), XVIII в., лл. 206—235 об. Обозначение Ш

Заглавие: „Сказание о презвитере, Тимофей именем, впадшем в тяжек грех блудный и убежа во орду и оськверни святое крещение и покаяния ради и слез паки спасеся“.

Начало: „Бысть в княжение Росиския земли при великом князе Иоанне Васильевиче московском и всея Руси и при освященном митрополите Филиппе московском и всея Руси случися сицева вещь. Бысть,

рече, во граде Владимире презвитер некий именем Тимофей. Случися ему быти по божию попущению и по действию сатанину сицевый грех на пагубу души его сотворити“.

Окончание: „И что данное богатство от пребывшаго иерея Тимофея отроку тому великий князь и великий святитель повелеша все отдать. Еще же и своим милосердием великий князь одари того отрока и прочии бояре зело наделиша, и повеле дати ему такова дара, яко духовное дело исходатайствовавши.“

Сие же написано на ползу прочитающим и слышащим, паче же грешником ко спасению, да не удаляются грехов ради своих от бога и не отчаются своего спасения. Аще будут подобни и самому сатане делами, и тем есть покаяние. Богу нашему слава“.

Список этот ближайше родственен спискам ГПБ. Q. IV. № 378 (Буслаев. № 75) и ГПБ. Q. I. № 1163 (Буслаев. № 60).

ТЕКСТЫ

Первая редакция

Текст издается по списку ГПБ. Q. XVII. № 199.

К этой же редакции относятся списки:

1. ГИМ. Уваров. № 1912 (157)
2. Библ. им. В. И. Ленина, Большак. № 391
3. ГИМ. Барсов. № 2134
4. Библ. им. В. И. Ленина, № 1529 (Беляев. № 23)
5. ГПБ. О. I. № 72 (Толст. II. 85)
6. ГПБ. Титов. № 540
7. Инст. истор., языка и лит. Карело-Финской базы АН СССР № 47 (167)
8. БАН. 21. 8. 10 (Сев. 695)
9. ГИМ. Хлудов. № 36^а
10. Инст. истор., языка и лит. Карело-Финской базы АН СССР № 208
11. БАН. Арханг. собр. № 429
12. ГИМ. Муз. № 3033
13. ГИМ. Уваров. № 2053 (1084)
14. ГИМ. Щукин. № 692
15. ГПБ. Погод. № 1603
16. ГИМ. Барсов. № 934 (старые № 139 и 202)
17. ГИМ. Востряк. № 1156

Повесть о презвитере впадшем в великий грех тяжкий, иже бысть в Русской земли в княжение государя и великаго князя Ивана Васильевича Московскаго и всея Руси и при митрополите Филиппе.

Бе во граде Владимире презвитер некий живый именем Тимофеи. Случи же ся ему быти по божию попущению искус сицев на пагубу души его.

В первую убо неделю святого и великаго поста обычаи имут православнии христиане боголюбивии людие, мужие и жены и младые дети поститися во всю неделю. Постивше же ся в пяток вечера ко отцем духовным на покаяние приходити и о гресех своих очищатися, и в субботу на литургии приимати святое тело и кровь Христа бога нашего. Тако же и к сему попу Тимофею прииде на исповедание грехов своих девица некая, красна зело, дщи славных града того. Бысть же има наедине в церкви двема и начат презвитера диявол на неутолимую похоть разжигати. Презвитер же не могши терпети разгорения плоти своея и падеся з девицею в церкви, не убоися божия суда и вечнаго мучения лютаго.

И сотворив грех з девицею и убоися изымания и побежа ис церкви вон в дом свои. И утаяся всех людеи, да не явлен будет властелем града того да бы ему злою смертию не умрети. И оседла конь свои и пременяв образ свои поповский и облечеса в воинскую одежду, и неявися и несказася жене своей, ни детем своим и всед на конь скоро погна из дому своего. И из града своего бежа на чюждую страну в поганую землю татарскую, в Казань.

И тако во орду прибежав и вдадеса царю казанскому служити и отвержеса веры христианския и священнический чин попра и бусарманскую срацынскую злою веру прият и взят себе две жены.

Ох, увы, первые бе чиститель и говеин священник и предстатель престолу божию и поручник грешных душ, потом же зол гонитель бысть и лют кровопица христианск и воевода в Казани храбр. И часто его посылаше царь с татары своими воевати отечество его русския земли христиан. Живяше же он тридесять лет в Казани; царю служил и разбогател вельми.

Бог же, не хотя смерти грешнику, но еже обратитися ему и живу быти, восхоте же и сего преступника в первое благочестие привести.

По времени же посла его царь на то же обычное и незаконное дело, яко же и прежде проляти кровь неповинных русских людеи. Он же иде по словеси царя и возвратися в Казань с руским полоном. Идущу же ему чистым и великим полем к Казани и пусти полк свои наперед себя, сам же един остася назади (некоего) ради орудия. Едущу же ему на коне своем вполудни после полка своего далече остася и пояше умилно красныи стих любимыи пресвятеи богородице: „О тебе радуется обрадованная всякая тварь“.

Тогда же по случаю бежа пленник ис Казани некий отрок русин и западе лежаще утаяся в дуброве по страну пути того, ждуци докуду минет весь полк татарский, чтобы востати от места того, и паки бы побежать, не блюдяся к Руси.

И егда отрок, слыша поюща стих, и востав от лежания своего, и мнев поюща стих быти русина, не бояся, радостен изыде отуду и потече из дубровы на путь свои и явися тому окаянному варвару, прежде бывшему попу. Он же видя отрока ярыма своими очима

звериными и похватив мечь наг и хоте отроку главу отсеци. Пленник же паде на земли, з горкими слезами милости прося у него, чтобы не убиен был от него. И сказа ему о себе, яко „пленник есмь русин, бежа ис Казани на Русь и слышах тебя по руски поюща великий стих богоматере, еже любезнейши есть той стих всех стихов богородичных и у нас его на Руси честно поют, славяще пресвятую богородицу молебницу и заступницу нашу. И чаях тебя русина быти и явихся, господине, лицу твоему, не бояся“. Преступник же, то слыша, и жестокое и каменное свое сердце во умиление положи, и нача великим гласом жалостно плакати и рыдати и сшед с коня о землю убивашеся, яко устрашиться отроку тому и вмале не побежа от него, дивяся в себе, что се таково сотворилося, бе бо и отрок той грамотен же. И плакася от полудне того до вечера, донележе гортань его премолча, и слезы исчезоста от очию его. И обозрися со отроком ту и спа до утра на траве, дав отроку мало нечто снести, сам же ничего не вкуси.

Пленник же нача прилежно вопрошати, глаголя: „Что се, господине, есть и что плачь твой и почто горко плачеша, повеждь ми рабу своему“. Он же устранися от плача и мало пришед в себе, все отроку вышечписанное поведа, яко поп на Руси был. Пленник же увещеваше его на покаяние обратитися, яко бог наш милостив есть и кающихся от грех очищает. Он же рече отроку: „Молю тя, отроча, и заклинаю тя богом вашим Иисусом Христом, пришедшим в мир грешники спасти, да сотвориши ми любовь духовную; иди ныне от мене без боязни к Москве на Русь и пришед возвести о мне вся митрополиту вашему, еже сказати, аще есть такому грешнику покаяние, и они бы меня восприяли и запретили и простили, како подобает по заповеди господя нашего Иисуса Христа; дабы и попечаловался о мне великому князю московскому, дабы и он простил во всем моем зле, еже много лет воевах землю его и христианство губя. Да рукописание бы прощения мне во всем написав, и двема печатми запечатав, великаго князя печатью, да своею другою печатью, да тогда веру иму, и поехал бы к Москве без боязни. Да по двою месяцу прислал бы ми с тобою на сне же место, и аз бы с радостию и без сумнения к Москве ис Казани приехал и вдался бы я в монастырь плакаться грехов своих. Ты же, брате, потрудися бога ради о мне всем сердцем своим без лености. Господь же ради труда твоего мзду воздаст ти во царствии небеснем“. И одари отрока серебром немало. И обеща ему отрок истинно и неложно повеленное им сотворити.

И воставше заутра и такоже много плакався бусурман той, и целовавшися оба и разехавшися. Отрока отпусти к Руси, а сам х Казани за полком своим скоро погна.

Отрок же к Москве пришед и скоро сказа вещь сию митрополиту Филиппу. Истинный же пастырь церкви Христове в той же час скоро шед в полату и возвести сыну своему духовному великому князю все

поряду и подробну, еже что ему отрок сказа. Князь же великин и митрополит умилишася зело и в размышлении оба надолзе быша, и призваша отрока паки пред себя вопрошающе его: „Истинно ли тако бысть“. Отрок же паки то же сказа им истинну подробну, и помянуша они евангельское слово реченное: „Аще изведеши честное от недовостойнства, яко уста моя будеши“. И советовавше между себе князь же и митрополит и написавше грамоту и запечатавше своими печатми и послаша со отроком к бусорману тому и прощение ему, покаявшемуся и возвратившемуся от тмы во свет, сказаша, и во всем его простиша и наказавше звати его, чтобы ехал к Москве безо всякия боязни и да будет честен в службе великому князю.

Наставшу же третьему месяцу, пленник, отрок той, тщашеся безо лжи любовь божию сотворити и тамо итти; то бо есть любовь истинная, кто положит душу свою за брата своего. И иде отрок полем многия дни до уреченнаго места того и поспе на срок свои и ту пришед ждаше бусормана два дни и мнев яко же не быти ему.

В третии же день, зряше отрок прилежно к Казани, прямо на горе высоце на древо возлезе; узре: и се гнаше полем един человек от Казани путем на дву скорых драгих конех своих к месту тому, вельми спешася. Отрок же позна, яко той есть друг его бусорман и вмале скрыся от него, искушая его. Он же прискочи на место то, и невиде отрока, чаяше, яко солгах ему, и не пришедша во уреченный час и день. И свержеся с коней своих долу на землю и плакася вельми горко, яко могущу что и самое камение с собою на плачь подвигнути, и не можаше от плача утешитися, верстою бы он в пятьдесят лет быв. Также скоро отрок явися ему. Он же видев его борзо з горы идуща к себе и также позна его и потече скоро к нему противу его, и объем паде на выю отроку и целуя его и плакася з горкими слезами, глаголя ему: „Что ти воздам, любимыи мои брате и невестныи друже и верныи посланниче и великотрудниче, еже о мне поганом сотворил еси“. Отрок же взял влагалище из-за пазухи своея и разверг и вынял из нея грамоту и даде ему. Бусорман же приим и прочте со многими слезами и вопияше непрестанно гласом мытаревым: „Боже, милостив буди мне грешному беззаконному преступнику. Боже очисти грехи мои и помилуй мя“. И простер руце свои на небо и рече: „Боже щедрыи, благодарю тя, человеколюбче, грешным милостиве, яко сподобил мя еси, окаяннаго, от начальнаго пастыря моего беззаконию моему прощение прияти“. И абие внезапно пад на землю тихо. И нозе свои, яко жив, простре и обретеся мертв.

Отрок же во ужасе надолзе быв. И разуме истинно, яко умре, и сня с него драгия ризы и всю коньскую збрую, и облече на него смиренныя своя одежды, ископа землю и погребе его ту со слезами, и ночь ту преспа у гроба его. Тимофеи же явися ему у гроба своего благодарение воздавая ему, яко: „Тебе ради приях от бога прощение грех своих. Да возми кони мои со всем, еже на них, за труды своя,

и иди отсюда на Русь и поминаи меня до живота своего молением и молитвою и милостынею и прощением“.

Отрок же на утрие простився у гроба его и взя кони оба драгия тимофеевы з збруею, и обрете на них басманы великие, полны насыпаны злата, и сребра и драгих каменеи, и всед на конь и поеде на Русь радуясь и веселяся.

И приехав к Москве и подробну поведа о Тимофеи, еже случися ему, великому московскому князю, и митрополиту, и како погребе его, и како его виде во сне. И оставльшаяся вся показа им. Князь же и митрополит удивихася о сем и прославиша бога, како покаянием и слезами очистився, и простишася греси его, и душа его спасена бысть. Князь же и митрополит все имение тимофеево повелеста отроку тому отдати. Еще же к тому князь и земли удел даде ему.

Сия же повесть многа лет ненаписана бысть, но тако в людех в повестех ношашеся. Аз же слышах от многих сие и написах ползы ради прочитающим, да не отчаются согрешившии спасения своего, но притекут ко всемилостивому богу истинным покаянием и отпущение грехов получат, и жизнь вечную сподобятся прияти и в безконечныя веки на небеси с преподобными имут царьствовати. Аминь.

Вторая редакция

Текст издается по списку ГИМ. Уваров. № 1895 (851).

К этой же редакции относятся списки:

1. ГПБ. Титов. № 913/2468
2. Лазаревск. (Изд. в „Памяти. стар. русск. лит.“, вып. 1, 1860, с. 195—197)
3. ГПБ. Q. IV. № 378 (Буслаев. № 75)
4. ГПБ. Q. I. № 1163 (Буслаев. № 60)
5. ГПБ. № 19 (Поступл. 1947 г.)

Слово о презвитере Тимофее, впадшем в тяжек грех.

Бысть в великом княжении Российския земли при великом князе Иоанне Васильевиче и при святейшем Филиппе митрополите во граде Владимире презвитер некий, именем Тимофеи. Случися ему быти по божию попущению сицевый грех на пагубу души его.

В первую убо неделю великаго поста обычай имут православнии христиане, боголюбивии мужие, и жены, и младыя дети поститися во всю неделю и ко отцу духовному на покаяние приходити и приимати тело и кровь господя нашего Иисуса Христа. Такожде и к сему попу прииде некая девица на исповедание грехов своих, зело прекрасна, дщи некоего богата и славна мужа града того. И бывшим им наедине во церкви святей. И начат презвитера диавол разжигати на ню неутолимою похотию. Поп же Тимофеи немогии терпети злаго сего разгорения плоти своя и падеся с нею в церкви святей, не убоясь суда божия.

И сотворив с нею той грех, и убояся изымання себе, и побеже из церкви в дом свои. Девица же поиде вон из церкви, плачась и рыдая своего греха, что пался с нею иереи во церкви божи. Поп же утаяся всех людей, ту сущих, и оседла коня своего, и премени образ свои поповский, и облечеса в воинскую одежду, и не явися жене своей, ни детям своим, и вседе на коня своего и скоро погна вон из града своего, бежа на чюжую страну погану во землю татарскую в Казань.

И тамо во Орду прибежав, и дадеса царю казанскому Маною служить, и отвержеса веры христианския, и священнический чин поправ и бусорманскую веру прият, и поня за себя две жене.

О, увы! Первые был очиститель и говейин священник и предстатель престолу владычню и споручник грешным душам, а потом бысть злогубитель, и лют кровопивица христианом. И воевода в Казани храбр бысть, и часто посылая его царь с татары своими Руския земли воевати. И живяше тамо тридесять лет в Казани, царю служа, и обогатися велми.

Бог же не хотяи смерти грешнику, но обратитися и живу быти ему, восхоте же и сего в первое благочестие привести.

По времени же посла его царь на то же дело, яко же и прежде, беззаконное, во еже проляти кровь Руския земли. Он же иде по словеси царя, и повоева страну рускую и улусы и возвратися в Казань с великим полоном. Идушу же ему чистым полем х Казани и пустив полки свои напред себя, а сам же един остася, орудия ради некоего. Едушу же ему на коне своем в полудни, после полка своего далече, и воспомянув грех согрешения своего. И нача пети умильно красныи стих, любимыи пречистой богородице: „О тебе радуется, благодатная, всякая тварь“.

Тогда же послыша бежации ис Казани отрок, пленник некий, лежаше в дубраве три дни, не ядши, по сторону пути того, ждушу доколе минет весь полк татарский, да востав от места своего паки побежит путем на Русь, не блюдяся. И востав от лежания своего, и мнит поющаго стих быти русским человеком, и радостен бысть, не устранився, изыде, и потече из дубравы на путь и явися ему, окаянному варвару, бывшему прежде попу.

Он же, отрока видев ярыма очима, похватив мечь свой наг и хоте отроку отсеци главу. Пленник же паде на землю, с горкими слезами милости прося, да не убиен будет от него. Сказа ему о себе, яко же „пленник есмь русския земли, бежа ис Казани на Русь и слышав тебе поющаго стих русския пресвятыя богородицын, еже любимыи всех, у нас же его поют честно на Руси, славят же пресвятую богородицу нашу и молитвенницу и заступницу о душах наших. Чая же тебе быти русянина, и явихся лицу твоему, не убояся тебе“. Преступник же той услышав, и жестокое свое окаянное сердце во умиление преложи, и нача великим гласом жалостно и радостно плакати.

И шед с коня своего и нача землю мочити слезами своими на много час, яко же устрашится отроку тому, и в мале отбеже от него и дивится в себе, что сие таково бысть. Бе убо и отрок сеи грамотен же. И плакася от полудни до вечера, дондеже премолаче гортань его.

И обвечеря со отроком, и спа до утра на траве, и дав отроку нечто мало снести, сам же ничто же вкуси.

Пленник нача вопрошати его: „Повеждь ми, что се, господине, есть, и что печаль твоя, про что тако горко плачешися, повеждь ми своему рабу“. Он же утешився мало от плача своего, и в себе пришед, и вся отроку вышереченная поведа, яко „поп на Руси был есми“. Пленник же обещеваше его на покаяние обратитися, яко „господь бог наш милостив и кающихся от грех своих принимает; молю тя, не отчаявай своего спасения“. Он же рече отроку: „Заклинаю тя богом вышним Иисусом Христом сыном божим пришедшим в мир грешныя спасти, да сотвориши ми любовь христову. Иди отсюда без боязни к Москве и, пришед, возвести о мне грешнем святейшему митрополиту Филиппу, яже сказах ти, есть ли такому грешнику прощение. Он же да печалуется о мне великому князю, дабы мя простил во всем зле моем, еже сотворих, многа лета землю его христианскую пустошил. Да рукописанием бы прощение написав и за двема печатма запечатав, великаго князя печатью, да своею митрополичьею, — да тако веру иму, — и по двюю месецу прислал бы ми с тобою на сие место, то с радостию и без сомнения к Москве ис Казани прииду и отиду в монастырь плакаться грехов своих. Ты же, мои милыи брате, потрудися о мне всем сердцем бога ради, и безлестно, да подаст тебе господь бог труда твоего ради, аще за мя потрудишися, (многу) мзду во царствии небеснем“. И одари отрока серебром поне мало. И обещася ему отрок истинно и неложно послушание сотворити.

Востав же заутра, такожде много плакався бусорман. И целовастася во уста, и разехашася оба. Отпустив же отрока к Руси, а сам к Казани за полком борзо погна.

Отрок же к Москве пришед, и скоро возвести святейшему митрополиту Филиппу, яже о бусормане, бывшем попе. Истинныи же пастырь христов неложныи в той же час шед в полату (цареву) и возвести сыну своему духовному великому князю Иоанну Васильевичу. Князь же и митрополит удивися о сем, и в размышлении надолзе быста. И призваша отрока пред себя и вопрошающа его, аще тако есть. Отрок же такожде им сказа. И помянуша евангелское слово реченное: „аще изведеши достойнаго от недостойнства, яко уста моя будеши“. Советовав же князь и митрополит, и написавше грамоту, и запечатавше двема печатма, и послаша со отроком к бусорману тому, показавше звати его, дабы шел к Москве без боязни, и да будет служба великому князю.

Наставшу же третьему месецу, пленник же тшашеся без лести любовь христову сотворити и тамо итти. То убо есть истинная любовь Христова, да кто положит душу свою за друга своего. И иде подем

многия дни до уреченного места, и поспе на срок свои, и ждаше его два дни ту, и пришед (в недоумение) и мнев, яко не будет ту.

Он же в третии день такожде прилежно смотряше его прямо х Казани, на горе высоце на древо возлесе. И се гнаше полем един человек от Казани на дву скорых конех, к месту спеша велми. Отрок же позна, яко тои есть друг его бусорман, и вмале искушая его и скрывся от него. Он же, прискочив на место, не виде отрока, чая его оболгавшася.

Во утрии же день свержеся с коней своих на землю и плакашеся горко, яко и камене на плачь с ним подвижеся, и не можаше утешитися, в пятьдесят бо лет верстою сыи века своего. И абие явися ему отрок же з горы идя, он же виде его, издавеча грядуща к себе, и такожде позна его, и побеже скоро противу его, и начат отрока целовати, глагола ему: „О, милыи мои и любимыи друже истинныи! Что ти воздам, верныи мои посланниче, за великия труды твоя, еже к поганому мне бусорману сотворил еси любовь христову“. Отрок же взем грамоту и даде ему за двема печатми. Бусорман же прочтет грамоту со слезами многими, вопияше мытаревым гласом: „Боже, милостив буди мне грешному преступнику. Боже, очисти грехи моя и помилуй мя“. И простер руже и рече: „Боже всещедрыи и благосердыи, благодарю тя, человеколюбче, грешных милостиве, яко сподобил мя еси окаяннаго и многогрешнаго от началнаго пастыря прощение прияти“. И абие внезапно паде на землю и бысть мертв и нозе свои простер, яко жив.

Отрок же во ужасе бысть надолзе и разумев истинно, яко умер ест. И ископав землю и погребе его ту со слезами; снят с него драгия ризы, воинскую одежду, и облече его во смиренныя ризы. И ноц ту преспав у гроба тимофеева. Он же явися ему во сне, благодарение воздая ему, яко „тебе ради приях от бога прощение грехов своих и царствию небесному причастник быв“. И глагола ему: „Возми коня моя со всем, еже на них, за труды своя и иди отсюда, поминаи мене до живота своего милостынею и приношением, еже к церквам божиим“.

Отрок же на утрии день воста и простився у гроба его, и взя драгия кони тимофеевы со всею драгою збруею, и обрете на них полны басмаги великия злата и сребра и камения драгаго, и вседе на них и поеде, радуяся и веселяся.

И приехав к Москве, и вся подробну исповедав, яже о Тимофее случившееся, великому князю и митрополиту, яко „умре и погребен бысть от мене“, и оставшася тимофеева вся показа им. Князь же и митрополит удивившася о сем, и прославиша бога, и о том разсудиша в правду, яко „прият бог со слезами покаяние его, и очистися от греха, и душа его спасеся“. Отроку же тому все отдаша взятое у Тимофея богатство, еще же и земли ему уделом уделиша.

Сие же написася на ползу слышащим и прочитающим, да не отлучатся своего спасения. Богу нашему слава всегда и ныне и присно и во веки веком. Аминь.

М. О. СКРИПЛЬ

**Народная русская сказка в литературной обработке
конца XVII—нач. XVIII в.**

(„Повесть о купце, купившем мертвое тело“)

1

Среди нескольких литературных течений, резко обозначившихся во второй половине XVII в. под влиянием глубоких социальных сдвигов в жизни московского государства этого времени, особый интерес представляет собою литература демократических слоев. Она становится и своеобразной формой протеста против социальной несправедливости в разных ее проявлениях, и одной из первых попыток выразить чаяния и идеалы „молодых людей“ посада, крестьянства, „служилых людей“ и проч. Она крайне свободно относится к литературным традициям древней Руси: изменяет до неузнаваемости старые сюжеты, пародирует устойчивые литературные формы, нарушает прочно установившиеся поэтические каноны. Именно в этой литературе появляются новые жанры, неизвестные раньше в древней Руси, — литературная сатира, сказочная повесть и проч.

Перед сказочной повестью, как обычно и перед народной сказкой, далеко не всегда стояли развлекательные цели. Сказочная повесть несла в литературу XVII в. новый поток образов, идей и чувств. Последнее является, пожалуй, одной из самых характерных особенностей этого жанра. Любовь, храбрость, гордость, верность, одним словом, вся гамма чувств человека — этим, главным образом, отвечает сказочная повесть на тот интерес к человеческой личности, который вообще характерен и для жизни и для литературы второй половины XVII в. Но в изображении человеческих чувств произведения этого жанра чуждаются психологизма. Их авторы не сосредоточивают своего внимания на анализе переживаний героев, стремясь показать эти переживания иными средствами. Как в сказках, герои сказочных повестей раскрываются в действии, в поступках. Поэтому в сказочных повестях так прихотливо развивается фабула, так часто меняется в них место

действия, так склонны они к приключенческим ситуациям, так любят они завязку, построенную на конфликте чувств.

Особенно выделяется сказочная повесть в ряду других литературных жанров второй половины XVII в. своими прочными связями с фольклором. Самые характерные ее особенности — демократические черты героя, картины крестьянской жизни, отзвуки героического русского эпоса и сказки о животных — все это объясняется воздействием национального фольклора.

Для произведений этого жанра характерно художественное претворение старых исторических, повествовательных и даже апокрифических сюжетов в сказочно-новеллистическом направлении. Так, в сказочно-новеллистические повести переработаны повести „о зачале“ Москвы, цикл сказаний о Вавилоне-граде, апокрифы о Соломоне и т. д. Кроме этого, среди сказочно-новеллистических повестей можно указать несколько повестей, представляющих собою литературную обработку подлинных народных русских сказок. Такова и публикуемая нами „Повесть о купце, купившем мертвое тело“.

2

„Повесть о купце, купившем мертвое тело“ известна нам в следующих трех списках:

1. ГПБ. Общ.любит. древн.письмен. Q. 137, XVIII в., лл. 1—15 об.

Обозначение А

Заглавие: „Повесть о некотором купце, како мертвое тело скупи и царство себе приобрете“.

Начало: „В некоторой стране живяше купец славны и богобоязлив и нищелюбив. Имея у себя жену велми благообразну и благонаравну. Имяше же у себя единого сына первенца в малех летех, котораго велми любляше и бога о нем моляше“.

Окончание: „Купец же взял подводы и приехаша ко отцу своему с великою славою и честью. Отец и мати его велми о том возрадовашеся. Потом поживе малое время у отца своего и взял его со всем домом своим и поехаша к царю, тестю своему. По преставлению царя сяде на царство и правяше царство свое добре и благополучно. Конец“.

2. Калининск. Архив № 779 (зеленый ярлык), XIX в., лл. 219—229 об.

Обозначение Б

Заглавие и начало как в списке А.

Окончание: „Купец же подивися сему и прослави бога и поехаша с того места в путь свой ко отцу своему с великою радостью. Потом приехаша в дом отца своего. Отец же его и мать радости наполнися. Потом поживе у отца малое время и взя его со всем домом и поехаша ко царю, тестю своему. По преставлении же царя сяде на царство, исправляя честно и славно и благополучно. Конец и венец и радование. Аминь“.

3. Общ. истор. и древн. российск. № 223, XIX в., лл. 770—796 об.
(Рукопись эта в настоящее время находится среди рукописей Ленингр. Отд. Инст. истории за № 146). Обозначение В

Заглавие: „Повесть зело предивна об некоем купце, како мертвое тело купи и царство себе приобрети“.

Начало: „Во египецькой стране живяша купец славный и богобоязлевыи и нищелюбивои. И имея у себе жену велми благообразну и боголюбиву. И имяша у себе единого сына первенца в малых летих, каторого велми любяша и бога о нем моляша“.

Окончание: „И патом царь и тесть его здаде престол царства своего в руку зятя своего и учениша его царем, славя бога и спаса нашего Иисуса Христа за толикою ево к нему милость. Ему же слава и честь и поклонения отцу и сыну и святому духу и ныне и присно и во веки веком. Аминь“.

Все три списка повести настолько близки между собою по основным эпизодам и порядку изложения, что вполне возможно отнести их к одной редакции. Правда, список Общ. истор. и древн. российск. № 223 имеет особое окончание: в нем нет эпизода дележа поровну всего богатства, приобретенного купцом и его слугой, нет и окончательного исцеления царевны; за счет этого сильно расширена последняя речь чудесного слуги и описание посещения купцом его родителей. Но все это не изменяет общего смысла повести. В то же время текстуально списки сильно расходятся между собою. Различие в этом отношении между ними настолько значительно, что в ряде случаев трудно определить, какие чтения могли принадлежать архетипу повести. Поэтому далеко не все удастся исправить в тексте положенного в основу издания списка ОЛДП Q. 137. XVIII в. Такое состояние текста повести позволяет нам отодвинуть ее возникновение к концу XVII в. или самому началу XVIII в.

3

В рукописном наследии древней Руси в списке конца XVIII в. известна „Сказка о Силе царевиче и о Ивашке белой рубашке“, которая очень близка к „Повести о купце, купившем мертвое тело“.¹ Основные этапы развития фабулы этой сказки такие же, как и в повести, но наполнение их конкретным содержанием иное. Эта особенность проходит через весь текст сказки. В ней тот же состав эпизодов, что и в повести, за исключением только эпизода пребывания героев у разбойников, который в сказке просто отсутствует. В ней сохраняется такая же последовательность этих эпизодов как и в повести. Но эпизоды, из которых складывается фабула сказки и повести, только равнозначны по своей роли в развитии фабулы произведения, но неодинаковы, а, наоборот, различны по своему конкретному содержанию и изложению.

¹ Издан. ОЛДП, вып. 49, 1880.

Нет между „Сказкой о Силе царевиче и о Ивашке белой рубашке“ и „Повестью о купце, купившем мертвое тело“ и текстуальных совпадений. Таким образом, это два самостоятельных, независимых одно от другого, произведения. И если для объяснения сходства между ними можно поставить вопрос о их родстве, то только в том смысле, что оба эти произведения возникли на основе одной и той же народной сказки, а именно, — на разных версиях сказки „о благодарном мертвецѐ“.

В научных записях нет такой версии народной русской сказки „о благодарном мертвецѐ“, которая соответствовала бы тексту „Сказки о Силе царевиче и о Ивашке белой рубашке“. Но предполагать, что раньше такая версия была в русском фольклоре, есть достаточные основания.

В „Сказке о Силе царевиче и о Ивашке белой рубашке“ есть ряд таких эпизодов, которые при сравнении с равнозначными им эпизодами „Повести о купце, купившем мертвое тело“, сразу же обнаруживают свое более позднее происхождение. Это — замещения первоначального, т. е. относительно более древнего, текста. Так, уже один из первых эпизодов сказки — встреча героем плавающей в море окованной обручами гробницы, в которой заключен еретик, — является ярким примером такого замещения. Его более позднее проникновение в сказку явствует из того, что он слабее, чем соответствующий ему эпизод повести, связан с самой идеей произведения. В народной сказке и повести герой, обычно, получает чудесную помощь благодаря тому, что он предаст погребению тело человека, достойного уважения или сострадания. Похороны же еретика, как повествуется в „Сказке о Силе царевиче и о Ивашке белой рубашке“, — явно стоят в противоречии с этой идеей. Очевидно, что этот эпизод проник в сказку позже, вытеснив первоначальный рассказ.

Затем, государство, к которому подошел Сила царевич со своим спутником, „государство, вокруг которого стояли тычинки... и на всякой тычинки воткнуто было по голове богатырской, а только на одной тычинке не была воткнута голова“, — также позднейшее замещение первоначального текста. Это — государство девы-воительницы русской народной сказки.¹ Такое описание государства в этой сказке вполне уместно, так как на „тычинках“ — головы женихов девы-воительницы, погибших в бою с нею, а свободная „тычинка“ — предостережение новому претенденту на ее руку. Пребывание же героини сказки о Силе царевиче, королевской дочери, в государстве, окруженном „тычинками“ с богатырскими головами на них, ничем не мотивировано, так как ни о каком бое и богатырях в этой сказке нет речи, и женихи королевской дочери не в бою гибнут, а пожираются змеем. Сказка о Силе царевиче так и не согласовала свой разнородный мате-

¹ А. Н. Афанасьев. Русские народные сказки. Под ред. А. Е. Грузинского. Изд. 4-е, 1914, т. II, стр. 65, примечание.

риал. С одной стороны, царевичу угрожало то, что „головушка“ его „будет воткнута на оставшей тычинке“, с другой стороны — шести-главый змей, прилетевший к королевской дочери, „хотел царевича пожрать“. Эта несогласованность между собою различных моментов фабулы сказки о Силе царевиче ясное свидетельство более позднего проникновения в нее несвойственных этому типу сказок элементов содержания.

Далее, сцена усмирения жены в „Сказке о Силе царевиче и о Ивашке белой рубашке“ также является позднейшим замещением первоначального текста. Это — сцена усмирения девы-воительницы. В сказке о деве-воительнице она стоит на своем месте, так как она входит в самый замысел сказки, составляет существенную часть ее интриги. В сказке же о Силе царевиче она не играет этой роли. Она даже находится в противоречии с фабулой этой сказки: обыкновенная женщина, королевская дочь, не обладает богатырской силой, она не может угрожать герою, роковой для героя может быть только борьба со змеем. В сцене брачной ночи в сказке о Силе царевиче мы, таким образом, наблюдаем механическое соединение эпизодов двух различных по своему происхождению сказок, причем усмирение героини здесь — явно вторичная черта.

Наличие подобных замещений и изменений первоначального текста в „Сказке о Силе царевиче и о Ивашке белой рубашке“ говорит о бытовании этой сказки в русском фольклоре, так как только в устной традиции могли появиться подобного рода замещения первоначальных эпизодов равнозначными им в развитии фабулы эпизодами. То, что эти изменения произошли на русской почве, легко обнаруживается благодаря почти буквальному текстуальному совпадению одного из этих эпизодов в обеих сказках — сказке о Силе царевиче и сказке о деве-воительнице.

„Слушай, Сила царевичь, когда ты ляжеш на постелю с твоею супругою, то не моги ты до нея прикоснуться... А когда она *наложит* на твою грудь свою руку, и тебе будет тяжело, то ты вскочи с своей постели...“¹

„Да смотрите, ваше величество, не плошайте: первая три ночи станет она вашу силу пытаться, *наложит свою руку* и станет крепко-крепко давить; *вам ни за что не стерпеть!* *Втепоры уходите поскорей из комнаты...*“²

Вопрос о создании „Повести о купце, купившем мертвое тело“ на основе народной русской сказки не вызывает сомнения, так как сама эта сказка под разными названиями известна в ряде записей XIX и XX вв. Устно-народные ее варианты сохраняют первоначальный состав сказки с различной степенью полноты. Лучшие из них это — Садовн. № 5³ и Худяков, № 122.⁴ В них представлены все основные

¹ Издание ОЛДП, вып. 49, 1880, стр. 5—6.

² А. Н. Афанасьев Народные русские сказки. Гослитиздат, 1938, т. II, № 199, стр. 139.

³ Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884, стр. 41—50.

⁴ И. А. Худяков. Великорусские сказки. СПб., 1862, вып. 3, стр. 165—168.

эпизоды сказки: 1) покупка купеческим сыном мертвого тела; 2) встреча его с неизвестным человеком (служой и чудесным помощником); 3) женитьба купеческого сына на царской дочери; 4) борьба со змеем в брачную ночь; 5) поездка к родителям жениха; 6) обогащение за счет разбойников; 7) дележ приобретенного и чудесное очищение царевны; 8) возвращение в государство отца невесты.

В других устно-народных вариантах это ядро основных эпизодов сказки то с большей, то с меньшей полнотой также налицо, так что общий вид сказки сохраняется. Это надо сказать об Ончуков. № 152,¹ Смирнов. №№ 9, 39 и 86,² Афанасьев. № 359.³

Наконец, в ряде случаев отдельные эпизоды сказки о „благодарном мертвецѣ“ оказываются вкрапленными в сюжеты других сказок. Это характерно для Афанасьев. № 199,⁴ Етнограф. Збірн. № 43⁵ и др.

Все новое в содержании отдельных устно-народных вариантов сказки о „благодарном мертвецѣ“ легко объясняется при сопоставлении их с другими русскими сказками. Так, например, вариант Садовн. № 5 дает соединение сказки о „благодарном мертвецѣ“ со сказкой о „волшебном кольце“ (по Андреев. № 560); Ончуков. № 152 — со сказками „Два брата“ (по Андреев. № 303) и „Девушка, встающая из гроба“ (по Андреев. № 307); Смирнов. № 9 — со сказкой „Царь-девица“ (по Андреев. № 400 В); Смирнов. № 39 — со сказкой „Девушка, встающая из гроба“ (по Андреев. № 307) и легендой об „иконе-поручительнице“; Смирнов. № 86 — с новеллистической сказкой типа „загадок“ (по Андреев. № 851). Вариант Афанасьев. № 199 представляет собою сказку о „Слепом и безногом“ (по Андреев. № 519), в которую проникли отдельные элементы сказки о „благодарном мертвецѣ“. В сказке Етнограф. збірн. № 43 объединены отдельные части нескольких сказок: сказки „Человек учится страху“ (по Андреев. № 326 А), сказки о „благодарном мертвецѣ“, сказки „Царь-девица“ (по Андреев. № 400 * В), и др.

Таким образом, устно-народные варианты сказки о „благодарном мертвецѣ“ подчас далеко отходят от ее текста, представленного „Повестью о купце, купившем мертвое тело“. Но в их изменениях нет ничего такого, что не объяснялось бы из хорошо известных русских народных сказок; нет ничего такого, что говорило бы о сохранении ими более древних черт сказки о „благодарном мертвецѣ“, неизвестных по „Повести о купце, купившем мертвое тело“. Повидимому, в основу повести лег вариант сказки о „благодарном мертвецѣ“ очень хорошей сохранности и полноты.

¹ Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908, стр. 369—375.

² А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок, II. 1917, вып. 1, стр. 86—101; 209—212; 316—319.

³ А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки. Гослитиздат, 1940, т. III, стр. 132—133.

⁴ Там же, т. II, стр. 135—142.

⁵ Етнографічний збірник. Львів, 1899, т. VII, стр. 69—76.

4

Но как бы близко ни стояла повесть к народной сказке, в ней есть такие особенности идейно-художественного характера, которые никак нельзя отнести за счет сказки. Яркие зарисовки купеческого быта, родственных и деловых отношений в купеческой среде, торговых поездок в чужие страны, русского свадебного обряда — все это уводит повесть от ее народно-сказочной основы. Сказочные герои, обстановка и действие в ней переносятся в мир реальных отношений русской действительности конца XVII—нач. XVIII в. По своим литературным особенностям она вполне примыкает к сказочно-новеллистическим повестям этого и несколько более раннего времени. Сказочный сюжет в ней обработан в духе литературы демократических слоев русского общества конца XVII—нач. XVIII в.

Для этих слоев особенно характерно стремление порвать с традициями мировоззрения древней Руси и попытки найти новые пути в жизни. Интерес к личности со сложным миром ее идей, чувств и устремлений, признание прав человека на определенное место в обществе независимо от его социального положения — все это впервые нашло свое выражение в литературе, повествовательной и сатирической, демократических слоев русского общества конца XVII—нач. XVIII в. Именно в этой литературе раньше всего могла быть поставлена проблема двух поколений с оптимистическим решением ее. Русская сказка давала благодарный материал для создания образа молодого человека умного, предприимчивого и удачливого. На основе ее, при незначительной обработке сказочной фабулы, и была создана „Повесть о купце, купившем мертвое тело“, герой которой, молодой купеческий сын, „хочет быть в торгу смыслом лутче“ своего отца, „хочет жити славнее и богатеe“ его и, стремясь разбогатеть, уезжает „за моря торговать“. Это — знакомая нам по ряду повестей и „стихов умиленных“ второй половины XVII в. постановка проблемы об „отцах“ и „детях“. Но герой этих произведений обычно еще терпит поражение, как часто случалось и в самой жизни в эту переходную эпоху, и прогрессивная идея произведения — неизбежность победы молодого поколения — находит свое выражение, главным образом, в сочувствии автора своему герою. Несколько иначе решается эта проблема в „Повести о купце, купившем мертвое тело“. Здесь нет резкого конфликта между отцом и сыном, нет и полного нарушения моральных норм представителем молодого поколения. Герой повести приобретает чудесного помощника благодаря тому, что он хоронит лишенного погребения мертвеца, сказочно обогащается с его помощью и женится на царевне. Затем он перевозит к себе своего отца „со всем домом своим“ и по смерти царя „всяде на царство и правяше царство свое добре и благополучно“. Так в оптимистических формах сказочного стиля автор повести выразил свою уверенность в торжестве нового в русской действительности конца XVII—нач. XVIII в.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ, КУПИВШЕМ МЕРТВОЕ ТЕЛО

<i>Основной текст</i>	— список Общества любителей древней письменности Q. 137	A
<i>Разночтения</i>	— список Калининск. архива № 779 (зеленый ярлык)	B
<i>Отдельные исправления</i>	— список Общ. истор. и древн. российск. № 223 (ЛОИИ № 146) . . .	B

Повесть о некотором купце, како мертвое тело скупи¹ и царство себе приобрете.

В некоторой стране живяше купец славны и богобоязлив² и нищелюбив. Имея у себя жену велми благообразну и благонравну. Имяше³ же⁴ у себя единого сына первенца в малех летех, котораго велми любляше⁵ и бога⁶ о нем моляше.⁷ По некотором времени⁸ сын их хождаше по торгу и пременяся⁹ к товаром, которой товар и по какой цене купитца¹⁰ и почему надлежит ево продать. И прииде¹¹ ко отцу своему и рече ему:¹² „Отче, аз ныне бых¹³ на торжище и пременяся¹⁴ к товаром и такой¹⁵ товар давал по такой цене, а надлежит ево продать по такой же цене“. ¹⁶ Отец¹⁷ ево слыша¹⁸ от него такой разум и прииде к жене своей и рече жене: „Госпожа моя! Сеи сын наш хочет быть в торгу смыслом лутче¹⁹ меня и хочет жити славнее и богатее“. Мати же его о том велми радовашеся²⁰ о разуме сына своего.

По некоторых²¹ днех сташа збиратися родственники того купца за²² моря²³ торговать. Сын же купцев услыша²⁴ то и²⁵ прииде ко отцу своему и рече: „Государь мой милостивый²⁶ батюшка и милостивая²⁷ матушка, сотворите надо мною свое отеческое милосердие! Ныне збираютца²⁸ дядья²⁹ за³⁰ моря³¹ торговать. Дайте мне триста рублей и отпустите с ними. Отец же его даде³² триста рублей и отпусти и наказа родственником³³ своим, дабы его ни в чем ни³⁴ покинули.³⁵ Он³⁶ же поклонишася³⁷ им и поехаша в корабле.

По наказанию же сына своего вручи родственником своим, даде ему триста рублей и отпустиша с великою печалию. Сын же купцев взем у отца и матери деньги, и благословение получил, паде поклонися им и сяде на корабль³⁸ и ехаша³⁹ три года и три месяца по морю и приехаша⁴⁰ в⁴¹ царство некоего града⁴² и престаша у берегу. Они же

1 ¹ Б купи 2 ² Б богатыи 3—4 ³⁻⁴ Б имея же 5 ⁵ Б любяше 6 ⁶ Б богу 7 ⁷ Б моля-
 шеся и 8 ⁸ Б доб. оныи 9 ⁹ Б применяшеся 10 ¹⁰ Б купят 11 ¹¹ Б поиде 12 ¹² Б нет
 13 ¹³ Б ходил 14 ¹⁴ Б применяясь 15—16 ¹⁵⁻¹⁶ Б за которой товар, что давати и по какой
 цене надлежит ево продать 17—18 ¹⁷⁻¹⁸ Б Отец же ево слышав 19 ¹⁹ Б лутше
 20 ²⁰ Б возрадосая 21 ²¹ Б доб. же 22—23 ²²⁻²³ Б за одно 24 ²⁴ Б услышав 25 ²⁵ Б нет
 26 ²⁶ Б милостивои 27 ²⁷ Б доб. государыня 28 ²⁸ Б збираются 29 ²⁹ Б дяди мои
 30—31 ³⁰⁻³¹ Б за море 32 ³² Б доб. ему 33 ³³ Б сродственникам 34—35 ³⁴⁻³⁵ Б не покинули
 36 ³⁶ Б оныи 37—38 ³⁷⁻³⁸ Б поклонися им, прося благословения, и отъеде на кораблях
 39 ³⁹ Б плыша 40 ⁴⁰ Б приплыша 41—42 ⁴¹⁻⁴² Б до некотораго града

взяша дары и поидоша⁴³ к царю. Потом ста⁴⁴ торговати и тако ж и товаров закупати. Купецкий же сын ходя за ними, применяяся⁴⁵ к товаром и ничего не⁴⁶ купит.⁴⁷

Потом⁴⁸ же выде на плошкет и видеху: по торжищу некий человек немилостивно⁴⁹ мертвое тело влачаше. Он же не⁵⁰ смея к нему приступити и вопрошаша, чесо ради волочит. Потом же виде во вторый и в третий сего человека, наки то тело влачаше. Он же⁵¹ приступи к нему и вопроси его: „Чесо ради сие⁵² ты⁵³ мертвое тело волочишь?“ Человек же тои отвеща ему: „За то сие⁵⁴ мертвое⁵⁵ тело влачу:⁵⁶ сей⁵⁷ человек бысть христианин и взяша⁵⁸ у меня в животе своем взаем денег триста рублей. Я же у него просяше, он же мне не отдаде, в том и умре. После⁵⁹ умертвия его⁶⁰ приходдаше к сродником его и просяше. Они же мне⁶¹ не отдаша⁶² и я вынул его из могилы и таскаю по торжищу им в поругание и в посмеяние, дабы⁶³ они мертвое тело скупили“. Купецкий же сын рече: „Человече немилостивый,⁶⁴ отдаж⁶⁵ ми сие⁶⁶ тело мертвое,⁶⁷ а у меня возми за⁶⁸ него⁶⁹ триста рублей“. Заимодавец же рад о⁷⁰ том⁷¹ бысть и взя у него деньги, а тело мертвое отдаде ему.

Потом же тот купецкий сын⁷² взяша⁷³ тело и⁷⁴ не ведает куды схоронити⁷⁵ и не смеет итти к⁷⁶ дядем своим⁷⁷ на корабль. И размышляше⁷⁸ в себе: „Како я⁷⁹ приду и что себе сотворю!⁸⁰ Сродники мои⁸¹ меня спрашают,⁸² что за товар купил, и станут мне смеятца,⁸³ тако ж скажут отцу моему, а⁸⁴ мне⁸⁵ от того будет великом срам,⁸⁶ а⁸⁷ родителем моим велия⁸⁸ печаль.⁸⁹ Не поиду ныне к⁹⁰ ним⁹¹ и не скажу и поиду на другую страну пристанища морского и найду карабелщиков иных, авос либо поверят и свезут ко отцу моему!“ Тело же спрята⁹² во⁹³ удобное место, а сам поидоша⁹⁴ искати корабля.

И придоша⁹⁵ на⁹⁶ пристанища⁹⁷ морское и видеша⁹⁸ корабль. Он же⁹⁹ им пад поклонися.¹⁰⁰ Они же¹⁰¹ вопросиша его, что за человек и² с которого града и чесо ради³ семо пришел еси. Он же им поведа всю правду: „Аз, господие,⁴ такого⁵ града и такого⁶ отца сын“. Они же реша⁷ ему: „Мы знаем добре⁸ отца твоего.⁹ Токмо¹⁰ чесо ради¹¹ семо пришел?“ Он же отвеща им: „Аз¹² егда поехал¹³ от отца своего

43 Б понесоша 44 Б стаха в царстве 45 Б применяться 46—47 Б не купил 48—49 Б Потом уже виде: на площади по торжищу некий человек немилостивый 50—51 Б нет 52—53 Б ныне 54 Б я 55 Б нет 56 Б волоку 57 Б нет 58 Б взял 59 Б доб. же 60—61 Б нет 62 Б доб. никто 63 Б чтоб 64 Б немилостиве 65 Б отдаждь 66—67 Б ныне тело 68—69 Б нет 70—71 Б нет 72 Б человек 73 Б взявши 74 Б нет 75 Б схоронить 76—77 Б нет 78 Б размышляя 79 Б нет 80 Б сотворити 81 Б моя 82 Б спросят 83 Б смеятца 84—85 Б нет 86 Б страх 87 Б нет 88—89 Б и стыд 90—91 Б к дядьям моим 92—93 Б пологи в 94 Б поиде 95 Б прииде 96—97 Б на пристанище 98—99 Б и выде на корабль. И вошед. 100 Б поклонися купцам.

101 Б доб. карабелщики 2—3 Б и коего града и чего ради 4 Б господия 5 Б такового 6 Б такового 7 Б рече 8 Б нет 9 Б доб. и хлеб-соль с ним водим 10—11 Б только почто 12—13 Б Аз, господия моя, поехав

с¹⁴ сродниками своими¹⁵ в¹⁶ сие¹⁷ царство с товаром, и на море корабль наш¹⁸ разбиша,¹⁹ а²⁰ мы вси²¹ оскудеша и²² ныне не имеем, что дати²³ у наем доехати²⁴ до отца моего“. ²⁵ Они же реша ему: „Мы²⁶ отца твоего знаем.²⁷ Садися в корабль без наиму, мы доведем тя²⁸ до отца твоего“. Он же паки пад²⁹ поклонися им: „Господия мои милостивыя! Ав зде бых з дядею своим. Он же, дядя мои,³⁰ с такой печали, что³¹ корабль разбися,³² умре, а³³ похоронить в сем царстве³⁴ не где, понеже не крещенные живут“. Они же реша ему: „За хлеб, за соль отца твоего не токмо единое мертвое тело клади в корабль, хотя десять“. Он же велми о³⁵ том³⁶ возрадовася и принесе³⁷ мертвое тело и положиша в корабль³⁸ и поплы³⁹ по морю.

Сродники же ево хватишася⁴⁰ и ста⁴¹ по граду искати и не обретоша нигде. И поехала до царства своего. И как приехала ко отцу ево,⁴² отец же ево и мати вопросиша о сыне своем. Они же поведаша:⁴³ „Не вемы, где остал“. ⁴⁴ Они⁴⁵ же,⁴⁶ отец⁴⁷ его и мати, горко о⁴⁸ том⁴⁹ плакаше⁵⁰ о⁵¹ разлуки⁵² сына своего.

Сын же купцев съеха⁵³ со⁵⁴ оными⁵⁵ купцами и приеха⁵⁶ ко острову, на нем же монастырь чудотворца Николая. А⁵⁷ как купцы стаха с корабля и поидоша⁵⁸ молебное пение воздавать, он⁵⁹ же сниде с корабля⁶⁰ и пад им поклонися: „Господия мои милостивыя, аще вы отца моего знаете, то сотворите такую любовь, дайте мне сто рублей, а когда ко отцу моему⁶¹ приедем,⁶² со вторницею имам вам заплатити“. Они же даша ему. Он же наня⁶³ ерыжных и⁶⁴ отнесе⁶⁵ мертвое тело в монастырь и погребе его чесно и разда⁶⁶ по нем сорокоусты. Сам же размышляше: „Что⁶⁷ я сие сотворил,⁶⁸ четыреста рублей истратил, а что купил, не вем. И то отцу моему донесетца,⁶⁹ великую⁷⁰ скорбь восприму, а мне великую⁷¹ срамоту доспеет.⁷² Поиду и куплю лошет⁷³ и поеду от них прочь⁷⁴ сухим путем и приеду ко отцу своему,⁷⁵ выпрошу на выкупку товаров⁷⁶ еще сто рублей и поеду⁷⁷ куды очи⁷⁸ несут, чтоб⁷⁹ родителем моим не было печали“. И купи⁸⁰ лошет⁸¹ и поехал сухим путем. Они⁸² же поехала восвоися.⁸³

Он же приехала⁸⁴ ко отцу своему и пад поклонися ему. Отец⁸⁵ же велми милостивно его прият и возрадовася⁸⁶ и во слезах едва слова

14—15 Б с сродники 16—17 Б во царство 18 Б нет 19 Б разбишася 20 Би 21 Б все
22 Б а 23—24 Б дать съехать 25 Б своего 26—27 Б нет 28 Б нет 29 Б нет
30 Б нет 31—32 Б нет 33—34 Б и скоронить в царстве 35—36 Б нет
37—38 Б принес то 39 Б поплыша 40—41 Б стаха ево 42 А своему 43 Б доб. им
44 Б остался 45—46 Б нет 47 Б доб. же 48—49 Б нет 50 Б плакаша
51—52 Б о разлучении 53 Б ехав 54—55 Б с иными 56 Б приехала
57—58 Б купецкни же сын ста с корабля и поиде 59—60 Б нет 61 Б нет
62 Б доб. то 63 Б нанял 64—65 Б отнести 66 Б раздаде 67—68 Б все, что
сие сотворив 69 Б донесетца 70 Б велию 71—72 Б великая срамота будет
73 Б лошадь 74 Б нет 75 Б доб и 76 Б товару 77 Б поиду 78 Б мои
очи 79 Б дабы 80—81 Б купя лошадь 82—83 Б Они же, поискав его, не обретоша и поехала 84 Б приехав 85—86 Б Отец же и мати его велми возрадовашася

изрекли:⁸⁷ „О, чадо⁸⁸ наш дражайши,⁸⁹ откуда еси семо пришел и како, чадо⁹⁰ наше,⁹¹ и где⁹² такое многое время пребых?“⁹³ Он же им отвеща: „Аз⁹⁴ же приехав, отче,⁹⁵ с сродниками своими в то⁹⁶ царство, о котором они тебе возвещали и, умедлих⁹⁷ на час, купив товару⁹⁸ на чetyреста рублей, которой стоит десяти⁹⁹ тысяч.¹⁰⁰ У дядев своих стал денег просит,^{III} они же мне не² даша,³ зна⁴ де, что товар дешев купил.⁵ И оставиша меня⁶ в том царстве, а сами уехаша. Я⁷ же, отче, пришед⁸ на другую страну пристанища⁹ морскаго к другим корабелщикам¹⁰ и пад поклонися им. Они ж¹¹ меня вопрошаша,¹² которого царства и какова¹³ чину. Я же¹⁴ им, отче,¹⁵ поведал и¹⁶ о царстве и о роде.¹⁷ Они же сказаша, что¹⁸ «мы родителя¹⁹ твоего знаем и хлеб-соль с ним водим». Я же²⁰ у них попросиша²¹ сто рублей на онои товар. Они же мне даша и я с ними,²² отче,²³ приехал, еже видиши мя“. Отец же его вопроси: „Да где тот тавар, которой²⁴ ты купил?“ Он же отвеща: „Я,²⁵ отче, оставих²⁶ у них, а²⁷ послали²⁸ меня к тебе, дабы сто рублей дал, а товар²⁹ взял“. Отец же его даде ему сто рублей, чая, что вправду товар принесет.³⁰

Он³¹ же взяв сто рублей и поехав³² от отца, куды очи несут. И³³ ехал³⁴ многа днeи и³⁵ много нощей³⁶ и плакаше³⁷ горко и³⁸ рыдая³⁹ о разлучении родителей своих, такожде⁴⁰ и от наследства.⁴¹

И приеха⁴² к великому непроходимому лесу, чрез которой лежат две дороги: одна через лес, а другая кругом лесу. Он же размышляя, како ему ехать и которою дорогою и в которое царство. И плакашеся⁴³ горко⁴⁴ и размышляя⁴⁵ себе: „Аще бы кто мне ныне послужил, то бы я дорогою ценою порядил“. Внезапу⁴⁶ виде в лесу на дороге стоит человек велми велик, в руках держит клещи железныя. Он же велми ужасеся, чая, что стоит разбойник,⁴⁷ не смея к нему ехати и размышляя:⁴⁸ „Лутче⁴⁹ мне zde⁵⁰ одному умрети, нежели родителем моим велию⁵¹ скорбь привести“.

И поехал к нему прямо и⁵² приеха к нему.⁵³ Предстоящий⁵⁴ же⁵⁵ вопроси⁵⁶ его: „Что за человек и которого⁵⁷ града?“⁵⁸ Он же сказа ему все порядку.⁵⁹ „А⁶⁰ ежду я⁶¹ по разным государствам для⁶² торговых

87 Б изрекоша 88—89 Б чадо наше дражайшее 90—91 Б нет 92—93 Б толикое время, где пребыл 94—95 Б аз, отче, приехав 96 Б нет 97—98 Б Не умедля начел купить товары. И купил 99—100 Б десять тысящ

III Б прошать 2—3 Б не дали 4—5 Б нет 6 Б мя 7 Б Аз 8 Б приидя 9—10 А к пристанищу московскому 11 Б же 12 Б попросиша 13 Б каковаго 14 Б жь 15 Б отче доб. тако 16—17 Б все по ряду 18 Б нет 19 Б отца 20 Б жь 21 Б попросих 22 Б доб. до тебя 23 Б нет 24 Б который 25 Б Аз 26 Б оставил 27—28 Б отослали 29 Б доб. бы 30 Б нет 31—32 Б Он же взял деньги и поехал 33—34 А ошибочно: Искаша 35—36 Б нет 37 Б плакал 38—39 Б нет 40—41 Б нет 42 Б приехав 43 Б плакася 44 Б нет 45 Б размышляше 46 Б доб. же 47 Б доб. и 48 Б рече себе 49 Б лутше 50 Б здесь 51 Б великую 52—53 Б нет 54—55 А нет 56 Б вопрося 57—58 Б коего царства 59 Б доб. И рече 60—61 Б Аз ежду 62—63 Б нет

извычаев других государств⁶⁴.⁶⁵ Купец⁶⁴ же вопросы предстоящего:⁶⁵ „А ты что за человек?“. Он же ему⁶⁶ поведает:⁶⁷ „Аз⁶⁸ есмь ищу⁶⁹ господина, у кого бы нанятца⁷⁰ служить“. ⁷¹ Купец же о⁷² сем⁷³ велми возрадовался⁷⁴ и рече: „Человече, поиди ко мне во⁷⁵ служение.⁷⁶ Аз⁷⁷ имам дати⁷⁸ великую плату“. Он же отвещает: „Готов⁷⁹ тебе служить, токмо сотворим мы с тобою обет, чтоб⁸⁰ тебе меня во всем слушатца. А⁸¹ ежели слушатца не будешь,⁸² то не иду к тебе во⁸³ служение“. ⁸⁴ Купец⁸⁵ обещая ему тако сотворити.⁸⁶

И⁸⁷ чрез тот лес лежаще две дороги: одна же через лес, а другая кругом лесу. Он же вопросы его: „Сия дороги⁸⁸ в⁸⁹ которое царство лежат, в разныя царства или в одно царство?“. ⁹⁰ Он же сказа ему, что⁹¹ сие две дороги лежат ко одному царству. Купец же рече ему: „Для чего две дороги и которая ближе?“. Человек же рече ему: „Кругом лесу 1000 верст, а чрез лес 500 верст“. Купецки[и] же сын вопросы: „Для чего ко одному царству лежат, а не равны?“. Слуга же поведает ему: „Кругом лесу ехать, ничего не боися. А чрез лес хотя и ближе, то уже та дорога залегла тому 30 лет, ибо на той дороге великой разбои и никому проезду нет“. Купец же не хотя ехать тою дорогою. Слуга же рече: „Да ты мене слушатца хотел! Поедем оною дорогою“. Он же не преступи слова своего.

Поехали чрез лес. И как будут среди лесу на поле и стоит двор превеликой, на котором разбойники живут. Разбойники же виде, что стоялцы едут и вси вышли ис хором и спряташася во един анбар, хотя их сонных погубити. Слуга же все то видя, а господин его ничего не виде, токмо вопросы его о дворе: „А сей⁹² двор чей?“. Слуга⁹³ же отвещает:⁹⁴ „Сей двор постоялой, тут нам начевать“. ⁹⁵ И⁹⁶ стало на дворе смеркатца,⁹⁷ слуга⁹⁸ рече: „Господине, начуи zde,⁹⁹ а я пойду на двор к¹⁰⁰ лошаде¹⁰¹ спать“. Он же велми о том печален бысть и¹⁰¹ не хотяше остатися² во храмине и хотяще³ итти с ним на двор спать, с слугою. Слуга же рече: „Да ты хотел, господине мой, во всем меня слушетца, а ныне ты меня преслушаеш!“⁴ Он же⁴ с великою печалию и со страхом остася⁵ начевать во⁶ храмине.⁷ Слуга же поиде и лег спать в телеге.

64—65 Б Потом оныи купецки сын вопросы его 66—67 Б отвещает ему 68—69 Б Ищу себе 70—71 Б нанятца в слуги 72—73 Б о том 74 Б возрадовался 75—76 Б во услужение 77 Б доб. же 78 Б ти дати 79—80 Б „Господине! Колико у тебе служить буду, токмо бы 81—82 Б Аще не будешь слушатца 83—84 Б во услужение 85—86 Б Купец же обещался его во всем слушать 87—88 Б текст испорчен: И вопросы его чрез лежащия две дороги 89—90 Б в которыя царства лежат, в разныя или в одно 91—92 А пропуск, текст восстанавливается по списку Б. 93—94 Б Он же сказа 95 Б доб. И приехаша на двор и вошли в хоромы и в хороммах много пития и кушенья, тако же и постели приготовлены, а людей никого не обретоша. Купец же вопросы его: „Что сей двор: много всего, а нет никого?“. Он же сказа ему: „Сей двор постоялой, а жители сего двора житие имеют верст с 15“. 96—97 Б нет 98 Б доб. же 99 Б здесь 100—101 Б нет.

¹⁰¹ Б нет 2 Б остатися 3—4 Б нет 5 Б остася 6—7 Б нет

И едва⁸ приде⁹ полночь, разбойницы¹⁰ же совеща¹¹ во онбаре¹² промеж собою и хотяше¹³ их погубити. Слуга же слыша тот¹⁴ их¹⁵ совет, воста¹⁶ и взя клещи и стал¹⁷ у притолоки¹⁸ двери. Разбойники же един по единому стали¹⁹ из онбара выходить.²⁰ Он же их²¹ клещами хваташе по единому за голову²² и примаше²³ их за шею и дави их в²⁴ руду.²⁵ Разбойники²⁶ же²⁷ видеша, что их²⁸ един человек подавляше, уже²⁹ и не смеяша из анбара вон³⁰ выходить. Слуга же купцев вниде³¹ в онбар и передавиша³² всех до смерти и покладе³³ всех в онбаре³⁴ и запре их.³⁵ И как свету³⁶ светающу³⁷ поиде во³⁸ хранину к господину своему. Господин же его не³⁹ спит от страха,⁴⁰ яко един начеваше, а того не⁴¹ ведаше,⁴² что слуга их,⁴³ разбойников, подави.⁴⁴ И запрягши лошадей⁴⁵ и поехали до царства.

И приехаша во⁴⁶ царство и ста на постоялом дворе. Егда⁴⁷ же ста⁴⁸, купец же по обычаю поиде по царству и⁴⁹ применяя ко всяким товаром.⁵⁰ И егда будет среди⁵¹ торжища, встрече его того царства сенатор, которой ближе⁵² при царе, и удивляяся⁵³ на красоту его.⁵⁴ Сам же поиде за ним во⁵⁵ след,⁵⁶ куды он поидет и⁵⁷ коего царства.⁵⁸ Купец же приде⁵⁹ на постоялой двор, а сенатор смотрел⁶⁰ и поехал⁶¹ до царя.

Во утрии же день приехаша в то царства из иные земли гости корябленики⁶² и придоша⁶³ к царю з⁶⁴ дарами.⁶⁵ Царь же дары у них принял⁶⁶ и унел их⁶⁷ у себя⁶⁸ обедать. Сенатор же вошед⁶⁹ к⁷⁰ царю и рече: „Пресветлеишии царю! Есть в нашем царстве иностранной⁷¹ купец, которой велми прекрасен, а⁷² на обеде зде⁷³ его нет,⁷⁴ не вижу“. Царь⁷⁵ же рече: „Да где тот купец стоит?“. Он же сказа: „Аз, царю, видех его, где он стоит“. ⁷⁶ Царь же посла по него. Сенатор же приде⁷⁷ к купцу и просиша⁷⁸ его, дабы к⁷⁹ царю шел на обед.⁸⁰ Купец же обеща⁸¹ и купи дары царю. Слуга же купцев рече: „Господине! Ты⁸² идешь к царю⁸³ на обед, возми и меня с⁸⁴ собою“. ⁸⁵ Купец⁸⁶ же отвеща ему: „Како я могу тебе взяти с собою⁸⁷? И я буду со царем на обеде!“ ⁸⁸ Слуга же рече:⁸⁹ „Да⁹⁰ ты хотел меня во всем слушатца!“.

8—9 Б как прииде 10 Б разбойники 11—12 Б совеща¹¹ в анбаре 13 Б доб.
итти 14—15 Б нет 16 Б ста ис телеги 17 Б стал 18 Б нет 19—20 Б ста
выходить из анбара 21—22 Б взя клещи 23 Б принимая 24—25 Б нет
26—27 Б Другие же разбойники 28—29 Б един стоит, но 30 Б нет 31—32 Б пошел
в анбар и передави их 33—34 Б поклав их всех в тот анбар 35 Б нет
36—37 Б росветало и 38 Б в 39—40 Б нет 41—42 Б не ведаша 43 Б его
44 Б передавил 45 Б лошадь 46 Б в 47—48 Б нет 49—50 Б применяться
к товаром 51 Б посреде 52 ближней 53—54 Б удивился красоте его
55—56 Б в след 57—58 Б нет 59 Б прииде 60—61 Б смотрел и усмотривши
приехал 62 Б карабелщики 63 Б придоша 64—65 Б в дары 66 Б принел
67—68 Б нет 69 Б пришел 70 Б ко 71 Б посторонней 72 Б нет 73 Б здесь
74 Б нет 75—76 Б нет 77—78 Б прииде к нему, нача просити 79—80 Б ко царю
с дары шел 81 Б обеща⁸¹ 82—83 Б Ты идеши ко царю 84—85 Б нет
86—87 А пропуск; текст восстанавливается по списку В. 86—88 Б Купец же
отвеща, что его взяти с собою невозможно. 89 Б доб. ему 90—91 Б нет

Купец же взял его с собою. А слуга же рече:⁹¹ „Когда ты, господине, придешь⁹² к царю в полаты,⁹³ и царь увидит тебя, и встанет с своего⁹⁴ места, и возьмет тебя за руку, и посадит подле себя и станет потчивать лутче всех, аз⁹⁵ же,⁹⁶ господине,⁹⁷ стану у двери, и⁹⁸ царь⁹⁹ взглянет на меня и спросит тебя,¹⁰⁰ что¹⁰¹ за человек,² и³ ты скажи, что слуга.⁴ И⁵ он велит меня выслать вон. И ты ему поведай:⁶ «Царю, сеи слуга лутче мне отца родного!» И он велит мне сесть⁷ тут же, посадит⁸ за столом“.⁹

И¹⁰ пришел купец к царю, и увиде его царь¹¹ и ста с своего места, и¹² взял его¹³ за руку, и посади подле себя и стал его¹⁴ потчивать лутче¹⁵ всех. Слуга же купцев стоя¹⁶ у двери. Царь же увиде его и вопроси¹⁷ о¹⁸ сем, что за человек.¹⁹ Купец²⁰ же рече:²¹ „Раб мне“.²² Царь же рече:²³ „Аще ли²⁴ раб, послы²⁵ же ево²⁶ в другую полату, где люди сидят“.²⁷ Купец же отвеща к²⁸ царю:²⁹ „Сеи мне слуга лутче³⁰ отца родного!“ Царь же повеле и³¹ слуге сести³² за стол и посадил³³ через человека от купца.

По окончанию же обеда царь взял³⁴ купца за руку и веде³⁵ его во³⁶ особливую полату и ста ему глаголати:³⁷ „Аз тебе, купче, глаголю, не почитаю тебя за купца,³⁸ почитаю тебя за сына и за зятя. Есть у меня единая дщерь,³⁹ даю тебе в жену и будеши царству моему здержатель, понеже не имел по обычаю себе зятя выбрать⁴⁰ никого,⁴¹ и⁴² ныне⁴³ един ты мне⁴⁴ угоден“. И выведе⁴⁵ дщерь⁴⁶ свою и показа ему. Купец же пад поклонися ему. Царь же обеща за нею приданые⁴⁷ дати⁴⁸ треть царства. И заповеда ему, дабы си никому не поведал: „Аще ли⁴⁹ поведаеши, то злою смертию умреше!⁵⁰ А токмо⁵¹ будем ведать ты да я да невеста твоя, поп⁵² да друшка“.⁵³ И удариша по рукам и отпустиша его, а сам наказа: „Жди дня⁵⁴ уреченаго, когда аз пришлю к⁵⁵ тебе⁵⁶ оного же сенатора“. Купец же поклонися и поиде до⁵⁷ квортеры своея.⁵⁸

И⁵⁹ како идоша дорогою,⁶⁰ слуга же купцев поздравляше ему: „Здравствуи, господине, на⁶¹ царской дщере зговорившись и треть

92—93 Б приидешь ко царю на обед 94 Б нет 95—96 Б а я 97 Б нет
98—99 Б Царь же 100 Б нет

101—2 Б „А сеи, что за человек?“ 3—4 Б Ты же рцы царю: „Слуга мой“.
5—6 Б Царь же повелит вон выслать, а ты ему скажи 7 Б сести 8—9 Б за столом
чрез человека от тебя 10—11 Б Купец же прииде ко царю. Царь же увиде его
12 Б нет 13 Б купца 14 Б купца 15 Б лутше 16 Б ста 17 Б доб. купца
18—19 Б „А сеи, что за человек?“ 20—21 А нет; восстанавливаем по списку Б
22 Б мой 23 Б доб. слугам своим 24 Б же 25—26 Б пошлите его 27 Б ядят
28—29 Б „Царю! 30 Б лутше 31 Б нет 32—33 Б сести за столом и посади
34 Б взял 35 Б поведе 36 Б в 37 Б говорить 38 Б доб. но 39 Б тчерь
40 Б изобрать 41—42 Б нет 43 Б доб. же 44 Б у меня 45—46 Б вывед
тщерь 47—48 Б в приданые дать 49 Б же 50 Б да умрешь 51 Б только
52—53 Б нет 54 Б дни 55—56 Б по тебя 57—58 Б до фатеры своеи 59—60 Б нет

царства взявши!⁶² Купец же удивися сему, како он про сеи сведа,⁶³ никто не был в полате, кроме⁶⁴ царя и невесты,⁶⁵ а⁶⁶ он про сеи сведа. И приидоша до квартиры своей.⁶⁷

Уреченный⁶⁸ же день приде.⁶⁹ В полунощи прислал царь к нему того⁷⁰ сенатора, дабы ехал к венчанию. Купец же сорежаетца⁷¹ для сочетования⁷² законного брака. Слуга же рече: „Господине, возми⁷³ меня с собою!“ Он же сказа⁷⁴ ему: „Да⁷⁵ како могу тебя взяти⁷⁶ с собою?⁷⁷ Царь не велел никому о сем поведати. А⁷⁸ тебя взять, он меня злою смертию казнит!“⁷⁹ Слуга же рече:⁸⁰ „Да ты хотел мене слушатца!“ Купец же чрез великую мочь⁸¹ взял⁸² ево с собою и поехал до⁸³ царя⁸⁴ к венчанию.

И как приехала на⁸⁵ царской двор, царь⁸⁶ же повеле их вести в церковь и обвенчать священнику. По венчанию же их посади⁸⁷ за стол, потом повеле их вести⁸⁸ на ложу спать.⁸⁹ Слуга же купцев кликнуша его к⁹⁰ себе:⁹¹ „Господине, поиди⁹² ко мне до слова!“ Царь же то услыша и рече: „Како еси смел сотворити сие, слуге поведати? Ведаешь, что смертию да умрешь!“ Он же рече: „Царю, но не могу сего сотворити, что его послушатися, понеже под великою клятвою“. И выде к слуге своему. Он же рече: „Господине, аще⁹³ поидешь спать на⁹⁴ ложу с царевною,⁹⁵ возми меня с собою!“ Он же ему сказа: „Да како могу тебя взяти с собою!“ Слуга же рече: „Да ты меня слушатца⁹⁶ хотел!“ Купец же рече: „Да⁹⁷ како могу тебе пустити, понеже нас запрут двоих. Да како же еи, девичье дело,⁹⁸ како еи раздетца⁹⁹ при тебе!“ Слуга же отвеща: „Ты¹⁰⁰ сего не моги! Токмо повели, хотя и двоих запрут, а я уже тамо буду.¹⁰¹ А коли¹⁰² она станет стыдиться,² и ты ей скажи: «Чего тебе стыдиться,³ сии слуга⁴ всегда при нас будет». И станет она с⁶ тобою играть и захочет⁷ спать, ты же не спи и сматри на лице⁸ ея.⁹ Аще же она здрогнет,¹⁰ ты еще смотри. Ежели же в другой раз вздрогнет, то ты¹¹ соиди¹² с постели и стань на¹³ мое место,¹⁴ а я возлягу¹⁵ на одре¹⁶ с нею“.

Потом взяша¹⁷ друшка, купца и царевну и поведоша¹⁸ в особливую полату припочинуть.¹⁹ И запре токмо двоих.²⁰ Царевна же по обычаю раздевшись²¹ и стаща²² в одной сорочке и²³ огленухся²⁴ ко дверем

61—62 Б на царевну дщери зговоривъши 63 Б сведал 64—65 Б кроме меня, да царя, да невесты 66—67 Б нет 68—69 Б И как уреченный день прииде, и 70 Б нет 71—72 Б сряжаяся для сочетания 73 Б доб. и 74 Б отвеща 75 Б нет 76—77 Б взяти 78—79 Б ибо и как мне тебя взяти, то царь меня злою смерти предаст 80 доб. „Господине 81 Б нужду 82 Б взя 83—84 Б нет 85 Б в 86—87 Б обвенчаша и вошли во светлицу и посадиша их 88—89 Б на ложе спать 90—91 Б и рече ему 92—93 Б пропуск 94—95 Б нет 96 Б слушатся 97—98 Б нет 99 Б раздется 100—101 Б „Ты ничего не глаголи при себе быть

VII Б как 2 Б стыдится 3 Б ево стыдится 4 Б доб. мои 5 Б доб. слуга 6—7 Б нет Б 8 доб. же 9 Б ее 10 Б вздрогнет и 11—12 Б скочи 13—14 Б на моем месте 15—16 Б лягу 17 Б взявши 18 Б посадиша 19—20 Б опочивать и запре их 21 Б разделась 22—23 Б нет 24—25 Б оглянулась назад и увидит

и видит²⁵ человека стояща. Она же спроси его:²⁶ „Господине, аки²⁷ что за человек стоит,²⁸ понеже²⁹ дело мое девичье!³⁰ Как³¹ он семо зашел?“ Купец же рече: „Чесо³² тебе, душа моя, ево стыдится,³³ понеже³⁴ сеи раб³⁵ всегда при нас будет служить!“³⁶ Она³⁷ же сташа с ним играть. По игранию же восхоте спати и рече: „Господине, не мешай, аз хошу спати!“ Он же повеле ей спати, а сам ста на нее глядети.³⁸ И как засне,³⁹ вздрогнула необычно,⁴⁰ он же прилежно⁴¹ ста смотрети на нее.⁴² Потом⁴³ во вторыи такожде вздрогнула так силно, что от постели в высоту на аршин поднелася и удари о постель.⁴⁴ Купец же велми ужасеся и сниде⁴⁵ с постели долои⁴⁶ и ста на месте слуги своего. Слуга⁴⁷ же⁴⁸ взя клещи и возляже на постеле.⁴⁹ Потом изо уст ея бысть пламе⁵⁰ огненное⁵¹ и искры по всеи полате. Купец же, сия⁵² видя,⁵³ велми ужасеся и паде на землю и⁵⁴ бысть⁵⁵ аки мертв, уповая,⁵⁶ что слуга его уже умертве.⁵⁷ Слуга же вста⁵⁸ с постели и, взя клещи,⁵⁹ ста у⁶⁰ кровати.⁶¹ И,⁶² виде исходяща изо уст ея змия велика,⁶³ взя⁶⁴ клещами за шею и удави его и, раздробя в мелкия части, спрята.⁶⁵ И⁶⁶ подня господина своего едва жива и рече: „Возляжи на одре с женою своею!“⁶⁷ Он же не хотяше возлещи с нею, но⁶⁸ с нуждею ево привлек и по обычею сотвори по закону брака.⁶⁹

Потом⁷⁰ утру же светающе,⁷¹ царь же⁷² послаше⁷³ друшку: „Поиди выкини⁷⁴ кости, чаю, давно уже змии заел.“⁷⁵ Друшка же приде⁷⁶ и отпер⁷⁷ двери и⁷⁸ ста⁷⁹ отвари, двери⁸⁰ изнутри заперты. Друшка же удивися сему. Слуга⁸¹ же купцев спроси: „Ты кто еси?“ Он же отвеща:⁸² „А ты кто еси и како взошел сюда?“ Слуга же⁸³ отвеща:⁸⁴ „Аз купцев слуга“. Друшка же рече: „Да кто тебя пустил?“ Слуга же рече: „Господин мне повелел, не вас бо слушаю!“ Друшка же рече: „В⁸⁵ добром ли⁸⁶ здравии молодья?“ Слуга же отвеща:⁸⁷ „В добром здравии и⁸⁸ лиходея нашего змия уходили!“⁸⁹ Друшка же воззопиша⁹⁰ великим гласом к царю:⁹¹ „Поиди скоро! Злодеи наш⁹² змии ухощен, а молодые в добром здравии!“ Царь же велми возрадовася и⁹³ поиде⁹⁴

26 *Б нет* 27 *Б а сеи* 28—29 *Б нет* 30 *Б девическое* 31 *Б нет*
 32—33 *Б „Чего тебе его стыдится?“* 34 *Б нет* 35 *Б доб. наш* 36 *Б нет*
 37—38 *Б Она же ляже на одре и ста засыпать. Купец же нача на лице ея глядеть*
 39 *Б во сне* 40 *Б нет* 41—42 *Б еще смотрил* 43—44 *Б Потом в другой раз*
 вздрогнет, что от постели на четверть аршина и ударилася о постелю 45 *Б соиде*
 46 *Б нет* 47—48 *Б А слуга* 49 *Б доб. с ней* 50—51 *Б пламен огнenny[и]*
 52—53 *Б то виде* 54—55 *Б нет* 56—57 *Б нет* 58 *Б воста* 59 *Б доб. и*
 60—61 *Б у постели* 62—63 *Б И внезапу бысть изо уст ея виде змия превеликая*
 64—65 *Б Слуга же взя змию за шею и задави ю* 66—67 *Б Слуга же шед к госпо-*
 дину своему, едва его жива подня, рече ему: „Поиди, господине, и возляже с нею!“
 68—69 *Б Он же нуждою его привлек возлещи с нею* 70 *Б нет* 71 *Б светающе*
 72 *Б нет* 73 *Б посла* 74—75 *Б нет* 76 *Б пришел; доб. к каморе* 77 *Б отопре*
 78—79 *Б нача* 80 *Б доб. же* 81—84 *Б и вопросы того слугу: „Ты кто?“ Он же рече*
 82—83 *А нет; текст восстанавливается по списку В* 85—86 *Б „Все ли в добром*
 87 *Б рече* 88—89 *Б а лиходея ваш змии ухощен* 90—91 *Б возрадовася и побеже*
 к царю: „Государь царь! 92 *Б ваш* 93—94 *Б иде*

с царицею и⁹⁵ велможами. И виде молодых в добром здравии, а змия убита, возрадовашеся⁹⁶ радостью велиею зело,⁹⁷ а⁹⁸ слугу почти и одари дарами честно.⁹⁹ И живяше тут в царстве много¹⁰⁰ лет.¹⁰¹

Потом^{VIII} восхоте ехати ко отцу своему и² просиша у царя.³ Царь же отпусти их⁴ и даша⁵ ему треть царства своего.⁶ Слуга же⁷ не велел ему силы⁸ брать, а⁹ велел взять три ста подвод без¹⁰ людей.¹¹ Купец же рече: „Да¹² кто может их гнать?“¹³ Он же ему сказа: „Ты о сем не¹⁴ тужи,¹⁵ я¹⁶ уже управлюся с ними, возми подводы!“¹⁷ Царь же даде¹⁸ ему и отпусти их с честью.¹⁹

Потом ехаша они дорогою, купец же с царевною, а слуга подводы гонит.²⁰ И приехала на тот разбоинической двор, где он давил разбоиников, и въехала²¹ ста начевати.²² И²³ проводиша их в хоромы,²⁴ а сам лег на дворе. Он²⁵ же в храмине спаша с царевною своею, а слуга²⁶ насыпал все подводы злата²⁷ и серебра и камня драгоценна.²⁸ Поутру же вышедша²⁹ из храмины и видеша³⁰ возы насыпана³¹ златом и серебром и³² удивилася сему³³ и поехала в путь свои.

Потом приехала к тому месту, где у него³⁴ нанелся,³⁵ слуга же стал³⁶ говорить: „Господине, аз теперя³⁷ от тебя иду, даси мне ряжено“.³⁸ Купец же даде ему и разделиша³⁹ возы пополам. Слуга же рече: „Да не обидно ли мне будет? Ты владеешь царевною, а мне что!“ Он⁴⁰ же вопроси его:⁴¹ „Да како нам ея делити?“⁴² Возми ты все триста подвод, а ея не замаи у меня!“ Он⁴³ же ему отвеща: „Тебе⁴⁴ обидно будет. Ты ея разруби пополам!“ Купец же заплака: „Возми⁴⁵ ея один к себе живу!“⁴⁶ Слуга же не⁴⁷ послушав его, вынеша меч и удариша ее.⁴⁸ Она же паде⁴⁹ на землю,⁵⁰ аки мертва. И выскочиша⁵¹ из нея⁵² изо уст⁵³ змеиное гнездо, в нем же змеенков семьдесят, аки черви колышуща.⁵⁴ Слуга же подняв⁵⁵ ее и перекрести и даде ему живу: „И поди ты⁵⁶ живи⁵⁷ с нею без опасения, а⁵⁸ то бы

⁹⁵ Б доб. с ⁹⁶⁻⁹⁷ Б Потом была радость несказанная и велия ⁹⁸⁻⁹⁹ Б нет ¹⁰⁰⁻¹⁰¹ Б многое время

^{VIII} Б доб. же ²⁻³ Б нет ⁴ Б нет ⁵⁻⁶ Б даде ему множество злата и серебра и камня драгоценного и три ста человек людей ⁷ Б доб. купцев ⁸ Б люди ⁹ Б токмо ¹⁰⁻¹¹ Б нет ¹²⁻¹³ Б „Како мы их можем гнать?“ ¹⁴⁻¹⁵ Б не пекися ¹⁶⁻¹⁷ Б Уже все управлю один ¹⁸⁻¹⁹ Б дал ему три ста подвод ²⁰ Б доб. один ²¹ Б нет ²² Б начевать ²³⁻²⁴ Б И положи их в горнице ²⁵⁻²⁶ Б и ношю ²⁷⁻²⁸ Б златом и серебром ²⁹ Б купец выде вон ³⁰ Б виде ³¹ А в ркп.: насыпаша; Б наполнены ³²⁻³³ Б удивилася сему купец ³⁴ Б купца ³⁵⁻³⁶ Б нанялся слуга и стал слуга ³⁷ Б теперя ³⁸ Б ряженое ³⁹ Б раздели ⁴⁰⁻⁴¹ Б Купец же размышляше в себе ⁴² Б делить; доб. И рече: „Слуга! ⁴³ Б Слуга ⁴⁴⁻⁴⁶ Б „Разрубим ея надвое и метнем в неи жребие!“ Царевна же печална бысть велми и восплакася горко о своем бракосочетании: „Отец мой избра жениха купца, а не царского роду. Вотчин нет, а людей не бывало. Един слуга и тот отимае невесту у жениха!“ Оны[и] же купец рече слуге: „Не замаи ея живу!“ ⁴⁵⁻⁴⁶ А „Возми ея один к себе, а не замаи ея живу!“ Текст исправляем по смыслу. ⁴⁷⁻⁴⁸ Б не послушал купца, вынул меч и ударил ея плашма. ⁴⁹⁻⁵⁰ Б упала ⁵¹⁻⁵² Б выскочило ⁵³ Б доб. ея ⁵⁴ Б копышутся ⁵⁵⁻⁵⁶ Б подня ея и перекрестил, отдаде ему и рече ⁵⁷ Б доб. ты ⁵⁸⁻⁵⁹ Б нет

она тебя съела от сих змиев.⁵⁹ И возми все подводы себе⁶⁰ и мое наемное“. И⁶¹ рече: „Знаеши ли ты меня?“. Купец же рече: „Воистину не знаю“. Он же ему поведал: „Аз есмь ангел божи. Послал меня господь бог к тебе за добродетель твою царство даровати, что ты у заимодавца мертвое тело скупил и похоронил, и за то тебе царство и богатство“. И пусти их,⁶² а сам невидим бысть.

Купец же⁶³ взял⁶⁴ подводы⁶⁵ и приехаша⁶⁶ ко отцу своему с великою славою⁶⁷ и честью.⁶⁸ Отец⁶⁹ и мати его вельми о том возрадовашеся.⁷⁰ Потом поживе малое время у отца своего⁷¹ и взял⁷² его со всем домом своим⁷³ и поехаша к⁷⁴ царю тестю своему. По⁷⁵ представлению⁷⁶ царя сяде на царство и⁷⁷ правяше царство свое добре⁷⁸ и благополучно. Конец.⁷⁹

⁶⁰ Б нет ^{61—62} Б пропуск ⁶³ Б доб. подивися сему и прослави бога ^{64—65} Б нет ⁶⁶ Б поехаша с того места в путь свои ^{67—68} Б радостно; доб. Потом приехаша в дом отца своего ^{69—70} Б Отец же его и мати радости наподнися ⁷¹ Б нет ⁷² Б взя ⁷³ Б нет ⁷⁴ Б ко ^{75—76} Б По представлени[и] же ^{77—78} Б исправляя честно и славно ⁷⁹ Б Конец и венец и радование. Аминь.

Д. С. БАБКИН

Русская риторика начала XVII в.

Древне-русских трудов по теории ораторского красноречия до нас не дошло. Рассматриваемая нами здесь русская Риторика начала XVII в. является первым из числа известных нам в этом роде произведением. Она написана была русским автором на десятки лет раньше известных в западной Европе XVII в. риторик Кауссина и Поменя, которые буржуазная историография обычно считала первообразом всех русских риторик XVII и начала XVIII в. Данная Риторика, как показывают факты, имела широкое распространение в списках и легла в основу позднейших русских риторик, поэтому заслуживает того, чтобы обратиться на нее должное внимание.

Обычное представление о риторике связывается со средневековыми схоластическими училищами, в которых она преподавалась. Но такое представление неверно. В русской книжности знакомство с риториками опередило организацию налаженного школьного обучения.

Первые, известные нам, занятия риторикой в России сосредоточивались в монастырях, — центрах древне-русской книжности. В начале XVII в. русское правительство обращается в монастырь за помощью к лицам, „которые подлинно и достохвально извычны книжному учению и грамматику и риторию умеют“.¹

От этого времени дошла до нас Риторика, на основании которой мы реально можем представить себе уровень и проблематику тогдашней науки о красноречии в России. Она сохранилась в ряде рукописей начала XVII в. Нам известны из них следующие:

1. Сборник, озаглавленный „Философская“ [книга], XVII в., в 8-ю долю, на 654 листах; писан полууставом и частично скорописью; переплетен в деревянные доски, обтянутые тисненой кожей, с двумя медными на ремнях застежками.

¹ Н. Кедров. Просветительная деятельность Троице-Сергиевой лавры за первые три века ее существования. М., 1892, стр. 59; А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. 1903, стр. 119—120.

Находится в собрании Московской синодальной библиотеки, хранящемся ныне в Государственном Историческом музее, № 933.¹

Сборник состоит из следующих частей:

лл. 1—205 „Книга глаголемая осмочастная Иоанна Дамаскина подobaет нам тако списати и глаголати“,

лл. 206—369 „Премудрая святая диалектика блаженного Иоанна Дамаскина“,

лл. 370—473 Риторика, озаглавленная „Книги суть риторики двоим по тонку в вопросах списаны, скорого и удобнаго ради научения“,

лл. 474—616 Книга притчей,

лл. 617—651 „Книга глаголемая космография“,

лл. 652—654 разрозненные заметки по философии и другим вопросам.

Входящие в состав сборника части писаны в разное время тремя разными почерками. Рукопись Риторики имеет точную дату. В конце ее, на обороте 473 листа, сказано: „Преписана с божиею помощию в лета 7128 (1620) году в марте месяце“.

Однако сборник в целом был составлен гораздо позднее. В конце Диалектики Дамаскина, на листах 365—369, имеется небольшая глава „Увещание о летописце“, в которой писец рассказывает о времени работы над этой рукописью и дает некоторые весьма любопытные сведения о себе. В этой главе он сообщает, что начал переписывать Диалектику „в лето осмия тысящи 148 году от создания мира (т. е. в 7148—1640) месяца июлия 28“, а закончил 8 августа того же года.

„Наконец, — продолжает он, — убогаго ми во слезах жительствова от желания многолетна со многим рачительством и любезным приплетаея прилежаннем, потщахся сию святую премудрую философскую книгу восписать хартиєю и чернилом многогрешною ми рукою, собирая на справу многи инья сеи подобныя книги и к сим прилагая благоданную ми благодать грамматически справу, да бы ми воистинну истинна изобрести. Зане видех сию премудрую и глубочайшую в разуме книгу от презорства и нерадением невеж пишущих во многих главизнах и словесах сущаго ея разума улишени и пребых множицею чтый, искии истинни и изъясняя светлость глагол чертами, запятыми и точками, еще же и оглавление наложих по числу цыфирных мудрости ради разумения неведущих. О скорбех моих, бедах и в гонении напастях не вем что изреку, выше бо силы моя постигоша мя во время оно ненавидящии мя. И умножися паче влас главы моя стужающии ми всуе, зане сидех в дому плача и воздыхания. Сильными святыми века сего за извещение слова божия предан бых во узы яко злодей и связан железы лютости, всегда томим пристрастивными озлобленни

¹ Упоминается в обзорах: В. Погорелов. Библиотека Московской синодальной типографии. Часть первая — рукописи. Выпуск второй. Сборники и лексиконы. М., 1899, стр. 24; А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. 1903, стр. 119—120,

и естественными недостатками воды и хлеба. И сих ради безмерных скорбей, яко вран на нырищи забдех, и яко птица не имый во обитание дому, и едва возмогах видети конец в совершении желания моего, и о сем возвеселихся, яко обретая корысть многу; и аще в чесом за немощь человеческого ума погреших, и аще кто от любомудрых паче нас весть, да не будет зазрително, ибо человек есть, и еще учащих мя ишу и требую вразумляющих. Вы же, возлюблении, хотяши преписовати или чести моих рук сие трудолюбство, и где аще в чесом погрешено обрящете, молю вы по бозе со прилежанием смиренномудрия, а не с кичением тщеславия собою свое исправляйте, и бог мира да будет с вами zde и в день будущего века. Аминь.

Аще кто хочет разумети имя написавшаго книгу сию, и се предлагаю ти счет по алфе. Имают бо начало сугубую пятерицу [i] и по семь осмыкружная сторица с единицею [oa] и дваши пятерица десятиц за един [н н]. Чтый да разумеет [т. е. имя Иоани]“. Последние две страницы этой главы замараны чернилами, а некоторые строки даже выскоблены ножом. Читается только написанная на полях скорописью фамилия писца: „Козырев“. Внизу страницы (оборот 368 л.), на которой в зашифрованном виде было написано имя и фамилия писца, сказано: „Житель Великого Новаграда“.

Следовательно этот, судя по обширной записи, писец Иван Козырев жил в Новгороде и занимался переписыванием книг, за которые, по новизне их содержания, подвергался со стороны „невеж“ гонению и даже заключению в „доме плача и въздыхания“.

Данный сборник хотя и не весь писан рукою Ивана Козырева, но составлен несомненно им. Об этом свидетельствуют отдельные приписки его рукою в разных местах сборника. Рукопись Риторики, включенная в этот Сборник, является более ранней, относящейся к 1620 г., и написана другим лицом. Однако Козырев, включая ее в свой сборник, написал к ней на восьми страницах нечто в виде предисловия, озаглавив его: „О Ритории похвала и сказание“ (лл. 370—373). Совершенно в аналогичном стиле им было написано также предисловие к Диалектике Дамаскина (лл. 206—209), которое называется: „О диалектике похвала и сказание о разуме ея“.

Наконец, в самом конце сборника, в виде заключения, рукою Козырева написано „Сказание о седми свободных мудростей“. В этом сказании говорится:

„Мудрость первая словесного любомудрия — грамматика; мудрость вторая по сей словесного же любомудрия — мудрая диалектика; по сем третья мудрость словесного любомудрия — премудрая риторика; мудрость 4-ая — мусика; мудрость 5-ая — арифметика есть числительная; мудрость 6-ая — геометрия, яже есть землемерная; мудрость 7-ая — астрономия, яже небоокружная и небесная воздушная движения“.

Обрамляя разрозненные рукописи приписками, Иван Козырев очевидно стремился установить между отдельными статьями внутреннюю

связь и тем самым создать некоторое единство всего сборника. Судя по помете на рукописи „Диалектики“, сборник этот был составлен им в 1646 г.

В дальнейшем этот сборник переходил из рук в руки. О владельцах его сохранились записи 1640 и 1679 гг., сделанные на внутренних сторонах крышек переплета.

В конце XVII в. этот сборник поступил в Патриаршую библиотеку, а из нее был передан, очевидно, для временного пользования вместе с другими риториками и учебными сборниками в школу Законоспасского монастыря в Москве. Факт передачи зафиксирован на форзаце сборника. Внизу листа киноварью написано: „Прислана с патриаршего двора в 7205 (1697) году“. Такие же надписи киноварью, сделанные одним и тем же почерком, встречаются и на других рукописях, переданных в 1697 г. из Патриаршей библиотеки в Законоспасский монастырь.

На обороте титульного листа сборника имеется надпись профессора Спасской школы Афанасия Скиады, в которой он определяет время написания рукописи. Его рукою написано наверху листа: „Videtur scriptus seculo 17“.

Долгое ли время пользовались этим сборником в Спасской школе, — никаких помет об этом на рукописи нет. Однако данная Риторика XVII в., по этому списку или по какому-либо другому, была занесена Афанасием Скиадою в составленный им в 1722 г. каталог рукописных книг, содержащихся в Синодальной библиотеке.¹

Один из сборников, содержащий в себе рукопись Риторики аналогичного содержания, попал из школы в Библиотеку Московской синодальной типографии. На нем также стоит надпись: „Прислана с патриарша двора в 7205 (1697) году“. Ниже имеется позднейшая помета: „Книга Риторика была в школе“.²

¹ Каталог этот был издан в 1723 г. в Москве, на латинском и русском языках под заглавием: „Два каталога рукописных книг греческих, в Синодальной библиотеке в Москве обретающихся, которые в лето 1722 году в месяце марте Афанасием Скиадою, прежде бывшим от кавалерии обер-аудитором, ныне же эллиногреческия школы профессором рассмотрены и разобраны. От них же первый содержит 50 кодексов или книг, в которых и время, в которое оные были списованы, явилось означено. Другой объемлет в себе 304 книги, и там век, в котором списованы, по мнению помянутого Скиады, надзнаменован. При сем прилагается вместо пристяжения третий каталог 93 книг рукописных, в библиотеке Типографии Московской содержащихся“. Запись о риторике сделана во втором каталоге данной книги, на стр. 51: „Реторика неизвестного XVII в.“. Об истории составления данного каталога сообщает архимандритом Саввою в его „Указателе для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) Библиотеки“, 1858, стр. 18—19.

² Риторика эта ныне хранится в Государственном Архиве древних актов в Москве, № 1028. Она описана в кн. В. Погорелова „Библиотека Московской синодальной типографии. Часть первая — рукописи. Выпуск второй. Сборники и лексиконы“. М., 1899, стр. 23—24.

2. Риторика, аналогичная по содержанию предыдущей. Написана в 8-ю долю, на 79 листах, частью полууставом, частью скорописью начала XVII в. На полях имеются позднейшие небольшие дополнения. Экземпляр реставрированный, переплет бумажный, сделанный в XIX в.

Из собрания П. И. Щукина, № 941; хранится ныне в Государственном Историческом музее.

Начальная страница Риторики отсутствует. Лл. 1—2 заняты словарными записями. Текст Риторики начинается с 3 листа, нач.: „латынстий мудрецы риторику сию науку нарекли...“.

Бумага рукописи имеет водяные знаки — кувшинчик с украшениями наверху из кружков. Н. П. Лихачев указывает, что бумага с таким знаком была распространена в России в XVI в.¹

Рукопись Риторики датирована. На последнем ее 79-м листе внизу написано: „С подлинным справлена слово в слово. Anno dominy 1622 года“. На обороте 79 листа латинскими буквами повторено: „S podlinnoy spravleno“. Ниже этой надписи указан владелец рукописи: „Новгородский мещанин Феодор Васильев господин Фирсов“.

3. Риторика, аналогичная по содержанию предыдущим двум. Написана в 8-ю долю, на 45 листах, мелким полууставом; в кожаном переплете, сделанном в XIX в.

Из собрания В. М. Ундольского, № 874; хранится ныне в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина.²

Заглавие: „Книги суть риторики двои по тонку в вопросах списаны скорого и удобнаго ради научения“.

Бумага рукописи имеет водяные знаки с изображением гербового щита, увенчанного короной; на щите буква N, под щитом в картуше полное имя французского фабриканта: „Jean Nivelles“. В России бумага с таким знаком, как указывает Н. П. Лихачев (Пал. знач. бум. вод. зн., т. II, стр. 149 и т. III, таблица ДС VII, № 4059), была распространена в середине XVI в.

Рукопись датирована. В конце ее имеется следующее примечание писца: „Написася в лета 7131 (1623) года февраля в 8 день. С книги пресвященнаго митрополита Макария богоспасаемых градов Великаго Новаграда и Великих Лук. Подаждь ему, Христе, во общую пользу непобедимыя ти десница помощь. Аминь“.

4. Сборник, состоящий из двух частей: часть первая — Риторика, озаглавленная „Книги глаголемыя суть риторики двои по тонку в вопросах списаны скорого и удобнаго ради научения“; часть вторая —

¹ См. его кн. „Палеографическое значение бумажных водяных знаков“, 1899, т. II, стр. 249—250, № 1657.

² Упоминается в обзорах: А. Викторова. Очерк собрания рукописей В. М. Ундольского, в полном составе (напеч. в кн. „Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского“. М., 1870, стр. 28); А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси, стр. 119—120.

„Книга глаголемая Алфавит“. Обе части написаны одной рукой в 8-ю долю, на 173 листах, полууставом начала XVII в. Рукопись переплетена в деревянные доски, обтянутые тисненой кожей, с двумя медными на ремнях застежками. Риторика занимает листы 1—57.

Из собрания Московской синодальной типографии, № 1028; хранится ныне в Государственном Архиве древних актов в Москве.¹

Рукопись Риторика по содержанию аналогична предыдущим. В. Погорелов относит ее к началу XVII в., не указывая, однако, точно года ее написания. Соболевский считает данную рукопись Риторика копией с вышеописанного нами списка Риторика 1620 г., принадлежащего Синодальной библиотеке, № 933,² но также не указывает, в каком году эта копия была сделана. Мы можем судить о времени написания ее по помете в конце сборника, в который она входит. В последнем абзаце второй части сборника сказано: „В лето 7128 (1620) маиа в 26 день на память святого апостола Карпа, единого от отцев, написана бысть сия святая и боговдохновенная книга глаголемая Алфавит в богоспасаемом и пременитом граде Ярославле повольском рукою многогрешнаго раба божия Георгия Евсевиева сына Комынина“.

На основании этой пометы нельзя еще считать, что список Риторика был сделан также в 1620 г. Но тот факт, что он писан одной и той же рукой, т. е. упомянутым Георгием Комыниным, и оказался в одном переплете с Алфавитом, позволяет нам считать, что он был сделан в 20-е годы XVII в.

В конце XVII в. данная рукопись Риторика оказалась в Патриаршей библиотеке, а затем, вместе с другими рукописями, Риторика была передана в школу Заиконоспасского монастыря. На обороте верхней переплетной доски киноварью написано: „Прислана с Патриарша двора в 7205 (1697)-м году“.³ Из Спасской школы рукопись Риторика была направлена не в Патриаршую библиотеку, как следовало бы ожидать, а была передана в синодальную типографию. В типографии на той же верхней переплетной доске чернилами было помечено: „Книга Риторика была в школе“. Вполне возможно, что, передавая данную рукопись Риторика из школы в типографию, хотели ее напечатать, но затем по каким-то причинам издание это не состоялось. Передача Риторика из школы в типографию состоялась, очевидно, уже после выхода в свет Каталога Афанасия Скиады, т. е. позднее 1723 г., так как в числе 93 книг „рукописных в библиотеке типографии“, перечисленных Скиадою, Риторика не упоминается.

¹ Сборник описан В. Погореловым в кн. „Библиотека Московской синодальной типографии. Часть первая — рукописи. Выпуск второй — сборники и лексиконы“. (М., 1899, стр. 23—24); упоминается А. И. Соболевским в кн. „Переводная литература...“, стр. 119—120.

² Там же, стр. 119.

³ Указанный 7205 год в рукописи написан буквами в замысловатом графическом начертании. В. Погорелов в вышеназванном его описании, не расшифровав этой даты, ошибочно написал вместо „в 7205-м году“ — „в сем году“.

5. Сборник, состоящий из „Грамматики славенска языка“, Риторики и Пасхалии. Написан в 8-ю долю, на 153 листах, разными почерками. Грамматика (лл. 1—77) скорописью начала XVII в., Риторика (лл. 78—139) полууставом. В кожаном переплете.

Из собрания Московской синодальной библиотеки, № 918; хранится ныне в Государственном Историческом музее.¹

Рукопись Риторики по содержанию аналогична предыдущим. Название: „Книга глаголемая Риторика“.

Время написания рукописи Риторики указано в конце ее. На обороте 139 листа писец закончил свой труд следующим обращением к читателю: „Да аще стяжет и известит кто сие учение, мног будет в разуме. Аз же неключимый Феодор имрек. Всем православным христианом любви вашей и временных и вечных благ желатель, трудолюбне потчався написати сию книгу лета 7139 (1631) году, в славу святой единосущней и неразделимой троицы, отцу и сыну и святому духу, аминь“.

На обороте 1 листа имеется помета владельца рукописи. Скорописью XVII в. написано: „Справщика иерея Никифора Симеонова“. Выше этой пометы написано рукою Афанасия Скиады: „Videtur scriptus seculo 17“.

Мы перечислили пять рукописей Риторики, которые были написаны почти в одно десятилетие, в период с 1620 по 1631 г.

По содержанию все вышеперечисленные списки являются одинаковыми (в части основного текста) и, следовательно, исходят от одного источника.

Риторика эта состоит из двух книг: Книга первая „О изобретении дел“ и книга вторая „О украшении слова“.

В первой из них содержится пять разделов:

- 1) Общее определение риторики и ее задач.
- 2) О родах речей („научающем, судебном, рассуждающем и показующем“).
- 3) О местах общих для каждого рода речей.
- 4) О возбуждении страстей.
- 5) О расположении слова или рассуждения.

Не все из этих разделов в одинаковой степени широко изложены, но между ними имеется внутренняя связь, вытекающая из основной цели науки о красноречии.

„Что есть риторика и что содержит учение ее?“ — спрашивается в первом разделе. „Риторика есть яже научает пути правого и жития

¹ Упоминается в „Алфавитном указателе славянских рукописей Московской синодальной библиотеки“ в кн. архимандрита Саввы „Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне синодальной) библиотеки“, 1858, стр. 227. — В. Погорелов. Библиотека Московской синодальной типографии, стр. 24; А. И. Соболевский. Переводная литература, стр. 119.

полезного добрословия. Сию же науку сладкогласием или краснословием нарицают. Понеже красовито и удобно глаголати и писати научает“.

Перед ритором ставятся две задачи: 1) быть „в науке речения зело хитрым“, т. е. знать в совершенстве все правила сочинения речей; 2) содержание его речей должно носить строго деловой и общественный характер. — „А существо его таково есть, — говорится о риторе, — чтоб ему о таких вещах говорити мощно, которые в делах и на градских судах по обычаю и закону господства того где родился, бывают пригодные и похвальные“.

Далее указывается, что ритор должен быть высоко честным и отзывчивым человеком. В его душе должно находить живой и страстный отклик любое общественное событие, любой человеческий поступок. Он должен откликаться на все: „будет бо что ни есть бесчестного или паки славы достойного, богатого или убогого, праведного или нечестивого. Был бы чтоб умел рассуждати и ко всякому делу подобающие слова прилагати“.

Вторая книга Риторике посвящена вопросам украшения слова. Она состоит из шести разделов:

- 1) Общее определение, что есть украшение слова.
- 2) О выобразении или вымысле.
- 3) О родах и видах вымыслов.
- 4) О видах риторических слов.
- 5) Об источниках риторических слов или откуда черпать писателю материал для своих произведений.
- 6) О тройных родах глаголанья.

В риторике отмечается два рода речей: речь простая, естественная и речь художественная. Специфика художественной речи заключается в украшении. Отмечается различие риторике и диалектики, и в связи с этим говорится: „диалектика простые дела показывает, сиречь голые. Риторика же к тем делам придает и прибавляет силы словесные, кабы что ризу честну или некую одежду“.

Во вступительной части второй книги — „О украшении слова“ говорится: „Украшение слова есть, которое ясно и явно и сладкоречием или глаголаньем дела и вещи объявляет и показывает“. Далее указывается, что художественная, т. е. украшенная речь, „созидается и постановляется“ на трех вещах. „Первое на речи грамматической. Второе на выобразении (вымысле). Третье на умножении вещей и дел“.

О речи грамматической в Риторике ничего не говорится, но зато довольно много сказано о вымысле. К ним отнесены разные тропы и фигуры и каждой из них дано соответствующее определение.

Троп упоминается восемь: 1) метафора, 2) металепис, 3) синекдоха, 4) метонимия, 5) антономасия, 6) ономатопея, 7) катехресис и 8) перифразис.

Тропы Разделены в Риторике на два вида: первые относятся к одному слову, как, например, лаять вместо обвинять, печальник вместо

философ; второй вид троп относится к целому повествованию. Первый из этих видов троп назван словесным, второй — тропом речения. К тропам речения (повествования) отнесена аллегория.

— „Что есть аллегория?“

— Аллегория есть вечная и постоянная метафора. Не во едином слове, но о повести. Егда которая речь вещь описуется и объявляется некоторым подобием. Яко же давити кого, вместо того глаголется, что есть виною до безголовного дела“.

Самой аллегории устанавливаются четыре „образа“:

- 1) енигма (хитрое некоторое подобие или загадание);
- 2) парамия, которая есть повесть славная, некоторым новым делом честная;
- 3) ирония (некоторое хитрое молчание);
- 4) сарказм (близко есть иронии, сиречь насмеяние или поругание, воображение).

Однако в Риторике не рекомендуется чрезмерно увлекаться красивыми вымыслами, ибо всякая речь или произведение должно соизмеряться с добрым делом. „Самое украшение и честь добродетелей не возбуждает людей, — говорится далее, — егда не было бы мзды делом добрым. Ибо прискорбное и жалостное есть без мзды быти благим“.

Риторика заканчивается главой „О тройных родах глаголения“. В ней перечисляются три рода: смиренный, высокий и мерный.

Но кроме основного текста имеются в двух списках некоторые дополнения, помещенные перед Риторикой. Написаны они гораздо позднее самой Риторики и, как явствует из их содержания, с целью пропагандирования ее среди читателей. Два из таких дополнений помещены в списке Синодальной библиотеки № 918, сделанном писцом Феодором в 1631 г.

Первое дополнение называется „Ознаменованье или приказнь Риторики“. Оно представляет собою небольшой рассказ о некоем царе, приобретшем землю и установившем на ней порядок и цветущую жизнь. Рассказ этот в занимательной и доступной форме иллюстрирует основные положения данной Риторики. В нем содержится десять глав, взятых из Риторики, и к каждой главе подобрана аналогия из жизни описываемого государства некоего царя. Вот этот рассказ:

„Ознаменованье или приказнь риторики

Изобретение дел.

Царь некто обрете землю удобну и красну и людей в ней множество. Повеле царь ту землю и в ней люди и дома их описать и изчесть.

Чиновное различие.

О том царь повеле росписать их на многостройная урядства: овех на духовный чин, овех купцев устрои; других же войны, инии же паки оратаи и прочая чиновная устроения.

Соединение словес.

Повеле же царь им всем на земли той вкупе действием пребывати, сиречь купити и продавати. Овем же землю делати и недостатки коемуждо ко ближнему своему исполняти.

Память.

Потом же приведе царь от прочих стран разумныя люди различных чинов и повеле им в той земли купити и продаяти и во своя страны отходити. От оных же стран детей и сыновцев приведе и всели в ту землю.

Гласомерное слово от ума.

И повеле им тако пребывати всем вкупе. И кроме его повеления никому же входити в ту землю, яко да не будет тесноты и излишняя зависти и нестроения во устроенной земли и стране той.

Четыре роды.

Потом устрои в той обретенной земли царь четыре уряднейшия дела, над ними же четыре начальники и подначальники, без них же невозможно царству тому состоятися. И овем убо повеле учити люди закону божию и правде; друзии же судити и управляти; инем же паки советовати о всяких належащих делех в земли той; инем же паки по повелению, овех воинствовати, инем же в миру пребывати и иная творити. Мнози же от тех овии венцы и честь и славу приимаху; друзии же осуждению и казни подлежаху. Вся же сия действоваху некия изряднейшия четыре строители устроенныя на сие от царя во стране той и иже во стране той под ними сущия советники.

Шесть частей или статей риторских.

Постави же им царь шесть градов славных и превеликих иже и во всей вселенной славе происходит о них; в них же от многих стран прихожаху и приносаху различная сокровища и бисеры, купли и прибитки дела многого.

Места или статьи общие.

Посреде же всея земли тоя течаше река превелия и сладкопивная, от нея же пияху людие и веселяхуся и по ней путь шествоваху; ово вниз, ово же спротив реце той.

Возбуждение или воскурение сердца.

Некогда же от неких стран егда прихождаху новослышанная начинания, тогда людие с великим устремлением всячески тех к себе ово ласканием, ово извещением, ово прощением примиряху. И тако пребываху во устройении своем неблазненно и безмятежно.

Вторая книга.

Егда же обогащяхуся людие, облачяхуся в красныя и златыя ризы. И тако украшяхуся людие и богатством многим цветяху“.

Следующее дополнение, содержащееся в этом списке, называется „Предисловие“. Написано оно от лица самой Риторики.

„Аз есмь риторика доброглаголивого и яснозрительнаго разумения. Мною грамматика исполняется и диалектика украшается.

„Сими учении витийскую мудрость составляти научаю и благословенная речения ясноглаголателно вещати вразумляю.

„Мною пространное разумение сокращается, сокровенное ясно глаголется и ясное паки или явное сокровенно вещается. От мене мнози риторичи и ветия нарицаются и к высокому царю наставляются; понеже коеждо разумение разделенное собирати вразумляю, многообразие совокупляю и в совокупление многое разумение показую. Аз словесным мужем паче в речении силу подаваю и светлоречием украшаю; и в применении словес приточными речениями и многообразными предложениями умудряю; и знаменания и судебныя окружения и истинну и в противлении познание и изящное разумение и прочая разсуждения многомудренными разумениями указую. И сего ради мнози вотще покушаются разумети моя пределы, зане в косвенных и нерадивых едва вмещение бывает моему высокому указанию и различеству и собранию“.

Третье дополнение к Риторике содержится в списке Синодальной библиотеки № 933. Называется оно „О Риторичи похвала и сказание“. Основной текст этого списка, как мы указали выше, был написан в 1620 г. Что же касается данного дополнения, то оно было сочинено составителем сборника, в который входит Риторика, новгородским книжником Иваном Козыревым в 1640 г. Оно также написано от лица Риторичи. В нем имеется весьма любопытное косвенное указание на то, как наука о красноречии прививалась у нас в России в начале XVII в.

Риторика говорит вначале о том, что ее „зрят мнози“, но тут же жалуется и на недостаточное внимание к ней. Так как в России эта наука была новой, то автор данной „похвалы“ старается далее разъяснить читателю все достоинства ее и показать, какую она может принести реальную пользу в жизни. С точки зрения пропаганды Риторичи, эта „похвала и сказание“ о ней представляет весьма интересный документ. Приводим его полностью.

„О Риторичи похвала и сказание

Зрят мя убо мнози и не внимают о мне. Аз же яко приятель есмь мудр и благ, иже всех добротую люблю, и в лепоту желания моего всех призываю, и всем по существу има случаю, но вы своя мене честныя науки удаляетея и навывкнуги мене не желаете. Сего ради и нечаянием моего учения или пристроением некако обычнаго ми права по естеству, яко же лепо бывает, но простии умышлением аки неким глумлением ко мне всегда присвояетея, понеже везде и всегда еже пишете и глаголете, то все мною свершаете и украшаете и удобно мнительством сотворяете, и егда что в писменех или в стихов или

в посланиях или в коих беседах и в разговорных речениях без моего риторического пристроения тогда убо разуметися нарицаете и сами неколико в том же ся обретаєте, понеже свою мудрость мене, риторику честную науку, презираете и о науце моего учения стужаете, еже могущую обретаєте вас паче ея умастити и паче червленицы украсити и паче зланных цветов и благовонных аромат разум ваш моим учением удивити. Мною бо и Димостен, иже древний от еллин честен философ, славен ся учинил; той бо мя исперва поиска и обрете, и по нем прочии ритори, иже чудни разумом в человецех явишася, и хитроречию началницы быша и иже мене и риторику нарекоша. Рисис бо по еллински глаголанье или речение толкуется. И иже кто о мне упражняшесь, ритор той нарицашесь, не мене ради, но аз тем, той бо есть существо, аки и мед и воск, аз же случай, яко зрак и печать или он и аз аки плоть и румяньство. Понеже он сый человек, аз же бе наука. Селение же и удобное совокупление имам, еже и диалектика глаголет, яко та со мною и аз с нею. Похвалная же и златоструйная грамматика с нама же и начало нама. Но сия убо и сия во своих гласовательных трубах да вещают о себе. И аз убо возвещаются да глаголю, есмь бо от седмих честна и велика свободная мудрость, риторика нарицаюся, сийречь хитроречия источник, тем примите мя с любовным вожделием, аз же дамся вам з быстрым светлоречием. Аз бо мудрость есмь сладкогласнаго речения. Аз сладость дивнаго чиновнаго сказания. Аз доброта неоскудеваемого богатства. Аз сокровище некрадомаго стяжательства. Аз велеречие неотягчавающее ушесам. Аз от человек вражды темныя всегда отгоняю и в тоя место светлую любовь в них вселяю. Аз гнев пожиною и брань попираю, благостыню вселяю и совет составляю. Аз лукавая словеса (всегда)¹ посекаю и ложь обличаю и лесьть отсекаю, а целомудрие утверждаю. Аз светлая слава и умная сила. Сего ради не может мудр быти философ, иже неразумевый мене. Взыскавый же мене не утрудится, и обретый мене скоро бес печали будет. Аз младыя научаю и старыя умудряю и в роды благородия того вселяю, понеже во вся мысли урядство слова извиваю, чтобы знал и ведал и имел во всяких вещех детелны, и зримых и в судбах земьских по обычаю закона государства того где кто родился, пригодно и угодно ясно сказати и розсказати, и ко всякому речению светлости словесныя придавати и сладости исполняти и слышащих всех удивляти, и о настоящем бы словеси или речении быстростию суда разстройствовати, и в конечном словесе разговором моим многозримым смыслом незабыти умудрити, и о том, что отчего или откуда приемлются и шествуют укрепления и разрешения изящнаго разсуждения и чего подобает смотрити и хранитися, в том постановлении здравствуйте“.

¹ всегда в тексте зачеркнуто.

Не менее интересным документом является также предисловие к Диалектике Дамаскина — „О диалектике похвала и сказание о разуме ея“, написанное тем же составителем сборника Иваном Козыревым. Оно написано, как мы уже отметили выше, в аналогичном стиле и несомненно с той же целью — пропаганды новых словесных наук среди русских читателей. В этом предисловии к Диалектике говорится также о месте риторики в системе словесных наук.

„О диалектике похвала и сказание о разуме ея

Что чюдитесь и на мя зрящи помышляете и ко мне мнимого ради строптивства не приступаете? Несмь бо такова еже мнительством, но есмь мудра яже зрительством. И се есми велика, и се честна и естеством свободна, яко едина от седми мудростей диалектика по еллинах и, паче рещи по сладчайшему ми русскому во языцех, словесница нарицаюся. Селение же имам и союз общаго рачительства с премудрою грамматикою и со красною риторикою. Одесную мене сия и ошуюю сия, и егда удобно возгласимся составы, тогда и чины и всяко стихом красоту налагаем. Речение же и учение приличным подобием и амвийскою мерою украшаем. Прочее же убо грамматика и риторика во своих беседах сами ся известят.

А аз, диалектика, взыскающим о мне сице поведая реку: есмь бо такова от создавшего учинена, и несть иже под солнцем вселенныя, кои не подражаша мене словеснии вси. Сего ради и естествословием наричюся к вам. Но вы своя доброты мене удаляетея и своим нечаянием мене пехаете и отрываете. Без мене же быти никогда убо можете, все бо везде и всегда, малии реку и велицныи, кроме мене оправдитися пред богом и человеки не можете. Тем и присвоение в лепоту ко всем вам реку. Иже бо аще кто мыслит и помышляет или мудрит или умудряет или умничает и доумничает или славит или прославляет или речет и прорицает или молит и молитвует или ведает и проведает или беседует и советует или ино таковых подобием речет и действует, то все мое бе естество славное, хитрое и мудрое, явленное пролитие и простертое излитие. Аще кто от древних бысть мудр еллин, рекше Мирос и Платон и похвальный во вратех Аристотель, и прочии вси о мне, диалектице, познашася. Таже и самый во глубоцей премудрости Соломон великая слава, яко един от сих, мене, велемудрую диалектику, позна и рек о мне: Сию возлюбих и взысках от юности мояя. Тако же во всех праведных душах мое естество словесное сияние процветает и други божия соделовает и пророки уставляет, верныя же утверждает и вся премудрыя философы благословием умудряет.

Аз бо учительница божия наказания. Аз возжеление множества разумения. Аз любление пресветлаго правдования. Аз мужества умение и целомудрия хранение. Аз будущая и древняя научаю познавати. Аз временам изложения и веков начинания ведати сотворяю. Аз в народе

славная слава и в стареющихся честная честность. Аз на соборех людских златоструйного источника многословное извятие и добротинное строение. Аще бо умолчу — вси мя ждуть, аще возглаголю — вси ми вонмят. Аще два притася на судищи, много правый не обвинится, и виноватый на суд не потягнется. Ниже судя и сам и внимая, и о мне погрешити сима не может. Ниже кто спорлив похощет, ниже кое туне глаголати пожелает, но присно о блазем упражнятися понуждает, не токмо и неразумия своего ся лишает, но и всяко на подражательство благих вещей скоро всегда востекает, дабы ему погрешительно еже что рещи и творити, и тако полумудрию сему моему возрительное же и деятельное разделить уставляет, и не сущее осуществовати являет, о случайми тех по тождественному сличеству совершает, и ясно всех быстротекущими гласы напаяет, и мудрыми разумении исполняет, и славославием услаждает. Такова есмь мудрая диалектика, рекше словесница“ (лл. 206—209).

Совпадение, почти буквальное, некоторых выражений, особенно в начале каждого из приведенных двух предисловий и наивная вера в чудодейственную силу риторики и диалектики, свидетельствуют о том, что оба эти предисловия написаны одним лицом, т. е., как выше было указано, новгородским книжником Иваном Козыревым.

Кто является составителем первых двух предисловий к Риторике, содержащихся в списке Синодальной библиотеки № 918, сделанном в 1631 г., — никаких данных об этом нет. Можно лишь предполагать, что составил их тот же самый писец, который в конце рукописи загадочно подписался „Феодор имрек“.

Для нас несомненным является только тот факт, что все три приведенные здесь предисловия были написаны значительно позднее основного текста Риторики.

Когда же и кем написана была эта Риторика?

А. Востоков, описавший в 1842 г. список Румянцевского музея, № 192, высказал о ней следующее мнение: „Переведена, как видно, с польского. Ибо собственным именам греческим и римским дана польская форма, например атеиенчики вместо афиняне, Маркиса Тилиуша вместо Марка Тулия и проч.“¹

Некоторое предположение об авторе этой Риторики высказал П. М. Строев, руководствуясь при этом пометой писца на списке ее 1631 г. В своем „Библиологическом словаре“ Строев пишет: „Феодор. В рукописи Синодальной библиотеки под № 918 (в 8 д. л., на л. 78—139) помещена: «Книга, глаголемая Риторика», которая оканчивается следующим образом: «Аз же неключимый Феодор имрек, всем православным христианом любви вашей и временных вечных благ желатель, трудолюбие почтався написати сию книгу лета 7139 году, в славу святей единосущней и неразделимой троицы, отцу и сыну и святому духу,

¹ А. Востоков. Описание рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 238—239.

аминь». Этот Феодор есть ли сочинитель сей Риторики, или только писец? По крайней мере в 1631 г. мы уже имели Риторикy¹.

На вопрос, поставленный Строевым, — не есть ли писец Федор „сочинитель сей Риторики“, можно дать только отрицательный ответ. Гораздо раньше Федора, как мы отметили выше, было уже сделано несколько списков этой Риторики.

Наиболее существенные замечания об этой Риторике и ее списках сделал А. И. Соболевский. В своей книге „Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков“ он поместил описание одного списка этой Риторики, принадлежавшего Синодальной библиотеке, № 861. Перечислив основные главы этого списка, он заключает:

„Мы пользовались списками: Синод. библ. №№ 861 (из него взято находящееся выше), 918 и 933, Румянц. муз., Рум. № 192, Унд. № 874, муз. № 2773, Публ. библ. Погод. № 1663. Они все имеют один и тот же текст; но некоторые начинаются словами: «Книги риторики суть двои...». Это — небольшой, но хорошо составленный учебник риторики, без цитат из латинских авторов (обычных в западноевропейских риториках XVI—XVII вв.). Судя по всему, оригинал его был на латинском языке. Переводчик знал по-гречески: Кикерон, Ликиниуш, Димостен, ритор (рядом — синекдохе, синкопе и т. п.). Так как старшие списки относятся к двадцатым годам XVII в. (Синод. № 933—1620 г.,² Унд. — 1623 г.), и так как царская грамота в Троицкий монастырь 1616 г. об исправлении требника теми монахами, которые «грамматику и риторию умеют», заставляет думать, что в начале XVII в. риторика была уже хорошо известна, то позволительно считать нашу Риторикy переведенною не позже конца XVI в.

„Язык — церковно-славянский, правильный и ясный, без полонизмов и западно-русизмов (впрочем: Ликиниуш и т. п.)“³.

О перечисленных Соболевским списках Риторики необходимо сделать несколько замечаний, так как не все они в действительности похожи друг на друга, как предполагает он. Основной список, которым пользовался Соболевский (Синод. библ. № 861), является позднейшим. Он был сделан, как мы укажем ниже, не ранее 1631 г. и содержит в себе целый ряд дополнений и поправок. Два предисловия, содержащиеся в нем, которые цитирует Соболевский, первое: „Царь некий обрете землю удобну“..., второе: „Аз есмь риторика доброглаголиваго и яснозрительного разумения“, — не могут быть отнесены к основному тексту Риторики, так как они были присоединены к ней уже позднее.

¹ Напечатано в Сб. Отд. русск. яз. и сл. Ак. Наук, 1882, т. XXIX, № 4, стр. 301.

² В типографской библиотеке есть другой список 1620 г. — Погорелов. Библиотека Московской синодальной типографии, вып. 2, стр. 23—24. — Это копия со списка 1620 г.? (Примеч. Соболевского).

³ А. И. Соболевский. Переводная литература..., 1903, стр. 118—120.

Второе замечание следует сделать об упоминаемом Соболевским списке из собрания Погодина № 1663. При проверке оказалось, что этот список не имеет ничего общего с данной Риторикой. Составлен он, как показывают водяные знаки на его бумаге, даже не в XVII в., а в конце XVIII в.¹ По содержанию он представляет собою компиляцию из различных риторик более позднего происхождения. Рукопись озаглавлена: „Сия книга, именуемая Риторика, словенски красноречие, или хитроречие, третья премудрость от семи свободных мудростей доброголаволиваго и яснозрительнаго разума“.

Написана она полууставом, в 4-ю долю, на 213 листах. Начинается вступлением „Что есть риторика“. Затем идет „Предисловие риторики“, текст которого полностью переписан из Риторики конца XVII в. Софония Лихуда. В конце этого предисловия к лихудовскому тексту прибавлены новые примеры: „Припоказ политического повествования“, „Припоказ исторического повествования“ и „Пчельная пчел корысти“. Затем следует глава первая „О вопрошении“. Наибольшего внимания заслуживает в этой рукописи глава под названием „О приличном положении речений и сказаний“, в которой говорится о трех родах речей: смирном, среднем и высоком. Однако текст этой главы, за некоторыми исключениями, взят из Риторики 1699 г. Михаила Усачева, о которой мы скажем ниже.

Из приведенных кратких упоминаний о Риторике выясняется только одно мнение о том, что эта Риторика является будто бы переводной: по мнению Востокова, — с польского, по мнению Соболевского, — с латинского. Однако доказательства в пользу такого мнения нельзя признать убедительными. Они построены исключительно на языковых примерах, с полным отвлечением от основного содержания Риторики и от тех данных, которые содержатся в примечаниях писцов в старших списках ее.

Число языковых примеров, взятых Востоковым, невелико и они ни в коей мере не могут характеризовать языка всей Риторики. К тому же, самый подбор их сделан крайне односторонне, в нем пропущено все то, что может характеризовать Риторику как самостоятельный русский труд.

Наблюдения над языком русских переводов XVI и XVII вв. показывают, что в большинстве случаев язык их был чрезвычайно запутанным и тяжелым. В этих переводах оставалось много слов и выражений того языка, с которого они делались.

Сохранился целый ряд отзывов русских людей XVI и XVII вв. о тогдашних переводах. „Книги писаны закрыто“, т. е. непонятно —

¹ Водяные знаки на бумаге Риторики Погодинского собрания № 1663 имеют имитацию знака Pga patria с буквами А. Г. (фабрика А. Гончарова). Н. П. Лихачев в своей книге „Палеографическое значение бумажных водяных знаков“, 1899, ч. I, стр. 415—416 и ч. II, стр. 326 указывает, что бумага фабрики А. Гончарова с такими водяными знаками впервые появилась в 70-х годах XVIII в.

жаловались русские люди Зиновию Отенскому, когда он предлагал им переводные сочинения древних отцов церкви.¹ „Книга переведена необыкновенною славянчиною паче же рещи еллинизмом, и затем о ней мнози недоумевают и отбегают“, — жалуются русские читатели в другом месте.²

Имелись, конечно, в XVI и XVII вв. и хорошие русские переводы, но и в них неизбежно оставалось значительное число слов и выражений из языка оригинала.

Если бы рассматриваемая нами Риторика была переведена с польского, как предполагает Востоков, то она несомненно заключала бы в себе элементы польского языка. Но в действительности в ней этого не наблюдается, если не считать одного, приведенного Востоковым, слова „атениенчики“ вместо „афиняне“. Что же касается собственных имен греческих и римских: „Маркиса Тилиуша“ вместо „Марка Туллия“, „Ликиниуша“ вместо „Лициния“ и проч., то такое написание встречается в русской литературе даже начала XVIII в. В этом факте нужно видеть не частный случай, а рассматривать его в связи с общим явлением проникновения отдельных элементов польского языка в Россию в XVII в. Впрочем, мнение Востокова о том, что русская Риторика переведена с польского, отверг еще Соболевский. Он отметил, как выше было сказано, что язык Риторики — „церковно-славянский, правильный и ясный, без полонизмов и западно-руссизмов“, хотя в нем и встречаются „Ликиниуш“ и т. п.

Наряду с книжными церковно-славянскими формами в Риторике можно встретить много выражений живого разговорного языка: одежда, коли, колиб, сказ, чево, надежа, охочий ко слушанию беседы, пригожий и т. п.

Встречаются формы — Ондрей, Онтон, Остафей и проч., которые свидетельствуют о северном происхождении автора или пребывании его длительное время в северных районах России.

По данным языка, составитель Риторики — русский человек, хорошо знакомый с греческим и латинским языками, однако в написании некоторых слов он предпочитал придерживаться греческого произношения: Димостен, Кикеро, Ликиниуш, ритор и проч.

В изложении Риторики проявилось стремление составителя иллюстрировать ее текст такими примерами, которые могут быть наиболее доходчивыми для русского читателя. Так, например, объясняя сложное понятие „апокопе“, он пишет: „апокопе есть убавление на концы в слове или письме. Якоже есть Иванов, вместо Иванова“ (л. 65). В другом месте составитель вводит в текст русскую пословицу: „Был

¹ П. Николаевский. Русская проповедь в XV и XVI веках. ЖМНП, 1868, январь, стр. 380.

² А. И. Яценский. Образованность в Московской Руси (напеч. в Сб. „Русская история в очерках и статьях“, под ред. М. В. Довнар-Запольского, т. III, 1912, стр. 494).

Федор Федором, до одного времени был думной думным“ (л. 67).¹ Таких примеров не могло быть в польском или латинском оригинале.

Обратимся теперь к упомянутым примечаниям писцов и посмотрим, какие сведения содержатся в них.

В конце рукописи из собрания Ундольского № 874 писец сообщает: „Написася в лето 7131 (1623) года февраля в 8 день с книги пресвященного митрополита Макария богоспасаемых градов Великого Нова града и Великих Лук. Подаждь ему Христе во общую ползю непобедимыя ти десница помощь. Аминь“.

В новгородской епархии до указанного периода было два Макария. Первый из них был известный соратник Ивана Грозного в области просвещения, он был с 4 марта 1526 г. до 19 марта 1542 г. новгородским архиепископом, затем был возведен на московскую и „вся России“ митрополию и в этом звании скончался 31 декабря 1564 г.

Второй Макарий — личность малоизвестная, хотя очевидно и незаурядная. Дошедшие до нас сведения о нем чрезвычайно скупы. Известно, что он был одним из активных участников церковного собора 1572 г.; в 1617 г. назначен был епископом вологодским; ему приписывается Устав о соборной службе, написанный для вологодской и великопермской епархий; в июле 1619 г. Макарий был поставлен в новгородские митрополиты; умер он 12 сентября 1627 г.²

Которому же из них принадлежала данная Риторика? Следует полагать, что ее автор — Макарий, бывший епископ вологодский. В примечании писца Макарий назван митрополитом „Великого Нова града и Великих Лук“. Макарий-старший, в бытность свою в новгородской епархии, именовался архиепископом, а не митрополитом — Митрополия в Новгороде была учреждена в 1589 г.

О назначении Макария митрополитом в Новгород мы нашли данные в одном рукописном сборнике XVII в. Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Q. XVII. 42).³ В этом сборнике помещены исторические известия о новгородских владыках с 6497 (989) по 7171 (1663) г. В них о Макарии говорится следующее:

„В лето 7127 (1619) года месяца февраля в 9 день, призван бысть пресвященный Макарий архиепископ богоспасаемых градов Вологды и

¹ Указание на листы сделано по списку собр. Унд. № 874.

² См. сведения об этом Макарии в кн. Амвросия „История Российской иерархии“, 1807, стр. 79; Ф и л а р е т. Обзор русской духовной литературы, 862—1720 гг. (Уч. зап. АН, 1856, кн. III, стр. 155); П. М. Стр о е в. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. 1877, стр. 730; П. М. Стр о е в. Библиологический словарь (Сб. отд. русск. яз. и слов. АН, 1882, т. XXIX, № 4); Азбучный указатель к Русскому биографическому словарю, 1888, ч. II, стр. 3 и 690; С. В е н г е р о в. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, 1916, т. II, вып. 4, стр. 69.

³ Сборник этот описан Павлом Строевым в его кн. „Первое прибавление к Описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в библиотеке графа Федора Андреевича Толстого“, 1825, стр. 52, № 493.

великие Перми к царствующему граду Москве. И того же лета июля в 22 день поставлен Великому Нову граду и Великим Лукам пресвященный Макарие митрополит в царствующем граде Москве...

„А избрал его на митрополию сам благочестивый великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси самодержец с своим честным отцем и богомольцем великим господином и государем святейшим Филаретом патриархом Московским и всея Руси и с своею матерью с великою старицею государынею нашею инокою Марфою Ивановною.

„А в Великий Новгород приехал пресвященный Макарие митрополит того ж 7127 (1619) году августа в 27 день в пяток на память преподобнаго отца нашего Пимина великого. А на Вологду пресвященный Макарей митрополит во архиепископы взят был из честныя обители Успения пресвятыя богородицы Тихвина монастыря с игуменства в 125 (1617) году. В лето 7135 (1627) году преставился Макарие митрополит сентября в 12 день в 7 час дни. Был митрополитом 7 лет и един месяц и 22 дни“.

Из этого сообщения мы узнаем некоторые дополнительные биографические данные о Макарии. Оказывается, что он до своего архиепископства в Вологде был игуменом Большого Богородицко-Успенского монастыря в городе Тихвине. Сколько времени он был игуменом этого монастыря, — установить точно не удастся, но по некоторым данным выясняется, что не менее четырех лет. В 1614 г. Тихвин подвергся нападению со стороны немецко-ливонских войск, и Макарий принял активное участие в обороне своего города. Сохранилась его отписка по поводу предварительных военных мероприятий по защите Тихвина, датированная 1614 г.¹ Следовательно, с 1614 по 1617 г., до получения назначения в Вологду, Макарий находился в Тихвине.²

Сопоставление всех этих фактов и позволяет полагать, что данная Риторика принадлежала именно этому Макарию. Был ли он также и составителем ее? — этот вопрос требует уточнения.

В заглавии рукописи автор не указан. Слова писца: „Написася... с книги пресвященного митрополита Макария богоспасаемых градов Великого Новаграда и Великих Лук“ можно понимать двояко: названная книга могла быть произведением самого Макария, или она принадлежала только его библиотеке, а написана была каким-то другим, неизвестным нам человеком.

Если бы эта книга была лишь случайной принадлежностью библиотеки Макария, она несомненно могла быть одновременно и у других тогдашних книжников и не только в Новгороде, но и в других городах. Однако все три старших списка этой Риторики (Синод. библи.

¹ Отписка эта напечатана в „Дополнениях к актам историческим“, т. II, № 30.

² Краткое упоминание об этом имеется в кн. Павла Строева „Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской империи“, 1877, стр. 63.

№ 933—1620 г.; собр. Щук. № 941—1622 г.; собр. Унд. № 874—1623 г.) были сделаны в Новгороде. Появление их в Новгороде хронологически совпадает с приездом сюда Макария в качестве митрополита. Он прибыл в Новгород, как указано в известиях о новгородских владыках, 27 августа 1619 г. Спустя несколько месяцев после этого появляется в Новгороде список данной Риторике.

При сопоставлении всех трех этих списков друг с другом выясняется, что все они по содержанию совпадают, за исключением незначительных буквенных опечаток переписчиков и пропущенных ими некоторых слов в тексте. Даже графическое расположение имеющихся в тексте таблиц сделано во всех трех списках совершенно одинаково. В основе всех трех списков лежит один и тот же оригинал. Во втором из них (собр. Щук. № 941) дважды написано: „С подлинным справлена слово в слово“. Поскольку в третьем списке подлинником названа книга Макария, значит она же являлась подлинником и для первых двух списков.

Очевидно Макарий привез Риторику в Новгород из Вологды. Списков этой Риторике, сделанных в Вологде, не дошло до нашего времени, но имеется весьма важное свидетельство о том, что Макарий, в период своего пребывания в Вологодской епархии (1617—1619), занимался преподаванием риторики. Об этом рассказывается в воспоминаниях его современника головщика Кирилло-Белозерского монастыря старца Ефрема, помещенных в одном из списков „Устава о соборной службе“.¹

Старец Ефрем пишет о том, как Макарий учил искусству декламации и публичному произнесению речей. Воспоминание озаглавлено: „Как Макарий «статью чел и людие учил»“. А. Ф. Бычков по поводу этого воспоминания замечает: „любопытный документ для древне-славянской декламации“.²

В данной Риторике имеется в начале специальный параграф (5), в котором затрагиваются вопросы произнесения речей. Называется этот параграф „О гласомерном выговорении“.

Все эти данные дают нам основание полагать, что рассматриваемая нами Риторика написана была Макарием. Время написания ее можно отнести к 1617—1619 гг., когда Макарий занимался в Вологде преподаванием риторики. Вероятнее всего, что она возникла у него как результат его педагогической работы. Педагогическая цель этой Риторике достаточно ясно подчеркнута в ее названии: „Книги суть риторики двой по тонку в вопросах списаны скорого и удобнаго ради научения“.

Составитель Риторике прекрасно эрудирован в области науки о красноречии. Он хорошо знаком с лучшими образцами сочинений

¹ См. об этом: П. М. Строев. Библиологический словарь, 1882, стр. 198.

² Там же.

по этому вопросу античных писателей. Во время своей работы над Риторикой он имел под руками не одно какое-либо руководство по красноречию, а очевидно несколько. Он называет имена Цицерона, Квинтилиана и других античных авторов. В первой главе своей Риторике он подкрепляет свое определение риторики их авторитетами. „Та же наука (риторика) — пишет он, — от Димосфена греческого ритора, сиречь хитроречивого, и от Маркиса Тилиуша Кикерона, латинского хитрословия начальника, чудесным образом украшена есть“.

Вся первая глава, объясняющая существо науки о красноречии, полностью является оригинальной. Она специально написана для такого русского читателя, который был еще совсем незнаком с названием и предметом этой науки.

В начале первой книги „О изобретении дел“ составитель Риторике ссылается на Цицерона и пересказывает его определение по этому вопросу. „Что есть обречение дел?“ — спрашивает он, и тут же отвечает: „О том Кикерон философ писал, что обречение есть, сиречь выдуманье или вымысл праведных вещей или к правде подобных, которые вещи всякое дело яснейшее и к правде подобнейшее показывают“.

Указать точно, пользовался ли он Цицероном по первоисточнику или по пересказу других писателей, не представляется возможным, но одно руководство, которым он пользовался, восстанавливается сравнительно легко, — это монументальный классический труд Марка Фабия Квинтилиана „*Oratoriae Institutionis*“.

Определение сущности красноречия, как одного из видов высокой гражданской добродетели, в этой Риторике сделано в полном соответствии с тем, о чем пишет Квинтилиан в XXI гл. 2-й книги своего труда. „То красноречие, которого образ мы в уме своем начертали, — говорит Квинтилиан, — и правила здесь изложить постараемся, которое прилично честному человеку и составляет истинную риторику, будет всегда добродетель“.¹ Квинтилиан указывает, что эту точку зрения еще ранее его изложил Цицерон, заявив, что „Красноречие есть одна из высоких добродетелей“.² Таким образом составителю нашей Риторике могли быть известны через Квинтилиана высказывания и „латинского хитрословия начальника“ Цицерона.

Но наиболее близко держался квинтилиановского руководства составитель нашей Риторике в своем изложении учения о риторических тропах и фигурах. Это учение изложено им во второй книге Риторике, названной им „О украшении слова“. В самом начале рассуждения о тропах или „выображениях“, как они названы в Риторике, сделана

¹ Марка Фабия Квинтилиана двенадцать книг риторических наставлений. Переведены с латинского имп. Российской Академии членом Александром Никольским и сыном Академией изданы, СПб., ч. I, 1834, стр. 166. — В дальнейшем все цитаты из этого труда будут производиться по данному изданию.

² Там же, стр. 168.

прямая ссылка на Квинтилиана. „Что есть выobraжение (вымысел)“? — спрашивает составитель Риторик и тут же отвечает: — „Выobraжение есть, якож о том описует Квинтилианус, некоторое новое наукою и смышлением, выobraжение глаголаня“.

Сопоставление двух текстов показывает, что определение троп и даже некоторые примеры хотя и близки между собой, но все же русский текст буквальным переводом назвать нельзя. Обширный квинтилиановский труд, наполненный многочисленными отступлениями и цитатами из греческих и латинских авторов, был только частично использован русской Риторикой.

Следует отметить, что наш составитель вдумчиво и критически делал свои выборки из квинтилиановского труда, отвергая в нем то, что не могло соответствовать русскому складу речи. Об этом наглядней всего может свидетельствовать заключительная глава Риторик „О тройных родах глаголаня“.

Квинтилиан говорит о трех родах красноречия довольно подробно (в XII книге своего труда). Он называет три рода красноречия: аттический, азиатский и родосский.

„С давних времен начали разделять слог на азиатский и аттический, — пишет он, — первый всегда почитался надутым и пусторечивым, а другой кратким, чистым и сильным... Мне кажется, что такая разность в слоге произошла от природного свойства и говорящих и слушающих; поскольку афиняне, быв остроумны и понятливы, ничего излишнего и пустого не терпели; азиатцы же, будучи народ тщеславный и надменный, сообщили и образу выражений своих такую же пустую высокомерность... Родосский, как средний и из обоих первых смешанный. Ибо слог сей не так сжат и краток, как аттический, и не так изобилен и растянут, как азиатский, так что, кажется, есть в нем нечто заимствованное и от характера народа и от качества сочинителя“.¹

И как логический вывод из этого рассуждения, у Квинтилиана следует преувеличенная похвала аттическому слогу. „И так нет сомнения, — пишет он, — что из всех родов слога, аттический есть самый лучший. В нем есть нечто общее всем прочим родам, то есть, он требует тонкого и верного вкуса, а отличается от других, смотря по качеству умов“.²

Такого деления красноречия, в котором умалется вкус и качество ума других народов, русский составитель не включил в свою Риторику.

Есть у Квинтилиана еще и другое деление красноречия по родам, находящееся в прямой зависимости от цели оратора, с которою он выступает перед слушателями. Здесь Квинтилиан также называет три рода: „утонченный, сильный, средний или цветущий“.

¹ Часть II, стр. 483—485.

² Там же.

„Из сих трех родов, — пишет он, — первый употребляется для изложения дела, второй для возбуждения страстей, третий под тем или другим именем, для снискания благосклонности в слушателях, или для утишения сильных чувствований. Для изложения же потребна острота и точность, для снискания благосклонности и примирения кротость, для возбуждения страстей сила.

„Итак слог тонкий имеет особенное свое действие в повествовании и приводе доказательств; так что не зависимо от других, он сам собою бывает для сего достаточен. Средний род, будучи наполнен более метафорами, украшен фигурами, пленяет удачными отступлениями, благоприличием выражений и изяществом мыслей: он течет тихо, подобно прозрачным водам реки, коей берега с обеих сторон осеняются зеленеющими лесами. Слог же сильный увлекает слушателей против их воли; тщетно сопротивление; быстрые порывы принуждают следовать невольным впечатлениям; он, как стремительный поток, уносящий с собою самые камни, расторгающий мосты и всякие преграды, обращает умы туда, куда сила его устремляется“.¹

Определение родов красноречия в русской Риторике ближе всего находится ко второму делению Квинтилиана, но, однако, значительно отличается от него. Наш составитель перечисляет три рода речи: смиренный, высокий и мерный. К числу этих родов он относит речь, которою пользуются люди в повседневности. „Род смиренный есть, — пишет он, — который не восстает над обычаем повседневного глаголения“.

Такого определения у Квинтилиана мы нигде не встретим, так как он всюду говорит лишь об искусственной, украшенной речи, фактически отстоящей весьма далеко от повседневного разговорного языка.

Метафорическая речь в русской Риторике отнесена к высокому роду. „Род высокий есть, — говорится в ней, — который хотя большею частию содержится свойственным гласом, и потом паки еще части имеет метафоры и от дальних вещей приятых, достаточну размножает. И придав всяких видов, что от разума своего объявляет и показывает украшение глагола“.

К мерному роду наш составитель относит наиболее распространенную письменную речь: особенно письма, грамоты и политические речи. „Род мерный который хотя есть последний, — пишет он, — имеет участок видов, но во умножении (т. е. в большинстве случаев) ни что же составляется пропинаючи род. А таков есть Овидиуш и письма грамоты и глаголы Кикероновы“.

Практическое применение каждого из перечисленных родов он советует делать в зависимости от природных склонностей каждого оратора. „Чего ради подобает смотреть и бреши различия родов глаголения? — спрашивает он и тут же отвечает: — Сего ради подобает, чтобы есмь

¹ Там же, стр. 499—500.

добродетелей различных творцов, которых чем, лучши осмотрили. И чтобы всякой осмотрил которому роду видел бы ся с приречения быти удобнейшим“ (л. 89).

Таким образом, русский составитель самостоятельно осмысляет рассматриваемые им вопросы и вносит в Риторику ряд новых мыслей. Наиболее ценным вкладом его, несомненно, является указанная трактовка вопроса о трех родах речи.

Литературное мастерство нашего составителя проявилось и в самом изложении Риторики. Она написана им от начала и до конца в форме диалога. Учитель ставит предполагаемому ученику вопрос за вопросом и тот четко формулирует ему свои ответы. Такой диалог могут вести также и сами учащиеся между собой. Текст диалога не длинный, он рассчитан на легкое запоминание как говорящих, так и слушающих. Вопросы формулируются ясно и не вызывают у учащихся затруднений в их понимании:

„Что есть риторика и что содержит учение ея?“ — спрашивает учитель. Ученик ему должен ответить:

„Риторика есть яже научает пути правого и жития полезного добрословия“.

Но этот ответ носит общий характер и поэтому в дальнейшем, в развитие первого вопроса, ставится второй:

„Паки что есть существо науки риторики?“

„Таково есть, — отвечает ученик, — еже разсужати о долгой беседе или речении и каков бы был чин и урядство частей или статей в беседе и каково есть украшение словесное“.

Такая форма диалога избрана Макарием очевидно с учетом лучших античных образцов — диалогов Платона, Ксенофонта и других, но в риториках античных писателей эта форма не применялась.

Макарьевская Риторика оказала значительное влияние на развитие науки о красноречии в России. В течение более ста лет она пользовалась большим успехом. Это подтверждается ее позднейшими списками. Укажем здесь на четыре списка, сделанных в конце XVII в.

1. Собрание Ундольского, № 875, хранится ныне в Гос. Библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Рукопись написана в 4-ю долю, на 100 листах, четкой скорописью. Переплетена в доски, обтянутые тисненой кожей.

Время составления списка по водяным знакам на бумаге (герб г. Амстердама)¹ можно ориентировочно отнести к 80-м годам XVII в.²

Заглавие рукописи дано на л. 10: „Книги суть риторики двои по тонку в вопросех списаны скорога и удобнаго ради научения“.

¹ Упоминается А. Викторовым в кн. „Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского“, М., 1870, стр. 28.

² Тромонин относит бумагу с таким водяным знаком к 1681 г. (см. его „Альбом бумажных водяных знаков, № 545; упоминание об этом знаке имеется у Н. П. Лихачева, т. II, стр. 124).

Лл. 10—65 „Книга первая о изобретении дел“.

Лл. 65—100 „Книга вторая о украшении“.

В начале рукописи помещены все три предисловия к Риторике, написанные в начале XVII в. (из списка Син. библ. № 918, 1631 г. и из сборника Син. библ. № 933, Предисловие Ив. Козырева).

Лл. 1—5 „Предисловие Риторики“.

Нач.: „Зрят мя убо мнози и не внимают о мне“.

Лл. 5—8 „Ознаменование или приказнь Риторики“.

Нач.: „Царь некий обрете землю...“.

Лл. 8—9 „Наречение книзе глаголемой Риторице“.

Нач.: „Аз есмь Риторика доброглаголиваго и яснозрительнаго разумения...“.

По содержанию Риторика этого списка, за некоторыми исключениями, совпадает со старшими списками: Унд. № 874, Синод. библ. №№ 933, 918, Щук. № 941, Синод. типогр. № 1028.

Одна часть разночтений в этом списке относится к языку. В некоторых местах он исправлен и частично подновлен.

Вторая часть разночтений в этом списке появилась в итоге стремления расширить некоторые главы Риторики за счет дополнительных пояснений некоторых теоретических положений. Такие пояснения введены в первые пять глав с подзаголовками „О том же инако“.

К первой главе „Что есть изобретение дел“ добавлено: „О том же инако. Свойственно есть уму, еже помыслы рождати, но праведныя и удобныя мысли. Изобретение глаголется, пристойит же к сему удобство, вина, различие разума, собрание и смышление, сиречь приклад делу“.

К главе „О чиновном различии“ добавлено: „О том же инако. Обрящещи чиновное различие есть, якоже и в сей книзе обрящещи. Чиновное разделение и ово вселенное, ово же свойственное и прочая, в ней же зрится чин, деление, число, именованье“.

К главе „О соединении слов“ добавлено: „О том же инако. Яко же делатель в хитром своем действе различными украшениями созидает дело, сице же и речеточник мудрый различными разумениями слово свое составляет. И яко оный делатель златом свое дело украшает и уясняет, тако и сей словесное дело украшает и уясняет. Последует же сему учению речеточное украшение, приточное замышление, хитрословное сложение и затейное или подобительное приложение“.

К главе „О памяти“ добавлено: „О том же инако. Память есть еже от научения и почитания божественных писаний приемлетя, яко от Евангелия и прочих святых писаний и от летописных действий на разсуждение разума глаголющаго и слышащаго. Зрится всем воспоминаение, укрепление и истинное толкование, довод делу и украшение слова или разума“.

К главе „О гласомерном выговорении“ добавлено: „О том же инако. Гласомерное слово бывает по разсмотрению дела и в неких некогда

яко светом насреду открываема приносить и является некогда же по ревности, яко от искры светловоздушный пламень возгорается. Индеже, яко и кораблю по морю плавание бывает, есть же иногда яко некий источник или сладкопивная река изливается. Некогда же яко мед услаждается и расширяется или сокращается и многовидно разумеается. Последует же сему время, место, лице, дело, мера, различие и конец“.

2. Собрание Государственного Исторического музея № 710. Рукопись написана в 4-ю долю, на 82 л., полууставом. Переплет кожаный с тиснением.

На л. 3 указан владелец рукописи: „Сия книга братьев М. Н. Нагаевых“.

Заглавие рукописи дано на обороте л. 4.: „Сия книга глаголемая риторика сиречь наука, добрословия или хитроречия научающая.“

Книги суть риторики двои по тонку в вопросех списаны скорого и удобнаго ради научения (разумения). Книга первая О изобретении дел“.

Л. 51 „Книга вторая риторики О украшении слова“.

Рукопись на такой же бумаге, имеющей водяной знак герб г. Амстердама, как и предыдущий список из собрания Ундольского, № 875. Надо полагать, что оба они были написаны около одного времени, хотя и разными лицами. Этот список по содержанию полностью совпадает с указанным списком Ундольского. В нем сделаны такие же дополнения с подзаголовком „О том же инако“, как в списке Ундольского.

3. Собрание Гос. Публичной библиотек им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Q. XVII. № 261). Сборник, написанный скорописью, в 4-ю долю, на 165 листах. Переплетен в доски, обтянутые кожей, с медными на ремнях застежками.

Состоит из трех частей:

Лл. 1—67 Диалектика.

Лл. 69—123 Риторика.

Лл. 124—165 Словесница.

Все три части написаны одной рукой. Время написания рукописи указано на л. 67 латинскими буквами: „Spisal Stepan Berezowskiego 7205 (1697) in Hodu jannuarua w 26 d.“.

По содержанию имеющаяся в этом сборнике Риторика полностью совпадает с предыдущими двумя списками конца XVII в.

4. Собрание Синодальной библиотеки, № 861, хранится ныне в Гос. Историческом музее. Рукопись написана скорописью, в 4-ю долю, на 39 листах. Переплет кожаный, с тиснением и кожаными завязками.

Первые пять листов чистые. По содержанию эта рукопись равняется предыдущим трем спискам. В ней отсутствует лишь одно из предисловий к Риторике, которые содержатся в предыдущих списках, начинающееся словами: „Зрят мя мнози и не внимают о мне“.

В конце XVII в. этот список Риторики находился в Патриаршей библиотеке, а затем был передан в школу Заиконоспасского монастыря. На рукописи имеются две надписи: на чистом листе б внизу киноварью и тем же почерком, как и на других риториках, поступавших в Заиконоспасский монастырь, написано: „Прислана с патриарша двора в 7205 (1697)-м году“. Вверху предыдущего чистого листа сделана помета рукою профессора Спасской школы Афанасия Скиады: „Videtur scriptus seculo 18“ (в данном случае в определении века Скиада ошибся).

Все четыре названных нами списка являются однотипными. Все они написаны в одном формате in 4°. В них содержатся одни и те же дополнения и стилистические поправки. Но кроме этих списков, был создан в самом конце XVII в. новый вариант этой Риторики. Макарьевский текст в нем был значительно переработан и расширен. Этот новый вариант дошел до нас также в нескольких списках.

Один из списков его хранится ныне в Государственном Историческом музее, в собрании П. Н. Щукина, № 803. Рукопись написана полууставом, в 8-ю долю, на 154 листах.

Время и составитель ее указаны на обороте л. 154.

„Писавый сию книгу, глаголемую риторику, многогрешный книгописец Михаил Иоаннов сын Усачев. В лето 7207 (1699) году месяца в день“.

Книга открывается предисловием, которого не было в предыдущих списках Риторики Макария. Называется оно „Предисловие. От риторики похвала и сказание о разуме ея“.

Начало: л. 1. „Риторика есть художество, еже учит слово украшати и отвещавати“.

На обороте л. 1 в это новое предисловие вставлено уже ранее известное предисловие, начинающееся словами: „Зрят мя убо мнози и не внимают о мне“.

В этом варианте Риторики наиболее полно разработана глава о трех родах речи: смирном, среднем и высоком. Названа она здесь „О приличном положении речений и сказаний“. Текст этой чрезвычайно интересной главы имеет отношение к ломоносовскому учению о трех стилях.

Этот вариант Риторики сохранился также в двух списках, находящихся ныне в рукописном отделе Библиотеки Академии Наук СССР (шифры: 21.9.2; 16.7.13). Оба списка по происхождению своему северно-русские.

1. Список первый (21.9.2) написан полууставом, в 8-ю долю, на 175 листах; переплет досчатый, обтянутый тисненой кожей; на передней крышке бумажный ярлык с надписью „Риторика“. Список сделан в конце XVII в.

Книга начинается с предисловия: „Предисловие. О риторике похвала и сказание о разуме ея“.

Список этот был приобретен для Библиотеки Академии Наук В. И. Срезневским во время его экспедиций в 1903 и 1905 гг. в север-

ные губернии (Олонецкую и Архангельскую) с целью собирания старинных рукописей и старопечатных книг.

Этот экземпляр Риторике принадлежал в первой половине XVIII в. Выговской старообрядческой библиотеке известных собирателей старины братьев Андрея и Семена Денисовых. На полях этого экземпляра они сделали свои редакционные поправки. На основании этих поправок, В. И. Срезневский написал карандашом в начале экземпляра: „Поправки скорописью принадлежат Семену Денисову“. Позднее, ознакомившись более подробно с почерками Семена и Андрея, Срезневский уточнил свое определение. В своей книге „Описание рукописей и книг, собранных для императорской Академии Наук в Олонецком крае“ (1913, стр. 208), при описании этой рукописи, он отметил: „В тексте и на полях редакционные поправки и переделки; некоторые из них, может быть, следует приписать Андрею Денисову“.

2. Список второй (16.6.13) более позднего происхождения. Он является точной копией с предыдущего. Писец старательно переписал текст с предыдущего экземпляра из слова в слово, из буквы в букву, скопировав даже все поправки на полях рукописи, которые были сделаны Андреем и Семеном Денисовыми. Этот экземпляр написан мелким полууставом, в 8-ю долю, на 107 листах. Обложка мягкая, кожаная, имеющая специальный отворот с ремешком для завязывания книги. Экземпляр весьма портативный и, судя по переплету, сделанному в виде карманного бумажника, предназначался для дорожных поездок.

В конце XVII и начале XVIII вв. появились в России более совершенные новые работы по красноречию, но генетическая связь их с Риторикой Макария не прерывалась. Особенно большую роль для развития теории литературы сыграла глава из этой Риторике „О тройных родах глаголанья“. В 1706 г. Феофан Прокопович включил эту главу в расширенном виде в свою Риторику. Ломоносов на основе этих материалов разработал свое известное учение о трех „штилях“.

И. П. ЕРЕМИН

„Декламация“ Симеона Полоцкого

Перу Симеона Полоцкого принадлежат, как известно, две пьесы: „Комедия притчи о блудном сыне“ и „трагедия“ — „О Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцех, в печи не сожженных“. Литературное наследие Симеона Полоцкого-драматурга этими двумя пьесами, однако, не исчерпывается. Он деятельно культивировал в Москве и одну из малых форм школьной драматургии — „декламацию“. По его инициативе утвердился в Москве и обычай публичного исполнения декламаций — при дворе в день того или иного церковного праздника или какого-либо другого торжества. Этот последний факт до сих пор не обращал на себя внимания историков нашего старинного театра, — между тем он очень интересен, если учесть, что первый известный нам случай публичного исполнения в Москве декламации имел место еще в 1660 г. — за двенадцать лет до организации придворного театра царя Алексея Михайловича и за сорок лет до организации первого в Москве школьного театра. В „Рифмологионе“, — рукописном сборнике стихотворений Симеона Полоцкого, читается декламация (л. 373 — л. 375 об.), из примечания к которой узнаем, что она была исполнена в Москве при дворе 19 января 1660 г. учениками Полоцкого Богоявленского училища, незадолго перед тем прибывшими в Москву вместе со своим учителем — Симеоном Полоцким: двенадцать „отроков“ поочередно выступили с приветственными царю Алексею „стихами краесогласными“ сочинения своего наставника. В 1663 г. Симеон Полоцкий навсегда поселился в Москве, и постановка декламаций его сочинения силами „отроков“, специально тому обученных, прочно вошла в придворный обиход. В Москве Симеон Полоцкий написал ряд новых декламаций (почти все они в 1678 г. тоже вошли в состав его „Рифмологиона“); некоторые из них, как то нам достоверно известно со слов самого Симеона (см. его примечания на полях „Рифмологиона“), в свое время были „говорены“, т. е. исполнены „труппой“ Симеона — „отроками“, одни в Москве, другие в селе Коломенском или в селе Измайловском: — „Стиси краесогласнии во святую и ве-

ликую субботу во славу господина нашего Иисуса Христа“ (л. 183 — л. 185 об.). „На именины государя царевича“ (л. 420 об. — л. 421 об.), „Стиси краесогласнии в похвалу святых преподобномученицы Евдокии“ (л. 628 — л. 631 об.), „Метры краесогласнии в славу Христа господина, нас ради умершаго и погребеннаго“ (л. 632 — л. 638), „Стиси краесогласнии в день происхождения честнаго и животворящего креста господина“ (л. 641 — л. 649), „Стиси краесогласнии в похвалу преподобнаго отца нашего Иоасафа царя Индийского“ (л. 649 об. — л. 651 об.) и проч.¹ Ни одна из декламаций Симеона Полоцкого до сих пор не издана.²

Настоящая статья и ставит своей задачей хотя бы частично восполнить этот пробел: ниже печатается полностью первая по времени декламация Симеона, исполненная в Москве 19 января 1660 г. „отроками“ Полоцкой братской школы, в историко-литературном отношении наиболее интересная (по „Рифмологиону“ Симеона Полоцкого — № 287 синод. собр. Моск. Гос. ист. муз.).

Декламация эта, равно как и все остальные у Симеона, в формальном отношении мало изобретательна; по своей фактуре она принадлежит к тому виду (*modus*'у) этого жанра, который школьная теория драмы конца XVII в. рассматривала как наиболее простой, „уже почти вышедший из употребления“:³ перед нами серия чередующихся один за другим монологов (12) неодинакового объема по количеству стихотворных строк (8—14—12—14—10—12—12—12—18—20—12—18), без „пролога“ и „эпилога“, выдержанная от начала до конца в одном и том же стихотворном размере (11-сложный силлабический стих). Исполнение декламации такого типа обычно не сопровождалось никакой театрализацией, не требовало ни специальных костюмов, ни бутафории: поочередно выступали „отроки“ и произносили заученный ими монолог — в данном случае приветственное обращение царю Алексею Михайловичу.

Значительно интереснее эта декламация по своему содержанию. В рамках панегирического „приветствия“ Симеон Полоцкий устами „отроков“ здесь отразил те надежды, которые питали широкие массы белорусского населения в годы, когда Белоруссия фактически уже была воссоединена с Московским государством, но воссоединение это

¹ О декламации Симеона на Рождество Христово см.: С. А. Щеглова. Декламация Симеона Полоцкого. Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 5—9.

² Опубликованные С. А. Щегловой „Беседы пастушеские“ Симеона, полоцкого периода его литературной деятельности, относятся к жанру не „декламации“, а „диалога“. — С. А. Щеглова. Русская пастораль XVII века („Беседы пастушеские“ Симеона Полоцкого). — Старинный театр в России XVII—XVIII вв. Сб. ст. под ред. акад. В. Н. Перетца, П., 1923, стр. 84—92.

³ В. И. Резанов. К вопросу о старинной драме. Теория школьных „декламаций“ по рукописным поэтикам. Изв. ОРЯС АН, т. XVIII, кн. 1 (1913), стр. 10—11.

еще не было официально утверждено мирным договором. [Радость и глубокая благодарность за избавление от векового польско-шляхетского гнета (Полоцк был освобожден царскими войсками в 1654 г.), уверенность в том, что царь Алексей Михайлович будет всегда для них „оборонца“ — „от всех противных, иже поношаху благочестивым и зело стужаху“, желание и впредь „жити“ под „прекрепкой десницей“ московского царя — такова центральная тема декламации. Заканчивается она „похвалой“ столице Российского царства — Москве: „Блаженный град сей...“.

Известно, что царь Алексей Михайлович, давая наказ в 1664 г. своим послам, уполномоченным вести переговоры о мире с польским правительством, настаивал на том, чтобы Полоцк был непременно оставлен за Москвой: „Да послужить бы вам святой восточной церкви и нам, государю, и приложить бы вам к усердию наипаче усердие и к промыслу промысл, и стоять бы за Полоцк крепко...“.¹ Есть поэтому все основания думать, что декламация полоцких „отроков“ была принята царем весьма радушно, и „отроки“ уехали домой обнадеженными.

Удержать Полоцк входило в намерения самого царя, и в январе 1660 г. Алексею Михайловичу тем легче было это обещать, что в Москве в это время все находились под неостывшим еще впечатлением блестящей победы, одержанной месяц тому назад боярином В. Б. Шереметевым над поляками.

Декламация — первый опыт Симеона Полоцкого в области панегирической поэзии на относительно чистом славянском языке,² первое выступление его в роли поэта при московском дворе, и в этом отношении она также не лишена интереса. Декламация невелика по объему (162 стихотворных строки), но она уже содержит в себе все те мотивы, которые вскоре получают такое широкое развитие в его „приветственной“ поэзии; она предвосхищает не только его „Орла Российского“, но и все остальные его „книжицы“; уже здесь налицо все те поэтические гиперболы, которые в дальнейшем получают у Симеона такое пышное словесное и даже живописное воплощение: Россия — небо; царь Алексей Михайлович — солнце; царица Мария Ильинична — луна; царевич Алексей — „светла денница; царевны — звезды.

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XI³, стлб. 163—164.

² „Западно-русское“ происхождение Симеона выдают слова: „оборонца“ (64), „солнце... не само дѣйствует“ (83), „дѣдича“ (122); предлог „зъ“; рифмы: еретики — во вѣки (13—14), миру—въру (45—46), царю—дару (127—128), мира—въра (141—142).

СТИСИ КРАЕСОГЛАСНИИ КО ПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ САМОДЕР-
ЖАВНѢЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ
КНЯЗЮ АЛЕКСИЮ МИХАЙЛОВИЧЮ ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ И МАЛЫЯ
И БѢЛЫЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦУ. ОТРОКИ ГРАДА ПОЛОЦКА,
ПРИТЕКШИМИ ВО ЦАРЬСТВУЮЩИЙ ГРАД МОСКВУ, ГЛАГО-
ЛАННИИ. В ЛѢТО ОТ ВОПЛОЩЕНИЯ БОГА СЛОВА 1660, МѢ-
СЯЦА ИАНУАРИА 19 ДНЕ

Отрок 1

Радости сердце мое исполнися,
яко предстати тебѣ приключися,
Богом нам данный православный царю,
России всея вѣрный гасподарю!
5 Яко бо солнце весь мир просвѣщает,
сиде во сердцах радость проникает
От лица царска. Тѣм же припадаем
к стопам ти, яже лобзати желаем.

2

Лобзаем вѣрно крѣпку ти десницу,
10 юже имама за свѣтлу денницу,
Царю восточный, царю стран премногих,
нас избавивый от противник многих.
Прогнавы мрачны з Руси еретики,
будиж в побѣдах преславен во вѣки!
15 Царствуй над всѣми вселенныя страны,
из язык мрачных твори христианы.
Разшири вѣру, свѣт омрачным буди,
иже во смертнѣй сѣни гибнут люди.
Настави на путь заблуждших ко аду,
20 даждь обиженным щедрую отраду.
Дабы им с нами сиде воспѣвати:
много лѣт царю дай бог царствовати!

3

Кто не весело в солнце возглядает,
егда от него просвѣщен бывает!
25 Из красны весны кто не веселится,
в ню же благ всяких много исполнится!
Солнце твое нам зрится лице быти,
пресвѣтлый царю! В твоём свѣтѣ жити
Всегда желаем; в твоей благодати
30 скуднии будут изобилувати,

Як в веснѣ красной. Тѣм же веселуем,
 егда прекрѣпку десницу цѣлуем,
 Ей же от бога молим быти данным
 в державу вѣчну всѣм скипетром странным.

4

35 День есть веселый, день превожделенны,
 вонь же предстати тебѣ сподобленны
 Мы, твои раби, и десну лобзати,
 веселым сердцем сице цѣловати:
 Царствуй, пресилен, преславен повсюду,
 40 гдѣ солнца запад и встает откуду!
 Подай ти господь во мирѣ сияти,
 второму солнцу, всѣми обладати,
 Дабы тобою мрака избѣжати
 всим родом земли и вѣру познати.
 45 Буди Константин и Владимир миру,
 сотри кумира и прослави вѣру.
 Подай ти господь миром обладати,
 а в вѣк будущий в небѣ царствовать.

5

Уста вѣтійска глагола лишатся,
 50 радости нашей егда присмотрятся,
 Юже с твоего лица изчерпаем,
 яко ты здрава, крѣпка соглядаем.
 Пресвѣтлый царю и непреборимый,
 в кончинах земли ужасна славимый,
 55 Кто свѣтла солнца не видѣ на небѣ,
 сей не зна славы, яже есть о тебѣ;
 Земля и море, аер исполнь ея,
 буди ж и в небѣ глас славы твоя.

6

Коль чысло много звѣзд пресвѣтлых в небѣ,
 60 вся солнца свѣтом украшают себе;
 Сице на земли всея Руси грады
 чрез тя сияют, приемлют отрады.
 Без тебе тма есть, як в мирѣ без солнца,
 свѣти ж нам всегда и будь оборонца
 65 От всѣх противник, иже поношаху
 благочестивым и зѣло стужаху.
 Буди милосерд к державным ти градом,
 яко обыче отец своим чадом.

А мы вси молим превѣчнаго бога,
70 да даст ти в мирѣ лѣта жити многа.

7

Мойсій иногда на гору високу
возшед бѣ с творцем миру прешироку
Бесѣдова с ним, потом же оттуду
75 повращен, лучми сияя повсюду.
Мы твоей воли царстей послушливы
здѣ притекохом, чаем, яко и мы
Лучми твоя будем благодати
возвратившеся изрядно сияти.
Прочиим дабы по нас ревновати,
80 под твою милость всегда прибѣгати,
Ея же ради милость ти от бога,
молим, да дасться на лѣта премнога.

8

Солнце на землю не само дѣйствует,
но и луна с ним много изводствует.
85 Ты, царю, солнце, а луна Мария
царица. Ея лучами Россія
Премного свѣтла и в нуждах охладу
во скорбѣх скору приемлет отраду.
Ея молбами и труды по бозѣ
90 царство и грады состоят¹ премнози.
Онѣя щедрость бога преклоняет,
да всѣм милостив и прещедр бывает.
Тѣм же пред нею главы преклоняем,
на многа лѣта сияти желаем.

9

95 Небом Россію нареци дерзаю,
ибо планиты в онѣй обрѣтаю.
Ты — солнце; луна — Мария царица;
Алексій свѣтла царевичь денница,
Его же зари пресвѣтло блистают,
100 его бо щастем врази упадают;
На имя его вси трепещут страхом,
бѣжат от славы, яко уповахом,
А щастѣ ему имать работати,
многя страны в область подавати,

¹ В рукописи: со стоях

105 Дабы яко солнце денница свѣтила,
 славою концы земли исполнила.
 Утро денница обыче сияти,
 о дни будущемъ благовѣствовати.
 Во малѣ дастъ богъ день пресвѣтлый будетъ,
 110 егда денницы свѣтлости прибудетъ
 В многихъ побѣдахъ на вси страны свѣта,
 точию дай богъ многа ему лѣта.

10

Зѣло Россія в свѣтила богата,
 якъ звѣздами небо; сице в ней полата
 115 Царска сияетъ царевенъ лѣпотами,
 звѣздамъ подобныхъ всеми добротами.
 Спросить бы солнца, аще видѣ ровну,
 яко Ирину в Руси Михайловну;
 Ей подражаетъ благородна Анна,
 120 в единыхъ стопахъ с нею Татианна,
 Царя Михайла дщи Федоровича,
 царствъ многихъ и князствъ истинна дѣдича.
 Что Евдокиа з Марфою сестрою
 есть в рускомъ свѣтѣ, аще не звѣздою!
 125 Равнѣ Софія имать возсияти,
 Екатерина такожъ з благодати
 Дателя всѣхъ благъ. Твоя дщери, царю,
 возрастъ приемше по вышняго дару.
 И нова свѣтлость новонарожденна
 130 просвѣтитъ сей миръ Марія царевна.
 Все бо суть свѣтъ намъ. Тѣмже молимъ бога,
 да соблюдетъ я на лѣта премнога.

11

Еще свѣтила и азъ усмотряю,
 в нихъ же солнечну силу обрѣтаю.
 135 Князи, бояре не мрачно сияютъ,
 егда ти царску волю исполняютъ.
 А зари свѣтлы в онѣхъ суть тобою,
 яко же солнцемъ в звѣздахъ со луною.
 К тому не мала суть свѣтила власти,
 140 иже о твоёмъ молѣбствуютъ щастіи.
 Да побѣдитель будешьъ всего мира
 и да исполнитъ миръ тобою вѣра.
 Всимъ того дѣля сердца привѣтствуемъ,
 на многа лѣта жити усердствуемъ.

12

- 145 Ничто во мирѣ лучше, яко глава
крѣпкаго тѣла, егда умна, здрава:
Вся тамо чинна бывают строенна,
идѣже глава умом есть бодрственна.
Велие тѣло славная Россія,
150 ты еси глава, царю велий, сия;
Глава же честным каменем вѣнчанна,
волею бога на царство созданна.
Тобою тѣло царства окормися,
умом и храбрством въсюду прославися.
155 Блаженный град сей, царство все блаженно,
яко тобою зѣло укрѣпленно.
Удобнѣй да есть солнце сострѣляти,
нежели град сей богом храним взяти
Богпротивным: кто любо на тебе,
160 прекрѣпка царя, вооружит себе!
Бог есть с тобою, с ним буди царь свѣта;
царствуй над людми, им же многа лѣта.
-

В. И. МАЛЫШЕВ

Отчет об археографической командировке 1950 г.

В июне 1950 г. Сектор древне-русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР командировал меня в низовья р. Мезени с целью сбора славяно-русских рукописей у местного населения. Кроме того, мне было поручено выявить материалы, имеющие интерес для исследователя древне-русской литературы, быта и искусства, в городах, вошедших в мой маршрут. Были намечены города Архангельск, Шенкурск, Вельск и Вологда.

Свою работу я начал с обследования архангельских архивохранилищ. Мною были осмотрены фонды Областной библиотеки, Городского музея и Областного исторического архива. Рукописей в этих учреждениях оказалось немного: в библиотеке — 36, в музее — 27, в архиве — 12, так как хранившиеся ранее в Архангельске собрания местной семинарии, епархиального древлехранилища, Сийского монастыря, Миссионерской библиотеки и Красногорского монастыря и имеющиеся печатные описания¹ переданы были в 1929 г. в Археографическую комиссию Академии Наук СССР.² Наличные рукописи собраны местными краеведами и архивистами в г. Архангельске и в районах области. Научное значение этого рукописного материала не велико. Среди него нет древних рукописей (старшие относятся к концу XVI в.), мало с историческим содержанием и еще меньше собственно литературных произведений. Большинство рукописных книг — служебные и житийные сборники. Привожу названия наиболее интересных рукописей.

Областная библиотека. Документальная повесть об Азовском осадном сидении донских казаков (серед. XVII в.; публикуется

¹ И. М. Смирнов. Указатель описаний славянских и русских рукописей отечественных и заграничных книгохранилищ. Сергиев-Посад, 1916, стр. 5; К. Я. Здравомыслов. Сведения о существующих в епархиях церковно-археологических учреждениях и консисторских архивах. Сб. мат., относящихся до архивной части в России, т. II. Пгр., 1917, стр. 326—327; С. И. Маслов. Критико-библиографический обзор новейших трудов по славяно-русской библиографии и палеографии, Киев, 1918, стр. 6.

² Ныне находятся в Библиотеке Академии Наук СССР в Ленинграде.

в приложении к отчету); Повесть о Савве Грудцыне (только начало; серед. XVIII в.); Летописец московский (1698 г.); Алфавитный указатель материалов для истории русского флота (кон. XIX в.); сборник сочинений Нила Сорского (кон. XVII в.); Сборник, содержащий повесть и житие Иоанна, архиепископа новгородского, Похвальное слово Сергию Радонежскому (Епифания Премудрого), повесть о страдании князя Михаила Тверского и его боярина Федора, Слово о Федоре, Давиде и Константине Ярославских (кон. XVI в.).

Краеведческий музей: Переписная книга Антониева-Сийского монастыря (XVII в.); дело о возмущении шенкурских крестьян в 1812 г.; Поморская лоция (втор. четв. XIX в.); Память корабельным лоцманам Ивашке Антюфееву да Коземке Концову о вождении кораблей от Архангельска в море (1690 г.); Стихотворения Симеона Полоцкого (перв. четв. XIX в.).¹

Исторический архив. Обиход, 1720 г., с личной записью известного судостроителя XVIII в., крестьянина ровдогорца Степана Негодяева (Кочнева), о покупке им этой рукописи на реке Выме за два рубля шестьдесят копеек; Лечебник (XVIII в.).

Рукописные книги библиотеки, музея и исторического архива хранились в нешифрованных фондах и расставлены были в шкафах и на стеллажах вместе с печатными изданиями. Я выделил рукописи из общего книжного собрания и составил на них охранные описи, копии с которых передал в Институт русской литературы.

За последние годы в Архангельске в Северном отделении Всесоюзного Географического общества образовалась небольшая коллекция рукописей и старопечатных книг, собранная ученым секретарем Отделения К. П. Гемп и ее учениками, студентами местного Педагогического института. С этим собранием я не смог познакомиться, потому что К. П. Гемп находилась в научной командировке в Москве. Видел лишь два сборника XVIII в. и несколько столбцов нач. XVIII в. хозяйственного содержания. Один сборник содержит повести о Еруслане Лазаревиче и о Петре Златых ключах, второй — выписки из Соловецкого летописца, хронографа и проч. Собрание используется на практических занятиях по палеографии в Педагогическом институте и в краеведческом кружке.

В Архангельске я не смог познакомиться также с собранием В. Г. Зыкина, преподавателя местного Педагогического института. В настоящее время В. Г. Зыкин переведен на работу в Сыктывкарский педа-

¹ В Музее, кроме того, хранятся давно известные в печати рукописные книги (Житие Дмитрия Солунского и др.) с собственноручными записями и вставками М. В. Ломоносова, небольшая коллекция столбцов XVII—XVIII вв. и старопечатные книги XVI—XVII вв. Старинные издания имеются также в библиотеке и архиве. Библиотеке принадлежит собрание книг бывшего Соловецкого монастыря, насчитывающее более 300 единиц и содержащее редчайшие памятники славяно-русского книгопечатания XV—XVIII вв. В архиве ценных старопечатных книг нет.

гогический институт Коми АССР. Как позже стало известно, Зыкину принадлежат следующие рукописи:

1) документы: отступная 1563 г., менная 1585 г., семь купчих XVII—XVIII вв., две дельные (1634 и 1636 гг.), посыльная 1618 г., вкладная 1662 г., кабальная 1651 г., отпускная 1678 г., памятная 1676 г., четыре царских указа 1732 г., допросный лист 1706 г., наставление благочинному 1786 г., наставление Л. Н. Свешникову в Москве, 1785 г., два прошения князя Щербатова Александру I;

2) литературные и исторические материалы: летописец соловецкий, 1754 г., И. Козлов „Чернец“, 1827 г., А. С. Пушкин „Евгений Онегин“ (список до 1837 г.), два альбома стихов (1824 и 1837 гг.).

Кроме того, у Зыкина имеется пергаменный лист из Псалтыри XV в., сборник крюковых нот XVIII в. и учебник математики 1798 г.

5 июня я приехал в г. Мезень, Архангельской области, и сразу же приступил к поискам рукописных книг у местного населения. В Мезени и в пригороде Малая Слобода мне удалось приобрести всего четыре рукописи XVIII в., затратив на розыски много времени и энергии. Я обследовал районный архив, но в нем интересного материала не оказалось. Поиски в соседних с Мезенью старинных селах Лампожня, Закокурье, Козьмогородское, Жердь и Дорогорское также прошли почти безрезультатно. Более удачной была поездка в с. Кимжу и дер. Кильцы. Здесь удалось обнаружить около 50 рукописных книг XVI—XIX вв. и 20 из них приобрести для Института. Поездка в села Семжа и Койда (на побережье Белого моря) пополнила наше собрание еще 26 рукописями. Следует отметить, что в прошлом эти четыре населенных пункта были центрами Мезенского старообрядчества. Около Койды находился знаменитый Ануфриевский скит, в Кильцах и в Семже долгое время жили странники („бегуны“). Таким образом, приобретение в Мезени и в районе составляют 50 рукописей XVI—XIX вв. Всего же осмотрено мною было более 150 рукописей и около 200 старопечатных книг. Среди старинных изданий сколько-нибудь ценных не попадалось. По времени напечатания большинство их относится к XVIII—XIX вв. Две рукописи были найдены в Вельске, две — доставлены из Сыктывкара.

Хронологически все приобретенные рукописи распределяются так: XVI в. — 4, XVII в. — 8, XVIII в. — 27, XIX в. — 15. По своему содержанию рукописи разнообразны. Среди них имеются: Дельная запись килецких крестьян братьев Андреевых (1648 г.),¹ Летописец Соловецкий (кон. XVIII в.); Космография (втор. четв. XVIII в.); „Указец“, как составлять празелень и готовить для письма золото и серебро (XVII в.); Лечебник (травник) кон. XVIII в.; Сборник заговоров и приворотов (XIX в.); „Правила пиитические“ (1788 г.).

¹ Публикуется в „Приложении“.

Из литературных произведений отметим: Повесть о Петре и Февронии (кон. XVI в.); „Сказку“ о Еруслане Лазаревиче (1799 г.); повесть о гишпанском дворянине Карле (кон. XVIII в.); стихотворение „Бонапарт и эхо“ (около 1812 г.); повести о патриархе Никоне, о Петре и Евдокиме (XVIII в.).

В сборниках имеются сочинения Ивана Пересветова, протопопа Аввакума, Ломоносова, Кантемира, Сумарокова, Хераскова, Попова, В. Майкова, слова и речи ораторов XVIII в.; стихотворения и вирши семинаристов XVIII в., старообрядческие сочинения литературного и полемического характера, произведения русской церковно-исторической литературы и др. Список всех приобретенных рукописей с кратким описанием содержания публикуется в приложении к отчету.

Несколько слов о положении с рукописной книгой на Мезени. В мезенских селах меньше сохранилось рукописей, чем на Печоре, однако и здесь их еще имеется немало и более широкие поиски могут привести к интересным находкам. Путем опроса большого количества лиц удалось установить, что, кроме сел, мною обследованных, рукописные книги имеются в селах: Немнига, Кеслома, Лешуконское, в населенных пунктах по верховьям р. Мезени, а также в селах и деревнях по р. Кулою. Самое удобное время для розысков рукописей с середины мая по конец июня — до начала полевых работ на Мезени. В отличие от Печоры, на Мезени реже встречаются рукописи, переписанные в конце XIX в. Основная масса рукописной продукции падает на XVIII и начало XIX в. Характерно отметить, что в обследованных местах на Мезени нет таких собирателей старинных рукописей, какие встречаются на Печоре, как, например, в Усть-Цильме и других селах,¹ а рукописи хранятся на руках у лиц старшего поколения, которые берегут их лишь как памятники старины. Старинные рукописи имеются на Мезени только в тех населенных пунктах, где в прошлом было развито старообрядчество; искать рукописи в других селах бесполезно, и находки могут быть только случайными.

Должен отметить высокую культуру мезенского населения, гостеприимный и общительный характер жителей. В каждом, даже отдаленном селе имеются радио, клуб, выписывается много газет и журналов. Новый социалистический строй жизни во всей полноте прочно вошел даже в некогда старообрядческие села, отличавшиеся консерватизмом и религиозной нетерпимостью. Отсюда и сознательное и самое доброжелательное отношение к работе собирателя со стороны местного населения. Пришлось бы помянуть много имен партийных и советских работников, учителей, работников связи, рыбаков и стариков-поморов, которым я обязан указаниями адресов и разными товарищескими сове-

¹ В. И. Малышев. Отчет о командировке в село Усть-Цильму КОМИ АССР. Тр. ОДРА, VII, 1949, стр. 470.

тами и помощью. Приятно было видеть, что моя задача понятна подавляющему большинству мезенцев.

Попутно с поисками рукописей я интересовался также преданиями о протопопе Аввакуме, бывшем в ссылке на Мезени в 1664—1666 гг., но таких не сохранилось. И лишь в двух случаях старики в г. Мезени передали: „деды говорили, что был Аввакум тут“.

Из Мезени я направился в г. Шенкурск. В Шенкурске в районном музее мне показали „Выписи“ из писцовых и переписных книг по Шенкурскому стану, письма и меры писца Якова Боборыкина да подъячева Федора Степанова (копия 1767 г.); дело об организации в городе почтовой конторы (1783 г.); „Наряд“ на постройку соляного магазина (1789 г.); „Окладную книгу“ подушных денег с шенкурских мещан (1800 г.), и еще несколько документов по истории местного края (XVIII—XIX вв.), а также 10 старопечатных книг (XVII—XVIII вв.), 2 Миней (январь—февраль) московской печати 1692 г., с поминальной записью, сделанной государственным печатником и думным дворянином Дементием Миничем Башмаковым. Это все, что имеется в музее. Большая часть рукописного материала¹ музея погибла в 1936 г. в деревянном соборе постройки XVII в., в котором тогда помещался музей, сгоревшем от удара молнии. В Шенкурском районном архиве и в городской библиотеке рукописей и старопечатных книг нет.

Далее, в Вельске Архангельской области я обследовал районный краеведческий музей. Сообщаю краткие сведения о его рукописях. В печати рукописное собрание музея неизвестно.

Основную и главную часть собрания музея составляют документальные материалы по истории г. Вельска и Вельского района (XVII—XIX вв.). Сюда, между прочим, входят: межевые книги (XVIII—XIX вв.); ревизские сказки (крестьянские, купеческие и прочие по Усть-Вельскому и Верховажскому приказам); крестьянские платежные книжки (XIX в.); кабальные записи (XVIII в.); подорожные (XIX в.); крестьянские явки (XVIII в.); расходные книги подрядчиков (XVIII—XIX вв.); купчие крепости на продажу земли и недвижимого имущества (XVIII—XIX вв.); крестьянские договорные письма (XVIII—XIX вв.); крепостные записи (XVIII в.); крестьянские судебные дела (XVIII—XIX вв.); статистические данные о селах и деревнях (XVIII—XIX вв.); похвальные листы, выданные за участие в сельскохозяйственных выставках (XIX в.); сведения о скотоводстве (XIX в.); дела из архива Вельской ратуши и городского магистрата (о приписке в купечество и мещанство, исходящие книги, приходо-расходные ведомости и др., XVIII—XIX вв.); планы земельных и луговых угодий (XVIII—XIX вв.); дела из архивов мещанского общества, женской городской гимназии, городского общественного управления, духовного правления (заемные записи, духовные

¹ П. И. Едемский. Указатель экспозиции Краеведческого музея в Шенкурске. Шенкурск, 1931, стр. 7.

завещания, XVIII—XIX вв.); документы из архивов Верховажского посада (о промышленности, ревизские сказки, „обывательские“ книги, о деятельности городской ратуши, XVIII—XIX вв.) и Усть-Вельского приказа (XVIII—XIX вв.); жалованные грамоты (на чины; XVIII—XIX вв.); ставленные, богомольные, благословенные грамоты (XVII—XVIII вв.); указы о ссыльных из духовного звания (XVIII—XIX вв.); о старообрядцах (XVII—XIX вв.); челобитные монастырских крестьян и подрядчиков (XVII—XVIII вв.); грамоты патриарха Никона и Афанасия Холмогорского о постройке и ремонте церквей; церковные летописи (много); метрические и исповедные книги; явки; документы и архивные материалы Вельского Троицкого собора (XVIII—XIX вв.) и верховажского Успенского собора (переписка священнослужителей, метрические, исповедные и приходо-расходные книги и др.; XIX в.); „Описная книга“ церквей Усть-Кулойской волости (1688 г.).

Другая группа рукописей содержит труды местных краеведов: В. М. Неклюдова (материалы для истории Вельского некрополя и др.), А. М. Сафронова, Ал. Станиловского (Словарь живого языка Вельского района) и другие, в большей части еще не опубликованные; записи фольклора (сказки, песни, частушки, поговорки, обряды и т. д.), сделанные краеведом В. Ф. Кулаковым и руководительницей хора народной северной песни М. И. Шалауровой; рукописные журналы, альманахи и листовки, выпускавшиеся Вельской семинарией, женской гимназией и другими учебными заведениями города в 1910—1916 гг.; школьные литературные журналы, выходившие в Вельске и в районе в 1937—1940 гг.

Третью группу составляют рукописные книги XVI—XIX вв. в количестве 95 единиц,¹ собранные большей частью В. Ф. Кулаковым,² от которого они и поступили в музей в 1920 г. вместе с другими его коллекциями (предметов живописи, одежды, старинного вооружения и проч.), составляющими ныне основу районного музея. Здесь имеется 5 лечебников, в том числе 3 травника (XVIII—XIX вв.—22, 44, 61, 67, 72); 10 сборников заговоров, приговоров и приворотов (XVIII—XIX вв.; 10, 31, 34, 50, 57, 59, 60, 65, 85, 92), среди которых выделяется сборник заговоров „От всякого воинского бою, говорить как пойдешь на воинское дело“ (нач. XVIII в.), сообщающий ряд интересных сведений о вооружении того времени, 8 книг исторического и учительного содержания, принадлежавших известному местному краеведу про-

¹ На эти рукописи я составил охранную опись, извлечение из которой — описание 12 сборников повестей — публикую ниже в приложении. Следующие далее цифры в скобках означают номер по описи.

² Василий Феокистович Кулаков (1867—1945) — крестьянин, местный краевед-самоучка. См. о нем: И. С. Абрамов. Краеведы-самоучки. Краеведение, 1928, № 2, стр. 95—96; Б. Пер[е]с. Археологическая коллекция В. Ф. Кулакова. Изв. Арханг. общ. изуч. русского Севера, 1912, № 5, стр. 199—205.

шлого века М. Н. Мясникову, с его собственноручными записями и пометами.

В числе литературных и исторических произведений назовем: сказание об Иване Грозном и митрополите Филиппе (XVIII в.; 72), Хождение Трифона Коробейникова (XVIII в.; 20); Повесть о царе Аггее (кон. XVIII в.; 85); „Великое зеркало“ (19—33 главы; нач. XVIII в.; 86); Я. Б. Княжнин — „Вадим“ (кон. XVIII в.; 93); история г. Шенкурска, сочиненная в магистрате в 1785 г. (51); „Краткая русская история“ (нач. XIX в.; 27); стихотворение о том, как крестьянин дер. Конановской Иван Белобока прогнал шайку поляков в 1612 г.—обработка местного предания, сделанная Дм. Григ. Рагозиным, крестьянином д. Полесовской, Вельского уезда (XIX в.).

В составе сборников и отдельно имеются списки житий севернорусских подвижников (XVII—XIX вв.; 1, 24, 58, 72, 85, 86 и др.), произведения апокрифической литературы (XVIII—XIX вв.; 64, 92 и др.) и сочинения семинаристов XVIII в. (25, 27 и др.).

В Вологде я познакомился с собранием славяно-русских рукописей Областной библиотеки. В этом собрании я выявил неописанные сборники и, отобрав 12 наиболее интересных, составил краткое описание, которое публикую в приложении. Всего в библиотеке рукописных книг — 356. Книги поступили из местной семинарии (около 300 единиц; XIV—XIX вв.);¹ тотемского Спаса-Суморина монастыря и от местных краеведов (Н. С. Шайшина, Лебедева и др.). На все рукописи имеется опись, составленная в 1940 г., в которой, однако, содержание большинства сборников осталось нераскрытым.

Кроме сборников, в этом собрании заслуживают внимания следующие рукописи, неизвестные по печатным описаниям: Эсфирь и Агасфер, Дмитрия Ростовского (нач. XVIII в.); „Сотная“ с тотемских писцовых книг письма и меры Фоки Дурова (XVII в.); Летописец Соловецкий (кон. XVIII в.); Руководство к историческому и физическому описанию Великого Устюга (сочинение Фриза) (кон. XVIII в.); „О крепостном состоянии в России“ сочинение М. А. Фонвизина; его же „Примечание к книге «Философическая и политическая история России»“; „Возврат Чацкого в Москву“ Евдокии Ростопчиной (втор. полов. XIX в.) и два сборника выписок (на русском языке) из польских эмиграционных журналов XIX в. („Народный журнал“, „Новая Польша“, „Белый орел“ и др.).

Следует отметить заботливое отношение администрации библиотеки к своему собранию. Книги находятся в сухой, легко проветриваемой комнате, в прочном, специально приспособленном для хранения шкафу,

¹ О семинарском собрании см.: И. М. Смирнов. Указатель . . . , стр. 6; К. Я. Здравомыслов. Сведения . . . , стр. 329—330; М. Струменский. Указец старинных рукописей. Вологда, 1919, 28 стр.—Струменским в 1916 г. было кратко описано 250 рукописей. Сборников раскрыто немного (главным образом семинарского происхождения). Некоторые рукописи, значащиеся в „Указце“, в библиотеку не поступали, и находятся в Вологодском музее (несколько пергаменных).

очищаются от пыли и обеспечены строгим учетом. Желательно было бы, чтобы работники Архангельской областной библиотеки и Вельского районного музея последовали примеру вологжан и позаботились о подыскании надежного помещения для хранения своих рукописей и старопечатных книг и научились правильно их оберегать, чего еще в этих учреждениях недостает.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

1. Список рукописных книг, собранных в Архангельской области в июне 1950 г.

1. Сборная рукопись. Состоит из четырех рукописей (кон. XVI—XVIII вв.), в 4-ку, 385 л., полуустав, переплет. Содержание: Повесть о Петре и Февронии, Жития Никиты Переяславского, Евфимия Суздальского, Алексея-человека божия (XVI в.), житие и чудеса Александра Свирского (нач. XVIII в.) и др. На рукописи XVI в. имеется запись о принадлежности ее в 1649 г. Якову Луконникову.

2. Четвероевангелие (XVI в.), в 4-ку, 289 л., полуустав, переплет. В конце рукописи вписаны три записи XVII в.: попа Михайла Васильева о покупке книги у никольского попа Михаила Стефанова; его же — о продаже рукописи благовещенскому попу Ивану Григорьеву; попа Ивана Григорьева о продаже Евангелия Самуилу Федорову и о том, что последний кладет книгу в Благовещенскую пустынь, 1636 г.

3. Миняя служебная, март (кон. XVI в.), в 4-ку, 101 л., полуустав, переплет.

4. Устав (кон. XVI в.), в 4-ку, 619 л., полуустав, переплет. На л. 618 запись: „196-го года, марта, в 8 день. Переплетал сию книгу и починивал мезенец, козьмогородские деревни житель, Олешка Григорьев сын Шмаков, и подписал сам своею рукою“.

5. Сборник (кон. XVI—нач. XVII в.), в 4-ку, 420 л., полуустав, переплет. Содержание: житие Иоанна Златоуста, слова и поучения Илариона Великого, Федора Студита, Иосифа Исповедника, Иоанна Златоуста и др.

6. Дельная Килецкой волости (Мезень) крестьян братьев Андреевых (1648 г.), столбец длиной 127 см, скоропись. Публикуется в приложении к отчету.

7. Указ, как составлять празелень и готовить для письма золото и серебро (XVII в.), в 8-ку, 8 л., скоропись.

8. Ирмологий крюковой с добавлениями (втор. пол. XVII в.), в 4-ку, 163 л., полуустав, переплет.

9. Сборник Антониева-Сийского монастыря (третьей четв. XVII в.), в 4-ку, 319 л., полуустав, переплет. Содержание: Служба, житие и чудеса Антония Сийского, похвальное слово Антонию Сийскому, сказания о Сийской иконе богоматери, об Антониевом кресте,

что на Емецкой дороге. На нижних полях запись о передаче книги по приказу игумена Антониева-Сийского монастыря Феодосия в Чирцову пустынь, на Мезень, в 1688 г.

10. Синодик (XVII в.), в 4-ку, 39 л., полуустав, переплет. Синодик содержит только вводные статьи и помянник общий.

11. Ирмологий и Октоих крюковые (XVII в.), в 8-ку, 362 л., полуустав, переплет.

12. Сборник (нач. XVIII в.), в 16-ю долю листа, 248 л., полуустав, переплет. Содержание: слово о плененной девице, Скитское покаяние, выписки из Маргарита и др. Сборник украшен несколькими заставками в красках, в раннепоморском стиле.

13. Сборник (нач. XVIII в.), в 4-ку, 201 л., полуустав, переплет. Содержание: Зерцало богословия, Алфавит духовный, повести из Великого зеркала, Старчества и Скитского патерика.

14. „Сказание“ о Бове королевиче (1718 г.), в 8-ку, скоропись, 56 л., без переплета. Получено в дар от В. Г. Зыкина.

15. Александрия (отрывок о рахманах), перв. четв. XVIII в., в 4-ку, 20 л., полуустав, тетрадь.

16. Александрия (без начала и конца), перв. четв. XVIII в., в 4-ку, скоропись, 38 л., без переплета. Получено в дар от В. Г. Зыкина.

17. Житие Василия Нового и Григориево видение (перв. четв. XVIII в.), в 8-ку, 180 л., полуустав, переплет.

18. Стихирарь праздничный, нотный (перв. четв. XVIII в.), в 8-ку, 203 л., полуустав, переплет.

19. Космография (втор. четв. XVIII в.), в 8-ку, 31 л., скоропись. На л. 30 имеется запись от 1752 г. о принадлежности рукописи Матвею Федорову, монастырскому крестьянину д. Осташева, Полуектовских деревень, Спасо-Ярославского монастыря.

20. Сборник (перв. пол. XVIII в.), в 8-ку, 289 л., полуустав, переплет. Содержание: повесть о Варлааме и Иоасафе и жития минейные и проложные.

21. Сборник старообрядческий (серед. XVIII в.), в 8-ку, 98 л., полуустав, переплет. Содержание: „Послание протопопа Аввакума“ (из „Книги бесед“, вступление и первая беседа), челобитная (пятая) протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу, Повесть о Корнилии Выговском. Повесть о патриархе Никоне (видение Димитрия Волжанина) и др.

22. Стих Иоасафа царевича о пустыне (серед. XVIII в.), в 16-ю долю листа, 9 л., полуустав, тетрадь.

23. Сборник стихотворений (Ломоносова и др.), вирш и псалм с нотными распевами (60-е годы XVIII в.), в 8-ку, 29 л., скоропись.

24. Сборник (1788 г.), в 4-ку, 153 л., скоропись, переплет. Содержание: „Правила пиитическия“ Аполлоса (А. Д. Байбакова), примеры к „правилам“ из стихотворений Кантемира, Ломоносова, Хераскова,

Сумарокова, Попова, В. Майкова и других поэтов XVIII в., речи и слова проповедников XVIII в. Сборник составлен в Вологодской духовной семинарии Андреем Братановским. На л. 94 имеются пометы вологодских крестьян: Иоасафа Тараканова (с. Кубенское) (XIX в.) и Степана Степанова Москалева, дер. Доронинская, Шелотской волости, Верховажского приказа (кон. XVIII в.).

25. Житие Киприана и Устиньи (втор. пол. XVIII в.), в 4-ку, 11 л., полуустав, тетрадка.

26. „Сказка“ о Еруслане Лазаревиче (1799 г.), в 4-ку, 35 л., скоропись, тетрадка. На 1-м л. помета близким к рукописи почерком: „Писец Митькин Ларион“.

27. Сказание об Августине, епископе Гиппонийском (кон. XVIII в.), в 4-ку, 8 л., полуустав, тетрадка.

28. Сборник (кон. XVIII в.), в 8-ку, 21 л., полуустав, переплет. Содержит выписки из „Пчелы“ и слова и поучения проложного и патеричного характера.

29. Летописец Соловецкий (краткий) (кон. XVIII в.), в 8-ку, 22 л., скоропись. Погодные записи оканчиваются 1753 г. В XIX в. рукопись принадлежала крестьянам: Афанасию Голубину и Устинье Крюковой (в 1812 г.).

30. Сборник (кон. XVIII в.), в 4-ку, 9 л., скоропись. Содержит слова из патериков.

31. Стих покаянный (кон. XVIII в.), в 4-ку, 1 л., полуустав.

32. Житие и чудеса Зосимы и Савватия Соловецких (кон. XVIII в.), в 4-ку, 133 л., скоропись, переплет.

33. Месяцеслов (XVIII в.), в 8-ку, 309 л., полуустав, переплет.

34. Сборник старообрядческий (кон. XVIII в.), в 8-ку, 333 л., полуустав, переплет. Содержание: 1) „О отступлении росиян от святых восточных православных церкви“. 2) Вопросы поповца к беспоповцам о священстве. 29 вопросов (Дружинин. Писания старообрядцев, стр. 297, № 69). 3) „Собрание о браке законном“. 4) Вопросы к федосеевцам об истинности их учения. 27 вопросов. 5) Повести из Великого Зерцала, Скитского и Печерского патериков, „Просветителя“ Иосифа Волоцкого и др.

35. Повесть о гишпанском дворянине Карле (третья четв. XVIII в.), в 8-ку, 25 л., скоропись, переплет не сохранился. В начале и в конце текста нехватает по одному листу. На полях две владельческие записи: Василия Ружнова (1814 г.) и Устюгского мещанина Ивана Кузьмова Щекотова (1830 г.). Повесть исследователям не известна. Подготовлена к печати П. Н. Берковым и мной.

36. Лечебник (травник), кон. XVIII в., в 16-ю долю листа, 14 л., скоропись, без переплета.

37. Сборник семинарских стихотворений и псалм с нотными распевами (втор. пол. XVIII в.), в 4-ку, 12 л., полуустав, переплет не сохранился. Сборник составлен в Великом Устюге.

38. Листы из Синодиков Ануфриевского скита (кон. VIII—XIX вв.), в 4-ку и в 8-ку, 26 л., полуустав и скоропись.

39. Сборник (нач. XIX в.), в 8-ку, 157 л., полуустав, переплет. На обороте 151 листа находится запись скорописью первых годов XIX в. о принадлежности рукописи Григорию Гаврилову сыну Стрелкову, из Мудьюгской волости (Архангельской губ.). Состав сборника: „Сказание Ивана Пересветова о царе турском Махмете, како хотел сожещи книги греческия“, жития Артемия Веркольского и Никона Сухого, повесть об Антонии Галичанине, сказание о двенадцати добрых друзьях, повести из Великого Зеркала и др.

40. Сон богородицы и апокрифическая молитва кресту (нач. XIX в.), в 8-ку, 6 л., скоропись, без переплета.

41. Стихотворение „Бонапарт и эхо“, ¹ около 1812 г. (бумага 1809 г.) скоропись, 1 лист.

42. Житие, чудеса и служба Артемия Веркольского (перв. четв. XIX в.), в 8-ку, 120 л., полуустав, переплет не сохранился. В конце рукописи владельческая запись от 1883 г. мезенского мещанина Федора Иванова Окладникова.

43. Сборник (серед. XIX в.), в 8-ку, 12 л., скоропись, тетрадка. Содержит привороты, выписки из лечебника (травника) и Слово Ипполита папы Римского.

44. Сборник (1861 г.), в 4-ку, 18 л., скоропись, тетрадка. Содержит: сказание (проложное) о Чухломской иконе богоматери и короткие рассказы и стихотворения учительного содержания.

45. Сказание о чудесах Варлаама Керетского (серед. XIX в.), в 4-ку, 16 л., скоропись.

46. Сборник (втор. пол. XIX в.), в 8-ку, 122 л., полуустав, переплет. Содержит Страсти Христовы, Слово о пустыне и пустыножителях и проч.

47. Сборник старообрядческий (втор. пол. XIX в.), в 8-ку 233 л., полуустав, переплет. Содержание: поучение против матерной брани, житие Макария Желтоводского и старообрядческие сочинения полемического характера.

48. Сборник старообрядческий (кон. XIX в.), в 4-ку, 173 л., полуустав, переплет. Содержание: Соловудкая челобитная, стих (раешник) о противниках старообрядчества, сочинение Евфимия (Странника), житие (краткое) Семена Денисова, повесть о Филиппе и Терентии и др.

49. Сборник духовных (старообрядческих) стихов (кон. XIX в.), в 8-ку, 34 л. Содержание: Стихи об умершем друге, о сестре духовной, об Иоасафе царевиче, о младости, об Алексее-человеке божьем, „Попутный ветер тихо веял“, об узнике-невольнике, о матери и дочери и др.

¹ Приписывается С. Н. Марину. — С. Н. Марин. Полное собрание сочинений. М., Гослитмузей, 1948, стр. 190—191, 413—414. — Указанием обязан Ф. В. Ильиной.

50. Сборник старообрядческий (кон. XIX в.), в 4-ку, 165 л., полуустав, переплет. Содержит краткую историю Ветковского согласия, выписки из соч. протопопа Аввакума [челобитной (пятой) царю Алексею Михайловичу] и др.

51. Сборник старообрядческий полемический, кон. XIX в., в 8-ку, 208 л., полуустав, переплет.

52. Сон богородицы и Сказание о 12-ти пятницах (кон. XIX в.), в 16 долю листа, 22 л., скоропись, тетрадка.

53. Сон богородицы, новейшего письма, в 16 долю листа, 21 л., скоропись, переплет.

54. Память земскому целовальнику и соцкому Окологородного стану Усольского уезда о незаконном присвоении земли около пожни Щетенихи Иваном Лукиным Сердешниковым, 1681 г. Столбец длиной 480 см.

2. Сборники Вельского Районного архива Архангельской области

1. (75)¹ Сборник (1636 г.), в 4-ку, полуустав, переплет. Содержание: житие и чудеса Засимы и Савватия Соловецких, слово Нифонта о русалиях, апокрифическое слово о Георгии Победоносце и др.

2. (49) Сборник (втор. пол. XVIII в.), в 4-ку, скоропись. Содержание: повесть о Димитрии Басарге, История о Бове королевиче, „Сказание“ о Мамаевом побоище, „Приклад о гордом цесаре Иовиниане“ и др.

3. (14) Сборник (кон. XVIII в.), в 4-ку, скоропись, переплет. Содержание: повесть о Савве Грудцыне, слово о Макарии Египтянине и др.

4. (30) Сборник (кон. XVIII в.), в 4-ку, скоропись, переплет. Содержание: „История“ о Петре-Златых ключах, „Сказка“ о Бове королевиче, „Сказка“ об утке с золотыми яйцами (о семи братьях Симеонах) и др.

5. (52) Сборник (XVIII в.), в 4-ку, скоропись, переплет. Содержание: Летописец московский (краткий), повесть о хмеле, житие Евстафия Плакиды и др.

6. (69) Сборник (кон. XVIII в.), в лист, скоропись, переплет. Содержание: Письмовник, Беседа трех святителей, немецко-русский словник, притчи, поговорки, присловия и др.

7. (15) Сборник (XVIII в.), в 4-ку, скоропись, переплет. Содержание: „Наставная“ грамота Афанасия Холмогорского, житие Антония Сийского и др.

8. (25) Сборник (кон. XVIII в.), в 4-ку, скоропись, переплет. Содержание: Сокращенная универсальная история, Разговор на погребении между светским человеком и христианином, латино-русский разговорник. Речь, сказанная бригадиром П. М. Скаржинским при вступ-

¹ Цифры в скобках означают номер по моей охранный описи.

лении его в должность Кавказского губернатора в 1792 г., вирши, оды и стихотворения, посвященные святым и лицам царствовавшего дома, написанные по-русски и по-латыни.

9. (77) Сборник (кон. XVIII в.), в 4-ку, скоропись. Содержание: пословицы, оды, сатиры, стихи, посвященные отдельным монастырям и праздникам, а также императрице Елизавете и Мельгунову, слова на проезд архиереев, загадки и отгадки и проч. Сборник этот, как и предыдущий (№ 25), семинарского происхождения.

10. (82) Сборник (1851 г.), в 4-ку, скоропись. Содержание: Краткое описание земель и государств, Реестр в который части что родится, Хронология российских князей и царей, Табель губерний, провинций и городов Российской империи, Дорожник, Описание столичных городов, Арифметика и др.

11. (69) Сборник (1852 г.), в 8-ку, скоропись. Содержание: Поучение и наказание младым отрокам и старым людям, „Ведомости из ада“ (отличные от напечатанных), заговоры на сбережение домашнего скота и др.

12. (89) Сборник стихов (XIX в.), в 8-ку, полуустав. Содержание: Стихи Иоасафа царевича, об Афонской горе, „Что за чудную превратность“, „Что уныло завывает томный звон колоколов“ и др.

3. Сборники Вологодской областной библиотеки

1. (А—201)¹ Сборник (XVI в.), в 4-ку, 509 лл., полуустав, переплет. Содержание: житие и чудеса Зосимы и Савватия Соловецких, Беседа трех святителей, поучение о пользе книжного почитания и др.

2. (А—292) Сборник исторический (перв. пол. XVII в.), в лист, 926 лл., скоропись, переплет не сохранился. Содержание: похвальное слово княгине Ольге, „Степенная книга“ (17 степеней), повесть о покорении Казани, „Пчела“.

3. (А—192) Сборник (кон. XVII в.), в 8-ку, 209 лл., скоропись, переплет. Содержание: „Паломник“ игумена Даниила, „Хождение“ Трифона Коробейникова, „Странник“ Василия Яковлева Гагары.

4. (А—149) Сборная рукопись (кон. XVII—XVIII вв.), в 8-ку, полуустав и скоропись, переплет. Содержание: „Хождение“ Трифона Коробейникова, чудеса Артемия Веркольского и др.

5. (А—314) Сборник, составленный М. А. (возможно подьячим Михаилом Афанасьевым), 1712—1714 гг., в лист, 164 л., скоропись, переплет. Содержание сборника составляют описание путешествий, в которых М. А. принимал участие, и его письма. А именно: 1) поденное описание путешествия губернатора А. А. Курбатова от Вологды до Архангельска в 1712 г.; 2) поденное описание „действий“ А. А. Курбатова в Архангельске; 3) повседневное описание путешествия от Архангельска до Пустозерска Вологодской ратуши надзирателя Мат-

¹ В скобках указан номер по охранный описи 1940 г.

веза Жданова в 1712 г.; 4) подробное описание путешествия дьяка Ивана Авксентьевича Хрипунова с Вологды „в вотчину родителей своих“ (Вологодский уезд); 5) письма М. А. из Пустозерска к А. А. Курбатову с описанием виденного и слышанного, 1712—1714 гг.

6. (А—310) Сборник о войнах и дипломатических миссиях времени Ивана IV и Петра Первого (перв. четв. XVIII в.), в 4-ку, 91 л., скоропись, переплет не сохранился. Сборник содержит выписки из донесений русских дипломатов XVI—XVIII вв., выписки летописного и хронографического характера и др.

7. (А—311) Сборник (втор. пол. XVIII в.), в лист, 147 л., скоропись, переплет. Содержание: Послание старца Филофея царю Василию Ивановичу, „Поучение верным людям Аввакума протопопа“, Записка протопопа Аввакума о последних увещаниях, сочинения Федора Иванова, инока Авраамия, выписки из „Поморских ответов“ и др.

8. (А—190) Сборник (кон. XVIII в.), в 8-ку, скоропись, переплет. Содержание: повести о крестном сыне, о купце Дм. Басарге, „Чудо“ о царевне Персике, сказание о добрых друзьях, стих о гробе, слово о пользе книжного почитания, Память Антония Римлянина, апокрифы о сотворении земли и твари, об Адаме и Еве.

9. (А—193) Сборник, кон. XVIII в., в 8-ку, скоропись, переплет. Содержание: повести о купце Дм. Басарге, о крестном сыне, о Григории папе, о епископе Удоне, Память Антония Римлянина и др.

10. (А—175) Сборник (нач. XIX в.), в 8-ку, полуустав, переплет. В состав сборника входят: Сон богородицы, повесть о царе Аггее, выписки из „Пчелы“ и др.

11. (А—133) Сборник (XIX в.), в 8-ку, полуустав, переплет. Содержит повести о происхождении картофеля, о происхождении вина и др.

12. (А—136) Сборник (XIX в.), в 4-ку, полуустав, переплет. Содержание: житие митрополита Филиппа, письмо старообрядца Якова Тимофеева к „барину“ Василию Стефановичу Ашиткову полемического характера и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Документальная повесть об азовском сидении

(По рукописи середины XVII в. Архангельской Областной библиотеки, № 45)

Список документальной повести (второй вид по классификации А. С. Орлова) Архангельской Областной библиотеки является едва ли не самым старшим из известных текстов этой группы. Кроме того, он исправляет некоторые испорченные места в ранее известных списках. Вот почему мы считаем необходимым опубликовать его.

Рукопись написана на столбце длиной в 126 см скорописным почерком середины XVII в. Водяной знак бумаги — гербовый щит, внутри которого находится небольшой рожок с перевязью, под щитом буквы МС. На оборотной стороне столбца имеются две скорописные надписи (кон. XVII в. и XVIII в.): 1) „205 (1697)-го, июля в 17 день“, 2) „Осада казаков в Азове“.

При издании текста введена современная пунктуация, надстрочные буквы внесены в строку, титлы раскрыты, буквенно-цифровые значения передаются словами, за исключением календарных обозначений.

Список в записи разспросных речей Азовского сиденья донских атаманов и казаков

150-го, октября в 28 день, приехали ко государю-царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси к Москве, з Дону, Азова города, донские казаки, атаман Наум Васильев да ясаул Федор Иванов, а с ними казаков двадцать четыре человека, которые седали в Азове в осаде, и в посольском приказе перед дьяки перед думным[и], перед Федором Лихачевым да перед Григорьем Львовым, про всякие речи и вести розпрашиваны, а в роспросе сказали.

В прошлом-де, во 149-м году, июня в 24 день, выслал турецкой Брань-Браим салтан-царь под Азов-город четырех пашей — Усеина да Капитона да Мустофу да Ирбима, а с ними-де турецких и розных двунатцати земель всяких воинских людей двести тысяч человек, да крымской царь, да брат ево Нардил да Крым Гирей — царевичи, а с ними крымских и нагайских татар сорок тысяч, да горских черкас тридцать тысяч. Да с ними же были немецкие люди городоємцы и приступные и подкопные вымышленки, шпанцы, тальяне, францы, желне, виницеяне, которые делать умеют всякие приступные и подкопные мудрости, и ядра огненные чиненые.

А пушек с ними было сто двадцать, а у пушек ядро было в пуд и в полтора пуда, а привязываны были все на чепях. А были с турецкими пашами розных земель люди: турки, греки, серби, арапы, можары, буданы, башняки, арнауты, волохи, мутьяне, черкасы горские. И всего с крымским царем и братьями ево и с турецкими пашами крымских и нагайских татар и турецких и всяких людей, оприче вымышленников двести пятьдесят тысяч человек.

А собирали-де они на ту войну четыре года, а на пятой год июня в 24 день пришли под Азов, и пришед под Азов, на другой день к городу приступали двжды. А из города выведены подкопы тайные, и в приступное время подкопы запапали и на тех приступех многих людей подкопами и выласками побило, и турецкого царя самое большее знамя у них взяли. И после того турецкие люди привели блиско города земляной вал, вверх семь сажен, и по валу поставили пушечной наряд, и били ис того наряду по всему городу день и ночь безпрестани шестнадцать дён, а в день да в ночи — в судки выстрелов тысяча семьсот. И городовые стены и башни и церковь Ивана Предотечи и полаты все они, поганые, збили под подошву, а церковь Николы чудотворца розбили вполы, потому что стояла внизу.

А они, атаманы и казаки, седали вкопався в ямы и зделали дворы в земле тайные. А которыми места турецкие люди приступали, и под те места под земляной вал подвели казаки два подкопы. А табары их те турецкие и всякие люди стояли от города полторы версты, и под те их табары атаманы и казаки подвели двадцать восемь подкопов и теми подкопами и выласками в приступе турецких и всяких многих людей безчислено побило. А после того, турецкие люди и немецкие вымышасники к земляному валу и под город подводили семнадцать подкопов, и, милостию божею и заступлением пречистые богоматери и присно девы Марии, и молитвам: угодника их честнаго и славнаго и всехвальнаго пророка и предотечи, крестителя господня, Ивана, и тех турецких и крымских и нагайских и иных розных земель люди, подкопы и приступ не удался, только в тех подкопах атаманы и казаки их же побивали.

А было-де к городу Азову всеми людьми двадцать четыре приступы. А ядра огненные чиненые и всякие приступные мудрости в город к нам метали, и тем их, атаманов и казаков, многих побило и опаалило. И после-де того, они, турцы и крымцы, к атаманом и казаком на стрелах метали грамотки многие, чтоб они, атаманы и казаки, азовское збитое пустое место городове отдали турецким людям. А они-де, турецкие люди, довали им за то пустое городове место многую казну, и они-де,

атаманы и казаки, видя божию милость великую и неизреченную и заступление святилка свету, пророка и предтечи крестителя господня Ивана, им, турским людем, в том отказали и многие у них многочисленныя казны не взяли.

А как в осаде седали атаманы и казаки, и они-де имели пост и моление велие и чистоту душевную, наипаче же и телесную. И мнози искусные люди во сне и вне тонца сна виде овогда жену прекрасну в баграницы, ово мужа древня власата, боса, и их, атаманов и казаков, от иноплеменников заступающа, а на поганья помогающа. А то-де они, атаманы и казаки, многия видели явно, от образа Ивана предтечи, от суха древа течаху слезы многия, аки струя.

И всего-де они, атаманы и казаки, седали в осаде в Азове, 149-го году, месяца июня, 24 числа, да по 150-й год, месяца сентября по 26 день. И тово же числа, в ноци, [в] их, турских и крымских безбожных агарян и всяких поганых людей, не знающих бога, вниде ужас в кости, а трепет в застенные их души; за четыре часа до свету возмутись побежали, и никим же гонимы, с вечным позором, и пошли в катарги их конные люди. И в те поры на них охочие атаманы и казаки ходили за ними из Азова в погоню, и у них, поганых людей, отбили многие люди и лошади.

А все-де языцы, которых они имаали в Азов, сказывали им, что побито под Азовым на приступех и на выласках и подкопами турских и всяких людей больши девяносто тысяч человек. А их-де, атаманов и казаков, в осаде седело только пять тысяч триста шестьдесят семь человек, а побито их, казаков, три тысячи человек, опроче того, что осталось, и те все переранены.

Дельная кильчан братьев Андреевых¹

(По рукописи 1648 г., № 6)

Се аз, Левонтей да Михайло да Еремей Андреевы дети, Килецкия волости мезенцы, поделилисе есми промеж собою хлебо[м] и солью, долгом и свободою, медным и железным и серебряным, и платьем и скотом, коньми и коровами и овцами, животом и всем житейским запасом поровну, на три жеребья, дворами и поддворными землями и деревнями, горнею землею, орамою и луговою — поженскою, санными покосы с заимищи и заполоски, с путики и с лопечники и что к тем деревням и истарь прилегло, чем отец наш владел, и что мы вново нажили по купчим и по менным и по закладным, по всем письменным крепостям, всем натрое поровну.

А Левонть[ю] с жеребью досталесе бревна новые избные и все, сколько вывезено сее осени сто пятьдесят первого году, да сто тесниц, что взят по записе на Агее Лыбашеве, и тот тес на новую избу, да ржи двадцать мер. А двор ему, Левонтью, ставить по нижнюю сторону Софонкова двора на купленную землю самому своею силою. А нас, Михайла да Еремея, к дворовой поделки не притягивать. А не поставит по записе тесу Лыбашев, ино нам трем братьям вытесать сто тесниц на ево, Левонтьеву, новую избу.

А Михайлу с жеребью досталась большая изба с поля, да к той избе полдвора и с подвornoю землею и со всеми хоромы, что в том полудворе, а без наддаче.

А Еремею с жеребью досталась ме[н]шая изба, горосная, да полдвора и с подвornoю землею и со всеми хоромы, что есть в том полудворе, з горосную сторону. Да Еремею же ржи четыре меры наддачей.

И нам, Михайлу да Еремею, из нового Левонтьева лесу от всего того избного и клетного и хлевного, и заплотного не имать ничего.

А мне, Левонтью, у них от старого двора и от хором [и] от всего не относить ничего.

Да нам, двум братьям, Михайлу да Еремею друг другу выходы зимные и летные давать, не запирашь и не теснить. А только вылягут на Левонтьево новое дворовое место, на поддворную землю, пути купчие или закладные, или менные, и нам,

¹ Публикуется по упрощенной орфографии.

братьям, всем трем стоять против тех путей вместе, а Левонтья в убытках не подать, а той земли бы[ть] вопче у трех братьев. А Левонтью поставить двор собою же на то же поле от горки подале. А в выходе Левонтья не теснить, на горку выход давать.

Да Михайлу же да Еремею с жеребью достался старой полевой анбар и с поданбарною землею, а стоит на Левонтьеве поле. И с тое земли его не сносить, а, в анбар ходя, сеvu не толочить. А не будет на месте анбара, ино [нам]¹ ставить Михайлу да Еремею новой анбар, таков же, а не боле. И им тем анбаром владеть и землею во веки. А Левонтью взять против той анбарной земли столько же, сколько под старым анбаром, на наших полях с межи, где ему любо.

А гумно новое и с овином и с подгуменною землею, да и старая подгуменная земля другая, и то все вместе неразделено. А поля разделены; и кому где с жеребья досталось, тому тем и владеть. А пожнями владеть кому где с жеребья досталось, тем и владеть по тому же. А что есть у нас, трех братьев, в опчей земли по конец поль заполоски, от огород к лесу, и те заполоски нам, братьям, Левонтью да Михайлу да Еремею, поделить натрое поровну. А тем другу у друга не отнимать заполосков, что по конец чьих поль, и надел давать.

А долги кабальные и безкабальные по закладным дать и взять, что родились вместе до сеих дельных, имать и платить вместе. А что после сих дельных, у кого будет долгу и на кого кабалы вылягут, тому свою заимку и платить, а друг друга не притегивать.

Да и впредь нам, Левонтью да Михайлу, да Еремею, другу до друга в делу ни в чем ни до чего дела нет. Не искать и не отискивать ни которыми делы и не переделыватца ни нам ни детям нашим. Сей дел нам и во веки люб и делу друг на друге не счинать.

А будет которой в нас брат станет на брати своей в делу искать или отискивать, и им взять по сей дельной записе пятьдесят рублей денег одному. Яз, Левонтей, стану дел счинать, ино братьям взять на мне, Левони, пятьдес[ят рублей]. . . ако ер стану искать. . . и им взять н[а]. . . у по. . .

[На обороте столбца:] По сим дельным записем мы, три брата, Леонтей да Михайло да Еремей, Ондреевы дети, по конец поль своих заполоски поделили излюбя, что которой в нас брат которой полоской владеет, тому в нас и заполоской той полосы владети, а заполоска у полосы не отнимати, в том и на дельных подписать велели. У подписки были люди: Емельян Малахийев Кашунин, да Гаврило Антонов Шалин. Подписал на дельных Ивашко Кирилов Попов, лета 7157 (1648 г.) октября в 30-й день.

Во время печатания статьи мне удалось, при помощи К. И. Коничева, узнать еще об одном рукописном собрании в Архангельской области. Это — небольшая коллекция документального материала XVI—XVII вв., принадлежащая Т. Е. Бурдину из г. Емецка. Бурдин собирает материалы, отражающие борьбу северных крестьян с Антониево-Сийским монастырем за землю. У него, между прочим, имеются две купчие (1598 и 1699 гг.) на деревню Юшковскую, две приходо-расходные книги Сийского монастыря (1729 и 1730 гг.), жалобы кабальных людей XVII в., челобитная Афанасию Холмогорскому на игумена Сийского монастыря и ряд других документов, касающихся землевладений Антониево-Сийского монастыря и крестьянских споров за землю с монастырем.

Рукописи литературного содержания („Еруслан Лазаревич“, „Петр-Златые ключи“ и др.) Бурдин передал в Северное отделение Всесоюзного Географического общества и в Институт русской литературы („Повесть о табаке“).

¹ В рукописи но,

В. И. МАЛЫШЕВ

Заметка о рукописных списках Жития протопопа Аввакума

(Материалы для библиографии)

Выдающееся произведение древне-русской литературы — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, дошло до нас в большом количестве списков, разделяемых исследователями на три редакции. Если рукописное наследство многих замечательных памятников древне-русской литературы уже в основном известно и стало достоянием науки, то тексты Жития Аввакума до сих пор еще недостаточно выявлены и остаются вне поля зрения исследователей. Понятно, что работа по разысканию новых списков „гениального жития“ Аввакума, как выразился о нем А. Н. Толстой,¹ бесспорно принесет новые материалы, которые обогатят наши сведения об Аввакуме и его времени, а также пригодятся при подготовке критического издания Жития Аввакума.

В 1912 г. В. Г. Дружинин в книге „Писания русских старообрядцев“¹ впервые попытался собрать воедино разбросанные по печатным каталогам рукописных собраний сведения о рукописях Жития Аввакума и сообщил данные о восьми списках. Четыре года спустя Я. Л. Барсков, издавая по поручению Археографической комиссии Житие Аввакума,² дополнил перечень списков В. Г. Дружинина еще четырьмя рукописями. В. Г. Дружинину и Я. Л. Барскову были известны следующие двенадцать рукописных текстов Жития протопопа Аввакума: редакция А — собрание В. Г. Дружинина, № 790 (автограф), № 83 (XVIII в.); А. И. Хлудова, № 258 (XIX в.), № 353 (XIX в.); А. С. Уварова, № 493/794 (XVIII в.); П. Д. Богданова, № 48 (XVIII в.); б. Моск. дух. акад., по врем. кат., № 69 (XIX в.); редакция Б — собрание митрополита Макария, № 56 (XIX в.); А. И. Хлудова, № 257

¹ А. Н. Толстой. О драматургии. Полн. собр. соч., т. XIII, 1949, стр. 362.

² В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912, стр. 1—2.

³ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Изд. Археогр. ком., Пгр., 1916, стр. III—V.

(XIX в.); А. Н. Попова, № 2548 (XIX в.); редакция В — собрание В. Г. Дружинина, № 291 (XVIII в.); б. Казанск. дух. акад., № 1679 (XVIII в.).

Работая в государственных архивохранилищах Москвы, Ленинграда и других городов и знакомясь с рукописными собраниями коллекционеров, я зарегистрировал 25 списков жития Аввакума, неизвестных Дружинину и Барскову. О некоторых из этих списков имелись сведения в печатной литературе, но о большинстве выявленных мною списков Жития в печати сведений не имелось. Эти сведения были извлечены из рукописных описей и каталогов и обнаружены при просмотре неописанных старообрядческих сборников в московских и ленинградских архивах. Два списка Жития нашлось на Печоре: в собрании А. С. Маркова (дер. Бедовое) и в собрании С. Н. Антонова (дер. Скитская). Таким образом, к известным Дружинину и Барскову двенадцати спискам прибавляется еще двадцать пять списков Жития Аввакума, разысканных нами, и общее количество известных рукописей жития увеличивается до 37.

По времени написания вновь учтенные списки распределяются следующим образом: 1 — кон. XVII — нач. XVIII в., 6 — XVIII в., 18 — XIX в. Пять списков XVIII в., в том числе и самый старший, относятся к так называемой редакции Б.

Проделанная работа ни в коей мере не снимает вопроса о дальнейших поисках рукописей жития Аввакума. Надо полагать, что среди большого количества неописанных сборников в рукописных отделах Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве, и в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, а также и в некоторых периферийных архивохранилищах (и в особенности в городах: Горьком, Саратове, Куйбышеве, Уральске) найдется еще немало списков жития протопопа Аввакума. Так, в 1941 г. В. В. Майков сообщил мне, что он видел в собрании А. А. Титова список жития Аввакума, кон. XIX или нач. XX в., размером в 4-ку, написанный полууставом и находившийся в неописанном сборнике. Не найден также лицевой список жития Аввакума нач. XX в., принадлежавший А. Е. Бурцеву, снимки с миниатюр которого в свое время были напечатаны в журналах, издававшихся Бурцевым.¹ По словам некоторых жителей с. Белая Криница (Северная Буковина УССР), в местном мужском старообрядческом монастыре имелся сборник с сочинениями Аввакума, в числе которых было и его житие. Однако осматривая в 1945 г. рукописное собрание мужского монастыря, мы этой рукописи там не видели.

Следует заметить, что уже в конце XVII или в начале XVIII в. была сделана попытка уничтожить автобиографичность Жития Аввакума и подогнать его под обычный тип жития, где рассказ ведется от

¹ Всякая всячина, 1909, № 20; Мой журнал, 1912, № 5; Записки библиофила, 1912, вып. 1; Полн. собр. библиогр. тр. А. Е. Бурцева, т. XI, СПб., 1908,

третьего лица (список Библиотеки б. Московского главного архива Мин. иностр. дел). Кроме того, некоторые переписчики весьма вольно обращались с текстом Жития (рукопись Барсова, № 970), подновляя язык и вставляя от себя слова, а иногда целые фразы.

Повидимому, в конце XVIII в. в Поволжье Житие Аввакума подверглось значительной переработке и сокращению (список Г. М. Прянишникова, № 61). Редактор пользовался каким-то не дошедшим до нас или, может быть, еще не разысканным списком Жития, восходящим непосредственно к самому Аввакуму. Этот не дошедший до нас автограф обладал, сравнительно с известными нам редакциями Жития, рядом новых для нас эпизодов из жизни Аввакума. Кроме того, этот текст, будучи очень близким к редакции Б, содержал отдельные эпизоды и фразы, встречающиеся только в списках редакций А и В.¹

При переработке также были использованы следующие сочинения Аввакума и его единомышленников: „Книга бесед“; „Книга нравоучений и толкований“; челобитные царю Алексею Михайловичу (первая и пятая); „Записка Аввакума о заточении и расстрижении и о сношениях его с Лазарем и Епифанием после первой их казни“; Записка Аввакума о последних увещеваниях его; послание Аввакума к „стаду верных“ или „кораблю Христову“; Житие инока Епифания; „Христианоопасный щит веры“ Авраамия; „Сказание об Аввакуме, Лазаре и Епифании“ Федора Иванова; его же „Сказание о церковных догматах и обличение на еретиков и отступников“ и др.

Значительно сократив Житие и включив в него целые отрывки из других сочинений, редактор оставил в неприкосновенности язык и стиль Аввакума и не придумал ни одного нового факта из его жизни (да и кто из старообрядцев мог бы решиться на это!). Вот почему в списке Г. М. Прянишникова легко отличить все места, в том числе еще неизвестные в печати, которые, несомненно, принадлежат перу Аввакума. Вся работа редактора, в общем, свелась к механическому соединению разрозненных частей из различных сочинений Аввакума и других авторов.

Список Прянишникова содержит ряд новых данных для биографии Аввакума и характеристики быта и нравов XVII в.² Три отрывка из этого списка, безусловно принадлежащие Аввакуму, публикуются в приложении к настоящей заметке. Если в первом отрывке („Из жизни в Сибири“) встречаются некоторые эпизоды из биографии Аввакума

¹ Ср., например, с редакцией „В“ описание сидения в башне Братского острога (Житие, 1916, стр. 179), описание жизни под сосной на озере Иргени (стр. 181), сидение в Угрешском монастыре (стр. 199), расстрижение (стр. 171), описание встречи с Дементием Башмаковым на Тресвятском мосту (стр. 199) и др.

² Между прочим, сообщается о том, что мать „изволила“ Аввакума „женить семнадцати лет“, жену ему „привела четырнадцати лет“, а он „переселился“ в село Лопатица, „перестал от винного пития“ (лл. 8—9). Небольшие отрывки из этого списка Жития приведены в моей статье „Три неизвестных сочинения (письма) Аввакума...“. Докл. и сообщ. Филолог. инст. Лен. Гос. унив., вып. 3, 1951, стр. 258.

(сидение в Братском остроге, помощь Аввакуму от жены и снохи Пашкова), в несколько ином изложении уже известные в печати, то два других отрывка (о Симеоне Полоцком и Никоне) целиком представляются новыми.

Ниже дается краткое описание двадцати пяти списков Жития Аввакума, не известных Дружинину и Барскову. Тексты из Жития в описании и в приложении печатаются в упрощенной орфографии. Списки расположены по редакциям.

Редакция А

1. „Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием, понеже отец ему духовный иннок, — да не забвению предано будет дело божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу богу нашему. Аминь“. Начало: „Всесвятая троице, боже и содетелю всего мира“. Библ. им. Ленина, собрание Е. Е. Егорова, № 1803. Сборник перв. четв. XIX в., в 8-ку, поморский полуустав, лл. 1—105. Принадлежал И. Ф. Долгому.

2. Заглавие и начало те же. Библ. им. Ленина, Музейное собрание, № 3861. Сборник перв. четв. XIX в., в 4-ку, поморский полуустав, лл. 1—87 об.

3. Заглавие и начало те же. Гос. Истор. музей. Собрание М. П. Вострякова, № 663. Сборник перв. четв. XIX в., в 4-ку, поморский полуустав, лл. 1—98 об.

4. Заглавие и начало те же. Собрание Афанасия Сидоровича Маркова, дер. Бедовое (близ Пустозерска), Ненецкого национального округа. Сборник перв. пол. XIX в., в 4-ку, полуустав, лл. 205—297. Имелся в 1934 г.

5. Заглавие и начало те же. Библ. Академии Наук СССР, собрание С. Г. Строганова, № 41, перв. пол. XIX в., в 4-ку, полуустав, лл. 3—90. См. А. Введенский. Библиотека и архив у Строгановых в XVI—XVII вв. Приложение № 4 (Опись старопечатных и рукописных книг Строгановского дворца-музея в Петрограде). Север, 1923, № 3—4, стр. 113, № 20.

6. Заглавие и начало те же. Гос. Музей украинского искусства (Львов), № 100/480301. Сборник втор. пол. XIX в., в 8-ку, полуустав, лл. 1—146.

7. Заглавие и начало те же. Библ. Академии Наук СССР, собрание В. Г. Дружинина, № 557. Сборник втор. пол. XIX в., в 4-ку, полуустав, лл. 9—119 об.

8. Заглавие и начало те же. Собрание Сидора Ниловича Антонова, дер. Скитская (на р. Пижме) Устьцилемского района, Коми АССР. Сборник XIX в., в 4-ку, полуустав.

9. „Бытие состоящее о исповедании православной христианской веры, исповедника отца Аввакума протоиерея. Он понужен был житие свое написать иноком Епифанием, понеже сей иннок отец ему духовный

бысть, — да не забвению предано будет дело божие во славу Христу богу нашему“. Начало, как в предыдущих. Библиоим. В. И. Ленина, собрание Е. В. Барсова, № 970, 1837 года, в 4-ку, скоропись, лл. 1—49. Текст Жития местами подновлен переписчиком.

10. „Житие и подвиги новаго страдальца за благочестие, Аввакума протопопа, списанныя Епифанием иноком Соловецкой лавры, духовным его отцем; во славу божию и пользу чтущих“. Начало, как в предыдущих. Библиоим. Ленина, собр. Е. Е. Егорова, № 1085. Сборник XIX в., в 4-ку, полуустав, лл. 1—126 об.

Редакция Б

1. От заглавия сохранились следующие слова: „истинному, и богородице, и святым его. Аминь“. Начало: „Гимна. О, пречестней и преблагословенней, и славней владычце нашей богородице...“. Центр. Гос. архив древних актов, собрание Библиотеки б. Главн. архива Мин. иностр. дел, № 899/1539. Рукопись кон. XVII—нач. XVIII в. (филиграни бумаги: герб города Амстердама и шут в зубчатом воротнике), в 8-ку, полуустав, 128 лл., в переплете из оленьей замши. Список с пропуском в середине (эпизода о курочке, несшей по два яйца в день) и без конца. Оканчивается словами: „... яко день в силе своей. Аминь“ (см. РИБ, 39, стр. 132). В начале текста имеются три вставки, отсутствующие в списках редакции Б: 1) молитва богородице, против которой на поле тем же почерком написано: „Се Аввакум писал“, 2) рассказ о патриархе Нестории („из Енисейского цветника“) и 3) начало редакции А („Всесвятая троице, боже и содетелью всего мира“... и т. д.). Житие написано переписчиком от третьего лица и содержит много мелких вставок, вроде: „страдалец“, „блаженный“, „многоумный“, „многотерпеливый Аввакум“ и т. п.

2. „Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием, понеже отец ему духовный иннок, — да не забвению предано будет дело божие, сего ради понужен отцем духовным на славу Христу сыну божию и богу истинному, и богородице, и святым его. Аминь“. Начало: „Святой Дионисий Ареопагит во своей книзе пишет о божественных именовех“. Центр. Гос. архив древних актов, собрание Ф. Ф. Мазурина, № 701. Сборник кон. XVIII в. (бумага 1791 г.), в 4-ку, скоропись, лл. 146—193.

3. Заглавие и начало те же. Гос. Истор. музей. Музейное собрание, № 2582. Сборник кон. XVIII в. (бумага 1791 г.), в 4-ку, скоропись, лл. 182—243.

4. Заглавие и начало те же. Библиоим. Ленина, собрание Е. Е. Егорова, № 1885. Сборник кон. XVIII в., в 4-ку, полуустав, лл. 282—362.

5. Заглавие и начало те же. Библиоим. Ленина, собрание Е. Е. Егорова, № 1898. Сборник кон. XVIII в., в 4-ку, поморский полуустав, лл. 190 об.—253.

6. Заглавие и начало те же. Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, собрание В. А. Бильбасова, № 68. Сборник серед. XIX в., в лист, скоропись, лл. 151—187 об. См. Сборник Российской Публичной библиотеки, т. I, вып. 1, Пгр., 1920, стр. 99—101. Принадлежал некоему Раевскому.

7. Заглавие и начало те же. Библ. им. Ленина, собрание Общ. истор. и древн. росс., № 188/12 (ст. № 490). Сборник серед. XIX в., в лист, скоропись, лл. 185—246. См. Е. И. Соколов. Библиотека имп. Общества истории и древностей российских, вып. 2, М., 1905, стр. 391.

8. Заглавие и начало те же. Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, собрание А. А. Титова, № 1435. Сборник серед. XIX в., в лист, скоропись, лл. 156—219. Из библиотеки П. И. Мельникова-Печерского, с его собственноручными пометками на полях. См. А. А. Титов. Описание славяно-русских рукописей..., т. IV, М., 1901, стр. 390.

9. Заглавие и начало те же. Библ. им. Ленина, собрание Н. С. Тихонравова, № 721. Сборник начала XIX в., в 4-ку, полуустав, лл. 270 об.—345. В начале этого списка сбоку на поле написано поздним почерком начало редакции А („Всесвятая троице боже и содетелю всего мира...“ и т. д.).

10. Заглавие то же. Список без начала. Начинается со слов: „О рождении. Рождение мое в Нижегородских пределах, за рекою Кудьюмою, в селе Григорове...“. Библ. им. Ленина, собрание Е. В. Барсова, № 297. Сборник перв. пол. XIX в., в 4-ку, скоропись, лл. 1—44.

Редакция В

1. „Житие и страдание протопопа Аввакума“. Список без начала. Начинается со слов: „Бог любовь есть, и пребывая в любви в бозе пребывает, и бог в нем пребывает“. Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, собрание А. А. Титова, № 4218, кон. XVIII в., в 4-ку, скоропись, лл. 1—55.

2. Список без заглавия. Начало: „крест всем воскресение, крест падшим исправление...“. Библ. им. Ленина, собрание Е. В. Барсова, № 200. Сборник кон. XVIII—нач. XIX в., в 4-ку, полуустав, лл. 3—97 об.

3. „По благославлению отца моего, старца Епифания, писано моею рукою грешнаго протопопа Аввакума...“. Начало: „Крест всем воскресение, крест падшим исправление...“. Это заглавие и начало находятся в рукописи позади жития Епифания, а текст жития Аввакума начинается словами: „Господи Иисусе Христе сыне божий помилуй нас. Всесвятая троице, боже и содетелю всего мира...“. Обращение к „чаду возлюбленному“ и „Поучение аввы Дорофея о любви“ в списке отсутствуют. Библ. Академии Наук СССР, собрание А. Е. Бурцева, № 10, втор. пол. XIX в., в 4-ку, поморский полуустав, лл. 2—92.

4. Список без заглавия. Начало: „Крест всем воскресение. Крест надшим исправление, страстям умерщвление...“. Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, собрание Общества любителей древней письменности, № Q.730 (8716). Сборник XIX в., в 4-ку, полуустав, лл. 1—88.

Переработка Жития

„Собрано вкратце из жития святого священномученика Аввакума протопопа, пострадавшего за святую православную христианскую веру, принуждением отца его духовного, инока Епифания соловецкаго, да не забвению предано будет дело божие: и сего ради написася сие на славу Христу, сыну божию и богу истинному, и богородице и святым его. Аминь“. Начало: „Начало книги сея бытия. Всесвятая троице боже и содетелю всего мира“. Библ. им. Ленина, собрание Г. М. Прянишникова, № 61. Сборник первого десятилетия XIX в.,¹ в 4-ку, полуустав, лл. 1—52, переплет из дубовых досок, обтянутых тисненой кожей. На первом листе рукописи приклеена миниатюра, изображающая стоящими в рост Аввакума, Епифания, Лазаря и Федора.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Отрывки из Жития протопопа Аввакума по списку Прянишникова

[Из жизни в Сибири]

Таже привезли в Братцкой острог, кинули больнова в студеную башню. И сидел до рожества христового, мерзнул на морозе семь недель. Только и одежды кровавое кафтанишко, да бог грел: в солодке лежал; да после шубёнку дали, утомя гораздо. Гной по всему и вши, и мыши, и стужа, и ясти хочется. В щелку гляжу, а у Пашкова тово прыгут да жарят и носят на блюдах, и пьют, и веселятся. А ко мне никто не заглянет, ничево не дадут — дураки! Я бы хотя блюдо то полизал или помоев тех испил, — льют на землю, а мне не дадут. Всяко бродит на уме том. В то время у меня, якоже и у Лазаря при вратех богатаго. А пища мне была через день и через два. Аногда хлеба дадут одново, иногда ветчины без хлеба (л. 21 об.) и без воды, иногда масла коровья моего же припасу. А запас мой весь растащить велел и рухлишко все. А жена моя и дети засланы были в лес в пустое место, верст з дватцать. И оне там, бедные, мало не померли от глада, зацынжав и от всякой нужды и от студени, а иное с кручины. А я после седмих тех недель, что сидел в студеной башне, дватцать недель сидел в теплой тюрьме скован.

Потом на иное место поехали судами паки впредь. Заставил меня тянуть лямкою и день и ночь. Тут уже я правила своего келейнаго отбыл

¹ Сборник целиком состоит из сочинений Аввакума, частью еще неизвестных в печати („Беседа о кресте“, лл. 102—131; „Послание“, лл. 81—93, и др.), с упоминанием о Соловецком восстании 1667—1676 гг. [„Соловецкий монастырь сломил гордую державу его“ (царя Алексея Михайловича)], о „междоусобии с Разным“ и др.

Горе мне были те дни. Сказывать не знаю как: в удавке и кус нужной насилу проглотишь. А утомся гораздо, повалился на грязь уснуть; а выбойщики, прибежав, бьючи палками, к воеводскому дощанику гонят. А он бьет иных батожем, иных кнутьем, и в то время многих (л. 22) прибил до смерти. И тово нужново ходу было три лета. А иные от водяново наводнения роспухли и мерли, и у меня на ногах от нужды водяныя разседалася кожа, и кровь течаше безпрестанно. Брели весну и осень, по два лета. И всех моих отсюду пять лет езды было.

Егда же приехали на Игрень озеро, и тут с робятишки к зиме ставил себе избенко, волочил на плечах своих нартою, сиречь на саласках, из лесу бревенье. От немилосердия воеводскаго люди пособить не смели, а наняться не велит же; еще же и нанять стало нечим. До рождества избу ставил, и жена и робята малые мерзли на стуже. И от рождества пожили в ызбе до масленицы, и покиня избу, переволоклися за волок и там до лета жили под сосною. Есть стало нечево, не стал давать моего же припасу, потому что роздал весь служивым в разорение... (л. 22 об.).

... [Пашков] за ту однорятку дал мне четыре мешка ржи. И мы ва велик день разговелись, наварили немолотой ржи котел и христос воскресе проговоря, со слезами смешав, тое каши наелись, поминающе грехи своя, яко недостойни суть словеснаго брашна. Да и тому ради, что бог прилучил (л. 23) однорятку. Писано: избавление мужу свое ему богатство. И мы тою рожью, мешая с травою, год другой питались. И много тех бед мелких сказывать; везде беды были. В ыном месте слепота на нас была целое лето, — такое место наехали. Егда же с волоку Иргеньскова поплыли, тамо обретохом вся красная и веселая: в дому плачь, на пути плачь, почали люди траву ясти и вербу и з голоду начали мереть; а ино от воеводскаго озлобления. Приплыли Шилкою рекою на Нерчю реку, и на той реке все люди померли з голоду, — осталось небольшое место. И ту реку не глаголю Нерчю, но юдоль плачевная. Умилен позор видети, стонание и рыдание людское и смерть от глада и нужды. Ис куреня выду — мертвой, по воду пойду — мертвой, по траву пойду — тамо и груда мертвых. И себе говорю: „Аввакум, приспе конец (л. 23 об.), приближися час“. В то время сын у нас умер. И положи ево на песке говорим: „коли сами умрем?“. И потом с песку унесло ево у нас водою, мы же за ним и руками махнули: не до него было — и себя носить не сможем. И посем з достальными детьми, облекшись наготою и умывшися слезами, ходящи по холмам высоким и по острому каменню боси, ищуще травы, потребны ко снедению. И корешки копающе ядохом, на борах же сосну скоблюще и кашю в том варили. И после волков съеденного зверя кто найдет кости, в воде с травою варихом, чтобы прикуснее каша. Иные же по нужде ели и кобылятину, и волков, и лисиц, и кал человекь и скотстей.¹ Нас же от того бог избавил: помогали нашей нужде, жаловали воеводския жены втайне. И тем иное от смерти отбывали.

¹ В рукописи: ис костей.

Седьдесят нас человек отъежьжали (л. 24) вверх по реке кормиться, и там мало не все померли: осталось нас небольшое место. Назад я на плотине приплыл еле жив, не ядши ничево дней с пять. И приволокся ко своим, и жена моя бродила к воеводской жене; и она пожаловала, накормила меня, хотя от нас за себя к богу молитвы. Ис коева дому злоба, ис того и милость! О, великия жены те, Евдокия и Фекла, иже к нам милость неизочтенна, яко же ко Илии с арефтянины или Елисею с амантянины — обе добры. А сих же помышляю тех вышьши: Илия польчетверта лета, Елисей не в гладное время, а моей нужды седьмь лет того гладу было. От них назидаем и от смерти избавляем. О сих до zde. Я же з детьми сам-третей отъехав промышлял траву и коренье и черемху.

И жил на одном месте целое лето, и лишю к жене и к детем приехал (л. 24 об.), на мое место наши люди промышлять приехали. И на них нападоша варвары и всех изсекоша и побиша. Нас же бог от смерти избавил. Егда же по бору ходим, тово и смотрим, как застрелит иноземец. И со смертию борющеся на всяк день, в дом приидем, — воевода кнутьем бьет и огнем жжет и убивает до смерти. Меня всегда бранит и пытать хоцет, не знаю чево для. В одну пору в струбе зжечь хотел и дрова припасли, и не вем, как бог избавил; велел от себя оттащить палачам. Топтав и бьючи отволокли к жене и детям без скуфы, волосы выдрав. Отовсюду нам было тесно, тово сказывать много: мучился, живучи с ним восимь лет, пять недель. Мы з женою рекою брели по го[ло]му льду, убивающеся о лед, гладни и наги. Везли на нартах нужную пищу и робят малых (л. 25). Я же з детьми зимами промышлял нужную рыбенку и на всяк день долбил пролубей по десятку. Лед же тамо толст намерзает, в человека вышиною. И от тое работы не могу раскорчитца и ныне, да уже так будет и до смерти. Егда же пришло время назад ехать, в ту весну воевода хотел меня пытать, паки кнутом бить и огнем жечь. Уразумел, что мне велено ехать к Москве, и он боло хотел меня зжечь до смерти... (л. 25 об.).

... [Пашков, отъезжая в Москву] на поезде с сердца дал мне с молоком корову, да овец, да коз стадо оставил. И жена моя корову доила з дочьерю, а я с меншим сыном, что мученик Мамант, козы дояще, и накопили на дорогу сыров и насушили мяса коровья, и овечья, и козья (л. 28 об.).

[О Симеоне Полоцком и Епифании Славинецком]

Блюдитесь, правовернии, злых делателей: овчеобразные волки — Симеон и Епифаний. Знаю я Епифана римлянина до мору, егда он приехал из Рима. Тогда же учению его приложишася руководством Федора Ртищева, и сестры его Аннушки. А Семенка чернец оттоле же выехал, от римскаго папежа, в одну весну со мною, как я из Сибири выехал. И вместе я и он были у царевы руки, и видеv он ко мне царевы приятные слова, прискочил ко мне и лизал меня. И я ему рек: „откуда ты, батюшка?“ он же отвеца: „я, отеченька, ис Киева“.

А я вижу, яко римлянин. У Феодора Ртищева с ним от писания в полатке до тово щитались, — вся блядет по уставу римскому. И года с полтретья минув после тово, приходил со Артемоном от царя во юзилице ко мне, на Никольской двор. Не мог со мною (л. 37) говорить: бог мне помогал ево посрамлять. И в беседах тех я ему говорил: „вижу, яко римлянин ты, и беседа твоя яве тя творит“. Отвеща и рече: „вся земля божия и концы ея“. Да и розсмеялся. Я Артемону подъявил: „внимай, посланьник, и зри, враг бо есть святыя троицы“. А им такія и надобе; заодно с Римом Москва захотела вражить на бога, таковых себе и накликала. Да я не лгу: новых... [латын] в Москве умножилось, научили своему рукоделию камедиею играть. А нас бог избавил от них и посрамил их от нашей худости. Да что с ними зделаеш. А пошед Артемон кланяется низенько и прощается умильно вправду.

[О Никоне и патриаршем дьяке Кокошилове]

А егда же мя на судище привлекут, вси судии трепещут и ужасаются, яко от мудрова человека. А я и аза не умею протолковать (л. 37 об.) и свое имя забыл, токмо надеюсь лише крепко на света Христа. Да егда мя волокут, так в то время докучаю ему, богу моему: „надежда, не покинь! упование, не оставь!“. А сам-таки молитву говорю. Как приведут пред них, так у меня загорится сердце-то, — не разбираю, патреарх ли или ин, понесу косить несаяный плевел посреде пшеницы растуш. Да и то в то время вспомню, что от юности в книгах читал. А с судища сошед, и забуду, что говорил. Опосле сказывают мне, и я лише смеюся пред ними и браню их от писания. И рек: „не боюся я дьявола и вас, боюся света Христа, он мне помощник на вас“. Да уже мне иное вам и сказывать тово, кажитца, не хорошо, да нужда влечет. В крестовой Никон да я да Кокошилов дьяк, много говоря, и льстя ко мне (л. 38). А у меня горит сердце-то на него, сердито крошу. И он Кокошилову говорит: „Иван, а Иван, худа гадина протопол сей, а пострадать мне от него“. И он ему супротив рек: „да и ты-де, государь, учини ему конец“. И он паки: „нельзя, барте, — загорожено, боюся“. Да и отпустил меня. В те поры я шапкою тряхнул: отрясаю, реку, прах, прилепший от ног моих. Да и пошел. Примись, реку, за меня, такой-сякой, идучи говорю. А что зделаеш, нашу же братию многих погубил...

2. Русские писатели о „Житии протопопа Аввакума“¹

В. М. Гаршин

„Он любил изучать старую русскую литературу, — пишет В. А. Фаусек в своих воспоминаниях, — и некоторые старинные произведения

¹ Отзывы помещены в алфавитном порядке имен писателей. Приводимые высказывания имеют целью показать, что русские писатели различных идейных направлений одинаково высоко ценили язык и стиль сочинений Аввакума, признавая крупные литературные достоинства его произведений, яркость и своеобразие его народного языка.

были его любимыми книгами, которые он знал почти наизусть. К числу таковых принадлежало, напр., житие протопопа Аввакума.

В. М. Гаршин. Полн. собр. соч., СПб., 1910, стр. 46.

„Он почитал в особенности житие протопопа Аввакума“, сообщает И. И. Ясинский в своей статье „В. М. Гаршин. Опыт характеристики“.

В. М. Гаршин. Полн. собр. соч. СПб., 1910, стр. 519.

А. М. Горький

„Язык, а также стиль писем протопопа Аввакума и «Жития» его остается непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца, и вообще в старинной литературе нашей есть чему поучиться“.

М. Горький. О литературе. М., 1937, стр. 143.

А. М. Горький досадовал в 1900 г., — вспоминает В. А. Десницкий, — „... что никак не удастся добиться введения в школьные программы изумительного по языку, реалистического по приемам письма, глубоко лиричного «Жития» протопопа Аввакума“.

В. А. Десницкий. М. Горький нижегородских лет. Сб. „Горький на родине“, Горький, 1937, стр. 201.

Ф. М. Достоевский

„... Мы, на нашем... языке можем передавать глубочайшие формы ... мысли европейских языков: европейские поэты и мыслители все переводимы и передаваемы по-русски, а иные переведены уже в совершенстве. Между тем, на европейские языки, преимущественно на французский, чрезвычайно много из русского народного языка и из художественных литературных наших произведений до сих пор совершенно непереводаемо и непередаваемо... Пушкин тоже во многом непереводаем. Я думаю, если б перевести такую вещь, как сказание протопопа Аввакума, то вышла бы тоже галиматья, или, лучше сказать, ровно ничего бы не вышло... нельзя не признать... что нашего-то языка дух — бесспорно многообразен, богат, всесторонен и всеобъемлющ...“.

Ф. М. Достоевский. Дневник писателя за 1876 г. Собр. соч., Гиз, М., 1929, т. XI, стр. 362.

Л. М. Леонов

„По своему языку, по своему эпическому темпераменту, для меня имело большое значение Житие протопопа Аввакума — замечательный памятник XVII века“.

Л. Батова. Леонид Леонов. Советская литература, 1946, № 3, стр. 67, на франц. яз.

С. В. Максимов

„Аввакум здесь (в Пустозерске. — В. М.) между прочим написал свою автобиографию в виде послания к своему духовнику иноку Епифанию — в высшей степени любопытное сочинение как по авторской откровенности, так и по приемам изложения. Это один из выдающихся памят-

ников письменности 17-го века, не имеющий себе равносильных соперников, по языку изложения. Все мертвые формы книжного языка здесь заменены формами обиходного, и повесть, веденная простым разговорным способом, драгоценным для изучающих сущность и тонкости родного слога“.

С. В. Максимов. Год на Севере. Собр. соч., т. IX, изд. „Просвещение“, СПб., 6. г., стр. 360.

Д. Н. Мамин-Сибиряк

„... Исповедь попа Аввакума — этот забытый литературный перл... Его по достоинству оценил один Тургенев и только по своей благовоспитанности не сопоставил с confession¹ гр. Л. Толстого“.

Д. Н. Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко. Собр. соч., т. VIII, Свердловск, 1950, стр. 340.

С. Н. Марков

„Пламенным пером описал Аввакум в своем «Житии» новые страны, участником открытия которых он был“.

С. Марков. Русские открытия на Северном Ледовитом и Тихом океанах в XVII и в начале XVIII в. Морской сборник, 1947, № 3, стр. 36.

А. Н. Толстой

„Российская изящная словесность с начала возникновения (если не считать уникального изумительного памятника «Слово о полку») до конца XVII века пользовалась давно вымершими формами церковнославянского языка. Это была российская латынь. Народная живая речь считалась «подлой»... Только раз в омертвелую словесность, как буря, ворвался живой, мужицкий, полнокровный голос. Это были гениальные «Житие» и «Послания» бунтаря, неистового протопопа Аввакума...“.

А. Н. Толстой. О драматургии. Полн. собр. соч., т. XIII, 1949, стр. 361, 362.

Л. Н. Толстой

16 марта 1878 г. Толстой просил Н. Н. Страхова прислать ему „Путешествие (житие. — В. М.)... попа раскольника Аввакума“.

Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб., 1914, стр. 155.

Запись в дневнике В. Ф. Лазурского под 29 дек. 1895 г.:

„... Из книжной словесности, — сказал Л. Н. Толстой, — остановился бы, например, на таком превосходном стилисте, как протопоп Аввакум. (Лев Николаевич очень удивился, когда я сказал ему, что у нас Аввакума совсем не включают в учебники)“.

Литературное наследство, кн. 37—38, М., 1939, стр. 488.

Запись в дневнике С. А. Толстой под 3 февр. 1904 г.:

„Толстой читал вслух семейным «Житие» протопопа Аввакума“.

Ежегодник С. А. Толстой. Полн. собр. соч., т. 55, 1937, стр. 400.

¹ Исповедь.

Запись в дневнике Д. П. Маковицкого под 28 марта 1906 г.:

„После обеда Лев Николаевич читал нам из «Истории» Соловьева про протопopa Аввакума. Во время чтения прослезился. С большим уважением и любовью говорил о нем. Хвалил выдержки из «Жития Аввакума», приводимые Соловьевым: «коротко и образно»“.

Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 55, 1937, стр. 544.

„О преподавании русской литературы, — пишет С. Л. Толстой, — Лев Николаевич говорил: «Обыкновенно сообщают очень немногое о былинах и летописях и о допетровских русских писателях — о переписке Ивана Грозного с Курбским, о жизнеописании протопopa Аввакума, о Котошихине, Посошкове и др. Между тем это серьезная, содержательная литература...»“.

С. Л. Толстой. Очерки былого. М., 1949, стр. 82—83.

И. С. Тургенев

„... Житие протопopa Аввакума, вот книга! — передает слова И. С. Тургенева А. Луконина. — ... писал таким языком, что каждому писателю непременно следует изучать его. Я часто перечитываю его книгу». Иван Сергеевич встал, порывлся в книжном шкафу и достал Житие Аввакума. «Вот она, — сказал он, — живая речь московская... Так и теперешняя московская речь часто режет ухо, а между тем это речь чисто русская»“.

Северный вестник, 1887, № 2, стр. 55—56.¹

¹ Интересные отзывы о житии Аввакума находим у П. А. Кропоткина и Народного артиста РСФСР С. В. Образцова:

П. Кропоткин: „... по своей простоте, искренности, и отсутствию сенсационности житие Аввакума до сих пор остается одним из перлов русской литературы этого рода и прототипом русских биографий“.

Идеалы и действительность в русской литературе, СПб., 1907, стр. 24.

С. Образцов: „... очень характерны мемуары протопоспа Аввакума. Ненависть к Никону и фанатическая вера в правоту старообрядчества превращают любой эпизод личной жизни Аввакума в литературный аргумент, в некоторое выразительное средство решения темы. А литературный аргумент — всегда образ“.

Моя профессия, кн. 1, М., 1950, стр. 63

При подборе отзывов большую помощь сказали П. И. Власов, К. Д. Муратова и А. И. Груздев.

Н. П. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

**Славяно-русские рукописи и старопечатные книги
Вязниковского и Мстерского краеведческих музеев
Владимирской области**

Вязниковский краеведческий музей был основан в 1919 г. С того же времени в музей стали поступать, вместе с другими музейными предметами, также рукописные и старопечатные книги разнообразного содержания. В настоящее время в фондах музея имеются 33 рукописи и 49 старопечатных книг. По столетиям они распределяются так: рукописей XV в. — 2, XVI в. — 9, XVII в. — 17 и XVIII в. — 5. Старопечатных книг XVII в. — 32, XVIII в. — 17.

Большинство рукописей и старопечатных книг Вязниковского музея поступило сюда в 1920 г. из домашней библиотеки купца А. Г. Лаптева после национализации имения Лаптева „Рента“ и имеют штамп: „Акинфий Гаврилович Лаптев. Имение Рента Вязниковского уезда“ или другой штамп „Наследники А. Г. Лаптева“.¹

Меньшее количество рукописей и старопечатных книг поступило в Музей в 1930—1931 гг. из Благовещенского монастыря, Казанского собора, Троицкой и Покровской церквей г. Вязников.

Старопечатные книги Мстерского краеведческого музея поступили в него в 1926 г. при основании музея из б. Богоявленского собора посада Мстеры. Из них восемь книг относятся к XVII в. и три книги к XVIII в.

Большинство старопечатных книг Вязниковского и Мстерского музеев церковно-служебные и не представляют никакого интереса для исследователей, но почти на каждой книге имеются записи и пометы владельцев, вкладчиков и переплетчиков, сообщающие сведения о себе, о ценах на книги в XVI—XIX вв., о местах пребывания книг, заметки

¹ Лаптев А. Г. и его сыновья — крупные лесопромышленники Вязниковского уезда, старообрядцы так называемого Рогожского согласия. В своем имении „Рента“ имели моленную, для которой скупали рукописные и старопечатные книги до никоновского времени в северных городах: Вологде, Каргополе, Кемы, Данилове, а также на Урале и в Сибири.

летописного и иного характера. Подобные заметки могут представить интерес исторический и культурно-бытовой. Среди старопечатных книг, поступивших из библиотеки А. Г. Лаптева, следует отметить Грамматику 1648 г. и Кормчую 1653 г.

Ниже сообщаем краткие данные о рукописных и старопечатных книгах Вязниковского и Мстерского музеев.

1. РУКОПИСИ

XV в.

1. Евангелие, тщательным уставом XV в.

Внизу по листам запись скорописью XVI в.: „Продад черной дьякон Фаддей черницу Паисию Ильину, а взял за нее пять рублей. Черной дьякон Фаддей своею рукою“. Евангелие украшено многочисленными красочными раззолоченными заставками. Поступило в музей из б. Вязниковской Покровской церкви.¹

2. Кормчая, разными полууставными почерками XV в. По листам рукописи имеется запись конца XVII в.: „Парфена Яковлева деревни Зарубина и городу Чюгломы, а приходу светые великие мученицы Варевары“.

На лл. 344—350 Кормчей помещается так называемый Вязниковский список Правды Русской (пространная редакция).²

XVI в.

3. Житие Андрея Юродивого, полуустав XVI в.

4. Требник юсовый, XVI в.

5. Сборник слов и поучений, XVI в.

6. Сборник сказаний из жизни святых, XVI в., содержит статьи из Синайского Патерика, сочинений Василия Великого, Иоанна Златоуста, Нила преподобного и других.

7. Кормчая, XVI в.

8. Псалтырь, полууставом XVI в.; на л. 1 запись: „Лета 7019 (1511) месяца июня 4 день погорел монастырь Богоявленской и семьсот дворов и осьмнадцать церквей на память иже во святых отца нашего Митрофана, а создана бысть в лето 7026 (1518 г.) игуменом Ионою“.

9. Номоканон Иоанна Постника, XVI в. С первой страницы до восьмой стершаяся трудночитаемая запись: „Лета 7078 (1570 г.) дал сию книгу Иоанна Постника... от Леонтия великого... с Вологды при игумене... пустыни... по своей душе и по своих родителех“. С 8-й страницы по листам запись: „Лета 7078 (1570 г.) дал сию книгу с Вологды от Леонтия святого... священник Кирило в дом Успения

¹ Рукопись была описана в „Историко-статистическом описании церквей и приходов Владимирской епархии“, Владимир, 1898, вып. пятый и последний, стр. 308. Запись здесь приводится неполно.

² Эта Кормчая была впервые описана в труде „Правда Русская“, изд. АН СССР, 1940, т. I, стр. 138, 139.

пречистыя и Николе чудотворцу и преподобному Александру книга Правила при игумене Еремие по своей душе и по своих родителей, а та книга от чудотворца из монастыря ни продати, ни отдати, а под-писал сам своею рукою“.

10. Лествица, полуустав XVI в. По страницам идет запись: „Лета 7098 (1590) при игумене Дионисии в дом живоначальныя троица и чудотворца Александра положил сию книгу святого Иоанна писателя Лествици клирик Исая, тоа же обители постриженник, на поминок души своей, а писал ю своею многогрешною рукою“. На обороте л. 1: „Починена и переплетена сия книга Лествица 7174 (1666 г.) году. Мастер Никифор священник“.

11. Измарагд, небрежным полууставом разных почерков XVI в. По листам книги запись скорописью начала XVII в.: „Лета 7111 (1603) году марта в 16 день Верхотурского уезда Тагильской волости Устьмугая Ильинской церковной староста Семен Нестеров променил сию книгу, глаголемую Златоуст, на белую слуду к церкви к Вознесению, а взял за нее шестьдесят алтын без гривны“.

XVII в.

12. Триодь постная, полуустав XVII в.

13. Сборник, полуустав XVII в. Русских статей нет.

14. Сборник, различными полууставными почерками XVII в. записи:

1. „Сия книга, глаголемая Сборник, церкви святого пророка Ильи и святого великомученика Георгия страстотерпца церковная, а подписал сию книгу Сборник церковной дьячек Филипп Попов, а подписана 1724 года“.

2. „Сия книга, глаголемая Сборник, Сидоровы слободки церкви святого пророка Ильи, а подписал сию книгу тое же слободки Евсей Попов на рождество“. В гл. 41-й русская статья: „Месяца мая 23 день. Слово преподобного отца нашего Никиты Столпника Переяславского“ (Переяславля Черниговского). Далее идет „Похвала“ Никите Столпнику.

15. Диоптра или Зерцало, полуустав XVII в. В конце книги запись: „Начата же бысть сия душеспасительная книга Диоптра, сиречь Зерцало, писати в богоспасаемом граде Казани в лето 7144 (1636) году, индикта 4-го, солнечнаго круга на скончании 3-го, луннаго же круга на совершении 18-го, месяца ноября в 5 день, на память святых мученик Галактиона и Епистимии. Совершена же бысть того же году месяца генваря в 18 день, на память иже во святых отец наших Афонасия и Кирила Александрийских. А по коего человека снисканью и раде-нию сия душеспасительная книга Зерцало писана и того и писавшего белецкое имя в тех месяцах и числах“.

16. Стоглав разными полууставными почерками XVII в.

Со страницы 51-й по листам запись:

„Книга Стоглав писана Иванову сыну и детям ево: сыну ево Александру и Игнатию, и Андрею, и Ивану, а писал каргополечь церковной дьячек Михайло Исаков и иные дьячки, а подписал Шуйского погоста дьячек Орешко Иванов лета 7154 (1646) февраля 5 день“.

17. Стоглав и Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием скорописью XVII в. По листам с 1-й страницы краткая запись: „Лета 7163 (1655) месяца ноября 14 день“.

Текст Повести о Стефане Батории в основном совпадает с опубликованным в „Чтениях Общества истории и древностей росс.“ 1847 г. № 7. Однако есть и существенные отличия: отсутствует эпизод с кузнецом Дорофеем, имеются многие разночтения в деталях, дается на полях деление заголовками на главы и т. д.

18. Миняя общая, небрежным полууставом XVII в. Записи:

1. „Лета 7150 (1642) июля 15 день променял книгу Мению к Воскресению Христову в Чересчинской погост на Ловоти на реки поп Иван Терентьев на денги, и подписал я поп своею рукою“.

2. „Сия книга, глаголемая Миняя общая, куплена к церкви Воскресению Христову на реку на Ловать Старорусского уезда, а куплена на мирския денги всем приходом; дана два рубля с четвертью, а куплена у заонежского священника Ивана Терентьева. Подписал Воскресения Христова Чересчинского погосту церковный дьячек Иван Антипин 152 (1644) году июля в 15 день“.

19. Житие Павла Обнорского, полуустав XVII в. Запись: „Сия книга принадлежит крестьян. Вологодской губернии Грязовецкого уезда Жерновской волости деревни Блазен Александру Федорову Мялину. Писана прадедом моим Симеоном и дошла до нас по передаче потомственным наследием. 1886 г.“.

20. Сборник слов и поучений, разными полууставными почерками XVII в. Русских статей нет.

21. Триодь цветная, небрежный полуустав XVII в.

22. Кормчая, полууставом XVII в. По страницам снизу запись: „Лета 7154 (1646) году месяца июля продал книгу Кормчию Юрьевца Поволоцкого Богоявленской игумен Дорофеев... пустыни игоумену Ионе, а взял за нее полчетверта рубли, а подписал по приказу Богоявленского игоумена Ионы, а подписал книгу зять его Демид Семенов“.

В конце Кормчей после основного текста запись писца Трофима попа Елевфериева сына Попова: „...Совершена же бысть сия богодухновенная книга Правила святых апостол и святых отец седми соборов вселенских. Правило лета седьм тысяч 135 (1627) года декабря в 9 день на память зачатие святыя Анны, егда зачат святую богородицу, в третьенадесять лето благочестивыя державы царства его государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея России самодержца и в седьмое лето патриаршества отца его и богомольца кир Филарета, патриарха Московского и всея Руси“.

23. Севаста Арменополя, — правила, полуустав, XVII в.

24. Синодик Благовещенского монастыря, 1679 г. На первом листе запись: „Лета 7187 (1679 г.) октября в 27 день, сия книга, глаголемая Сенодик, с старого Сенодика переписан в новой при настоятельстве сего Благовещенского монастыря при игумене Моисее тщанием многогрешного и убогова чернца Авраамия Катанского Ярофеева в вечный поминок по своим родителям, подписал аз убогий своею брешною рукою, строил на свои келейные деньги“.

25. Синодик Благовещенского монастыря 1686 г. Запись на первом листе в художественно-оформленной виньетке: „Сей Синодик построен в дому пречистыя богородицы честного ея Благовещения, что в Вязниках, строителем монахом Авраамием Катанским Ярофеевым лета 7194 (1686) году. Писан же сей Синодик того же Благовещенского монастыря убогим чернцем Симеоном Золотописцем“.¹

26. Приходо-расходные книги Благовещенского монастыря за 1652, 1655, 1658, 1660, 1663, 1665, 1674, 1675, 1678, 1679, 1680, 1686, 1687, 1688, 1690 и 1693 гг. разными почерками скорописью XVII в.

27. Цветник, полуустав XVII в. На последней странице запись: „Сходна явилась сличена с печатанною в Остроже лета 7106, а от воплощения господи Иисуса Христа 1594“. Русских статей нет.

28. Описные книги Благовещенского монастыря 1652, 1657, 1689 и 1694 гг., скорописью XVII в.²

XVIII в.

29. Сказание о Мамаевом побоище, скоропись первой половины XVIII в. Заглавие: „Сказание известно о поганом и богомерзком царе Мамае и о многих силах его, како восхоте пленити русскую землю, и Похвала благочестивому государю и великому князю Димитрию Ивановичу Московскому и всеа России самодержцу, иже победи его за Доном рекою на поли Куликове и всю силу его победи“.

На обложке переплета помета: „Принадлежит И. Ф. Змееву. г. Вязники 1 июня 1886 г. Семен Ив. Змеев“.

Согласно классификации С. К. Шамбинаго, список Сказания о Мамаевом побоище может быть отнесен к четвертой редакции,

¹ Оба синодика №№ 24 и 25 были описаны В. Г. Добронравовым. — В. Г. Добронравов. Благовещенский мужской монастырь в г. Вязниках. Историко-статистическое описание. Владимир, 1906, стр. 95—96. — Некоторые из рисунков этих синодиков были изданы Голышевым И. А. в 1885 г. — Голышев И. А. Альбом рисунков рукописных синодиков, Голышевка близ сл. Мстеры Вязниковского уезда Владимирской губернии, 1885, рис. 1—6.

² Описи 1652, 1657 и 1689 гг. были опубликованы в печати — В. Г. Добронравов. Благовещенский мужской монастырь в г. Вязниках. Ист.-стат. опис., Владимир, 1906, стр. 168—193.

имеет деление на главы, носящие каждая особое название. Таких глав 54 (История русской литературы, т. II, М.—Л., 1945, стр. 219).

30. Приходо-расходные и записные работничьи книги Благовещенского монастыря за 1702, 1707, 1708, 1714, 1715, 1718, 1719, 1723, 1724, 1729, 1731, 1732, 1733, 1735, 1736, 1738, 1740, и 1744 гг.

31. История княжны Иеронимы, дочери Дмитрия Палеолога, брата цесаря Константина последнего на Востоке. Переведена с французского на русской 1748 году ноября 27 дня в Дерпте. Переводчик Иван Шишкин. Рукопись поступила в музей от учителя Авророва Ф. П. В конце рукописи приписка другим почерком: „Вышеписанная Гистория несущественно с печатного переписана“.

32. История скифского короля Олкаменеса и прекрасной Данаитской королевы Меналимпы 1756 г. Переплетена в одной книге с предыдущей рукописью и поступила в музей от того же учителя Авророва Ф. П. В конце Истории запись: „Списана в 1756 году через стряпчаго конюха Филипа Иванова“.

33. Повесть о Варлааме и Иоасафе, скорописью XVIII в. Принадлежала И. Ф. Змееву и поступила в музей от С. И. Змеева.

2. СТАРОПЕЧАТНЫЕ КНИГИ ВЯЗНИКОВСКОГО МУЗЕЯ

1. Евангелие. Вильно, 1600 г. Внизу на полях по листам запись: „... Сеию книгу, рекомью евангелие, купил священноинок Герман и з братом довольним себе Кондратием, мирянином, по прозвищу Кизрою. Кондратий, бывши мирским человеком, приписуе имущества своего на имя Парасковью и сынов своих Михаила и Ивана, а купив ее за свое отпущение грехов и за родичов своих, а отдав ее вечными часы к храму святыя и живоначальныя троицы монастыра места Черткова за панованя ея милости паней Марии Почиматки Филекови, воеводини Сендомирски. А хто бы ее мел отдалити от храм святыя и живоначальныя троица, да буди проклят анафема и араманафа в сем веке и в будущем. Рок 1616 месяца июля в 21 день. Аминь“. Евангелие поступило в музей из собрания А. Г. Лаптева.

2. Беседы Златоуста на Деяния, Киев, 1624 г. Записи: 1. „Книга, глаголемая Беседы святого Иоанна Златоустаго на Деяния святых апостол со Апоколипсисом, тобольского Знаменского монастыря архимандрита Игнатия келейная. Подписал архимандрит Игнатий своею рукою лета 7203 (1700) октября в 24 день“. 2. „В нынешнем 208 (1700) году за тое ж цену поступила дяку Ивану Обретину генваря 2 дня. Денги взял Василей Блохин 7 рублей 26 алтын“.

Книга сначала принадлежала братьям Першиным в Коврове, а потом попала в собрание А. Г. Лаптева, откуда поступила в Вязниковский музей.

3. Потребник, Москва, 1625 г.

4. Потребник, Москва, 1639 г. Записи: 1) „7154 (1646) году месеца марта 11 день, на память иже во святых отец наших Софрония, архиепископа Иеросалимскаго и Евфимия, архиепископа великаго Нова града, купил сию книгу, глаголемую Потребник мирской большой печатной, Якима и Анны с Полоницского конца Стрелецкие слободы, что на Полонище, поп Меркурьище Васильев, сын Рыбников, и Колачников, что жил у Красного креста в Полоницском конце в Рыбаковском сте, у архангельского попа у Трофима, что служит у Михаила архангела в Песках.

А дал аз, поп Меркурьище, ему, попу Трофиму, четыре рубли, а хто сию книгу Потребник исхитрит или украдет, судит ему господь бог и пречистая богородица и святии и праведнии богоотец Иоаким и Анна и вси святии в сий век и в будущий и во веки. Аминь.

А подписывал сию книгу, глаголемую Потребник, мирской печатной большой, сею подписью сам яз, Якиманский поп Меркурьище, для ради памяти.

Да в том же во 154 (1646) году, в коем яз, поп Меркурей, купил сию книгу, глаголемую Потребник, мирской печатной большой. И в те поры, в том же во 154 (1646) году, месеца майия в 17 день, на праздник, на сам на троицын день и на память святого апостола Андроника, единого от 70-ти, в самую заутреню в 6-й час нощи бысть пожар на Полонищи, великой, сильной, страшной; сгорело дворов триста и боле, а храмов 20 и с приделами всяких каменных и деревянных, а горело с 6-го часу нощи по 8-й час дни, а горели дворы с слободы, от угла от Покровских ворот до Воскресенья по двор Неклюдова“.

2) „Продад сию книгу Требник мирской Покровской поп Иванище с Пролому новгородцу Василью Павлову сыну; деньги взял и в сем руку приложил“.

5. Потребник, Москва, 1642 г.

6. Минея общая, Москва, 1645 г.

7. Святцы, Москва, 1646 г.

8. Требник, Киев, 1646 г.

9. Святцы, Москва, 1647 г.

10. Соборник, Москва, 1647 г.

11. Потребник, Москва, 1647 г. запись:

„Сия книга Потребник спасского попа Ивана Романова“.

12. Потребник, Москва, 1647 г.

13. Евангелие, Москва, 1648 г. запись: 1. „173 (1665) году мая в 22 день продана сия книга Евангелие из книгохранительных казны священноиноку Исае, денег взято полтора рубли. Подписал книгохранитель дьякон Нилище“. 2. „1716 априлла в 5 день вязниковец Иоаким Дорофеев сын приложил сию книгу евангелие напрестольное в соборную церковь пресвятыя богородицы чудотворнаго образа казанския в веки по своих родителей в поминовение. Подписал бого-

родицкого собору протопоп Феодор Васильев“. Книга поступила в музей из б. Вязниковского казанского собора.

14. Триодъ цветная, Москва, 1648 г.

15. Грамматика славянская, Москва, 1648 г. запись: „Сия книга, глаголемая Грамоттика, Переславля Рязанского спасского диакона Михаила Вонифантьева, а потписал сию книгу сын ево Степан Михайлов по велению отца своего. Лета 7184(1676) мая в пятый-надесять день“. Из собрания А. Г. Лаптева.

16. Октоих, Москва, 1649 г.

17. Псалтырь и Новый Завет, Кутейнский монастырь, 1652 г.

18. Кормчая, Москва, 1653 г. Записи: 1) „Сия книга, глаголемая Кормчая, греческим языком Номоканон, славенски же закону Правила, града Синбирска соборныя церкви Живоначальныя троицы. Подписал той же соборныя церкви ключарь Косма Фотиев лета 7201(1693) иуния в 15 день, преплетал вновь по нем ключарь Владимир Феофилактон 1720 г.“. 2) На 38-й странице другим почерком: „К сему убо справлявал и четверки вкладывал Андрюшка Никитин“. Пониже подпись: 3) „Евтих Петров“. Из собрания А. Г. Лаптева.

19. Потребник, Москва, 1657 г. Записи: 1) На полях первых листов снизу: „Сия книга, глаголемая Потребник, чернова попа Пахомия“. 2) С 5-й страницы по листам: „Сия книга, глаголемая Потребник, города Вязников казанскаго Богородицкаго собора, а приложена священником Пахомием, а подписана того ж собора диаконом Алексеем Ивановым“. 3) С 22-й страницы по листам: „187(1679) году апреля в 30 день приложил сию книгу Требник вязниковец Евстафей Григорьев в церковь Николая Чудотворца в приходскую, что в Вязниках, за ево здравие бога молить, ево родители поминать“.

20. Евангелие, Москва, 1663 г. Внизу по листам с 14-й страницы запись: „186(1678) году февраля в 2 день по указу великого государя сия книга дана из приказа Большаго Дворца в Благовещенской монастырь, что в Вязниках“.¹

21. Творения Иоанна Златоуста, Москва, 1664 г.

22. Иоанна Златоуста Книга о священстве. Москва, 1664 г. По листам 1—42 запись: „Из книг Христарождественской церкви, что на Оружейной стороне, диакона Алексея Иванова, сына Сахорова, купленная июля 29 дня 1792 года, а подписанная того же года июля 31 дня собственноручно. А ныне я, сый священник, дарю сею книгою моего роднаго брата Тульскаго Спасопреображенскаго священника Петра Иванова Сахарова в день именин его 1811 года июня 12 дня, всех листов писанных (т. е., — подписанных) сорок два“, добавлено: „два листа“.

23. Беседы Златоуста на Матфея, II-я книга, Москва, 1664 г. Запись внизу на полях по страницам: „В лето 7317(1809) марта в 13 день

¹ Это Евангелие было описано — см.: В. Г. Добронравов. Благовещенский мужской монастырь в г. Вязниках. Владимир, 1906, стр. 79.

дана сия богодухновенная книга от надворного советника Ивана Иванова сына Скорнякова в Поморье пребывающим близ Студеного моря окиана пустынножителем святым отцам на вечное поминовение родителей моих, их же имена им известны“. Эта запись позднейшая вместо другой, зачеркнутой: „Сия книга Беседы от Матфея соборнаго старца неромонаха Киприяна Владиславлева“.

24. Григорий богослов и Василий великий, Беседы на Шестоднев, Москва, 1665 г.

25. Евангелие, Москва, 1677 г.

26. Патерик, Киев, 1678 г. Записи на полях: 1) „Сия книга, богоглаголемая Патерик Печерский, Устьянской Соденской волости Григорья Иванова сына Кузнецова, общая з дядей Семеном Кузнецовым. 2) „Сей Патерик Устьянской Соденской волости деревни Глазновской крестьянина Федора Петрова сына Кузнецова собственный свой, куплен у родственников Николая Прокопьева, Ивана, Михаила Григорьева детей Кузнецовых в 1784 году декабря 19 числа“.

27. Октоих, Москва, 1683 г.

28. Евангелие, Москва, 1685 г. Запись разными почерками по листам книги: „Сия книга святое евангелие Вознесенского девича монастыря старицы Марфы, уставщицы всего роду, старицы Варвары, церковницы Вознесенского монастыря“.

29. Евангелие, Москва, 1677 г. Запись: „Государь царь и великий князь Феодор Алексеевич Всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец, города Ярополча в церковь Живоначальные троицы и собор архистратига Михаила пожаловал сию книгу евангелие в 187(1678) году декабря в 6 день, как ево великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича, Всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца пришествие было в Вязники при попе Петре Васильеве сыне да при попе Козьме Иванове сыне“.¹

30. Евангелие, Москва, 1688 г. На обороте 1-й страницы запись: „Во 198(1690) году февраля в 3 день по их же великих государей указу сия книга Благовествования христова дана в соборную церковь пресвятые богородицы казанские, что в Ярополче в Вязниковской слободе“.²

31. Евангелие, Москва, 1688 г. Запись по листам: „Во славу и честь богу в троици единому создателю всяческих, аз, недостойный раб и создание его божие, Лукиян Филонович, на сей час войт Батуринский, с женою и с чадами своими за отпущение грехов, своим именем соорудивши сие честное и непорочное евангелие христова, надаю и поручаю со истинним изволением до храму святителя христова Николая в Батурине, за щасливое панования ясневелможного его

¹ Евангелие описано в „Историко-статистическом описании церквей и приходов“. Владимир, 1898, вып. 5, стр. 306. Запись на Евангелии здесь дана в сокращении.

² Это Евангелие описано в „Историко-статистическом описании церквей и приходов Владимирской епархии“, Владимир, 1898, вып. 5, стр. 299.

мил[ости] пана Иоанна Мазепы, войска Запорож[ского] гетмана, в лето от создания мира 7203, а от воплощения бога слова 1695. А хто бы мел помененную книгу от помененного храму ко своему пожитку отвалити, нехай проклят будет собором святых отец триста и осмна-дест, иже в Никее собравшиися, анафема и маранафа. Амен“.

32. Маргарит, Москва, 1698 г.

33. Жития святых, — сентябрь, Могилев, 1702 г.

34. Жития святых, 1705 г.

35. Бароний, Деяния церковная и гражданская, ч. I—II, Москва, 1719 г.

36. Евангелие, Москва, 1741 г. Запись по листам: „Книга святое евангелие приложила в Вязниковскую соборную церковь Пресвятые богородицы Казанския вдова Агрипина князь Потаповна по муже своем Петре Ивановиче Головкине в поминовение ево и прочих сродников, писан же тоя церквы в синодик.

Дано с евангелистами серебряными двадцеть деветь рублей февраля 2 дня 1743 года“.

37. Михаил Елчин, Политическая география, 2-я часть, СПб., 1761.

38. Евангелие, Москва, 1762 г.

39. Иоанн Златоуст, Поучения на евангелия, Вильна, 1772 г.

40. Поучения Кирилла Иерусалимского, Москва, 1784 г.

41. Евангелие, Москва, 1784 г.

42. Книга о вере, Гродно, 1785 г.

43. Амбодик Нестор Максимович. Физиология. СПб., 1787 г.

44. Левшин В. Словарь ручной натуральной истории, ч. I, А.—М. 1788 г.

45. Альфа и Омега, Супрасльская типография, 1788 г.

46. Канонник, Гродно, 1792 г.

47. Георгий Кедрин, История Нового завета, ч. I—II, Москва, 1794 г.

48. Житие Василия Нового, Почаев, 1794 г.

49. Каноник, Вильно, 1798 г.

3. СТАРОПЕЧАТНЫЕ КНИГИ МСТЕРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

1. Евангелие, Москва, 1627 г. По листам Евангелия позднейшая запись: „Сие священное евангелие существующее на престоле олтаревым церкви Богоявления господа бога и спаса нашего Иисуса Христа и Владимирския пресвятяя богородицы, что во Мстерской слободе, подписано грешнаго иерея рукою Петра Егорова 1820 года месяца генваря 28 дня, при всех тоя церкви священно и церковнослужителей“.

2. Евангелие, Москва, 1644 г. По листам запись: „Сия книга, глаголемая Евангелие напрестольное, чернаго дьякона Ионы Николы

чудотворца Угреского монастыря, дал сию книгу вкладу в дом к Николе чудотворцу на Перерву по своих родителях лета 7157(1648) году сентября в 18 день, при игумене Герасиме да при черном священнике Митрофане, да при старце Васьяне, да при старце Тарасии и при всей братии“.¹

3. Евангелие, Москва, 1644 г. С 14 стр. по листам запись: „Лета 7177 (1669) году февраля в 24 день сие Евангелие печатное обложено серебром и золотом с камнем дал боярин князь Василей Григорьевич Ромодановской в Стародубскую вотчину в Богоявленскую слободу в монастырь Богоявления господа бога и спаса нашего Иисуса Христа и Успения пресвятыя богородицы по деде своем по князь Петре Евфимие и по отце своем боярине князе Григорье Петровиче, иноке схим. Геннадие и по матери своей, по кнегине Ульяне Ивановне, и по своей душе и прочих родителей. А хто сие Евангелие от святаго Богоявления и Успения пресвятыя богородицы исхитит или отдаст кому и над теми будет страшный суд божий“.²

4. Евхологион, Киев, 1646 г. По листам запись почерком XVIII в.: „Сия книга, глаголемая Богоявленской церкви, а подписал по сему Потребнику дьячек Савелий Иванов достоверно“.³

5. Триодь цветная, Москва, 1648 г.

6. Евангелие, Москва, 1657 г.

7. Библия, Москва, 1663 г.

8. Книга житий святых (сентябрь, октябрь, ноябрь), Киев, 1689 г. Записи: 1) на обороте первого листа почерком XVIII в.: „Сия книга, глаголемая Богоявленской слободы“. 2) На последнем листе тоже позднейшая: „Сия книга, Четьи Минея глаголемая, Вязниковской округи Мстерской слободы церкви Богоявления господня церковная“.

9. Евангелие, Москва, 1748 г.

10. Евангелие, Москва, 1779 г.

11. Путешествие к святым местам Барского В. Г. Клинцы, 1788 г. Записи: 1) На обороте первого листа: „Сия книга села Дединова крестьянина Никиты Герасимовича сына Ротина купил в 1792 г. за год своая смерти, дал за нее 6 рублей“. 2) На стр. 803 тем же почерком: „Книга сия Герасима, сына моего Никиты Герасимова, сына Ротина, 1794 году генваря 10 дня преставися“. 3) Там же: „1800 года декабря куплена сия книга Фомою Ивановичем сыном Захаровым“.

г. Вязники, Владимирской области.

¹ Это Евангелие было описано И. А. Гольшевым, см.: И. А. Гольшев. Богоявленская слобода Мстера. Владимир, 1865, стр. 29—30. — Запись приведена здесь неточно и неполно.

² И. А. Гольшев, там же, стр. 19, 20.

³ Там же, стр. 25.

Ю. Н. ДМИТРИЕВ

Мелётовские фрески и их значение для истории древне-русской литературы

Двадцать пять лет тому назад, в 1925 г. в старой церкви псковского села Мелётово — прежнего погоста — К. К. Романов обнаружил несколько фрагментов фресковых росписей.¹

Погост стоял в древности на большой дороге из Пскова в Новгород и далее на Москву, у новгородского рубежа Псковской земли. В летописях Мелётово упоминается несколько раз в связи с различными событиями на границе. Его каменный храм во имя Успения богородицы, сохранившийся до наших дней, был построен в 1461 или в 1461—1462 гг.²

Следы стеной живописи обнаружались в разных местах здания в результате осыпания позднейших побелок и штукатурок стен. К. К. Романов мог видеть лишь небольшие фрагменты фресок, которые он тщательно описал и отчасти издал.³ Впоследствии участки росписи, освобожденные от позднейших наслоений, увеличились в результате небольшой расчистки, произведенной в 1933 г. Центральными Государственными реставрационными мастерскими. Все же открыта была только незначительная поверхность росписи, и судить о живописи можно было лишь в самых общих чертах. Но уже с открытием первых фрагментов было ясно, что мелётовская стенопись имеет важное историко-художественное значение и займет в истории древне-русской живописи совсем особое место.

Однако роспись находилась в плохом состоянии и разрушалась. Некоторые из фрагментов, о которых К. К. Романов писал как о хорошо сохранившихся, через двадцать-двадцать пять лет оказались частично или полностью утраченными. Поэтому осенью 1949 г. по инициативе автора этой статьи были осуществлены некоторые меро-

¹ К. К. Романов. Мелётово как источник истории Псковской земли. Пробл. ист. докапит. обл., № 9—10, 1934, стр. 143.

² Там же, стр. 143, 144.

³ Там же, стр. 144 и 148—153.

приятия по укреплению и сохранению фресок. Одновременно, в интересах дальнейшего исследования росписи, была продолжена расчистка живописи, что, кстати сказать, является одним из средств, способствующих ее сохранению. Обследование поверхности стен устанавливает, что, по отношению к целому, роспись уцелела лишь в небольшой своей части, причем, как показали расчистки, во многих случаях остались только фрагменты отдельных композиций или фигур.

Хотя еще не все сохранившиеся части росписи освобождены от слоев побелок и штукатурок, которые их закрывают, однако результаты работ 1949 г. были значительными не только в отношении площади вновь открытой живописи и прекрасной сохранности многих ее участков, но также и по важности того, что было обнаружено. Не говоря о художественных достоинствах фресок, научное значение их выходит за пределы истории древне-русской живописи. Некоторые изображения, впервые встречаемые в русском искусстве, дадут новый материал также и исследователям других областей культуры Древней Руси, в частности, они будут важны историку древне-русской литературы. В настоящей статье я хотел бы остановиться именно на этой стороне мелётовской росписи и обратить внимание на одну из фресок, главный интерес которой заключается в том, что на ней изображено, в частности, в ее сюжете. Но так как мелётовские фрески мало кому знакомы, а вновь открытые изображения и вовсе неизвестны, — необходимо предварительно дать некоторое представление о росписи в целом, о ее стилистических особенностях — в той мере, в какой о них можно судить по сохранившимся и расчищенным фрагментам.

* * *

Время, когда церковь Успения в Мелётове была украшена стеной живописью, устанавливается точно записями псковских летописей: работы по росписи храма начались в 1465 г.¹ и в том же году были окончены,² т. е., как обычно для того времени, роспись была выполнена в течение одного лета. Эти сведения, сообщенные летописями, дополняются надписью, помещенной в арках портала, обрамляющего западный вход в церковь. Она сделана в той же технике, что и живопись, и тем же почерком, что и тексты на некоторых фресках внутри здания, в частности на свитках святителей, изображенных в алтаре. Надпись издавалась уже дважды, но оба раза с большими ошибками.³ Я привожу ее снова полностью.

Надпись, расположенная в две строки, сохранилась не полностью: начало и конец каждой строки утрачены. В ней говорится следующее

¹ Полное собрание русских летописей, т. IV, стр. 229.

² Псковские летописи, вып. I. Подготовил к печати А. Насонов. М.—Л., 1941, стр. 71.

³ В. А. Богусевич. Мелётовская надпись. Пробл. ист. докапит. общ. № 7—8, 1934, стр. 166—168; К. К. Романов, ук. соч., стр. 153, 154.

(в прямые скобки поставлены утраченные места, восстанавливаемые по смыслу):

„[Лѣта 6973 г. подписана бысть ц]рквь си и притвор сѣи повелѣнем рабъ бжихъ старость храма стѣи бца... || ... Захарьниа (так!) Путкова псковьского посадника и Іакова Іунова¹ (так!) Кротова псковьского [посадника]...“.

Из двух имен, названных надписью, имя Якова Ивановича Кротова хорошо известно в истории Пскова: деятельность его как посадника освещается на протяжении четверти столетия (с 1461 по 1485 г.) многочисленными фактами, сообщаемыми летописями.² Я. И. Кротов — один из виднейших представителей господствующих слоев псковского общества второй половины XV в. Будучи посадником, Кротов являлся в то же время и главою всего псковского купечества в качестве „купецького старосты“ „всех рядовичъ купцов“.³ Этот псковский патриций был, следовательно, одним из крупнейших купцов Пскова. Вместе с тем он представлял собою, повидимому, также и крупного землевладельца. То обстоятельство, что Путков и Я. Кротов являлись старостами мелетовской церкви, говорит о их прочной — и, конечно, хозяйственной — связи с Мелетовым. Эту связь естественно видеть в земельных владениях, а не в торговых делах, как думал К. К. Романов,⁴ так как Мелетово не было таким центром, который мог стать средоточием постоянных и значительных торговых операций псковского купца. Известно, что сыну Я. И. Кротова, Григорию Яковлевичу Кротову — также псковскому посаднику — принадлежала пустошь Кротова, находившаяся в „Прудцкой засаде“; этой пустошью он владел совместно с Иваном Кротовым:⁵ вероятно она была отцовским наследством.

Посадник Путков, имя которого в надписи не уцелело, в летописях не упоминается. Но в надписи Я. И. Кротов уступает ему первое место, что указывает на более значительное общественное (имущественное) положение Путкова по сравнению с этим крупным псковским купцом, землевладельцем, купеческим старостою и посадником.

Итак, роспись сделана „повелением“ двух псковских посадников, тесно связанных с Мелетовым и являвшихся старостами его храма.

Однако надпись, которая говорит об этом и которая сохранилась неполностью, может быть понята различно. Выражение „повелением раб божиих старост храма святой богородицы“ могло означать, что роспись сделана по заказу, на средства Путкова и Кротова. Именно так понимали надпись В. А. Богусевич, который ее открыл,⁶ и

¹ Следует читать Іуанова.

² Служебная биография Я. И. Кротова за указанные двадцать пять лет внимательно прослежена К. К. Романовым по летописям (ук. соч., стр. 154—156). •

³ Псковские летописи, 1, стр. 71.

⁴ К. К. Романов, ук. соч., стр. 156.

⁵ Сборник Архива Министерства юстиции М., 1904, стр. 185.

⁶ В. А. Богусевич, ук. соч., стр. 167.

К. К. Романов:¹ оба они видели в росписи „боярский заказ“. Но смысл надписи мог быть иным, и выражение „повелением... старост храма“ могло указывать на руководство, распоряжение делом, осуществленным по воле, на средства прихожан при том или ином участии обоих посадников. В самом деле, Мелётовская надпись сходна с летописной записью о другой работе, выполненной при участии Я. И. Кротова. В том самом году, когда расписывалась церковь Мелётова (т. е. в 1465 г.), в Пскове „избиша железом“ церковь во имя Веры, Любви, Надежды и Софии — патрональный храм псковских купцов. Сделано это было „повелением раба божия старосты купецкого Якова Ивановича Кротова и всех рядовичь купцов“.²

Сохранившаяся часть Мелётовской надписи и начальная часть летописного текста составлены в одних и тех же выражениях, вместе с тем ясно, что летопись назвала Я. И. Кротова, как главу, представителя купеческой организации. Следовательно, надпись портала могла иметь тот же смысл, что и летописная запись и говорит о том, что роспись выполнена „... повелением раб божиих старост храма святяга богородицы... Захарьина Путикова... и Якова Иванова Кротова... и всех прихожан“, причем такой смысл надпись могла иметь и в том случае, если в утраченном конце ее прихожане не упоминались, поскольку Путков и Я. Кротов названы как старосты храма, т. е. лица, возглавлявшие прихожан.

Было бы неосторожно, поэтому, подходить к изучению мелётовской росписи с убеждением, что это — непременно „боярский заказ“, особенно имея в виду некоторые ее стилистические свойства, объяснения которым следует, вероятно, искать не в „боярском заказе“, а в выражении интересов более широких общественных слоев. Следует, кстати, сказать, что значение „боярского заказа“ в развитии искусства Пскова было менее значительным, чем в Новгороде. В строительстве Пскова, например, большую роль играли различные объединения: уличан, прихожан и т. п.

* * *

После расчистки новых фрагментов мелётовских фресок, произведенной в 1949 г., ясно определились две различные манеры живописи, принадлежащие, повидимому, двум, а не более художникам. Фрагменты расположены в разных частях здания, и поэтому возможно, что эти два художника исполнили всю роспись. Хотя с XV в., вслед за изменениями стиля и содержания стенной живописи, роспись отдельной церкви стала выполняться уже не одним-двумя мастерами, как то было обычно в предшествующие века, а несколькими, однако при небольших размерах Мелётовского храма его стенопись могла быть сделана двумя лицами.

¹ К. К. Романов, ук. соч.

² Псковские летописи, 1, стр. 71.

Оба мастера работали в приеме так называемой „монохромной“ живописи, т. е. живописи, исполненной небольшим количеством красок (в данном случае, как и обычно — красно-коричневой, желтой, белой и — для фонов, а также некоторых теней — синей), при этом преобладает красно-коричневый цвет, и роспись производит впечатление одноцветной. В таком приеме сделаны несколько русских стенописей XIV в.: роспись Снетогорского монастыря под Псковом (1314 г.), ряд фресок Новгорода, в том числе стенопись церкви Спаса Преображения на Ильине улице, исполненная в 1378 г. Феофаном Греком. Однако русскому искусству „монохромная“ живопись была известна уже ранее, в XIII и в XII вв.

Один из двух авторов мелётовской росписи, фрески которого только теперь были обнаружены, оказался по манере письма поразительно близок к только-что названному Феофану Греку — одному из самых больших мастеров Древней Руси. Неожиданно из-под слоев побелки, удаленных реставраторами, открылись изображения, которые, казалось, могли бы находиться на стенах новгородской церкви Спаса на Ильине. Неожиданно это было потому, что мелётовские фрески отделены от новгородской росписи восемьюдесятью семью годами, т. е. без малого столетием, и шестьдесят лет отделяют их от последней упомянутой летописью работы Феофана, исполненной в Москве (роспись Благовещенского собора в Кремле, 1405 г.).¹ Вместе с тем женская голова, открытая с северо-западной части Мелётовской церкви, на арке под хорами, сходна почти до полного тождества с новгородскими фресками Феофана. Правда, отнюдь не все, что написано этим мастером Мелётова, в такой же степени близко к феофановским фрескам. Тип мужских лиц, например, у него совсем иной. Однако это — тип не псковского и не новгородского искусства, а искусства среднерусского. Более того, мужские головы мелётовских фресок нашего мастера, например в изображении „Уверения Фомы“ или „Омовения ног“, чрезвычайно близки к совершенно определенному произведению московской живописи начала XV в.: это — те же головы, что и на фресках Успенского собора во Владимире, написанных в 1408 г. Андреем Рублевым и Даниилом Черным, притом не только типы лиц, но и приемы исполнения остаются одинаковыми, насколько одинаковыми могут быть приемы исполнения у двух разных художников.

Происхождение автора мелётовских фресок неизвестно. Но откуда бы он ни был родом — искусство его сложилось не на псковской почве. С псковской школой живописи, обладающей очень своеобразными особенностями, оно ничем не связано. Как художник он принадлежит Средней России, Москве.

Нет ничего удивительного в том, что этот мастер оказался в Псковской земле. Мастерам, исполнявшим стенные росписи, и прежде и

¹ И. Э. Грабарь. Феофан Грек. Казань, 1922, стр. 4.

позднее приходилось совершать далекие путешествия в поисках работы или подражаясь на работу.

Второго участника работ по росписи Мелётовского храма следует признать псковским мастером: с одной стороны, его стиль не имеет ничего общего ни с новгородским, ни со среднерусским искусством, с другой — в его фресках можно отметить ряд типично псковских особенностей. Такими особенностями являются плоскостность композиции, характерная для несколько архаичного стиля псковской живописи,¹ проявляющееся в ней стремление к узорности, что нашло свое выражение, в частности, в орнаментальном обрамлении композиций, заменившем обычные гладкие красные полосы. Далее следует отметить „псковский“ тип некоторых лиц,² впрочем не столь сильно выраженный, как в других псковских памятниках, а также отдельные мелкие признаки, такие, например, как орнамент из крестиков с расширенными округленными концами, который можно найти уже в снетогорской росписи 1313 г.

Оба мастера имели в работе примерно равное значение: оба они расписывали как главные части здания, например алтарь, так и второстепенные.

Как было сказано, от росписи сохранилась только небольшая часть, а то, что уцелело, расчищено еще не полностью. Вместе с тем в числе немногих фрагментов стенописи, известных в настоящее время, находится ряд изображений, которые ни ранее, ни позднее не входили в состав русских росписей, притом изображений вообще редких в древне-русском искусстве или даже вовсе неизвестных в других его памятниках — не только в стенописях, но и в станковой живописи и миниатюре. В этом отношении мелётовская роспись (даже в той незначительной ее части, которая сохранилась и расчищена) отличается оригинальностью содержания — особенность характерная для Пскова: новизна, необычность сюжетов или их трактовки составляют одно из отличительных свойств его искусства, не раз возбуждавшего сомнения и недоумения современников — новгородцев и москвичей.

Подобные необычные изображения, подчас загадочные — поскольку содержание их остается неясным — есть у обоих мастеров. Это не противоречит тому, что было сказано о происхождении искусства первого из них, так как выбор тем мог принадлежать не художнику, а заказчику росписи. Однако в данном случае нас будут интересовать только несколько фресок второго мастера. Фрески эти имеют прямое отношение к псковской письменности, псковской литературе и дают новый материал для их истории.

В среднем отделении западной части здания мастер-пскович написал несколько композиций, иллюстрирующих легенды о богородице. Из них

¹ Ю. Н. Дмитриев. Древне-русское искусство (Путевод. по Русск. муз.). Л., 1939, стр. 34.

² Там же.

полностью или почти полностью сохранились две, от третьей же остался лишь небольшой фрагмент. Все три композиции расположены в одном ряду, образуя нижний пояс росписи. Две из них находятся на южной стене указанного отделения, над аркой, и составляют только часть фриза этой стены: другая часть его погибла. Третья композиция написана рядом с ними на западной стене, по левую сторону от входа. Возможно, что цикл иллюстраций к легенде состоял из большего числа изображений, продолжался по той же южной стене и переходил на противоположную, северную сторону указанной части здания.

Первая из сохранившихся композиций, находящаяся на южной стене, состоит из двух частей. Вверху, в середине, представлена богоматерь в сиянии; слева от нее стоит неизвестный святой, одетый в хитон и гиматий, быть может, апостол; справа — монах; оба обращены к богоматери. Внизу, в углу написаны тот же святой и тот же монах, взаимно обращенные один к другому. Изображение сопровождалось длинной, многострочной надписью, от которой осталось только несколько отдельных букв.

О содержании второй композиции, почти полностью утраченной, сказать ничего нельзя. Третья — находящаяся на западной стене — привлекает особое внимание. Она также распадается на две части. Вверху ее изображено ложе с лежащей женщиной. На женщине — белая рубашка с короткими рукавами; одеяло с шитой каймой не покрывает всего тела, но оставляет открытыми обнаженные ноги и подол рубашки. Позади ложа стоит богоматерь, склоненная к лежащей; левая рука богоматери поднесена к груди, тогда как положение правой неясно, быть может ее не было видно. Скорбная поза этой фигуры очень выразительна. Внизу представлено следующее: в середине сидит музыкант, играющий на смычковом инструменте, слева (считая от зрителя) — толпа, состоящая из мужчин и женщин, справа — пляшущая женщина. Итак изображены два эпизода какого-то рассказа: сцена праздника, веселия, пляски, относящаяся, надо полагать, к началу рассказа, и последующая сцена исцеления или явления богоматери некоей женщине. Надписей, поясняющих изображенное, не сохранилось, за исключением двух слов, отнесенных к одному из персонажей. Сюжет третьей композиции, так же как и первой, остается для меня невыясненным. Но об этих сюжетах мы будем говорить несколько позднее, теперь же обратимся к одной из фигур третьей фрески.

Художник, изображая бытовую сцену, сцену праздника, пляски, с особым интересом отнесся к музыканту. Он выделил последнего композиционно, сделал его фигуру центральной, посадил очень торжественно на седалище, напоминающее престол, т. е. представил этого музыканта сходно, например, с царем Давидом, который изображался играющим на гуслях, сидя на троне, подобном по форме седалищу мелетовской фрески. Повидимому, привычный образ библейского царя-псалмопевца послужил образцом автору композиции. Но музыкант

мелётовской фрески — лицо иного рода. По сторонам его головы сохранилась надпись, состоящая из двух слов и поясняющая — кто здесь изображен. Слева стоит слово „АНТЬ“, — это имя или часть имени музыканта, справа написано: „СКОМОРОХ“.

Итак, на мелётовской фреске мы находим едва ли не первое и единственное до XVII в. изображение скомороха в русской живописи. Это придает ей особый интерес и значение. Следует вспомнить, конечно, фигурки музыкантов-гуслиров, включенные в контур заглавных букв русских рукописных книг XIV—XVI вв. или изображенные на серебряных широких браслетах XII—XIII вв. Однако подобные орнаментализованные изображения схематичны, условны, и не могут идти в сравнение с живописным изображением мелётовской фрески, реалистичным, если не по стилю, то по точности передачи подробностей. Известна также миниатюра так называемой „Кенигсбергской“ летописи с изображением играющих на различных инструментах и пляшущих людей.¹ Но нельзя быть уверенным, что миниатюрист представил здесь профессиональных скоморохов, так как рисунок иллюстрирует рассказ летописи об обычаях радимичей, вятичей и северян, у которых „брацы не бывают“, но „игрища меж сел“ и „тоу оумыкаху жены себе“. Что касается музыкантов, акробатов и танцоров росписи (XI в.) лестниц Киево-Софийского собора, то изображения эти написаны не русским мастером, воспроизводят они не русский быт, и их нельзя рассматривать, как изображение русских скоморохов, что обычно делается.

Но можно ли сказать, что автор мелётовской фрески изобразил русского скомороха, а не повторил — как это часто бывало в искусстве средневековья — готовую композицию, созданную где-нибудь не только вне Псковской земли, но и за пределами Руси вообще? На подобный вопрос ответить было бы легче, если бы можно было сравнить мелётовскую фреску с другими, не русскими иллюстрациями того же сюжета. Однако изображение скомороха само по себе, как я полагаю, содержит указания на его, скомороха, происхождение.

Скоморох представлен молодым, почти юношей, что соответствует наименованию „веселые молодцы“, которое дают скоморохам былины. У него длинные волосы, пышно лежащие на голове — обычная манера изображения мужской прически в русском искусстве XIV—XV вв. Одет он в длинную, подпоясанную рубашку, с круглым вырезом у ворота, узкие штаны и высокие сапоги, т. е. в типичную русскую одежду, распространенную среди различных общественных слоев и хорошо известную по миниатюрам. Иллюстрации Кенигсбергской летописи, являющиеся своего рода энциклопедией древне-русского быта, изображают в подобной одежде людей различных общественных слоев и профессий: и каменщиков, строящих храм, и княжеских слуг, и „убо-

¹ Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. Изд. Общ. люб. др. письм., СПб., 1902, л. 6 об.

гих“, т. е. нищих, и князей.¹ Одежда мелётовского скомороха отличает его от тех скоморохов византийского цирка, которые изображены в киевской Софии. На последних мы видим характерную „восточную“ тунику, подобранную у бедер: такую же, как и на многих других участниках различных цирковых сцен и сцен охоты, как в той же росписи лестниц Софийского собора, так и на иных византийских изображениях ипподрома и охотничьих эпизодов.² Еще в меньшей степени одежда мелётовского скомороха похожа на одеяния западно-европейских жонглеров, шпильманов и проч., облик которых передают многочисленные изображения.

Но если одежда нашего скомороха не отличается покроем от обычной русской одежды, то головной убор его своеобразен. Это — белая шляпа с большой тульей и с широкими, загнутыми вверх полями. Тулья украшена тремя горизонтальными цветными полосами с орнаментом — нашитыми или раскрашенными — и несколькими поперечными наверху, а сквозь поля шляпы продеты какие-то большие белые кольца. Русские головные уборы этого времени плохо известны, и потому трудно сказать, насколько необычна самая форма шляпы мелётовского скомороха. Столь причудливо расукрашенная, она, вероятно, представляла собою особый, скомороший наряд, подобный, например, тем раскрашенным шляпам, которые надевали „халдеи“, игравшие роль скоморохов в рождественские дни в Москве XVII в. Олеарий рассказывает, как эти „халдеи“ — „беспутные люди“ бегали по улицам города с потешными огнями, одетые „как масляничные шуты“, „с деревянными раскрашенными шляпами“.³

Что касается смычкового инструмента, на котором играет скоморох, то он изображен с примечательными подробностями. Инструмент имеет форму ромба с двумя выемками по сторонам и с грифом; при игре его держат опущенным. У него три струны, из которых средняя несколько длиннее боковых и потому натянута на грифе выше последних. Внизу струны закреплены посредством особого крючочка, который художник не упустил нарисовать; по середине же струны опираются на колодку. Смычек имеет прямую, а не луковидную форму, преобладавшую в средние века, в частности в Западной Европе; у него та особенность, что струна при игре натягивалась пальцами руки, располагавшимися между нею и стержнем смычка.

Все эти детали — различная длина струн, колодочка, верхнее и нижнее крепления струн, положение пальцев руки, растягивающих струну смычка — верны: они точно воспроизводят реальные подробности устройства средневековых смычковых инструментов и приемы игры на них.

Если бы автор фрески рисовал незнакомый ему инструмент с какого-

¹ Там же, лл. 6 об., 27, 42 об., 48, 60 об., 61 об., 84 и др.

² И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности, вып. 4. СПб., 1891, стр. 149 и сл.

³ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию. . СПб., 1906.

либо изображения, он никогда не передал бы перечисленные подробности с подобной точностью: упустил бы одни, ошибся в изображении других. Его точность говорит о том, что он отлично знал этот инструмент, иначе говоря, подобные смычковые инструменты были распространены, ими пользовались в среде, окружавшей художника. Возможно при этом, что на русской почве они имели местное, псковское распространение.

Итак, внешний облик скомороха, т. е. характер его одежды, с одной стороны, и точность изображения — с другой, свидетельствуют в пользу того, что художник представил на фреске того, кто был ему хорошо знаком — русского скомороха, или придал изображенному персонажу черты русского, быть может именно псковского, скомороха. Вместе с тем эта точность сообщает фреске значение очень ценного свидетельства.

Вот почему я хотел обратить внимание историка древне-русского фольклора и историка древне-русской музыкальной культуры на это единственное в своем роде изображение, заслуживающее изучения.

Думается, однако, что цикл композиций, в который входила фреска с изображением скомороха и от которого осталась еще одна композиция и фрагмент третьей, имеет для истории древне-русской литературы и другое значение.

Сюжеты этих изображений, как уже говорилось, остаются автору настоящей заметки неизвестными. Но несомненно то, что они заимствованы не из обычного для росписи храма источника: не из канонической церковной литературы и не из апокрифов о богородице, фактически получивших признание церкви и часто использовавшихся в церковных росписях. Фрески Мелётова иллюстрируют какие-то легенды о богородице. Про эти легенды можно сказать, что хотя они и сохраняли религиозный характер, однако не принадлежали к собственно церковной литературе, и их следует отнести к числу тех произведений — оригинальных или переводных, — которые создала потребность средневекового читателя в назидательном и занимательном чтении. Судя по фреске с изображением скомороха, эти легенды включали в себя черты быта, элементы жанра.

Насколько автор настоящей заметки осведомлен, в памятниках русской письменности XV в., а также и более поздних, не известны легенды, воспроизведенные в мелётовской росписи. Вместе с тем, для того, чтобы попасть на стены псковского храма, они должны были приобрести некоторую популярность в местной среде. Если это так, то фрески Мелётова приобретают важное значение для истории псковской литературы, еще мало изученной. Подобного рода легенды, создаваемые фантазией средневекового человека, представляли собою один из первых шагов, которые он делал на пути освобождения литературы и искусства от подчинявшей их церковности.

ХРОНИКА

Л. А. ДМИТРИЕВ

**Юбилей первого издания „Слова о полку Игореве“
(1800—1950 гг.)**

150-летний юбилей первого издания „Слова о полку Игореве“ был широко отмечен советской общественностью.

В Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Вильнюсе, Петрозаводске, Харькове и в других городах Советского Союза были проведены торжественные заседания и ученые советы научных учреждений, посвященные этому знаменательному событию в истории русской культуры.

11 декабря 1950 г. в Москве, в большом зале Московской консерватории состоялось торжественное заседание Академии Наук СССР, Союза советских писателей и Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, посвященное 150-летию юбилею первого издания „Слова“.

На заседании присутствовали ученые, писатели, работники искусств, представители общественности, студенты столицы. Заседание открылось вступительным словом президента Академии Наук СССР акад. С. И. Вавилова.

Акад. С. И. Вавилов подчеркнул большое культурное и воспитательное значение этого памятника древне-русской литературы в наши дни, художественное и идейное достоинство „Слова о полку Игореве“, любовь всех народов Советского Союза к гениальному произведению русского народа, сказав, что „Слово о полку Игореве“ является доказательством поразительной высоты древней русской культуры, могучей силы народного гения. Если современные «Слову» произведения западноевропейского эпоса, такие как «Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах» полны восторженных описаний кровавой борьбы рыцарей, графов и королей, наша поэма, напротив, выступает с гневным осуждением междоусобной борьбы русских князей“.

Поэт-переводчик „Слова о полку Игореве“ И. А. Новиков выступил с докладом на тему: „Героическая русская поэма XII века“. Член-корреспондент Академии Наук СССР В. П. Адрианова-Перетц рассказала в своем докладе „Слово о полку Игореве и русская народная

поэзия“ о связи „Слова“ с народным творчеством. Украинский поэт Максим Рыльский и белорусский писатель Михась Лыньков в своих выступлениях говорили о той большой роли, которую сыграло „Слово о полку Игореве“ в развитии искусства украинского и белорусского народов, и познакомили с новыми, принадлежащими им, переводами этого произведения.

О значении „Слова о полку Игореве“ для литератур народов СССР рассказал азербайджанский поэт Самед Вургун.

В заключение торжественного заседания состоялся концерт, на котором артистами Государственного Академического Большого театра Союза ССР и Московской филармонии были исполнены отрывки из „Слова о полку Игореве“ и фрагменты из оперы Бородина „Князь Игорь“.

Союз советских писателей, совместно с Центральным домом литераторов провел 13 декабря 1950 г. вечер, посвященный юбилею „Слова“. С докладом „Поэтическая ритмика «Слова о полку Игореве»“ выступил проф. Л. И. Тимофеев. Поэты-переводчики „Слова о полку Игореве“: Н. А. Заболоцкий, В. К. Звягинцева, И. А. Новиков, В. И. Стеллецкий, М. А. Тарловский, Л. И. Тимофеев, С. В. Шервинский и А. И. Югов выступили с чтением своих переводов „Слова“.

В заключение вечера солистами московских театров были исполнены отрывки из оперы „Князь Игорь“. В читальном зале Дома литераторов в дни юбилея была открыта книжная выставка, посвященная „Слову“.

29 декабря в Государственном Литературном музее в Москве состоялось открытое научное заседание, посвященное юбилею „Слова о полку Игореве“. После вступительного слова И. А. Новикова поэт С. В. Шервинский прочел отрывки из своего нового перевода „Слова о полку Игореве“.

8 и 9 декабря в Ленинграде, в большом конференц-зале Института русской литературы Академии Наук СССР (Пушкинский Дом) проходила научная сессия Отделения литературы и языка Академии Наук СССР и Института русской литературы, посвященная юбилею.

На заседании присутствовали академики — В. В. Виноградов, Н. С. Державин, И. Ю. Крачковский, И. И. Мещанинов, В. В. Струве, И. И. Толстой, В. Ф. Шишмарев; члены-корреспонденты Академии Наук СССР — В. П. Адрианова-Перетц, Е. С. Истрина, Д. И. Абрамович, М. П. Алексеев, Н. К. Пиксанов и др.; профессора, научные сотрудники и студенты вузов Ленинграда, представители общественности города, гости из Москвы, Ярославля, Новосибирска. Научную сессию открыл вступительным словом акад. В. В. Виноградов.

Отметив огромное значение „Слова о полку Игореве“ для развития русской культуры, остановившись кратко на истории изучения этого памятника русской филологической наукой, акад. В. В. Виноградов сказал о новых проблемах, вставших перед советскими учеными,

занимающимися изучением „Слова“, в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания.

После вступительного слова акад. В. В. Виноградова, с докладом об общественно-политических идеях „Слова о полку Игореве“ выступил проф. Д. С. Лихачев, охарактеризовавший исторические воззрения автора „Слова“, его представления о русской истории; его отношение к событиям XI—XII вв., патриотизм произведения, отражение автором интересов русского трудового народа, страдавшего от княжеских распрей.

В конце первого дня сессии был прочитан доклад действительного члена Академии Наук УССР Л. А. Булаховского: „Язык Слова о полку Игореве“.

9 декабря сессия продолжила свою работу. Второй день заседания открылся докладом члена-корреспондента Академии Наук СССР В. П. Адриановой-Перетц — „Слово о полку Игореве и русская народная поэзия“. В. П. Адрианова-Перетц показала, что близость „Слова о полку Игореве“ к народному творчеству нужно искать не в формальных сравнениях памятника с произведениями народного творчества, а в самом идейном содержании произведения. Истинную народность „Слова о полку Игореве“ мы видим в народности мировоззрения его автора, в близости идей и идеалов „Слова“ к народной идеологии той поры.

Профессор И. П. Еремин в своем докладе „«Слово о полку Игореве» и политическое красноречие Киевской Руси“ осветил вопрос о жанровом характере „Слова“.

В заключение второго дня сессии был прочитан доклад действительного члена Академии Наук УССР Н. К. Гудзия: „Итоги текстологического изучения первого издания «Слова о полку Игореве»“. В дни научной сессии в Литературном музее Института русской литературы была открыта выставка, посвященная „Слову о полку Игореве“ (см. ниже информацию о выставке О. А. Пини).

В связи с юбилеем, Институтом русской литературы АН СССР выпущены следующие книги: „Слово о полку Игореве“. Сборник исследований и статей под редакцией члена-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц (Издательство АН СССР, М.—Л., 1950, 478 стр.); „Слово о полку Игореве“ под редакцией члена-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Серия „Литературные памятники“ (Издательство АН СССР, М.—Л., 1950, 481 стр.); Д. С. Лихачев. „Слово о полку Игореве“. АН СССР Научно-популярная серия. (М.—Л., 1950, 161 стр.).

В дни юбилея „Слова“ в центральном лектории Ленинградского отделения Всесоюзного Общества по распространению научных и политических знаний и в Ленинградском дворце пионеров были прочитаны лекции о „Слове о полку Игореве“ сотрудниками сектора древне-русской литературы Института русской литературы АН СССР

чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц и проф. Д. С. Лихачевым. В Ленинградском Государственном университете в 1950 — 1951 учебном году читается проф. И. П. Ереминым специальный курс — „Слово о полку Игореве“. В Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина была открыта книжно-иллюстративная выставка, посвященная юбилею „Слова“. На ней были широко представлены многочисленные издания „Слова“, исследования, переводы памятника на языки народов СССР и стран народной демократии.

В Тбилиси, кафедрой русской литературы Тбилисского Государственного университета имени И. В. Сталина, было проведено открытое заседание, посвященное юбилею „Слова“.

После вступительного слова заведующего кафедрой, доц. В. С. Шадури, были заслушаны доклады: доц. М. Г. Байсоголова — „Великий памятник русской культуры“, доц. Г. И. Имедашвили — „Из комментария к «Слову о полку Игореве»“, доц. А. И. Чхеидзе — „К истории текста «Слова о полку Игореве»“ и асп. Т. П. Буачидзе — „Переводы «Слова» на грузинский язык“. Доклад доц. А. И. Чхеидзе был прочитан на грузинском языке.

В Государственной Публичной библиотеке Грузинской ССР имени Карла Маркса была экспонирована книжная выставка, посвященная изданиям и исследованиям „Слова“.

22 декабря в столице Литовской ССР — Вильнюсе, в зале заседаний Академии Наук Литовской ССР состоялось торжественное собрание институтов литературы и истории Академии Наук Литовской ССР и Союза советских писателей Литвы, посвященное „Слову о полку Игореве“. Торжественное заседание открыл директор Института литературы проф. К. Корсакас. С докладом об исторических корнях „Слова о полку Игореве“ выступил кандидат исторических наук И. Юргинис. О литературном значении памятника сделала доклад младший научный сотрудник института Л. И. Попова. После заседания артистами Государственного Драматического театра Литовской ССР и Вильнюсского русского драматического театра были прочитаны отрывки из „Слова“.

В Вильнюсском Государственном университете на историко-филологическом факультете было проведено совместное заседание литературных, языковых и исторических кафедр, посвященное „Слову о полку Игореве“. Прочтены были следующие доклады: проф. И. З. Ионинас „«Слово о полку Игореве» как памятник древне-русского патриотизма“, старшим преподавателем А. Л. Иоделене „«Слово о полку Игореве» как выдающееся произведение древне-русской художественной литературы“, доц. Г. Ф. Нефедовым „Язык «Слова о полку Игореве»“. Заседание состоялось 26 декабря 1950 г. Присутствовали студенты.

На кафедре русской литературы была организована выставка, посвященная „Слову о полку Игореве“.

В республиканской печати были напечатаны статьи: действ. чл. АН Литовской ССР проф. К. Корсакас: „Выдающийся памятник древней русской литературы“ (в еженедельной газете „Литература ир Мьянас“, 24 XII 1950, № 52) и канд. ист. наук И. Юргиниса: „Слово о полку Игоре́ве — величественный памятник древней русской культуры“ (в журн. „Пергале“, 1950, № 12); в республиканской газете „Литература ир Мьянас“ были опубликованы фрагменты перевода „Слова о полку Игоре́ве“ на литовский язык. Перевод „Слова о полку Игоре́ве“ на литовский язык сделан поэтом Балисом Сруогой.

Этот первый перевод „Слова о полку Игоре́ве“ на литовский язык Госиздат художественной литературы готовит в ближайшее время к изданию.

В республиканской газете „Тиесса“ 28 XII 1950 была напечатана статья зав. кафедрой русской литературы В. И. Кулешова „Слово о полку Игоре́ве — памятник древне-русского патриотизма“.

16 ноября 1950 г. в Институте истории, языка и литературы Карело-Финского филиала Академии Наук СССР в Петрозаводске состоялось заседание Ученого совета института, посвященное „Слову о полку Игоре́ве“.

После вступительного слова директора Института, кандидата исторических наук В. И. Машезерского были заслушаны доклады, прочитанные старшим научным сотрудником Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, кандидатом филологических наук В. В. Даниловым — „Слово о полку Игоре́ве — великий памятник русской литературы“ и младшим научным сотрудником Института истории, языка и литературы Карело-Финского филиала Академии Наук СССР К. В. Чистовым — „Слово о полку Игоре́ве“ и народное творчество“. Поэт Я. В. Ругоев рассказал о своей работе над переводом „Слова“ на финский язык и прочел отрывки из перевода, напечатанного полностью в газете на финском языке „Totuus“ от 15 ноября 1950 г. К заседанию Ученого совета была открыта выставка, посвященная „Слову о полку Игоре́ве“. В городах Карело-Финской ССР — Кемь и Беломорск были прочитаны научно-популярные лекции о „Слове“.

В Харькове в юбилейные дни состоялось торжественное собрание Ученого совета филологического факультета Харьковского Государственного университета им. А. М. Горького, посвященное „Слову“. На заседании были прочитаны доклады проф. Н. П. Жинкиной — „Слово о полку Игоре́ве“ и советская эпоха“ и доц. В. П. Невзоровой — „Синтаксис «Слова о полку Игоре́ве»“. В центральной научной библиотеке Университета была организована выставка книг о „Слове о полку Игоре́ве“. В городе были прочитаны публичные лекции на темы: „Слово» и советская поэзия“, „Слово» и наша современность“.

В столице Белорусской ССР — г. Минске — 11 декабря в Союзе писателей БССР был организован вечер, посвященный юбилею „Слова“. Доклад о „Слове о полку Игореве“ сделал кандидат филологических наук М. Ларченко. После доклада с чтением отрывков из „Слова о полку Игореве“ в переводе на белорусский язык выступили поэты П. Пестрак и А. Велюгин. Артист С. Станюта прочел „Слово“ в переводе Янки Купалы. В заключение вечера были исполнены сцены и арии из оперы Бородина „Князь Игорь“.

В газете „Літаратура і мастацтва“ были напечатаны статьи М. Лынькова „Бессмертное слово“ и М. Ларченко „Великий памятник литературы“.

Радиокомитет при Совете Министров БССР организовал передачу, посвященную „Слову о полку Игореве“.

В городе Ереване в Союзе писателей Армянской ССР состоялся вечер, посвященный юбилею. Вечер открыл вступительным словом председатель юбилейной комиссии — писатель С. Зорян. С докладами, посвященными „Слову о полку Игореве“, выступили — кандидат филологических наук Л. Айвазян, писатель Арази и преподаватель университета С. Егикян.

В Государственной Публичной библиотеке Армении им. А. Мясникяна была открыта книжно-иллюстративная выставка — „Слово о полку Игореве“.

В Ереванском Государственном университете им. В. М. Молотова был организован вечер, посвященный 150-летию юбилею первого издания „Слова о полку Игореве“.

Членами Общества по распространению научных и политических знаний Армянской ССР были прочитаны лекции о „Слове о полку Игореве“ в Ереване, Ленинакане и в районных центрах республики.

К юбилейным дням Госиздат Армении выпустил второе издание „Слова“ в переводе С. Вагуни.

В г. Риге — в Латвийском Государственном университете в декабре 1950 г. состоялось открытое заседание кафедры русской филологии. С докладом „«Слово о полку Игореве» — героический памятник прошлого русского народа“ выступил заведующий кафедрой проф. М. А. Яковлев. Писатель, лауреат Сталинской премии А. П. Григулис прочел доклад „«Слово о полку Игореве» в латышской литературе“. В конце заседания А. П. Григулис прочел отрывки из своего перевода „Слова“ на латвийский язык. В библиотеке филологического факультета Университета была открыта выставка, посвященная „Слову“. В Латвийском Государственном педагогическом институте, в г. Риге, было проведено заседание кафедры языка, посвященное 150-летию первого издания „Слова о полку Игореве“. Доклад на тему: „«Слово о полку Игореве» как памятник русского литературного языка старшей поры“ сделала заведующая кафедрой О. Г. Большакова. Анализ языка „Слова“ было посвящено несколько студенческих докладов, прочитанных на семинарах.

9 декабря в Клубе Союза советских писателей Латвии состоялся вечер, посвященный юбилею „Слова о полку Игоре“.

Вступительное слово произнес народный писатель, лауреат Сталинской премии Андрей Упит; доклад о „Слове“ прочел заслуженный деятель культуры, лауреат Сталинской премии А. П. Григулис. После торжественной части состоялся большой концерт, на котором были исполнены отрывки из „Слова о полку Игоре“ и сцены из оперы Бородина „Князь Игорь“.

В библиотеке имени Мисиня при Академии Наук Латвийской ССР была организована книжная выставка по материалам „Слова“.

На общегородской учительской конференции Риги проф. М. А. Яковлев прочел доклад „Слово о полку Игоре“ (к 150-летию первого издания).

Доклады и вечера, посвященные „Слову“, состоялись в школах Риги и других городов.

В периодической печати Латвийской ССР были напечатаны статьи о „Слове о полку Игоре“. В газете „Литература ун Максла“: Андрея Упита — „Бессмертное произведение русской литературы“, А. П. Григулиса — „Слово о полку Игоре“, фрагменты „Слова“ с комментариями и ряд статей в других газетах. В журнале „Карогс“ („Знамя“) была напечатана статья на латышском языке проф. М. А. Яковлева — „Слово о полку Игоре“.

В январе 1951 г. вышел отдельным изданием перевод „Слова о полку Игоре“ на латышский язык, сделанный лауреатом Сталинской премии писателем А. П. Григулисом.

В Таджикском Государственном университете, кафедрой русского языка и литературы, в связи с 150-летним юбилеем первого издания „Слова о полку Игоре“, был организован специальный семинар по языку „Слова“ для студентов III курса филологического факультета.

Студенткой III курса Пащенко в научном студенческом обществе сделан доклад „Языковые и фонетические средства для выражения героики и патриотизма в «Слове о полку Игоре»“.

В г. Кишиневе, в Молдавском Государственном театре, в декабре 1950 г. состоялся вечер, посвященный юбилею „Слова“. На вечере присутствовали ученые, учителя, представители общественных организаций, рабочие, служащие, учащиеся. В президиуме торжественного заседания — представители ЦК и Горкома КП(б) Молдавии, Горсовета, ученые, писатели, артисты. Доклад „«Слово о полку Игоре» — величайший памятник русской культуры“ сделал директор музея А. С. Пушкина Б. А. Трубецкой. Писатели читали отрывки из переводов „Слова“ на молдавский язык. После торжественной части состоялся большой концерт, в котором приняли участие симфонический оркестр Молдавской ССР, хоровая капелла „Дойна“, артисты молдавского и русского театров. Были исполнены фрагменты из оперы Бородина

„Князь Игорь“, отрывки из „Слова“, хоровая капелла „Дойна“ выступила с исполнением патриотических песен народов СССР.

В Черновицком Государственном университете 25 декабря 1950 г. состоялось объединенное заседание кафедр русской и украинской литературы, посвященное 150-летию первого издания „Слова о полку Игореве“. С докладами выступили: проф. Р. М. Волков — „Исследования «Слова о полку Игореве» в советское время“; ст. преподаватель С. И. Дегтярь — „Украинские переводы «Слова о полку Игореве»“; преподаватель А. С. Романец — „Отражение «Слова о полку Игореве» в украинской литературе“ и др. В фундаментальной библиотеке Черновицкого Государственного университета была открыта книжная выставка, посвященная юбилею „Слова“. В газете „Радянська Буковина“ и других газетах были напечатаны статьи, посвященные „Слову“.

В столице Мордовской АССР — г. Саранске, к юбилею „Слова о полку Игореве“, на заседании кафедры русской литературы Мордовского педагогического института им. А. И. Полежаева, доц. М. А. Петракеевым был прочитан доклад на тему: „«Слово о полку Игореве» — выдающийся памятник русского героического эпоса“. В местных газетах „Эрзянь Коммуна“ и „Мокшень Правда“ были напечатаны статьи кандидата филологических наук М. А. Петракеева, посвященные 150-летию юбилею первого издания „Слова“, на эрзя-мордовском и мокша-мордовском языках.

Под руководством кафедры русской литературы пединститута и мордовского отделения Союза советских писателей поэт Атянин перевел на мокшанский язык „Золотое слово“ Святослава, поэт Мартынов перевел на эрзянский язык „Плач Ярославны“. В дальнейшем намечен полный перевод „Слова о полку Игореве“ на мордовские языки. В Республиканской библиотеке им. А. С. Пушкина была организована выставка, посвященная „Слову“.

В г. Новосибирске в юбилейные дни в Педагогическом институте была проведена литературная конференция, посвященная „Слову о полку Игореве“. После вступительного слова заведующего кафедрой русской литературы И. Г. Парилова студентами Института были прочитаны доклады на темы: „Общественно-политические идеи «Слова»“ (студ. Григорьева), „«Слово» и народное творчество“ (студ. Воскобойников), „Поэтический язык «Слова»“ (студ. Фоменко), „«Слово» в поэзии, живописи и музыке“ (студ. Горюхина), „Значение «Слова» в русской и мировой поэзии“ (студ. Куклина). К конференции был выпущен бюллетень и организована книжная выставка.

В г. Калуге 19 декабря состоялось заседание кафедры русской литературы калужского Пединститута, посвященное „Слову о полку Игореве“. На заседании были прочитаны доклады: доц. Н. М. Элиаш — „«Слово о полку Игореве» и народная поэзия“, студентами литературного и исторического отделений — „Образы «Слова о полку Игореве» и «Слово о полку Игореве как исторический источник»“. Краеведче-

ский музей г. Калуги подготовил к юбилею „Слова о полку Игореве“ выставку.

В работе по сбору материалов и в подготовке экспонатов выставки приняли деятельное участие ученики школ г. Калуги и воспитанники калужских детских домов под руководством сотрудника Калужского музея М. Е. Шереметьевой; выставка вызвала большой интерес у посетителей музея.

В Севастополе, в Севастопольской морской библиотеке была открыта выставка, посвященная первому изданию „Слова“. На ней экспонировался экземпляр „Слова о полку Игореве“ в издании 1800 г., принадлежащий библиотеке.

В поселке Воронеже, Шосткинского района Сумской области, в колхозе „20 лет Октября“ состоялся литературный вечер, посвященный „Слову о полку Игореве“, организованный литературным кружком средней школы № 1. Доклад о „Слове о полку Игореве“ прочел преподаватель И. С. Абрамов, один из старейших ученых краеведов. Вечер закончился чтением отрывков из „Слова о полку Игореве“.

О торжествах, посвященных юбилею „Слова“, прошедших в Киеве ниже помещается отдельное сообщение.

О. А. ПИНИ

Выставка „Слово о полку Игореве“ в Литературном музее Института русской литературы АН СССР

8 декабря 1950 г. в Литературном музее Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР открылась выставка, посвященная 150-летию со времени выхода в свет первого издания „Слова о полку Игореве“.

Литературному музею на эту выставку предоставили свои материалы: Государственный Эрмитаж, Академия художеств, Институт истории материальной культуры АН СССР, Библиотека АН СССР, Театральный музей им. Бахрушина, Ленинградский театральный музей, Государственная Публичная библиотека, завод им. М. В. Ломоносова, артели народных художников Палеха, Холуя, Мстёры, Федоскина, Жостова.

Задачей выставки являлся показ замечательного памятника древнерусской литературы, выросшего на почве высокой культуры древней Руси и значения его для великой советской эпохи.

Вводный раздел выставки открывается большим текстом из передовой „Правды“, посвященной 750-летию юбилею „Слова о полку Игореве“:

„Русский народ вынес на своих плечах всю тяжесть борьбы с несметными ордами азиатских кочевников. Русская земля являлась как бы барьером, защищавшим Европу от опустошительных набегов печенегов, половцев, татар. В тяжелой борьбе с воинственными кочевыми племенами выковывался мужественный, стойкий характер русского народа, на протяжении всей своей многовековой истории героически отстаивавшего честь и независимость своей отчизны“.

„Правда“, 25 мая 1938 г.

Русской Земле—великому русскому народу—его труду посвящается вводный раздел, в котором представлены материалы из коллекций Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры: подлинные предметы ремесла XI—XII вв.—гончарные изделия, клейма русских мастеров, „русские замки“, которые славя-

лись за пределами Русской земли и вывозились в целый ряд стран. В витринах — орудия мирного сельского труда: серпы, коса, подсошник, топоры, образцы вооружения древне-русских воинов и кочевников: шлемы, мечи и сабли, наконечники для копий и стрел. На выставке также представлены подлинные предметы женских украшений XII в.: гривны, бусы из стекла и камня, ожерелье из сердолика и снимки золотых украшений с перегородчатой эмалью, изделий из бронзы. Снимки с образцов замечательной русской архитектуры XI—XII вв. — Дмитриевского собора во Владимире, дворца князя Андрея Боголюбского, церкви Покрова на Нерли, Софийского собора в Киеве, Софийского собора в Новгороде, церкви Спаса-Нередицы в Новгороде и других, — дают представление о высоком мастерстве русского зодчества эпохи, современной „Слову“.

На выставке представлены также снимки с образцов русской живописи XI—XII вв.: дошедшие до нас мозаики и фрески, которые говорят о том, что русские живописцы, внося в свои произведения элементы реализма, новые идеи, опережают западное искусство.

Представленные образцы русского народного искусства, ремесла и зодчества служат иллюстрацией к приведенным на выставке словам акад. Б. Д. Грекова о том, что „...красота и удивляющая глубина «Слова» — не чудо, а закономерность“.

Акварели советского художника А. Я. Мачерета изображают современные виды г. Путивля и других мест, связанных с событиями похода князя Игоря. На двух больших картах показан маршрут исторического похода на половцев в 1185 г. Раздел заканчивается показом древне-русских рукописей XII—XVI вв.

Второй — центральный раздел выставки — „Слово о полку Игореве“ — величайший художественный памятник“. Помещенные здесь тексты К. Маркса и В. И. Ленина раскрывают основной смысл и идею „Слова“:

„Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов“.

К. Маркс.

„Патриотизм — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств“.

В. И. Ленин.

В центре раздела, в раме, на красном бархате — первое издание „Слова о полку Игореве“. Книга раскрыта на титульном листе. Над книгой большой текст — цитата из „Слова“: „Загородите Полю ворота своими острыми стрелами за землю Рускую“.

В этих словах — забота автора о любимой Родине, призыв к защите мирного труда русского народа.

Специальный монтаж посвящен истории находки рукописи „Слова“: под гравюрой А. И. Мусина-Пушкина приведены его слова, рассказывающие о приобретении им в Спасо-Ярославском монастыре книг

„в числе коих в одной под № 323, под названием «Хронограф», в конце найдено «Слово о полку Игоре»“. Здесь же дано описание Мусиным-Пушкиным самой рукописи.

Начавшие „добираться до смысла“, первые переводчики и редакторы, подготовившие издание 1800 г., были известные архивисты А. Ф. Малиновский и Н. Н. Бантыш-Каменский; их портреты-гравюры помещены вместе с фотокопиями первой страницы текста „Слова“, перевода, сделанного Малиновским, и „екатерининской копии“. В особой витрине автограф перевода А. Ф. Малиновского.

Снимки с акварелей художников XIX в. И. Белоногова и И. Шарлеманя воспроизводят Спасо-Преображенский монастырь, где была обнаружена рукопись, и дом А. И. Мусина-Пушкина в Москве, на Разгуляе, где она погибла во время пожара 1812 года.

Первое печатное сообщение о находке рукописи „Слова“ еще до ее опубликования, было сделано поэтом М. М. Херасковым в 1797 г., и, в том же году, историком Н. М. Карамзиным. На выставке представлены гравированные портреты обоих; страница поэмы Хераскова „Владимир“, где в примечании впервые было сообщено о находке рукописи. Далее, показаны снимок с записи в псковском „Апостоле“ (1307), представляющей собой переделку места из „Слова о полку Игоре“, и издание Задонщины, где красным шрифтом выделены места, близкие, до точного повторения, к тексту „Слова“. Над книгой помещен текст: „В «Задонщине» лежит та же идея, что и в «Слове о полку Игоре» — утверждение единства государства и защита его от иноземных захватчиков“. Здесь же фотоснимок с листа рукописи Задонщины XVI в. с оценкой этого памятника К. Ф. Калайдовичем. В витринах представлены издания и исследования „Слова“, сделанные до Великой Октябрьской революции. Художественные образы и эпизоды „Слова“ иллюстрируются 12 акварельными копиями с миниатюр Радзивилловской летописи (все миниатюры сопровождаются соответствующими текстами из „Слова“), большой картиной В. М. Васнецова „После побоища Игоря Святославича с половцами“ (масло, 1880) (копия В. М. Гокло). Среди других произведений: эскиз А. П. Бубнова „Поход“ (1948 г., масло) — изображает степь, за холмом виднеются двинувшиеся в поход русские воины. На другой картине молодого ленинградского художника Д. П. Бучкина „В Путивле“ (1950, темпера) изображен древне-русский город, на городской стене видна жена Игоря Ярославна. Картина написана в мягких тонах и является оригинальной иллюстрацией к „Слову“.

Интересная сюита на темы „Слова“ выполнена гуашью другим ленинградским художником М. Ф. Грачевым; она является дипломной работой автора, окончившего в 1948 г. Академию художеств. На выставке представлены его картины: „Боян“, „Князь Игорь выступает в поход“, „Сеча“, „После битвы“. М. Ф. Грачеву особенно удался лирический образ Ярославны. Ярославна — наиболее поэтический образ

поэмы — вдохновлял многих художников прошлого и настоящего. На выставке представлен также „Плач Ярославны“ — офорт В. Матэ, сделанный по рисунку В. Шварца. Здесь же акварели художницы М. А. Рыбниковой (1940—1941 гг.) на темы „Слова“, стилизованные под древнерусские миниатюры.

В следующем разделе выставки „Образы и переводы «Слова» в русской литературе XIX в.“, — портреты известных писателей и поэтов прошлого века А. Н. Радищева, К. Ф. Рылеева, А. С. Грибоедова, А. Н. Островского, Н. М. Языкова, А. К. Толстого, которые использовали в своих произведениях образы „Слова“; портреты переводчиков И. И. Козлова, В. А. Жуковского, А. Н. Майкова, Л. А. Мея. Под портретами помещены отрывки из произведений, в которых использованы образы „Слова“ и отрывки поэтических переводов. Здесь же портрет Тараса Шевченко (литография П. Бореля), сделавшего перевод отрывков „Слова“ на украинский язык. Под портретом дан отрывок перевода. Специальный монтаж посвящен работе Пушкина над „Словом“. Под портретом Пушкина (гравюра Т. Райта) отрывки из письма А. И. Тургенева, писавшего брату о желании Пушкина „сделать критическое издание“ поэмы и отрывок из воспоминаний С. Шевырева, писавшего, что „«Слово о полку Игореве» Пушкин помнил от начала до конца наизусть и готовил ему объяснение. Оно было любимым предметом его последних разговоров“.¹ Здесь же помещены снимки с автографа статьи Пушкина о „Слове“ и перевода В. Жуковского с поправками рукою Пушкина. В витрине подлинные книги Пушкина, которые он собрал для работы над „Словом“; на некоторых следы работы поэта — пометы, подчеркивания.

В особой витрине собраны автографы Пушкина, автограф А. Вельмана — перевод „Слова“ и письмо к Пушкину, автограф перевода А. Майкова, В. Капниста, письмо В. Стасова о его работе над либретто оперы „Князь Игорь“ и самый проект либретто.

Известно, какое воплощение получило „Слово“ в музыке и театре. Замечательный русский композитор А. П. Бородин написал на сюжет „Слова“ оперу „Князь Игорь“. На специальном стенде портрет А. П. Бородина (гравюра В. Матэ). Эскизы декораций и костюмов (П. Андреева, И. Малютина, И. Рериха) к дореволюционным постановкам оперы, в том числе эскизы М. Бочарова к первой постановке оперы, осуществленной в 1890 г. в Мариинском театре в Петербурге. Экспонируются фотографии артистов — исполнителей партий оперы: Славиной, Шаляпина, Собинова и других. Следующий раздел выставки „Слово о полку Игореве и советская культура“. В больших витринах исследования о „Слове“ советских ученых — акад. А. С. Орлова, члена-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, Н. Гудзия, В. Ржиги, Д. Анайлова, Д. Лихачева, И. Еремينا и других.

Глубокий интерес в советскую эпоху вызвало „Слово“ у писа-

¹ Москвитянин, 1843, ч. 3, стр. 237.

телей и поэтов, создавших ценные переводы поэмы. На выставке представлены переводы И. Новикова, Н. Заболоцкого, А. Прокофьева, А. Югова, Г. Шгорма, В. Стеллецкого и др. Над переводами „Слова“ работают не только ученые и писатели. На выставке помещен перевод „Слова“ учащегося 7 класса Ленинградской школы — Германа Ионина.

Представлены многочисленные издания „Слова“, вышедшие в советское время. Среди них — роскошно оформленное издание с иллюстрациями палехского художника И. Голикова, выпущенное в 1934 г. по инициативе М. Горького. Большое место занимают переводы „Слова“ на украинский, белорусский, грузинский, армянский, казахский и другие языки братских республик. На стене — портреты Я. Купала, М. Рыльского и других переводчиков „Слова“.

Образы „Слова“ особенно близки народному искусству. Поэтому понятен тот интерес, какой проявляют к нему мастера народных живописных артелей. Помимо палешанина И. Голикова, написавшего целый ряд миниатюр на темы „Слова“, — на выставке даны три его работы, — интересные композиции-миниатюры на лаке созданы художниками И. Вакуровым (Палех), М. Чижовым (Федоскино), Н. Бабуриным (Холуй), И. Балакиным (Мстёра), Фомичевым (Мстёра) и другими. На 12 шкатулках и ларцах, экспонированных на выставке, изображаются различные эпизоды „Слова“: „Поход Игоря“, „Слово Игоря перед походом“, „Затмение“, „Игорь у половцев“, и образы Бояна и Ярославны. Эти работы, сделанные преимущественно в 1950 г. — к юбилею „Слова“, — представляют интереснейшее собрание, до сего времени нигде не выставывшееся.

На выставке экспонируются гравюры на дереве В. А. Фаворского (1950). Целая серия иллюстраций „Слова“ сделана художником Д. С. Мором. Его рисунки, как и работы И. Я. Билибина, В. К. Наумовой-Царевской, В. М. Свешникова, В. Кузьмина и других на темы „Слова“, заполняют этот раздел. Сюжеты „Слова“ еще много раз будут вдохновлять советских художников, но уже представленное на данной выставке говорит о том большом месте, которое занимает „Слово“ в советском изобразительном искусстве.

На стенде, посвященном советскому театру — эскизы декораций и костюмов советских постановок оперы в различных театрах страны, в том числе эскизы Ф. Ф. Федоровского, за которые он удостоен в 1941 г. Сталинской премии.

Большой любовью пользуется „Слово о полку Игореве“ в странах народной демократии. Сбылись слова Адама Мицкевича, сказавшего о „Слове“: „Читая эту поэму, каждый славянин испытывает ее очарование. Пока не изменится натура славянина, эту поэму будут всегда считать национальным произведением“. Многочисленные издания „Слова“, вышедшие на польском, чешском, сербском, болгарском языках, служат яркой иллюстрацией к словам великого польского поэта.

В центре витрины — чешское издание „Слова“, в переводе Ф. Кубки, вышедшее в Праге в 1946 г. и посвященное Советской Армии — освободительнице.

В дни 750-летнего юбилея поэмы в 1938 г. „Правда“ писала: „Всем народам Советского Союза «Слово о полку Игореве» дорого и близко, ибо в нем запечатлены высокие идеалы, озаряющие жизнь — любовь к родине, любовь к народу“.¹

В советской литературе, отражающей нашу действительность, глубоко развиты темы любви к Родине, патриотизм. Тема защиты мирного труда перед лицом внешней опасности, заложенная в замечательном литературном памятнике нашего далекого прошлого, особенно актуально звучит в наши дни. На выставке портреты Джамбула, М. Горького и В. Маяковского с отрывками из произведений, где говорится о любви к Родине, гордости за нее.

Завершает выставку бронзовый бюст вождя всех трудящихся И. В. Сталина, декорированный алым бархатом. Здесь приведены слова И. В. Сталина из его доклада 6 ноября 1943 г. о 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции: „Можно с полным основанием сказать, что самоотверженный труд советских людей в тылу войдет в историю, наряду с героической борьбой Красной Армии, как беспримерный подвиг народа в защите Родины“.

¹ Правда, 25 мая 1938.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

От редакции	3
<i>Слово о полку Игореве</i>	
(К 150-летию со времени выхода в свет первого издания)	
В. В. Виноградов. „Слово о полку Игореве“ и русская культура	11
Д. С. Лихачев. Общественно-политические идеи „Слова о полку Игореве“	17
Н. К. Гудзий. Судьбы печатного текста „Слова о полку Игореве“	31
Н. В. Шарлемань. Заметки натуралиста к „Слову о полку Игореве“	53
В. И. Стеллецкий. Перевод „Слова о полку Игореве“ Н. М. Карамзина	68
Ф. Я. Прийма. Зорнан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над „Словом о полку Игореве“	71

Статьи и исследования

В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—нач. XV в. и народная поэзия	95
И. У. Будовиц. Памятник ранней дворянской публицистики (Моление Даниила Заточника)	138
И. М. Кудрявцев. „Послание на Угру“ Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в.	158
Н. Н. Масленникова. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства	187
Д. С. Лихачев. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в.	218
М. Н. Тихомиров. Где и когда было написано „Слово о погибели Русской земли“	235

Материалы и сообщения

Д. С. Лихачев. Послание Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г.	247
М. О. Скрипиль. Повесть о Тимофее Владимирском	287
М. О. Скрипиль. Народная русская сказка в литературной обработке конца XVII — нач. XVIII в. („Повесть о купце, купившем мертвое тело“)	308
Д. С. Бабкин. Русская Риторика начала XVII в.	326
И. П. Еремин. „Декламация“ Симеона Полоцкого	354
В. И. Малышев. Отчет об археографической командировке 1950 г.	362
В. И. Малышев. Заметка о рукописных списках жития протопопа Аввакума. (Материалы для библиографии)	379

Н. П. Рождественский. Славяно-русские рукописи и старопечатные книги Вязниковского и Мстерского краеведческих музеев Владимирской области	392
Ю. Н. Дмитриев. Мелётовские фрески и их значение для истории древне-русской литературы	403
<i>Хроника</i>	
Л. А. Дмитриев. Юбилей первого издания „Слова о полку Игореве“ (1800—1950 гг.)	415
А. Назаревский, Б. Райзман, А. Титаренко. Празднование в Киеве 150-летия со времени напечатания „Слова о полку Игореве“ . .	424
О. А. Пини. Выставка „Слово о полку Игореве“ в Литературном музее Института русской литературы АН СССР	427
